№ 3
март
2026 г.

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

LAW and MANAGEMENT

scientific and legal journal

Ежемесячный аналитический научно-правовой журнал, посвященный актуальным вопросам гражданского, административного права,судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, а также правовому мониторингу гражданского законодательства в России и мире

Monthly analytical scientific and legal journal on topical issues of civil, administrative law, judicial power, law enforcement and human rights activities, as well as legal monitoring of civil legislation in Russia and the world

Председатель редакционного совета:
доктор юридических наук, профессор
Василий Васильевич Гущин
Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор
Светлана Анатольевна Иванова
Заместитель главного редактора:
доктор юридических наук, доцент
Марат Селирович Шайхуллин
Заместитель главного редактора по научному развитию:
Руслан Гандалоев
кандидат политических наук, доцент
Корректор:
Вера Ивановна Козлова
Компьютерная верстка и дизайн:
Марина Владимировна Горячева

Chairman of the Editorial Board:
doctor of law sciences, professor
Vasily Vasilievich Gushchin
Editor-in-Chief:
doctor of law sciences, professor
Svetlana Anatolyevna Ivanova
Deputy Editor-in-Chief:
doctor of law sciences, associate professor
Marat Selyovich Shaikhullin
Deputy Editor-in-Chief for Scientific Development:
Ruslan Gandaloev
candidate of Political Science, Associate Professor
Corrector:
Vera Ivanovna Kozlova
Computer layout and design:
Marina Vladimirovna Goryacheva

Учредитель и издатель:
Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-84981, ПИ № ФС77-46150 от 12 августа 2011 г.)
Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Адрес редакции (для писем): 111397,
г. Москва, Зеленый проспект, 22-302.
Home page: www.law.law-books.ru
E-mail: mail@law-books.ru

Founder and Publisher:
Publishing house «YURKOMPANI»

Registered with the Federal Supervision Service in communications, information technology and mass communications (EL Media Registration Certificate No. FS 77-84981, PN FS77-46150 dated August 12, 2011)
Included in the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and registered with the Scientific Electronic library e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Editorial address (for letters): 111397, Moscow,Green Avenue, 22-302.
Home page: www.law.law-books.ru
E-mail: mail@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Право и управление» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

When using published materials, the link to the magazine “Right and Control” is mandatory. Materials published in the journal can be placed in electronic legal databases and reference systems. All manuscripts sent are subject to mandatory review. The author of the manuscript is informed of the decision. The editorial opinion may not coincide with the opinion of the author.

Индекс подписки в каталоге «Пресса России» и «Библиотечном каталоге»: 46148

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **В.В. Гущин** – доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин
Российской государственной академии интеллектуальной собственности

Заместитель Председателя: **Р.М. Мырзалимов** - доктор юридических наук,
советник Председателя Верховного Суда Кыргызской Республики,
профессор кафедры административного права юридического факультета
Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына

Е.В. Богданов - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

А.П. Галоганов - доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.П. Камышанский - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Российского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

В.В. Комарова - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Российской Федерации Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В.В. Сангаджиев - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Ткачев - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

О.В. Химичева - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя

Л.А. Тхабисимова - доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея

EDITORIAL BOARD

Chairman: **V.V. Gushchin** - Doctor of Law, Professor, Department of Copyright, Related Rights and Private Law Disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property

Deputy Chairman: **R.M. Myrzalimov** - Doctor of Law, Advisor to the Chairman of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic, Professor, Department of Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University

E.V. Bogdanov - Scientific Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

A.V. Barkov - Doctor of Law, Professor, Department of Civil Law, Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia

A.P. Haloganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

V.P. Kamyshansky - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law of the Kuban State Agrarian University, Head of the Department of Civil Law and Process of the Institute of International Law, Economics, Humanities and Management named after K.V. Russian, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

V.V. Komarova - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)

V.V. Sangadzhiev - Academic Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the RUDN Law Institute

V.N. Tkachev - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

O.V. Khimicheva - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikotya

L.A. Tkhabisimova - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Consti ¬ Tutsionnaya and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political and Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.А. Иванова - председатель, главный редактор, доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН.

М.С. Шайхуллин - первый заместитель главного редактора, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем прав

Научная специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Е.Г. Багреева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

А.И. Глушков - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Л.Ю. Грудцына - доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН

И.В. Дойников - доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Р.А. Каламкарян - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

А.Н. Левушкин - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

Т.А. Сошникова - доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Г.Г. Шинкарецкая - доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

М.Д. Давитадзе - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Открытого гуманитарно-экономического университета

М.М. Дикажев - доктор юридических наук, доцент, профессор Ингушского государственного университета

Ю.В. Николаева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

Г.Б. Прончев - кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра химической физики им. Н.Н. Семенова Российской академии наук, действительный член Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва

В.Е. Усанов - доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова

Е.Н. Щербак - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного гуманитарного университета

Н.Д. Эриашвили - доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

Э.Г. Юзиханова - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России

EDITORIAL BOARD

S.A. Ivanova - Chairman, Editor-in-Chief, Doctor of Law, Professor,
Deputy First Vice-Rector for Academic and Methodological Work,
Professor of the Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, expert of the Russian Academy of Sciences.

M.S. Shaikhullin - First Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Rights Problems

Scientific specialty: 5.1.3. Private law (civil) sciences

E.G. Bagreeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation"

A.I. Glushkov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Law, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Academy of Intellectual Property," Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)," Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

I.V. Doinikov - Doctor of Law, Professor, Moscow City University of Management, Moscow Government

A.A. Dorskaya - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

R.A. Kalamkaryan - Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the International Legal Research Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Law of the Peoples' Friendship University of Russia

A.N. Levushkin - Doctor of Law, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice

T.A. Soshnikova - Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and Social Branches of Law, Moscow University of the Humanities

D.P. Strigunova - Doctor of Law, Associate Professor, Department of International and Integration Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

G.G. Shinkaretskaya - Doctor of Law, Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Scientific specialty: 5.1.4. Criminal Law Sciences

M.D. Davitadze - Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics the International Law Faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo Branch, Head of the Department of Criminal Law and Process of the Open Humanitarian and Economic University

M.M. Dikazhev - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Ingush State University

Yu.V. Nikolaeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation

G.B. Pronchev - Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Senior Researcher, Federal Research Center of Chemical Physics named after N.N. Semenov of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Russia, Moscow

V.E. Usanov - Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University Economics named after G.V. Plekhanov

E.N. Shcherbak - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Financial Law, Russian State University for the Humanities

N.D. Eriashvili - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology

E.G. Yuzikhanova - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Preliminary Investigation, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Содержание:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Виноградова Е.В. * Экологический конституционализм в системе обеспечения национальных интересов России в Арктике 15

Майстренко Г.А. * Искусственный интеллект как инструмент противодействие терроризму: проблемы и перспективы 18

Амиралиева А.Т. * О некоторых мерах, направленных на противодействие молодежному экстремизму в России на примерах республик Северного Кавказа 23

Захаров А.В. * Использование в российских реалиях ливийского опыта противостояния международным санкциям и односторонним ограничительным мерам в сфере использования иностранных объектов интеллектуальной собственности и укрепления технологического суверенитета страны 29

Бахчеев И.А. * Правовая политика в сфере обеспечения традиционных российских духовно-нравственных ценностей: результаты и перспективы реализации 35

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Солдатова В.А. * Проблемы защиты прав потребителей в современных условиях 40

Дмитриев Г.Г. * Внешние и внутренние условия формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних 44

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ И ИНЫЕ ВЕЩНЫЕ ПРАВА

Иванов С.В. * Предварительный договор купли-продажи недвижимых вещей 48

Тукачёв Д.А. * Недвижимость как объект сделки: особенности правового режима и основания недействительности договора купли-продажи 52

ПРАВО И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Эдгулов А.М. * Правовая природа правоприменительной ошибки 59

Искандаров Р.Р. * Пределы свободы воли в условиях несвободы. Феномен внутреннего побега 69

Сердюк А.Л. * Согласие субъекта данных как основание трансграничной передачи персональных данных 74

Маслов К.А. * Понятие и правовая природа внесудебных форм защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в современной правовой доктрине 79

Кильдигушев И.И. * Проблема дуализма организационно-функционального статуса органа дознания в органах внутренних дел 84

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

Кирсанова К.А. * Практика применения ст. 10 ГК РФ о злоупотреблении правом в корпоративных конфликтах: на стыке гражданского и корпоративного права 89

Барташевич Ю.А. * Корпоративные облигации как альтернатива банковскому кредитованию 95

ДОГОВОРНОЕ ПРАВО

Половко Р.А. * Принцип свободы договора в гражданском праве Российской Федерации 102

Шигарева В.А. * Конвалидация сделок с малолетними детьми 110

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО

Телибекова И.М. * Договор образовательного накопительного страхования в системе финансовых инструментов обеспечения оплаты образования: сравнительно-правовой анализ 115

Башаримов Ю.П., Разумовский В.Ю., Черных А.В. * Колледж как новая образовательная парадигма России. Местная правящая элита и «рабочий вопрос» 124

Лукашенко Д.В. * Совершенствование профессиональных компетенций руководителей образовательных организаций и педагогов-организаторов 131

Никуличева И.В., Багиров З.Р. * Индивидуальные образовательные траектории в высшем образовании: проблемы проектирования и реализации 136

Рясов А.А., Багиров З.Р. * Проблемы подготовки профессорско-преподавательского состава в области раскрытия и расследования преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий 141

Вилкова А.В., Фиалковская Е.В. * Специфика научного творчества, особенности науки как социального института 146

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Кочаровский Д.С. * Правовая реализация личных и имущественных прав супругов при расторжении брака: проблемы правоприменения и судебная практика 151

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Бажанов С.А., Пырченкова Г.С. * Восстановительное правосудие 155

Тришина Е.Г. Мишкина М.Д. * Проблемы исчисления срока исковой давности в практике высших судов Российской Федерации: неразрешенные коллизии 161
Федотова А.А. * Перспективы сближения подходов к использованию специальных знаний в доказывании в уголовном и цивилистическом процессах 168
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА
Ермолаев В.Г., Дудаев А.Б. * Формы и методы административной деятельности полиции при выполнении оперативно-служебных задач 175
Харебов Г.З. * Административная деятельность полиции: от юрисдикционной модели к сервисно-цифровой парадигме 179
Канокова Л.Ю., Федулов Б.А. * Особенности действий сотрудников полиции при оказании помощи населению в чрезвычайных ситуациях 183
Омелин В.Н. * О соответствии наименований оперативно-розыскных мероприятий их содержанию 188
Викторов А.Ю., Орлова Д.А., Петрова Е.А. * Административно-правовые аспекты использования средств аудиовизуального контроля (носимых видеорегистраторов) при оценке правомерности применения огнестрельного оружия 193
ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА
Искандаров Р.Р. * Феноменология тюрьмы: конституирование идентичности осужденного в пространстве между телом и институцией 197
Тхазеплов Т.М. * О некоторых вопросах соотношения уголовно-правовых предписаний в рамках противодействия преступности 202
Бычков С.Н., Дмитренко П.А. * Искусственный интеллект как признак объективной стороны преступлений нормативное закрепление в уголовном законе и особенности квалификации 205
Тищенко Ю.Ю., Вилкова А.В. * Снятие судимости: перспективы законодательного совершенствования 210
ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
Исмаков Е.В. * Проблемы терминологии и классификации беспилотных транспортных средств в российском законодательстве: предложения по унификации 216
Барташевич Ю.А. * Тенденции развития правового регулирования эмиссии ценных бумаг в условиях цифровизации финансового рынка 222
Ефимова О.В., Пивоваров А.А. * Классификация правовых последствий признания решения о реорганизации юридического лица недействительным 227
Карпова В.А., Махарадзе Н.С. * Обеспечение иска о выселении: гарантия для наймодателя или инструмент давления на нанимателя? 233
Галишников О.А. * Механизм гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации в российском праве: проблемы теории и правоприменения 238
Лагаев О.С. * Сальдирование как способ прекращения договорных обязательств 242
ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ
Хамгоков М.М. * Противодействие экстремизму и терроризму в объективных информационных реалиях современности 247
Федина Л.М., Тамбиев С.А. * Краткая характеристика и тенденции развития преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в России 250
Ваняшин И.С., Волков П.А., Петрова Е.А. * Правомерность и тактика применения огнестрельного оружия сотрудниками патрульно-постовой службы полиции при пресечении преступлений: анализ следственной и судебной практики 254
Искандаров Р.Р. * Тюремное сообщество как «коллективный невроз»: социальная аномия и патология коммуникации в замкнутых группах 259
Магомедова А.М., Акаева А.А., Гасанова Ш.А. * Уголовная ответственность за понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ): проблемы законодательной регламентации и правоприменения 264
Грознова Д.Д. * Объективные признаки преступлений, совершенных с публичной демонстрацией: проблемы теории и практики 271
Переверзев М.М. * Взаимодействие следователя и эксперта при назначении и производстве судебной экспертизы по установлению возможности выстрела из оружия без нажатия на спусковой крючок 277
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
Ковалев О.Г. * Правовые основы соблюдения прав подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы при их переводе в изоляторы временного содержания органов внутренних дел 282

Гаужаева В.А., Морозов В.А. * Полиграф в российском уголовном процессе: проблема доказательственного значения и процессуальной регламентации 288
Ковалев О.Г. * Правовые и психолого-педагогические особенности организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы 294
Искандаров Р.Р. * Синдром отмены тюрьмы: аддикция к институциональной регламентации как причина рецидива 300
Тищенко Ю.Ю. * Судебное разбирательство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних 304
Полякова Я.Н. * Работа психолога в исправительном учреждении 310
Ковалев О.Г. * Порядок реализации права подозреваемых и обвиняемых на предоставление телефонных разговоров с родственниками и иными лицами в условиях следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы 315
Кашкина Е.В. * Социально-психологический портрет осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях общего режима 322
Лукашенко Д.В., Мешкова Л.В. * Профилактика профессиональной деформации в УИС 326
Полякова Я.Н. * Модель мотивации эффективного исполнения сотрудниками УИС должностных обязанностей 331
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
Ряпухина И.А., Черных В.В. * Административно-правовые гарантии безопасности сотрудника органов внутренних дел при применении огнестрельного оружия: проблемы тактической реализации 335
Викторов А.Ю., Довгань Е.А., Шарлова М.Н. * Проблемы правоприменения части 1 статьи 20.25 КоАП РФ сотрудниками патрульно-постовой службы полиции 340
Ваняшин И.С., Пшеуч Б.Х. * Противодействие экстремизму на уровне патрульно-постовой службы. Профилактика и пресечение деструктивного контента в сети интернет 346
Рудко И.В., Бондаренко Е.С. * Актуальные вопросы совершенствования взаимодействия полиции с другими правоохранительными органами и силовыми структурами при выполнении оперативно-служебных и служебно-боевых задач в особых условиях 351
ДИСКУССИЯ
Аникина Д.И. * Роль информационных технологий в современном обществе 355
Гаужаева В.А., Антонов Я.А. * Подходы к оформлению результатов психофилиологических исследований с применением полиграфа 359
Ковалев О.Г. * Правовая характеристика принципов службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации 363
Александрова Н.А., Сенникова С.Э. * Управление социально-психологическим климатом коллектива строительной организации 368
Валевская А.А. * Внедрение системы комплекс-контроля: проблемы и перспективы 373
МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО
Хамитова Г.М. * Риски при оказании неотложной помощи и юридическая защита медицинских работников 378
КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ
Майстренко Г.А. * Новые тенденции в борьбе с киберпреступностью в Российской Федерации 381
Далелов М.Л. * Преступления, совершаемые в сфере компьютерной информации как особый вид противоправных деяний 385
Гонышев М.А. * Правовая ответственность за создание, распространение и использование дипфейков и синтетических голосов в условиях развития технологий искусственного интеллекта 388
ЦИФРОВОЕ ПРАВО
Аникина Д.И. * Правовые аспекты использования искусственного интеллекта 395
Проничева Е.А. * Особенности возложения гражданско-правовой ответственности за действия искусственного интеллекта. 399
Тащилин Р.И. * Цифровое внедрение как фактор лидерства в развитии органов государственной власти и конкурентное преимущество российской правовой системы на международной арене 406
ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
Кашкина Е.В. * Информационная теория эмоций П. В. Симонова 411
Петухова Ж.П. * Приостановление следствия в период подготовки Уголовно-процессуального кодекса РФ: историко-правовой анализ 415
Соколов А.Н. * Формирование института обстоятельств, исключающих преступность деяния, в период Российской Империи 420

Contents:

POLICY AND LAW

Vinogradova E.V. * Environmental constitutionalism in ensuring Russia's national interests in the Arctic . . . 15

Maistrenko G.A. * Artificial intelligence as a counter-terrorism tool: problems and prospects 18

Amiralieva A.T. * On some measures aimed at countering youth extremism in Russia, using the example of the north Caucasus Republics 23

Zakharov A.V. * The use of libya's experience in countering international sanctions and unilateral restrictive measures in the sphere of foreign intellectual property utilization, as applied to russian realities, and for strengthening the country's technological sovereignty 29

Bakhcheev I.A. * Legal policy in the field of ensuring traditional russian spiritual and moral values: results and prospects for implementation 35

HUMAN RIGHTS AND HUMAN RIGHTS ACTIVITIES

Soldatova V.A. * Problems of consumer rights protection in modern conditions 40

Dmitriev G.G. * External and internal conditions for the formation of spiritual and moral values of minors . . 44

TITLE AND OTHER PROPERTY RIGHTS

Ivanov S.V. * Preliminary agreement for the sale of immovable property 48

Tukachev D.A. * Real estate as an object of transaction: features of the legal regime and grounds for invalidity of the purchase and sale agreement 52

LAW AND ENFORCEMENT

Edgulov A.M. * The legal nature of the enforcement error 59

Iskandarov R.R. * The limits of free will in conditions of unfreedom. The phenomenon of inner escape . . . 69

Serdyuk A.L. * Consent of the data subject as a ground for the cross-border transfer of personal data . . . 74

Maslov K.A. * The concept and legal nature of extra-judicial forms of protection of the rights of business entities in modern legal doctrine 79

Kildigushev I.I. * The problem of the dual organizational-functional status of the inquiry agency within internal affairs bodies 84

CORPORATE LAW

Kirsanova K.A. * Art practice 10 civil code on abuse of law in corporate conflicts: at the junction of civil and corporate law 89

Bartashevich Yu.A. * Corporate bonds as an alternative to bank lending 95

CONTRACT LAW

Polovko R.A. * Principle of freedom of contract in civil law of the Russian Federation 102

Shigareva V.A. * Convalidation of transactions involving minors 110

EDUCATION AND LAW

Telibekova I.M. * Educational accumulative insurance contract in the system of financial instruments to ensure payment for education: comparative legal analysis 115

Basharimov Yu.P., Razumovsky V.Yu., Chernykh A.V. * College as a new educational paradigm in Russia. The local ruling elite and the "working question" 124

Lukashenko D.V. * Improvement of professional competencies of heads of educational organizations and teachers-organizers 131

Nikulicheva I.V., Bagirov Z.R. * Individual educational trajectories in higher education: problems of design and implementation 136

Ryasov A.A., Bagirov Z.R. * Problems of teaching staff training in the field of disclosure and investigation of crimes related to the use of information and telecommunication technologies 141

Vilkova A.V., Fialkovskaya E.V. * Specificity of scientific creativity, peculiarities of science as a social institution 146

FAMILY LAW

Kocharovskiy D.S. * Legal conflicts in the implementation of property and personal non-property rights of spouses during divorce: judicial practice and development 151

JUDICIAL POWER AND PROCEEDINGS

Bazhanov S.A., Pyrchenkova G.S. * Restorative justice 155

Trishina E.G., Mishkina M.D. * Problems of calculating the period of limitated liability in the practice of the higher courts of the Russian Federation: unresolved collisions 161

Fedotova A.A. * Prospects for convergence of approaches to the use of special knowledge in evidence in criminal and civil proceedings 168

LAW ENFORCEMENT AND ADVOCACY
Ermolaev V.G., Dudaev A.B. * Forms and methods of police administrative activities in carrying out operational and service tasks 175
Kharebov G.Z. * Police administrative activities: from a jurisdictional model to a service-digital paradigm . . . 179
Kanokova L.Yu., Fedolov B.A. * Peculiarities of actions of police officers when providing assistance to the population in emergency situations 183
Omelin V.N. * On the correspondence of the names of operational and search activities to their content . . 188
Viktorov A.Yu., Orlova D.A., Petrova E.A. * Administrative and legal aspects of the use of audiovisual control means (wearable video recorders) in assessing the legality of the use of firearms 193
CRIMINAL LAW THEORY
Iskandarov R.R. * Prison phenomenology: constitutionalizing convict identity in the space between body and institution 197
Tkhazeplov T.M. * On some issues of correlation of criminal regulations in the framework of combating crime 202
Bychkov S.N., Dmitrenko P.A. * Artificial intelligence as a sign of the objective side of crimes: normative consolidation in criminal law and qualification features 205
Tishchenko Yu.Yu., Vilkova A.V. * Criminal record expungement: prospects for legislative improvementc . . 210
CIVIL LAW ISSUES
Ismakov E.V. * Problems of terminology and classification of unmanned vehicles in russian legislation: proposals for unification 216
Bartashevich Yu.A. * Trends in the development of legal regulation of securities issuance in the context of financial market digitalization 222
Efimova O.V., Pivovarov A.A. * Classification of legal consequences of invalidating a decision to reorganize a legal entity 227
Karpova V.A., Makharadze N.S. * Security of the removal claim: guarantee for the landlord or a tool for pressing the tenant? 233
Galishnikov O.A. * The mechanism of civil protection of honor, dignity and business reputation in russian law: problems of theory and law enforcement 238
Lagaev O.S. * Balancing as a way to terminate contractual obligations 242
CRIME AND PUNISHMENT
Khamgokov M.M. * Countering extremism and terrorism in the objective information realities of today . . . 247
Fedina L.M., Tambiev S.A. * A brief description and trends in the development of crimes committed using information and telecommunication technologies in Russia 250
Vanyashin I.S., Volkov P.A., Petrova E.A. * Legality and tactics of the use of firearms by police patrol and post service officers in crimes suppressing: analysis of investigative and judicial practice 254
Iskandarov R.R. * Prison community as “collective neurosis”: social anomie and pathology of communication in closed groups 259
Magomedova A.M., Akayeva A.A., Gasanova Sh.A. * Criminal liability for coercion to sexual acts (article 133 of the criminal code of the Russian Federation): problems of legislative regulation and law enforcement . . 264
Groznova D.D. * Objective signs crimes committed with public demonstration: problems of theory and practice 271
Pereverzev M.M. * Interaction between the investigator and the expert in the designation and performance of a forensic expertise to establish the possibility of a weapon shot without pressing the trigger 277
CRIMINAL PROCEDURE
Kovalev O.G. * The legal basis for the observance of the rights of suspects and accused persons detained in pre-trial detention facilities of the penitentiary system when they are transferred to temporary detention facilities of internal affairs bodies 282
Gauzhaeva V.A., Morozov V.A. * The polygraph in russian criminal proceedings: the problem of evidentiary value and procedural regulation 288
Kovalev O.G. * Legal and psychological-pedagogical features of the organization of educational work with persons sentenced to imprisonment 294
Iskandarov R.R. * Prison cancellation syndrome: addiction to institutional regulation as a cause of recidivism 300
Tishchenko Yu.Yu. * Criminal proceedings against minors 304
Polyakova Ya.N. * Work of a psychologist in a correctional institution 310
Kovalev O.G. * The procedure for exercising the right of suspects and accused persons to provide telephone conversations with relatives and other persons in pre-trial detention facilities of the penal system 315

Kashkina E.V. * Socio-psychological portrait of convicts serving sentences in general regime correctional institutions 322
Lukashenko D.V., Meshkova L.V. * Prevention of occupational deformation in MIS 326
Polyakova Ya.N. * Motivation model for effective performance of duties by UIS employees 331
ADMINISTRATIVE LAW
Ryapukhina I.A., Chernykh V.V. * Administrative and legal guarantees of the security of a law enforcement officer when using firearms: problems of tactical implementation 335
Viktorov A.Yu., Dovgan E.A., Sharlova M.N. * Problems of law enforcement of part 1 of article 20.25 of the code of administrative offenses of the Russian Federation by the patrol and post service of the police . . . 340
Vanyashin I.S., Psheuch B.Kh. * Countering extremism at the patrol and post service level. Preventing and combating destructive content on the internet 346
Rudko I.V., Bondarenko E.S. * Topical issues of improving the interaction of the police with other law enforcement agencies and law enforcement agencies when performing operational and combat missions in special conditions 351
DISCUSSION
Anikina D.I. * The role of information technologies in modern society 355
Gauzhaeva V.A., Antonov Ya.A. * Approaches to presenting the results of psychophiliological research using a polygraph 359
Kovalev O.G. * Legal characteristics of the principles of service in the penal system of the Russian Federation 363
Aleksandrova N., Sennikova S. * Managing the social and psychological climate of the team of a construction organization 368
Valevskaya A.A. * Implementation of the complex control system: problems and prospects 373
MEDICAL LAW
Khamitova G.M. * Risks in providing emergency care and legal protection of medical workers 378
CYBERCRIME
Maistrenko G.A. * New trends in the fight against cybercrime in the Russian Federation 381
Dalelov M.L. * Crimes committed in the sphere of computer information as a special type of unlawful acts 385
Gonyshev M.A. * Legal responsibility for the creation, distribution and use of deepfakes and synthetic voices in the context of the development of artificial intelligence technologies 388
DIGITAL LAW
Anikina D.I. * Legal aspects of the use of artificial intelligence 395
Pronicheva E.A. * The specifics of establishing civil liability for the actions of artificial intelligence 399
Tashchilin R.I. * Digital implementation as a factor of leadership in the development of public authorities and a competitive advantage of the russian legal system in the international arena 406
HISTORICAL ARCHIVE
Kashkina E.V. * Information theory of emotions P.V. Simonov 411
Petukhova Zh.P. * Suspension of the investigation during the period of preparation of the criminal procedure code of the Russian Federation: historical and legal analysis 415
Sokolov A.N. * Formation of the institution of circumstances excluding the criminality of an act in the period of the Russian Empire 420

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-15-17

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна,
доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права РАН,
e-mail: evsfrf@gmail.com

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В АРКТИКЕ

Аннотация. *Экологический конституционализм представляет собой одно из наиболее значимых явлений современного конституционного права, отражающее процесс интеграции экологических ценностей и принципов в основные законы государств. Особую актуальность эта проблематика приобретает в контексте суверенных интересов России в Арктической зоне. Цель настоящей статьи - проанализировать, какое место занимает экологический конституционализм как научное направление, исследующее конституционные основы экологической политики в системе обеспечения национальных интересов России, выявить основные направления его реализации в Арктике и перспективы дальнейшего развития.*

Ключевые слова: *Экологический конституционализм; Арктическая зона Российской Федерации; Суверенитет; Принцип in dubio pro natura.*

VINOGRADOVA Elena Valerievna,
Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

ENVIRONMENTAL CONSTITUTIONALISM IN ENSURING RUSSIA'S NATIONAL INTERESTS IN THE ARCTIC

Annotation. *Environmental constitutionalism is one of the most significant phenomena in modern constitutional law, reflecting the integration of environmental values and principles into the fundamental laws of states. This issue is particularly relevant in the context of Russia's sovereign interests in the Arctic zone. The purpose of this article is to analyze the place of environmental constitutionalism as a scholarly field exploring the constitutional foundations of environmental policy in ensuring Russia's national interests, to identify the main areas of its implementation in the Arctic, and to identify prospects for further development.*

Key words: *Environmental constitutionalism; Arctic zone of the Russian Federation; Sovereignty; Principle of in dubio pro natura.*

Арктическая зона занимает особое место в системе суверенных интересов Российской Федерации. Это не только территория с уникальными природными ресурсами и Северный морской путь, но и регион, с хрупкими экосистемами в котором экологические проблемы приобретают критическую остроту.

Национальные интересы России в Арктике закреплены в ряде стратегических документов и включают: обеспечение суверенитета и территориальной целостности, сохранение Арктики как территории мира и стабильности, развитие Северного морского пути как национальной транспортной коммуникации, освоение ресурсной базы и повышение качества жизни населения, включая коренные малочисленные народы.

Применительно к Арктике все чаще предметом научного изучения становятся экологические проблемы, получающие свое развитие в доктрине конституционного права. Как утверждает академик А.Н.Савенков «…необходимо совершенствовать действующее законода-

тельство в целях приведения его в соответствие с требованиями, которые предъявляет Арктика как уникальный регион России, имеющий планетарное значение, для обеспечения национальных интересов, безопасности и дальнейшего освоения российского Севера» [5]. Исследователи отмечают, что конституционные принципы экологической политики должны быть интегрированы в систему обеспечения национальных интересов [8].Эта тематика получает свое развитие в концепции экологического конституционализма.

В российской юридической науке фундаментальное обоснование категории экологического конституционализма предложил Н.С. Бондарь. По его определению, «экологический конституционализм - это межотраслевое понятие, в основе которого лежат конституционные начала регулирования природоохранной деятельности, обеспечения экологической безопасности личности, общества и государства» [1].

Структурно экологический конституционализм от теоретической концепции мировоззренческих парадигм через нормативное закрепление в конституционных нормах «…формирует механизмы реализации и защиты экологических прав» [4].

Конституция Российской Федерации закрепляет ряд положений, образующих фундамент экологического конституционализма. Прежде всего, это положения ст.42 Конституции Российской Федерации, гарантирующей «право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного экологическим правонарушением». Обязанность «каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам», закреплена в ст. 58 российской Конституции. Статьей 9 установлено, что «… земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории», создавая комплекс гарантий прав коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права в контексте с положениями ст. 69. При этом, как подчеркивает Л.В. Юн, «гарантии, предоставляемые данной категории народа, не всегда эффективно могут быть реализованы коренными малочисленными народами исследуемого региона ввиду сложившихся обстоятельств, внешних и внутренних факторов» [6].

Реализация конституционных положений весьма часто обусловлена действенностью конституционных принципов. В контексте экологического конституционализма к таким принципам относятся принцип сохранения биологического разнообразия и принцип платности природопользования и возмещения вреда окружающей среде, принцип международного сотрудничества в области охраны окружающей среды. В последние годы актуальными становятся исследования принцип предосторожности (предупреждения вреда), который в «арктическом» контексте имеет особое значение. Как отмечается в научной литературе, «в тех случаях, когда существует угроза серьезного или необратимого ущерба, отсутствие полной научной уверенности не используется в качестве причины для отсрочки принятия экономически эффективных мер по предупреждению ухудшения состояния окружающей среды» [7] . Принцип in dubio pro natura означает, что «при сомнении относительно того, следует ли разрешить деятельность, наносящую вред окружающей среде, сомнение должно толковаться в пользу защиты окружающей среды». В контексте этой статьи об экологическом конституционализме в Арктике данный принцип может быть использован как аргумент в пользу того, что при столкновении интересов промышленного освоения и сохранения уязвимых арктических экосистем, любые сомнения должны толковаться в пользу природы, особенно учитывая права коренных народов и межпоколенческую справедливость.

Говоря о нормативно-правовом обеспечении национальных интересов в Арктике следует отметить Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» [9] и документы стратегического планирования, такие как Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года [10], Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года [11], и др [2,3].

Важным шагом в институционализации защиты национальных интересов в Арктике стало создание Совета по защите национальных интересов Российской Федерации в Арктике и развитию национальных и международных морских транспортных маршрутов при Морской коллегии Российской Федерации [12]. В функции Совета входят анализ и оценка хода реализации приоритетов национальной морской политики на арктическом направлении, выявление внутренних и внешних угроз национальной безопасности Российской Федерации в Арктике, подготовка предложений по вопросам обеспечения экологической безопасности и охраны экосистем Арктической зоны, ликвидации накопленного вреда окружающей среде, рационального природопользования и др. Создание этого органа свидетельствует о повышении внимания государства к комплексному обеспечению национальных интересов, включая их экологическую составляющую.

Особое место в системе обеспечения национальных интересов России в Арктике занимает международно-правовое регулирование. Ключевое значение имеет статья 234 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (UNCLOS), которая предоставляет прибрежным государствам право принимать и обеспечивать соблюдение недискриминационных законов и правил по предотвращению загрязнения морской среды с судов в покрытых льдами районах в пределах исключительной экономической зоны.

В современной международной повестке актуализируется вопрос о соблюдении баланса между свободой судоходства и защитой морской среды в Арктике.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что Конституционные основы экологической политики (ст. 42, 58, 9, 72, 69 Конституции РФ) создают фундамент для защиты экологических прав, включая права коренных малочисленных народов, которые в наибольшей степени подвержены негативному воздействию климатических изменений и промышленного освоения .предположить. Международно-правовой аспект экологического конституционализма в Арктике проявляется в реализации положений статьи 234 UNCLOS, предоставляющей России право на установление специальных мер по защите морской среды в акватории Северного морского пути. Это право одновременно является и обязанностью государства по защите окружающей среды . Экологический конституционализм занимает важное место в системе обеспечения национальных интересов России в Арктике, выступая доктринальной и нормативной основой для интеграции экологических требований в стратегическое планирование и правоприменительную практику.

Список литературы

[1] Бондарь Н.С. Экологический конституционализм в современной юриспруденции: от доктрины к практике // Российская юстиция. 2023. № 6.

[2] Виноградова Е.В. Документы стратегического планирования в системе отечественных нормативно-правовых актов, регулирующих развитие Арктики и Антарктики // Государство и право. 2026. №3.

[3] Виноградова Е.В. Реализация «зеленой повестки» в документах стратегического планирования. Международно- правовой аспект // Международный научный вестник. 2025. № 11.

[4] Виноградова Е.В. Климатические иски. Судебная практика // Мониторинг правоприменения. 2025. №3.

[5] Савенков А.Н. Арктика:правовое обеспечение устойчивого развития и сотрудничества // Труды Института государства и права РАН /of the Institute of State and Law of the RAS 2018. №1.

[6] Юн Л.В. Коренные малочисленные народы Арктики как субъекты экологического права // Юрист. 2024. № 4 .

[7] Юн Л.В. Влияние конституционных принципов экологического права на реализацию конституционных экологических прав // Российский судья. 2025. № 3.

[8] Юн Л.В. Сравнительно-правовой анализ отраслевых принципов экологического права в фокусе конституционных экологических прав // Юрист. 2025. № 5.

[9] Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федера ции».

[10] Утв. Указом Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164.

[11] Утв. Указом Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645.

[12] Указ Президента РФ от 13 августа 2024 г. № 691.

References

[1] Bondar N.S. Ecological constitutionalism in modern jurisprudence: from doctrine to practice// Russian justice. 2023. № 6.

[2] E.V. Vinogradova. Documents of strategic planning in the system of domestic regulatory legal acts regulating the development of the Arctic and Antarctic//State and Law. 2026. №3.

[3] E.V. Vinogradova. Implementation of the “green agenda” in strategic planning documents. International Legal Aspect//International Scientific Bulletin. 2025. № 11.

[4] E.V. Vinogradova. Climate claims. Judicial practice//Monitoring of law enforcement. 2025. №3.

[5] Savenkov A.N. Arctic: legal support for sustainable development and cooperation//Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS/of the Institute of State and Law of the RAS 2018. №1.

[6] Yun L.V. Indigenous peoples of the Arctic as subjects of environmental law//Lawyer. 2024. № 4 .

[7] Yun L.V. The influence of constitutional principles of environmental law on the implementation of constitutional environmental rights//Russian judge. 2025. № 3.

[8] Yun L.V. Comparative legal analysis of sectoral principles of environmental law in the focus of constitutional environmental rights//Lawyer. 2025. № 5.

[9] Federal Law No. 193-FZ of July 13, 2020 “On State Support for Entrepreneurial Activity in the Arctic Zone of the Russian Federation.”

[10] Approved Decree of the President of the Russian Federation of March 5, 2020 No. 164.

[11] Approved By presidential decree of October 26, 2020 No. 645.

[12] Decree of the President of the Russian Federation of August 13, 2024 No. 691.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-18-22

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
ORCID: 0000-0001-5668-615X,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *В исследовании говорится обо все возрастающей роли цифровых технологий в контексте использования их в борьбе с экстремистскими организациями, с целью предотвращения террористических атак. Автор в статье приходит к выводу, что глобальное сотрудничество и совместные усилия крупных держав по-прежнему остаются единственным способом борьбы с международным терроризмом. Обосновывается мнение о том, что международному сообществу нужно и дальше заниматься разработкой контртеррористических мер перед лицом новых вызовов и угроз.*

Целью статьи является изучение и установление глобальных сетевых норм и правил управления искусственным интеллектом для быстрого реагирования на распространение кибертерроризма и устранения рисков использования искусственного интеллекта террористическими организациями, укрепление антитеррористического потенциала стран посредством борьбы с ним.

Основное внимание автор уделяет значительной роли искусственного интеллекта в оказании помощи в борьбе с терроризмом. Подчеркивается, что основным из его применений является наблюдение и мониторинг, а также анализ живого видео для выявления подозрительного поведения или объектов в общественных местах.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, противодействие терроризму, цифровизация, экстремизм, дерадикализация, киберпреступность.*

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,
senior researcher of the PKU RESEARCH INSTITUTE
of the Federal Penal Correction Service, PhD

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A COUNTER-TERRORISM TOOL: PROBLEMS AND PROSPECTS

Annotation. *The study discusses the ever-increasing role of digital technologies in the context of their use in the fight against extremist organizations in order to prevent terrorist attacks. The author concludes that global cooperation and joint efforts of major powers remain the only way to combat international terrorism. The author substantiates the opinion that the international community needs to continue to develop counter-terrorism measures in the face of new challenges and threats.*

The purpose of the article is to study and establish global network norms and rules for managing artificial intelligence to respond to the spread of cyberterrorism and eliminate the risks of using artificial intelligence by terrorist organizations, strengthening the anti-terrorist potential of countries by combating it.

The author focuses on the significant role of artificial intelligence in assisting in the fight against terrorism. It is emphasized that its main applications are surveillance and monitoring, as well as the analysis of live video to identify suspicious behavior or objects in public places.

Key words: *artificial intelligence, counter-terrorism, digitalization, extremism, deradicalization, cybercrime*.

На сегодняшний день терроризм и трансграничные преступления, такие, как оборот наркотиков, контрабанда оружия и отмывание денег являются глобальной проблемой, от

которой многие страны серьезно пострадали и продолжают подвергаться террору и в данный момент времени.

От автоматизированной модерации контента поставщиками услуг связи до использования биометрии — применение искусственного интеллекта (ИИ) в борьбе с терроризмом на данный момент широко распространено. Это мощный инструмент наблюдения и анализа; по этой причине на сегодняшний день растет всеобщая обеспокоенность по поводу того, что террористы пользуются цифровыми технологиями для вербовки, финансирования или организации террористических актов. Лидеры многих мировых государств все чаще подчеркивают важность сотрудничества заинтересованных сторон для устранения этой угрозы, включая взаимовыгодное партнерство между крупными мировыми державами.

В дополнение к приложениям генеративного ИИ некоторые элементы искусственного интеллекта использовались для взлома и создания оружия, такого как дроны и самоходные бомбы. Дистанционно пилотируемые, предварительно запрограммированные или управляемые воздушные транспортные средства также называют беспилотными летательными аппаратами (БПЛА) или, чаще, дронами.

Технология ИИ используется в дронах различными способами, включая автономную навигацию, обнаружение и распознавание объектов. Мы видим, как интеграция искусственного интеллекта в дроны изменила тактику ведения современной войны, позволив использовать более продвинутые и стратегические приложения. Военные дроны, иногда называемые автономными или «роботами-убийцами», выполняют жизненно важные функции в разведке, наблюдении и даже боевых ситуациях. Беспилотные летательные аппараты в современном трактовании становятся одной из основных террористических угроз.

Нужно отметить, что дроны являются преимуществом для террористов, поскольку они дешевы и требуют минимальной подготовки для управления ими. В прошлом террористы использовали беспилотники для атак на государственные военные объекты, дипломатические представительства, международную торговлю и гражданские центры. Беспилотники используются также для разведки, наблюдения и тактики радиоэлектронной борьбы и помогают в определении целевых точек для повышения точности с наземных систем. Еще одной областью, где террористические группы начинают использовать ИИ, является киберпространство[7, с. 558].

Предиктивная аналитика — еще одна область, где может с успехом применяться ИИ. Анализируя закономерности в исторических данных, активность в социальных сетях и других источниках разведывательной информации, ИИ может предсказывать потенциальные террористические атаки. Он способен оценивать поведение отдельных лиц или групп, чтобы выявлять признаки радикализации и вмешиваться до того, как произойдут преступные действия. Что касается анализа данных и сбора разведывательной информации, ИИ интегрирует большие наборы данных из таких источников, как записи видеонаблюдения, цифровые платформы и финансовые транзакции, с целью предоставить всестороннюю информацию секретным службам.

ИИ также способен оптимизировать распределение ресурсов для различных операций, гарантируя эффективное развертывание персонала и оборудования, а также может предоставлять лицам, ответственным за принятия решений, данные и рекомендации в режиме реального времени, повышая эффективность стратегий борьбы с терроризмом. Однако важно помнить, что любые реализуемые контрмеры должны находить тонкий баланс между защитой общественного благополучия и сохранением открытого обмена данными. Что касается контрпропаганды и дерадикализации, инструменты искусственного интеллекта могут автоматически обнаруживать и удалять экстремистский контент с онлайн-платформ, тем самым сдерживая распространение террористической пропаганды.

В настоящее время социальные сети позволяют людям получать самую свежую информацию о произошедших событиях и конфликтах. Трагические изображения с большей вероятностью провоцируют расовые и религиозные конфликты, в большей степени, если их преувеличивают и приукрашивают экстремистские организации[2, с. 85].

Еще один момент, касающийся исследуемой тематики, который нельзя игнорировать, заключается в том, что экстремистские организации все чаще пытаются использовать новые технологии и оборудование для планирования террористических атак. Например, применение технологии зашифрованной связи и существование даркнета затрудняют обнаружение преднамеренных террористических атак со стороны членов преступной организации. Террористические группы все чаще используют криптовалюты и другие виртуальные валюты для финансирования терроризма, что затрудняет отслеживание преступного финансирования[8, с. 71].

Безусловно, искусственный интеллект не только совершенствуется в контексте антитеррористических возможностей в конкретных приложениях, но и оказывает систематическое влияние на сферу борьбы с терроризмом. По этой при-

чине применение искусственного интеллекта в рамках противодействия террористическим организациям предполагает координацию и сотрудничество множества организационных подразделений, что в определенной степени способствует интеграции и совместному использованию ресурсов между национальными организациями.

Инвестиции в технологии, машинное обучение и т. д. рассматриваются как один из стратегических способов предотвращения террористических атак и борьбы с ними. В настоящее время Россия уделяет все больше внимания развитию искусственного интеллекта на национальном уровне, взаимодействие человека и компьютера входят в число наиболее важных тенденций технологического развития страны[10, с. 90].

Мы видим, как искусственный интеллект является ключом к защите суверенитета и поддержанию обороноспособности страны. Вмешательство искусственного интеллекта, безусловно, изменило способ организации антитеррористической деятельности во всем мире. Вопросы применения ИИ рассматривались на юбилейной X Международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению Artificial Intelligence Journey 2025 – «Путешествие в мир искусственного интеллекта», которая проходит в Москве с 19 по 21 ноября. При выступлении Президент РФ В.В. Путин сказал, что Россия будет выстраивать с зарубежными партнерами совместный контур в сфере ИИ и предложил «вплотную подойти» к гармонизации законодательства стран в части внедрения искусственного интеллекта, использовать успешные практики, собранные на платформе БРИКС. «Одно из показательных направлений использования искусственного интеллекта - это, конечно, борьба с преступностью, на примере деятельности и результатов работы полиции Объединенных Арабских Эмиратов, в том числе в Дубае. И в Москве тоже такие же результаты. На первый взгляд просто необычные, если не сказать потрясающие», - сказал Путин, выступая на конференции.Президент добавил, что количество грабежей сократилось в 10,5 раза, а квартирных краж - в 34,5 раза именно из-за использования возможностей ИИ[12].

Кроме того, учитывая текущую тенденцию развития технологий искусственного интеллекта, можно сделать прогноз относительно будущего его применения в сфере борьбы с терроризмом. Точность и скорость получения контртеррористической информации могут быть значительно улучшены в будущем. Нужно признать способность новых технологий позитивно влиять на жизнь и способствовать повышению уровня жизни населения, и в то же время цифровые технологии во всем мире используются не по назначению, ограничивая и нарушая права человека, в особенности право на неприкосновенность частной жизни, выражение мнения и политическое участие[1, с. 18].

Например, бесконтрольно запускаемые БПЛА способны отслеживать различные объекты, они привлекательны для террористов, поскольку доступны по цене и требуют минимальной подготовки. Террористы используют беспилотники для атак на государственные военные и дипломатические объекты, энергетическую инфраструктуру и гражданские центры. Кроме того, гражданская инфраструктура, расположенная вдали от зон конфликта, теперь становится все более уязвимой[11, с. 15].

Очевидно, что правительства по всему миру в ближайшем будущем столкнутся с угрозой национальной безопасности при враждебном использовании малых беспилотных авиационных систем (МБАС). Использование террористами МБАС обусловлено нерегулируемым гражданским рынком и возможностью приобретать технологии в Darkweb; доступностью взрывчатых веществ и доступом к техническим знаниям через Интернет и социальные сети[6, с. 308].

Повсеместное распространение БПЛА приведет к эре беспилотников с беспилотными воздушными, наземными и подводными аппаратами, а новые технологические инновации БПЛА потребуют более серьезных мер безопасности, включая соблюдение международного права и прав человека, а также ограничение их распространения[4, с. 985].

Многие исследователи данной тематики говорят о том, что искусственный интеллект окажет сильное влияние на мировую безопасность в будущем благодаря имитации модели человеческого мозга, включая обучение и принятие решений, работая с неопределенностью и принимая решения и прогнозы на основе больших наборов данных и условий[3, с. 58].

OpenAI недавно запустила новую архитектуру кодирования, которая способна выполнять определенные задачи, такие как вопросы и ответы и резюмирование текста, под названием ChatGPT. ChatGPT несет в себе потенциальные риски в областях дезинформации, киберпреступности и терроризма[5, с. 103].

Дроны и ИИ продолжат развиваться. Поэтому крайне важно, чтобы мы расширили наше понимание того, как именно террористы используют технологии для достижения своих преступных целей. Внимание должно быть сосредоточено не только на предотвращении, но и на профилактике подобных действий, а ответственность

должна быть разделена между правительственными агентствами, академическими институтами и технологическими компаниями. Фактически мы находимся в рамках цифровой войны, и мы еще не научились бороться с новыми цифровыми инструментами террора в то время, как террористическая цифровизация стремительно шагает вперед[9, с. 75].

В заключение нужно отметить, что, с одной стороны, новые технологии обладают огромным потенциалом для улучшения качества жизни, с другой стороны, могут быть использованы и активно применяются террористами при подготовке незаконных действий, направленных против мирных граждан. Это подразумевает необходимость активных антитеррористических мер, включающих в себя содействие правительств мировых держав в предоставлении технической помощи и развитии государственно-частного партнерства для решения проблемы использования цифровых технологий террористами.

Не вызывает сомнения тот факт, что использование террористическими группами искусственного интеллекта представляет собой тревожную тенденцию в меняющемся ландшафте глобальной безопасности. Изучение таких террористических групп, как Хезболла, ХАМАС, ИГИЛ и Аль-Каида, показывает, что эти организации все больше проявляют интерес к использованию передовых технологий для достижения своих преступных целей. Потенциальные последствия такой свободы широкомасштабны и включают распространение пропаганды, создание кампаний по дезинформации, производство фейкового медиа-контента для подстрекательства к насилию или распространения страха и даже разработку автономных систем вооружения.

Список литературы:

[1] Анисимова, И. А. Развитие понятий терроризм, террористический акт и акт терроризма в российском уголовном законодательстве / И. А. Анисимова // Безопасность и противодействие терроризму: национальный и региональный аспекты (проблемы теории и практики): сборник научных статей. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2021. – С. 17-23.

[2] Белик, Е.А. Трансформация понятия «терроризм» в социально-политических практиках современной Российской повседневности / Е.А. Белик, Е. В. Головацкий // Власть. – 2021. – Т. 29, № 4. – С. 84-91.

[3] Волчецкая, Т.С. Основные направления и современные тенденции профилактики терроризма и экстремизма на современном этапе / Т. С. Волчецкая, А. Г. Бедризов // Современные подходы в противодействии терроризму и экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся в БФУ им. И. Канта, Калининград, 26–28 октября 2023 года. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2023. – С. 55-60.

[4] Демяхов, М.А. Противодействие финансированию терроризма и экстремизма при помощи искусственного интеллекта / М. А. Демяхов // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты: Сборник научных статей XVII международной научной конференции обучающихся образовательных организаций высшего образования, проводимой в рамках IV Санкт-Петербургского международного молодежного научного форума «Северная Пальмира: территория возможностей», Санкт-Петербург, 30 мая 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. – С. 985-990.

[5] Жиров Р.М. Информационные ресурсы в сфере противодействия экстремизму в молодежной среде // Закон и право. - 2020. - № 1. - С. 102-105.

[6] Зубова, Ю.В. Использование искусственного интеллекта как инструмента противодействия преступности / Ю. В. Зубова // Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, Ханты-Мансийск, 27 октября 2023 года. – Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2023. – С. 307-310.

[7] Казанцева, С.Ю. Практика применения и перспективы развития технологий ИИ и робототехники в сфере финансового контроля / С.Ю. Казанцева, Д.А. Казанцев // Вопросы инновационной экономики. 2021. № 2. С. 553-564.

[8] Клычников, Ю.Ю. Международный терроризм как глобальная угроза: политический контекст / Ю. Ю. Клычников, А. П. Горбунов, С. И. Линец // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2021. – № 4. – С. 69-72.

[9] Красинский, В.В. Применение искусственного интеллекта в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма / В. В. Красинский, П. Ю. Леонов, Н. В. Морозов // Современное право. – 2024. – № 5. – С. 75-82.

[10] Чернов, С.Б. Политика противодействия финансированию терроризма: определение и угрозы в условиях развития рынка искусственного интеллекта / С. Б. Чернов // Экономические науки. – 2019. – № 176. – С. 85-91.

[11] Юнусов, А.М. Современный терроризм как социально-политическое явление / А. М. Юнусов // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». – 2020. – № 2. – С. 15-20.

[12] Выступление Президента РФ В.В. Путина на юбилейной, X Международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению Artificial Intelligence Journey 2025 – «Путешествие в мир искусственного интеллекта», которая проходит в Москве с 19 по 21 ноября 2025 г.

References:

[1] Anisimova, I. A. Development of the concepts of terrorism, terrorist act and act of terrorism in Russian criminal law/I. A. Anisimova//Security and counter-terrorism: national and regional aspects (problems of theory and practice): a collection of scientific articles. - Barnaul: Altai State University, 2021. - S. 17-23.

[2] Belik, E.A. Transformation of the concept of "terrorism" in the socio-political practices of modern Russian everyday life/E.A. Belik, E.V. Golovatsky// Power. – 2021. - T. 29, NO. 4. - S. 84-91.

[3] Volchetskaya, T.S. The main directions and current trends in the prevention of terrorism and extremism at the present stage/T.S. Volchetskaya, A.G. Bedrizov//Modern approaches in countering terrorism and extremism: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference held at the I. Kant BFU, Kaliningrad, October 26-28, 2023. - Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University, 2023. - S. 55-60.

[4] Demyakhov, M.A. Countering the financing of terrorism and extremism using artificial intelligence/M.A. Demyakhov//Security of the individual, society and the state: theoretical and legal aspects: Collection of scientific articles of the XVII international scientific conference of students of educational organizations of higher education, held as part of the IV St. Petersburg International Youth Scientific Forum "Northern Palmyra: Territory of Opportunities," St. Petersburg, May 30 2024. - St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. - S. 985-990.

[5] Zhirov R.M. Information resources in the field of countering extremism in the youth environment//Law and law. - 2020. - № 1. - S. 102-105.

[6] Zubova, Yu.V. The use of artificial intelligence as a tool to counter crime/Yu. V. Zubova//Strategic directions for countering crime at the national and transnational levels: a collection of scientific works based on materials from an international scientific and practical conference, Khanty-Mansiysk, October 27, 2023. - Khanty-Mansiysk: Ugra State University, 2023. - S. 307-310.

[7] Kazantseva, S.Yu. Practice of application and development prospects of AI and robotics technologies in the field of financial control/S.Yu. Kazantseva, D.A. Kazantsev//Issues of innovative economy. 2021. № 2. S. 553-564.

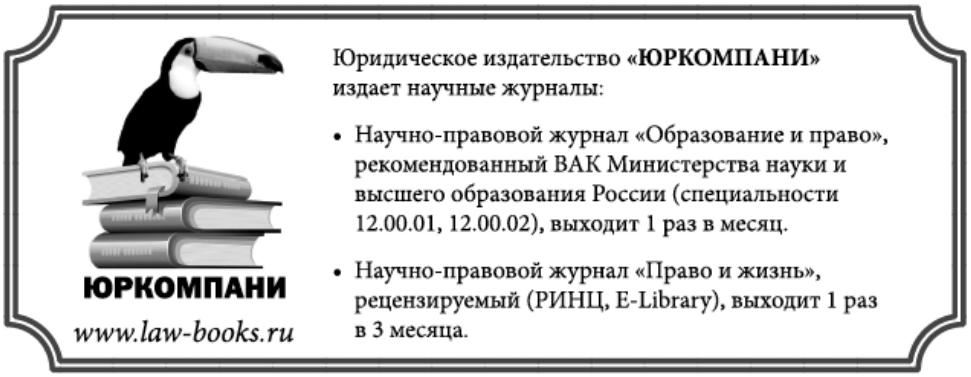
[8] Klychnikov, Yu. Yu. International terrorism as a global threat: political context/Yu. Yu. Klychnikov, A.P. Gorbunov, S.I. Linets//Bulletin of Pyatigorsk State University. – 2021. – № 4. - S. 69-72.

[9] Krasinsky, V.V. The use of artificial intelligence in the field of combating money laundering and the financing of terrorism/V.V. Krasinsky, P.Yu. Leonov, N.V. Morozov//Modern law. – 2024. – № 5. - S. 75-82.

[10] Chernov, S.B. Policy of countering the financing of terrorism: identification and threats in the context of the development of the artificial intelligence market/S. B. Chernov//Economic Sciences. – 2019. – № 176. - S. 85-91.

[11] Yunusov, A.M. Modern terrorism as a socio-political phenomenon/A.M. Yunusov//Electronic network publication "International Legal Courier." – 2020. – № 2. - S. 15-20.

[12] Speech by the President of the Russian Federation V.V. Putin at the anniversary, X International Conference on Artificial Intelligence and Machine Learning Artificial Intelligence Journey 2025 - "Journey to the World of Artificial Intelligence," which takes place in Moscow from November 19 to 21, 2025.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-23-28

АМИРАЛИЕВА Ангелина Тарлановна,
студентка 2 курса Юридического факультета
Финансового университета при Правительстве РФ,
e-mail: matchlyasas@mail.ru

Научный руководитель:
БАТЮКОВА Вера Евгеньевна,
ст. научный сотрудник сектора уголовного права,
уголовного процесса и криминологии
Института государства и права РАН, к.ю.н., доцент,
e-mail: Batuykova@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ МЕРАХ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МОЛОДЕЖНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИИ НА ПРИМЕРАХ РЕСПУБЛИК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Аннотация. *Статья показывает ключевые особенности борьбы с молодежным экстремизмом на Северном Кавказе. В рамках исследования, главным образом, применяется формально-юридический подход. Предметом исследования становятся особенности восполнения правовых пробелов, имеющих место в Уголовном кодексе Российской Федерации в части возраста лиц, совершающих преступления. Анализируется практика судов общей юрисдикции, расположенных в Южном федеральном округе Российской Федерации. Акцент сделан на нормах материального права, призванных обеспечить эффективную борьбу с экстремизмом.*

Ключевые слова: *экстремизм, терроризм, молодежь, возраст, Северный Кавказ, материальное право.*

AMIRALIEVA Angelina Tarlanovna,
2nd year student of the Faculty of Law Financial University
under the Government of the Russian Federation

Scientific supervisor:
BATYUKOVA Vera Evgenievna,
Senior Researcher of the Sector of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences Candidate of Law,
Associate Professor

ON SOME MEASURES AIMED AT COUNTERING YOUTH EXTREMISM IN RUSSIA, USING THE EXAMPLE OF THE NORTH CAUCASUS REPUBLICS

Annotation. *This article explores key aspects of the fight against youth extremism in the North Caucasus. The study primarily utilizes a formal legal approach. The research focuses on ways to address legal gaps in the Criminal Code of the Russian Federation regarding the age of individuals committing crimes. The practice of general jurisdiction courts located in the Southern Federal District of the Russian Federation is analyzed. Emphasis is placed on substantive law provisions designed to ensure an effective fight against extremism*.

Key words: *extremism, terrorism, youth, age, North Caucasus, substantive law.*

В России проблему экстремизма принято связывать с терроризмом, сепаратизмом, драматичными событиями, происходившими на Северном Кавказе в конце 90-х годов прошлого века, в нулевые годы XXI века. К настоящему моменту существенная часть террористи-

ческих групп уничтожена, однако элементы экстремистской идеологии продолжают циркулировать в обществе. Радикальные идеи становятся особенно привлекательны для молодежи. Указанное явление требует повышенного внимания особенно в условиях сохраняющихся угроз террористического и экстремистского характера с учетом современной международной обстановки.

Официальная статистика, отражающая степень распространения экстремистских идей среди различных возрастных групп населения, в открытом доступе отсутствует. Отдельные тенденции могут быть прослежены на основании открытых источников, включая сообщения средств массовой информации, однако более надежную эмпирическую базу составляют материалы судебной практики. Незаконные деяния, связанные с экстремизмом, подростки легко могут осуществлять онлайн, даже не осознавая противоправность своих действий. В экспертной и правоприменительной среде фиксируется рост активности террористических структур в регионе. При этом радикальные группы упор делают на привлечение молодежи в свои ряды, распространение экстремистских идей именное среди молодых граждан.

Действительно, изучая данные, предоставляемые судами общей юрисдикции, справедливо утверждать, что в последние годы преступления экстремистской направленности стали более привлекательны для молодежи. Для анализа мы взяли статистику по уголовным делам, связанных с применением статей 280, 282.1-4 УК РФ и рассмотренных северо-кавзказскими судами в апелляционной инстанции. Вторым источником информации стал список экстремистов, террористов, за составление которого отвечает Росфинмониторинг [1]. Указанные нормы права берутся в расчет потому, что при формулировании соответствующих составов преступлений законодатель использовал категорию «экстремизм». Рассмотрение дела в апелляционной инстанции, как правило, свидетельствует о том, что имеется вступивший в законную силу акт, истина установлена, то есть мы можем уверенно говорить о наличии преступления, в указанной ситуации — деянии экстремистского характера. Сопоставление имен, фамилий обвиняемых с соответствующими персональными данными, публикуемыми Росфинмониторингом, позволяет сделать вывод о том, относится ли преступник, экстремист в частности, к категории «молодежь» или нет. Согласно ст. 2 федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации», по общему правилу молодежь — лица в возрасте от 14 до 35 лет включительно [2].

Исходя из изложенного, используя данные от Верховного Суда Республики Дагестана [3], целесообразно говорить о том, что в 2023-2025-х годах в федеральный суд в порядке апелляции поступило 27 уголовных дел, связанных с экстремизмом, применением указанных выше юридических норм. В 2020-2022-х годах в суд поступило 30 дел из исследуемой категории. В 2020-2022-х годах лица, причастные к экстремизму и одновременно относящиеся к категории «молодежь», не зафиксированы. В 2023-2026-х годах, согласно данным, предоставляемым федеральным судом и Росфинмониторингом, таковых было 3 гражданина: Д.Э. Мамаев, М.Н. Абдулгалимов, М.А. Дадаев. Если трактовать понятие «молодежь» широко, а в соответствии с рекомендациями Всемирной организации здравоохранения это лицо в возрасте до 44-х лет, то следует упомянуть помимо указанных лиц 3 обвиняемых, в отношении которых были рассмотрены дела: Р.М. Абдуллаев, А.Н. Абдулмуминов, А.О. Дергалев. Указанные лица — это жители Северного Кавказа 80-х годов рождения.

Согласно данным от Верховного Суда Республики Ингушетия [4], в 2023-2025-х годах были рассмотрены три уголовных дела, связанных с экстремизмом. Двое из трех подсудимых относились к категории «молодежь». В 2020-2022-х годах, за аналогичный отрезок времени, таких дел не было.

Стоит отметить, что в рамках описываемого исследования используются данные, связанные с открытыми процессами, поэтому аналитика ограничена. Существенная часть уголовных процессов происходит в закрытом режиме: федеральные суды скрывают персональные данные, в том числе возраст обвиняемых. Абсолютные показатели невелики.

С другой стороны, такой статистический метод в любом случае позволяет фиксировать динамику, рост склонности молодежи к преступлениям экстремистского характера.

Что примечательно, современные исследователи, несмотря на то, что они правоведы, выступают за меры борьбы с молодежным экстремизмом, лишь отдаленно связанные с уголовным законом. Рекомендуемые доктриной мероприятия близки не столько к нормам материального уголовного права, сколько к таким дисциплинам, как юридическая антропология, социология. Так, согласно концепции В.А. Лелекова, целесообразно разрабатывать меры для устранения большой разницы между богатыми и бедными слоями общества [5]. Во-вторых, разумно стимулировать обеспечение молодых граждан работой по специальности, бесплатными спортивными секциями, льготным жильем. В-третьих, требуется повышение эффективности следственно-оперативных групп. В-четвертых, важно

участие ученых в решении описываемой проблемы. В-пятых, целесообразно прибегать к позитивному зарубежному опыту при решении вопросов, связанных с экстремизмом в Российской Федерации. Главным образом, выводы исследователя базируются на изучении проблемы Северного Кавказа, истории терроризма в регионе.

Что касается формально-юридической стороны дела, норм материального права, то В.А. Лелеков выступает за снижение возраста привлечения к уголовной ответственности до 14 лет. Действительно, согласно ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) в действующей редакции [6], специальные правила в отношении экстремистов, касающиеся их возраста, не применяются. Иными словами, уголовному преследованию подлежит представитель молодежи, который совершил соответствующее преступление по достижении 16-летнего возраста. Однако, не забывая о важности возраста привлечения к уголовной ответственности, стоит помнить о других общих нормах уголовного права. Согласно ст. 6, 7 УК РФ меры уголовно-правового характера должны быть справедливыми, гуманными, соответствовать характеру и степени общественной опасности деяния. Как представляется, в современной доктрине не представлено убедительных доказательств активного распространения экстремистских идей молодежью в возрасте до 16 лет.

Х.И. Кайтаева поддерживает примерно ту же стратегию, которую описывал В.А. Лелеков. Как следует из ее рассуждений, важны не столько уголовно-правовые меры, сколько профилактика экстремизма в среде молодежи. На примере Кабардино-Балкарии эти меры выражаются в отвлечении молодежи от социальных сетей, обеспечении их участия в фестивалях, иных мероприятиях в режиме оффлайн [7]. Именно за профилактику, как ключевую меру борьбы с молодежным экстремизмом на Северном Кавказе, выступают А.А. Битов [8], А.А. Авксентьев [9], Ш.Б. Магомедов и А.М. Абдулатипов [10].

Возникает вопрос: насколько органично указанные меры профилактики борьбы с молодежным экстремизмом коррелируют с материальными нормами уголовного права, складывающейся правоприменительной практикой? Согласно ст. 2 УК РФ, в отношении лица, совершившего преступление, может применяться наказание, другая мера уголовно-правового характера. В силу ст. 21 УК РФ, если лицо, в том числе относящееся к молодежи, совершило преступление в состоянии невменяемости, то в отношении него могут применяться меры медицинского (принудительного) характера. В силу ст. 87 УК РФ несовершеннолетние преступники, в том числе экстремисты, могут подвергаться мерам воспитательного воздействия. При освобождении от наказания их могут поместить в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Указанное может быть распространено и на участников групп, представляющих собой молодежный экстремизм. Однако стоит помнить, что за преступления экстремистского характера потенциально может привлекаться лишь крохотный процент представителей молодежи, в рамках изучения упомянутых уголовных дел лица, которым не исполнилось 18 лет, не установлены. В силу общих норм права, ст. 90 УК РФ, под соответствующими мерами, потенциально применяемыми к экстремистам в возрасте 16-17 лет, относятся следующие: а) предупреждение; б) передача под надзор компетентных лиц; в) возложение обязанности загладить причиненный вред; г) фиксация специальных требований к поступкам несовершеннолетнего.

Логично предположить, что молодой возраст может повлиять на размер применяемой санкции. Действительно, в силу п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ экстремист, относящийся к категории «молодежь», заслуживает снисхождения, это смягчающее вину обстоятельство. Однако указанная норма в очередной раз распространяется в отношении не всех условно молодых граждан. Смягчающее вину обстоятельство применяется к несовершеннолетним, тем, кому 16-17 лет. То есть в указанном случае речь в очередной раз о довольно небольшом проценте лиц, потенциально относящихся к экстремистам. Стоит отметить, однако, что перечень смягчающих вину обстоятельств открытый, поэтому судья теоретически может смягчить меру уголовно-правового характера, сделав отсылку не только к несовершеннолетию обвиняемого в экстремизме лица, но и обосновав свою позицию молодым возрастом обвиняемого в целом. Тем временем ст. 63 УК РФ содержит лишь одно упоминание возраста. Отягчающим вину обстоятельством может служить привлечение к совершению преступной деятельности лица, не достигшего возраста, с которого наступает уголовная ответственность.

Если обратиться к Особенной части УК РФ, то стоит отметить 5 составов преступлений. Уголовная ответственность предусматривается за публичные призывы к совершению экстремистских действий (ст. 280 УК РФ), создание соответствующего сообщества (ст. 282.1 УК РФ), организацию деятельности и участие в деятельности соответствующего образования (ст. 282.2 УК РФ), финансирование экстремистских структур (ст. 282.3 УК РФ), повторную демонстрацию экстремистской атрибутики (ст. 282.4 УК РФ). Специальных норм права, ставящих в привилегированное

положение экстремистски настроенную молодежь, здесь нет. Нет в Особенной части УК РФ и норм, отягчающих ответственность соответствующей категории преступников.

Упомянутые выше нормы материального права относятся к бланкетным нормам. Однако в федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» категории «молодежь», «возраст» не упоминаются [11].

Таким образом, современная доктрина применительно к северокавказской молодежи выступает за жесткие меры принудительного характера. Законодатель фактически допускает правовые пробелы в уголовном законе. Сам по себе «молодой возраст» не становится отягчающим, либо смягчающим вину обстоятельством.

Между тем в правоприменительной практике проблема «возраста» периодически обсуждается при рассмотрении уголовных дел, связанных с экстремизмом на Северном Кавказе. Анализ судебных дел позволяет утверждать, что судьи пытаются соблюдать баланс. Так, при рассмотрении уголовного дела в отношении А.Н. Абдулмуминова, фиксации смягчающих вину обстоятельств, согласно судебному акту, суд расценивал ситуацию через призму «возраста обвиняемого, возраста его детей, родственников, которые старшего его» [12]. У обвиняемого на иждивении было двое малолетних детей, он помогал пожилой матери.

Особый интерес вызывает уголовное дело, рассмотренное в Табасаранском районном суде Республики Дагестан в 2025-м году [13]. Согласно фабуле дела, местный житель вступил в незаконное вооруженное формирование «Южная». Преступника обвиняли в совершении преступлений, предусмотренных ст. 208, 222 УК РФ. То есть, по мнению следователя, помимо участия в НВФ обвиняемый имел прямое отношение к незаконному обороту оружия. Было доказано и отношение к экстремистской идеологии, несмотря на отсутствие соответствующей квалификации в обвинительном заключении. То есть вопреки запретам, установленным в федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», участники НВФ пропагандировали незаконное изменение конституционного строя России. Помимо наличия малолетних детей председательствующий специально подчеркнул в качестве смягчающего вину обстоятельства молодой возраст обвиняемого.

В некоторых случаях мы можем лишь по косвенным признакам предположить, что судья учитывал возраст человека, экстремиста, в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. Так, в Кабардино-Балкарии расследовали уголовное дело в отношении местного жителя, который пропагандировал в социальной сети запрещенное законом движение «Арестантский уклад един». Председательствующий определял санкцию, «изучив личность, возраст обвиняемого», с учетом смягчающих вину обстоятельств [14]. Возможно, такая позиция судей вызвана уже упомянутым правовым пробелом в уголовном законе: молодой возраст как таковой по общему правилу не считается обстоятельством, свидетельствующим о необходимости применения мягкой санкции по отношению к обвиняемому.

На сложность решения вопроса о влиянии молодого возраста указывает дело № 22к-381 2025, рассмотренное в Верховном Суде Кабардино-Балкарии [15]. Согласно фабуле дела, местная студентка колледжа, которой едва исполнилось 16 лет, обвинялась в совершении серии преступлений экстремистского и террористического характера. Указанные обстоятельства в том числе повлекли избрание меры пресечения в виде заключения в следственный изолятор. Во второй инстанции данная мера была заменена домашним арестом в том числе с учетом возраста обвиняемой. Без сомнения, мера пресечения, главным образом, определяется посредством применения норм уголовного процессуального, а не материального права. Однако стоит отметить, что подобные сомнения, связанные непосредственно с определяемой степенью суровости санкции, могут возникнуть у судьи при рассмотрении уголовного дела по существу.

Наконец, стоит отметить, что молодой возраст может учитываться при выборе в качестве наказания условного осуждения, принятии соответствующих мер. Так, в Махачкале суд определял со ссылкой на возраст ограничения для условно осужденного экстремиста, используя далеко не все из возможных ограничений, предусмотренных в ч. 5 ст. 73 УК РФ [16].

Таким образом, на текущий момент ни судебной практикой, ни статистикой не подтверждается целесообразность ужесточения мер уголовно-правового характера, норм материального права, в отношении экстремистски настроенной молодежи. В регионе фиксируется относительный рост экстремистских настроений среди молодежи, однако абсолютные показатели, характеризующие состояние молодежного экстремизма, невелики.

Представляется целесообразным рассмотреть возможность закрепления в уголовном законодательстве Российской Федерации положения, предусматривающего учет молодого возраста лица, совершившего преступление экстремистской направленности, в качестве обстоятельства, влияющего на индивидуализацию наказания. Такое решение позволило бы устранить

существующую нормативную неопределенность и обеспечить более последовательную практику назначения наказания.

Фактически действующее законодательство не содержит специальные нормы права, регулирующие правовые последствия деятельности лиц, совершавших экстремистские действий и относящихся в период преступной деятельности к социальной группе «молодежь». По общему правилу «молодой возраст» расценивается как обстоятельство, смягчающее вину экстремиста или влекущее иные последствия, улучшающие его положение.

Список литературы:

[1] Перечень террористов и экстремистов (весь список) // Федеральная служба по финансовому мониторингу. — URL: https://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act (дата обращения: 12.03.2026).

[2] О молодежной политике в Российской Федерации : Федеральный закон РФ от 30.12.2020 № 489-ФЗ (в ред. от 23.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/ (дата обращения: 13.03.2026).

[3] Судебное делопроизводство // Верховный Суд Республики Дагестан. — URL: https://vs--dag.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 13.03.2026).

[4] Судебное делопроизводство // Верховный Суд Республики Ингушетия. — URL: https://vs--ing.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 13.03.2026).

[5] Лелеков В.А. Молодежь в сфере терроризма и экстремизма в Российской Федерации // Вестник Воронежского интитута МВД России. — 2025. — № 4. — С. 218-219.

[6] Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 23.07.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/ (дата обращения: 13.03.2026).

[7] Кайтаева Х.И. Государственная политика противодействия молодежному экстремизму в современной России // Материалы Международной научно-практической конференции. — Москва, 2023. — С. 115.

[8] Битов А.А. Практические механизмы и формы профилактики экстремизма в молодежной среде // Полицейский вестник ВИПК МВД России. — 2024. — № 2. — С. 49.

[9] Авксентьев А.А. Сценарии и прогнозы динамики региональной ситуации на Северном Кавказе в середине 2020-х гг. // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы XI Международного форума историков-кавказоведов, посвященного 100-летию принятия первой союзной Конституции и образования Северо-Кавказского края. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2024. — С. 437.

[10] Магомедов Ш.Б., Абдулатипов А.М. Современные проблемы минимизации экстремистских и террористических проявлений в молодежной среде // Юридический вестниг ДГУ. — 2024. — Т. 49. — № 1 (69). — С. 128-129.

[11] О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон РФ от 25.07.2002 № 114-ФЗ (в ред. от 07.04.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации.— URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/ (дата обращения: 13.03.2026).

[12] Апелляционное определение Верховного Суда Республики Дагестан от 15 июня 2023г. по делу № 1-374/2023 .

[13] Приговор Табасаранского районного суда Республики Дагестан от 10 июня 2025 г. по делу № 1-35/2025.

[14] Приговор Баксанского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 26 июня 2025 г. по делу № 1-138/2025.

[15] Апелляционное постановление Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 5 мая 2025 г. по делу № 3/1-92/2025.

[16] Дело № 22-141/2023 в Верховном Судае Республики Дагестан и приговор Кировского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан от 25 ноября 2022 го. по делу № 1-5/2022.

References:

[1] List of terrorists and extremists (entire list)// Federal Financial Monitoring Service. — URL: https://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act (дата обращения: 12.03.2026).

[2] On youth policy in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 30.12.2020 No. 489-FZ (as amended by 23.07.2025) //Official Internet portal of legal information. - URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/ (access date: 13.03.2026).

[3] Judicial proceedings//Supreme Court of the Republic of Dagestan. - URL: https://vs--dag.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (access date: 13.03.2026).

[4] Judicial proceedings//Supreme Court of the Republic of Ingushetia. - URL: https://vs--ing.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (access date: 13.03.2026).

[5] Lelekov V.A. Youth in the field of terrorism and extremism in the Russian Federation//Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2025. — № 4. - S. 218-219.

[6] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of 13.06.1996

No. 63-FZ (as amended by 23.07.2025) //Official Internet portal of legal information. - URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/ (access date: 13.03.2026).

[7] Kaitaeva H.I. State policy against youth extremism in modern Russia//Materials of the International Scientific and Practical Conference. - Moscow, 2023. - S. 115.

[8] Bitov A.A. Practical mechanisms and forms of prevention of extremism among young people// Police Bulletin of the VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2024. — No. 2. — S. 49.

[9] Avksentiev A.A. Scenarios and forecasts of the dynamics of the regional situation in the North Caucasus in the mid-2020s//Peoples of the Caucasus in the 18th-21st centuries: history, politics, culture: materials of the XI International Forum of Caucasian Historians dedicated to the 100th anniversary of the adoption of the first Union Constitution and the formation of the North Caucasus Territory. - Rostov-on-Don: Publishing House of the UTC RAS, 2024. - S. 437.

[10] Magomedov Sh. B., Abdulatipov A.M. Modern problems of minimizing extremist and terrorist manifestations among young people//Legal Bulletin of DSU. — 2024. — T. 49. — No. 1 (69). — S. 128-129.

[11] On countering extremist activities: Federal Law of the Russian Federation of 25.07.2002 No. 114-FZ (as amended by 07.04.2025) //Official Internet portal of legal information. - URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/ (date of appeal: 13.03.2026).

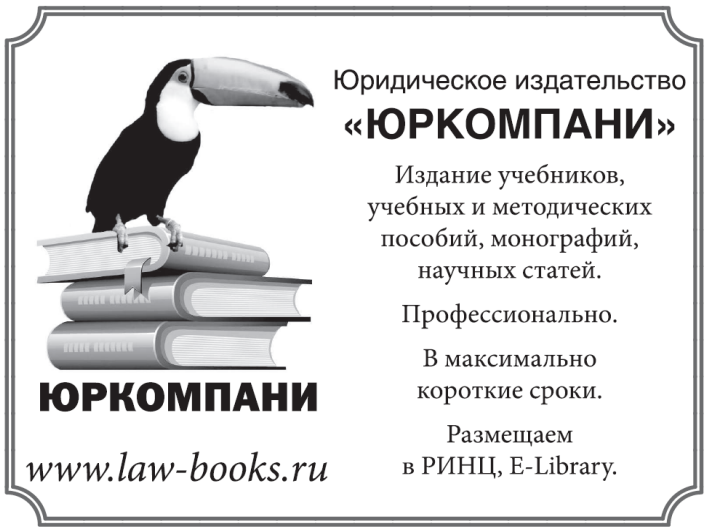
[12] Appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Dagestan dated June 15, 2023. in case No. 1-374/2023.

[13] Verdict of the Tabasaran District Court of the Republic of Dagestan dated June 10, 2025 in case No. 1-35/2025.

[14] Verdict of the Baksan District Court of the Kabardino-Balkarian Republic of June 26, 2025 in case No. 1-138/2025.

[15] Appeal ruling of the Supreme Court of the Kabardino-Balkarian Republic of May 5, 2025 in case No. 3/1-92/2025.

[16] Case No. 22-141/2023 in the Supreme Court of the Republic of Dagestan and the verdict of the Kirovsky District Court of Makhachkala of the Republic of Dagestan dated November 25, 2022. in case No. 1-5/2022.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-29-34

ЗАХАРОВ А.В.,
Юрист АО «Русгазинжиниринг»,
АНО ВО «Славяно-Греко-Латинская Академия»,
e-mail: mail@law-books.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В РОССИЙСКИХ РЕАЛИЯХ ЛИВИЙСКОГО ОПЫТА ПРОТИВОСТОЯНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫМ САНКЦИЯМ И ОДНОСТОРОННИМ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫМ МЕРАМ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И УКРЕПЛЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА СТРАНЫ

Аннотация. *Автором статьи проведено исследование синергетического эффекта от одновременного воздействия односторонних ограничительных мер и международных санкционных ограничений на нефтедобывающий сектор экономики Государства Ливия, а также установлены причины их успешности. Проведено исследование истории развития нефтедобывающего сектора экономики Государства Ливия, а также её места в экономической модели страны. Выявлены нормы национального законодательства Государства Ливия, определявшие развитие нефтедобывающей отрасли страны в период до введения односторонних ограничительных мер и международных санкционных ограничений. Исследованы методы, с помощью которых власти Государства Ливия пытались формироть систему технологического суверенитета страны. Установлена причина низкой степени технологического суверенитета Государства Ливия, а также установлена причинно-следственная связь между степенью технологического суверенитета страны и эффективностью воздействия односторонних ограничительных мер и международных санкционных ограничений на её экономическую систему. Исследована степень технологического суверенитета Российской Федерации, а также исследованы нормы национального законодательства, устанавливающие основы технологического суверенитета страны. На основании проведенного исследования автором даны рекомендации по дальнейшему совершенствованию национального законодательства в части повышения уровня технологического суверенитета Российской Федерации на основании опыта, полученного властями Государства Ливия.*

Ключевые слова: *санкции, Ливия, интеллектуальная собственность, экономика, законодательство, экспорт, нефть.*

ZAKHAROV A.V.,
Lawyer of «Rusgazinzhiniring», Joint-stock company,
ANO VO «Slavyano-Greko-Latinskaya Akademiya»

THE USE OF LIBYA'S EXPERIENCE IN COUNTERING INTERNATIONAL SANCTIONS AND UNILATERAL RESTRICTIVE MEASURES IN THE SPHERE OF FOREIGN INTELLECTUAL PROPERTY UTILIZATION, AS APPLIED TO RUSSIAN REALITIES, AND FOR STRENGTHENING THE COUNTRY'S TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY

Annotation. *The author of the article conducts a study of the synergistic effect of the simultaneous impact of unilateral restrictive measures and international sanctions on the oil-producing sector of the economy of the State of Libya, and also identifies the reasons for their effectiveness. The study examines the historical development of Libya's oil-producing sector and its role within the country's economic model. It identifies the provisions of Libya's national legislation that shaped the development of the oil industry prior to the introduction of unilateral restrictive measures and international sanctions.*

The methods by which the authorities of the State of Libya sought to establish a system of technological sovereignty are also analyzed. The reasons for the low level of technological sovereignty in Libya are determined, and a causal relationship is established between the degree of a country's technological sovereignty and the effectiveness of unilateral restrictive measures and international sanctions on its economic system.

The level of technological sovereignty of the Russian Federation is also examined, along with the provisions of national legislation that define its foundations. Based on the conducted research, the author provides recommendations for further improving national legislation with the aim of increasing the level of technological sovereignty of the Russian Federation, drawing on the experience of the authorities of the State of Libya.

Key words: *sanctions, Libya, intellectual property, economy, legislation, export, oil.*

Введение

Пример Ливии интересен в первую очередь тем, что это государство ДВАЖДЫ было вынуждено преодолевать наложение полноценных международных санкций со стороны Совета Безопасности ООН.

В первый раз санкции ООН были наложены на Ливию в 1992 году, в качестве наказания за отказ Ливии выдать подозреваемых по делу о взрыве самолёта над Локерби (1988). Фактически, речь шла об обвинениях Ливийских властей в поддержке международного терроризма.

Во второй раз санкции ООН были наложены на Ливию в 2011 году, в качестве наказания за несоразмерное применение властями страны насилия против гражданского населения в ходе массовых протестных акций.

Конечно, в обоих случаях ущерб для экономики государства был существенным, но это не заставило власти страны поддаться внешнему давлению, пусть даже и ценой погружения страны в период затяжной экономической нестабильности.

Кроме непосредственно международных санкций, наложенных по линии Совета Безопасности ООН, против Ливии вводились и односторонние ограничительные меры со стороны США и стран Западной Европы.

Однако свержение правящего режима страны произошло не в результате воздействия международных санкций и односторонних ограничительных мер, а в результате длительной гражданской войны с участием войск США и других стран НАТО. Иностранное вмешательство в ливийский внутренний конфликт включало в себя нанесение авиаударов по правительственным войскам, а также установление бесполётной зоны и морской блокады.

В рамках данной статьи мы выясним в чем была причина устойчивости страны к воздействию ограничительных мер, и каким образом ливийским властям удавалось в течение длительного периода времени выдерживать давление на экономику страны одновременно международных санкций и односторонних ограничительных мер.

Актуальность данного исследования также связана с необходимостью анализа опыта ливийских властей в части попыток компенсировать отсутствие доступа к жизненно важным технологиям и высокотехнологичному оборудованию, а также в противодействии односторонним ограничительным мерам с помощью нормативных инструментов на уровне национального законодательства страны.

Цели исследования:

- выявить ключевые механизмы воздействия международных санкций и односторонних ограничительных мер на нефтедобывающий сектор экономики Ливии;
- выяснить причины их успешности и использованные властями Ливии способы их обхода;
- определить возможные способы противодействия ограничительным мерам на национальном законодательном уровне.

Задачи - провести анализ экономического состояния нефтедобывающей отрасли Ливии до наложения односторонних ограничительных мер, а также наложения международных санкций. Изучить механизмы введения односторонних ограничительных мер, а также международных санкций против Ливии. Определить стратегии адаптации, позволившие стране смягчить последствия наложенных односторонних ограничительных мер, а также международных санкций против Ливии. Определить возможные способы противодействия подобным угрозам на уровне национального законодательства Российской Федерации.

Гипотеза - устойчивость экономики к воздействию наложенных международных ограничений зависит не только от внешних, но и от внутренних факторов, в первую очередь - от наличия достаточной степени технологического суверенитета страны.

Материалы и методы исследований

В данном исследовании применены следующие теоретические методы:

Синтез – для обобщения разрозненных данных и формирования целостной картины последствий воздействия односторонних ограничительных мер и международных санкций для экономической системы Ливии.

Индукция и дедукция – для перехода от частных случаев (конкретные санкционные меры и односторонние ограничительные меры) к общим выводам и наоборот.

Моделирование – для прогнозирования дальнейшего развития экономики в условиях сохранения воздействия односторонних ограничительных мер и международных санкций.

Эмпирический метод - анализ научных документов, статистических данных и нормативно-правовых актов – изучение официальных отчетов, законодательных актов о международных санкциях, экономических показателей Ливии.

Эмпирическая база исследования включает в себя:

Нормативно-правовые акты - указы президентов США и постановления ЕС о введении санкций против Ливии. Законодательные акты, регулирующие нефтяную отрасль в стране (например - создание Национальной нефтяной компании NOC).

Методологическая новизна исследования заключается в комплексном сопоставлении не только мер воздействия односторонних ограничительных мер и международных санкций, но и мер противодействия на уровне национального законодательства, что редко учитывается в традиционных аналитических источниках. Применение сравнительного анализа позволило выявить ключевые факторы, позволяющие определить способы защиты от негативных последствий воздействия односторонних ограничительных мер и международных санкций.

Результаты и обсуждения

Как и большинство ближневосточных государств, получивших свою независимость по итогам окончания Второй Мировой Войны, Ливия начала свое существование как ресурсный придаток стран Запада.

После обретения государственной независимости, страна сохранила ориентацию своей экономики на экспорт природных ресурсов. Серьезных попыток начать развивать промышленную и технологическую базу внутри страны ливийскими властями практически не осуществлялось. Следствием подобной политики явилась низкая степень технологического суверенитета в ключевой для страны отрасли – сфере нефтедобычи и нефтепереработки.

Независимость Соединённого Королевства Ливия была провозглашена 24 декабря 1951 года. На момент своего создания, Ливия являлась одной из беднейших стран мира: промышленность практически отсутствовала, урбанизация и инфраструктура были на низком уровне.

В 1955 году на севере государства было открыто первое крупное месторождение нефти Зелтен, а в 1959 году были открыты крупные залежи нефти в Сиртском бассейне.

С этого периода в истории Ливии начался быстрый рост нефтедобычи, основанием для которого была раздача иностранным компаниям концессий на разведку месторождений и добычу нефти. Согласно условий концессий, половина прибыли доставалась государству [1].

Фактически, иностранные компании (Standard Oil, Marathon, Amerada и Continental Oil) до конца 60-х годов контролировали 90% добычи нефти в стране и 80% всех капиталовложений в отрасль [2].

Недальновидная внутренняя политика тогдашних ливийских властей закономерно привела к революционным событиям 1969 года, когда в Ливии была свергнута монархия, и к власти пришла группа офицеров во главе с Муаммаром Каддафи. Новые ливийские власти дали гарантии неприкосновенности активов иностранных компаний, что позволило на первоначальном этапе продолжить взаимовыгодное для обеих сторон сотрудничество.

В 1970-е годы в Ливии стартовала программа национализации производства в соответствии с внутренней политикой новых властей страны. Правительство либо национализировало нефтяные компании, либо активно вмешивалась в их деятельность (участвовало в добыче и транспортировке нефтепродуктов).

В рамках национализации, 5 марта 1970 года ливийским государством была создана Национальная нефтяная компания (NOC), которая подписала соглашение о сотрудничестве с иностранными компаниями, но с учетом пересмотра пропорций распределения прибыли с увеличением доли государства в доходах [3].

К 1974 году ливийские власти полностью национализировали активы копаний Exxon, Shell и Texaco. В результате выхода из Ливии американских компаний, их место заняли европейские энергетические компании, согласившиеся принять новые условия работы с ливийскими властями.

Примерно в этот же период времени Советский союз направил в Ливию специалистов, которые помогли ливийским властям создать Национальный институт нефти. Ещё одним примером удачного советско-ливийского энергетического сотрудничества можно назвать построенный советскими специалистами газопровод Мисурата – Марса-аль-Брега протяжённостью 570 километров.

Экономические успехи позволили новому политическому режиму Ливии в 6 раз увеличить поступления в бюджет относительно дореволюционного периода. Доходы, полученные от экспорта нефти, позволили начать финансирование деятельности террористических организаций по всему миру.

За эту деятельность американские власти 29 декабря 1979 года включили Ливию в список стран, поддерживающих терроризм. На момент принятия этого решения американской администрацией, зависимость ливийского бюджета от нефтяных доходов была огромной – бюджет более чем на 90% пополнялся за счет экспорта нефти.

При этом сохранялась существенная зависимость в сфере нефтедобычи от западных технологий и сервисов. Фактически, ни о каком технологическом суверенитете речи не шло: помощь от СССР носила фрагментарный характер, и стать полноценной заменой поставкам западных технологий и оборудования она не могла.

В 1982 году со стороны США были введены первые односторонние ограничительные меры против Ливии: было введено эмбарго на торговлю с Ливией, а через четыре года американским компаниям было приказано полностью прекратить работу в стране [4].

1986 год стал началом полного разрыва отношений США и Ливии: в январе Исполнительным Указом № 12543 (1986) президента США было установлено торговое эмбарго на поставки в Ливию, были заморожены ливийские активы в США, был установлен запрет на импорт нефти из Ливии [5].

На тот период времени американские односторонние ограничительные меры еще не носили экстерриториального характера, поэтому ущерб от них для Ливии был преодолим: экспорт нефти был перенаправлен в страны Западной Европы, а место американских компаний в Ливии заняли их конкуренты из Европы.

Следующий этап обострения отношений с США совпал с началом уже полноценного санкционного давления со стороны ООН.

В 1992 году Советом Безопасности ООН была принята первая санкционная резолюция UNSC Resolution 748 [6].

В 1993 году произошло усиление санкций ООН после принятия еще одной санкционной резолюции UNSC Resolution 883 [7].

На данном этапе санкции ООН не относились напрямую к нефтяному сектору Ливии, и имели скорее политический характер.

Фактически, санкциями ООН были установлены авиационные ограничения, эмбарго на поставки оружия, ограничения дипломатических и финансовых контактов, заморозка отдельных активов.

При этом, экспорт ливийской нефти не был запрещён, европейские нефтяные компании продолжали вести свою деятельность в Ливии, добыча нефти снижалась умеренно и в основном по причине общего ухудшения инвестиционного климата.

В 1996 году Конгрессом США был принят «Закон о санкциях против Ирана и Ливии 1996 года» (Iran and Libya Sanctions Act of 1996) [8].

Именно этот законодательный акт США, направленный на экономическое наказание иностранных компаний, инвестирующих в энергетический сектор Ирана и Ливии и позволил ограничить возможности этих стран развивать нефтяную отрасль. Одной из ключевых особенностей закона стало его применение к компаниям из третьих стран, то есть был закреплен принцип экстерриториальности. Наличие принципа экстерриториальности применения «Закона о санкциях против Ирана и Ливии 1996 года» исключило возможность европейских компаний продолжать работать в Ливии.

В начале 2000-х годов Ливия была исключена из закона, а он сам переименован в «Закон о санкциях против Ирана», но на момент своего принятия он существенно затруднил ливийским властям доступ к технологиям и другим объектам интеллектуальной собственности, имевшим американское происхождение.

В силу того, что санкции ООН не были напрямую направлены на нефтяной сектор экономики Ливии, у страны осталась возможность наполнять бюджет за счет экспорта нефти. Вместо американских технологических решений и сложного оборудования ливийские власти смогли получить их аналоги европейского происхождения (хоть и с определенными ограничениями).

Очевидно, что в условиях наличия альтернативных поставщиков технологий и высокотехнологичного оборудования, отсутствие реального технологического суверенитета не может стать причиной ухудшения экономической ситуации в стране.

Для Ливии ситуация изменилась в худшую сторону после начала в стране событий Арабской весны 2011 года.

Именно эти события привели в одновременному введению односторонних ограничительных мер со стороны США и Европейского Союза, а также наложению международных санкций Советом Безопасности ООН.

25 февраля 2011 года президентом США был подписан Исполнительный Указ № 13566, согласно которому были заблокированы все активы правительства Ливии, Центрального банка Ливии, находившиеся в США, американским компаниям и банкам было запрещено проводить любые транзакции с участием заблокированных структур [9].

Практически одновременно с американскими односторонними ограничительными мерами, Европейский Союз ввел собственные ограничительные меры. В частности, были приняты Решение Совета Европейского Союза 2011/137/CFSP от 28 февраля 2011 года [10], а также Регламент Совета Европейского Союза № 204/2011 от 2 марта 2011 года [11].

Односторонние ограничительные меры со стороны ЕС оказали существенное влияние именно на сектор нефтедобычи экономики Ливии. Эти меры включали в себя заморозку активов Национальной нефтяной корпорации, запрет на осуществление финансовых операций с нефтяными доходами ливийского правительства, ограничения на страхование и транспортировку ливийской нефти, а также эмбарго на поставки оборудования для энергетического сектора страны.

Эффект от воздействия американских и европейских односторонних ограничительных мер был усилен воздействием международных санкций, наложенных Советом Безопасности ООН.

Санкционный режим был установлен двумя основными Резолюциями Совета Безопасности ООН: Резолюцией 1970 от 28 февраля 2011 года и Резолюцией 1973 от 17 марта 2011 года.

Указанными Резолюциями были введены следующие ограничения: заморозка активов государственных структур (включая нефтяные доходы Ливии), установление финансовых ограничений для взаиморасчетов с правительственными структурами Ливии, введение контроля над судоходством и страхованием транспортировки нефти ливийского происхождения.

Санкции Совета Безопасности ООН усилили эффект от американских и европейских односторонних ограничительных мер, а также ограничили возможность восстановления отрасли нефтедобычи в будущем.

Именно международные санкции, наложенные по линии Совета Безопасности ООН, стали мощным препятствием для взаимодействия с поставщиками жизненно необходимых для Ливии технологических решений и высокотехнологичного оборудования.

Как показала практика, избежать негативного эффекта от воздействия односторонних ограничительных мер возможно только при условии наличия альтернативных поставщиков, готовых обходить такие ограничения. Подобный путь решения проблемы включает в себя принятие потенциальных рисков от воздействия экстерриториальных односторонних ограничительных мер. Однако все потенциальные риски учитываются в конечной цене поставляемых технологий и высокотехнологичного оборудования. В случае, если конечный потребитель готов платить стоимость, увеличенную за счет потенциальных рисков, то пути обхода ограничений найти возможно.

Если же эффект от воздействия односторонних ограничительных мер усиливается наложенными международными санкциями Совета Безопасности ООН, то лиц готовых принимать на себя подобные риски гораздо меньше.

Связано это с тем, что согласно статьи 25 Устава ООН, все государства обязаны выполнять решения Совета Безопасности. ООН не имеет структур для осуществления судебных процедур за уклонение международных санкций, равно как и за оказание помощи в подобном уклонении. Данная функция возложена на национальные судебные системы государств – членов ООН. Тем не менее, санкционные комитеты ООН контролируют соблюдение норм международного законодательства в части соблюдения международных санкционных режимов, а также могут инициировать введение соответствующих международных санкций против лиц, препятствующих действию решений Совета Безопасности ООН.

Власти Ливии мало что могли противопоставить введенным против страны ограничительным мерам. На уровне национального законодательства были попытки введения валютного и финансового контроля, а также институциональные меры по защите нефтяных доходов.

Эффективность подобных мер ограничивалась структурной зависимостью страны от мирового рынка нефти, который контролировался государствами, инициировавшими наложение ограничительных мер.

Опыт Ливии наглядно продемонстрировал что достижение подлинной независимости государства возможно только при условии достижения высокого уровня технологического суверенитета. Модификация национального законодательства страны должна иметь целью именно достижение подлинного технологического суверенитета в критически важных для государства отраслях экономики.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Негативные последствия от введения односторонних ограничительных мер и санкционных ограничений против нефтедобывающего сектора экономики Ливии оказались существенными именно вследствие невысокого уровня технологического суверенитета страны.

Только достижение существенного уровня технологического суверенитета может позволить

избежать нанесения ущерба экономике страны вследствие введения односторонних ограничительных мер со стороны недружественных государств.

Попытки противодействия воздействию односторонних ограничительных мер, равно как и воздействию международных санкций, в условиях недостаточного уровня технологического суверенитета, являются малоэффективными.

Для укрепления технологического суверенитета страны требуется планомерное развитие системы национального законодательства в этой сфере, а именно:

- установление юридического определения технологического суверенитета в критически важных отраслях экономики;
- установление на уровне нормативных правовых актов национального законодательства критериев для определения технологий, с помощью которых достигается технологический суверенитет;
- установление на законодательном уровне требований к глубине промышленной локализации технологий, позволяющих достичь целевого уровня технологического суверенитета страны;
- создание на законодательном уровне механизмов приоритетного допуска к недрам компаний, использующих отечественные технологии в сложных проектах.

Список литературы:

[1] Нефть Ливии. Снова добыча, снова экспорт URL: https://dprom.online/oilngas/neft-livii/ (дата обращения 17.03.2026).

[2] Ливия: война и нефть http://neftianka.ru/liviya-vojna-i-neft/ (дата обращения 17.03.2026).

[3] Ливийская Национальная нефтяная корпорация. URL: https://www.encyclopedia.com/books/politics-and-business-magazines/libyan-national-oil-corporation (дата обращения 17.03.2026).

[4] Удар по Ливии: как и почему США свергли Муаммара Каддафи. URL: https://news.ru/world/vtorzhenie-v-liviyu-ili-kak-amerikancy-v-afriku-demokratiyu-prinesli (дата обращения 17.03.2026).

[5] Исполнительный Указ № 12543 (1986) URL: https://www.archives.gov/federal-register/codification/executive-order/12543.html (дата обращения 18.03.2026).

[6] Резолюция Совета Безопасности ООН № 748 URL: https://digitallibrary.un.org/record/196976?ln=ru&v=pdf (дата обращения 18.03.2026).

[7] Резолюция Совета Безопасности ООН № 883 https://digitallibrary.un.org/record/197374?ln=ru&v=pdf (дата обращения 18.03.2026).

[8] Закон о санкциях против Ирана и Ливии 1986 года. URL: https://www.congress.gov/104/plaws/publ172/PLAW-104publ172.pdf (дата обращения 18.03.2026).

[9] Исполнительный Указ № 13566 от 25 февраля 2011 года. URL: https://ofac.treasury.gov/system/files/126/libya2_gl6.pdf (дата обращения 18.03.2026)

[10] Решение Совета Европы (ЕС) 2011/137/CFSP от 28 февраля 2011 года URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n11/546/92/pdf/n1154692.pdf (дата обращения 18.03.2026).

[11] Регламент Совета Европы (ЕС) № 204/2011 от 2 марта 2011 года URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2011/204/oj/eng (дата обращения 18.03.2026).

References:

[1] Libyan oil. Mining again, exporting URL again: https ://dprom.online/oilngas/neft-livii/(date of circulation 17.03.2026).

[2] Libya: war and oil http://neftianka.ru/liviya-vojna-i-neft/ (circulation date 17.03.2026).

[3] Libyan National Oil Corporation. URL: https://www.encyclopedia.com/books/politics-and-business-magazines/libyan-national-oil-corporation (дата обращения 17.03.2026).

[4] Libya strike: How and why the US overthrew Muammar Gaddafi. URL: https://news.ru/world/vtorzhenie-v-liviyu-ili-kak-amerikancy-v-afriku-demokratiyu-prinesli (дата обращения 17.03.2026).

[5] Executive Order No. 12543 (1986) URL: https://www.archives.gov/federal-register/codification/executive-order/12543.html (accessed on 18.03.2026).

[6] United Nations Security Council Resolution 748 URL: https://digitallibrary.un.org/record/196976?ln=ru&v=pdf (date of reference 18.03.2026).

[7] United Nations Security Council Resolution No. 883 https://digitallibrary.un.org/record/197374?ln=ru&v=pdf (date of appeal 18.03.2026).

[8] Iran and Libya Sanctions Act 1986. URL: https://www.congress.gov/104/plaws/publ172/PLAW-104publ172.pdf (date of contact 18.03.2026).

[9] Executive Decree No. 13566 of 25 February 2011. URL: https://ofac.treasury.gov/system/files/126/libya2_gl6.pdf (access date 18.03.2026)

[10] Council of Europe (EU) Decision 2011/137/CFSP of 28 February 2011 URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n11/546/92/pdf/n1154692.pdf (accessed 18.03.2026).

[11] Council of Europe Regulation (EC) No 204/2011 of 2 March 2011 URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2011/204/oj/eng (accessed on 18.03.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-35-39

БАХЧЕЕВ Иван Анатольевич,
аспирант кафедры конституционное, административное и уголовное право, Среднерусский институт управления-филиал РАНХиГС,
e-mail: Bakhcheev@gmail.com

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *Актуальность темы обусловлена переходом государственной политики в сфере защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей от декларативного признания к формированию целостной системы правовых средств, произошедшим в 2020–2024 гг. Конституционная реформа 2020 г., принятие Указа Президента РФ № 809, обновление образовательного законодательства и инициирование национальных проектов («Семья», «Молодежь России») вывели проблему правовой охраны ценностных оснований общества на уровень позитивного права, что требует комплексного анализа результатов реализуемой правовой политики и определения перспектив ее развития.*

Методологическую основу составляют общенаучные методы (диалектический, системный) и специально-юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования правовых норм и системного анализа.

В статье выявлены ключевые направления реализации правовой политики. На основе анализа образовательного законодательства обосновано, что трансформация терминологического аппарата (замена понятия «духовно-нравственные ценности» на «традиционные российские духовно-нравственные ценности» в ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации») выполняет ценностно-ориентирующую функцию. Установлено, что обновленная редакция ст. 48 Закона об образовании нормативно закрепляет обязанность педагогических работников формировать у обучающихся уважение к традиционным ценностям, переводя воспитательную компоненту в императивную плоскость. Описана роль Конституционного Суда РФ, рассматривающего традиционные ценности в качестве конституционно значимого блага, а также механизмы взаимодействия государства с институтами гражданского общества. Сформулированы предложения по преодолению проблемных аспектов в системе высшего образования, связанных с установками ценностного релятивизма.

Сделан вывод о создании благоприятных предпосылок для дальнейшего развития правовой политики. Перспективными направлениями являются разработка новых средств реализации данной политики, обеспечение системного взаимодействия государства и институтов гражданского общества, повышение эффективности воспитательной компоненты в образовательном процессе при сохранении баланса с конституционными правами и свободами.

Ключевые слова: *правовая политика, традиционные российские духовно-нравственные ценности, образовательное законодательство, Конституционный Суд РФ, национальные проекты, воспитание.*

BAKHCHEEV Ivan Anatolyevich,
graduate student of the Department of Constitutional, Administrative and Criminal Law, Central Russian Institute of Management-Branch of RANEPA

LEGAL POLICY IN THE FIELD OF ENSURING TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES: RESULTS AND PROSPECTS FOR IMPLEMENTATION

Annotation. *The relevance of the topic is due to the transition of state policy in the field of protecting traditional Russian spiritual and moral values from declarative recognition to the formation of an integral system of legal means that took place in 2020-2024. Constitutional reform of 2020, adoption of Decree of the President of the Russian Federation No. 809, updating educational legislation and initiating national projects ("Family," "Youth of Russia") brought the problem of legal protection of the values of society to the level of positive law, which requires a comprehensive analysis of the results of the implemented legal policy and determining the prospects for its development.*

The methodological basis is made up of general scientific methods (dialectical, systemic) and special legal methods: formal legal, comparative legal, method of interpreting legal norms and systemic analysis.

The article identifies key areas of implementation of legal policy. Based on the analysis of educational legislation, it is justified that the transformation of the terminological apparatus (replacing the concept of "spiritual and moral values" with "traditional Russian spiritual and moral values" in Art. 2 of the Federal Law "On Education in the Russian Federation") performs a value-orienting function. It has been established that the updated version of Art. 48 of the Law on Education normatively enshrines the obligation of teachers to form respect for traditional values among students, transferring the educational component to an imperative plane. The role of the Constitutional Court of the Russian Federation, which considers traditional values as a constitutionally significant good, as well as the mechanisms of interaction between the state and civil society institutions, is described. Proposals are formulated to overcome problematic aspects in the higher education system related to the attitudes of value relativism.

It was concluded that favorable prerequisites were created for the further development of legal policy. Promising areas are the development of new means of implementing this policy, ensuring systematic interaction between the state and civil society institutions, increasing the effectiveness of the educational component in the educational process while maintaining a balance with constitutional rights and freedoms.

Key words: *legal policy, traditional Russian spiritual and moral values, educational legislation, the Constitutional Court of the Russian Federation, national projects, education.*

Конституционная реформа 2020 г., закрепившая на высшем нормативном уровне приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей (ст. 67[1], 72, 114 Конституции РФ), обусловила необходимость пересмотра подходов к правовому регулированию в смежных отраслях. Последовавшее принятие Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809, утвердившего Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей [1], а также масштабное обновление образовательного законодательства в 2023–2024 гг. свидетельствуют о формировании целостной системы правовых средств охраны ценностных оснований общества.

Вместе с тем, несмотря на значительный объем принимаемых нормативных актов и активную правоприменительную практику, комплексный анализ результатов проводимой правовой политики, выявление соотношения заявленных целей и достигнутых эффектов, а также определение перспективных направлений дальнейшего развития остаются недостаточно представленными в юридической литературе.

Значимым направлением реализации государственной правовой политики в сфере сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей выступает принятие Федерального закона от 25 декабря 2023 г. № 685-ФЗ, которым внесены изменения в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [2]. Указанный законодательный акт инкорпорировал в образовательный процесс нормы, ориентированные на сохранение и развитие традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Особого внимания заслуживает трансформация терминологического аппарата Закона об образовании. В ст. 2 данного нормативного правового акта вместо ранее применявшегося понятия «духовно-нравственные ценности» законодательно закреплен термин «традиционные российские духовно-нравственные ценности». Данное нормативное закрепление обеспечивает выполнение образованием не только когнитивной (передача знаний), но и ценностно-трансляционной функции, ориентированной на воспроизводство базовых национальных ценностей, к числу которых относятся семья, патриотизм и защита Отечества. Введение в законодательство дефиниции «традиционные российские» призвано усилить механизмы охраны культурно-исторической памяти от угроз утраты, обеспечивая тем самым преемственность поколений.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в актуальной редакции формирует для педагогических работников двуединую нормативную конструкцию, предписывающую, с одной стороны, обеспечение надлежащего уровня освоения обучающимися

образовательных программ, с другой – формирование у обучающихся ценностного отношения к культурному наследию России.

В структуру образовательного процесса включены мероприятия, направленные на воспитание осознанного патриотизма, трудолюбия, ответственности, уважения к традициям многонационального народа Российской Федерации. Законодатель придает приоритетный статус направлению государственной образовательной политики, ориентированному на формирование у обучающихся понимания ценности традиций и культуры, рассматриваемых в качестве несущих конструкций российского общества. Нормативная реализация данного направления осуществляется посредством системного включения элементов духовно-нравственного воспитания в содержание образовательных программ и создания организационно-правовых условий для вовлечения молодежи в культурную жизнь страны, что обеспечивает ценностно-ориентирующую функцию образовательного права.

Существенным нововведением, характеризующим вектор развития образовательного законодательства, выступает нормативное закрепление обязанности педагогических работников направлять свою профессиональную деятельность на развитие у обучающихся чувства уважения к традиционным российским духовно-нравственным ценностям. Данное положение трансформирует воспитательную функцию педагогического труда из факультативной (реализуемой по усмотрению) в императивную, подлежащую безусловному исполнению в рамках осуществления образовательной деятельности.

Обновленная редакция ст. 48 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» акцентирует значимость воспитания у обучающихся уважения к памяти защитников Отечества и героев Отечества, а также к закону и правопорядку. Указанные направления воспитательной работы рассматриваются законодателем в качестве фундаментальной основы построения справедливого и законопослушного общества, что свидетельствует о конституционализации ценностных ориентиров на уровне отраслевого регулирования.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в обновленной редакции придает особую нормативную значимость формированию у обучающихся уважения к труду и старшему поколению, а также осознания ценности накопленного старшим поколением опыта и мудрости.

Анализ правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 23 сентября 2014 г. № 24-П [3], позволяет заключить, что Судом сформулирована концептуальная доктрина конституционной защиты традиционных ценностей, имеющая фундаментальное значение для развития отраслевого законодательства.

Федеральный закон от 19 декабря 2023 г. № 618-ФЗ [4] внес в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» положения, регламентирующие порядок использования средств связи обучающимися. В рамках законодательного регулирования образовательного процесса установлен императивный запрет на использование средств связи в период проведения учебных занятий. Исключение из данного правила предусмотрено лишь для случаев возникновения угрозы жизни или здоровью обучающихся либо работников образовательной организации, а также в иных экстренных ситуациях, требующих незамедлительного реагирования.

Отдельного внимания заслуживают особенности правового регулирования, касающиеся организации контроля за соблюдением установленных ограничений. Федеральный законодатель, не предусмотрев унифицированных механизмов изъятия и временного хранения мобильных устройств на период учебного дня, избрал модель субсидиарного правового регулирования, делегировав решение указанных вопросов на локальный уровень — в компетенцию администрации образовательных организаций.

Избранный подход характеризуется правовой дуалистичностью. С одной стороны, он обусловливает необходимость разработки педагогическими коллективами эффективных внутриорганизационных процедур контроля, а также адаптации образовательного процесса к новым требованиям нормативного регулирования. Указанное обстоятельство актуализирует вопрос о единообразии правоприменительной практики в отсутствие централизованных методических рекомендаций.

С другой стороны, локальный характер регулирования способствует формированию у обучающихся осознанного отношения к значимости учебного процесса и выступает стимулирующим фактором для выработки более сосредоточенного и ответственного отношения к освоению образовательных программ. Данный эффект достигается за счет вовлечения обучающихся в процесс осмысления установленных правил и их обоснования, что корреспондирует воспитательной функции образовательной организации.

Таким образом, избранная законодателем модель правового регулирования, основанная на сочетании федерального императива (установление самого запрета) и локальной дискреции (определение механизмов реализации), обеспечивает баланс между единообразием нормативных требований и учетом специфики каждой

образовательной организации, что в полной мере соответствует принципу субсидиарности, закрепленному в ч. 4 ст. 30 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

В марте 2024 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным дано поручение Правительству Российской Федерации и Администрации Президента Российской Федерации о разработке национального проекта, направленного на воспитание «гармонично развитой и социально ответственной личности» на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей [5].

Реализация национального проекта «Семья» в рамках мер поддержки семей и стимулирования рождаемости предусматривает не только меры материального характера, но и комплексное укрепление традиционных семейных ценностей. Структурная организация проекта включает три ключевых блока: обеспечение благополучия семьи, развитие инфраструктуры для родителей, а также воспитание детей [6]. Последний из указанных блоков непосредственно ориентирован на формирование у подрастающего поколения уважительного отношения к традиционным российским духовно-нравственным ценностям, что свидетельствует о ценностно-ориентированном характере государственной политики в сфере семейных отношений.

С учетом проведенного анализа нормативной базы и правоприменительной практики представляется возможным выделить следующие перспективные направления развития правовой политики в исследуемой сфере.

В условиях завершения этапа формирования базовой нормативной основы актуальной задачей выступает уточнение и конкретизация отдельных положений образовательного законодательства. Перспективным направлением является разработка единых методических рекомендаций Министерства просвещения РФ по реализации положений ст. 48 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в части формирования у обучающихся уважения к традиционным ценностям. Унификация подходов к воспитательной работе при сохранении локальной автономии образовательных организаций позволит обеспечить единообразие правоприменительной практики без нивелирования специфики отдельных образовательных учреждений.

Кроме того, целесообразно законодательное закрепление критериев оценки эффективности воспитательной деятельности образовательных организаций, что позволит перевести декларативные нормы в плоскость измеримых результатов.

Перспективным направлением выступает формирование системных механизмов участия институтов гражданского общества в реализации правовой политики по укреплению традиционных ценностей. Речь идет не только о поддержке общественных инициатив (что уже имеет место), но и о создании правовых форм соучастия негосударственных организаций в разработке и реализации образовательных программ, культурно-просветительских проектов, а также в мониторинге эффективности проводимых мероприятий.

Целесообразно законодательное закрепление статуса «социально ориентированных некоммерческих организаций в сфере духовно-нравственного воспитания» с предоставлением соответствующих преференций и механизмов взаимодействия с государственными образовательными организациями.

Национальные проекты «Семья» и «Молодежь России» обладают значительным потенциалом для системной интеграции в образовательный процесс. Перспективным направлением является разработка межведомственных программ, обеспечивающих:

- включение модулей по традиционным семейным ценностям в основные образовательные программы высшего образования (особенно педагогических направлений подготовки);
- создание системы повышения квалификации педагогических работников по вопросам духовно-нравственного воспитания;
- развитие волонтерских (добровольческих) программ, ориентированных на социальное служение и передачу опыта старших поколений молодежи.

Особого внимания заслуживает формирование механизмов преемственности между общим, средним профессиональным и высшим образованием в части реализации ценностно-ориентированной воспитательной компоненты.

Избранная законодателем модель субсидиарного регулирования (федеральный запрет + локальные механизмы реализации) создает предпосылки для дифференциации правоприменительной практики. Перспективным направлением выступает:

- обобщение и анализ лучших практик, разработанных администрациями образовательных организаций;
- разработка на федеральном уровне примерных (модельных) локальных нормативных актов, регламентирующих порядок изъятия, хранения и возврата мобильных устройств;
- создание системы мониторинга соблюдения установленных ограничений с возможностью корректировки правового регулирования на основе эмпирических данных.

Важнейшим перспективным направлением является обеспечение баланса между реализацией государственной политики по укреплению традиционных ценностей и соблюдением конституционных прав и свобод участников образовательных отношений. В этой связи актуальными выступают:

– правовой мониторинг применения мер дисциплинарного воздействия к обучающимся с целью исключения злоупотреблений;
– развитие механизмов внесудебной защиты прав участников образовательных отношений (комиссии по урегулированию споров, медиативные процедуры);
– обеспечение транспарентности локальных нормативных актов, регламентирующих воспитательную деятельность и дисциплинарную практику.

Таким образом, в период 2020–2024 гг. в Российской Федерации сформирована системная правовая основа реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, что выразилось в конституционном закреплении их приоритета, принятии Указа Президента РФ № 809, обновлении образовательного законодательства (Федеральные законы № 685-ФЗ и № 618-ФЗ) и инициировании национальных проектов «Семья» и «Молодежь России», что ознаменовало переход от декларативного признания к целостному механизму правовой охраны, ключевым направлением которого стала трансформация образовательного законодательства, включая унификацию терминологии, императивизацию воспитательной функции педагогических работников и создание условий для формирования у обучающихся уважения к традиционным ценностям, при этом правовые позиции Конституционного Суда РФ заложили доктрину конституционной защиты традиционных ценностей как конституционно значимых благ, а дальнейшими перспективами выступают разработка единых методических рекомендаций, законодательное закрепление критериев эффективности воспитательной деятельности, институционализация участия гражданского общества, интеграция национальных проектов в образовательные стандарты и обеспечение баланса между ценностно-ориентированной политикой и конституционными правами участников образовательных отношений.

Список литературы:

[1] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

[2] О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» : Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 685-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 1 (ч. I). Ст. 12.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июня 2018 г. № 25-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 5.

[4] О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» : Федеральный закон от 19 декабря 2023 г. № 618-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 52 (ч. I). Ст. 9368.

[5] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. // Российская газета. 2024. 1 марта.

[6] Паспорт национального проекта «Семья» : утв. протоколом заседания Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 15 марта 2024 г. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] On the approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 46. Art. 7977.

[2] On Amendments to the Federal Law “On Education in the Russian Federation”: Federal Law of December 25, 2023 No. 685-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 1 (part I). Art. 12.

[3] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 20, 2018 No. 25-P//Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2018. № 5.

[4] On Amendments to the Federal Law “On Education in the Russian Federation”: Federal Law of December 19, 2023 No. 618-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 52 (part I). Art. 9368.

[5] Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of February 29, 2024//Rossiyskaya Gazeta. 2024. March 1.

[6] Passport of the national project “Family”: approved Minutes of the meeting of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects dated March 15, 2024 No. 3//SPS “ConsultantPlus.”

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-40-43

СОЛДАТОВА Валентина Алексеевна,
Студент юридического факультета
Финансового университета при Правительстве РФ,
e-mail: 216536@edu.fa.ru

Научный руководитель:
БЕЛОУСОВ Андрей Леонидович,
к.э.н., доцент Юридического факультета
Финансового университета при Правительстве РФ,
e-mail: albelousov@fa.ru

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу современных проблем защиты прав потребителей в условиях цифровизации экономики и глобализации рынка услуг. В работе проводится анализ судебной практики по резонансным делам и выявляются пробелы в законодательстве. Статья будет полезна специалистам в области гражданского и потребительского права.*

В рамках статьи рассматривается вопрос о том, какие новые вызовы для института защиты прав потребителей порождает развитие цифровых платформ и дистанционных договоров. Автор приходит к выводу, что существующие правовые механизмы не всегда способны эффективно урегулировать отношения, где потребитель сталкивается с автоматизированными сервисами и размытой ответственностью исполнителей. Автор выделяет такие недостатки, как асимметрия прав при дистанционной покупке товаров и услуг, дефицит оперативных мер воздействия, а также недостаточность административных инструментов влияния на цифровые платформы.

В заключении автор делает вывод о том, что институт защиты прав потребителей находится на новом этапе развития, ключевым содержанием которого является адаптация к цифровой реальности. При этом судебная практика, демонстрируя примеры эффективной защиты, не может полностью компенсировать отставание законодательства, что обуславливает необходимость глубокого и детального подхода к модернизации нормативной базы. Только на основе такого подхода, включающего введение «периода охлаждения» для услуг, легализацию права на удержание и усиление контроля за платформами, возможно создать действенную систему защиты, способную стать фундаментом для устойчивого развития гражданского оборота и повышения качества услуг.

Ключевые слова: *защита прав потребителей, цифровизация экономики, дистанционное оказание услуг, судебная практика, навязывание услуг, асимметрия прав, право на отказ, правовое регулирование.*

SOLDATOVA Valentina Alekseevna,
law student of Financial University
under the Government of the Russian Federation

Scientific supervisor:
BELOUSOV Andrey Leonidovich,
PhD in Economics, Associate Professor
at the Faculty of Law Financial University
under the Government of the Russian Federation

PROBLEMS OF CONSUMER RIGHTS PROTECTION IN MODERN CONDITIONS

Annotation. *This article provides a comprehensive analysis of contemporary consumer protection issues in the context of the digitalization of the economy and the globalization of the services market. It analyses court practice in high-profile cases and identifies gaps in legislation. The article will be useful for specialists in civil and consumer law.*

The article examines the question of what new challenges the development of digital platforms and remote contracts poses for the institution of consumer protection. The author concludes that existing legal mechanisms are not always capable of effectively regulating relationships where consumers encounter automated services and blurred responsibilities of service providers. The author highlights such shortcomings as asymmetry of rights in remote purchases of goods and services, a lack of effective measures of influence, and insufficient administrative tools to influence digital platforms.

In conclusion, the author concludes that the institution of consumer protection is at a new stage of development, the key feature of which is adaptation to the digital reality. At the same time, judicial practice, demonstrating examples of effective protection, cannot fully compensate for the lag in legislation, which necessitates a thorough and detailed approach to modernization the regulatory framework. Only on the basis of such an approach, including the introduction of a "cooling-off period" for services, the legalization of the right of retention and the strengthening of control over platforms, is it possible to create an effective protection system capable of becoming the foundation for the sustainable development of civil turnover and improving the quality of services.

Key words: *consumer rights protection, digitalization of the economy, remote provision of services, judicial practice, imposition of services, asymmetry of rights, right of withdrawal, legal regulation.*

В современной рыночной экономике, характеризующейся глобализацией и стремительной цифровизацией, сфера услуг приобретает доминирующее значение. Одновременно с расширением рынка усугубляется системный дисбаланс в отношениях между профессиональным исполнителем, обладающим всей полнотой информации и юридических знаний, и потребителем, выступающим в роли экономически более слабой стороны. Данное неравенство в XXI веке обретает новые формы. Развитие цифровых платформ, агрегаторов и дистанционного заключения договоров порождает принципиально новые вызовы, которые существующие правовые механизмы не всегда способны эффективно урегулировать.

Ключевыми факторами, дестабилизирующими защиту прав потребителей, сегодня выступают: во-первых, проблема идентификации исполнителя при взаимодействии с цифровыми платформами-агрегаторами; во-вторых, неосязаемость результата и автоматизированный характер услуг, что затрудняет доказывание их некачественности; в-третьих, агрессивный маркетинг для навязывания услуг.

Анализ судебной практики демонстрирует попытки судов адаптировать классические нормы к новым реалиям. Показательным является дело по иску к ООО «Яндекс.Такси». Суды, преодолевая формальную позицию ответчика о статусе «информационного посредника», указали, что использование единого бренда и фирменной символики формирует у потребителя обоснованное представление о заключении договора именно с агрегатором, что влечет его солидарную ответственность за вред, причиненный перевозкой [5]. Данный подход, создает важный прецедент защиты прав потребителей, однако он не решает проблему системно, требуя законодательного закрепления.

Другим ярким примером является практика борьбы с навязыванием услуг. В деле Управления Роспотребнадзора против АО «Авиакомпания «Нордстар» суд квалифицировал автоматически проставленное согласие на страхование при онлайн-бронировании как нарушение ст. 16 Закона РФ «О защите прав потребителей». Центральный Банк РФ поддержал позицию, указав, что предустановленная «галочка» искажает волеизъявление потребителя и не может считаться свободным согласием [4]. Однако, несмотря на положительную практику, такие действия остаются повсеместными, что свидетельствует о недостаточной превентивной силе существующих санкций.

Особую сложность представляет защита прав в сфере онлайн-образования. Дело против ООО «ГикБрейнс», рассмотренное Верховным Судом РФ, выявило проблему неправильной квалификации требований. Суды нижестоящих инстанций, установив существенные недостатки услуги (изменение программы), ошибочно применили ст. 32 Закона (право на отказ без объяснения причин), вместо ст. 29 (последствия обнару-

жения недостатков), что привело к пропорциональному, а не полному возврату средств. Верховный Суд подчеркнул, что при отказе из-за существенных недостатков потребитель имеет право на возврат всей уплаченной суммы [3]. Это решение имеет фундаментальное значение, но оно не отменяет главной проблемы: отсутствие у потребителя права на безусловный отказ от дистанционно приобретенной услуги по аналогии с товаром.

Проведенный анализ позволяет выделить ряд системных проблем. Во-первых, асимметрия прав при дистанционной торговле товарами и услугами. Статья 26.1 Закона о защите прав потребителей предоставляет потребителю право на отказ от товара в течение 7 дней без объяснения причин [2]. В отношении услуг такое общее право отсутствует. Это создает парадоксальную ситуацию: заказав ненужный онлайн-курс под влиянием маркетинга, потребитель лишен возможности быстрого и безусловного отказа, что стимулирует недобросовестные практики.

Во-вторых, дефицит оперативных мер защиты. Существующий досудебный порядок часто игнорируется исполнителями, так как не влечет для них дополнительных негативных последствий. Потребитель лишен эффективных инструментов оперативного воздействия на недобросовестного контрагента, подобных праву на удержание, широко применяемому в коммерческом обороте.

В-третьих, недостаточность административных инструментов воздействия на цифровые платформы. Роспотребнадзор, будучи ключевым органом надзора, обладает ограниченными возможностями для оперативного пресечения деятельности ресурсов, систематически нарушающих права потребителей. Процедура блокировки таких сайтов требует длительных судебных процедур, что в условиях скоростного распространения информации в интернете является неэффективным.

Решение выявленных проблем требует комплекса мер, направленных на модернизацию Закона «О защите прав потребителей» и смежных отраслей законодательства.

Эффективным представляется введение «периода охлаждения» для дистанционных услуг. Предлагается распространить действие механизма, аналогичного ст. 26.1 Закона, на договоры возмездного оказания услуг и выполнения работ, заключаемые дистанционно. Потребителю должно быть предоставлено право отказаться от исполнения договора в течение 14 дней без объяснения причин, за исключением случаев, когда исполнение уже начато с его письменного согласия и завершено. Это восстановит баланс интересов и снизит риск импульсивных покупок.

Кроме того, важно легализовать право потребителя на удержание. Целесообразно дополнить Закон нормой, предоставляющей потребителю право приостановить оплату работы (услуги) при обнаружении существенных недостатков или существенного нарушения сроков, письменно уведомив об этом исполнителя. На сумму удержания не должны начисляться проценты по ст. 395 ГК РФ, а удержание должно рассматриваться как временная обеспечительная мера, стимулирующая исполнителя к добросовестному исполнению обязательства. Реализация этого предложения потребует корректировки ст. 359 и ст. 360 ГК РФ в части расширения круга субъектов права на удержание в потребительских отношениях [1]. Это временная обеспечительная мера, а не окончательный расчет, и в случае необоснованного удержания исполнитель сможет взыскать убытки.

Другим рычагом воздействия является усиление административно-правового воздействия на цифровые платформы. Необходимо наделить Роспотребнадзор правом направлять в Роскомнадзор требования о блокировке (ограничении доступа) к интернет-ресурсам, допустившим грубые или неоднократные нарушения прав потребителей, на основании вступившего в силу постановления о привлечении к административной ответственности. Параллельно следует создать публичный реестр недобросовестных исполнителей, включение в который будет служить репутационной санкцией и основанием для проведения внеплановых проверок.

Таким образом, институт защиты прав потребителей находится на новом этапе развития, ключевым содержанием которого является адаптация к цифровой реальности. Судебная практика, демонстрируя примеры эффективной защиты прав граждан, не может полностью компенсировать отставание законодательства. Предложенные меры формируют целостную концепцию модернизации. Их реализация позволит создать более сбалансированную правовую среду, где добросовестность станет конкурентным преимуществом, а нарушение прав потребителей — экономически невыгодным и оперативно пресекаемым, что в конечном итоге будет способствовать устойчивому развитию гражданского оборота и повышению качества услуг.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[2] Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» (принят Верховным советом Российской Федерации 7 февраля 1992 г.) (в ред.

от 28 декабря 2025 г.) // Российская газета. 1992 г. 7 апреля.

[3] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.10.2024 по делу N 4-КГ24-57-К1 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 05.02.2026).

[4] Решение Железнодорожного районного суда г. Красноярска от 26.03.2025 по делу N 2-917/2025 // Официальный сайт Железнодорожного районного суда г. Красноярска. URL: https://geldor.krk.sudrf.ru/ (дата обращения: 05.02.2026 г.).

[5] Решение Дзержинского районного суда г. Нижнего Тагила Свердловской области от 20.12.2023 по делу N 2-1040/2023 // Официальный сайт Дзержинского районного суда г. Нижнего Тагила Свердловской области. URL: https://dzerzhinsky.svd.sudrf.ru/ (дата обращения: 05.02.2026).

[6] Белоусов, А. Л. Права инвесторов: поиск баланса интересов государства и бизнеса / А. Л. Белоусов // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : Материалы международного круглого стола, Минск, 24 октября 2023 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2023. – С. 13-17.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (rev. dated 29.12.2022) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. - Art. 3301.

[2] Law of the Russian Federation “On Protection of Consumer Rights” (adopted by the Supreme Council of the Russian Federation on February 7, 1992) (as amended on December 28, 2025) // Rossiyskaya Gazeta. April 7, 1992.

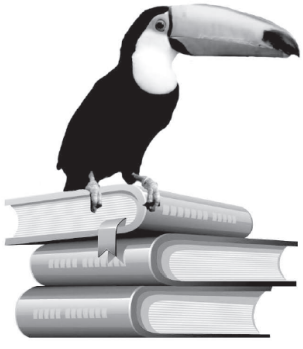
[3] Ruling of the Judicial Chamber for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4-KG24-57-K1 of October 22, 2024 // RLC ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/ (accessed: 05.02.2026).

[4] Decision of the Zheleznodorozhny District Court of Krasnoyarsk

No. 2-917/2025 of March 26, 2025 // Official website of the Zheleznodorozhny District Court of Krasnoyarsk. URL: https://geldor.krk.sudrf.ru/ (accessed: 05.02.2026).

[5] Decision of the Dzerzhinsky District Court of Nizhny Tagil, Sverdlovsk Region No. 2-1040/2023 of December 20, 2023 // Official website of the Dzerzhinsky District Court of Nizhny Tagil, Sverdlovsk Region. URL: https://dzerzhinsky.svd.sudrf.ru/ (accessed: 05.02.2026).

[6] Belousov, A. L. Investor Rights: Seeking a Balance of Interests between the State and Business / A. L. Belousov // Theoretical and Applied Perspectives of Legal Support for Economic Development : Proceedings of the International Round Table, Minsk, October 24, 2023. – Minsk: Belarusian State University, 2023. – pp. 13-17.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-44-47

ДМИТРИЕВ Григорий Геннадьевич,
доктор педагогических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник АУС ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: vifk-nic@yandex.ru

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы характеристики внешних (средовых) условий и внутренних (личностных) факторов, затрудняющих формирование духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола.*

Ключевые слова: *духовно-нравственные ценности, микросреда несовершеннолетние осужденные женского пола, воспитательная колония.*

DMITRIEV Grigory Gennadievich,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Leading Researcher of AUS FKU NII FSIN of Russia,
Moscow, Russian Federation

EXTERNAL AND INTERNAL CONDITIONS FOR THE FORMATION OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF MINORS

Annotation. *The article discusses the characteristics of external (environmental) conditions and internal (personal) factors that make it difficult to form the spiritual and moral values of female juvenile convicts.*

Key words: *spiritual and moral values, microenvironment of juvenile convicts of the female sex, educational colony.*

В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) в числе важнейших комплексных проблем, требующих нового осмысления, выступает проблема формирования духовно-нравственных ценностей осужденных, в числе которых и формирование духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола.

Уделим основное внимание характеристике внешних (средовых) условий и внутренних (личностных) факторов, затрудняющих формирование духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола.

Под внешними условиями рассматриваются объективные социально-педагогические события, которые тормозят ход формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола в условиях изоляции их от общества, а к внутренним личностным факторам относятся те, которые связаны с негативными качествами личности несовершеннолетней осужденной женского пола и на которые можно воздействовать, уделив им наибольшее внимание. По мнению А.В. Пищелко, Д.В. Сочивко существует диалектическая взаимосвязь между содержанием и направленностью воздействий на личность осужденной и состоянием структуры внутренней нравственной сферы ее личности, степени и глубины принятия внешних воздействий [7].

К внешним условиям относятся режим исполнения и отбывания наказания; микросреда осужденных; социальный статус несовершеннолетней осужденной; уровень адаптации несовершеннолетних осужденных женского пола; их взаимоотношения.

Внутренние (личностные) факторы – это нравственные потребности, ценности, нравственная ответственность несовершеннолетних осужденных женского пола; уровень волевой саморегуляции; осознанность жизненных целей и способов их достижения; адекватность отношения; Я-концепция.

Раскроем более подробно сущность вышеперечисленных условий и факторов.

Режим, согласно ст. 9 Уголовно-исполнительного Кодекса РФ, – это установленный порядок исполнения и отбывания наказания [8].

А.С. Макаренко отмечает, «чтобы режим колонии отвечал своему назначению, все его требования должны быть целесообразными, определенными, точными и общеобязательными» [4].

Отрицательной с точки зрения нравственных норм, системы ценностных ориентаций, которые в ней присутствуют, является микросреда несовершеннолетних осужденных: педагогически неблагоприятную микросреду формирует большое скопление лиц, имеющих существенные духовно-нравственные пороки, отличающихся низкой степенью духовной и моральной развитости.

К социально-психологическим особенностям микросреды несовершеннолетних осужденных женского пола в воспитательных колониях, с точки зрения Т.В. Пивоваровой [6], можно отнести: ограниченность сферы общения; информационную истощаемость; потерю интереса друг к другу, которые возникают в процессе постоянного общения несовершеннолетних осужденных женского пола во всех жизненных сферах воспитательной колонии.

Социально-педагогические особенности микросреды – это неофициальное распределение ролей, властных полномочий, материально-бытовых льгот, а также наличие малых групп со специфической субкультурой: отрицательные нормы, обычаи и традиции, искаженные нравственные принципы в самооценке и оценке других.

Существенным элементом микросреды в воспитательной колонии является жесткое неофициальное деление несовершеннолетних осужденных женского пола на слои и касты. Причиной данного процесса, отражающего специфику их группового поведения, является желание ряда несовершеннолетних осужденных женского пола выделиться среди других в особую лидирующую группу, таким образом, обеспечить себе некоторые привилегии за счет ущемления интересов других.

Такое искаженное понимание духовно-нравственных ценностей несовершеннолетними осужденными женского пола часто приводит к применению физической силы и жестокости. Результаты опросов, проведенных в воспитательных колониях, показали, как несовершеннолетние осужденные женского пола понимают такие качества, как совесть, долг, справедливость, достоинство, требовательность, сострадание и др. Свыше 54% из них не смогли объяснить смысл этих понятий. Например, достоинство они объяснили как силу, а требовательность как придирчивость, сострадание определили как признак слабости, недостойной «настоящей женщины» и т.д.

Такая трактовка духовно-нравственных ценностей и низкий культурный уровень приводят к тому, что групповое поведение несовершеннолетних осужденных женского пола строится на основе искаженных представлений о соотношении личного и общественного.

В то же время в группах у них формируются бездуховные и безнравственные ценности.

В след за Л.А. Волошиной мы рассматриваем пять групп норм этического поведения, деформация которых препятствует формированию духовно-нравственных ценностей у несовершеннолетних осужденных женского пола: нормы, нарушающие основные принципы духовности и нравственности; нормы, снижающие культуру межличностного общения и способствующие конфликтному общению; нормы, разрешающие насильственные действия [2].

Таким образом, распространение групповых норм, разрешающих насилие, способствующих увеличению числа несовершеннолетних осужденных женского пола, нежелающих согласовывать свое поведение с духовно-нравственными общественными нормами, проявляющих негативное отношение к наказанию, не признающих свою вину и не раскаявшихся за преступление создает конфликтную и жестокую атмосферу. Иерархическая структура межличностных ролей, неадекватная самооценка несовершеннолетних осужденных женского пола влияет на круговую поруку в безнравственном отношении к окружающему миру, что способствует стремлению, вновь прибывшим в воспитательную колонию, несовершеннолетних осужденных женского пола попасть в группу, где легче адаптироваться. При этом можно выделить три позиции их отрицательной адаптации, влияющих на формирование у них духовно-нравственных ценностей: принятие роли нарушительницы установленного в воспитательной колонии режима содержания со всей ее поведенческой атрибутикой (хулиганскими выходками, дерзостью и др.); принятие роли исполнителя, когда поведение и деятельность несовершеннолетней осужденной женского пола, зависят от желаний и указаний лидера отрицательной микрогруппы, при этом цель деятельности исполнительницы зависит от ситуации, изменяется вместе с ней, а также от желаний и указаний лидера отрицательной группы; принятие роли отвергнутой, что влечет за собой презрение со стороны окружающих, положение «униженного».

Удовлетворение потребности в общении вновь прибывшие несовершеннолетние осужденные женского пола получают в небольших группах негативной направленности, где вырабатывается особая система ценностей. Так, в Новооскольской воспитательной колонии Белгородской области, несовершеннолетним осужденным женского пола было предложено проранжировать понятия (общение с друзьями, престиж в группе, общественная работа, материальное бла-

гополучие и др.) и оценить их по пятибалльной шкале. Результаты получились следующие: престиж в группе (4,8), общение с друзьями (4,7), материальное благополучие (4,3), общественная работа (3).

Малые группы отрицательной направленности позволяют несовершеннолетним осужденным женского пола удовлетворить потребность в идеале образа поведения, который является негативным идеалом, предлагаемым группой в качестве образца, для этого не требуется больших усилий. Формирование общего идеала группы способствует улучшению эмоционального состояния несовершеннолетних осужденных женского пола, осознанию собственного неодиночества. С их точки зрения это единственный круг общения, формирующий «моральный кодекс» группы, согласно которому главными качествами являются риск, смелость, непризнание собственной слабости и вины и др. При этом данные качества расшатывают духовно-нравственные ценности воспитанниц, что делает легким переход от безнравственных поступков к противоправным.

Данный «моральный кодекс» является стандартом в поведении несовершеннолетних осужденных женского пола в группе и регламентирует их деятельность. Основой для поведения всех членов группы является значимость суждений группы, общения внутри нее, с группой связывается психологическая защищенность и физическая безопасность.

Формирование духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола во многом определяется характером и содержанием их взаимоотношений с окружающими. Взаимоотношения в группе строятся в системе «воспитатель – актив – осужденная», которые, несмотря на их различия по своей природе и содержанию, взаимосвязаны между собой. Для удобства анализа в рамках рассматриваемой системы мы выделим три подсистемы для педагогической характеристики: «воспитатель – осужденная», «активист – осужденная», «осужденная – осужденная».

Структура официальных взаимоотношений в воспитательной колонии включает отношения руководства-подчинения, которые ограничены рамками подсистемы «воспитатель – осужденная». Подсистема «воспитатель – осужденная» во многом определяется качествами личности воспитателя, осужденной и их деятельности. Эффективность данной подсистемы зависит от социальной среды и микросреды несовершеннолетних осужденных женского пола.

Эффективность взаимодействия воспитателя и осужденной во многом определяется ответственностью воспитателя к своей работе и осужденной за свои поступки, действия и поведение.

Воспитатель организует деятельность несовершеннолетней осужденной женского пола по формированию у нее нравственной ответственности за содеянное, добиваясь переживания несовершеннолетней осужденной женского пола наказания, раскаяния в совершенном преступлении, осознания вины в противоправных действиях. В тоже время информация, поступающая от несовершеннолетней осужденной женского пола к воспитателю, позволяет ему предотвратить возможные конфликтные ситуации, принимая конкретные меры по их предупреждению, способствовать сознательной саморегуляции взаимоотношений воспитанниц.

В контексте педагогических исследований (О.Г. Ананьева, В.М. Литвишкова, А.Ф. Никитина и др.) можно сделать вывод о том, что воспитатель успешно руководит формированием духовно-нравственных ценностей, когда он предвидит мотивы, цели, средства достижения и результат деятельности несовершеннолетних осужденных женского пола [1; 3; 5].

Важно, чтобы мотивы, цели, средства и результат деятельности воспитателя и несовершеннолетней осужденной женского пола совпадали.

В противном случае возникают отрицательные взаимоотношения, когда несовершеннолетние осужденные направляют свои усилия на противодействие воспитателю открыто нарушая дисциплину, что способствует нарушению контактов между воспитателем и несовершеннолетними осужденными женского пола к рассогласованию самой подсистемы отношений ответственной зависимости всех ее субъектов.

Рассогласование подсистемы «воспитатель – осужденная», возникновение отрицательных взаимоотношений и неуправляемость процессом формирования духовно-нравственных ценностей осужденных, как правило, происходят от непрофессионализма воспитателя.

Педагогическое мастерство воспитателя характеризуется высоким уровнем его культуры, способностями и умениями согласовывать свою деятельность с деятельностью несовершеннолетних осужденных женского пола, налаживать правильные взаимоотношения с осужденными. Уровень педагогического мастерства воспитателя колонии имеет большое значение в процессе формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола. В тоже время непрофессионализм воспитателей сводится к морализированию, нотациям, преобладанию словесных форм воздействия,

недооценке активности несовершеннолетних осужденных женского пола, что не несет большой воспитательной нагрузки и не способствует развитию у несовершеннолетних осужденных женского пола в нравственной ответственности, адекватной самооценки.

Формирование духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола – весьма сложный процесс, и эффективно им управлять только силами воспитателей практически невозможно. Безынициативность процесса во многом зависит от успешности вовлечения осужденных из числа положительно зарекомендовавших себя несовершеннолетних осужденных женского пола, проявляющих общественную активность.

Список литературы:

[1] Ананьев, О.Г. Составление воспитательной программы исправления несовершеннолетних осужденных женского пола в Рязанской воспитательной колонии / О.Г. Ананьев // Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних. Тюремная библиотека. – 2000. – Вып. 10. – С. 49-55.

[2] Волошина, Л.А. Нарушение нравственных норм как фактор насильственных преступлений / Л.А. Волошина // Вопросы борьбы

с преступностью. – М.: Юрид. лит., 1984, № 40. – С. 26-32.

[3] Литвишков, В.М. Формирование воспитывающего коллектива несовершеннолетних осужденных / В.М. Литвишков. – Рязань, 1999. – 18 с.

[4] Макаренко, А.С. Педагогическая поэма / А.С. Макаренко. –

М.: Учпедгиз, 1951. – 639 с.

[5] Никитин, А.Ф. Положительные взаимоотношения трудных подростков с коллективом класса как фактор их перевоспитания /

А.Ф. Никитин // Вопросы методов педагогических исследований. – М.: НИИ АПН СССР, 1974. – 120 с.

[6] Пивоварова, Т.В. Психолого-педагогические детерминанты формирования нравственных и волевых качеств несовершеннолетних осужденных женского пола: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06 / Пивоварова Татьяна Васильевна. – Рязань, 2015. – 320 с.

[7] Пищелко, А.В. Реадаптация и ресоциализация / А.В. Пищелко,

Д.В. Сочивко. – М.: ПЕРСЭ, 2003. – 208 с.

[8] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон: [от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ; в ред. от 5 мая 2014 г. № 104- ФЗ] // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 2.

[9] Вилкова А. В., Кашкина Е. В. Самоутверждение несовершеннолетних правонарушителей: пути и средства / Международный научный вестник, № 8. 2025 С. 90-94.

[10] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник. № 10. С. 374-379.

[11] Мудрецы России под ред. Сапунов В. Б., Ермилова М. В., Колесов В. И. (2-е издание). Санкт-Петербург, 2023.

References:

[1] Ananyev, O.G. Drawing up an educational program for the correction of juvenile convicts of the female sex in the Ryazan educational colony/O.G. Ananyev//Actual problems of the execution of criminal sentences against minors. Prison library. – 2000. - Issue 10. - S. 49-55.

[2] Voloshin, L.A. Violation of moral norms as a factor in violent crimes/L.A. Voloshin//Issues of struggle

with crime. - M.: Jurid. lit., 1984, No. 40. - S. 26-32.

[3] Litvishkov, V.M. Formation of an educational team of juvenile convicts/V.M. Litvishkov. - Ryazan, 1999. - 18 s.

[4] Makarenko, A.S. Pedagogical poem/A.S. Makarenko. –

M.: Uchpedgiz, 1951. - 639 p.

[5] Nikitin, A.F. Positive relationships of difficult adolescents with the class team as a factor in their re-education/

A.F. Nikitin//Questions of methods of pedagogical research. - M.: RESEARCH INSTITUTE OF APN OF THE USSR, 1974. - 120 s.

[6] Pivovarova, T.V. Psychological and pedagogical determinants of the formation of moral and volitional qualities of female juvenile convicts: dis.... cand. psychol. sciences: 19.00.06/Pivovarova Tatyana Vasilievna. - Ryazan, 2015. - 320 s.

[7] Pischelko, A.V. Readaptation and resocialization/A.V. Pischelko,

D.V. Sochivko. - M.: PERSE, 2003. - 208 s.

[8] Criminal Executive Code of the Russian Federation: feder. Law: [dated January 8, 1997 No. 1-FZ; as amended on May 5, 2014 No. 104-FZ]// Collection of Legislation Ros. Federations. – 1997. – № 2.

[9] Vilkova A. V., Kashkina E. V. Self-affirmation of juvenile offenders: ways and means/International Scientific Bulletin, No. 8. 2025 S. 90-94.

[10] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin. № 10. S. 374-379.

[11] Sages of Russia ed. Sapunov V. B., Ermilova M. V., Kolesov V. I. (2nd edition). St. Petersburg, 2023.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ И ИНЫЕ ВЕЩНЫЕ ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-48-51

ИВАНОВ Сергей Васильевич,
Магистр, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
e-mail: philipsson@mail.ru

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ДОГОВОР КУПЛИ-ПРОДАЖИ НЕДВИЖИМЫХ ВЕЩЕЙ

Аннотация. *В статье проводится комплексный анализ правового регулирования предварительного договора купли-продажи недвижимых вещей в российском гражданском праве. Рассматриваются ключевые затруднения, сопровождающие процесс формирования, реализации и гарантирования надлежащего исполнения предварительного договора, включая аспекты конкретизации объекта предполагаемой сделки, определения существенных условий, последствий неисполнения обязательств, а также соотношения предварительного договора с иными правовыми конструкциями. Анализируются изменения, внесённые в Гражданский кодекс Российской Федерации, а также актуальная судебная практика, в том числе позиции Верховного Суда Российской Федерации. Формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования предварительного договора купли-продажи недвижимости.*

Ключевые слова: *гражданское право, договор купли-продажи, недвижимое имущество, предварительный договор, существенные условия, судебная практика, обеспечительный платёж, понуждение к заключению договора, государственная регистрация, правовое регулирование.*

IVANOV Sergey Vasilievich,
Master Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

PRELIMINARY AGREEMENT FOR THE SALE OF IMMOVABLE PROPERTY

Annotation. *This study undertakes an in-depth examination of the normative framework governing preliminary sale agreements pertaining to immovable objects within the Russian civil law system. Key difficulties encountered during the formation, execution, and enforcement of such agreements are explored, encompassing questions of specifying the object of the prospective transaction, establishing mandatory contractual terms, addressing the ramifications of breach, and distinguishing this legal mechanism from related contractual forms. Legislative amendments introduced into the Civil Code of the Russian Federation, together with recent judicial interpretation, particularly by the Supreme Court of the Russian Federation, receive detailed consideration. The author advances recommendations aimed at refining the regulatory regime applicable to preliminary agreements in real estate transactions.*

Key words: *civil law, sale and purchase agreement, immovable property, preliminary agreement, essential terms, judicial practice, security deposit, compulsion to conclude a contract, state registration, legal regulation*.

Предварительный договор купли-продажи недвижимых вещей занимает особое место в системе гражданско-правовых договоров. Институт предварительного договора, закреплённый в статье 429 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), выпол-

няет функцию фиксации намерений сторон заключить основной договор в будущем на согласованных условиях.

Актуальность настоящего исследования обусловлена значительной ролью предварительного договора в обороте недвижимого имущества в Российской Федерации. Заключение предварительного договора и вытекающего из него обязательства заключения основного договора способно дать контрагентам сделки дополнительные способы защиты их прав и законных интересов.

Целью настоящей статьи является анализ правовых проблем, возникающих при заключении и исполнении предварительного договора купли-продажи недвижимых вещей, а также формулирование предложений по совершенствованию правового регулирования данного института.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и специальные юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования права).

Вопрос о юридической сущности предварительного договора на протяжении долгого времени остаётся в центре доктринальных споров. Согласно господствующей доктринальной позиции, предварительный договор порождает организационное обязательство, суть которого состоит во взаимном обязательстве контрагентов оформить итоговую сделку на заранее оговорённых условиях [1]. Такой подход опирается на непосредственное прочтение п. 1 ст. 429 ГК РФ, согласно которому участники предварительного соглашения принимают на себя обязательство в дальнейшем оформить сделку, опосредующую передачу имущества, производство работ либо предоставление услуг, исходя из параметров, зафиксированных в предварительном соглашении.

Одновременно в научных публикациях представлены и иные подходы к квалификации данного института. В частности, отдельные авторы характеризуют предварительный договор в качестве сделки, совершённой под условием, а некоторые учёные усматривают в нём черты опционной конструкции [5]. Применительно к недвижимости данная дискуссия приобретает практическое значение, поскольку квалификация правовой природы предварительного договора непосредственно влияет на определение круга прав и обязанностей сторон, способов защиты их интересов, а также на допустимость тех или иных обеспечительных механизмов.

Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 25 декабря 2018 года № 49 сформулировал ряд принципиальных правовых позиций относительно предварительного договора. В частности, в пункте 23 указанного Постановления разъяснено, что отсутствие на момент заключения предварительного договора возможности передать имущество, выполнить работу или оказать услугу не является препятствием для его заключения [6]. Данное разъяснение имеет существенное значение для оборота недвижимости, поскольку допускает заключение предварительного договора в отношении объекта, который ещё не создан или права на который ещё не зарегистрированы за продавцом.

Среди наиболее значимых вопросов нормативной регламентации предварительного договора в сфере оборота недвижимости выделяется проблема установления круга его существенных условий. В дореформенный период (до 2015 года) п. 3 ст. 429 ГК РФ предписывал, чтобы в тексте предварительного соглашения были отражены все обязательные условия будущей основной сделки. В контексте продажи недвижимых объектов подобное требование предполагало обязательное определение предмета (ст. 554 ГК РФ) и стоимости (ст. 555 ГК РФ) [3].

Принятие Закона № 42-ФЗ от 8 марта 2015 года кардинально реформировало указанное правило: отныне в предварительном соглашении достаточно зафиксировать положения, позволяющие установить объект будущего основного обязательства, а также любые иные положения, на включении которых настаивает хотя бы один из участников при подписании предварительного соглашения. Остальные характеристики основного договора допускается согласовывать непосредственно при его заключении, а при наличии разногласий их определяет суд [2]. Данное нововведение существенно снизило требования к содержанию предварительного договора и повысило гибкость его использования в обороте недвижимости.

Тем не менее вопрос об индивидуализации предмета предварительного соглашения о приобретении недвижимого имущества по-прежнему вызывает споры. Сложившийся в судебной практике подход основывается на том, что объект недвижимости должен быть определён таким образом, чтобы его можно было идентифицировать, однако степень конкретизации может различаться. Так, Верховный Суд РФ допускает описание будущего объекта недвижимости через указание на проектную документацию, строительный адрес, номер и площадь помещения по проекту [8]. При этом незначительные расхождения между характеристиками объекта в предварительном договоре и фактическими характеристиками построенного объекта не являются основанием для признания предварительного договора незаключённым.

Реальное функционирование предварительных соглашений в сфере отчуждения недвижимых объектов неразрывно связана с вопросами обеспечения его исполнения. Наиболее распространённым способом обеспечения является задаток, однако его применимость к предварительному договору длительное время оставалась спорной. Проблема состояла в том, что задаток по определению статьи 380 ГК РФ вносится в счёт причитающихся по договору платежей, тогда как предварительный договор не порождает денежных обязательств [1].

Введение в ГК РФ института обеспечительного платежа (статья 381.1) Федеральным законом № 42-ФЗ от 8 марта 2015 года создало дополнительный инструмент обеспечения обязательств по предварительному договору.

Основным инструментом защиты интересов участника, стремящегося к оформлению итоговой сделки, выступает судебное требование о принуждении к заключению договора, предусмотренное п. 5 ст. 429 ГК РФ. Указанный механизм является формой реального исполнения принятого на себя обязательства и означает, что судебный акт фактически замещает волеизъявление уклоняющейся стороны, признавая основной договор оформленным на установленных условиях.

Применительно к недвижимому имуществу рассматриваемый способ защиты приобретает ряд характерных процессуальных и материально-правовых особенностей. Прежде всего, вступившее в законную силу решение суда, обязывающее стороны заключить сделку по отчуждению недвижимого объекта, выступает надлежащим основанием для осуществления регистрационной записи о смене правообладателя в Едином государственном реестре. Кроме того, судебный орган наделён правом по собственной инициативе определить те условия итогового обязательства, которые контрагенты не урегулировали в предварительном соглашении, что обрело повышенную актуальность после законодательных изменений 2015 года, существенно смягчивших требования к полноте согласования условий предварительного договора [7].

Немаловажным с точки зрения правоприменения является вопрос о корреляции между сроком, на который рассчитано предварительное соглашение, и возможностью стороны прибегнуть к судебной процедуре понуждения к заключению основной сделки. Как следует из п. 6 ст. 429 ГК РФ, обязанности, порождённые предварительным договором, прекращаются, когда в пределах предусмотренного им срока основное обязательство так и не возникло и ни одна из сторон не направила другой надлежащего предложения о его оформлении. В свою очередь, судебные инстанции последовательно указывают на необходимость предъявления иска о понуждении к заключению основной сделки в период, пока срок действия предварительного соглашения ещё не истёк [6].

Хотя обе конструкции нацелены на приобретение недвижимого объекта, который будет создан впоследствии, их юридическая природа существенно отличается: долевое участие в строительстве регулируется специальным законодательством и предусматривает повышенный уровень правовой защиты дольщика [4].

Наряду с этим предварительный договор необходимо отличать от опциона на заключение договора (ст. 429.3 ГК РФ) и от рамочного соглашения (ст. 429.1 ГК РФ). Если опционная конструкция наделяет лишь одну сторону правом инициировать исполнение в согласованный срок, то предварительный договор возлагает обоюдную обязанность по оформлению итоговой сделки. Рамочный же договор призван определить базовые параметры обязательственных взаимоотношений сторон, конкретизируемые впоследствии отдельными договорами [5].

Особого рассмотрения требует вопрос о судебной переквалификации предварительного соглашения в основную сделку. Практике известны ситуации, при которых суд признаёт предварительный договор о продаже недвижимого объекта, фактически полностью исполненный сторонами (оплата произведена, имущество передано), в качестве состоявшегося договора купли-продажи. Верховный Суд РФ указал, что такая переквалификация возможна, если содержание договора свидетельствует о действительной воле сторон совершить сделку по отчуждению имущества [6]. Данная правовая позиция направлена на защиту интересов покупателя, фактически исполнившего свои обязательства, однако создаёт определённую неопределённость в правоприменении.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Предварительный договор купли-продажи недвижимых вещей представляет собой востребованный инструмент гражданского оборота, обеспечивающий фиксацию договорённостей сторон в условиях невозможности немедленного заключения основного договора. Реформа обязательственного права 2015 года существенно модернизировала правовое регулирование предварительного договора, в частности смягчив требования к его существенным условиям и расширив возможности применения обеспечительных механизмов.

Тем не менее нормативная база, регулирующая предварительные соглашения о продаже

недвижимых объектов, требует дополнительной доработки. Полагаем обоснованным: во-первых, ввести в ГК РФ отдельные положения, посвящённые предварительным соглашениям в сфере отчуждения недвижимости, учитывающие специфику данного объекта; во-вторых, нормативно урегулировать вопрос о допустимости и правовых последствиях денежных платежей по предварительному договору; в-третьих, установить чёткие критерии разграничения предварительного договора и смежных правовых конструкций применительно к обороту недвижимости.

Судебная практика, формируемая Верховным Судом Российской Федерации, в целом способствует обеспечению стабильности и предсказуемости применения института предварительного договора. Однако по ряду вопросов, в том числе по проблеме переквалификации предварительного договора в основной, а также по вопросам обеспечения исполнения предварительного договора, судебная практика нуждается в дальнейшей унификации. Системное совершенствование законодательства и судебной практики в данной области будет способствовать повышению эффективности правового регулирования оборота недвижимого имущества и защите прав его участников.

Список литературы:

[1] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. — М.: Статут, 2020. — 848 с.

[2] Брудков К.О. Особенности предварительного договора в гражданском праве // Academy. — 2020. — № 2(53). — С. 58–64.

[3] Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. — М.: Статут, 2019. — 528 с.

[4] Дунякова Н.В. Возможность заключения предварительного договора участия в долевом строительстве // Флагман науки. — 2024. — № 6(17). — С. 635.

[5] Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и её пределы: В 2 т. Т. 2. — М.: Статут, 2022. — 453 с.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2019. — № 2.

[7] Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России. — М.: Норма, 2024. — 496 с.

[8] Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. — М.: Статут, 2021. — 893 с.

[9] Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). Статистическая информация о деятельности Росреестра по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним за 2023 год. — URL: https://rosreestr.gov.ru (дата обращения: 10.03.2026).

References:

[1] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book One: General Provisions. - M.: Statute, 2020. - 848 s.

[2] Brudkov K.O. Features of the preliminary contract in civil law//Academy. — 2020. — № 2(53). - S. 58-64.

[3] Vitryansky V.V. Reform of Russian civil legislation: interim results. - M.: Statute, 2019. - 528 p.

[4] Dunyakova N.V. Possibility of concluding a preliminary agreement on participation in shared construction//Flagship of science. — 2024. — № 6(17). - S. 635.

[5] Karapetov A.G., Savelyev A.I. Freedom of contract and its limits: In 2 vols. T. 2. - M.: Statute, 2022. - 453 s.

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 49 “On some issues of application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of the contract “//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2019. — № 2.

[7] Romanets Yu.V. System of contracts in civil law of Russia. - M.: Norma, 2024. - 496 p.

[8] Sklovsky K.I. Property in civil law. - M.: Statute, 2021. - 893 s.

[9] Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography (Rosreestr). Statistical information on the activities of Rosreestr on state registration of rights to real estate and transactions with it for 2023. - URL: https://rosreestr.gov.ru (access date: 10.03.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-52-58

ТУКАЧЁВ Даниил Александрович,
Студент Финансового университета,
Россия, г. Москва,
e-mail: generalcryptor2004@gmail.com

НЕДВИЖИМОСТЬ КАК ОБЪЕКТ СДЕЛКИ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА И ОСНОВАНИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию специфики недвижимого имущества как объекта гражданско-правовых сделок и её влиянию на условия их действительности. Рассматриваются доктринальные подходы к классификации объектов недвижимости, особенности их правового режима: обязательность кадастрового учёта, государственной регистрации прав и требования к форме сделок. На основе анализа действующего законодательства, судебной практики и научной доктрины выявляются как общие, так и специальные основания недействительности договора купли-продажи недвижимости. Особое внимание уделяется проблемам разграничения незаключённости и недействительности договора, а также правовым последствиям признания сделки недействительной.*

Ключевые слова: *недвижимое имущество, договор купли-продажи, недействительность сделки, государственная регистрация, кадастровый учёт, реституция, добросовестный приобретатель, оспоримость, ничтожность, ЕГРН.*

TUKACHEV Daniil Alexandrovich,
Student of the Financial University,
Russia, Moscow

REAL ESTATE AS AN OBJECT OF TRANSACTION: FEATURES OF THE LEGAL REGIME AND GROUNDS FOR INVALIDITY OF THE PURCHASE AND SALE AGREEMENT

Annotation. *The article examines the specifics of real estate as an object of civil law transactions and its impact on the conditions of their validity. It considers doctrinal approaches to the classification of real estate objects, and the features of their legal regime: mandatory cadastral registration, state registration of rights, and requirements for the form of transactions. Based on an analysis of current legislation, judicial practice, and legal doctrine, both general and special grounds for the invalidity of real estate sale and purchase agreements are identified. Special attention is paid to the problems of distinguishing between a contract not concluded and an invalid one, as well as the legal consequences of declaring a transaction invalid*.

Key words: *real estate, purchase and sale agreement, invalidity of transaction, state registration, cadastral registration, restitution, bona fide purchaser, voidability, nullity, USRRE.*

Введение

Центральное место договора купли-продажи недвижимости в гражданском обороте предопределяет высокую значимость проблематики его потенциальной недействительности: последствия признания такой сделки недействительной затрагивают не только её непосредственных участников, но нередко и третьих лиц, успевших приобрести права на спорный объект. Именно поэтому изучение оснований и последствий недействительности сделок с недвижимостью остаётся одним из ключевых направлений как в научной доктрине, так и в правоприменительной практике.

Вместе с тем нельзя не отметить, что данная тематика, при всей её практической востребованности, не получила в литературе должного комплексного освещения: имеющиеся работы, как правило, рассматривают либо общие положения о недействительности сделок, либо отдельные аспекты правового режима недвижимости, не объединяя эти два блока в рамках единого

исследования. Настоящая статья призвана в определённой мере восполнить данный пробел, опираясь на труды Е.А. Суханова, А.И. Тезадова и актуальную судебную практику.

Цель и задачи статьи

Цель настоящей статьи – комплексно исследовать правовой режим недвижимости как объекта гражданско-правовых сделок, выявить общие и специальные основания недействительности договора купли-продажи недвижимости, а также рассмотреть последствия такой недействительности.

Для достижения указанной цели в рамках статьи решаются следующие задачи:

1. Проанализировать доктринальные подходы к определению и классификации недвижимого имущества.
2. Раскрыть особенности правового режима недвижимости, влияющие на действительность сделок с ней.
3. Систематизировать основания недействительности договора купли-продажи недвижимости.
4. Рассмотреть правовые последствия признания такого договора недействительным.

Понятие недвижимости: доктрина и закон

Отсутствие легального определения недвижимости в российском законодательстве компенсируется обширными доктринальными разработками. Вместе с тем научная дискуссия нередко воспроизводит архаичный акцент на связи объекта с землёй, оставляя без внимания современные объекты, лишь условно обладающие таким признаком: морские и воздушные суда, имущественные комплексы, линейные объекты, машино-места и т.д.

Как отмечает Е.А. Суханов, недвижимость отличается от движимого имущества не только физическими свойствами, но прежде всего - «особым правовым режимом, включающим необходимость государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». [1] Тем самым правовой режим выступает не следствием, а самостоятельным квалифицирующим признаком недвижимости. Это наблюдение имеет непосредственное практическое значение: именно особенности правового режима во многом и определяют специфику оснований недействительности сделок с недвижимостью.

Легальный перечень объектов недвижимости закреплён в ст. 130 ГК РФ и включает земельные участки, участки недр, здания, сооружения, объекты незавершённого строительства, воздушные, морские суда и суда внутреннего плавания, жилые и нежилые помещения, а также машино-места. Последние вошли в перечень благодаря Федеральному закону от 03.07.2016 № 315-ФЗ – данный факт свидетельствует об устойчивой тенденции к расширению перечня объектов, признаваемых недвижимостью, под влиянием потребностей гражданского оборота.

В научной литературе данный перечень традиционно делится на три группы. По мнению А.И. Тезадова и М.Ш. Махотловой, к первой группе принадлежат вещи, являющиеся недвижимыми по своей природе: земельные участки и участки недр. Во вторую включаются объекты, прочно связанные с землёй и неотделимые от неё без несоразмерного ущерба. Третью группу образуют объекты, отнесённые к недвижимости не в силу физических свойств, а по специальному указанию закона [2]. Данная классификация, несмотря на свой доктринальный характер, позволяет точнее разграничить правовые режимы объектов и избежать механического смешения критериев.

Особенности правового режима недвижимости в контексте совершения сделок

Правовой режим недвижимости как объекта гражданских прав формируется совокупностью взаимосвязанных элементов, отличающих её от иного имущества и предопределяющих особый порядок совершения любых сделок с ней – будь то купля-продажа, дарение, рента, мена, участие в долевом строительстве или иные основания перехода права. Специфика обусловлена прежде всего высокой стоимостью объектов, их неразрывной связью с земельным участком и необходимостью обеспечить достоверность публичных реестров. Ниже рассматриваются ключевые элементы этого режима.

Обязательным условием участия недвижимости в обороте является постановка на кадастровый учёт: кадастровый номер служит уникальным идентификатором в ЕГРН (ст. 5 Закона о регистрации), а при его отсутствии допустимо использование иных сведений (адрес, площадь, координаты) [4]. Отсутствие в документе-основании данных об объекте влечёт незаключённость сделки, а не её недействительность [7]. Кадастровые сведения (площадь, адрес, вид разрешённого использования и др.) публично достоверны: лицо, полагавшееся на данные реестра, признаётся добросовестным (п. 6 ст. 8.1 ГК РФ). Для земельных участков особое значение имеет соответствие фактических границ реестровым; их расхождение требует межевания и уточнения границ до совершения сделки.

Государственная регистрация – юридический акт признания права (п. 3 ст. 1 Закона о регистрации). Право возникает с момента внесения записи в ЕГРН (п. 2 ст. 8.1 ГК РФ), в отличие от движимых вещей, где право переходит при пере-

даче; фактическое владение недвижимостью правового значения не имеет. Регистрацию осуществляет Росреестр по совместному заявлению сторон либо одной стороны при наличии нотариально удостоверенного документа (ст. 15). Сделка по отчуждению считается совершённой с момента подписания, регистрация лишь оформляет переход права, не порождая обязательство [3].

Сделки с недвижимостью требуют письменной формы единого документа (ст. 550 ГК РФ); её несоблюдение влечёт недействительность. Обязательное нотариальное удостоверение предусмотрено при отчуждении долей, сделках с несовершеннолетними и подопечными, дарении и ренте (п. 1 ст. 42, п. 2 ст. 54 Закона о регистрации, п. 3 ст. 574, ст. 584 ГК РФ). Нотариус проверяет правоспособность сторон и полномочия представителя, а нотариальный акт обладает повышенной доказательственной силой.

Принцип единства судьбы земельного участка и объектов на нём (подп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ) означает, что при переходе права на здание переходит право на соответствующую часть участка (ст. 35 ЗК РФ). Раздельное распоряжение участком и объектами, принадлежащими одному лицу, не допускается. Исключения предусмотрены для наследования, обращения взыскания, а также случаев, когда участок изъят из оборота или не может быть выделен в натуре (п. 4 ст. 35 ЗК РФ) [6].

В отдельных случаях совершение сделки с недвижимостью требует предварительного получения согласия лиц, не являющихся её сторонами. Применительно к недвижимости наиболее значимы три случая: отчуждение общего имущества супругов, при котором требуется нотариально удостоверенное согласие второго супруга (п. 2 ст. 35 СК РФ); распоряжение имуществом подопечного, осуществляемое только с предварительного разрешения органа опеки и попечительства (ст. 37 ГК РФ); сделки с недвижимостью несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, требующие письменного согласия родителей или усыновителей (ст. 26 ГК РФ, ст. 60 СК РФ). Во всех перечисленных случаях согласие должно быть получено до совершения сделки, а не после.

Передача недвижимости осуществляется по подписываемому сторонами передаточному акту (ст. 556 ГК РФ); уклонение от подписания приравнивается к отказу от исполнения договора. До подписания акта риск случайной гибели объекта несёт продавец. Акт фиксирует фактическое состояние объекта, наличие претензий и показания приборов учёта. Ненадлежащее оформление передачи (например, подписание без осмотра) может лишить покупателя права ссылаться на недостатки, выявляемые при обычном осмотре (п. 2 ст. 556, ст. 557 ГК РФ).

Недвижимость нередко обременена правами третьих лиц, что влияет на условия её отчуждения. Сервитут (ст. 274 ГК РФ) — право пользования чужим участком, сохраняющееся при смене собственника. В силу принципа следования переход права собственности не прекращает договор аренды (ст. 617 ГК РФ), а отчуждение заложенного имущества требует согласия залогодержателя (ст. 37 Закона об ипотеке). Все обременения вносятся в ЕГРН; покупатель вправе проверить их по выписке, а продавец обязан предупредить о них (п. 1 ст. 460 ГК РФ).

Жилые помещения обладают повышенным уровнем правовой защиты в силу социальной функции (ст. 17 ЖК РФ) [9]. При смене собственника сохраняются права пользования членов семьи, отказавшихся от приватизации, отказополучателей (ст. 1137 ГК РФ) и нанимателей по социальному найму. Распоряжение жильём, где проживают несовершеннолетние под опекой, требует разрешения органа опеки (п. 4 ст. 292 ГК РФ). Использование средств материнского капитала обязывает оформить жильё в общую долевую собственность всех членов семьи, что ограничивает последующее распоряжение объектом.

Приобретение недвижимости на стадии строительства оформляется договором участия в долевом строительстве (ДДУ), регулируемым ФЗ № 214-ФЗ [10]. В отличие от купли-продажи, предметом ДДУ является обязательство застройщика передать объект по окончании строительства. Право собственности возникает после передачи объекта по акту и государственной регистрации (п. 2 ст. 223 ГК РФ). ДДУ подлежит обязательной регистрации, исключающей «двойные продажи», а денежные средства участников с 2019 года размещаются на эскроу-счетах, что снижает риски при банкротстве застройщика.

Договор купли-продажи недвижимости

Непосредственно договор купли-продажи недвижимости – соглашение, по которому одна сторона (продавец) обязуется передать другой стороне (покупателю) в собственность объект недвижимого имущества, а покупатель обязуется принять его и уплатить определённую денежную сумму (ст. 549 ГК РФ).

В отличие от большинства договоров купли-продажи движимых вещей, цена является существенным условием договора продажи недвижимости; при её отсутствии договор считается незаключённым (ст. 555 ГК РФ). Цена устанавливается соглашением сторон и обычно определяется исходя из рыночной стоимости, подтверждённой независимой оценкой. При продаже здания или сооружения цена включает цену соответствующей части земельного участка, если иное не предусмотрено договором (п. 2 ст. 555 ГК

РФ). На практике стороны нередко занижают договорную цену для минимизации налоговой нагрузки, однако с 2016 года налоговые органы вправе исчислять НДФЛ исходя из кадастровой стоимости, умноженной на коэффициент 0,7, если цена договора ниже этой величины (ст. 214.10 НК РФ). Таким образом, кадастровая стоимость выступает нижней границей для целей налогообложения при отчуждении недвижимости.

Резюмируя, существенными условиями признаются предмет и цена; их отсутствие, как было упомянуто выше, влечёт незаключённость договора (ст. 554-555 ГК РФ).

Недействительность договора купли-продажи недвижимости представляет собой совокупность условий, при которых заключённый договор не может считаться действительным и не влечёт наступления ожидаемых сторонами правовых результатов. Автор придерживается позиции, согласно которой все основания недействительности, предусмотренные § 2 главы 9 ГК РФ, распространяются на договоры купли-продажи недвижимости без исключений: конкретные обстоятельства дела подпадают либо под специальные составы ст. 169-179 ГК РФ, либо квалифицируются по общей норме ст. 168 ГК РФ.

Общие основания недействительности

Как отмечено выше, ст. 550 ГК РФ требует обязательной письменной формы путём составления единого документа; нарушение данного требования влечёт недействительность сделки в соответствии со ст. 163 и 165 ГК РФ. При этом нотариальная форма, обязательная, в частности, при отчуждении долей в праве общей собственности, при нарушении влечёт ничтожность в силу п. 3 ст. 8.1 ГК РФ. Что касается государственной регистрации: её отсутствие, как разъяснил Пленум ВС РФ в Постановлении от 23.06.2015 № 25, не порочит сам договор, однако лишает его юридической силы в отношении третьих лиц [3]. Если одна из сторон уклоняется от регистрации, суд по требованию другой стороны вправе вынести решение о её проведении (п. 2 ст. 165 ГК РФ).

Недееспособность и ограниченная дееспособность стороны договора также выступает ещё одним существенным основанием недействительности. В соответствии со ст. 171 ГК РФ сделка, совершённая гражданином, признанным недееспособным вследствие психического расстройства, ничтожна. В основе данного регулирования лежит презумпция неспособности таких лиц к осознанному волеизъявлению, что объективно препятствует их самостоятельному участию в гражданском обороте. Применительно к несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет – сделка по распоряжению недвижимостью, совершённая без согласия родителей, усыновителей или попечителя, является оспоримой (ст. 175 ГК РФ).

Пороки воли контрагентов образуют самостоятельную и весьма значимую категорию оснований для оспаривания. Сделка может быть признана недействительной при существенном заблуждении относительно природы договора, предмета или качеств объекта, снижающих возможность его использования (ст. 178 ГК РФ). Также оспоримы сделки, совершённые под влиянием обмана, насилия, угрозы или стечения тяжёлых обстоятельств (ст. 179 ГК РФ). Обманом считается и намеренное умолчание об обстоятельствах, которые продавец был обязан сообщить, – особенно о скрытых дефектах или обременениях, не отражённых в ЕГРН.

Мнимые и притворные сделки в сфере оборота недвижимости встречаются достаточно часто и, как правило, преследуют определённые противоправные цели. К наиболее распространённым разновидностям притворных сделок в данной сфере относятся: договор купли-продажи, прикрывающий дарение (с целью обхода запрета на дарение в отношениях между коммерческими организациями или уклонения от налогообложения); договор по заниженной цене, прикрывающий соглашение о реальной стоимости; договор аренды, фактически оформляющий куплю-продажу. Все перечисленные конструкции являются ничтожными в силу ст. 170 ГК РФ.

Специальные основания недействительности.

Отчуждение совместно нажитого имущества супругов без нотариально удостоверенного согласия другого супруга является одним из наиболее часто встречающихся специальных оснований оспаривания. Как указано выше, п. 2 ст. 35 СК РФ требует нотариально удостоверенного согласия второго супруга; его отсутствие даёт право оспорить сделку в течение года с момента, когда супруг узнал или должен был узнать о её совершении. Следует, однако, учитывать, что данное ограничение не распространяется на недвижимость, принадлежащую одному из супругов на праве личной собственности, то есть приобретённую до брака, полученную в порядке наследования или дарения либо признанную таковой брачным договором (ст. 36 СК РФ).

Отчуждение недвижимости, обременённой арестом или ипотекой, без соблюдения установленных законом требований – ещё одно значимое специальное основание. Норма ст. 174.1 ГК РФ предусматривает ничтожность сделки по распоряжению арестованным имуществом в части, если приобретатель знал об этом ограничении. В рамках применения к ипотеке: совершение сде-

лок по отчуждению заложенной недвижимости без согласия залогодержателя также является ничтожным, если иное не предусмотрено договором ипотеки (ст. 37 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»).

Нарушения специального правового режима земельных участков образуют самостоятельную группу оснований. Статья 27 ЗК РФ полностью исключает оборот отдельных категорий земель, а принцип единства судьбы, закреплённый ст. 35 ЗК РФ, требует совместного отчуждения участка и расположенных на нём объектов, принадлежащих одному собственнику (за исключением случаев, предусмотренных п. 4 той же статьи). Пленум ВАС РФ в Постановлении от 24.03.2005 № 11 прямо квалифицировал сделки, нарушающие данное требование, как ничтожные; при этом признание недействительной сделки с земельным участком способно повлечь недействительность сделки с расположенным на нём строением – и наоборот [6].

Нарушение требований к отчуждению объектов культурного наследия может послужить основанием для признания договора купли-продажи недействительным. В соответствии с Федеральным законом от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» особо ценные объекты, памятники, включённые в Список всемирного наследия, историко-культурные заповедники и объекты археологического наследия отчуждению из государственной собственности не подлежат (ст. 50).

Продажа жилой недвижимости без указания прав третьих лиц. Согласно ст. 558 ГК РФ существенным условием договора продажи жилого дома, квартиры или их части является перечень лиц, сохраняющих право пользования жилым помещением после перехода права собственности, с указанием их прав. К таким лицам относятся: члены семьи собственника, отказавшиеся от приватизации; получатели рентных платежей по договору пожизненного содержания с иждивением (ст. 586 ГК РФ); отказополучатели, в пользу которых установлен завещательный отказ (ст. 1137 ГК РФ); наниматели жилых помещений по договорам социального найма.

Отчуждение недвижимости унитарного предприятия или учреждения без согласия собственника прямо запрещено ст. 295–296 ГК РФ. Унитарное предприятие не вправе продавать принадлежащее ему недвижимое имущество, сдавать его в аренду или иным способом распоряжаться им без согласия собственника; нарушение данного запрета влечёт недействительность соответствующей сделки.

«Подозрительные сделки» в преддверии банкротства – особая категория, регулируемая ст. 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Для сделок, совершённых при неравноценном встречном предоставлении в течение года до подачи заявления о банкротстве, установлен годичный срок оспаривания. Для сделок, совершённых с умыслом причинить вред кредиторам, - трёхлетний. При этом для признания последних недействительными необходимо доказать одновременно три обстоятельства: противоправный умысел должника, реальное причинение вреда имущественным правам кредиторов и осведомлённость контрагента о противоправных намерениях должника на момент совершения сделки.

Необходимо также остановиться на ситуации, которую нередко ошибочно квалифицируют как основание недействительности – нарушении преимущественного права покупки доли в общей собственности (ст. 250 ГК РФ). Данное нарушение само по себе не влечёт недействительности договора (данная позиция закреплена п. 20 информационного письма Президиума ВАС РФ от 28.04.1997 № 13). Законодатель предусмотрел для этого случая специальный механизм защиты: сособственник вправе требовать в судебном порядке перевода на себя прав и обязанностей покупателя по оспариваемому договору, что принципиально отличается от требования о признании сделки недействительной.

Последствия недействительности договора купли-продажи недвижимости

Исследование последствий недействительности договора купли-продажи недвижимости представляет как научный, так и существенный практический интерес. В соответствии с п. 1 ст. 167 ГК РФ недействительная сделка не влечёт юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с её недействительностью, и недействительна с момента её совершения, то есть действует ретроспективно. Данное положение указывает на то, что права и обязанности сторон по договору считаются не возникшими с самого начала.

Правовые последствия недействительности договора купли-продажи недвижимости можно разделить на два блока: общие, применяемые ко всем недействительным сделкам, и специальные -обусловленные особенностями объекта.

Двусторонняя реституция представляет собой основной вид последствий: каждая из сторон обязана возвратить другой всё полученное по недействительной сделке. Применительно к договору купли-продажи недвижимости это означает возврат объекта продавцу и компенсацию покупателю уплаченной им суммы. При невоз-

можности возврата объекта в натуре, например, вследствие его уничтожения или последующего отчуждения третьим лицам – применяются положения п. 2 ст. 167 ГК РФ о возмещении стоимости полученного в денежной форме.

Реституция по сделкам с недвижимостью отличается от реституции движимого имущества: помимо фактического возврата требуется государственная регистрация обратного перехода права в ЕГРН. Судебное решение о применении последствий недействительности служит достаточным основанием для внесения изменений в реестр (п. 84 Постановления Пленума ВС РФ № 25) [5]. Таким образом, восстановление положения сторон носит «модифицированный» характер, требуя как физических, так и регистрационных действий.

Показательно дело № А14-9374/2018, рассмотренное Арбитражным судом Воронежской области: в рамках дела была оспорена серия договоров купли-продажи долей в праве собственности на недвижимость предприятия, совершённых генеральным директором ООО в пользу аффилированных лиц. Поскольку оплата производилась ранее выданными самим же обществом векселями, суд квалифицировал сделки как мнимые и указал на отсутствие оснований для традиционной двусторонней реституции – достаточным последствием было признано аннулирование записей в ЕГРН. Верховный Суд РФ в Определении от 20.01.2022 № 310-ЭС21-17141 поддержал такой подход, подчеркнув необходимость оценки фактических обстоятельств при определении вида реституции [8].

Односторонняя реституция применяется как санкция за недобросовестность одной из сторон и состоит в том, что только добросовестная сторона получает право требовать возврата исполненного, тогда как переданное недобросовестной стороной обращается в доход государства. Типичным примером служит применение ст. 179 ГК РФ. В деле № 2-2852/2017 суд признал ничтожным договор купли-продажи комнаты, совершённый с целью обналичивания средств материнского капитала, и помимо возврата объекта продавцу взыскал с покупательницы уплаченные ей из средств Пенсионного фонда денежные средства.

Недопущение реституции представляет собой исключительную меру: при наличии умысла обеих сторон всё исполненное по сделке изымается в доход Российской Федерации (ст. 169 ГК РФ). На практике данная форма последствий применяется крайне редко; как правило, соответствующие ситуации урегулируются в рамках законодательства о противодействии легализации доходов (Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ) и норм ст. 235 ГК РФ.

Отдельно следует отметить, что защита прав собственника возможна и через механизм виндикации, даже при наличии добросовестного приобретателя (ст. 302 ГК РФ). Данный способ применяется, в том числе, при выбытии имущества помимо воли собственника. Как разъяснено в Постановлении Пленума ВС РФ и ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22, если запись в ЕГРН нарушает права истца, а восстановление этих прав невозможно посредством признания права или виндикации, допускается оспаривание зарегистрированного права через признание недействительной сделки, послужившей основанием для его регистрации.

Заключение

Рассмотренные аспекты понятия, правового режима и договора купли-продажи недвижимости позволяют сделать ряд выводов.

Отсутствие легального определения недвижимости компенсируется трёхзвенной доктринальной классификацией, а расширение перечня ст. 130 ГК РФ подтверждает актуальность вопроса.

Правовой режим недвижимости формируют кадастровый учёт, регистрация прав, требования к форме договора, принцип единства судьбы участка и необходимость согласий третьих лиц. Нарушение каждой из этих особенностей влечёт самостоятельные последствия – от незаключённости до ничтожности, смешение которых недопустимо.

Недействительность договора может быть обусловлена как общими, так и специальными основаниями, последние охватывают разнородные ситуации – от отсутствия согласия супруга до подозрительных сделок в преддверии банкротства.

Применение последствий недействительности отличается спецификой: реституция носит «модифицированный» характер, требуя помимо фактического возврата государственной регистрации обратного перехода права, что подтверждается практикой (дело № А14-9374/2018).

Таким образом, недвижимость обладает сложным правовым режимом, требующим строгого соблюдения предписаний на всех стадиях сделки в силу высокой стоимости, социальной значимости и необходимости защиты интересов участников оборота.

Список литературы:

[1] Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. д-р. юрид. наук., проф. Е.А. Суханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2023.

[2] Тезадов А.И., Махотлова М.Ш. Понятие недвижимого имущества // Форум молодых учё-

ных. 2018. № 10 (26). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-nedvizhimogo-imuschestva (дата обращения: 20.12.2025).

[3] Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

[4] Постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем».

[5] Постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

[6] Постановление Пленума ВАС РФ от 24.03.2005 № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства».

[7] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключёнными».

[8] Определение Верховного Суда РФ от 20.01.2022 № 310-ЭС21-17141.

[9] Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ.

[10] Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

References:

[1] Civil law: textbook: in 4 volumes/rev. ed. Dr. jurid. sciences., prof. E.A. Sukhanov. - 3rd ed., Revised and add. - Moscow: Statute, 2023.

[2] Tezadov A.I., Makhotlova M.Sh. The concept of real estate//Forum of young scientists. 2018. № 10 (26). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-nedvizhimogo-imuschestva (дата обращения: 20.12.2025).

[3] Resolution of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 “On the Application by the Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation.”

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 11.07.2011 No. 54 “On certain issues of dispute resolution arising from contracts for real estate that will be created or acquired in the future.”

[5] Resolution of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation and the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 29.04.2010 No. 10/22 “On some issues arising in judicial practice in resolving disputes related to the protection of property rights and other property rights.”

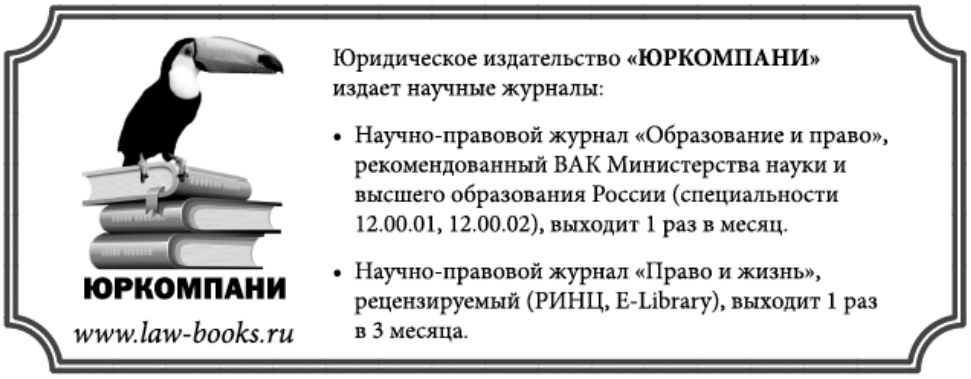
[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 24.03.2005 No. 11 “On some issues related to the application of land legislation.”

[7] Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 25.02.2014 No. 165 “Review of judicial practice on disputes related to the recognition of contracts as non-concluded.”

[8] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 20.01.2022 No. 310-ЭС21-17141.

[9] Housing Code of the Russian Federation No. 29.12.2004 dated 188-FZ.

[10] Federal Law No. 30.12.2004 of 214-FZ “On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate Objects and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation.”

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-59-68

ЭДГУЛОВ Астемир Муаедович,
Аспирант Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: astemir_e@mail.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ОШИБКИ

Аннотация. *Правоприменительная деятельность субъектов уголовного судопроизводства нередко сопряжена с совершением правовых ошибок. В доктрине российского права существуют различные подходы к исследованию феномена ошибки. Наряду с правоприменительной ошибкой особое внимание в научной среде уделяется таким правовым явлениям как «следственная ошибка», «судебная ошибка», «правонарушение», «противоправное деяние» и др. Анализ перечисленных правовых категорий позволит сформировать представление относительно правовой природы первого, а также разграничить или обобщить их. Вместе с тем, важно установить основные причины возникновения ошибок, выявить основные критерии, указывающие на наличие или отсутствие результата в виде ошибки, в чем именно может выражаться такой результат, и как следствие, какие юридические последствия для участников данных правоотношений возникают при сложившейся ситуации. Изучение механизма совершения ошибок от предпосылок их возникновения до достижения неверного результата на разных этапах правоприменения, а также анализ поведения и восприятия лицом собственных действий или бездействий, установление целей такой деятельности, является обязательным условием без которого дальнейшие исследования по предупреждению и противодействию ошибкам будут неполными.*

В рамках настоящей статьи было установлено, что понимают под «ошибкой», «правоприменительной ошибкой», «правоприменительной ошибкой в уголовном судопроизводстве» (от более широкого понятия к более узкому). Правоприменительная ошибка включает «следственную ошибку», «судебную ошибку». Ставится вопрос о наличии или отсутствии феномена «ошибка государственного обвинителя» и «адвокатская ошибка», так как стороны, наделенные процессуальными правами, осуществляют каждый свою правовую деятельность на разных этапах движения уголовного дела.

Ключевые слова: *правоприменение, ошибка, правонарушение, следственная ошибка, ошибка государственного обвинителя, судебная ошибка.*

EDGULOV Astemir Muaedovich,
Postgraduate student of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (RANEPA)
Rostov-on-Don

THE LEGAL NATURE OF THE ENFORCEMENT ERROR

Annotation. *The law enforcement activities of subjects of criminal proceedings are often associated with the commission of legal errors. In the doctrine of Russian law, there are various approaches to the study of the phenomenon of error. Along with the law enforcement error, special attention in the scientific community is paid to such legal phenomena as "investigative error", "judicial error", "offense", "unlawful act", etc. An analysis of the listed legal categories will allow us to form an idea of the legal nature of the first one, as well as to differentiate or generalize them. At the same time, it is important to identify the main causes of errors, identify the main criteria indicating the presence or absence of a result in the form of an error, what exactly such a result can be expressed in, and as a result, what legal consequences for the participants in these legal relations arise in the current situation. Studying the mechanism of making mistakes from the prerequisites for their*

occurrence to achieving an incorrect result at different stages of law enforcement, as well as analyzing a person's behavior and perception of their own actions or omissions, and setting goals for such activities, is a prerequisite without which further research on error prevention and counteraction will be incomplete.

Within the framework of this article, it has been established what is meant by "error", "law enforcement error", "law enforcement error in criminal proceedings" (from a broader concept to a narrower one). A law enforcement error includes an "investigative error" or a "judicial error." The question is raised about the presence or absence of the phenomenon of "public prosecutor's error" and "lawyer's error", since the parties endowed with procedural rights each carry out their legal activities at different stages of the criminal case.

Key words: *law enforcement, error, offense, investigative error, prosecutorial error, judicial error.*

Введение

Правоприменение является сложным и важным процессом, который не может быть абсолютно объективным, так как применение норм права осуществляется конкретным субъектом права. Именно анализ правоприменительной практики позволяет проверить качество и истинность правовой нормы. Согласимся с высказыванием Мурсалимова К.Р., который отметил, что эффективность реализации норм права зависит в том числе от качества правоприменения [17, с.3]. Последнее напрямую зависит от самих правоприменителей, начиная от момента создания для этого нужных условий (совершения конкретных действия (иногда бездействия)), верной оценки фактических обстоятельств дела и самой правовой ситуации в целом, до верного толкования ими норм права в целях их дальнейшей реализации.

В связи с изложенным, не будет ошибочным утверждение о значимости исследуемого вопроса в первую очередь для создания условий такой юридической деятельности, в которых число допускаемых ошибок будет снижено. Защита прав, свобод и законных интересов граждан, общества и государства является прерогативным и лежит в основе идеи самого права.

Важно осознавать то, что права и обязанности находятся в неразрывной связи и порождают цепь правовых отношений, при которых реализация первых приводит к наступлению правовых последствий, определенному результату. Правовые последствия всегда разные и зависят от специфики конкретной отрасли. Так, правоприменительные ошибки допущенные в рамках уголовного судопроизводства приводят к наступлению наиболее тяжких последствий, таких как: ограничение прав и свобод граждан; лишение свободы; ограничение свободы; применение к лицу мер процессуального принуждения; ограничение конституционных прав и многое другое. Применение данных мер юридической ответственности к незаконно подозреваемому, обвиняемому или осужденному лицу, наносит тяжелые последствия конкретной личности. Вместе с тем, лицо, действительно виновное в совершении преступления, остается безнаказанным и уходит от ответственности. Описанная ситуация приводит к подрыву авторитета уполномоченных государственных органов власти, снижает степень доверия граждан к работе государства в целом.

Автором проведен анализ статистических даных на основании сведений, предоставленный Судебным департаментом при Верховном суде РФ за период с 2020 по 2025 г.г., предлагаем для наглядности более детально рассмотреть деятельность судов на примере 2020 г.:

Для начала обратимся к деятельности судов первой инстанции: всего было рассмотрено уголовных дел - 748 955, в то время как из них было оправдано 1932 человека.

Необходимо учесть сколько уголовных дел прекращено по реабилитирующим основаниям - 1297 дел.

Важным показателем недостатков работы правоохранительных органов и прокуратуры является статистка возвращенных уголовных дел: в порядке статьи 237 Уголовного Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее - УПК РФ), а также в порядке ст. 446.2 УПК РФ - возвращения уголовного дела органам предварительного расследования отказом в принятии или прекращении уголовного дела - всего 14 151 дело.

Не меньший интерес представляется в нарушении правил подведомственности или подсудности, коих выявлено 21 069 уголовных дел.

Нередко судом выявляется ошибка в квалификации тяжести совершенного преступления - 4 397 дел.

В связи с поступлением дела после отмены судебного постановления в виду новых обстоятельств дела: Европейским судов по правам человека - 4; Конституционным Судом РФ - 1; Президиумом Верховного суда РФ - 17; Пленумом Верховного суда РФ - 2 дела.

Анализ вышеизложенного уже на данном этапе позволяет установить факт наличия ошибок в правоприменительной деятельности органов предварительного расследования. Факт наличия или отсутствия неправильного применения норм материального и (или) процессуального права устанавливается судам вышестоящих инстанций:

Анализ судебной статистики апелляционной инстанции позволил установить, что:

В 2020 году всего было обжаловано приговоров по существу дела: 112 424 дел, из них оправдано - 162 человек; направлено дел на новое разбирательство: в суд первой инстанции - 4 917; в виду мягкости наказания - 28; вынесен новый обвинительный приговор - 691; всего апелляционными судами отменено приговоров в количестве 7 174 дел; изменено с изменением квалификации: без изменения наказания 393, со смягчением наказания 1 608 уголовных дел.

Касательно ситуации с оправдательными приговорами: всего изменено с передачей дела на новое рассмотрение 615 уголовных дела; с вынесением оправдательного приговора - 17 дел; с прекращением дела - 4 дел ; с возвращением дела прокурору - 20; отменено постановлений о возвращении дел прокурору - 3 193;

Отдельно рассмотрим, что выступило основанием для отмены или изменение приговоров:

- ст 389.16 УПК РФ- несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела;
- ст. 389.16 УПК РФ и п.5 ст. 389.15 УПК РФ - основанием выступает наличие существенных нарушений уголовно-процессуального закона;
- ч.2 ст. 389.18 УПК РФ - несправедливость приговора - 1496 дел;
- ч. 1 ст. 389.18 - неправильное применение уголовного закона выявлено в 13 241 уголовных дел.

Помимо изложенного, освобождено из под стражи 34 человека, которые были оправданы.

Отменены оправдательные приговор по представлению прокурора 543 лицам.

Таким образом, очевидно, что проблема с неправильным применением норм уголовного и уголовно-процессуального закона судами существует, при этом, количество допускаемых ошибок является значительным, что противоречит принципу законности и цели судопроизводства. Незаконное уголовное преследование недопустимо, как и уход от правосудия.

Для полноценности картины, предлагаем рассмотреть и проанализировать сведения судов кассационной инстанции:

Так, всего было отменно 1889 обвинительных приговоров; отменено с направлением дел на новое рассмотрение: в суд первой инстанции - 1624; апелляционной инстанции - 1132; кассационной инстанции - 15 дел.

Прекращено дел по реабилитирующим основаниям: на приговор первой инстанции 72; апелляционной инстанции - 64;

Возвращено уголовных дел прокурору по ч.3 ст. 405 УПК РФ всего 170 дел.

Изменено приговоров: с изменением квалификации - 884; без изменения - 3915;

Изменено всего обвинительных приговоров 8023 дел.

В части отмены апелляционных постановлений по существу дела: отменено 1475 дел, изменено 82 дела.

Перейдем к основанием отмены и изменении судебного решения в порядке статей 405.15 УПК РФ, 409 УПК РФ:

- существенные нарушения уголовного и (или) уголовного-процессуального закона, а также несоблюдение досудебного сотрудничества: 12 850 уголовных дел.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, о наличии значительного количества отменяемых и изменяемых приговоров, в том числе с возвращением уголовного дела прокурору в порядке статей 237 Уголовного Процессуального Кодекса РФ (далее - УПК РФ), 401.15 УПК РФ. Указанное свидетельствует о наличии устойчивых проблем как в рамках уголовного судопроизводства, так и в ходе предварительного расследования. В качестве основной причины следует выделить неправильное применение норм уголовного и(или) уголовно-процессуального закона.

На данный момент существует множество научных трудов, посвященных отдельным вопросам правоприменительных ошибок, из которых многие остаются дискуссионными.

Так, в качестве цели исследования выступает феномен «правоприменительная ошибка». Методологическую основу исследования составили такие методы как - сравнительно-правовой анализ, обобщение, дедукция, статистический.

Обозначенная цель формирует следующие задачи:

1. Исследовать основные походы к пониманию термина «ошибка» в широком смысле и узком смыслах в отрыве от отраслевой специфики.
2. Рассмотреть основные подходы к пониманию определения «правоприменительная ошибка».
3. Исследовать и провести сравнительно-правовой анализ терминов «правоприменительная ошибка», «следственная ошибка», «ошибка государственного обвинителя», «судебная ошибка», «ошибка защитника».
4. Рассмотреть соотношение таких правовых категорий как «правоприменительная ошибка», «правонарушение» и «противоправное деяние».
5. Предложить собственное определение терминам «ошибка», «правоприменительная ошибка», «правоприменительная ошибка в уголовном судопроизводства».

Постановка проблемы

Качество правоприменительной деятельности напрямую влияет на состояние законности, защищенность прав, свобод и законных интересов граждан и общества, и формирует общественное мнение об эффективности работы властных органов. Тем не менее, любая деятельность сопряжена с определенным риском совершения ошибки.

Полностью поддерживаем высказывание Назарова А.Д., который отметил, что феномен правоприменительной ошибки заключается как раз в том, что любая человеческая деятельность всегда сопровождается совершением ошибок, однако, данное обстоятельство не является препятствием для стремления человечества к минимизации возникновения последнего [18, с. 26].

Так, проблема правоприменительных ошибок приобретает важное значение не только для теории, но так и для практики, влияя на эффективность работы всего механизма правового регулирования.

В целях проведения качественного анализа содержания термина «правоприменительная ошибка» обратимся к философскому пониманию ошибки как гносеологической категории.

Под термином «ошибка» в философии и теории познания понимают несоответствие знаний индивида об объекте восприятия. Иными словами, происходит искажение истинности знания [2, с. 160] в связи с непреднамеренным изменением субъектом восприятия объективной действительности, что в последствии приводит к совершению таким субъектом неправильных действий, отклоняющих его от достижения поставленной им цели. Затрагивая вопросы истинности, вспоминается определение Ленина В.И., согласно которому «истина всегда черпается из объективной действительности, а не из субъекта» [14, с. 123]. В свою очередь, Заботин П.С. исследуя гносеологическую природу ошибки отметил, что термины «заблуждение» и «ошибка» не являются тождественными. Заблуждение не зависит от личных качеств индивида, в то время как ошибка детерминирована качествами конкретного субъекта познания [9, с. 70-71].

Дж. Локк в своих трудах разграничивает термин «ошибка» и «заблуждение» как две разные категории. В качестве причины заблуждения указывается на ограниченность человеческого ума в его способах отражения подлинного облика предметов и привязанности ориентиров к языковой форме [15, с. 65-70].

По мнению Геллера И.З. под ошибкой следует понимать несоответствие суждения субъекта познания об объекте познания [5, с. 5]. В данном случае автор приравнивает неправильное суждение к результату, ошибке.

Полагаем, что «заблуждение» - это такое состояние лица (умственное, психическое), в котором субъект познания, пребывая, непреднамеренно искажает истинные знания об объекте познания. Непреднамеренное искажение истины же является следствием такого заблуждения - «ошибкой», результатом заблуждения, который осуществлен в отсутствие умысла. Таким образом, данные понятия являются связанными между собой, однако, не тождественными по своему содержанию и смыслу.

Анализ феномена «правоприменительной ошибки» берет свое начало в уголовном праве, что неудивительно, учитывая специфику правовой отрасли, которая не допускает возможность совершения ошибок со стороны лиц, осуществляющих властные полномочия по ограничению прав и свобод виновного лица, чья деятельность направлена на достижение целей правосудия.

Так, можно условно выделить следующие основные подходы к пониманию «ошибки»:

1) Правоприменительная ошибка - это акт правоприменения, не отвечающий законодательным требованиям законности, обоснованности справедливости. Ошибка выражается в алогичном результате, который достигнут в результате непреднамеренного действия, либо добросовестного заблуждения, либо опущенной неосторожности [10].
2) Правоприменительная ошибка есть расхождение между объективной реальностью и субъективным восприятием лица. [6, с. 22].
3) В уголовном процессе под ошибкой понимают заблуждение лица, являющегося субъектом уголовно-процессуальной деятельности относительно интерпретации законодательных норм в части требований касательно производства по уголовным делам [16, с. 30].
4) В уголовном праве ошибкой может выражаться в:

– заблуждение, затрагивающее фактические и юридические признаки преступления [20, с. 402];
– заблуждение в части объективных свойств преступного деяния и его общественной опасности, лица, виновного в совершении преступления [17, с. 16-17].

5) Правоприменительная ошибка является объективным противоправным деянием, которое возникло в результате добросовестного заблуждения (является невиновным) [1, С. 357].
6) Правоприменительная ошибка - результат добросовестного заблуждения, либо неосторожности (Вопленко Н.Н., Кенжетаев Т.Р.) [4]

7) Любое отступление от требований норм правая является ошибкой. В данном случае авторы не отрицают возможность умысла при допущении последнего (Голик Ю.В., Орлова О.В.) [7, с. 45].
8) Особое внимание проблемам юридической деятельности уделил Карташов В.Н., предложивший понимать под правоприменительной ошибкой результат властной деятельности субъектов правоприменения, который противоречит нормам и материального, и процессуального права, квалифицируется в качестве ошибочного в особом акте, и, наконец, не позволяет достигнуть истинных целей правового регулирования [11, с. 52].

Полагаем такое определение правоприменительной ошибки довольно полным и содержательным, аккумулирующим существенные признаки исследуемого явления.

9) Ошибка - это правовое явление, результат которого представлен в качестве дефекта. Однако, автор особо отмечает, что термины правоприменительная ошибка и дефект правоприменительного акта не являются тождественными. Правоприменительная ошибка не всегда отражается в правоприменительном акте, может быть совершена и устранена лицом до того, как станет дефектом правоприменительного акта (зафиксирован результат, наступают негативные последствия) [24].
10) В контексте исследования правоприменительных ошибок немало фундаментальных работ посвящено двум видам ошибок: «следственным ошибкам» Шейфер С.А., Баранов А.М., Вопленко Н.Н., Бойков А.Д., Назаров А.Д. и др.) и «судебным ошибкам» (Назаров А.Д., Бойков А.Б., Петрухин И.Л., Морщакова Т.Г., Батуров Г.Г., Вопленко Н.Н. И др.).

Так, правоприменительная ошибка - следственная и судебная ошибки, которые не содержат признаков общественно опасного деяния (преступления) в действиях субъектов уголовного процесса, уполномоченных принимать определенные решения, которые могут повлечь получение неправильного процессуального результата [18, с. 41].

Далее автор предлагает более подробно остановится на исследовании терминов «следственная ошибка» и «судебная ошибка»:

Под «следственной ошибкой» в широком смысле авторами понимаются ошибки, допущенные в ходе предварительного расследования уголовного дела. Сущность ошибки заключается в принятии любого незаконного решения, основанием которого явилось совершение неверного действия или бездействия представителем уполномоченного органа государственной власти [3, с.14-15].

В качестве существенных признаков следственной ошибки Бойков А.Б. выделяет [18, с. 32]:

1) ошибочная оценка дознавателем или следователем собственных действий или бездействий как правомерных;
2) причинение существенного вреда такими действиями или бездействием.

Шейфер С.А., в свою очередь, отмечает, что допускаемые нарушения могут допускаться уполномоченным лицом как неумышлено, так умышленно и необоснованно, тем самым отходя от законодательных требований в ходе предварительного расследования, которые в последствии приводят к принятию незаконных решений, в том числе препятствующие в последующем свершению правосудия [25, с. 204].

Ряд авторов, таких как Баранов А.М. [1, с. 11], Вопленко Н.Н. исключают умышленное допущение ошибок следователем или дознавателем, указывая на непреднамеренный характер совершаемых действий или бездействий [4, с. 41].

Соглашаясь в целом с пониманием вышесказанных авторов, Назаров А.Д. исключает из числа ошибок те, материально-правовые ошибки, которые были выявлены и устранены субъектом, допустившим его [18, с. 34]. Вместе с тем, Назаров А.Д. Полагает, что определения «следственная ошибка» и «судебная ошибка» близки по содержанию к определению «уголовно-процессуальное правонарушение», которое включает любые нарушения УПК РФ, Уголовного кодекса РФ (далее - УК РФ), пробелы предварительном расследовании.

Несмотря на изложенное выше, следует отметить, что определение «следственная ошибка» используется в основном в научной литературе, на законодательном уровне данное понятие не используется, вместо этого, в случае обнаружении факта несоблюдения правовых норм, указывают на «упущения», «заблуждения», «добросовестное заблуждение», «пробелы», «погрешности», «недостатки предварительного расследования», «нарушение норм» и др.

Указанное выше касается и определения «судебные ошибки». Тем не менее, в правоприменительной практике понятие «судебной ошибки» можно встретить. Так, например, в соответствии с ч.2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее - ВС РФ) от «14» апреля 2016 г. № «О судебной практике применения законодательства, регулирующего проси дисциплинарной ответственности судей»: «судья не может быть привлечен к дисциплинарной

ответственности за сам факт принятия принятия незаконного или необоснованного судебного акта результате судебной ошибки…».

Несмотря на изложенное, в науке данное определение широко используется, в связи с чем продолжим свое исследование соответствующего вида ошибки:

Значительный вклад внесли в исследования российские ученые, посвятившие свои труды «судебной ошибке» (Назаров А.Д., Коврига З.Ф., Давыдов В.А., Петрухин И.Л., Батуров Г.Г., Морщакова Т.Г. и др.).

Так, понимание авторами «судебной ошибки» схоже по содержанию со «следственной ошибкой»:

– ошибка сопряжена с нарушением законодательных норм, реализуемых в ходе рассмотрения и разрешения дела судом, которые приводят к негативным правовым последствиям;
– субъект, осуществляющий применение права, находится в состоянии добровольного заблуждения, либо совершает действия и (или) бездействия по небрежности;
– ошибка заключается в непреднамеренном искажении объективной действительности [13, с. 63];
– судом может быть допущена ошибка вследствие его неосведомленности о конкретных обстоятельствах дела, которые имеют значение для правильного разрешения дела [8, с. 50];

Давыдов В.А. полагает, что судебная ошибка может быть совершена в том числе и виновно, путем совершения преступного деяния. Большинство авторов справедливо не согласны с таким подходом, указывая на то, что «преступное деяние» и «ошибка» являются разными правовыми категориями, правовая природа которых взаимоисключает друг друга. Тем не менее, полагаем заслуживающим внимание ситуацию, когда преступное деяние представляется субъектам судопроизводства в качестве ошибки. Иными словами, происходит формальная «подмена» одного понятия другим, что происходит в силу неосведомленности лиц о фактическом характере подобной «ошибки», так как преступное деяние является не выявленным, носит латентный характер. Так, факт правонарушения норм может быть выявлен и установлен, однако, признаки преступного деяния неочевидны, из-за чего не были выявлены в связи с субъективным восприятием ситуации конкретными лицами (такое восприятие вполне может быть непреднамеренным). Изложенное затрагивает все стадии уголовного процесса.

Петрухин И.Л., придерживается позиции, в которой судебной ошибкой будет являться прежде всего такая деятельность или действия (или бездействия) суда, которые не соответствуют целям и задачам правосудия [19, с. 51-52]. Указанное не исключает изложенного выше, но раскрывается в более широком смысле, положительно дополняя уже сказанное. Первоначальной целью является защита прав, свобод и законных интересов граждан, общества и государства в целом, достигаемая посредством правосудия. Соблюдение материальных и процессуальных норм права является обязательным условием достижения обозначенной цели.

Далее обратимся к ошибкам государственного обвинителя. В отличие от рассматриваемых ранее вопросов, научных трудов, в которых специально исследуется данный дискуссионный вопрос, не так много. Такая же ситуация сложилась и в части ошибок, совершаемых защитником-адвокатом в рамках уголовного судопроизводства. Предполагаем это связано с тем, что авторами исследовались не конкретные субъекты правоприменительной деятельности, а сама правоприменительная деятельность в целом.

Так, Сазин Д.С. предложил выделить ошибку государственного обвинителя в качестве самостоятельной правовой категории. Под ошибкой государственного обвинителя следует понимать «преднамеренные и непреднамеренные действия (бездействия), или игнорирование государственным обвинителем требований материального и процессуального закона, приказов и указаний Генерального прокурора и прокурора субъекта РФ, а также научно обоснованных тактик поддержания государственного обвинения, которое затруднило или повлекло невозможность достижения назначения уголовного судопроизводства» [22]. При этом, ошибка не образует состав преступления.

Новшеством является уже сам по себе подход, равно само описание состояния государственного обвинителя, которое может выражаться в пренебрежительном отношении к требованиям закона. Таким образом, автор заложил основу для очередной дискуссии.

Анализ ошибок адвокатов-защитников проведен Пронькиной А.Н. Автор справедливо отметил недостаточную разработанность темы исследования, указывая на процессуальный статус, роль и значения защитника в уголовном судопроизводстве. Автор указывает, что такие ошибки не могут приводить к образованию состава преступления, и заключаются в неправильном применении (неприменении) норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, несоблюдении научных рекомендаций, которые выразились в последующем в нарушении прав и законных подзащитного, либо иных участников судебного процесса [21].

В связи с изложенным, полагаем необходимым поставить вопрос о необходимости проработки и оценки таких правовых явлений как «ошибки государственного обвинителя» и «ошибки адвоката-защитника». Каждый из названных субъектов обладает собственными процессуальными правами и обязанностями, которые призваны содействовать достижению целей правосудия.

Несмотря на то, что автором в рамках данной статьи частично уже затрагивались вопросы, касающиеся содержания терминов «следственная ошибка», «судебная ошибка», «ошибка государственного обвинителя», «ошибка защитника», каждый из этих правовых явлений требует более глубокого научного подхода, который не может быть осуществлен в рамках настоящего исследования и подлежит рассмотрению отдельно.

Заключение

Правоприменение представляет собой сложный процесс, в котором множество правовых элементов пересекаются между собой и образуют единый механизм, работа которого направлена на реализацию правовых норм в целях защиты прав, свобод и законных интересов граждан, общества и государства. Если один из элементов данного механизма допускает ошибку в своей деятельности, это может в значительной степени отразиться на работе всего механизма, а также привести к существенным негативным последствиям.

В рамках настоящего исследования было проанализировано много научных трудов, а также установлены основные подходы к пониманию феномена ошибки как в праве в целом, так и в более узком смысле в зависимости от вида отрасли права.

В связи с изложенным, автором были сделаны следующие выводы:

1. Для установления сущности правовой природы ошибки в уголовном судопроизводстве, необходимо понять, что есть ошибка в широком смысле:

Искаженное знание об объекте познания относительно объективной действительности - это ошибка - как результат познавательной деятельности субъекта познания.

Возникает последовательный вопрос, что следует понимать под познавательной деятельностью в уголовном судопроизводстве.

Полагаем, что познавательная деятельность в общем смысле и познавательная деятельность в уголовном судопроизводстве имеют как сходства, так и различия:

1) Это мыслительная деятельность человека, направленная на установление истины (получение знания).

В широком смысле, истина устанавливается относительно объективной действительности.

В уголовном судопроизводстве, используется более узкое значение: истина устанавливается относительно обстоятельств, имеющих юридическое и фактическое значение для рассмотрения уголовного дела в целях его правильного рассмотрения и разрешения в соответствии с требованиями закона. При этом, знание должно быть не только истинным, но и обоснованным.

Еще одним отличием является то, что в уголовном процессе, правоприменители руководствуются нормами права - знаниями, которые государство в лице законодателя, заведомо решило считать истинными и подлежащими применению.

В то же время, уголовное судопроизводство это процессуальная форма, в которой протекает процесс познания. Процессуальная форма необходима для правильного рассмотрения и разрешения уголовного дела - оказывает содействие в процессе установления истины относительно случившегося события, объекта познания - преступления.

2) В то же время, познание - это и деятельность субъекта познания, и совокупность действий, совершаемых в целях получения истинных знаний.

В уголовном судопроизводстве, под такой деятельностью понимают процесс доказывания, обоснование истинности знания. Действия, которые субъекты могут совершать, регламентированы уголовно-процессуальным законом. Иными словами, это правовая деятельность лиц, регламентированная нормами права.

3) В качестве субъектов познания выступают:

– в широком смысле любой человек;
– в уголовном судопроизводстве: органы дознания; органы следствия; прокуратура; суд; защитник.

Возможности защитника, в отличие от других субъектов познания, ограничены.

Таким образом, ошибка является результатом мыслительной деятельности, сопровождаемой практической деятельностью (совершением определенных действий способствующих познанию).

Первичным является мыслительная деятельность (умственная), направленная на установление истинного знания, для чего субъектом познания ставится цель и задачи познания.

Так как познание - это еще и деятельность, она сопровождается совершением определенных действий, выбор способа познания осуществляется субъектом познания с учетом имеющихся у него для этого процессуальных прав.

2. Субъект познания заблуждается, искажает объективную реальность субъективным

восприятием на основании имеющихся у лица знаний (которые могут быть неполными или также искаженными), однако, не преследует цели исказить истину - форма умысла непреднамеренная.

Заблуждение - это определенное состояние субъекта, в котором он пребывает в процессе познания. Так, заблуждение это еще одновременно процесс, которым сопровождается познание, является его неотъемлемой частью. В тоже время, заблуждение - это неверное представление, восприятие субъекта относительно истинности знания.

Совершению ошибок способствуют: условия в которых осуществляется познание - внешние факторы; внутренние факторы: эмоциональное и физическое состояние субъекта познания; предубежденность; неосведомленность; за основу познания взяты ложные знания; пробелы знания; совершение логических ошибок и др.

Субъект познания может не находится в заблуждении на протяжении всей познавательной деятельности. Так, например, изначально он выработал правильную тактику и верно поставил цель познавательно деятельности, однако, в процессе, под воздействием внутренних и (или) внешних факторов, вошел в состояние заблуждения.

3. «Ошибка» является более широким понятием по отношению к термину «правоприменительная ошибка» и включает его. Правоприменительная ошибка, в свою очередь, включает разные виды ошибок, совершаемых субъектами правоотношений в процессе правоприменения («правоприменительная ошибка в уголовном судопроизводстве, в гражданском судопроизводстве административном судопроизводстве…). Представляя более узкое по смыслу значение термин «правоприменительная ошибка в уголовном судопроизводстве» включает ряд уже других ошибок, более конкретизированных и соответствующих отраслевой специфике («следственная ошибка», «ошибка государственного обвинителя», «судебная ошибка», «ошибка адвоката-защитника»).

Таким образом, автор берет изложенное в п.1 и 2 настоящего раздела понимание «ошибки» и «познавательной деятельности» как основообразующее и переходит к последующему анализу.

4. Прежде чем перейти к термину «правоприменительная ошибка», предлагаем разобраться, каким образом познавательная деятельность в ее общем смысле преобразовывается в правовой плоскости:

Под правоприменением следует понимать процесс применения уполномоченным субъектом права норм материального и (или) процессуального права, которые направлены на достижение определенной правовой цели.

Познавательная деятельность субъекта познания представлена в правоприменении следующим образом:

- регламентируется правовыми нормами;
- облекается в определенную процессуальную форму;
- мышление субъекта опирается на закон - знание, которое признано государством истинным и подлежащим применению;
- объект познания прочно связан с правом;
- цель познания имеет правовое значение;
- субъект познания обладает необходимыми правами и обязанности, либо уполномочен совершить определенные действия в виду наделения его определенным массивом прав и обязанностей в связи с выполнением им трудовой функции.
- субъект познания является субъектом правоприменения.

Таким образом, правоприменительная ошибка:

- в широком смысле: результат, познавательной деятельности субъекта познания, который регламентирован законом и облечен в определенную процессуальную форму.
- в узком смысле: это заблуждение субъекта правоприменения относительно истинности знаний об объекте познания, которое выдается за истинное путем удостоверения в предусмотренной законом форме, и заключается в неправильном применении норм материального и процессуального законодательства.

Сам результат - это искаженное знание, обоснованное в качестве истинного, влечет негативные правовые последствия, в том числе в виде: нарушения прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, общества и государства в целом, а главное, не соответствует истинному положению дела - материальной истине (за основу понятие материальной истины Строговича М.С. [23]).

5. Термин «правоприменительная ошибка в уголовном судопроизводстве» дополняется с учетом специфики отрасли права:

- это искаженное знание уполномоченных субъектов уголовно-процессуального познания касательно фактических и юридически значимых обстоятельств уголовного дела, и (или) виновности подозреваемого, обвиняемого или подсудимого в совершении преступления;

– уполномоченный субъект уголовного судопроизводства неправильно применяет уголовное и (или) уголовно-процессуальное законодательство на разных этапах движения уголовного дела, что влечет негативные юридические последствия;
– происходит последовательная деформация задач, стоящих перед субъектом познания, цель судопроизводства остается не достигнутой.

Решения, принятые уполномоченными субъектами уголовно-процессуального права, являются незаконными и влекут юридические последствия, которые выражаются в нарушении прав, свобод и законных интересов подозреваемого, обвиняемого или подсудимого (лишение свободы, ограничение свободы, принуждение к исправительным работам, применение мер процессуального принуждения и др.), или потерпевших от совершения преступления, лиц (преступник уходит от уголовной ответственности).

Список литературы:

[1] Баранов А.М. Процессуальные ошибки, совершаемые на этапе предварительного следствия и способы их устранения. Омск. 1996.

[2] Баранов В.М. Истинность норм советского права: проблемы теории и практики / под ред. М.И. Байтин - Саратов: Саратовский университет [СГУ], 1989. - С. 398.

[3] Бойков В.Д. Вопросы укрепления законности и повышения эффективности уголовного судопроизводства в свете решений XXVII съезда КПСС // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве. Сборник научных трудов. // Отв. ред. И.Ф. Демидов, А.Б. Соловьев, С.А. Шейфер, М.1988. С. 14-15.

[4] Вопленко Н.Н. Ошибки в правоприменении: понятие и виды // Советское государство и право. 1981. №4

[5] Геллер И.З. Ошибка человека и ее значение при вменении деяния этого лица ему в вину / Соч. И.З. Геллера - Тип. К. Матисена. 1910. - С. 144.

[6] Гизляев Ф.Г. Особенности вины и значение ошибки в уголовном праве. - Уфа. 1993. - С. 22.

[7] Голик Ю.В., Орлова О.В. Теория ошибок: уголовно-правовое и криминалистическое значение // Актуальные проблемы борьбы с преступностью. - Свердловск. 1989.

[8] Давыдов В.А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: теория и практика исправления судебных ошибок. М. 2012.

[9] Заботин П.С. Преодоление заблуждений в научном познании. - Изд-во «Мысль». 1979.

[10] Казгериева Э.В. Логические ошибки в небном правоприменении: дис. … канд.юрид. наук - Рос. акад. правосудия. 2006. - 177 с.

[11] Карташов В.Н. Профессиональная юридическая деятельность (вопросы теории и практики) / В.. Карташов - Ярославль: Изд-во ЯрГУ. 1992. - С. 188.

[12] Кенжетаев Т.Р. Юридическая квалификация ошибки работника // Советское государство и право. - 1988. - №8.

[13] Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность // Науч. ред. Л.Л. Кокарев. Воронеж. 1984.

[14] Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицзм / Полн. собр. соч. Т. 18. - С. 123.

[15] Локк Дж. Сочинения. Т. 2. - М. 1998.

[16] Москвитина Т.А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона и средств их выявления, устранения и предупреждения в уголовном процессе России. - дис. … канд. юрид. наук. - Ярославль. 1997. - С. 30.

[17] Мурсалимов К.Р. Правоприменительные ошибки (Проблемы теории): дис. … канд. юрид. наук. - Н. Новгород, 2000. - С. 182.

[18] Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы:диссертация … док. юрид. наук. - Санкт-Петербург. 2017. - 388 с.

[19] Петрухин И.Л. Теоретические основы эффективности правосудия // / И.Л. Петрухин, Г.П. Батуров, Т.Г. Морщакова. - Москва. Наука. 1979. - 392 с.

[20] Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному приказу. - М. 1961. - 666 с.

[21] Пронькина А.Н. Ошибки адвокатов-защитников в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж. 2006.

[22] Сазин Д.С. Ошибки государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. - Воронеж. 2012.

[23] Строгович М.С. Избранные труды. т. 3. Теория судебных доказательств. Москва. Издательство «Наука». 1991. С. 16-33.

[24] Шаповалова Я.В. О соотношении понятий «правоприменительная ошибка» и «дефект правоприменительного акта» // Журнал «Теория и практика общественного развития». 2018.

[25] Шейфер С.А. Доказательство и доказывание по уголовным делам: Проблемы теории и правового регулирования. М. 2009.

References:

[1] Baranov A.M. Procedural errors committed at the preliminary investigation stage and ways to eliminate them. Omsk. 1996.

[2] Baranov V.M. The truth of the norms of Soviet law: problems of theory and practice/ed. M.I. Baitin - Saratov: Saratov University [SSU], 1989. - S. 398.

[3] Boykov V.D. Issues of strengthening the rule of law and increasing the effectiveness of criminal proceedings in the light of the decisions of the XXVII Congress of the CPSU//Issues of strengthening the rule of law and eliminating investigative errors in criminal proceedings. Collection of scientific works .//Rest. ed. I.F. Demidov, A.B. Soloviev, S.A. Shafer, M.1988. S. 14-15.

[4] Voplenko N.N. Errors in law enforcement: concept and types//Soviet state and law. 1981. №4

[5] Geller I.Z. Human error and its significance in imputing the act of this person to him/Op. I.Z. Geller - Type. K. Mathisen. 1910. - S. 144.

[6] Gizlyaev F.G. Features of guilt and the meaning of error in criminal law. - Ufa. 1993. - S. 22.

[7] Golik Yu.V., Orlova O.V. Theory of errors: criminal law and forensic significance//Actual problems of combating crime. - Sverdlovsk. 1989.

[8] Davydov V.A. Resumption of criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances: theory and practice of correcting judicial errors. M. 2012.

[9] Zabotin P.S. Overcoming misconceptions in scientific cognition. - Publishing house "Thought." 1979.

[10] Kazgerieva E.V. Logical errors in palatal law enforcement: dis.... cand.yurid.nauk - Ros. acad. of justice. 2006. - 177 s.

[11] Kartashov V.N. Professional legal activity (questions of theory and practice)/V.. Kartashov - Yaroslavl: Publishing House of Yargu. 1992. - S. 188.

[12] Kenzhetaev T.R. Legal qualification of an employee's mistake//Soviet state and law. - 1988. - №8.

[13] Kovriga Z.F. Criminal Procedure//Scientific. ed. L.L. Kokarev. Voronezh. 1984.

[14] Lenin V.I. Materialism and Empirio-criticism/Full. collection Op. T. 18. - S. 123.

[15] Locke J. Writings. VOL. 2. - M. 1998.

[16] Moskvitina T.A. Significant violations of the criminal procedure law and the means of their identification, elimination and prevention in the criminal process of Russia. - dis.... cand. jurid. sciences. - Yaroslavl. 1997. - S. 30.

[17] Mursalimov K.R. Enforcement errors (Theory problems): dis.... cand. jurid. sciences. - N. Novgorod, 2000. - S. 182.

[18] Nazarov A.D. Investigative and judicial errors and the criminal procedure mechanism for their elimination: conceptual foundations: dissertation... doc. jurid. sciences. - St. Petersburg. 2017. - 388 p.

[19] Petrukhin I.L. Theoretical foundations of the effectiveness of justice///I.L. Petrukhin, G.P. Baturov, T.G. Morshchakova. - Moscow. Science. 1979. - 392 p.

[20] Piontkovsky A.A. The doctrine of crime on the Soviet criminal order. - M. 1961. - 666 s.

[21] Pronkina A.N. Errors of defense lawyers in criminal proceedings: dis.... cand. jurid. sciences. Voronezh. 2006.

[22] Sazin D.S. Errors of the public prosecutor in criminal proceedings: dis.... cand. jurid. sciences. - Voronezh. 2012.

[23] Strogovich M.S. Selected works. vol. 3. Theory of forensic evidence. Moscow. Publishing house "Science." 1991. S. 16-33.

[24] Shapovalova Y. V. On the relationship between the concepts of "law enforcement error" and "defect of the law enforcement act "// Journal" Theory and Practice of Social Development. " 2018.

[25] Shafer S.A. Proof and Evidence in Criminal Cases: Problems of Theory and Legal Regulation. M. 2009.

www.law-books.ru

Юридическое издательство «**ЮРКОМПАНИ**» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-69-73

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилевич,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

ПРЕДЕЛЫ СВОБОДЫ ВОЛИ В УСЛОВИЯХ НЕСВОБОДЫ. ФЕНОМЕН ВНУТРЕННЕГО ПОБЕГА

Аннотация. *В пенитенциарной практике классическое противопоставление «свобода – несвобода» обретает парадоксальную глубину. Тотальное ограничение внешней автономии, вопреки интуиции, нередко становится катализатором экстраординарной внутренней активности, разворачивающейся в пространстве памяти, воображения и рефлексии. В статье на стыке пенитенциарной психиатрии, экзистенциальной психологии и нейробиологии анализируется феномен «внутреннего побега» как сложного, многомерного процесса сохранения субъектности в условиях депривации. Обосновывается, что формирование «внутренней дачи», интимного психического убежища, выполняет не только компенсаторную, но и экзистенциально-смыслообразующую функцию, позволяя человеку удерживать целостность «Я» там, где внешние структуры стремятся эту целостность нивелировать. Выявляются клинические границы этого феномена, за которыми адаптивные механизмы трансформируются в патологические формы аутистического ухода или дереализации. Понимание внутренней свободы как ресурса открывает новые перспективы для реабилитации, смещая акцент с внешнего контроля на поддержку способности к смыслопорождению.*

Ключевые слова: *пенитенциарная психиатрия, свобода воли, внутренний побег, экзистенциальная психология, депривация, рефлексия, субъектность, реабилитация.*

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

THE LIMITS OF FREE WILL IN CONDITIONS OF UNFREEDOM. THE PHENOMENON OF INNER ESCAPE

Annotation. *In penitentiary practice, the classic opposition between freedom and unfreedom acquires paradoxical depth. Total restriction of external autonomy, contrary to intuition, often becomes a catalyst for extraordinary internal activity unfolding in the space of memory, imagination, and reflection. At the intersection of penitentiary psychiatry, existential psychology, and neurobiology, the article analyzes the phenomenon of «inner escape» as a complex, multidimensional process of preserving subjectivity under conditions of deprivation. It is argued that the formation of an «inner dacha», an intimate mental refuge, performs not only a compensatory but also an existential meaning-making function, allowing a person to maintain the integrity of the self where external structures seek to level this integrity. The clinical boundaries of this phenomenon are identified, beyond which adaptive mechanisms transform into pathological forms of autistic withdrawal or derealization. Understanding inner freedom as a resource opens new perspectives for rehabilitation, shifting the focus from external control to supporting the capacity for meaning-making.*

Key words: *penitentiary psychiatry, free will, inner escape, existential psychology, deprivation, reflection, subjectivity, rehabilitation.*

Введение. Всякий, кто работает в пенитенциарной системе или соприкасается с ней через клиническую практику, рано или поздно сталкивается с феноменом, который трудно объяснить в терминах привычной дихотомии «свобода – несвобода». Речь идет о том парадоксальном факте, что предельное стеснение внешней свободы, такое как ограничение перемещения, жест-

кая регламентация каждого действия, унификация быта и подчас полное нивелирование приватности, не только не разрушает у определенной категории осужденных способность к автономному существованию, но, напротив, обостряет и укрепляет ее, переводя в иную, внутреннюю плоскость. Этот феномен, который в тюремной субкультуре получил емкое и почти поэтическое наименование «внутренняя дача», представляет собой сложное психическое образование, своего рода убежище, возводимое в пространстве памяти, воображения и рефлексии, куда не проникает надзирающий взгляд и где воля обретает возможность действовать вопреки физическим ограничениям.

Актуальность исследования данного феномена для пенитенциарной психиатрии и психологии трудно переоценить. Традиционная пенитенциарная наука и практика долгое время фокусировались либо на патологических последствиях изоляции, таких как развитие психических расстройств, личностная деградация, синдром тюремной психики, либо, напротив, на социологических аспектах ресоциализации, рассматривая заключенного преимущественно как объект исправительного воздействия. Однако клинический опыт показывает, что внутри самого ограничения рождаются механизмы, которые невозможно свести ни к патологии, ни к пассивной адаптации. Они свидетельствуют о сохраняющейся, а подчас и обостряющейся способности человека к самоопределению, которая находит свои, неочевидные на первый взгляд, пути реализации.

Цель настоящей статьи состоит в концептуальном осмыслении феномена внутреннего побега как психологического и экзистенциального ответа личности на тотальную институциональную регламентацию. Мы исходим из гипотезы о том, что «внутренняя дача» является не просто защитным механизмом, но активным процессом конструирования субъективной реальности, в котором воля, лишенная внешних объектов приложения, обращается на себя, порождая специфические формы рефлексии, темпоральности и смыслообразования. Понимание природы этого феномена позволяет не только объяснить удивительную жизнестойкость некоторых лиц, отбывающих длительные сроки, но и по-новому выстроить стратегии психологической помощи, сделав ставку не на подавление неадаптивных форм поведения, а на поддержку внутренних ресурсов субъектности.

Теоретические основания исследования. Для анализа парадокса, при котором максимальное ограничение внешней свободы становится условием расцвета свободы внутренней, необходимо обратиться к нескольким фундаментальным традициям в понимании свободы воли и природы человека. Классическая философская антропология, особенно в ее экзистенциалистском изводе, настаивает на том, что свобода не сводима к свободе перемещения или выбора между альтернативами. Как показал Ж.П. Сартр, свобода есть фундаментальная характеристика человеческого сознания, его способность выходить за пределы любой ситуации, полагая себя в проекте. В этом контексте тюремное заключение оказывается лишь одной из фактичностей, которые свобода наделяет смыслом. В. Франкл, развивая идеи экзистенциального анализа, утверждал, что даже в условиях тотальной несвободы концентрационного лагеря человек сохраняет последнюю и неотъемлемую свободу – свободу выбирать свое отношение к обстоятельствам [3]. Эта интуиция получает в пенитенциарной практике множественные подтверждения: именно те, кто способен удерживать смысловую вертикаль, создавать внутренние дистанции по отношению к происходящему, оказываются наиболее устойчивыми к деструктивным эффектам изоляции.

Современная нейробиология дополняет эту картину, демонстрируя, что длительное пребывание в условиях сенсорной и социальной депривации не только не приводит к атрофии нейронных сетей, отвечающих за высшие когнитивные функции, но в определенных случаях стимулирует их компенсаторное развитие. Механизмы памяти, особенно автобиографической, и способность к ментальной симуляции (воображению) активируют те же нейронные контуры, что и реальное действие. Исследования показывают, что у лиц, находящихся в длительной изоляции, активность префронтальной коры, связанной с планированием и рефлексией, может не снижаться, а перераспределяться на внутренние задачи, что клинически проявляется в повышенной интенсивности внутреннего диалога, детализированности воспоминаний и способности к созданию сложных ментальных миров[1].

Важный вклад в понимание феномена вносит отечественная традиция культурно-исторической психологии, в которой высшие психические функции рассматриваются как интериоризованные формы социального взаимодействия. В условиях, когда внешний диалог с миром максимально редуцирован и регламентирован, происходит обратный процесс экстериоризации, вынесения вовне того, что ранее было внутренним? Или, напротив, происходит гипертрофированное развитие внутреннего плана сознания, который начинает выполнять функции, утраченные во внешнем мире. Как отмечает Л.Н. Собчик, в пенитенциарной среде формируются специфические защитные комплексы, которые при всей своей ригидности позволяют сохранить ядерные струк-

туры личности [5]. Эти комплексы нередко принимают форму устойчивых фантазийных образований, выполняющих роль психологического «экзоскелета», подобно тому, как в условиях физического заключения тело ищет опору в ритуале или иерархии.

Наконец, психоаналитическая традиция, особенно в ее постклассических вариантах, обращает внимание на феномен «психологического убежища», описанный Д. Стайнером как особая психическая структура, позволяющая субъекту укрыться от невыносимой реальности и боли контакта [6]. Однако в пенитенциарном контексте это убежище приобретает не только защитную, но и творческую функцию: оно становится местом, где воля, лишенная внешних объектов, обращается на себя, порождая новое качество субъектности. Именно это превращение обороны в конструкцию, пассивного страдания в активное созидание внутреннего мира, и составляет ядро феномена «внутренней дачи».

Феноменология и психологическая структура «внутренней дачи». Клинические наблюдения, а также анализ автобиографических текстов и интервью с лицами, отбывшими длительные сроки лишения свободы, позволяют выделить устойчивые компоненты, образующие этот сложный феномен. Первым и наиболее очевидным является пространственный компонент. «Внутренняя дача» почти всегда имеет детально проработанную топографию. Это может быть реальное место из прошлого, типа дома детства, лес, река, комната, где когда-то жил, или, что особенно интересно, полностью сконструированное, вымышленное пространство, которое тем не менее обладает невероятной сенсорной насыщенностью. Человек знает запах этого места, фактуру поверхностей, звуки, смену освещения в разное время суток. Он может «гулять» по нему, возвращаясь в одни и те же углы, переставляя предметы, осуществляя действия, которые во внешней реальности невозможны. Эта способность к гипертрофированной визуализации нередко развивается до такой степени, что начинает конкурировать с восприятием реальности, но, в отличие от патологических галлюцинаций, она сохраняет критическую отнесенность: человек осознает, где находится на самом деле, и выбирает момент ухода во внутреннее пространство.

Второй компонент – временной. Тюремное время, как известно, структурировано извне и субъективно переживается либо как бесконечно длящееся, либо как остановившееся. «Внутренняя дача» позволяет восстановить нарушенную темпоральность. В ней можно проживать прошлое заново, не просто вспоминая, а реконструируя его в деталях, возвращая себе утраченную непрерывность жизни. Можно, напротив, строить будущее, подробно, шаг за шагом, проигрывая варианты освобождения, встреч, действий. Важно, что эта временная работа не сводится к простому фантазированию; она имеет характер волевого акта, требующего усилия и дисциплины. Многие из тех, кто практикует «внутренний побег» годами, отмечают, что сначала им приходилось буквально «принуждать» себя к уходу в воспоминания или воображение, но со временем этот процесс становился все более легким, превращаясь в отточенный навык.

Третий компонент – социальный. В парадоксальной форме «внутренняя дача» нередко включает в себя присутствие других. Это могут быть значимые люди из прошлого, с которыми ведется диалог, или, напротив, полностью вымышленные собеседники. Психотерапевтический эффект такого внутреннего общения огромен: человек сохраняет способность к диалогичности, к удержанию позиции «другого» в своем сознании, что является одним из ключевых условий сохранения психического здоровья. Более того, во внутреннем пространстве можно восстанавливать нарушенные социальные иерархии, присваивать себе утраченные роли (отца, профессионала, друга), осуществлять поступки, которые во внешнем мире невозможны. Это не столько компенсация, сколько поддержание непрерывности идентичности, которая иначе под угрозой тотальной институционализации оказалась бы разорвана.

Особого внимания заслуживает рефлексивный компонент. Длительное пребывание в условиях ограниченной сенсорной стимуляции и вынужденного бездействия создает уникальные условия для того, что в феноменологии именуется «работой сознания». Лишенный возможности действовать вовне, человек начинает действовать внутри, и объектом этого действия становится он сам. Развивается способность к наблюдению за собственными мыслями и чувствами, их анализу, оценке. Эта рефлексия нередко приобретает гипертрофированные формы, приближаясь к тому, что в восточных практиках называется «созерцанием». Но важно, что она не является пассивной; это именно работа, имеющая свои стадии, усилия, открытия. Многие из тех, кто прошел через длительное заключение, отмечают, что именно в этот период они научились понимать себя так, как не могли бы в обычной жизни, и этот опыт самопознания становился для них непреходящей ценностью.

Клинические границы и риски. При всем психологическом и экзистенциальном значении феномена «внутренней дачи» необходимо отдавать себе отчет в его двойственной природе. То,

что в умеренных формах является мощным адаптивным и даже развивающим механизмом, при определенных условиях может трансформироваться в патологию. Грань здесь определяется прежде всего двумя параметрами: произвольностью ухода во внутреннее пространство и сохранением связи с внешней реальностью.

В клинической практике пенитенциарных психиатров хорошо известны случаи, когда «внутренний побег» перестает быть подконтрольным и превращается в навязчивое, компульсивное ускользание от реальности. Человек все больше времени проводит в своем внутреннем мире, а внешний начинает воспринимать как нечто чужое, враждебное или нереальное. Нарастают явления дереализации и деперсонализации, когда мир вокруг теряет объем, краски, становится плоским и чужим. В наиболее тяжелых случаях формируются бредоподобные структуры, когда «внутренняя дача» начинает восприниматься как единственная подлинная реальность, а тюрьма – как временное и иллюзорное наваждение. Такое состояние уже требует психиатрического вмешательства, поскольку оно лишает человека способности к конструктивному взаимодействию с внешним миром и подготовке к освобождению.

Другой риск связан с тем, что «внутренняя дача» может становиться не ресурсом, а ловушкой, закрепляющей пассивность и неспособность к реальному действию. Если человек научается получать полное удовлетворение от внутренней жизни, у него исчезает стимул что-либо менять в своей внешней ситуации. Это особенно опасно в контексте ресоциализации: подготовка к освобождению требует активного выстраивания связей, планирования, поиска работы, восстановления социальных контактов. Если все эти функции замещены фантазийным удовлетворением, реальная свобода становится не желанной целью, а угрозой сложившемуся внутреннему равновесию. В этом контексте «внутренняя дача» из ресурса превращается в фактор, способствующий так называемому «синдрому отмены тюрьмы», когда освобождение переживается как травматическая потеря привычного внутреннего убежища [2].

Парадоксальным образом именно здесь наиболее отчетливо проявляется онтологический статус внутренней свободы. Она не дана раз и навсегда; она требует постоянного волевого усилия, постоянного выбора в пользу реальности, даже когда реальность жестока. Истинная внутренняя свобода, в экзистенциальном понимании, не в том, чтобы укрыться от несвободы внешней, а в том, чтобы, сохраняя дистанцию и способность к рефлексии, продолжать действовать, выбирать, брать на себя ответственность. «Внутренняя дача» как психическое убежище становится благом только тогда, когда она служит не бегству, а паузе, передышке, после которой человек возвращается к действию с новыми силами.

Реабилитационные перспективы. Понимание природы внутреннего побега имеет важное значение для разработки психологической помощи в пенитенциарной системе. Если традиционные подходы к ресоциализации фокусируются преимущественно на внешних аспектах трудоустройства, жилья, надзора, то феномен «внутренней дачи» указывает на необходимость работы с внутренним миром осужденного. Более того, он подсказывает направление этой работы: не разрушать или подавлять защитные механизмы, а поддерживать и направлять их, помогая превратить спонтанное, порой компульсивное бегство в осознанную и управляемую способность к внутренней работе.

Особую ценность в этом контексте приобретают методы, основанные на развитии рефлексии и осознанности. Практики осознанности, элементы когнитивно-поведенческой терапии, а также техники ведения дневника и нарративной практики позволяют человеку не только структурировать свой внутренний опыт, но и удерживать различие между внутренним и внешним, фантазией и реальностью. Важно, что эти методы не требуют сложного оборудования и могут быть реализованы в условиях ограниченных ресурсов пенитенциарного учреждения [1].

Не менее значимой представляется групповая работа. В группе осужденные могут делиться своими способами «внутреннего побега», и это обсуждение само по себе выполняет важную функцию: оно выводит интимный, потаенный опыт в пространство диалога, лишает его аутистической замкнутости и позволяет человеку увидеть, что его переживания не уникальны, что они имеют общую человеческую природу. Кроме того, групповая дискуссия способствует развитию способности к децентрации, умению смотреть на себя со стороны, то есть именно тому, что составляет ядро рефлексивной способности.

Наконец, перспективным представляется использование творческих методов письма, рисования, сочинения историй. Они позволяют объективировать внутренний мир, придать ему форму, что снижает риск его неконтролируемого разрастания и отрыва от реальности. Многие осужденные, создающие развернутые тексты или рисунки, отмечают, что этот процесс дает им чувство контроля над собственным воображением, превращая его из захватывающей стихии в инструмент, которым можно пользоваться осознанно.

Заключение. Феномен «внутренней дачи» ставит перед пенитенциарной психиатрией и психологией фундаментальные вопросы о природе свободы, границах человеческой субъектности и механизмах сохранения личности в условиях тотального внешнего контроля. Парадокс, вынесенный в название статьи, обретает в этом анализе конкретное содержание: предельное ограничение внешней свободы действительно может становиться катализатором невероятной свободы внутренней. Но эта внутренняя свобода не дана человеку автоматически; она требует работы, усилия, постоянного волевого выбора. Она не отменяет страдания, но преображает его, превращая из пассивного претерпевания в материал для самосозидания.

Понимание этого парадокса имеет далеко идущие последствия для организации пенитенциарной системы и реабилитационной работы. Если признать, что личность не просто страдает от изоляции, но и может в этих условиях находить ресурсы для своего развития, то задача системы не только минимизировать вред, но и создавать условия, в которых эти ресурсы могли бы быть актуализированы [4]. Это требует сдвига от парадигмы исправления через внешнее принуждение к парадигме поддержки субъектности, уважения к внутреннему миру человека, даже если этот мир возник как ответ на самые жестокие обстоятельства. В конечном счете, настоящая свобода, как учит нас экзистенциальная традиция, не в том, чтобы не иметь ограничений, а в том, чтобы сохранять способность определять свое отношение к ним. И задача пенитенциарной науки и практики не отнимать эту способность, а помогать человеку ее в себе обнаружить и укрепить.

Список литературы:

[1] Искандаров Р.Р. Биопсихосоциальные и структурные детерминанты химических зависимостей в условиях лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 189–199. DOI: 10.46741/2686-9764.2025.70.2.009. EDN: WAXHHN

[2] Искандаров Р.Р., Дикопольцев Д.Е. Специфические факторы пенитенциарной среды в формировании химических аддикций // Наркология. 2025. Т. 24, № 4. С. 58–63. DOI: 10.25557/1682-8313.2025.04.58-63. EDN: RYVTVX

[3] Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с. (Ориг. изд.: Frankl V. Ein Psycholog erlebt das Konzentrationslager. Wien, 1946.)

[4] Binswanger I.A., Stern M.F., Deyo R.A., Heagerty P.J., Cheadle A., Elmore J.G., Koepsell T.D. Release from prison — a high risk of death for former inmates // New England Journal of Medicine. 2007. Vol. 356, No. 2. P. 157–165. DOI: 10.1056/NEJMsa064115

[5] Sobchik L.N. Psychodiagnostics and differentiated approach criteria in penitentiary psychology // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 83–93. DOI: 10.46741/2686-9764.2024.65.1.010

[6] Steiner J. Psychic Retreats: Pathological Organizations in Psychotic, Neurotic and Borderline Patients. London: Routledge, 1993. 162 p. DOI: 10.4324/9780203358971

References:

[1] Iskandarov R.R. Biopsychosocial and structural determinants of chemical dependencies in prison settings//Penitentiary science. 2025. T. 19, NO. 2 (70). S. 189-199. DOI: 10.46741/2686-9764.2025.70.2.009. EDN: WAXHHN

[2] Iskandarov R.R., Dikopoltsev D.E. Specific factors of the penitentiary environment in the formation of chemical addictions//Narcology. 2025. T. 24, NO. 4. S. 58-63. DOI: 10.25557/1682-8313.2025.04.58-63. EDN: RYVTVX

[3] Frankl W. Man in search of meaning. M.: Progress, 1990. 368 pp. (Orig. изд.: Frankl V. Ein Psycholog erlebt das Konzentrationslager. Wien, 1946.)

[4] Binswanger I.A., Stern M.F., Deyo R.A., Heagerty P.J., Cheadle A., Elmore J.G., Koepsell T.D. Release from prison — a high risk of death for former inmates // New England Journal of Medicine. 2007. Vol. 356, No. 2. P. 157–165. DOI: 10.1056/NEJMsa064115

[5] Sobchik L.N. Psychodiagnostics and differentiated approach criteria in penitentiary psychology // Пенитенциарная наука. 2024. T. 18, NO. 1 (65). S. 83-93. DOI: 10.46741/2686-9764.2024.65.1.010

[6] Steiner J. Psychic Retreats: Pathological Organizations in Psychotic, Neurotic and Borderline Patients. London: Routledge, 1993. 162 p. DOI: 10.4324/9780203358971

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-74-78

СЕРДЮК Алевтина Леонидовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Санкт-Петербургского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
e-mail: alevtinaserdyuk@yandex.ru

СОГЛАСИЕ СУБЪЕКТА ДАННЫХ КАК ОСНОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ПЕРЕДАЧИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Аннотация. *В статье исследуется согласие субъекта данных как одно из правовых оснований трансграничной передачи персональных данных. Актуальность темы обусловлена тем, что цифровая экономика объективно зависит от международных потоков данных, тогда как государства одновременно усиливают требования к локализации, трансграничной передаче и защите персональных данных. Ограничения на потоки данных нередко принимают форму правового или фактического протекционизма, повышают транзакционные издержки и создают неопределенность для субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность.*

Ключевые слова: *персональные данные, информация, согласие, трансграничная передача данных, защита персональных данных, локализация персональных данных.*

SERDYUK Alevtina Leonidovna,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor Associate Professor,
Department of Civil Law Saint Petersburg Institute
(Branch) of the All-Russian State University of Justice

CONSENT OF THE DATA SUBJECT AS A GROUND FOR THE CROSS-BORDER TRANSFER OF PERSONAL DATA

Annotation. *The article examines the consent of the data subject as one of the legal grounds for the cross-border transfer of personal data. The relevance of the topic lies in the fact that the digital economy objectively depends on international data flows, while states are simultaneously strengthening requirements for data localization, cross-border transfer, and personal data protection. Restrictions on data flows often take the form of legal or de facto protectionism, increase transaction costs, and create uncertainty for business entities.*

Key words: *personal data, information, consent, cross-border data transfer, personal data protection, personal data localization.*

Введение

Современная цифровая экономика основана на постоянном трансграничном движении информации: такие потоки необходимы для облачных сервисов, электронной коммерции, финансовых услуг, логистики, исследований и платформенных бизнес-моделей. В книге B. Mercurio подчеркивается, что ограничение потоков данных создает форму торгового протекционизма, увеличивает издержки компаний и особенно чувствительно для субъектов малого и среднего предпринимательства; при этом с 2017 по 2021 год число стран, вводивших барьеры локализации данных, заметно выросло [1, с. 24–25].

Одновременно именно в сфере трансграничной передачи проявляется слабость традиционной конструкции согласия: субъект формально выражает волю, но практически не контролирует ни юрисдикцию получателя, ни последующие передачи, ни доступ государственных органов третьей страны к его данным. Осложняется это и тем, что особенностью трансграничной передачи персональных данных является множественность

субъектного состава [2, с. 68]. Поэтому вопрос состоит не в том, может ли согласие использоваться вообще, а в том, в каких пределах оно допустимо и какими дополнительными гарантиями должно сопровождаться.

Методология

Методологическую основу статьи составляют:

- формально-юридический метод – для анализа правовых оснований трансграничной передачи;
- сравнительно-правовой метод – для сопоставления Европейского союза (далее – ЕС), Гонконга и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (далее – ASEAN);
- функциональный метод – для оценки того, насколько согласие реально защищает субъекта данных в трансграничных сценариях.

Обсуждение

Как отмечают F. Deane, E. Woolmer, S. Cao и K. Tranter, потоки данных составляют «сердце и душу цифрового оборота» [3, с. 157], что подчеркивает их системообразующее значение для цифровой экономики. Вывод персональной информации за рубеж по своей правовой природе относится к предоставлению персональной информации внешним субъектам.

В классической модели защиты персональных данных согласие рассматривается как выражение информационной автономии субъекта права. В этом смысле оно позволяет сделать законной обработку и последующую передачу данных при условии добровольности, информированности, конкретности и однозначности. Однако в сфере международных передач его роль закономерно сужается: чем выше правовой и технологический риск, тем менее оправдано возлагать защиту субъекта исключительно на его волеизъявление. Эту идею подтверждает европейская модель, где передача в третьи страны структурирована по иерархии: адекватность, надлежащие гарантии, и лишь затем – отдельные изъятия для специфических случаев, включая явное согласие.

В Гонконге конструкция согласия также встроена в систему трансграничной передачи: раздел 33 Personal Data (Privacy) Ordinance (PDPO) (раздел 33 не действовал, так как не был включён в действие с момента принятия закона в 1996 году) предусматривает письменное согласие субъекта данных как одно из условий допустимости передачи за пределы юрисдикции [1, с. 51]. Одновременно B. Mercurio отмечает, что правовые системы, строящие передачу на чрезмерно сложных процедурах согласия, разрешений и локального хранения, могут фактически подталкивать компании к локализации данных и росту комплаенс-издержек [1, с. 24, 34].

В Китае регулирование трансграничной передачи персональной информации строится вокруг трех основных комплаенс-механизмов:

- оценка безопасности;
- стандартный договор;
- профессиональная сертификация [4].

«В США сам факт предоставления пользователем своих персональных данных, необходимых для заключения и исполнения договора, который он добровольно подписывает (или принимает условия онлайн), рассматривается как подразумеваемое согласие» [5, с. 103].

Следовательно, согласие в контексте трансграничной передачи выполняет двойственную функцию: оно служит инструментом легитимации передачи, но при неудачной регуляторной конструкции либо становится фикцией, либо превращается в один из триггеров де-факто локализации. Именно эта двойственность и образует ядро исследуемой проблемы.

Даже если субъект дает согласие, он редко способен оценить правовой режим страны-импортера, риск доступа иностранных государственных органов, цепочку последующих получателей, различия в судебной защите и реальные последствия отзыва согласия после передачи. Европейская комиссия прямо указывает, что при отсутствии решения об адекватности и надлежащих гарантий согласие возможно только после предоставления субъекту всей необходимой информации о рисках такой передачи. Это уже показывает, что согласие в международном контексте не является достаточным основанием: оно предполагает повышенный стандарт раскрытия рисков.

European Data Protection Board (EDPB) в руководстве по дерогациям статьи 49 General Data Protection Regulation (GDPR) рассматривает основания этой статьи как исключения, а не как стандартный маршрут для регулярных и масштабных потоков данных. Для ЕС системно предпочтительны решения об адекватности, стандартные договорные положения (SCC), обязательные корпоративные правила (BCR) и иные гарантии статьи 46; согласие же допускается как механизм для специфических ситуаций. Такой подход важен концептуально: право ЕС тем самым признает, что личная автономия не может компенсировать структурные риски чужой юрисдикции. EDPB подчеркивает, что дерогации статьи 49 являются исключениями из общего принципа, поэтому должны толковаться ограничительно; экспортер данных должен сначала попытаться использовать механизмы статей 45 и 46.

Согласие теоретически может быть отозвано, но после трансграничной передачи реализация этого права осложняется множественностью участников обработки, различием процессуальных режимов и фактической утратой контроля над копиями данных. В такой ситуации согласие начинает работать преимущественно как формальный документ комплаенса, а не как эффективный способ управления риском. На это косвенно указывает и гонконгский подход: рекомендуется организациям использовать модельные договорные условия и иные управленческие меры, не полагаясь только на волеизъявление субъекта (Guidance on Recommended Model Contractual Clauses for Cross-border Transfer of Personal Data). Гонконг двигается не в сторону абсолютного приоритета согласия, а в сторону комбинации общих принципов PDPO, мягкого права и договорных гарантий.

ЕС строит передачу данных в третьи страны по принципу приоритета институциональных гарантий. Европейская комиссия разъясняет, что при наличии решения об адекватности дополнительные гарантии не требуются; при его отсутствии применяются SCC, BCR, коды поведения и сертификация; только если эти инструменты отсутствуют, возможны дерогации, включая явное согласие после информирования о рисках. В настоящее время Европейская комиссия также продолжает признавать механизм EU-U.S. Data Privacy Framework как основание свободной передачи данных в сертифицированные американские компании, что еще раз показывает, что ЕС стремится опираться не на массовое согласие субъектов, а на институционализированные механизмы.

Эту же тенденцию фиксирует исследование трансграничных потоков данных и управления данными: международные соглашения, решения об адекватности, стандартные договорные положения и иные институциональные инструменты становятся ключевыми в поддержании законных потоков данных в условиях фрагментации правопорядков [6, с. 56-57, 79-80].

ASEAN предлагает иной тип решения: не иерархию «запрет – исключение», а механизм региональной совместимости через ASEAN Data Management Framework, Implementing Guidelines и ASEAN Model Contractual Clauses (ASEAN MCC). Совместное руководство ASEAN и ЕС прямо ориентировано на повышение интероперабельности ASEAN MCC и EU SCC. Это принципиально важно, потому что ASEAN-подход демонстрирует, что устойчивость трансграничной передачи обеспечивается прежде всего не индивидуальным согласием, а стандартизированными обязательствами получателя, организационной подотчетностью и едиными практиками управления данными.

Проблема согласия как основания трансграничной передачи состоит в том, что оно:

– индивидуализирует системный риск, перекладывая на субъекта оценку чужой юрисдикции;
– формализует защиту, но не гарантирует реального контроля после передачи;
– не покрывает последующие передачи и множественность обработчиков;
– не устраняет дисбаланс сил между субъектом и цифровой платформой;
– может усиливать правовую неопределенность, если используется вместе с непрозрачными процедурами согласования и разрешений.

Комбинация жестких требований к передаче, специального согласия и неопределенности способна вести к де-факто локализации данных (1, с. 24, 34), а фрагментарная политика создает риск для бизнеса и инвестиций (1, с. 52, 60-61).

Как отмечает А.Д. Курсова, согласие персональных данных отвечает ряду требований и принципов, которые должны быть согласованы между собой и, вместе с тем, данное согласие одному оператору должно гарантировать, что субъект сможет осуществлять свои права по отношению и к другим операторам, которые задействованы в обработке персональных данных [7, с. 192].

Иными словами, согласие не должно быть центром трансграничного режима. Оно может оставаться элементом системы, но не ее опорой. Для устойчивого баланса между свободой потоков данных и защитой личности требуется более сложная архитектура правовых, организационных и технических гарантий. В этом смысле согласие субъекта данных не может рассматриваться как самодостаточная гарантия, поскольку общая цель режима международной передачи состоит в недопущении снижения уровня защиты после вывоза данных за пределы юрисдикции ЕС [8].

Основные результаты

В случаях международного обмена данными представляется обоснованным закрепить в рамках правового регулирования и в правоприменении следующую модель:

– первый уровень – должны использоваться решения об адекватности и иные межюрисдикционные механизмы признания эквивалентности режима защиты;
– второй уровень – надлежащие гарантии: SCC, BCR, модельные контрактные положения, сертификация и коды поведения;

– третий уровень – исключительные дерогации, включая согласие, применимые только тогда, когда передача носит эпизодический, ограниченный и действительно понятный субъекту характер. Такая архитектура соответствует логике GDPR и одновременно совместима с развитием гонконгских и ASEAN-механизмов.

Считаем, что только согласие не может быть достаточным основанием для трансграничной обработки данных, но возможно только при одновременном наличии следующих условий:

– передача не носит массового и постоянного характера;
– субъекту сообщены конкретные риски иностранной юрисдикции;
– отсутствует более надежный механизм передачи;
– субъект может отказаться без утраты базового доступа к услуге, если передача не является объективно необходимой;
– для чувствительных данных применяются дополнительные технические и договорные меры. Такой подход следует из европейских разъяснений по статье 49 и из общей логики EDPB о вспомогательном характере дерогаций.

Даже когда передача основана на договорных условиях, экспортер должен проводить оценку режима доступа публичных органов, исполнимость договорных обязательств, доступные средства правовой защиты и вероятность последующих передач. Такая оценка особенно важна после решения Суда юстиции Европейского Союза (CJEU), принятое 16 июля 2020 года (Schrems II) и отражена в европейских и британских рекомендациях по международным передачам.

Наиболее перспективный вектор развития – это переход от модели «субъект все разрешил» к модели «оператор доказал наличие устойчивых, проверяемых и исполнимых гарантий». Такой подход лучше соответствует реальной сложности цифровой инфраструктуры и глобальных цепочек поставок данных. [6, с. 79-80]

B. Mercurio отдельно акцентирует чувствительность трансграничного регулирования для малого и среднего бизнеса [1, с. 24, 52]. Соглашаясь с анализом и предложениями ученого, считаем, что регулятору следует разработать:

– типовые договоры;
– чек-листы оценки передачи;
– матрицы странового риска;
– безопасные отраслевые профили передачи данных;
– упрощенные шаблоны уведомлений субъектов.

Такой подход уменьшает риск того, что сложность регулирования будет толкать бизнес либо к формальному согласию, либо к избыточной локализации данных.

В российском праве альтернативы согласию уже существуют на уровне общих оснований обработки.

Применительно к российской правовой действительности Зюбанов К.А. отмечает, что «согласие на обработку персональных данных, ввиду своей специфики как с точки зрения правоотношений, регулируемых законодательством в области персональных данных, так и с точки зрения механики функционирования этого инструмента, имеющего основной целью обеспечение прав субъектов персональных данных, имеет двойственную природу, частно- и публично-правовые аспекты» [9, с. 631]. Вместе с тем, именно в подходах российского законодателя находит отражение то, что необходимо различать основание обработки персональных данных и условия допустимости их трансграничной передачи. Основания обработки перечислены в статье 6 Федерального закона 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» это не только согласие, но и исполнение закона, договора, защита жизненно важных интересов, законные интересы оператора или третьих лиц, научные и статистические цели и др.

Следовательно, трансграничная передача в российском праве не сводится к согласию как к единственному юридическому титулу; согласие – лишь один из возможных общих режимов правомерной обработки.

Заключение

Согласие субъекта данных сохраняет значение в системе трансграничной передачи персональных данных, однако его роль должна быть строго ограниченной. В международном контексте оно не способно само по себе обеспечить эквивалентность правовой защиты, как это наблюдается в национальных правовых режимах, нейтрализовать риски иностранной юрисдикции, гарантировать контроль над последующей обработкой и компенсировать фактическое неравенство сторон. Поэтому согласие следует понимать не как универсальное основание, а как исключительную дерогацию, применимую лишь в узких и прозрачных случаях.

Сравнительный анализ показывает, что наиболее жизнеспособные модели смещают центр тяжести с индивидуального согласия на институциональные гарантии: решения об адекватности, стандартные договорные условия, корпоративные правила, оценку рисков передачи и дополнительные технические меры. Для государств и

регуляторов это означает, что задача состоит не в умножении форм согласия, а в создании согласованной и предсказуемой архитектуры трансграничной передачи данных, это позволит обеспечит создание целостной и согласованной политики в сфере трансграничных потоков данных, о необходимости которой говорят и зарубежные исследователи [1, с. 60-61].

Список литературы:

[1] Mercurio B., Yu R. Regulating Cross-Border Data Flows – Issues, Challenges and Impact. – London : Anthem Press, 2022. – 94 p.

[2] Гатиятуллина Э. М. Правовое регулирование трансграничной передачи персональных данных в цифровой экономике // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики : материалы IX Национальной научно-практической конференции. В 2-х частях, Казань, 27–28 февраля 2025 года. – Казань : Университет управления «ТИСБИ», 2025. – С. 67–73.

[3] Deane F., Woolmer E., Cao S., Tranter K. Trade in the Digital Age: Agreements to Mitigate Fragmentation // Asian Journal of International Law. – 2024. – Vol. 14. – P. 154–179. – DOI: 10.1017/S204425132300036X.

[4] Ren Ya., Cai S. Balance of Efficiency and Security: Improvement of China's Personal Information Exit Compliance Path // Economic Problems and Legal Practice. – 2023. – Vol. 19, No. 1. – P. 108–113. – DOI: 10.33693/2541-8025-2023-19-1-108-113.

[5] Левашенко А., Синельников-Мурылев С. Персональные данные: экономические проблемы и правовое регулирование // Экономическая политика. – 2025. – Т. 20, № 6. – С. 96–119. – DOI: 10.18288/1994-5124-2025-6-96-119.

[6] Восс У. Г. Трансграничные потоки данных, общий регламент защиты персональных данных и управление данными // Вестник международных организаций. – 2022. – Т. 17, № 1. – С. 56–95. – DOI: 10.17323/1996-7845-2022-01-03.

[7] Курсова А. Д. Согласие как правовое основание обработки персональных данных // Седьмые цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной : сборник материалов, Минск, 03 апреля 2025 года. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2025. – С. 188–193.

[8] Marelli M. Transferring personal data to international organizations under the GDPR: an analysis of the transfer mechanisms // International Data Privacy Law. – 2024. – Vol. 14, No. 1. – P. 19–36. – DOI: 10.1093/idpl/ipad022.

[9] Зюбанов К. А. Согласие на обработку персональных данных – sui generis действие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2024. – Т. 28, № 3. – С. 622–633. – DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-3-622-633.

References:

[1] Mercurio B., Yu R. Regulating Cross-Border Data Flows – Issues, Challenges and Impact. – London : Anthem Press, 2022. – 94 p.

[2] Gatiyatullina E. M. Legal regulation of cross-border transfer of personal data in the digital economy//Main trends in the development of modern law: problems of theory and practice: materials of the IX National Scientific and Practical Conference. In 2 parts, Kazan, February 27-28, 2025. - Kazan: University of Management "TISBI," 2025. - S. 67-73.

[3] Deane F., Woolmer E., Cao S., Tranter K. Trade in the Digital Age: Agreements to Mitigate Fragmentation // Asian Journal of International Law. – 2024. – Vol. 14. – P. 154–179. – DOI: 10.1017/S204425132300036X.

[4] Ren Ya., Cai S. Balance of Efficiency and Security: Improvement of China's Personal Information Exit Compliance Path // Economic Problems and Legal Practice. – 2023. – Vol. 19, No. 1. – P. 108–113. – DOI: 10.33693/2541-8025-2023-19-1-108-113.

[5] Levashenko A., Sinelnikov-Murylev S. Personal data: economic problems and legal regulation// Economic policy. – 2025. - T. 20, NO. 6. - S. 96-119. – DOI: 10.18288/1994-5124-2025-6-96-119.

[6] Voss U. G. Cross-Border Data Flows, General Regulation on Personal Data Protection and Data Management//Bulletin of International Organizations. – 2022. - T. 17, NO. 1. - S. 56-95. – DOI: 10.17323/1996-7845-2022-01-03.

[7] Kursova A.D. Consent as a legal basis for the processing of personal data//Seventh civil readings in memory of Professor M.G. Pronina: a collection of materials, Minsk, April 03, 2025. - Minsk: Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, 2025. - S. 188-193.

[8] Marelli M. Transferring personal data to international organizations under the GDPR: an analysis of the transfer mechanisms // International Data Privacy Law. – 2024. – Vol. 14, No. 1. – P. 19–36. – DOI: 10.1093/idpl/ipad022.

[9] Zyubanov K. A. Consent to the processing of personal data - sui generis action//Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. – 2024. - T. 28, NO. 3. - S. 622-633. – DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-3-622-633.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-79-83

МАСЛОВ Константин Александрович,
Аспирант 1 курса Юридического факультета
Кафедра правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: maslov.k01@yandex.ru

Научный руководитель:
МАТВЕЕВА Наталья Алексеева,
к.ю.н., доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ВНЕСУДЕБНЫХ ФОРМ ЗАЩИТЫ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию понятия и правовой природы внесудебных форм защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в современной российской правовой доктрине. Рассматривается место внесудебной защиты в общей системе способов охраны прав хозяйствующих субъектов с учетом конституционных гарантий свободы экономической деятельности и допустимости использования любых незапрещенных законом средств защиты. Показано, что внесудебные формы образуют самостоятельный блок правовых средств, применяемых вне рамок государственного правосудия, но способных порождать юридически значимые последствия для сторон предпринимательского конфликта. На основе анализа научных подходов раскрываются основные признаки внесудебной защиты, обосновывается ее неоднородный характер и выявляются различия между договорными, частно-юрисдикционными, публично-правовыми, нотариальными и материально-правовыми механизмами. В статье последовательно исследуются переговоры и претензионный порядок, медиация, третейское разбирательство, нотариальная защита, административное обжалование, обращение к уполномоченному по защите прав предпринимателей, самозащита и внесудебное мировое соглашение. Делается вывод о том, что внесудебные формы защиты представляют собой не вспомогательное приложение к судебной защите, а самостоятельную систему правового реагирования на нарушения в предпринимательской сфере. Их применение позволяет не только предупреждать развитие конфликта, но и обеспечивать восстановление нарушенных прав, сохранение хозяйственных связей и более гибкое регулирование спорных правоотношений.*

Ключевые слова: *внесудебная защита, предпринимательская деятельность, защита прав предпринимателей, медиация, третейское разбирательство, претензионный порядок, нотариальная защита, самозащита гражданских прав, мировое соглашение, правовая природа.*

MASLOV Konstantin Alexandrovich,
1st year postgraduate student at the Faculty of Law
Department of Legal Regulation of Economic Activity
Financial University under the Government of the Russian Federation

Scientific supervisor:
MATVEEVA Natalia Alekseeva,
Candidate of Law, Associate Professor,

THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF EXTRA-JUDICIAL FORMS OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF BUSINESS ENTITIES IN MODERN LEGAL DOCTRINE

Annotation. *This article examines the concept and legal nature of extrajudicial forms of protecting the rights of business entities in contemporary Russian legal doctrine. It examines the place of extrajudicial protection in the overall system of methods for protecting the rights of economic entities, taking into account constitutional guarantees of freedom of economic activity and the admissibility of using any means of protection not prohibited by law. It is shown that extrajudicial forms form an independent set of legal means applied outside the framework of state justice, but capable of generating legally significant consequences for the parties to a business conflict. Based on an analysis of scientific approaches, the main features of extrajudicial protection are revealed, its heterogeneous nature is substantiated, and the differences between contractual, private jurisdictional, public law, notarial, and substantive law mechanisms are identified. The article examines negotiations and claims procedures, mediation, arbitration, notarial protection, administrative appeals, appeals to the Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights, self-defense, and out-of-court settlement agreements. It concludes that out-of-court forms of protection are not an adjunct to judicial protection, but an independent system of legal response to violations in the business sphere. Their use allows not only to prevent conflicts from developing but also to ensure the restoration of violated rights, the preservation of business ties, and more flexible regulation of contentious legal relations.*

Key words: *out-of-court protection, entrepreneurial activity, protection of entrepreneurs' rights, mediation, arbitration, claims procedure, notarial protection, self-defense of civil rights, settlement agreements, legal nature*.

Охрана прав субъектов предпринимательской деятельности осуществляется не только через суд. В деловом обороте применяются и иные правовые механизмы, позволяющие заранее снять возникшие разногласия, пресечь нарушение и добиться восстановления нарушенного положения без передачи спора на рассмотрение государственного суда. Наличие таких способов связано с общими началами российского конституционного строя. Конституция Российской Федерации закрепляет единство экономического пространства, свободу осуществления экономической деятельности, возможность свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательства, гарантирует неприкосновенность частной собственности и допускает защиту прав всеми средствами, не запрещенными законом. Право на судебную защиту занимает самостоятельное место среди конституционных гарантий, однако содержание статей 8, 34, 35, 45 и 46 Конституции РФ показывает, что обращение в суд не является единственной формой правовой охраны интересов участников предпринимательских отношений. Наряду с судебным порядком российское право допускает использование внесудебных процедур, имеющих самостоятельное практическое значение для хозяйствующих субъектов.

В современной литературе спор о формах защиты сохраняется, однако наиболее практичной для предпринимательской сферы выглядит классификация на судебные и внесудебные формы. Именно такой подход поддерживается в работах С. В. Козорезовой: форма защиты понимается как порядок разрешения возникшего конфликта, а к внесудебным формам она относит досудебное урегулирование, административный порядок, обращение к уполномоченному по защите прав предпринимателей, самозащиту, третейское разбирательство, медиацию и иные способы, не связанные с обращением в государственный суд [1]. Л. Г. Щербакова, исследуя формы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности, также исходит из дуализма государственных и частноправовых механизмов и рассматривает альтернативные примирительные процедуры как самостоятельный сегмент правовой охраны хозяйственных интересов [4]. Для современной доктрины характерно стремление уйти от узкого противопоставления «судебная и внесудебная» и показать, что внесудебная защита включает как полностью договорные формы, так и процедуры с участием нейтрального посредника либо специального публичного института.

С теоретической точки зрения внесудебную форму защиты прав предпринимателя можно определить как урегулированный законом или договором порядок предупреждения, пресечения либо разрешения правового конфликта вне системы государственного правосудия, направленный на сохранение, подтверждение, восстановление либо реализацию субъективного права и законного интереса. В таком определении принципиальны три признака. Во-первых, защита осуществляется вне рамок рассмотрения дела государственным судом. Во-вторых, процедура имеет юридическую оболочку: она либо прямо названа в законе, либо выводится из общих положений гражданского законодательства о свободе договора, самозащите и диспозитивности участников оборота. В-третьих, итог внесудебной процедуры способен порождать юридические последствия – от прекращения спора и изменения обязательства до выдачи исполнительного документа либо возникновения препятствий для немедленного

обращения в суд. Поэтому внесудебная защита не является «неформальным» полем, лишенным правового содержания; напротив, речь идет о самостоятельной подсистеме правовых средств охраны предпринимательского интереса.

Правовая природа внесудебных форм неоднородна. В одних случаях перед нами договорный механизм, основанный на автономии воли сторон, как при переговорах, медиации или заключении внесудебного мирового соглашения. В других – частная юрисдикция, при которой стороны передают спор на разрешение негосударственному арбитражу, решение которого приобретает обязательную силу. В третьих – публично-правовая внесудебная защита, когда предприниматель подает жалобу в административный орган или обращается к уполномоченному по защите прав предпринимателей. Наконец, существует материально-правовая самозащита, когда управомоченное лицо самостоятельно применяет соразмерные способы пресечения нарушения. Отсюда следует, что признак внесудебности сам по себе не исключает ни процессуальной формы, ни участия третьего лица, ни связи с государственным принуждением на стадии исполнения. Он лишь показывает, что исходное разрешение конфликта происходит вне государственного суда.

Наиболее распространенной внесудебной формой в предпринимательском обороте остается переговорно-претензионная процедура. Переговоры как таковые редко имеют детальную законодательную регламентацию, однако претензионный или иной досудебный порядок в ряде случаев получает прямое нормативное закрепление. АПК РФ устанавливает, что если для определенной категории споров федеральным законом предусмотрен претензионный либо иной досудебный порядок, либо он предусмотрен договором, спор передается в арбитражный суд после соблюдения такого порядка. Кроме того, ГК РФ связывает изменение и расторжение договора с направлением соответствующего предложения другой стороне, что также придает досудебной коммуникации юридическую нагрузку. Правовая природа претензионного порядка двойственна: с одной стороны, речь идет о способе добровольного урегулирования; с другой – о процессуальной предпосылке судебной защиты по ряду категорий дел. Для предпринимателя такая процедура ценна тем, что позволяет зафиксировать нарушение, обозначить объем требований и нередко сохранить деловые связи без перехода спора в стадию публичного разбирательства.

Медиация занимает особое место среди внесудебных форм, поскольку в ней наиболее отчетливо выражен примирительный характер защиты. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» определяет процедуру медиации как способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон; закон также закрепляет принципы добровольности, конфиденциальности, сотрудничества, равноправия сторон, беспристрастности и независимости посредника. Л. Г. Щербакова связывает перспективы медиации с формированием иной культуры разрешения коммерческих споров, где конфликт рассматривается не только как юридическая аномалия, но и как управляемая стадия делового взаимодействия [4]. Следует учитывать и правовой статус соглашения, заключенного по результатам медиации. Закон придает ему значение гражданско-правовой сделки, посредством которой стороны устанавливают, изменяют либо прекращают взаимные права и обязанности. Дополнительные правовые последствия возникают при нотариальном удостоверении такого соглашения: в таком случае оно приобретает повышенную степень исполнимости, поскольку нормы об исполнительном производстве признают нотариально удостоверенное медиативное соглашение исполнительным документом. Следовательно, правовая природа медиации сочетает договорное начало, нейтральное содействие третьего лица и возможность придания итоговому соглашению повышенной исполнимости.

Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж не сводятся к примирению сторон, однако по критерию отсутствия государственного суда относятся к внесудебным формам защиты. Закон рассматривает арбитражное соглашение как достигнутую сторонами договоренность о передаче в арбитраж всех споров либо их части, уже возникших между ними или способных возникнуть в будущем. Заключение такого соглашения означает, что участники правоотношения заранее признают возможность разрешения конфликта в негосударственном порядке и принимают на себя обязанность добровольно исполнить вынесенное арбитражное решение. В отличие от переговоров и медиации арбитраж завершает спор властным по отношению к сторонам решением негосударственного юрисдикционного органа. По своей правовой природе перед нами частная юрисдикция, основанная на соглашении сторон, но встроенная в государственную систему признания и исполнения решений. Для предпринимательской сферы такая модель привлекательна благодаря конфиденциальности, профессиональной специализации арбитров и большей гибкости процедуры, хотя она применима прежде всего к спорам из гражданско-правовых отношений и не охваты-

вает дела, связанные с публичным интересом либо прямо изъятые законом из арбитрабельности.

Нотариальная защита традиционно рассматривается как внесудебная форма охраны прав в бесспорной сфере. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате допускают совершение нотариальных действий в интересах граждан и организаций. В предпринимательской сфере среди специальных нотариальных средств защиты наиболее часто используются исполнительная надпись нотариуса, а также нотариальное удостоверение медиативного соглашения. По мнению Ю. В. Федоренко, исполнительная надпись возможна при наличии документов, подтверждающих бесспорность задолженности или иной ответственности должника, а взыскание по ней строится как упрощенный внесудебный порядок получения исполнительного титула [3]. Нотариальная защита не решает спор о праве в классическом процессуальном смысле, но обеспечивает превентивное подтверждение юридически значимых фактов, удостоверение сделок и документирование бесспорных требований. Правовая природа нотариальной формы поэтому носит охранительно-удостоверительный и, в определенных случаях, исполнительный характер. В. Г. Саркисян считает, что для предпринимателя подобный механизм снижает транзакционные издержки и сокращает время перехода от нарушения обязательства к стадии принудительного исполнения [2].

Отдельного внимания заслуживают административный порядок и обращение к уполномоченному по защите прав предпринимателей. В работе С. В. Козорезовой административная защита прямо включается в круг внесудебных форм, поскольку спор разрешается вне суда, хотя и при участии публичного органа [1]. Аналогичную логику демонстрирует институт бизнес-омбудсмена: Федеральный закон от 07.05.2013 № 78-ФЗ определяет правовое положение уполномоченных по защите прав предпринимателей, а также закрепляет их задачи по защите прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности и содействию восстановлению нарушенных прав. Уполномоченный рассматривает жалобы предпринимателей, взаимодействует с органами власти и формирует канал правового реагирования, не подменяющий суд, но способный предупредить дальнейшее развитие конфликта. Правовая природа подобных форм связана уже не с частной автономией, а с публично-правовой процедурой административного содействия и контроля.

К числу внесудебных форм следует отнести и самозащиту гражданских прав, допустимую по статье 14 ГК РФ. Для предпринимателя речь может идти об удержании имущества в предусмотренных законом случаях, об одностороннем отказе от договора, о приостановлении встречного исполнения и иных соразмерных мерах, направленных на немедленное пресечение нарушения. Самозащита отличается от примирительных процедур тем, что не требует привлечения посредника или арбитра, а от административной защиты – отсутствием обращения к публичной инстанции. По своей правовой природе она является формой самостоятельной реализации управомоченным лицом охранительного потенциала субъективного права. Вместе с тем самозащита ограничена требованиями соразмерности и недопустимости выхода за пределы, необходимые для пресечения нарушения.

Особую конструкцию образует внесудебное мировое соглашение. Л. Г. Щербакова определяет его как соглашение, заключенное участниками спорного правоотношения вне рамок судопроизводства, и указывает, что по своей правовой природе оно представляет собой гражданско-правовой договор, модифицирующий первоначальное обязательство [4]. Подобное понимание представляется убедительным и для предпринимательского оборота: стороны не просто прекращают конфликт, а перестраивают спорное обязательственное отношение, меняя сроки, объем исполнения, способы расчетов, порядок обеспечения либо распределение рисков. В отличие от судебного мирового соглашения здесь отсутствует утверждение судом, а юридическая сила вытекает из общих правил о сделках и договорах. Следовательно, внесудебное мировое соглашение выступает не процессуальным актом, а частноправовым инструментом трансформации спорной связи между контрагентами.

Таким образом, современная правовая доктрина позволяет рассматривать внесудебные формы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности как самостоятельный и внутренне неоднородный блок правовых средств. Подобные формы объединяет отсутствие обращения в государственный суд на исходной стадии защиты, однако их правовая природа различна: договорная – у переговоров, медиации и внесудебного мирового соглашения; частно-юрисдикционная – у третейского разбирательства; охранительно-удостоверительная – у нотариальной защиты; публично-правовая – у административного обжалования и обращения к уполномоченному; материально-правовая – у самозащиты. Для предпринимательского права подобное понимание особенно продуктивно, поскольку позволяет увидеть защиту не как одномоментное обращение в суд, а как систему последовательно применяемых правовых режимов, среди которых суд является не единственным, а лишь одним из возможных звеньев.

Список литературы:

[1] Козорезова С. В. Формы защиты прав предпринимателей // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 55-5. С. 42-44.

[2] Саркисян В. Г. Нотариальная защита прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности // Евразийский юридический журнал. 2025. № 10(209). С. 196-198.

[3] Федоренко Ю. В., Котляр Д. В. Нотариус как альтернатива суду: защита гражданских прав без судебного разбирательства // Альтернативные способы урегулирования споров в механизме защиты гражданских прав: актуальные проблемы и перспективы. – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), 2025. С. 60-63.

[4] Щербакова Л. Г. Формы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности по законодательству Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formy-zaschity-prav-subektov-predprinimatelskoy-deyatelnosti-po-zakonodatelstvu-rossiyskoy-federatsii (Дата обращения: 14.03.2026).

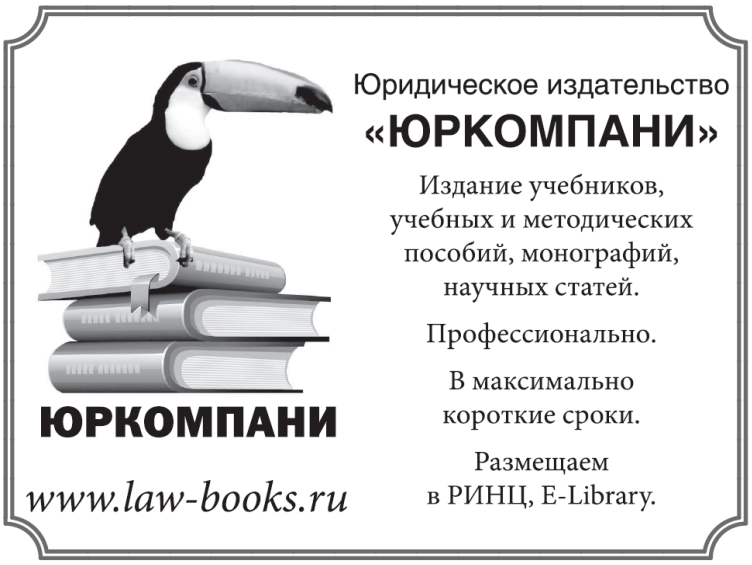
References:

[1] Kozorezova S. V. Forms of Protection of Entrepreneurs' Rights // Trends in the Development of Science and Education. 2019. No. 55-5. Pp. 42-44.

[2] Sargsyan V. G. Notarial Protection of the Rights and Legitimate Interests of Entrepreneurs // Eurasian Law Journal. 2025. No. 10(209). Pp. 196-198.

[3] Fedorenko Yu. V., Kotlyar D. V. Notary as an Alternative to Court: Protection of Civil Rights without Trial // Alternative Methods of Dispute Resolution in the Mechanism for the Protection of Civil Rights: Current Problems and Prospects. - Rostov-on-Don: Publishing and Printing Complex of the Rostov State University of Economics (RINH), 2025. Pp. 60-63.

[4] Shherbakova L. G. Forms of protection of rights of business entities under the legislation of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formy-zaschity-prav-subektov-predprinimatelskoy-deyatelnosti-po-zakonodatelstvu-rossiyskoy-federatsii (Data obrashhenija: 14.03.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-84-88

КИЛЬДИГУШЕВ Ильгиз Ирмакович,
Следователь СО ОМВД России
по Баймакскому району,
старший лейтенант юстиции,
e-mail: kildigushev10@gmail.com

ПРОБЛЕМА ДУАЛИЗМА ОРГАНИЗАЦИОННО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СТАТУСА ОРГАНА ДОЗНАНИЯ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. *В статье представлен комплексный анализ проблем правового положения органа дознания в ОВД. Ключевое внимание уделяется феномену структурно-функциональной неопределенности, возникающей из-за дуализма его процессуальных и административных полномочий. Автор исследует корневое противоречие между ролью органа дознания как субъекта уголовного процесса и его подчиненностью административной структуре, ориентированной на оперативно-служебные задачи.*

На основе изучения норм УПК РФ, ведомственных актов и научной доктрины выявляются системные проблемы, негативно влияющие на эффективность как дознания, так и основной деятельности подразделений. Доказывается, что текущая модель порождает распыление ресурсов, внутренний конфликт компетенций и снижает качество процессуальных решений. В качестве решения автор предлагает конкретные меры по оптимизации правового статуса, направленные на преодоление этой неопределенности, среди которых – функциональное и организационное обособление подразделений дознания.

Ключевые слова: *орган дознания, дознание, уголовный процесс, предварительное расследование, процессуальный статус, функциональная неопределенность, административная деятельность, реформа, дознаватель, процессуальная самостоятельность, ведомственное регулирование.*

KILDIGUSHEV Ilgiz Irmakovich,
investigator of the Sibay district
police department of Russia,
senior lieutenant of police

THE PROBLEM OF THE DUAL ORGANIZATIONAL-FUNCTIONAL STATUS OF THE INQUIRY AGENCY WITHIN INTERNAL AFFAIRS BODIES

Annotation. *This article provides a comprehensive analysis of the problems associated with the legal status of the inquiry agency within the system of internal affairs bodies. Key focus is placed on the phenomenon of structural-functional uncertainty arising from the dualism of its procedural and administrative powers. The author explores the fundamental contradiction between the role of the inquiry agency as a subject of criminal proceedings and its subordination to an administrative structure focused on operational and service tasks.*

Based on the study of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, departmental regulations, and legal doctrine, the article identifies systemic problems that negatively impact the effectiveness of both the inquiry process and the primary activities of the units. It is argued that the current model leads to the dispersion of resources, internal conflict of competencies, and a decrease in the quality of procedural decisions. As a solution, the author proposes specific measures for optimizing the legal status aimed at overcoming this uncertainty, including the functional and organizational separation of inquiry units.

Key words: *inquiry agency, inquiry, criminal procedure, pre-trial investigation, procedural status, functional uncertainty, administrative activity, reform, inquiry officer, procedural autonomy, departmental regulation.*

Институт дознания представляет собой неотъемлемый элемент системы предварительного расследования в Российской Федерации, обеспечивающий разрешение значительного массива уголовных дел, прежде всего небольшой и средней тяжести. Эффективность его функционирования непосредственно влияет на состояние законности, обеспечение прав граждан и общественного доверия к правоохранительной системе в целом. В соответствии со статьей 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее – УПК РФ) перечень органов дознания является достаточно широким, однако центральное место в этой системе, бесспорно, занимают подразделения в структуре органов внутренних дел (Далее – ОВД). Именно на них приходится основной объем производства дознания, что предопределяет их ключевую роль в реализации уголовно-правовой политики государства на досудебных стадиях. Вместе с тем правовой статус органа дознания в ОВД на протяжении длительного времени характеризуется научным сообществом как проблемный и внутренне противоречивый. Суть проблемы заключается в устойчивой и системной структурно-функциональной неопределенности, которая представляет собой глубинный дуализм его ролей и функций. С одной стороны, орган дознания – это полноценный субъект уголовного судопроизводства, наделенный строгими процессуальными полномочиями, действующий в рамках уголовно-процессуального закона и ориентированный на достижение целей правосудия. Его деятельность в этой части должна быть самостоятельной, независимой и подчиняться исключительно требованиям закона. С другой стороны, он является структурным элементом ОВД – централизованной, иерархической, административной структуры, чья деятельность подчинена логике государственного управления, ведомственным директивам, плановым показателям и выполнению широкого спектра оперативно-служебных задач, зачастую далеких от уголовного процесса.

Редакция п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ после внесения в нее изменений Федеральным законом от 01.03.2012 № 17-ФЗ обозначила некоторую двойственность в статусе органа внутренних дел как участника уголовного судопроизводства. В систему органов дознания нормы ст. 40 УПК РФ в настоящее время включают органы внутренних дел Российской Федерации и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения) полиции. По-видимому, законодатель таким образом обратил внимание на реформирование системы органов внутренних дел и образование в ее составе полиции после вступления в законную силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [2]. Полиция органов внутренних дел была образована на месте ранее существовавшей милиции, должностные лица которой также выполняли функции органа дознания, но милиция в УПК РФ отдельно не выделялась [3, с. 19].

Понятие «орган дознания» получило легальное определение в ст. 40 УПК РФ. Однако данная дефиниция носит сугубо процессуальный, функциональный характер, ограничивающийся перечислением субъектов, уполномоченных осуществлять данную форму предварительного расследования. Она практически не раскрывает организационной, административной сущности этого института, не определяет его место в системе государственных органов. В ОВД России в качестве органов дознания выступают разнородные подразделения – от территориальных органов внутренних дел на районном и городском уровне до линейных управлений на транспорте, отдельных отрядов полиции и иных структурных единиц, начальники которых специальным ведомственным приказом наделяются соответствующими процессуальными полномочиями. Проблема структурно-функциональной неопределенности берет свое начало в фундаментально различной правовой природе функций, возложенных на эти подразделения. Уголовно-процессуальная деятельность органа дознания и дознавателя регламентирована императивными нормами УПК РФ. Она требует обеспечения принципов самостоятельности, процессуальной независимости, подчинения только закону, всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела. Эта деятельность носит ярко выраженный правоприменительный, юрисдикционный характер и направлена на разрешение уголовно-правового конфликта. В противоположность этому административно-исполнительная и оперативно-служебная деятельность того же самого подразделения и тех же самых сотрудников регламентирована, в первую очередь, ведомственными нормативными правовыми актами. Эта деятельность ориентирована на принципы единоначалия, исполнительской и служебной дисциплины, строгой подчиненности по вертикали власти, а также на достижение плановых, зачастую количественных показателей оперативно-служебной деятельности.

Именно это системное противоречие порождает феномен так называемого «двойного подчинения», составляющий ядро рассматриваемой проблемы. Дознаватель, согласно ст. 41 УПК РФ, в своей процессуальной деятельности по конкретному уголовному делу независим и подчиняется только закону. Но как сотрудник полиции, как государственный служащий, он находится в жесткой административной, служебной и материальной зависимости от своего непосред-

ственного начальника и руководства органа внутренних дел в целом [4, с. 159]. Начальник органа дознания, в свою очередь, совмещает в одном лице процессуальные полномочия с широким комплексом административно-хозяйственных, кадровых и оперативно-распорядительных функций. Эта двойственность создает постоянный «конфликт лояльности» и служит источником перманентного внутреннего напряжения в системе. Исторический генезис данной проблемы уходит корнями в советский период, когда уголовный процесс был в значительной степени огосударствлен, а принцип публичности доминировал над состязательностью и гарантиями прав личности. Интеграция дознания в административную структуру милиции воспринималась как естественная. Однако с принятием УПК РФ 2001 года, провозгласившего новые, более высокие стандарты защиты прав личности и состязательности, это организационное несоответствие стало проявляться особенно остро, вступив в противоречие с обновленной философией уголовного процесса.

Дуализм правового статуса органа дознания находит свое конкретное воплощение в ряде системных проблем, негативно влияющих на практическую деятельность. Наиболее очевидным проявлением является организационный дуализм и распыление ресурсов. Один и тот же сотрудник вынужден выполнять диаметрально разные по своей природе задачи: проведение неотложных следственных действий, требующих концентрации и глубокого правового анализа, совмещается с патрулированием, обеспечением общественного порядка или профилактическими мероприятиями. Подобное совмещение функций приводит к физическому и интеллектуальному распылению сил, хроническому недостатку времени для качественного расследования, формализации процессуальных действий и профессиональному выгоранию сотрудников. Не менее существенным представляется конфликт процессуальных и административных приоритетов и критериев оценки. Ведомственная система отчетности, основанная преимущественно на количественных показателях, зачастую вступает в прямое противоречие с качественными требованиями уголовного процесса. Стремление к формальной раскрываемости и положительной статистике может оказывать скрытое или прямое давление на дознавателя, провоцируя его на принятие поспешных решений, отказ от возбуждения «сложных» уголовных дел, искусственное соединение дел для улучшения показателей. Это негативно влияет на всесторонность, полноту и объективность расследования, ведет к нарушению прав участников процесса [5, с. 19].

Серьезной проблемой остается системная диспропорция в ресурсном и материально-техническом обеспечении процессуальной деятельности органов дознания. В современных условиях производство дознания, будучи высокоинтенсивным процессом, объективно требует значительных временных, финансовых, кадровых и материальных ресурсов, включая использование специализированной криминалистической техники, средств защищенной связи и служебного транспорта. Однако, как показывают исследования, данная ресурсоемкость далеко не всегда находит адекватное отражение в системе административного и финансового планирования работы территориального органа. Бюджетирование, формирование штатного расписания и логистика в первую очередь ориентированы на выполнение ключевых оперативно-служебных функций, связанных с непосредственным обеспечением правопорядка. В результате дознание финансируется и обеспечивается по пресловутому остаточному принципу, нередко воспринимаясь руководством не как самостоятельная процессуальная функция, а как дополнительная, второстепенная нагрузка, что напрямую детерминирует низкое качество его результатов.

Организационная неопределенность статуса дознания порождает устойчивый комплекс кадровых проблем, среди которых доминируют текучесть кадров, их депрофессионализация и эрозия процессуальной самостоятельности. Отсутствие узкой специализации, сопряженное с хронически высоким уровнем нагрузки, двойной – процессуальной и административной – ответственностью, а также постоянным внутренним психологическим напряжением, формирует среду, не способствующую закреплению на соответствующих должностях наиболее квалифицированных сотрудников. Сложилась устойчивая практика, при которой должность дознавателя воспринимается не как конечная профессиональная специализация, а как временная ступень в карьерной лестнице или своего рода «испытательный срок» перед переводом в иные подразделения. Это приводит к постоянной ротации кадров и препятствует накоплению ценного процессуального опыта.

Наконец, декларируемая Уголовно-процессуальным кодексом РФ процессуальная самостоятельность дознавателя на практике зачастую носит иллюзорный характер. Формальное право принимать процессуальные решения нивелируется отсутствием реальных административных и организационных механизмов для их отстаивания в условиях жесткой ведомственной иерархии. Дознаватель, будучи административно зависимым от руководителя органа дознания, который

обладает широкими дисциплинарными полномочиями, лишен возможности в полной мере противостоять неправомерному вмешательству в свою деятельность. Таким образом, «провозглашенная законом независимость в процессуальных решениях подменяется административной зависимостью по служебной линии, что ставит под сомнение саму возможность реализации дознавателем своей функции в соответствии с принципами состязательности и независимости» [6, с. 441].

Для разрешения проблемы структурно-функциональной неопределенности и дуализма статуса органа дознания необходим комплексный, системный подход, сочетающий меры организационного, ведомственного и законодательного характера. Наиболее радикальным, но и наиболее эффективным путем представляется поэтапное создание в структуре территориальных органов специализированных, централизованных подразделений дознания. Сотрудники таких подразделений должны быть полностью освобождены от выполнения основных оперативно-служебных задач, не связанных с уголовным преследованием. Их деятельность должна быть сконцентрирована исключительно на выполнении уголовно-процессуальных функций. Это позволит не только повысить профессиональный уровень за счет узкой специализации, но и создать организационные предпосылки для реальной процессуальной независимости, оградив их от прямого административного давления. Параллельно необходима глубокая ревизия ведомственных нормативных актов, регулирующих деятельность органов дознания. Требуется разработка и внедрение специализированных административных регламентов, которые бы адекватно учитывали специфику, сложность и трудоемкость именно процессуальной деятельности дознавателей. Ключевое значение имеет реформа системы оценки эффективности их работы. Необходим решительный отказ от примитивных количественных показателей и переход к качественным критериям, таким как процент уголовных дел, направленных в суд с обвинительным актом, который был утвержден прокурором без возвращения на дополнительное расследование; процент обвинительных приговоров; отсутствие обоснованных жалоб на действия дознавателя; соблюдение процессуальных сроков.

На законодательном уровне целесообразно рассмотреть вопрос о внесении изменений и дополнений в ст. 40 и 41 УПК РФ, более четко определяющих не только процессуальный, но и организационный статус органов дознания, входящих в систему МВД. Закон мог бы закрепить базовые принципы их организации и деятельности, направленные на минимизацию ведомственного влияния на процессуальные решения. Одновременно должны осуществляться меры по кадровому укреплению института дознания: введение повышенных должностных окладов, создание отдельной карьерной траектории, развитие системы непрерывного профессионального образования и специализированной подготовки. Эти меры позволят повысить престиж должности дознавателя и стимулировать сотрудников к долгосрочной работе в этой области. Реализация предложенных мер будет способствовать не только укреплению реальной процессуальной самостоятельности дознавателей, но и значительному повышению качества дознания в целом.

Таким образом, структурно-функциональная неопределенность органа дознания в ОВД представляет собой глубокую системную проблему, коренящуюся в изначальной двойственности его правового статуса. Это фундаментальное противоречие между уголовно-процессуальной природой дознания как вида государственной правоохранительной деятельности и его административно-организационным воплощением в качестве составной части министерства порождает целый ряд негативных последствий. Эти последствия имеют системный характер и проявляются в снижении эффективности как отправления правосудия, так и в дезорганизации основной деятельности органов внутренних дел. Преодоление данной укоренившейся неопределенности требует последовательного и комплексного подхода, сочетающего в себе меры по организационному и функциональному обособлению подразделений дознания, кардинальному совершенствованию ведомственного нормотворчества и системы оценки эффективности, а также внесению точечных, но принципиально важных изменений в уголовно-процессуальное законодательство. Только такой многоуровневый подход позволит обеспечить укрепление законности, усиление защиты прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве и рост общественного доверия к институтам правоохранительной системы Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ : в ред. от 01.09.2025 // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

[2] О полиции : федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ : в ред., действующей с 01.09.2025 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

[3] Миронова А. В. О проблемах процессуального статуса органов внутренних дел как органов дознания // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 2. – С. 19–24.

[4] Бикенин Е. Е. Особенности правового статуса дознавателя как основного должност-

ного лица, осуществляющего предварительное расследование в форме дознания // Молодой ученый. – 2024. – № 25 (524). – С. 158–160. – URL: https://moluch.ru/archive/524/115824/ (дата обращения: 19.03.2026).

[5] Федосеева Е. Л., Политыко О. Е. Некоторые проблемы процессуальной самостоятельности дознавателя // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития : материалы всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 27 нояб. 2020 г. – СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2020. – С. 350–358.

[6] Григорьев В. Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Эксмо, 2008. – 816 с.

References:

[1] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: feder. Law No. 18.12.2001 dated 174-FZ: as amended by 01.09.2025 //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. - No. 52 (part I). - Art. 4921.

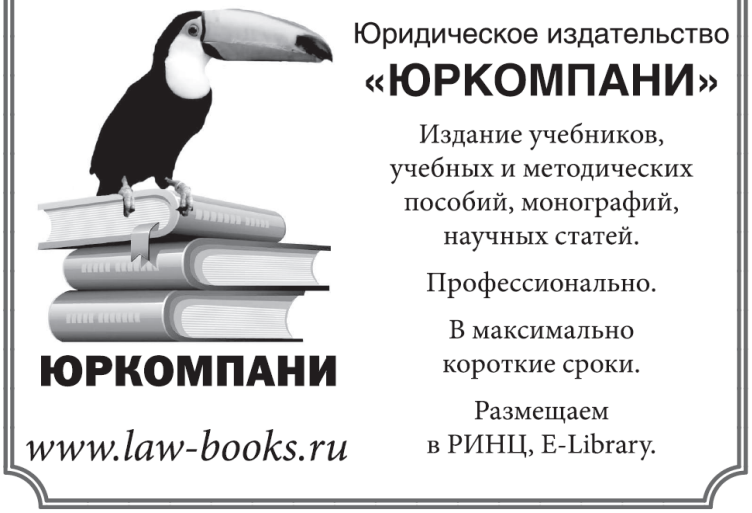
[2] On the police: feder. Law No. 07.02.2011 dated 3-FZ: as amended by 01.09.2025 //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. – № 7. - Art. 900.

[3] Mironova A. V. On the problems of the procedural status of internal affairs bodies as bodies of inquiry//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2013. – № 2. - S. 19-24.

[4] Bikenin E. E. Peculiarities of the legal status of the interrogator as the main official carrying out a preliminary investigation in the form of an inquiry// Young scientist. – 2024. – № 25 (524). - S. 158-160. - URL: https://moluch.ru/archive/524/115824/ (access date: 19.03.2026).

[5] Fedoseeva E.L., Polityko O.E. Some problems of procedural independence of the investigator//Criminal proceedings of Russia: problems and development prospects: materials all-Russia. scientific-practical. conf., St. Petersburg, November 27 2020 - St. Petersburg: St. Petersburg. University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. - S. 350-358.

[6] Grigoriev V.N., Pobedkin A.V., Yashin V.N. Criminal trial: textbook. - 2nd ed., Revised and add. - M.: Eksmo, 2008. - 816 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-89-94

КИРСАНОВА Кристина Александровна,
студентка 3 курса Института государственной службы и управления Факультета государственного и муниципального управления, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации,
e-mail: kristina060104@mail.ru

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 10 ГК РФ О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ПРАВОМ В КОРПОРАТИВНЫХ КОНФЛИКТАХ: НА СТЫКЕ ГРАЖДАНСКОГО И КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА

Аннотация. *В данном исследовании представлен всесторонний анализ судебной практики применения общего правонарушения, связанного со злоупотреблением гражданскими правами, установленного статьей 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), при разрешении корпоративных конфликтов. Актуальность данной темы определяется возрастающей частотой использования формальных корпоративных процедур и прав, противоречащих их существенному смыслу, для несправедливого перераспределения контроля, блокирования деятельности компании или нарушения прав миноритарных участников. Цель исследования – выявление доктринальных и практических проблем квалификации действий как злоупотребления правами в корпоративных отношениях и систематизация моделей аргументации, используемых судами. Методологическая основа включает сравнительно-правовые, формально-правовые методы и метод анализа судебной практики. Исследование показало, что статья 10 ГК РФ служит гибким инструментом судебного контроля добросовестности, позволяющим преодолеть формализм корпоративного регулирования. В исследовании подробно рассматриваются типичные сценарии злоупотребления избирательным правом, правом на информацию и другими корпоративными прерогативами, а также анализируется эволюция подходов высших судебных органов к критериям установления недобросовестности. Сделан вывод о формировании в российской практике особого понятия «корпоративная добросовестность» как нормы поведения, вытекающего из системного толкования статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и специальных норм корпоративного права.*

Ключевые слова: *Злоупотребление правом, Корпоративные конфликты, Недобросовестность, Принципы осуществления прав, Злоупотребление правом голоса, Солидарная ответственность, Судебное усмотрение.*

KIRSANOVA Kristina Alexandrovna,
3rd year student of the Institute of Public Administration and Management of the Faculty of State and Municipal Administration, RANEPA under the President of the Russian Federation

ART PRACTICE. 10 CIVIL CODE ON ABUSE OF LAW IN CORPORATE CONFLICTS: AT THE JUNCTION OF CIVIL AND CORPORATE LAW

Annotation. *This study provides a comprehensive analysis of the judicial practice of applying the general offense of abuse of civil rights, established by Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation (CC RF), in resolving corporate conflicts. The relevance of this topic is determined by the increasing frequency of using formal corporate procedures and rights that contradict their essential meaning to unfairly redistribute control, block the company's activities, or violate the rights of minority participants. The purpose of the study is to identify the doctrinal and practical problems of qualifying actions as abuse of rights in corporate relations*

and systematize the models of argumentation used by the courts. The methodological framework includes comparative legal, formal legal methods and the method of judicial practice analysis. The study showed that Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation serves as a flexible tool for judicial control of good faith, allowing to overcome the formalism of corporate regulation. The study examines in detail typical scenarios of abuse of the right to vote, the right to information and other corporate prerogatives, as well as analyzes the evolution of the approaches of the highest judicial authorities to the criteria for establishing dishonesty. The conclusion is made about the formation in Russian practice of a special concept of "corporate integrity" as a standard of conduct arising from the systematic interpretation of Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation, Article 53.1 of the Civil Code of the Russian Federation and special norms of corporate law.

Key words: *Abuse of Rights, Corporate Conflicts, Bad Faith, Principles of Exercise of Rights, Abuse of Voting Rights, Joint and Several Liability, Judicial Discretion.*

Введение

Корпоративные отношения, представляющие собой сложный симбиоз имущественных и организационно-управленческих связей, являются областями повышенного риска конфликтов интересов. Формальное равенство участников, закрепленное в корпоративном праве, на практике часто компенсируется реальным неравенством в информации, ресурсах и контроле. В этих условиях классические инструменты корпоративного права (например, оспаривание решений собрания или сделок по особым основаниям) могут оказаться неэффективными против стратегий, основанных на, казалось бы, безупречном соблюдении процессуальных норм, но явно несправедливых по своей цели.

Восполнение этого правового пробела ложится на общий гражданский институт, закрепленный в статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, — запрет на злоупотребление правами. Эта норма, являясь «сверхнормой» или «гибкой оговоркой», предоставляет суду широкие дискреционные полномочия оценивать не только законность, но и добросовестность поведения участников гражданских сделок, включая корпоративные отношения [1]. Применение статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации в корпоративных спорах знаменует собой пересечение абстрактных принципов гражданского права и специфики внутрикорпоративных конфликтов, где суд вынужден вникать в экономическую сущность корпоративных действий.

Цель данной статьи – проведение детального анализа судебной практики применения статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации в корпоративных конфликтах с целью выявления последовательных критериев классификации поведения как недобросовестного, типичных форм злоупотребления и возникающих доказательных проблем. Задачи исследования: 1) определение доктринальных характеристик злоупотребления правами в корпоративной сфере; 2) классификация и анализ типичных сценариев на основе современной практики; 3) анализ эволюции подходов высших судов к толкованию и применению статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации в корпоративных отношениях.

1. Доктринальные основы и специфика корпоративного злоупотребления правами

Статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации содержит три основных проявления злоупотребления правами:

1) осуществление права исключительно с намерением причинить вред другому лицу;
2) действия, совершаемые в обход закона с противоправной целью;
3) другие преднамеренно несправедливые действия в отношении гражданских прав.

В корпоративном контексте эти формы наделены специфическим содержанием:

Объект злоупотребления. Чаще всего это касается неимущественных корпоративных прав (прав руководства): права голоса (пункт 1 статьи 32 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО)), права требовать созыва общего собрания и права на получение информации (статья 50 Закона об АО). Их абстрактный характер облегчает их злоупотребление.

Коллективный характер вреда. Вред от недобросовестных действий часто причиняется не непосредственно другому участнику, а самому хозяйствующему субъекту как самостоятельному юридическому лицу, что косвенно ущемляет интересы всех его участников и кредиторов. Это расширяет круг лиц, имеющих интерес в применении статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Трудности в доказывании умысла. Установление «исключительного умысла причинить вред» — чрезвычайно высокая планка. Поэтому в большинстве случаев суды опираются на категорию «умышленной недобросовестности», которая, согласно Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации могут быть установлены объективно путем анализа того, противоречит ли пове-

дение принципам разумности и добросовестности (пункт 1 Постановления № 25 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г.) [2].

Ключевым доктринальным развитием стало признание в судебной практике особой обязанности участников корпоративных отношений действовать добросовестно и разумно в интересах общества в целом (так называемая «корпоративная добросовестность»). Эта обязанность вытекает из системного толкования статьи 10, пункта 3, статьи 53 и статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и представляет собой норму поведения, превышающую норму «обычной» гражданской добросовестности.

2. Типология и подробный анализ сценариев злоупотребления правами в судебной практике

2.1. Злоупотребление правом голоса: блокирующая тактика и корпоративный шантаж.

Наиболее распространенный сценарий. Участник, имеющий блокирующую долю (более 25% в ООО или процент, необходимый для блокирования определенных решений в АО), систематически голосует против решений, имеющих решающее значение для функционирования компании: одобрения крупной сделки, утверждения годовых отчетов или избрания единоличного исполнительного органа. Формально он осуществляет свое законное право. Однако, если его поведение показывает, что цель состоит не в защите законных интересов (например, несогласие с условиями сделки), а в создании искусственного управленческого кризиса, чтобы заставить других участников продать свои акции по сниженной цене, суд классифицирует это как злоупотребление. В деле № А40-178450/2014 Верховный суд Российской Федерации заявил, что если участник, злоупотребляя своими правами, блокирует решение, без которого компания не может нормально функционировать (например, утверждение аудитором годового отчета), суд по требованию других участников имеет право принудить компанию к принятию необходимых мер, по сути, нейтрализуя последствия несправедливого блокирования [3]. Это иллюстрирует санкцию отказа в защите прав — суд не лишает участника права голоса, а лишает его правовых последствий злоупотребления.

2.2. Злоупотребление процессуальными корпоративными правами: информационные атаки и «процессуальный террор».

К этой категории относятся действия, формально направленные на осуществление права на информацию или судебную защиту, но фактически преследующие цель дестабилизации деятельности компании.

Массовые запросы информации: участник направляет чрезмерное количество запросов документов, часто дублирующихся или связанных с текущей оперативной деятельностью, с целью отвлечения управленческих ресурсов. Если суд установит, что требования явно обременительны и не связаны с законным интересом в управлении или защите доли, такое поведение может быть расценено как недобросовестное.

Злоупотребление правом на обжалование в суд (процессуальное недобросовестное поведение): Подача ряда исков с незначительными или явно необоснованными требованиями (например, о признании протоколов недействительными из-за незначительных нарушений) с единственной целью создания административного и финансового давления на компанию и срыва важных корпоративных мероприятий. В таких случаях суд, применяя по аналогии статью 10 Гражданского кодекса Российской Федерации и статью 41 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (о недобросовестном процессуальном поведении), может отклонить иск и наложить на злоумышленника судебные издержки в полном объеме, даже если он формально является стороной разбирательства [4].

2.3. Обход закона путем использования корпоративного контроля.

Это наиболее сложные для доказательства случаи, часто связанные с выводом активов. Контролирующие лица, действуя через контролируемые органы управления, заключают ряд формально независимых, но фактически взаимосвязанных сделок, конечной целью которых является вывод активов из компании в ущерб ее кредиторам или миноритарным акционерам. Каждая отдельная сделка может быть безупречной, но их совокупный эффект и скрытая цель позволяют применять статью 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (действия в обход закона). В этих спорах статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации тесно переплетена с институтом ответственности контролирующих лиц (статья 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации). Постановление № 53 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года прямо указывает, что если единственной или основной целью сделки было причинение вреда кредиторам, суд может применять последствия злоупотребления правами [5].

3. Критерии установления и сложности доказывания недобросовестности

В соответствии с пунктом 5 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, бремя доказывания факта злоупотребления правом возлагается на лицо, заявляющее о соответству-

ющем нарушении. Указанное распределение обязанности по доказыванию обусловливает необходимость выработки судебной практикой системы критериев, позволяющих объективировать оценочную категорию недобросовестности.

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить следующие основные критерии оценки поведения участников корпоративных отношений на предмет наличия признаков злоупотребления правом:

Критерий наличия разумной альтернативы: установлению подлежит обстоятельство, мог ли участник гражданского оборота достичь правомерной цели, на достижение которой он ссылается в обоснование своих действий, иным способом, в меньшей степени нарушающим права и охраняемые законом интересы иных лиц. Осознанный выбор наиболее обременительного для контрагента или иного участника корпорации способа реализации права при наличии менее деструктивной альтернативы может свидетельствовать о недобросовестности поведения.

Критерий соразмерности: оценке подлежит соответствие избранных лицом мер защиты (например, инициирование процедуры исключения участника, блокирование деятельности органов управления) действительной или предполагаемой угрозе его правам и законным интересам. Применение исключительных по своей интенсивности правовых средств при отсутствии адекватной угрозы может квалифицироваться как выход за пределы осуществления гражданских прав.

Критерий систематичности и контекстуальной обусловленности: юридически значимым является установление того обстоятельства, носят ли действия лица единичный характер либо представляют собой элемент долгосрочной стратегии поведения, направленной на создание препятствий в деятельности корпорации или ущемление прав иных участников. В рамках данного критерия исследованию подлежит предшествующее поведение сторон, содержание деловой переписки, факты выдвижения требований, заведомо не соответствующих интересам корпорации (например, предложение о выкупе доли по цене, существенно ниже рыночной).

Критерий преобладающей цели: ключевое значение для квалификации действий в качестве злоупотребления правом имеет установление действительной воли лица: являлось ли основной целью его поведения защита собственных корпоративных интересов либо доминирующим мотивом выступало намерение причинить вред другому участнику гражданского оборота. Доказывание преобладания последней цели представляет собой наиболее сложную задачу, однако именно ее установление позволяет отграничить правомерную реализацию корпоративных прав от их использования в противоречии с назначением.

Основная сложность применения указанных критериев обусловлена неизбежной субъективностью судейского усмотрения при оценке фактических обстоятельств дела. Отсутствие формализованных и исчерпывающих признаков недобросовестности предопределяет необходимость глубокого исследования судом всей совокупности обстоятельств конкретного спора, что создает риск вариативности правоприменительных решений и снижения их предсказуемости.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд теоретических выводов, имеющих значение для дальнейшей научной разработки проблематики злоупотребления правом в корпоративных отношениях и совершенствования практики применения статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Эволюция судебного толкования положений статьи 10 ГК РФ свидетельствует о трансформации данного института из декларативного принципа в действенный механизм судебного контроля за осуществлением корпоративных прав. В современной правоприменительной практике указанная норма выполняет функцию коррекции формально-юридического подхода к разрешению корпоративных конфликтов, позволяя суду проникать за внешнюю оболочку правомерных, на первый взгляд, действий и выявлять их действительную направленность. Тем самым обеспечивается реализация охранительной функции гражданского права в отношении тех форм поведения, которые, оставаясь в рамках буквы закона, противоречат его смыслу и назначению, посягая на права и охраняемые законом интересы иных участников корпоративных отношений.

Анализ судебной практики позволяет констатировать формирование относительно определенного стандарта корпоративной добросовестности, содержание которого раскрывается через систему оценочных критериев, применяемых судами при квалификации действий участников корпорации. Указанный стандарт предполагает, что осуществление корпоративных прав должно сообразовываться не только с частными интересами управомоченного лица, но и с необходимостью учета интересов корпорации как самостоятельного субъекта права (особого рода правовой конструкции, обладающей собственной правосубъектностью), а также прав и законных интересов иных участников корпоративных отношений. Наибольшую степень нормативной конкретизации указанный стандарт получает при

квалификации действий, связанных с реализацией права голоса на общих собраниях участников (акционеров), а также с использованием процессуальных прав в рамках корпоративных споров.

С теоретико-правовой точки зрения проблема злоупотребления правом в корпоративной сфере требует дальнейшего углубленного исследования в следующих направлениях:

Во-первых, необходима дальнейшая разработка понятийного аппарата и выявление сущностных признаков недобросовестного поведения применительно к различным видам корпоративных правоотношений. Представляется обоснованным разграничение общих и специальных составов злоупотребления правом в зависимости от характера реализуемого корпоративного правомочия (право на участие в управлении, право на получение информации, преимущественное право приобретения долей (акций), право на выход из состава участников и др.).

Во-вторых, актуальной теоретической задачей является разработка классификации форм злоупотребления корпоративными правами по различным основаниям: по субъектному составу (злоупотребления со стороны мажоритарных и миноритарных участников, единоличного исполнительного органа, членов совета директоров); по объективной стороне (действия, направленные на блокирование деятельности органов управления; действия, связанные с инициированием корпоративных споров при отсутствии к тому правовых оснований; действия, направленные на воспрепятствование реализации прав иными участниками); по характеру последствий (причинение имущественного вреда корпорации или ее участникам, дестабилизация деятельности корпорации, нарушение баланса корпоративных интересов).

В-третьих, теоретически значимой и практически востребованной представляется проблема разграничения смежных правовых категорий, в частности недобросовестности (действий, совершаемых с намерением причинить вред другому лицу, либо действий, направленных в обход закона, либо заведомо недобросовестного осуществления прав), неразумности действий (отсутствия должной степени заботливости и осмотрительности, какая требовалась от участника оборота по характеру обязательства и условиям оборота) и обычного хозяйственного риска (действий, соответствующих обычной предпринимательской практике и не выходящих за пределы допустимой деловой неопределенности). Указанное разграничение имеет принципиальное значение для определения оснований и пределов ответственности участников корпоративных отношений.

В-четвертых, требует дальнейшего теоретического осмысления вопрос о соотношении частноправовых и публично-правовых средств противодействия злоупотреблениям в корпоративной сфере, включая проблему квалификации действий, содержащих признаки одновременно гражданско-правового деликта и административного правонарушения (например, в сфере противодействия недружественным поглощениям, манипулированию рынком, ограничению конкуренции).

Решение обозначенных теоретических задач создаст необходимую доктринальную основу для совершенствования законодательства и формирования единообразных подходов в правоприменительной деятельности, что в конечном итоге будет способствовать повышению эффективности судебной защиты прав и законных интересов участников корпоративных отношений, обеспечению стабильности гражданского оборота и укреплению принципа добросовестности как одной из фундаментальных начал гражданско-правового регулирования.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.

[3] Определение Верховного Суда РФ от 26.04.2016 № 305-ЭС15-18302 по делу № А40-178450/2014 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

[4] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.01.2017 № Ф05-19485/2016 по делу № А40-183554/2015 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 2.

[6] Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2023) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785.

[7] Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 28.12.2023) «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 1.

[8] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.07.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021. – № 10. – Раздел, касающийся корпоративных споров.

[9] Алексеев, С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 1 : Гражданское право / С. С. Алексеев. – Москва : Статут, 2010. – 495 с.

[10] Алексеев, С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. Т. 1 / С. С. Алексеев. – Свердловск : Свердловский юридический институт, 1972. – 396 с.

[11] Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2021. – 654 с.

[12] Михеев А.А. Злоупотребление правом в корпоративных отношениях: проблемы теории и судебной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 5. – С. 56–84.

[13] Телюкина М.В. Принцип добросовестности и злоупотребление правом в корпоративных конфликтах // Закон. – 2019. – № 8. – С. 102–115.

[14] Яковлев, В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В. Ф. Яковлев. – 2-е изд., доп. – Москва : Статут, 2006. – 415 с.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (rev. dated 24.02.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. - Art. 3301.

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 “On the Application by the Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation “//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2015. – № 8.

[3] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.04.2016 No. 305-EC15-18302 in case No. A40-178450/2014//The document was not published. SPS “ConsultantPlus.”

[4] Decision of the Arbitration Court of the Moscow District of 25.01.2017 No. F05-19485/2016 in case No. A40-183554/2015//The document was not published. SPS “ConsultantPlus.”

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.12.2017 No. 53 “On some issues related to bringing the debtor’s controlling persons to justice in bankruptcy “//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2018. – № 2.

[6] Federal Law No. 08.02.1998 of 14-FZ (as amended by 28.12.2023) “ On Limited Liability Companies “//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1998. – № 7. - Art. 785.

[7] Federal Law No. 26.12.1995 dated 208-FZ (as amended by 28.12.2023) “ On Joint Stock Companies “//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 1. - Art. 1.

[8] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2021) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 07.07.2021) //Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2021. – № 10. - Section dealing with corporate disputes.

[9] Alekseev, S. S. Collected Works: in 10 vols. T. 1: Civil Law/S. S. Alekseev. - Moscow: Statute, 2010. - 495 p.

[10] Alekseev, S. S. Problems of the theory of law: a course of lectures: in 2 vols. T. 1/S. S. Alekseev. - Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute, 1972. - 396 p.

[11] Lomakin D.V. Corporate legal relations: general theory and practice of its application in business entities. - 2nd ed., Revised and add. - M.: Statute, 2021. - 654 p.

[12] Mikheev A.A. Abuse of law in corporate relations: problems of theory and judicial practice// Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2020. – № 5. - S. 56-84.

[13] Telyukina M.V. The principle of good faith and abuse of law in corporate conflicts//Law. – 2019. – № 8. - S. 102-115.

[14] Yakovlev, V.F. Civil Law Method of Regulating Public Relations/V.F. Yakovlev. - 2nd ed., Add. - Moscow: Statute, 2006. - 415 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-95-101

БАРТАШЕВИЧ Юрий Александрович,
Аспирант, «Синергия»
(Московский финансово-промышленный университет «Синергия»),
e-mail: Yur-bartashevic@yandex.ru

КОРПОРАТИВНЫЕ ОБЛИГАЦИИ КАК АЛЬТЕРНАТИВА БАНКОВСКОМУ КРЕДИТОВАНИЮ

Аннотация. *Актуальность данного исследования обусловлена трансформацией структуры финансирования реального сектора экономики, происходящей в условиях ужесточения денежно-кредитной политики, высокой волатильности финансовых рынков и беспрецедентного санкционного давления, что объективно делает необходимым пересмотр и критическую переоценку традиционных подходов к выбору источников заёмного капитала для российских компаний. Цель данной работы заключается в проведении анализа преимуществ и ограничений корпоративных облигаций и банковских кредитов как альтернативных инструментов привлечения финансирования для российских компаний различных масштабов и отраслевой принадлежности. В рамках исследования систематизированы существующие подходы к выбору между долговыми инструментами, выявлены и детализированы ключевые параметры сравнения, включая стоимость заимствований, сроки привлечения средств, требования к обеспечению и необходимость раскрытия информации, а также проанализированы структурные сдвиги на отечественном долговом рынке, произошедшие за последние два года в условиях санкционных ограничений и адаптации финансовой системы к новым реалиям. Методологическую базу исследования составили положения неоклассической теории финансов и теории асимметрии информации, а также методы сравнительно-правового анализа. Результаты исследования представлены в виде аналитических таблиц, наглядно отражающих ключевые параметры рассматриваемых инструментов и детализированную структуру затрат на привлечение капитала с учётом прямых и косвенных издержек. В заключении сделан вывод о том, что корпоративные облигации не являются прямой и универсальной заменой банковскому кредиту, а выступают специализированным инструментом диверсификации долгового портфеля для компаний, достигших определённого масштаба и уровня публичности, при этом основным барьером для их распространения в экономике остаются сложность и длительность процедуры эмиссии, высокие требования к раскрытию информации и необходимость наличия кредитного рейтинга, что существенно ограничивает доступ к рынку публичного долгового финансирования для субъектов малого и среднего предпринимательства, а также для компаний с короткой кредитной историей.*

Ключевые слова: *корпоративные облигации, банковское кредитование, долговое финансирование, структура капитала, заёмный капитал, фондовый рынок, сравнительный анализ, эмиссия ценных бумаг.*

BARTASHEVICH Yurii Aleksandrovich,
Graduate student "Synergy"
(Moscow University of Finance and Industry "Synergy")

CORPORATE BONDS AS AN ALTERNATIVE TO BANK LENDING

Annotation. *The relevance of this study is determined by the transformation of the financing structure of the real sector of the economy, taking place in the context of tightening monetary policy, high volatility of financial markets, and unprecedented sanctions pressure. This objectively necessitates a review and critical reassessment of traditional approaches to selecting sources of borrowed capital for Russian companies. The purpose of this paper is to analyze the advantages and limitations of corporate bonds and bank loans as alternative instruments for raising finance for Russian companies of various sizes and industries. The study systematizes existing approaches to choosing between debt instruments, identifies and details key comparison parameters, including the cost of borrowing, terms of raising funds, collateral requirements, and the need for*

information disclosure. It also analyzes the structural shifts in the domestic debt market that have occurred over the past two years in the context of sanctions restrictions and the adaptation of the financial system to new realities. The methodological basis of the study consists of the tenets of neoclassical finance theory and the theory of information asymmetry, as well as methods of comparative legal analysis. The study's results are presented in analytical tables, clearly demonstrating the key parameters of the instruments under consideration and a detailed breakdown of capital raising costs, taking into account direct and indirect expenses. The conclusion is that corporate bonds are not a direct and universal substitute for bank loans, but rather serve as a specialized tool for diversifying the debt portfolio of companies that have reached a certain scale and level of public visibility. However, the main barriers to their widespread adoption remain the complexity and length of the issuance process, strict disclosure requirements, and the need for a credit rating, which significantly limits access to the public debt financing market for small and medium-sized businesses, as well as companies with a short credit history.

Key words: *corporate bonds, bank lending, debt financing, capital structure, borrowed capital, stock market, comparative analysis, securities issuance*.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена кардинальной трансформацией структуры финансирования реального сектора российской экономики в условиях ужесточения денежно-кредитной политики и санкционных ограничений. Высокая ключевая ставка и сокращение объёмов банковского кредитования вынуждают компании искать альтернативные источники заёмного капитала, среди которых особое место занимает рынок корпоративных облигаций [1; 2]. Одновременно с этим наблюдается переориентация финансовых потоков на внутреннего инвестора и формирование новых механизмов прямого взаимодействия эмитентов с рынком капитала [3; 4]. Однако, несмотря на растущий интерес к облигационным займам, для значительной части нефинансовых компаний, особенно представляющих сегмент среднего бизнеса, банковский кредит по-прежнему остаётся основным способом привлечения финансирования в силу сложности процедур выхода на биржу и требований к раскрытию информации.

Проблематика выбора источников финансирования имеет теоретическую основу, заложенную в работах по теории структуры капитала, а также в теории иерархии выбора источников финансирования. В современной российской науке вопросы роли биржевого рынка в финансировании инвестиций рассматриваются в работах [5; 6], а также в исследованиях, посвящённых сравнительному анализу долговых инструментов [7-9]. Значительный объем аналитической информации содержится в обзорах регулятора, фиксирующих динамику долгового рынка и структурные сдвиги в пост-санкционный период [10]. Вместе с тем наблюдается недостаток исследований, осуществляющих сравнительный анализ эффективности банковских кредитов и корпоративных облигаций именно в текущих макроэкономических условиях с учётом фактора временных и транзакционных издержек размещения.

Цель данной статьи заключается в проведении сравнительного анализа преимуществ и ограничений корпоративных облигаций и банковских кредитов как источников заёмного капитала для российских компаний в современных макроэкономических условиях. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: систематизировать теоретические подходы к выбору между долговыми инструментами; выявить ключевые параметры сравнения; проанализировать структурные сдвиги на российском долговом рынке; определить условия, при которых облигационный заём является предпочтительной альтернативой банковскому кредиту.

Методы исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составили положения теории финансов, рассматривающей структуру капитала и стоимость заимствований, а также концепции теории асимметрии информации и корпоративного управления, позволяющие объяснить различия в поведении эмитентов и кредиторов при выборе источников финансирования [11-14]. Для решения поставленных в работе задач применялся комплекс взаимодополняющих методов исследования. Сравнительно-правовой метод использовался для анализа регулирующей процедуры эмиссии корпоративных облигаций и заключения кредитных договоров, что позволило выявить институциональные различия исследуемых инструментов [15].

Результаты исследования

В ходе проведённого анализа выявлены существенные структурные сдвиги на российском долговом рынке в пост-санкционный период. Согласно данным Банка России, доля корпоративных облигаций в совокупном долге нефинансового сектора демонстрирует устойчивую повышательную динамику, при одновременном сокращении объёмов валютных кредитов и

замещении их рублёвыми облигационными займами [10]. Данная тенденция сопровождается ростом числа эмитентов второго и третьего эшелонов, выходящих на биржевой рынок, что свидетельствует о постепенном расширении доступа к публичному долговому финансированию [9].

Сравнительный анализ ключевых параметров исследуемых инструментов финансирования позволил систематизировать их преимущества и ограничения, которые представлены в *таблице 1.*

Таблица 1. Сравнительная характеристика ключевых параметров банковского кредита и корпоративных облигаций

Параметр сравнения	Банковский кредит	Корпоративные облигации
Стоимость	Индивидуальная, включает надбавки за риск и маржу банка; существенно зависит от кредитной истории заёмщика и наличия обеспечения [7]	Формируется рыночным путём на основе спроса и предложения; для эмитентов с высоким кредитным рейтингом ставка купона может быть ниже банковской ставки [2]
Сроки привлечения	Преимущественно среднесрочные; наблюдаются сложности с получением «длинных» денег на финансирование инвестиционных проектов [5]	Возможность размещения долгосрочных выпусков и «вечных» облигаций под конкретные инвестиционные программы, что особенно ценно для проектного финансирования [4]
Обеспечение	Как правило, требует твёрдого залогового обеспечения, что ограничивает кредитные возможности компаний с недостаточной залоговой базой.	Преимущественно необеспеченные займы, основанные на доверии к бренду и финансовой устойчивости эмитента
Прозрачность и раскрытие информации	Информация о заимствовании известна только банку-кредитору и не подлежит публичному раскрытию [15]	Требуется высокая степень раскрытия информации: регистрация проспекта эмиссии, публикация финансовой отчётности, раскрытие существенных фактов деятельности
Скорость получения	Высокая скорость для действующих клиентов в рамках открытых кредитных линий; возможно оперативное получение траншей.	Низкая скорость на этапе подготовки: подготовка к выпуску, регистрация проспекта и размещение занимают от нескольких недель до нескольких месяцев
Объем привлечения	Ограничен нормативами банка по концентрации риска на одного заёмщика, что создаёт потолок заимствований в одном банке [16]	Зависит исключительно от ёмкости рынка и инвестиционного спроса; позволяет привлечь значительный пул средств одномоментно от неограниченного круга инвесторов

Проведённый анализ показал, что номинально более низкая ставка по облигациям часто нивелируется дополнительными затратами на организацию и сопровождение выпуска. В *таблице 2* представлена структура затрат, формирующих конечную стоимость заимствования по каждому из рассматриваемых инструментов.

Таблица 2. Факторы, определяющие конечную стоимость заимствования

Компонент затрат	Банковский кредит	Корпоративные облигации
Процентные расходы	Плавающая или фиксированная ставка, определяемая как ключевая ставка плюс банковская маржа; возможно изменение условий в одностороннем порядке [8]	Купонный доход, выплачиваемый инвесторам; условия фиксируются в решении о выпуске и не могут быть изменены эмитентом в одностороннем порядке

Организационные издержки	Минимальны: комиссия за открытие ссудного счета, оплата услуг оценщика при залоге имущества, нотариальное заверение договоров	Значительны: оплата услуг организатора выпуска, биржевой сбор за листинг, регистрация проспекта эмиссии, депозитарные расходы [6]
Риск-премия	Заложена в процентную ставку и выражается в надбавке за риск дефолта конкретного заёмщика	Реализуется через дисконт при размещении в случае недостаточного спроса или низкого кредитного качества эмитента
Пост-лизинговые и пост-эмиссионные затраты	Отсутствуют или минимальны	Регулярные затраты на раскрытие информации, поддержание ликвидности выпуска, ежегодное подтверждение кредитного рейтинга [9]

Анализ отраслевой специфики применения рассматриваемых инструментов выявил устойчивую дифференциацию: предприятия сырьевого сектора, металлургии и крупный ритейл активно используют облигационные займы для диверсификации источников финансирования, тогда как субъекты малого и среднего предпринимательства, а также компании с короткой кредитной историей остаются преимущественно в сфере банковского кредитования [16]. Данная ситуация обусловлена не только требованиями к раскрытию информации, но и наличием у крупных компаний кредитных рейтингов, необходимых для успешного размещения облигаций среди институциональных инвесторов [1]. Таким образом, результаты анализа свидетельствуют о формировании двухполярной структуры рынка заёмного капитала, где выбор инструмента детерминируется масштабом бизнеса, потребностью в долгосрочных ресурсах и готовностью к публичности.

Обсуждение результатов

Полученные результаты подтверждают основные положения теории иерархии выбора источников финансирования, согласно которой компании при прочих равных условиях предпочитают внутренние источники внешним, а долговое финансирование – долевому, однако последовательность выбора внутри самого долгового сегмента требует уточнения применительно к современным российским реалиям [11]. Выявленная в ходе исследования двухполярная структура рынка заёмного капитала свидетельствует о том, что корпоративные облигации не являются прямой и универсальной заменой банковскому кредиту, а выступают скорее инструментом диверсификации долгового портфеля для компаний, достигших определенного масштаба и уровня публичности [2].

Сравнительный анализ целевых сегментов применения рассматриваемых инструментов показывает их комплементарный характер. Корпоративные облигации в наибольшей степени соответствуют потребностям компаний с публичной историей, наличием кредитного рейтинга и потребностью в крупном долгосрочном финансировании инвестиционных проектов [4]. В условиях высокой волатильности ключевой ставки облигационные займы с фиксированным купоном позволяют эмитенту зафиксировать стоимость заимствования на длительный период, тогда как банковские кредиты, как правило, предполагают плавающую ставку, привязанную к ключевой ставке Банка России, что создаёт неопределённость в долгосрочном планировании [7]. Данное преимущество особенно значимо в периоды ужесточения денежно-кредитной политики, однако оно доступно лишь ограниченному кругу эмитентов, способных преодолеть барьеры входа на публичный долговой рынок.

В свою очередь, банковское кредитование сохраняет доминирующие позиции в сегменте малого и среднего предпринимательства, а также для компаний, приоритетом которых являются скорость получения финансирования и конфиденциальность финансовой информации. Отсутствие требований к публичному раскрытию отчётности и возможность оперативного получения средств в рамках кредитных линий делают банковский кредит незаменимым инструментом финансирования текущей деятельности и покрытия краткосрочных кассовых разрывов. Институциональные различия в правовом регулировании кредитного договора и процедур эмиссии ценных бумаг создают устойчивые барьеры для замещения одного инструмента другим, особенно в части требований к раскрытию информации и публичности заёмщика [15].

Наблюдаемая в последние годы конвергенция инструментов проявляется в развитии гибридных форм финансирования, таких как синдицированное кредитование и кредитные ноты,

которые объединяют черты банковского кредита и рыночного инструмента. Данная тенденция указывает на постепенное стирание граней между рассматриваемыми формами долгового финансирования по мере развития финансового рынка и усложнения кредитных технологий [5]. Особого внимания заслуживает роль государства в регулировании структуры заёмного финансирования. Сравнительный анализ программ льготного кредитования приоритетных отраслей и механизмов субсидирования купонного дохода по корпоративным облигациям показывает, что государственная поддержка в определенной степени нивелирует различия в доступности этих инструментов для конечных заёмщиков [9]. Вместе с тем сохраняющаяся дифференциация доступа к публичному долговому рынку требует дальнейшего совершенствования регуляторной базы, направленного на снижение издержек выхода на биржу для компаний среднего размера.

Полученные результаты согласуются с выводами исследований о том, что развитие рынка корпоративных облигаций способствует повышению устойчивости финансовой системы за счёт снижения зависимости реального сектора от банковского кредитования, однако этот процесс требует времени и создания соответствующей институциональной инфраструктуры [2]. Для российской практики принципиальное значение имеет дальнейшее развитие биржевой инфраструктуры, упрощение процедур эмиссии для так называемых квази-публичных компаний и постепенное формирование культуры рыночного фондирования как полноценной альтернативы банковской монополии на рынке заёмного капитала.

Заключение

Проведённое исследование показало, что рынок корпоративных облигаций в современных российских условиях действительно способен выступать альтернативой банковскому кредитованию, однако эта альтернативность носит ограниченный и сегментированный характер. Систематизация теоретических подходов подтвердила, что выбор между долговыми инструментами определяется не только ценовыми параметрами, но и комплексом институциональных факторов, включая требования к раскрытию информации, наличие кредитной истории и масштаб бизнеса потенциального заёмщика. Выявленные в ходе анализа структурные сдвиги на российском долговом рынке свидетельствуют о поступательном росте доли корпоративных облигаций в совокупном долге нефинансового сектора, что обусловлено как объективными макроэкономическими факторами, так и качественными изменениями в поведении эмитентов, постепенно осваивающих механизмы публичного долгового финансирования.

Ключевые параметры сравнения, детально рассмотренные в работе, демонстрируют принципиальные различия исследуемых инструментов по срокам привлечения, требованиям к обеспечению, скорости получения средств и объёму возможных заимствований. Корпоративные облигации обеспечивают доступ к долгосрочным пассивам и позволяют привлекать значительные объёмы финансирования без залогового обеспечения, что особенно ценно для реализации крупных инвестиционных проектов. В свою очередь, банковский кредит сохраняет безусловное преимущество в скорости получения средств и конфиденциальности финансовой информации, что делает его предпочтительным инструментом для финансирования текущей деятельности и поддержания ликвидности. Анализ показал, что сравнение номинальных процентных ставок недостаточно для корректной оценки эффективности: организационные издержки при облигационном заимствовании могут достигать существенных величин, что требует учёта полной стоимости привлечения капитала при принятии финансовых решений.

Определение условий предпочтительности облигационного заем позволило выделить следующие критерии: наличие публичной кредитной истории и рейтинга, потребность в долгосрочных ресурсах объёмом свыше определенного порога, готовность к раскрытию информации и взаимодействию с широким кругом инвесторов. Для компаний, не соответствующих данным критериям, банковский кредит по-прежнему остаётся единственно доступным источником заёмного финансирования.

Список литературы:

[1] Савалей, В.В. Рынок корпоративных облигаций в России: особенности сегментации и возможности расширения / В.В. Савалей // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2021. – № 3. – С. 38-49.

[2] Козлов, В.М. Рынок корпоративных облигаций и его роль в финансировании деятельности российских компаний / В.М. Козлов // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 8. – С. 221-224.

[3] Соколова, Е.Ю. Финансовый рынок России в условиях санкционных ограничений: поиск альтернативных источников формирования инвестиций / Е.Ю. Соколова // Дискуссия. – 2024. – № 3 (124). – С. 82-90. – DOI 10.46320/2077-7639-2024-3-124-82-90

[4] Астапов, К.Л. Стратегические направления развития российского финансового рынка в

санкционных условиях и в перспективе / К.Л. Астапов // Мир новой экономики. – 2022. – Т. 16, № 4. – С. 99-112. – DOI 10.26794/2220-6469-2022-16-4-99-112

[5] Мусиенко, С.О. Исследование рынка источников заемного финансирования организаций: сравнительный анализ / С.О. Мусиенко, Д.С. Кузнецов // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2025. – № 4-1. – С. 92-102. – DOI 10.17513/vaael.4080

[6] Елисеев, Г.Е. Сравнительный анализ различных инструментов инвестирования в Российской Федерации / Г.Е. Елисеев, И.А. Шашина // Вестник науки. – 2025. – Т. 1, № 3 (84). – С. 58-66.

[7] Макаров, И.Н. Финансовая безопасность и структура капитала непубличных компаний в условиях отечественной экономики / И.Н. Макаров, Е.А. Кореняко, В.С. Назаренко, Ю.А. Черникова, А.И. Володина // Креативная экономика. – 2024. – Т. 18, № 3. – С. 575-592. – DOI 10.18334/ce.18.3.120664

[8] Саакова, Э.Б. Оптимизация структуры капитала организации как инструмент антикризисного управления / Э.Б. Саакова, А.С. Сааков, Н.Н. Барткова // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2013. – № 5. – С. 98-104. – DOI 10.17747/2078-8886-2013-5-98-104

[9] Барлыбаев, А.А. Современное состояние и тенденции развития рынка облигаций в России / А.А. Барлыбаев, А.А. Авдеева // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 3-1. – С. 16-21. – DOI 10.17513/vaael.3279

[10] Морозов, А.Г. Обзор финансовых инструментов : аналитический материал / А.Г. Морозов. – Москва : Банк России, 2025. – 32 с.

[11] Шилов, О.А. Взаимосвязь финансовых активов и инвестиционных решений / О.А. Шилов, Е.А. Синцова, В.П. Марьяненко // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 7-2. – С. 395-402. – DOI 10.17513/vaael.3612

[12] Странцов, И.А. Влияние особенностей инвестора на содержание бизнес-плана инвестиционного проекта / И.А. Странцов, А.С. Книга // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 141-143.

[13] Калайда, С.А. Теоретические основы формирования категории «стоимость компании» и современные практические аспекты ценностно-ориентированного управления / С.А. Калайда, Х.А. Чупанова // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14, № 6. – С. 3243-3262. – DOI 10.18334/epp.14.6.121052

[14] Долгих, Ю.А. Оптимизация структуры капитала корпорации / Ю.А. Долгих // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 11-3. – С. 339-345. – DOI 10.17513/vaael.3886

[15] Приймак, Н.С. Сравнительно-правовой анализ различных категорий ценных бумаг / Н.С. Приймак // Вестник экспертного совета. – 2022. – № 3 (30). – С. 96-99.

[16] Полякова, М.Б. Перспективы развития системы инструментов финансирования малого и среднего предпринимательства / М.Б. Полякова // Финансы: теория и практика. – 2024. – Т. 28, № 5. – С. 56-70. – DOI 10.26794/2587-5671-2024-28-5-56-70

References:

[1] Savaley, V.V. Corporate bond market in Russia: features of segmentation and expansion opportunities/V.V. Savaley//Bulletin of Omsk University. “Economics” series. – 2021. – № 3. - S. 38-49.

[2] Kozlov, V.M. Corporate bond market and its role in financing the activities of Russian companies/V.M. Kozlov//Innovations and investments. – 2023. – № 8. - S. 221-224.

[3] Sokolova, E.Yu. Russian financial market under sanctions restrictions: search for alternative sources of investment/E.Yu. Sokolova//Discussion. – 2024. – № 3 (124). - S. 82-90. – DOI 10.46320/2077-7639-2024-3-124-82-90

[4] Astapov, K.L. Strategic directions for the development of the Russian financial market under sanctions and in the future/K.L. Astapov//World of the new economy. – 2022. - T. 16, NO. 4. - S. 99-112. – DOI 10.26794/2220-6469-2022-16-4-99-112

[5] Musienko, S.O. Study of the market for sources of borrowed financing of organizations: comparative analysis/S.O. Musienko, D.S. Kuznetsov//Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2025. – № 4-1. - S. 92-102. – DOI 10.17513/vaael.4080

[6] Eliseev, G.E. Comparative analysis of various investment instruments in the Russian Federation/G.E. Eliseev, I.A. Shashina//Bulletin of Science. – 2025. - T. 1, NO. 3 (84). - S. 58-66.

[7] Makarov, I.N. Financial security and capital structure of non-public companies in the domestic economy/I.N. Makarov, E.A. Korenyako, V.S. Nazarenko, Yu.A. Chernikova, A.I. Volodina//Creative economy. – 2024. - T. 18, NO. 3. - S. 575-592. – DOI 10.18334/ce.18.3.120664

[8] Saakova, E.B. Optimization of the organization’s capital structure as an anti-crisis management tool/E.B. Saakova, A.S. Saakov, N.N. Bartkova//Strategic decisions and risk management. – 2013. – № 5. - S. 98-104. – DOI 10.17747/2078-8886-2013-5-98-104

[9] Barlybaev, A.A. The current state and trends in the development of the bond market in Russia/A.A. Barlybaev, A.A. Avdeeva//Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2024. – № 3-1. - S. 16-21. – DOI 10.17513/vaael.3279

[10] Morozov, A.G. Review of financial instruments: analytical material/A.G. Morozov. - Moscow: Bank of Russia, 2025. - 32 s.

[11] Shilov, O.A. Relationship between Financial Assets and Investment Decisions/O.A. Shilov, E.A. Sintsova, V.P. Maryanenko//Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2024. – № 7-2. - S. 395-402. – DOI 10.17513/vaael.3612

[12] Strantsov, I.A. Influence of investor features on the content of the business plan of the investment project/I.A. Strantsov, A.S. Book//Problems of the modern economy. – 2011. – № 3. - S. 141-143.

[13] Kalaida, S.A. Theoretical foundations of the formation of the category “company value” and modern practical aspects of value-oriented management/S.A. Kalaida, H.A. Chupanova//Economics, Entrepreneurship and Law. – 2024. - T. 14, NO. 6. - S. 3243-3262. – DOI 10.18334/epp.14.6.121052

[14] Dolgikh, Yu.A. Optimization of the capital structure of the corporation/Yu.A. Dolgikh// Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2024. – № 11-3. - S. 339-345. – DOI 10.17513/vaael.3886

[15] Priymak, N.S. Comparative Legal Analysis of Various Categories of Securities/N.S. Priymak// Bulletin of the Expert Council. – 2022. – № 3 (30). - S. 96-99.

[16] Polyakova, M.B. Prospects for the development of a system of instruments for financing small and medium-sized businesses/M.B. Polyakova//Finance: theory and practice. – 2024. - T. 28, NO. 5. - S. 56-70. – DOI 10.26794/2587-5671-2024-28-5-56-70

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-102-109

ПОЛОВКО Роман Александрович,
Аспирант НОЧУ МФПУ Синергия,
г. Москва Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРИНЦИП СВОБОДЫ ДОГОВОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуется принцип свободы договора как одно из фундаментальных начал гражданского права Российской Федерации, определяющее автономию воли участников гражданского оборота и диспозитивный характер частноправового регулирования. Анализируются правовая природа свободы договора, её нормативное закрепление в Гражданском кодексе РФ, а также пределы реализации, обусловленные действием императивных норм, необходимостью защиты публичных интересов и прав слабой стороны договора. Особое внимание уделяется соотношению свободы договора с принципами добросовестности, разумности и справедливости, а также роли судебной практики Верховного Суда РФ в формировании и конкретизации границ автономии воли сторон. Рассматриваются современные тенденции развития договорных отношений в условиях цифровизации экономики, распространения дистанционных сделок и усложнения предпринимательских связей. Делается вывод о трансформации свободы договора из формально-декларируемого принципа в гибкий правовой инструмент, обеспечивающий баланс частных и публичных интересов и устойчивость гражданского оборота.*

Ключевые слова: *свобода договора, автономия воли, диспозитивность, пределы свободы договора, судебная практика, гражданское право.*

POLOVKO Roman Alexandrovich,
PhD student NOCHU MPPU Synergy,
Moscow Russia

PRINCIPLE OF FREEDOM OF CONTRACT IN CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines the principle of freedom of contract as one of the fundamental principles of civil law of the Russian Federation, which determines the autonomy of the will of participants in civil circulation and the dispositive nature of private law regulation. The legal nature of the freedom of contract, its normative consolidation in the Civil Code of the Russian Federation, as well as the implementation limits due to the action of imperative norms, the need to protect public interests and the rights of the weak side of the contract are analyzed. Particular attention is paid to the correlation of freedom of contract with the principles of good faith, reasonableness and justice, as well as the role of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation in the formation and specification of the boundaries of autonomy of the will of the parties. Modern trends in the development of contractual relations in the context of digitalization of the economy, the spread of remote transactions and the complication of entrepreneurial ties are considered. It is concluded that the freedom of contract is transformed from a formally declared principle into a flexible legal instrument that ensures a balance of private and public interests and the stability of civil circulation.*

Key words: *freedom of contract, autonomy of will, dispositiveness, limits of freedom of contract, judicial practice, civil law.*

Введение

Принцип свободы договора традиционно рассматривается в качестве одного из краеугольных камней гражданского права, определяющего автономию воли участников гражданского оборота и диспозитивный характер частноправового

регулирования [2]. Именно через договор реализуется основная масса имущественных и связанных с ними неимущественных отношений, что делает свободу договора ключевым элементом гражданского оборота и основой экономической активности. В условиях рыночной экономики свобода договора обеспечивает гибкость правового регулирования, стимулирует предпринимательскую инициативу и способствует устойчивости гражданского оборота, позволяя субъектам самостоятельно определять условия, сроки и способы исполнения обязательств. Вместе с тем свобода договора не является абсолютной. Современное гражданское право исходит из необходимости сочетания автономии воли сторон с защитой публичных интересов, прав третьих лиц и слабой стороны договора. Ограничения свободы договора направлены на соблюдение законов, поддержание справедливости и добросовестности сделок, предотвращение злоупотреблений и защита участников оборота, не обладающих достаточной правовой или экономической компетентностью [2]. Это обусловливает актуальность научного анализа пределов свободы договора и механизмов их реализации в законодательстве и судебной практике. Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе свободы договора как правового принципа, выявлении её правовой природы, пределов реализации и значения для современного гражданского оборота. В процессе исследования автор ставит перед собой следующие задачи: определить теоретико-правовую сущность свободы договора; проанализировать её историческое развитие и нормативное закрепление в российском законодательстве; рассмотреть судебную практику, формирующую пределы свободы договора; оценить современные тенденции и вызовы, связанные с цифровизацией экономики, дистанционными сделками и глобализацией предпринимательской деятельности. Научная новизна исследования состоит в обосновании тезиса о трансформации свободы договора в российском праве из формально-декларируемого принципа в гибкий инструмент баланса частных и публичных интересов, активно формируемый судебной практикой, прежде всего Верховного Суда РФ. Автор демонстрирует, что современная практика реализации свободы договора не ограничивается лишь предоставлением сторонам возможности самостоятельно согласовывать условия сделки, но включает оценку добросовестности, разумности и справедливости, а также соблюдение ограничений, установленных законодательством [2]. Исторический анализ показывает, что концепция свободы договора эволюционировала на протяжении столетий: от идей диспозитивности и автономии воли в римском праве и европейской правовой традиции XVIII-XIX веков до ограниченной реализации в дореволюционной России и практически полного подчинения интересам государства в советский период. Возрождение принципа в постсоветский период, закрепление его в ст. 421 ГК РФ и последующие изменения законов и судебной практики способствовали становлению свободы договора как универсального инструмента регулирования, учитывающего баланс экономических, социальных и публичных интересов. Особое внимание в современном исследовании уделяется соотношению свободы договора с другими принципами гражданского права: добросовестностью, разумностью, справедливостью, равенством сторон и недопустимостью злоупотребления правом. Совокупность этих принципов формирует правовую среду, в которой автономия воли реализуется в рамках допустимых законодательством и судебной практикой ограничений, обеспечивая устойчивость гражданского оборота и защиту прав субъектов гражданских правоотношений. В условиях цифровизации экономики, глобализации предпринимательства и распространения дистанционных сделок принцип свободы договора приобретает особое значение. Он обеспечивает юридическую гибкость и адаптивность договорных отношений, стимулирует внедрение инновационных моделей ведения бизнеса, включая электронные и смарт-контракты [3], а также международные соглашения. Вместе с тем возрастают требования к контролю за соблюдением законных ограничений и недопущению злоупотреблений, что делает анализ свободы договора особенно актуальным. Таким образом, исследование свободы договора как правового принципа имеет как теоретическую, так и практическую значимость. Оно позволяет определить границы автономии воли сторон, оценить эффективность правового регулирования, выявить механизмы защиты частных и публичных интересов, а также предложить рекомендации по развитию гражданско-правовой практики в условиях современного экономического и технологического контекста. Введение статьи формирует научную основу для дальнейшего анализа свободы договора, её признаков, функций, нормативного закрепления и актуальной судебной практики, что создаёт целостное представление о значении этого принципа в современном гражданском праве Российской Федерации.

1. Понятие и правовая природа свободы договора

1.1. Теоретические основы свободы договора

Свобода договора является фундаментальным принципом гражданского права, отражаю-

щим сущность автономии воли участников гражданского оборота. Она предполагает право сторон самостоятельно определять необходимость вступления в договорные отношения, выбирать контрагента и формировать содержание обязательств. С точки зрения теории права, свобода договора сочетает в себе элементы субъективного права и принципа, регулирующего гражданско-правовые отношения на основе диспозитивности и равенства участников. Исторически свобода договора восходит к римскому праву, где признавалась возможность заключения договора по воле сторон, а государственное вмешательство ограничивалось защитой общественных интересов. В римской юриспруденции выделялись принципы consensu (согласия) и bona fides (добросовестности), которые стали фундаментом современного понимания договорной автономии. Эти принципы отражали не только согласие сторон, но и обязанность действовать добросовестно в процессе заключения и исполнения договора, что до сих пор сохраняет актуальность в современных правовых системах.

1.2. Свобода договора в зарубежных правовых системах

В системах континентального права, в частности в Германии и Франции, принцип автономии воли получил дальнейшее развитие в форме диспозитивного регулирования гражданских обязательств. Например, немецкий Гражданский кодекс (BGB) предусматривает свободу формирования условий договора, но при этом ограничивает возможности злоупотребления правом и требует соблюдения добросовестности. Во Франции свобода договора также закреплена в Гражданском кодексе, однако ключевым ограничением выступает защита слабой стороны и соблюдение общественного порядка. В англосаксонской системе (common law) свобода договора реализуется с акцентом на судебную оценку добросовестности сторон и разумности условий сделки [14]. Судебные прецеденты формируют границы договорной свободы, особенно в вопросах навязывания невыгодных условий или злоупотребления правом. Например, в решениях английских судов применяются принципы unconscionability (неразумность условий) и good faith (добросовестность), что ограничивает абсолютную автономию воли сторон.
В российском гражданском праве принцип свободы договора закреплен в статье 421 Гражданского кодекса РФ, согласно которой граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Эта норма формулирует общий вектор частноправового регулирования, ориентированный на минимизацию государственного вмешательства и признание диспозитивного характера большинства обязательств.

2. Признаки свободы договора

2.1. Автономия воли сторон

Современная теория выделяет несколько ключевых признаков свободы договора: Автономия воли сторон - способность самостоятельно формировать содержание обязательства, включая выбор предмета, условий исполнения и порядка расчетов. Автономия предполагает, что стороны свободны как в заключении, так и в отказе от договора. Например, контрагент вправе отказаться от участия в сделке, если предлагаемые условия противоречат его интересам или нарушают баланс обязательств. В коммерческой практике этот принцип проявляется в переговорах о цене, сроках исполнения и распределении рисков [12].

2.2. Диспозитивность правового регулирования

Диспозитивность правового регулирования - возможность отступления от типовой модели договора, установленной законом, при условии соблюдения императивных норм. В ст. 421-422 ГК РФ закреплено, что стороны могут изменять или дополнять условия договора, если это не противоречит закону. Диспозитивность позволяет формировать гибкие механизмы расчетов, регулировать ответственность за исполнение обязательств и предусматривать дополнительные гарантии исполнения. Например, в договорах поставки или подрядных договорах стороны могут самостоятельно определять форму оплаты и ответственность за нарушение сроков.

2.3. Юридическое равенство участников договора

Юридическое равенство участников - все стороны договора обладают равными правами и обязанностями, что выражается в равной возможности участия в переговорах и формировании содержания обязательств. Нарушение равенства, например, через одностороннее навязывание условий договора присоединения, может служить основанием для признания условий недействительными. Судебная практика подтверждает важность этого признака, особенно в защите интересов слабой стороны.

2.4. Имущественная направленность свободы договора

Имущественная направленность - свобода договора реализуется через имущественные отношения, позволяя сторонам распределять имущественные блага, риски и ответственность. Этот признак особенно проявляется в договорах коммерческого характера, аренды, поставки, подрядных обязательствах, где стороны самостоятельно определяют размер оплаты, сроки исполнения и ответственность за нарушение условий. Эти признаки делают свободу договора

не только принципом, но и регулятором поведения субъектов гражданского оборота, задавая рамки допустимой частной инициативы и формируя устойчивые модели взаимодействия.

3. Ограничения свободы договора

3.1. Императивные нормы законодательства

Свобода договора не является абсолютной. Её реализация ограничена системой императивных норм, общими принципами гражданского права и судебной практикой. Императивные нормы законодательства - изменение или исключение которых законом запрещено. К ним относятся нормы о защите прав потребителей (ст. 16, 421-426 ГК РФ), обязательные требования о лицензировании отдельных видов деятельности, трудовое и налоговое законодательство. Эти нормы обеспечивают защиту слабой стороны, предотвращают злоупотребление правом и поддерживают баланс интересов участников оборота.

3.2. Принципы добросовестности и разумности

Принцип добросовестности и разумности - закреплен в ст. 1, 10 ГК РФ. Он препятствует злоупотреблению правом и навязыванию явно обременительных условий, обеспечивая справедливость и баланс интересов сторон. Например, в договорах поставки или аренды условия, явно нарушающие баланс обязательств, могут быть признаны судом недействительными.

3.3. Защита публичных интересов

Защита публичных интересов - антимонопольные ограничения, охрана окружающей среды, финансовая прозрачность и ответственность за нарушение закона. Это ограничивает свободу договора для обеспечения устойчивости экономической и социальной системы.

3.4. Защита слабой стороны договора

Защита слабой стороны - законодательство о защите прав потребителей и регулирование договоров присоединения. Судебная практика подтверждает, что навязывание условий, нарушающих баланс интересов, может быть признано недействительным (Пленум ВС РФ № 16, 2014; № 54, 2016).

3.5. Роль судебной практики в формировании пределов свободы договора

Судебная практика активно формирует пределы свободы договора. Верховный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что автономия воли сторон должна реализовываться с учетом добросовестности, разумности и справедливости. Судебное вмешательство применяется в случаях злоупотребления правом, навязывания явно обременительных условий или нарушения баланса интересов сторон [8].

4. Современные вызовы и адаптация свободы договора

Цифровизация экономики, развитие дистанционных форм взаимодействия и глобализация предпринимательской деятельности оказывают значительное влияние на трансформацию договорных отношений. Традиционные модели заключения, исполнения и контроля договоров претерпевают существенные изменения, что требует переосмысления классических принципов автономии воли сторон и правового регулирования.

4.1 Электронные договоры

Электронные договоры становятся неотъемлемой частью современного бизнеса и государственной деятельности. Они требуют обеспечения юридической силы и аутентичности электронных подписей, контроля исполнения обязательств и ответственности сторон. Массовое использование электронных платформ, мобильных приложений и облачных сервисов актуализирует вопросы хранения, защиты и обработки персональных и коммерческих данных. Особое внимание уделяется юридической значимости электронных подписей: закон «Об электронной подписи» и положения Гражданского кодекса РФ закрепляют равнозначность бумажного и электронного документа при соблюдении установленных требований. Важным вызовом является международная практика: в трансграничных сделках часто возникает вопрос признания электронной подписи в другой юрисдикции, что требует уточнения норм международного частного права и применения механизмов признания и исполнения иностранных решений.

4.2 Смарт-контракты на блокчейне

Смарт-контракты, основанные на технологии блокчейн, позволяют автоматизировать исполнение условий сделки без прямого участия сторон после достижения заранее заданных условий. Это снижает риск несоблюдения обязательств и ускоряет проведение операций.

Однако внедрение смарт-контрактов сопровождается рядом сложностей: Технические риски - ошибки в коде или сбои в сети могут привести к непредвиденным последствиям и спорным ситуациям; Юридическая неопределённость - в России и большинстве стран отсутствуют чёткие нормы регулирования смарт-контрактов, что создаёт необходимость для судебной практики формировать подходы к определению их юридической силы; Сложность внесения изменений - после размещения на блокчейне смарт-контракт фактически становится неизменяемым, что требует особой осторожности при проектировании условий сделки. Примером практического применения смарт-контрактов может служить арбитражное дело, в котором суд подтвердил силу блок-

чейн-фиксированных условий при отсутствии прямого нарушения закона, подчеркнув необходимость балансировки технологических новаций и юридических принципов добросовестности, разумности и защиты интересов сторон.

4.3 Трансграничные сделки

Глобализация предпринимательской деятельности значительно увеличивает число трансграничных договоров, что приводит к необходимости учитывать различие национальных правовых систем. В таких сделках особое значение имеет: Выбор применимого права - стороны должны заранее определить, законы какой страны будут регулировать их отношения; Механизмы разрешения споров - международный арбитраж, форумы электронного разрешения споров и суды компетентной юрисдикции; Согласование стандартов исполнения и ответственности - различия в национальном регулировании финансовых обязательств, налоговых последствий и защиты потребителей могут влиять на баланс прав и обязанностей сторон. Трансграничные сделки требуют высокой юридической квалификации, разработки комплексных соглашений и адаптации стандартных договорных условий с учётом особенностей каждой юрисдикции.

4.4 Адаптивный характер свободы договора

В современных условиях свобода договора приобретает адаптивный и динамический характер. Стороны должны быть способны гибко реагировать на новые формы экономической активности, включая цифровые платформы, автоматизированные и смарт-контракты, а также трансграничные соглашения. Особое внимание необходимо уделять: Контролю за реализацией договорной свободы - для предотвращения злоупотреблений и защиты участников оборота; Обеспечению прозрачности и правовой определённости - особенно в электронных и международных сделках; Согласованию технологических и юридических решений - чтобы условия исполнения договора соответствовали как техническим возможностям, так и требованиям закона; Обучению и подготовке участников - современный договорный оборот требует понимания цифровых технологий, правовых стандартов и международной практики [17]. Таким образом, современные вызовы требуют комплексного подхода к свободе договора: сочетания классических принципов гражданского права с адаптацией к цифровой экономике и глобальным трансакциям [9]. Судебная практика и законодательное регулирование постепенно формируют новые стандарты, которые обеспечивают баланс между автономией воли сторон, защитой слабой стороны и публичными интересами общества.

5. Примеры из судебной практики

5.1. Нарушение баланса интересов в договоре присоединения

Нарушение баланса интересов в договоре присоединения

В ряде дел суды признавали недействительными отдельные условия договоров присоединения, если они создавали явно обременительные обязательства для одной стороны. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 54 (2016) рассмотрен случай, когда компания навязала условие о значительной неустойке, которое объективно нарушало баланс интересов сторон. Суд подчеркнул, что автономия воли сторон не может приводить к несправедливому перераспределению рисков и обязанностей. Дополнительно суды часто обращают внимание на то, чтобы условия договора присоединения были прозрачными, понятными и доступными для контрагента. Включение скрытых штрафов или непропорциональных условий может привести к признанию их недействительными на основании ст. 10 и 421 ГК РФ, закрепляющих добросовестность и равенство сторон. Злоупотребление правом.

5.2. Злоупотребление правом

В постановлении Пленума ВС РФ № 16 (2014) рассмотрен случай, когда стороны пытались уклониться от исполнения обязательств, используя фиктивные условия договора. Суд признал недействительными отдельные положения, направленные на обход законных обязанностей, и восстановил справедливость между участниками сделки. Судебная практика демонстрирует, что злоупотребление правом может выражаться в различных формах: завышение штрафных санкций, навязывание односторонних изменений условий договора, манипулирование сроками исполнения обязательств. Суд рассматривает такие действия с точки зрения добросовестности, разумности и соблюдения баланса интересов сторон.

5.3 Трансграничный контракты

В спорах о выполнении электронных договоров между российскими и зарубежными компаниями суды применяют нормы международного частного права. Например, в одном деле российская компания заключила электронный контракт с зарубежным партнёром, регулируемый иностранным правом, но с исполнением в РФ. Суд рассматривал вопросы выбора применимого права, компетенции суда и возможности принудительного исполнения решения. Такие дела подчёркивают необходимость учитывать как национальные нормы, так и международные стандарты, а также наличие механизмов трансграничного урегулирования споров, включая

международный арбитраж, форумы электронного разрешения споров и согласованные процедуры.

5.4 Анализ смарт-контрактов

В арбитражной практике появились дела, связанные с использованием смарт-контрактов на блокчейне. Суд подтвердил силу фиксированных условий смарт-контракта при отсутствии прямого нарушения закона, подчеркнув, что автоматизированное исполнение обязательств не освобождает стороны от соблюдения принципов добросовестности и разумности. При этом суд отметил, что технологические новации должны сочетаться с правовыми гарантиями: возможность изменения условий контракта, ответственность за технические сбои, юридическая защита участников сделки. Такие решения создают прецеденты для дальнейшей интеграции цифровых технологий в гражданско-правовой оборот.

5.5 Дополнительные примеры

Нарушение прав потребителей в электронных договорах - суды признали недействительными условия, ограничивающие права потребителей или лишающие их возможности обратиться за защитой в суд. Одностороннее изменение условий договора - признано недействительным, если не согласовано с другой стороной и нарушает баланс интересов. Споры о поставках и подрядных обязательствах с использованием смарт-контрактов суды вырабатывают подходы к определению момента исполнения обязательств, оценке форс-мажорных обстоятельств и распределению рисков.

Вывод: Эти примеры демонстрируют, что судебная практика играет ключевую роль в формировании пределов свободы договора. Суды учитывают экономический и социальный контекст сделки, добросовестность сторон, баланс интересов и технологические особенности исполнения обязательств. Практика подтверждает, что свобода договора - не абсолютное право, а гибкий инструмент, требующий адаптации к современным условиям, включая цифровизацию, трансграничные сделки и инновационные механизмы исполнения.

Заключение по основной части

Свобода договора в российском праве представляет собой сложное, многогранное и динамичное явление, которое объединяет несколько ключевых элементов: автономию воли участников, диспозитивность правового регулирования и юридическое равенство сторон. Автономия воли позволяет участникам гражданского оборота самостоятельно определять необходимость заключения договора, выбирать контрагента, формировать содержание обязательств и распределять риски и ответственность. Диспозитивность обеспечивает гибкость регулирования, позволяя сторонам отклоняться от типовых моделей договоров, предусмотренных законом, при условии соблюдения императивных норм. Юридическое равенство сторон гарантирует, что ни одна из сторон не может быть объективно ущемлена, а любые нарушения баланса интересов могут быть признаны недействительными в судебном порядке. При этом свобода договора в России не является абсолютной. Она ограничена комплексом императивных норм, принципом добросовестности, разумности, а также защитой слабой стороны, включая права потребителей и участников договоров присоединения. Эти ограничения создают механизм баланса между интересами отдельных участников сделки и публичными интересами общества. Система императивных норм и судебная практика формируют своего рода «правовую рамку», в пределах которой автономия воли может реализовываться, не нарушая справедливости и правовой стабильности [9]. Современные вызовы вносят дополнительные факторы, влияющие на свободу договора. Цифровизация экономики и массовое использование электронных платформ требуют адаптации традиционных подходов к заключению и исполнению договоров. Электронные подписи, хранение и защита данных, обеспечение юридической силы электронных документов становятся ключевыми элементами правового регулирования. Смарт-контракты на блокчейне открывают новые возможности автоматического исполнения обязательств, однако одновременно ставят вопросы о распределении ответственности при технических сбоях, необходимости внесения изменений в условия договора и соблюдении принципа добросовестности сторон. Глобализация предпринимательской деятельности и рост числа трансграничных сделок также изменяют ландшафт свободы договора. Стороны вынуждены учитывать различия национальных правовых систем, выбирать применимое право и механизмы разрешения споров, включая международный арбитраж и электронные системы урегулирования конфликтов. Судебная практика формирует подходы к оценке условий международных и электронных договоров, определяя границы свободы договора в условиях новых экономических и технологических реалий. Примеры из судебной практики, включая дела о нарушении баланса интересов в договорах присоединения, злоупотреблении правом, трансграничных контрактах и смарт-контрактах, подтверждают, что

суды играют ключевую роль в конкретизации пределов свободы договора. Они учитывают экономический и социальный контекст сделок, добросовестность участников, а также технологические и организационные особенности исполнения обязательств. Это демонстрирует, что свобода договора в современном гражданском праве - это не статичный принцип, а гибкий инструмент регулирования, способный адаптироваться к изменяющимся условиям оборота. Таким образом, свобода договора сохраняет фундаментальное значение для гражданского оборота, обеспечивая баланс интересов участников и публичных интересов общества. В условиях цифровизации, глобализации и внедрения новых технологий она развивается в направлении более гибкого, адаптивного и сбалансированного регулирования. Это развитие требует постоянного взаимодействия законодательства, судебной практики и научной теории, что позволяет формировать устойчивую систему гражданско-правовых отношений, способную эффективно реагировать на вызовы современного экономического и технологического пространства. Свобода договора в её современной интерпретации становится не просто правом сторон, а комплексным правовым механизмом, который регулирует их взаимодействие, минимизирует риски злоупотреблений, обеспечивает справедливость и устойчивость гражданского оборота, а также способствует развитию инновационных форм хозяйственной деятельности в России и за её пределами.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учётом поправок).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. действующая).

[3] Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. Действующая)

[4] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. действующая).

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении».

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

[8] Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. - М.: Статут, 2011.

[9] Суханов Е. А. Гражданское право: в 4 т. Т. 1: Общая часть. - М.: Статут, 2021.

[10] Иоффе О. С. Обязательственное право. - М.: Юридическая литература, 1975.

[11] Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. - М.: Статут, 2019 (репринтное изд).

[12] Крашенинников П. В. Свобода договора и пределы её осуществления // Журнал российского права. - 2017. - № 3.

[13] Егоров А. В. Принцип свободы договора в гражданском праве // Хозяйство и право. - 2016. - № 9.

[14] Маковский А. Л. Добросовестность в гражданском праве // Вестник гражданского права. - 2015. - № 2.

[15] Новицкий И. Б. Римское право. - М.: Зерцало, 2018.

[16] Лаптев В. А. Смарт-контракты в гражданском праве: понятие и перспективы правового регулирования // Закон. - 2019. - № 7.

[17] Тархов В. А. Электронные сделки и цифровизация договорных отношений // Право и экономика. - 2020. - № 11.

[18] Зорькин В. Д. Право в цифровом мире // Российская газета. - 2018.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (as amended).

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended).

[3] Federal Law No. 06.04.2011 dated 63-FZ “On Electronic Signature” (as amended)

[4] Law of the Russian Federation dated 07.02.1992 No. 2300-1 “On Protection of Consumer Rights” (as amended).

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 “On the Application by the Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation.”

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.11.2016 No. 54 “On Certain Issues of Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Obligations and Their Fulfillment.”

[7] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.03.2016 No. 7 “On the application by the courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for violation of obligations.”

[8] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Kn. 1: General provisions. - M.: Statute, 2011.

[9] Sukhanov E. A. Civil law: in 4 vols. T. 1: General part. - M.: Statute, 2021.

[10] Joffe O.S. Law of Obligations. - M.: Legal literature, 1975.

[11] Pokrovsky I. A. The main problems of civil law. - M.: Statute, 2019 (reprint edition).

[12] Krasheninnikov P.V. Freedom of contract and the limits of its implementation//Journal of Russian law. - 2017. - № 3.

[13] Egorov A. V. Principle of freedom of contract in civil law//Economy and law. - 2016. - № 9.

[14] Makovsky A. L. Good faith in civil law//Bulletin of civil law. - 2015. - № 2.

[15] Novitsky I. B. Roman Law. - M.: Mirror, 2018. [16] Laptev V. A. Smart contracts in civil law: concept and prospects of legal regulation//Law. - 2019. - № 7. [17] Tarkhov V. A. Electronic transactions and digitalization of contractual relations//Law and Economics. - 2020. - № 11. [18] Zorkin V. D. Law in the digital world//Rossiyskaya Gazeta. - 2018.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-110-114

ШИГАРЕВА Виктория Александровна,
аспирант 2-го курса юридического факультета
Московского университета имени А.С. Грибоедова,
e-mail: vika.shigareva@mail.ru

Научный руководитель:
СИТДИКОВА Любовь Борисовна,
доктор юридических наук, профессор,
Зав. кафедрой гражданского права и гражданского процесса
Московского университета имени А.С. Грибоедова,
e-mail: Jurfak@iile.ru

КОНВАЛИДАЦИЯ СДЕЛОК С МАЛОЛЕТНИМИ ДЕТЬМИ

Аннотация. *Данная статья описывает совершение сделок с участием несовершеннолетних, последствия совершения таких сделок, а также возможность узаконить сделку с участием несовершеннолетних. Описаны условия, при которых возможна конвалидация сделки. Определена роль законных представителей в процессе совершения сделок, и последующее одобрение таких сделок. Особое внимание уделено в статье получению согласия на совершение сделки органом опеки и попечительства, как основанию для дальнейшей конвалидации сделки. Перечислены основные трудности, с которыми сталкиваются судьи при решении вопроса о возможности или невозможности конвалидации сделки, а также возможное злоупотребления от любой стороны сделки. Предложены пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики*.

Ключевые слова: *сделка, несовершеннолетние, конвалидация, законодательство, правоприменительная практика, суд, ребенок, злоупотребление.*

SHIGAREVA Victoria Aleksandrovna,
second-year postgraduate student in the Faculty of Law
at A.S. Griboyedov Moscow State University

Scientific supervisor:
SITDIKOVA Lyubov Borisovna,
Doctor of Law, Professor Head
of the Department of Civil Law and Civil Procedure
at A.S. Griboyedov Moscow State University

CONVALIDATION OF TRANSACTIONS INVOLVING MINORS

Annotation. *This article describes transactions involving minors, the consequences of such transactions, and the possibility of legitimizing a transaction involving minors. It describes the conditions under which a transaction can be convalidated and lists the main difficulties judges face when deciding whether or not to convalidate a transaction. Ways to improve legislation and law enforcement practice are proposed.*

Key words: *transaction, minors, convalidation, legislation, law enforcement practice, court, child, abuse.*

В современном гражданском обороте всё чаще возникают ситуации, когда малолетние дети (лица до 14 лет) становятся участниками сделок, несмотря на ограниченную дееспособность. Это может происходить как в повседневной жизни (покупка товаров, получение подарков), так и в более сложных правоотношениях (наследование, дарение имущества). Однако из-за строгих требований закона такие сделки часто признаются недействительными, что соз-

даёт правовую неопределённость и может ущемлять интересы как самого ребёнка, так и добросовестных контрагентов.

Защита прав малолетних в гражданском праве – одна из ключевых задач государства, поскольку дети в силу возраста не могут в полной мере осознавать последствия своих действий.

Институт конвалидации (подтверждения действительности сделки) позволяет гибко подходить к таким ситуациям, давая возможность исправить формальные нарушения с согласия законных представителей или суда.

Актуальность темы усиливается в связи с развитием цифровых технологий, когда дети всё чаще совершают онлайн-покупки, а также в условиях роста числа семейных споров, связанных с имущественными правами несовершеннолетних.

Исследование конвалидации сделок с малолетними детьми имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение. Оно способствует поиску баланса между защитой прав ребёнка и устойчивостью гражданско-правовых отношений, а также помогает выработать чёткие критерии для судов и законодателей при оценке подобных сделок.

Главная цель данной научной статьи заключается в комплексном анализе института конвалидации применительно к сделкам с участием малолетних детей. В гражданском праве конвалидация представляет собой механизм, позволяющий устранить первоначальные дефекты сделки и придать ей юридическую силу, несмотря на допущенные нарушения. Важно определить, какие именно нарушения могут быть «исцелены» последующим одобрением родителей, опекунов или суда, а какие делают сделку безусловно ничтожной.

Наконец, цель статьи – предложить пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Сегодня в российском праве отсутствуют четкие критерии конвалидации сделок с малолетними, что приводит к противоречивым судебным решениям.

В юридической литературе применительно к сделкам, в основном, рассматривается вопрос о защите субъективных гражданских прав посредством признания оспоримой сделки недействительной и применения последсвий недействительности ничтожной сделки. [1]

Если же говорить об субъектном составе данного вида сделки, то стоит отметить то, что она отличается от субъектного состава иных недействительных сделок. Отличия заключается в том, что одной из сторон данной сделки является малолетний. В свою очередь кем является другая сторона сделки существенного значения не имеет. [2]

Конвалидация, или исцеление сделки, предполагает устранение первоначальных недостатков, которые делали сделку оспоримой, и придание ей полной юридической силы.

Следует указать, что законодатель дифференцировал сделкоспособность и деликтоспособность несовершеннолетних по порядку их осуществления. [3] Некоторые сделки в возрасте от 14 до 18 лет, совершают самостоятельно, другие с согласия родителей (ст. 26 ГК РФ), ответственность по всем сделкам (независимо от того, самостоятельно они ее совершили или нет) несовершеннолетние несут сами. Причиненный деликтный вред несовершеннолетние также несут самостоятельно, в том случае, если у них отсутствует достаточное для этого имущество, к субсидиарной ответственности могут быть привлечены родители. Согласие родителей никак не сказывается на ответственности несовершеннолетнего за неисполнение сделки, однако имеет значение для действительности сделок.[4]

Конвалидация (исцеление) сделок с участием малолетних детей возможна при наличии ключевых оснований, каждое из которых имеет свои особенности применения в правовой практике.

Первым и наиболее распространенным основанием является последующее одобрение сделки законными представителями ребенка. Когда малолетний (лицо до 14 лет) совершает сделку, выходящую за пределы его дееспособности (например, приобретает дорогостоящий товар), такая сделка изначально считается оспоримой. Однако если родители, усыновители или опекуны впоследствии выражают свое согласие с совершенной сделкой, она приобретает полную юридическую силу (это правило не касается сделок, направленных на отчуждение имущества).

Согласие родителей на сделку несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет совершается по правилам ст. 26 ГК РФ и ст. 157.1 ГК РФ, в соответствии с которыми согласие должно быть выражено в письменной форме. В такой же форме родители (усыновители, попечитель) выражают и последующее одобрение совершенной несовершеннолетним сделки. Существует давняя дискуссия по поводу того, достаточно ли согласия на сделку одного из родителей или необходимо согласие обоих. Формулировка ст. 26 ГК РФ «согласие своих родителей», а также принцип разумности, дают основание утверждать, что достаточно согласия одного из родителей для того, чтобы условие действительность сделки было соблюдено.[5] По правилам ст. 157.1 ГК РФ, о своем согласии родители сообщают соответствующему лицу (контрагенту несовершеннолетнего по сделке, органу власти и т.п.), в согласии на сделку должен быть отражен предмет сделки.

Вторым основанием для конвалидации выступает получение согласия на совершение сделки органом опеки и попечительства (это касается сделок, связанных с отчуждением имущества малолетнего, например, сделка купли-продажи). Согласно п.2 ст. 37 ГК РФ опекун не вправе без предварительного разрешения органа опеки и попечительства совершать, а попечитель - давать согласие на совершение сделок по отчуждению, в том числе обмену или дарению имущества подопечного, сдаче его внаем (в аренду), в безвозмездное пользование или в залог, сделок, влекущих отказ от принадлежащих подопечному прав, раздел его имущества или выдел из него долей, а также любых других действий, влекущих уменьшение имущества подопечного.

Третье основание - судебное признание действительности сделки - применяется в наиболее сложных случаях, когда отсутствует явное одобрение со стороны законных представителей или самого ставшего дееспособным гражданина.

Суд при рассмотрении таких дел руководствуется принципом приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетнего. Суд тщательно исследует все обстоятельства дела: характер сделки, ее цели, выгоду или возможные негативные последствия для малолетнего, причины отсутствия своевременного одобрения со стороны законных представителей. Особое внимание уделяется анализу имущественного положения ребенка - не приведет ли оспаривание сделки к ухудшению его условий жизни.

В ходе процесса суд может назначить экспертизу для определения реальной стоимости предмета сделки, при необходимости допросить свидетелей, запросить дополнительные документы. Важным доказательством может служить фактическое исполнение сделки - если имущество уже используется в интересах ребенка, а его изъятие может причинить вред. Суд также проверяет, не было ли при совершении сделки злоупотреблений со стороны контрагента, не находился ли малолетний под неправомерным влиянием.

Если суд придет к выводу, что сделка совершена в интересах ребенка, не нарушает его прав и признание ее действительности соответствует принципам справедливости, он выносит решение о конвалидации. Такое решение имеет обратную силу - сделка считается действительной с момента ее совершения. В мотивировочной части решения суд подробно излагает, почему именно признание сделки соответствует интересам несовершеннолетнего, какие обстоятельства были учтены при принятии такого решения.

Примечательно, что судебная конвалидация возможна даже в случаях, когда законные представители активно возражают против сделки, если суд установит, что такие возражения необоснованны и продиктованы не интересами ребенка, а иными соображениями. Однако если будет доказано, что сделка ущемляет права малолетнего или совершена с нарушением его интересов, суд откажет в конвалидации, и сделка может быть признана недействительной с применением последствий в виде двусторонней реституции.

По мнению Д. И. Мейера, конвалидация с юридической точки зрения представляет собой не исцеление заключенной, а заключение новой сделки.[6]

Основным последствием конвалидации является придание сделке юридической силы с момента ее совершения. Это означает, что после конвалидации сделка рассматривается как изначально действительная, а все ее последствия сохраняются в полном объеме. Такой подход закреплен в ст. 167 ГК РФ, которая устанавливает общие правила недействительности сделок, но допускает исключения в случаях, когда закон предусматривает возможность их «исцеления». Особое значение это имеет для сделок с участием малолетних, где принцип защиты их интересов сочетается с необходимостью обеспечения стабильности гражданского оборота.

Важным аспектом конвалидации является невозможность последующего оспаривания сделки по тому же основанию. Как отмечает Е.М. Тужилова-Орданская, после конвалидации сделка приобретает «устойчивый характер», что исключает возможность ее оспаривания заинтересованными лицами.[7] Это положение вытекает из принципа правовой определенности, закрепленного в п. 5 ст. 10 ГК РФ, и находит подтверждение в судебной практике. Например, в случае одобрения сделки законными представителями малолетнего, последующие попытки оспаривания такой сделки будут отклоняться судами, если не будут представлены новые доказательства нарушения интересов ребенка.

Особого внимания заслуживают последствия конвалидации для добросовестных участников гражданского оборота. В соответствии с принципом добросовестности (п. 3 ст. 1 ГК РФ), конвалидация направлена на защиту тех лиц, которые, действуя разумно и осмотрительно, не знали и не должны были знать о пороках сделки. Как отмечает Т.В. Подшивалов, это особенно важно в случаях, когда одна из сторон сделки скрыла свой возраст или дееспособность, а контрагент действовал добросовестно. В такой

ситуации конвалидация позволяет сохранить сделку, предотвращая необоснованные потери для добросовестной стороны.[8]

Для сделок с участием малолетних (ст. 28 ГК РФ) и недееспособных лиц (ст. 29 ГК РФ) конвалидация имеет специфические последствия. В соответствии с позицией Верховного Суда РФ, выраженной в Обзоре судебной практики от 2016 года, такие сделки могут быть конвалидированы только при условии, что они совершены к явной выгоде недееспособного или малолетнего лица. При этом бремя доказывания выгодности сделки лежит на лице, инициирующем ее конвалидацию. Как отмечает А.К. Луканова, это правило направлено на обеспечение дополнительных гарантий защиты наиболее уязвимых участников гражданского оборота.

В процессуальном аспекте последствия конвалидации проявляются в особом порядке рассмотрения соответствующих споров. Как отмечает В.Е. Лукьяненко, суды при рассмотрении вопросов о конвалидации должны особое внимание уделять установлению фактической воли сторон, соответствия сделки интересам малолетних и недееспособных лиц, а также добросовестности участников сделки. При этом, как подчеркивается в судебной практике, сам факт длительного неоспаривания сделки может свидетельствовать о ее молчаливом одобрении.[9]

Е. В. Васьковский отмечал, что исцелению подлежат не все недействительные сделки, а только те, которые существуют, но могут быть оспорены или опровергнуты. Абсолютно ничтожные и уже уничтоженные по требованию управомоченного лица сделки невозможно обратить в действительные. [10]

Еще одной важной особенностью конвалидации является защита добросовестных участников оборота. Если контрагент не знал и не должен был знать о возрасте ребенка, а сделка была исполнена без нарушений, суды чаще склоняются к ее сохранению. Это соответствует принципу справедливости и предотвращает злоупотребления со стороны законных представителей, которые могут пытаться использовать формальные нарушения для недобросовестного расторжения выгодных сделок.

Однако конвалидация не является универсальным решением для всех случаев. Сделки, нарушающие основы правопорядка или нравственности, а также мнимые и притворные сделки не подлежат исцелению ни при каких обстоятельствах. Кроме того, даже если сделка формально соответствует интересам ребенка, но была совершена под давлением или обманом, суды обязаны отказать в ее конвалидации.

В заключение можно сказать, что конвалидация сделок с малолетними — это гибкий инструмент, который позволяет учитывать как интересы ребенка, так и потребности гражданского оборота. Однако его применение требует взвешенного подхода, основанного на тщательном анализе всех обстоятельств дела. Дальнейшее развитие этого института должно быть направлено на выработку более четких критериев оценки выгодности сделок для несовершеннолетних, а также на совершенствование механизмов судебного контроля, чтобы исключить возможность злоупотреблений. В конечном итоге, конвалидация должна служить не формальному соблюдению закона, а реальной защите прав и интересов детей в гражданско-правовых отношениях.

Список литературы:

[1] Богданова Е.Е. Принцип добросовестности в действиях сторон и проблемы оздоровления (конвалидации) недействительных сделок// Законы России.

[2] Шафикова Л.В. Квалификация сделок, совершаемых несовершеннолетними гражданами//«Научно-практический электронный журнал Аллея Науки» № 9. 2017

[3] Осипова С.В. Сделкоспособность несовершеннолетних в гражданском праве России. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара. 2007. – 22 с.

[4] Белозерцева В.В. Согласие родителей (усыновителя, попечителя) как условие действительности сделки, совершенной несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18лет // Пробелы в российском законодательстве, 2019 г. – № 4. – С. 126-129.

[5] Гонгало Б.М. Общие условия удостоверения сделок / Б.М. Гонгало // Бюллетень нотариальной практики. – 2003. - №6. – С. 15-25.

[6] Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. [по исп. и доп. 8-му изд., 1902]. 3-е изд.. М.: Статут, 2003. 831 с.

[7] Тужилова-Орданская Е.М. Конвалидация недействительных сделок в российском гражданском праве: дис. канд. юрид. наук. М., 2018.

[8] Подшивалов Т.В. Добросовестность в гражданском праве: теория и практика. М.: Статут, 2020.

[9] Лукьяненко В.Е. Современные проблемы конвалидации сделок в российском праве // Вестник гражданского права. 2019. № 3. С. 45-62.

[10] Васьковский Е. В. Учебник гражданского права.М.:Статут, 2003. 382 с.

References:

[1] E.E. Bogdanova. The principle of good faith in the actions of the parties and the problems of recovery (convalidation) of invalid transactions//Laws of Russia.

[2] Shafikova L.V. Qualification of transactions made by minor citizens//" Scientific and Practical Electronic Journal Alley of Science" No. 9. 2017

[3] Osipova S.V. Dealability of minors in the civil law of Russia. Autoref. dis.... cand. jurid. sciences. Samara. 2007. - 22 s.

[4] Belozertseva V.V. Consent of parents (adoptive parent, trustee) as a condition for the validity of a transaction made by a minor aged 14 to 18 years// Gaps in Russian legislation, 2019 - No. 4. - S. 126-129.

[5] Gongalo B.M. General Terms and Conditions for Certification of Transactions/B.M. Gongalo// Notarial Practice Bulletin. – 2003. - №6. - S. 15-25.

[6] Meyer D.I. Russian civil law: at 2 o'clock [in Spanish. and add. 8th ed., 1902]. 3rd ed.. M.: Statute, 2003. 831 pp.

[7] Tuzhilova-Ordanskaya E.M. Convalidation of invalid transactions in Russian civil law: dis. cand. jurid. sciences. M., 2018.

[8] Podshivalov T.V. Good faith in civil law: theory and practice. M.: Statute, 2020.

[9] Lukyanenko V.E. Modern problems of convalidation of transactions in Russian law//Bulletin of Civil Law. 2019. № 3. S. 45-62.

[10] Vaskovsky E.V. Textbook of civil law. M.: Statute, 2003. 382 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-115-123

ТЕЛИБЕКОВА Ирина Мендигереевна,
кандидат юридических наук, ассоциированный профессор Высшей школы естественно-гуманитарных наук Учреждения «Баишев университет», докторант ФГБО УВПО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности»,
e-mail: irina67.kz@mail.ru

ДОГОВОР ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО НАКОПИТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОПЛАТЫ ОБРАЗОВАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *Цель: Цель исследования заключается в проведении сравнительно-правового анализа договора образовательного накопительного страхования с другими видами инструментов, используемых в российском правопорядке для финансирования оплаты обучения.*

Методы: Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания, метод анализа и синтеза норм законодательства и научных трудов, эмпирический, сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования

Результаты: Анализ материалов позволил выявить особенности договора образовательного накопительного страхования и его отличие от образовательных кредитов, банковских накопительных вкладов, государственных программых поддержки семей и формирования долгосрочных сбережений граждан. Исследование показало, что договор образовательного накопительного страхования в силу самостоятельной гражданско-правовой природы имеет ряд преимуществ как механизм накопления средств, страхового обеспечения и защиты имущественных интересов граждан.

Выводы: Сформулирован вывод о договоре образовательного накопительного страхования как гражданско-правовом механизме, который, будучи перспективными и эффективным инструментом финансирования образовательных расходов на основе страховых взносов, государственной премии и инвестиционных выплат, позволит повысить гарантии целевой оплаты образования и расширит возможности формирования долгосрочных сбережений российских граждан.

Ключевые слова: *договор образовательного накопительного страхования, страхователь, страховщик, застрахованное лицо, страховая сумма, страховая защита, страховое обеспечение, образовательный кредит, банковский накопительный вклад, материнский капитал.*

Благодарности: *Выражаю благодарность и особую признательность научному консультанту, д.ю.н. Михайловой Ирине Александровне и своей семье.*

TELIBEKOVA Irina Mendigereevna,
Candidate of Law, Associate Professor Higher School of Natural Sciences and Humanities Baishev University institutions, Doctoral student of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Russian State Academy intellectual property"

EDUCATIONAL ACCUMULATIVE INSURANCE CONTRACT IN THE SYSTEM OF FINANCIAL INSTRUMENTS TO ENSURE PAYMENT FOR EDUCATION: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Annotation. *Purpose: The purpose of the study is to conduct a comparative legal analysis of the educational funded insurance contract with other types of instruments used in the Russian legal order to finance tuition fees.*

Methods: The methodological basis of the research consists of general scientific and private scientific methods of cognition, the method of analysis and synthesis of legislation and scientific works, empirical, comparative legal and formal legal research methods

Results: The analysis of the materials made it possible to identify the features of the educational accumulative insurance contract and its difference from educational loans, bank accumulative deposits, government programs for financial support of families and the formation of long-term savings of citizens. The study showed that the educational accumulative insurance contract, due to its independent civil law nature, has a number of advantages as a mechanism for accumulating funds, providing insurance and protecting the property interests of citizens.

Conclusions: The conclusion is formulated about the educational accumulative insurance contract as a civil law mechanism, which, being a promising and effective tool for financing educational expenses based on insurance premiums, state premiums and investment payments, will increase the guarantees of targeted education payments and expand the opportunities for forming long-term savings of Russian citizens.

Key words: *educational savings insurance contract, policyholder, insurer, insured person, insured amount, insurance coverage, insurance provision, educational loan, bank savings deposit, maternity capital.*

Введение

Одной из приоритетных задач государственной политики Российской Федерации (далее – РФ) является обеспечение доступности образования, внедрение новых подходов и стимулирование инвестиций со стороны государства и бизнеса в развитие человеческого потенциала [1]. Получение качественного образования, зависящее от возможностей его финансирования, обусловливает необходимость поиска новых правовых механизмов, которые позволили бы родителям накопить достаточные средства для оплаты обучения выпускника школы в будущем. Образовательное накопительное страхование представляется одним из перспективных механизмов наряду с имеющими место в российском правопорядке образовательных кредитов, банковских накопительных вкладов, государственных программ поддержки семей и формирования долгосрочных сбережений граждан. Образовательное накопительное страхование – это страховой механизм накопления средств, осуществляется на основе соответствующего гражданско-правового договора с государственным участием, заключаемого между страховщиком и страхователем-родителем.

Несмотря на существующий опыт реализации подобных моделей страхования в странах ближнего и дальнего зарубежья, договор образовательного накопительного страхования, существенно отличающийся от используемых для оплаты обучения указанных выше финансовых инструментов, пока не получил достаточного нормативного закрепления в действующем законодательстве. Широкое применение российскими страховщиками договоров образовательного страхования реализуется без государственного софинансирования или премий, так как страховые суммы, выплачиваемые страхователям, формируются исключительно за счет страховых взносов страхователя и инвестиционного дохода страховщика. Кроме того, выплата страховой суммы не имеет строгого целевого назначения, и страхователь не ограничен в ее использовании по своему усмотрению.

Несмотря на то, что еще Г.Ф. Шершеневич в своих трудах упоминал о «страховании стипендии», которое, по его мнению, «состоит в обеспечении необходимых для изучения наук материальных средств, которое достигается взносом ежегодных платежей со времени рождения ребенка», в настоящее время в научной литературе вопросы образовательного накопительного страхования исследованы фрагментарно и преимущественно с экономической точки зрения [2, с. 513]. В современных условиях актуальным является поиск эффективных гражданско-правовых механизмов доступности образования и новых инструментов финансирования оплаты обучения. В связи с этим особенности гражданско-правовой природы договора образовательного накопительного страхования позволяют рассматривать его как самостоятельный правовой механизм, обусловливают необходимость более детального анализа данного договора и его сопоставление с иными финансовыми инструментами обеспечения оплаты образования, применяемыми в Российской Федерации.

Целью настоящей статьи является проведение сравнительно-правового анализа договора образовательного накопительного страхования и определить его место в системе механизмов финансирования образования, используемых для формирования средств на оплату обучения.

Результаты проведенного исследования позволяют оценить возможности и потенциал образовательного накопительного страхования как гражданско-правового механизма, способствующего формированию долгосрочных семейных сбережений, обеспечению и защите имущественных интересов граждан и расширению возможностей финансирования образования.

Литературный обзор

В научной доктрине проблематике образовательного страхования посвящены труды авторов, рассматривающих возможности применения страхования для финансирования оплаты образовательных услуг. Среди них можно назвать таких, как У.М. Акаева, Х.З. Бадаш, А.В. Балашов, Б.С. Бурыхин, Т.В. Вишнякова, В.А. Журавлев, О. А. Затепякин, Ю.М. Махдиева, С.А. Мохначев, И.В. Тяпкина и др. [3-17]. При этом впервые понятие данному институту дал В.В. Шахов, который включив в словарь страховых терминов понятие «страхование образования», обозначил, что оно предназначено для гарантирования родителям материальных средства для оплаты образования и содержания ребенка во время обучения в высшем учебном заведении [18, с. 257].

Российские ученые, указывая на роль образовательного страхования в реализации государственных программ российской Федерации в современных социально-экономических условиях, полагают необходимым внедрение разнообразных авторских моделей образовательного страхования на законодательном уровне. В научных публикациях отмечается, что в данном институте оптимально сочетаются рыночное регулирование, основанное на частноправовом характере договора страхования, и публичный элемент в виде государственного софинансирования. Отдельные авторы затрагивают вопросы правового регулирования банковских вкладов, образовательного кредитования, государственной поддержки семей с детьми, а также программам формирования долгосрочных сбережений граждан, позволяющих финансировать оплату обучения детей в высших учебных заведениях и колледжах.

Несмотря на имеющие место работы, освещающие различных аспекты образовательного накопительного страхования, в настоящее время комплексных юридических исследований, направленных на выявление особенностей данного института, не столь много. Данные обстоятельства обусловливают актуальность изучения договора образовательного накопительного страхования как самостоятельного гражданско-правового механизма и его сопоставления с другими инструментами финансирования оплаты обучения.

Материалы и методы

В ходе исследования были использованы труды ученых, как экономистов, так и юристов, посвященные различным аспектам и организационным формам образовательного страхования, а также нормативные правовые акты, регулирующие договорные отношения в сфере страхования. Проведение сравнительной характеристики договора образовательного накопительного страхования с договорами банковского кредитования, образовательного накопительного вклада, материнского капитала обусловили необходимость изучения нормативных правовых актов, регулирующих соответствующие договоры, включая положения гражданского законодательства, законодательства, об образовании, опеки и попечительства, регулирующего предоставления банковских кредитов и открытия банковских вкладов, а также реализацию государственных программ по поддержке семей с детьми. Были проанализированы научные публикации, посвященные вопросам образовательного страхования, необходимости его правового обеспечения, особенностей концептуального содержания.

С целью изучения гражданского правоотношения, устанавливаемого в результате заключения договора образовательного накопительного страхования, во взаимосвязи с общественными отношениями были использованы общенаучные методы познания. В ходе исследования были применены такие частно-научные методы. Сравнительно-правовой метод позволил выделить особенности образовательного накопительного страхования и подчеркнуть его отличия от договора образовательного накопительного вклада, образовательного кредита и материнского капитала, а формально-юридический метод при исследовании содержания правовых норм, регулирующих соответствующие правоотношения. Использование системного метода дало возможность установить самостоятельность образовательного накопительного страхования как гражданско-правового механизма и одного из элементов системы финансирования образования.

Результаты

В результате проведенного исследования установлено, что образовательное накопительное страхование представляет собой перспективный механизм формирования целевых накоплений для оплаты обучения, сочетающий элементы страхования, накопления и возможной государственной поддержки. Проведенный сравнительно-правовой анализ показал, что данный механизм имеет ряд существенных отличий от иных финансовых инструментов, применяемых для оплаты образования. В отличие от образовательного накопительного вклада страховой дого-

вор предусматривает заранее определенную страховую сумму и регулярность страховых взносов, что способствует формированию стабильных накоплений. В отличие от образовательного кредита образовательное накопительное страхование не предполагает возникновения долговых обязательств и необходимости возврата заемных средств с процентами. Установлено, что договор образовательного накопительного страхования также отличается от мер государственной поддержки семей, таких как материнский капитал или программы долгосрочных сбережений, поскольку предусматривает строго целевое использование средств для оплаты образовательных услуг.

Полученные результаты позволяют рассматривать образовательное накопительное страхование как самостоятельный гражданско-правовой механизм, обеспечивающий накопление средств на оплату обучения, страховое обеспечение имущественных интересов страхователя-родителя и их защиту при наступлении неблагоприятных обстоятельств, связанных с жизнью и здоровьем страхователя

Обсуждение

Перейдем к рассмотрению сравнительной характеристики образовательного накопительного страхования с другими финансовыми инструментами. Следует отметить, что образовательное накопительное страхование имеет значительные преимущества перед другими финансовыми институтами, применяемыми для оплаты обучения, такими как образовательный накопительный вклад (депозит) или образовательный кредит. Проведем сравнительную характеристику образовательного накопительного страхования с другими инструментами, применяемыми в Российской Федерации для оплаты обучения.

Образовательный накопительный вклад представляет собой накопления вкладчика, сумма которых формируется за счет его средств и является его собственностью, а банк предоставляет проценты в качестве вознаграждения за хранение денег на счету (в виде накопительного депозита). Предметом договора, заключаемого между вкладчиком и банком, согласно ст. 834 Гражданского кодекса РФ (ред. от 07.07.2025) (далее – ГК РФ) является принятие банком поступившей от вкладчика денежной суммы и ее возврат с выплатой процентов на условиях, предусмотренных договором [19]. Существенные условия договора образовательного накопительного вклада (рублевый, валютный) предусматривают прием и зачисление денежных средств (сумма, наличные, безналичные), выполнение операций по счету в установленные законом или договором сроки, выполнение распоряжений вкладчика, проценты по вкладу и порядок их выплаты, порядок расторжения срочного договора. Как правило, родитель (усыновитель или законный представитель) оформляет образовательный накопительный вклад на имя ребенка.

Отличием договора образовательного накопительного вклада от образовательного накопительного страхования заключается в том, что в последнем случае стороны оговаривают размер страховой суммы и на этом основании рассчитывается размер страховых взносов, вносимых страхователем-родителем, что отчасти дисциплинирует его как сторону договора и побуждает к ежемесячному выполнению по нему своих обязанностей. В первом случае вкладчик не знает какую сумму он соберет, и конечная сумма напрямую зависит от его желания и усилий. Еще одно отличие сводится к тому, что по данному договору ребенок может с 14 лет частично воспользоваться денежными суммами (процентами от вклада), а с 18 лет может совершать любые операции без получения согласия третьих лиц. Кроме того, исходя из смысла ст. 19 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 29.09.2025) «Об опеке и попечительстве» до достижения ребенком 18 лет родители могут снимать деньги с этого вклада (с согласия органов опеки и попечительства) [20].

Российский законодатель ввел гарантирование банковских вкладов через государственную систему страхования согласно статьями 5, 11 и 12 Федерального закона от 23.12.2003 № 177-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» [21]. Государство в случае форс-мажора гарантирует возврат суммы вклада, но в ограниченном объеме. В связи с этим вкладчикам необходимо учитывать базовый лимит размещения (1,4 млн рублей), чтобы иметь возможность гарантировано возвратить свои деньги. Повышенный лимит предусматривается лишь в трех случаях: 1) если у вкладчика долгосрочный (3 года) безотзывный сертификат в виде именной ценной бумаги, подтверждающей наличие вклада на прописанных в ней условиях – в размере 2,8 млн рублей; 2) если на счету хранились денежные суммы, полученные по наследству или на основании решения суда, социальные выплаты или государственные субсидии – в размере 10 млн рублей; 3) если открыт счет эскроу (например, открывается для участия в долевом строительстве или приобретения недвижимости) – в размере 10 млн рублей. При этом безотзывный сертификат оформляется только при личном обращении, при этом счет нельзя пополнить, пролонгировать и по нему невозможно снять проценты до окончания срока его действия. При утрате безотзывного сертификата права по нему восстанавливаются в судеб-

ном порядке. Банковские вклады можно открывать как офлайн, так и онлайн, такие счета можно пролонгировать и некоторые банки предоставляют возможность пополнения и снятия процентов.

Что касается счета эскроу, то он согласно ст. 860.7 ГК РФ представляет банковский счет, контроль по которому осуществляет эскроу-агент, имеющий доверительные отношения с обеими сторонами – депонентом и бенефициаром. В договоре эскроу депонент передает денежную сумму бенефициару при наступлении предварительно оговоренных условий, причем банк в этих правоотношениях всегда независимый посредник, и он может воспользоваться правом требовать оплату своих услуг [19].

Применение эскроу счета имеет место в Республике Казахстан (далее – РК, Казахстан) в соответствии с Законом РК «О Государственной образовательной накопительной системе» от 14.01.2013 № 67-V [22]. Согласно ч. 11 ст. 11-1 указанного закона страховая организация для осуществления страховой выплаты в случае поступления выгодоприобретателя (ребенка) в зарубежную организацию образования открывает банковский счет в режиме «эскроу-счета» с ограничением права данного лица на совершение расходных операций по банковскому счету исключительно в целях оплаты образовательных услуг в зарубежную организацию образования и переводит сумму страховой выплаты на этот счет.

С 2010 г. для россиян выдаются целевые образовательные кредиты со сниженной процентной ставкой 3% согласно Положению о предоставлении государственной поддержки образовательного кредитования, утвержденному Постановлением Правительства РФ от 17.11.2025 № 1824 [23]. В соответствии со ст. 104 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об образовании в Российской Федерации» образовательный кредит предоставляется сроком на 180 месяцев банками второго уровня лицам, достигшим 14 лет (без подтверждения дохода и с согласия их родителей), поступившим на учебу в организации, которые осуществляют образовательную деятельность по основным профессиональным образовательным программам [24]. Предметом договора, заключаемого между заемщиком и банком, согласно ст. 814 гл.42 ГК РФ является передача банком заемщику в собственность денежных средств в размере и на условиях, предусмотренных договором, которые последний обязуется вернуть с уплатой процентов [19]. Обязательным требованием к договору, заключаемому в рамках образовательного кредита, является указание в нем существенных условий, таких как: сумма, срок, процентная ставка, график погашения.

Следует отметить, что образовательный кредит имеет две составные части: 1) основной образовательный кредит, соответствующий размеру стоимости обучения или части стоимости обучения; 2) сопутствующий образовательный кредит, предназначенный для оплаты проживания, питания, приобретения учебной и научной литературы и других бытовых нужд в период обучения (не более 12 прожиточных минимумов на душу населения). Основными минусами данного финансового инструмента являются: во-первых, ограниченный перечень банков, имеющих лицензию на предоставление образовательных кредитов; во-вторых, заранее определенный список государственных организаций образования, которые должны иметь действующую лицензию и аккредитацию; в-третьих, необходимость возврата заемных средств с процентами вознаграждения банку. В отличие от образовательного накопительного страхования образовательный кредит на родителей студента не оформляется.

В качестве меры поддержки российских семей с детьми с 2007 г. введен материнский капитал, однако он не имеет строго целевого назначения и не всегда используется для оплаты обучения [25]. С 01.01.2024 г. в соответствии с Федеральным законом от 10.07.2023 № 299-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» реализуется Программа долгосрочных сбережений с государственным софинансированием, участие в которой является добровольным и предполагает формирование сбережений в негосударственных пенсионных фондах на основании заключения договора (в том числе в пользу ребенка) [26]. Использование средств возможно по истечении установленного срока (15 лет), при достижении женщинами 55 лет и мужчинами 60 лет, либо при наступлении отдельных жизненных обстоятельств, включая оплату обучения.

Рассмотренные инструменты отличаются от договора образовательного накопительного страхования, который сочетает накопление средств, государственную премию и инвестиционный доход, страховое обеспечение имущественных интересов страхователя по оплате обучения ребенка в будущем и их защиту при наступлении негативных страховых случаев, связанных с жизнью и здоровьем страхователя. При этом уплата страховых взносов может продолжаться страховщиком в случае инвалидности или смерти страхователя-родителя, и отсутствует обязанность по возврату средств государству, которая характерная для образовательного кредита.

Отличительной особенность договора образовательного накопительного страхования является то, что страховщик помимо «второстепен-

ной» страховой услуги в виде страховой защиты на случай наступления негативного события, связанного с жизнью или здоровьем страхователя-родителя, предоставляет «первостепенную» страховую услугу в виде страхового обеспечения его имущественных интересов, связанных с наступлением указанных в договоре страхования события или даты. То есть в соответствии с договором образовательного накопительного страхования предоставляется комплексная страховая услуга, включающую в себя как страховую защиту, так и страховое обеспечение.

По поводу страхового обеспечения в цивилистической науке высказывались как ее основатели (А.Г. Гойхбарг, В.К. Райхер), так и соврменные ученые и исследователи (Ю.О. Болотин, А.В. Вячеславов, А.В. Константиниди, О.Л. Савенко) [27-30]. Например, В.К. Райхер указывал, что посредством страхования возможно «обеспечение каждого из участников торгового (сухопутного или морского) коллектива» [27]. Согласно точке зрения А.Г. Гойхбарга функция страхования соответствует ее цели по общему обеспечению от последствий вреда или недостатка финансовых средств [28, с. 31-32]. Современные ученые утверждают, что страхование направлено на «обеспечение возможной потребности» и представляет собой бесперебойную форму обеспечения процесса хозяйствования при наступлении различных природных, экономических, социальных событий [29, с. 14-17; 30].

Учитывая рассмотренные точки зрения ученых об образовательном накопительном страховании и изученную сравнительную характеристику инструментов финансирования оплаты обучения, представляется, что ведение гражданско-правового механизма на основе заключения договора образовательного накопительного страхования может дополнить перечень инструментов, посредством которых российское государство реализует свои правовые, социальные и экономические функции, и которые направлены не только на обеспечение реализации возможностей и прав граждан на получение образования и оплату обучения.

Выводы

Резюмируя изложенное выше, можно сделать вывод о том, что договор образовательного накопительного страхования представляет собой самостоятельный гражданско-правовой механизм накопления средств для оплаты обучения в будущем, и занимает особое место в системе инструментов, используемых в соответствии с российским законодательством для финансирования оплаты обучения. Сравнительно-правовой анализ договора образовательного накопительного страхования показал его существенные отличия от договора банковского накопительного вклада, которые заключаются в том, что страховщик и страхователь-родитель заранее оговаривают в договоре страхования определенную страховую сумму, подлежащую выплате при наступлении страхового случая, а систематичность страховых взносов дисциплинирует страхователя. От договорных отношений, устанавливаемых при выдаче образовательного кредита, договор образовательного накопительного страхования отличается отсутствием долговых обязательств и необходимости возвращать заемные средства и вознаграждение банку. Еще одной отличительной особенностью договора образовательного накопительного страхования является строго целевое назначение страховой суммы путем ее перечисления строго на счет организации образования. Это в значительной мере гарантирует использование накопленных средств по назначению при непосредственном наступлении страхового случая в виде поступления в организацию образования. В силу этого данный гражданско-правовой механизм также существенно отличается от материнского капитала, который предоставляется в качестве осуществления государственной программы по поддержке семей с детьми.

Таким образом, договор образовательного накопительного страхования не только позволяет накопить средства для оплаты обучения, получить страховое обеспечения имущественных интересов страхователя и их страховую защиту, но и исключает доступ страхователя-родителя и ребенка напрямую к накопленным средствам и риск их использования на другие нужды, а также повышает гарантию финансирования оплаты обучения вне зависимости от семейных обстоятельств.

Список литературы:

[1] III Международный форум министров образования «Формируя будущее» (11-12 июня 2025 г., Г. Казань, РФ). URL: https://forumedu.press/ (дата обращения: 17.01.2026).

[2] Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2017. – 832 с., С. 513.

[3] Бадаш Х.З. Балашов А.В., Реализация оплаты образовательных услуг в вузах с использованием ценных бумаг // Университетское управление: практика и анализ. – 1998. – №1 (4). – С. 3-7.

[4] Балашов А.В. Привлечение средств оплаты образовательных услуг через страховой рынок // Университетское управление: практика и анализ. – 1998. – № 1 (4). – С. 20-23.

[5] Бурыхин Б.С., Затепякин О.А. Обеспечение качества образования на основе государственного образовательного страхования // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2011. – № 3 (15). – С. 193-206.

[6] Вишнякова Т.В. Роль страхового фонда в развитии системы образовательного кредитования // Молодой ученый. – 2009. – № 4 (4). – С. 63-67

[7] Журавлев В. А. Инвестиции и новые финансовые проекты в образовании // Университетское управление: практика и анализ. – 2002. – № 1. – С. 52-54.

[8] Затепякин О.А. Необходимость правового обеспечения образовательного страхования [Текст] / О.А. Затепякин // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований, 2008». Том 14. Юридические и политические науки. – Одесса: Черноморье, 2008. – С. 26-29.

[9] Затепякин О. Концептуальное содержание образовательного страхования // Российский экономический интернет-журнал [Электронный ресурс]: Интернет-журнал АТиСО / Акад. труда и социал. Отношений -. журн. - М.: АТиСО, 2008. http://www.e-rej.ru/Articles/2008/Zatepyakin.pdf; https://www.e-rej.ru/publications/117/%D0%B7/ (дата обращения: 17.01.2026).

[10] Затепякин О. Теоретическая модель фонда образовательного страхования // Российский экономический интернет-журнал [Электронный ресурс]: Интернет-журнал АТиСО / Акад. труда и социал. отношений - Электрон. журн. - М.: АТиСО, 2008. http://www.e-rej.ru/Articles/2008/Zatepyakin.pdf; https://www.e-rej.ru/publications/117/%D0%B7/ (дата обращения: 17.01.2026).

[11] Затепякин О.А. Необходимость государственного страхования сферы образования // Человек и труд. – 2010. – № 6. – С. 18-20.

[12] Затепякин Олег Аркадьевич Роль и место образовательного страхования в формировании рабочей силы // Baikal Research Journal. 2011. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/roli-mesto-obrazovatelnogo-strahovaniya-v-formirovanii-rabochey-sily (дата обращения: 17.01.2026).

[13] Махдиева Ю. М. Направления государственного стимулирования развития накопительного образовательного страхования в России // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2019. – Том. 5. – № 18. – С. 91-96.

[14] Махдиева Ю.М. К вопросу о перспективах развития образовательного страхования в России // Вестник экспертного совета. - 2018. - №1-2 (12-13). - С. 182-186.

[15] Махдиева Ю.М., Акаева У.М. Перспективы развития образовательного страхования на основе применения современных инструментов маркетинга // В сборнике: Проблемы и перспективы формирования маркетинговых стратегий в условиях нестабильных рынков. Материалы III Международной научно-практической конференции. Кубанский государственный университет; Отв. ред. А.Н. Костецкий. 2018. С. 123-128.

[16] Мохначев С.А. Финансовые аспекты конкурентоспособности вуза // Финансы и кредит. – 2007. – №41 (281). – С. 65-69.

[17] Тяпкина И.В. Правовой механизм реализации конституционного права на образования в средних и высших профессиональных учебных заведениях в России: дис… канд. юрид. наук. – Москва, 2009. – 239 с., С. 190-197.

[18] Словарь страховых терминов / Под ред. Е. В. Коломина, В. В. Шахова. – М.: Финансы и статистика, 1991. – 336 с., С. 257.

[19] Гражданский кодекс Российской Федерации часть 2 (ГК РФ ч. 2) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 17.01.2026).

[20] Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 29.09.2025) «Об опеке и попечительстве». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/ (дата обращения: 17.01.2026).

[21] Федеральный закон от 23.12.2003 № 177-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45769/ (дата обращения: 17.01.2026).

[22] Закон РК «О государственной образовательной накопительной системе» от 14.01.2013 г. № 67-V. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000067 (дата обращения: 17.01.2026).

[23] Постановление Правительства РФ от 17.11.2025 № 1824 «Об утверждении Положения о предоставлении государственной поддержки образовательного кредитования». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511210021 (дата обращения: 17.01.2026).

[24] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об образовании в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 17.01.2026).

[25] Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 N 256-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения: 17.01.2026).

[26] Федеральный закон от 10.07.2023 № 299-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451696/ (дата обращения: 17.01.2026).

[27] Райхер В. К. Общественно-исторические формы страхования. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1947, 291 с., С. 41. UR: https://dspace.spbu.ru/handle/11701/19056 (дата обращения 17.01.2026).

[28] Гойхбарг А. Г. Единое понятие страхового договора: (вступительная лекция к курсу страхового права, прочитанная в Институте Высших Коммерческих Знаний) / А. Г. Гойхбарг. – Санкт-Петербург: типография т-ва «Общественная Польза», 1914. – 32 с., С. 31-32

[29] Вячеславов А.В., Константиниди А.В. Вопросы страхования (для предпринимателей): Учебное пособие. Московский государственный институт радиотехники, электроники и автоматики (технический университет). – М.: 2002. – 60 с., С. 14-17.

[30] Савенко О.Л., Болотин Ю.О. Устойчивое развитие страхового рынка в современных условиях: концептуальные основы и инструменты обеспечения // Вестник евразийской науки. 2019. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivoe-razvitie-strahovogo-rynka-v-sovremennyh-usloviyah-kontseptualnye-osnovy-i-instrumenty-obespecheniya (дата обращения: 17.01.2026).

References:

[1] III International Forum of Ministers of Education “Shaping the Future” (June 11-12, 2025, Kazan, RF). URL: https ://forumedu.press/(access date: 17.01.2026).

[2] Shershenevich G.F. Favorites. T. 5: Textbook of Russian civil law/Entry. word, comp.: P.V. Krasheninnikov. - M.: Statute, 2017. - 832 p., S. 513.

[3] Badash H.Z. Balashov A.V., Implementation of payment for educational services in universities using securities//University management: practice and analysis. – 1998. – №1 (4). - S. 3-7.

[4] A.V. Balashov. Attraction of funds for payment of educational services through the insurance market//University Administration: Practice and Analysis. – 1998. – № 1 (4). - S. 20-23.

[5] Burykhin B.S., Zatepyakin O.A. Ensuring the quality of education on the basis of state educational insurance//Bulletin of Tomsk State University. Economics. – 2011. – № 3 (15). - S. 193-206.

[6] Vishnyakova T.V. The role of the insurance fund in the development of the educational lending system//Young scientist. – 2009. – № 4 (4). - S. 63-67

[7] Zhuravlev V.A. Investments and new financial projects in education//University management: practice and analysis. – 2002. – № 1. – С. 52-54.

[8] Zatepyakin O.A. The need for legal support of educational insurance [Text]/O.A. Zatepyakin// Collection of scientific works based on the materials of the international scientific and practical conference “Modern directions of theoretical and applied research, 2008.” Volume 14. Legal and political sciences. - Odessa: Black Sea, 2008. - S. 26-29.

[9] Zatepyakin O. Conceptual content of educational insurance//Russian Economic Online Magazine [Electronic Resource]: ATiSO/Acad Online Magazine. labor and social. Relationships -. journal. - M.: ATiSO, 2008. http://www.e-rej.ru/Articles/2008/Zatepyakin.pdf; https://www.e-rej.ru/publications/117/%D0%B7/ (accessed on: 17.01.2026).

[10] Zatepyakin O. Theoretical model of the educational insurance fund//Russian Economic Online Journal [Electronic Resource]: ATiSO/Acad Online Journal. labor and social. relations - Electron. journal. - M.: ATiSO, 2008. http://www.e-rej.ru/Articles/2008/Zatepyakin.pdf; https://www.e-rej.ru/publications/117/%D0%B7/ (accessed on: 17.01.2026).

[11] Zatepyakin O.A. The need for state insurance of the education sector//Man and labor. – 2010. – № 6. - S. 18-20.

[12] Zatepyakin Oleg Arkadyevich Role and place of educational insurance in the formation of the workforce//Baikal Research Journal. 2011. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-obrazovatelnogo-strahovaniya-v-formirovanii-rabochey-sily (дата обращения: 17.01.2026).

[13] Makhdieva Yu. M. Directions of state incentives for the development of funded educational insurance in Russia//Economics and management: problems, solutions. – 2019. - Volume. 5. – № 18. - S. 91-96.

[14] Makhdieva Yu.M. On the prospects for the development of educational insurance in Russia// Bulletin of the Expert Council. - 2018. - No. 1-2 (12-13). - S. 182-186.

[15] Makhdieva Yu.M., Akaeva U.M. Prospects for the development of educational insurance based on the use of modern marketing tools//In the collection: Problems and prospects for the formation of marketing strategies in unstable markets. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. Kuban State University; Resp. ed. A.N. Kostetsky. 2018. S. 123-128.

[16] Mokhnachev S.A. Financial aspects of university competitiveness//Finance and credit. – 2007. – №41 (281). - S. 65-69.

[17] Tyapkina I.V. The legal mechanism for the realization of the constitutional right to education in secondary and higher professional educational institutions in Russia: dis... cand. jurid. sciences. - Moscow, 2009. - 239 p., S. 190-197.

[18] Dictionary of insurance terms/Ed. E.V. Kolomina, V.V. Shakhova. - M.: Finance and Statistics, 1991. - 336 p., S. 257.

[19] Civil Code of the Russian Federation, Part 2 (Civil Code of the Russian Federation, Part 2) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (date of application: 17.01.2026).

[20] Federal Law of 24.04.2008 No. 48-FZ (as amended by 29.09.2025) “ On Guardianship and Guardianship.” URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/ (access date: 17.01.2026).

[21] Federal Law No. 177-FZ dated 23.12.2003 (rev. dated 31.07.2025) “ On Insurance of Deposits with Banks of the Russian Federation” URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45769/ (circulation date: 17.01.2026).

[22] Law of the Republic of Kazakhstan “On the State Educational Funded System” of 14.01.2013 No. 67-V. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000067 (access date: 17.01.2026).

[23] Decree of the Government of the Russian Federation of 17.11.2025 No. 1824 “On approval of the Regulation on the provision of state support for educational lending.” URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511210021 (access date: 17.01.2026).

[24] Federal Law No. 29.12.2012 of 273-FZ (as amended 29.12.2025) “ On Education in the Russian Federation.” URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ ((access date: 17.01.2026).

[25] Federal Law “On Additional Measures of State Support for Families with Children” of 29.12.2006 N 256-FZ (latest edition). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (access date: 17.01.2026).

[26] Federal Law No. 10.07.2023 dated 299-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation.” URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_451696/ (access date: 17.01.2026).

[27] Reicher V.K. Social and historical forms of insurance. - Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1947, 291 p., S. 41. UR: https://dspace.spbu.ru/handle/11701/19056 (date of circulation 17.01.2026).

[28] Goikhbarg A. G. A single concept of an insurance contract: (introductory lecture to the insurance law course given at the Institute of Higher Commercial Knowledge)/A. G. Goikhbarg. - St. Petersburg: printing house of the Public Benefit, 1914. - 32 p., S. 31-32

[29] Vyacheslavov A.V., Konstantinidi A.V. Insurance issues (for entrepreneurs): Textbook. Moscow State Institute of Radio Engineering, Electronics and Automation (Technical University). - M.: 2002. - 60 p., S. 14-17.

[30] Savenko O.L., Bolotin Yu.O. Sustainable development of the insurance market in modern conditions: conceptual foundations and support tools// Bulletin of Eurasian Science. 2019. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivoe-razvitie-strahovogo-rynka-v-sovremennyh-usloviyah-kontseptualnye-osnovy-i-instrumenty-obespecheniya (дата обращения: 17.01.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-124-130

БАШАРИМОВ Юрий Петрович,
кандидат исторических наук,
доцент АНО ВО «Белгородский университет
кооперации, экономики и права»,
Липецкий институт кооперации (филиал),
г. Липецк, Россия,
e-mail: Basharimov.juri@yandex.ru

РАЗУМОВСКИЙ Владимир Юрьевич,
кандидат политических наук,
доцент АНО ВО «Белгородский университет
кооперации, экономики и права»,
Липецкий институт кооперации (филиал),
г. Липецк, Россия,
e-mail: vrazumovsky@yandex.ru

ЧЕРНЫХ Александр Викторович,
кандидат исторических наук,
доцент РАНХиГС при Президенте Российской Федерации,
Липецкий филиал, Липецкий институт кооперации (филиал),
г. Липецк, Россия,
e-mail: chernicha201986@yandex.ru

КОЛЛЕДЖ КАК НОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА РОССИИ. МЕСТНАЯ ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА И «РАБОЧИЙ ВОПРОС»

Аннотация. *В данной статье идёт речь о колледже как новом типе учреждения среднего профессионального образования в России, его роли в решении «рабочего вопроса». Цель статьи – исследование его динамики в условиях национальной образовательной парадигмы посредством институционального и функционального подходов, в рамках различных видов анализа. Здесь рассматривается генезис колледжа как учреждения среднего профессионального образования в других странах мира, а также в царской и советской России. Статья акцентирует внимание на задачах и приоритетах колледжей в решении «рабочего вопроса» современным Российским государством, роли в этом процессе местной правящей элиты.*

В то же время в фокусе исследования находятся возникшие в этой связи противоречия, их последствия для отечественной системы образования в целом. В заключении предлагается ряд мер, призванных устранить возникшие негативные тенденции в решении «рабочего вопроса» в России.

Ключевые слова: *правящая элита, ЕГЭ, ОГЭ, Единый вступительный экзамен, колледж, кадровый потенциал, молодежный социум, «синие воротнички», рабочий вопрос, школа, вуз.*

BASHARIMOV Yuri Petrovich,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Belgorod University
of Cooperation, Economics, and Law,
Lipetsk Institute of Cooperation (branch), Lipetsk, Russia

RAZUMOVSKY Vladimir Yurievich,
Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the Autonomous Non-Profit
Educational Institution of Higher Education
“Belgorod University of Cooperation, Economics and Law”,
Lipetsk Institute of Cooperation (Branch) Lipetsk, Russia

CHERNYKH Alexander Viktorovich,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of RANHiGS at The President of the Russian Federation; Lipetsk branch,
Lipetsk Institute of Cooperation (Branch)
Lipetsk, Russia

COLLEGE AS A NEW EDUCATIONAL PARADIGM IN RUSSIA. THE LOCAL RULING ELITE AND THE "WORKING QUESTION"

Annotation. *This article is about the college as a new type of institution of secondary vocational education in Russia, its role in solving the "work issue". The purpose of the article is to study its dynamics in the conditions of the national educational paradigm through institutional and functional approaches, within the framework of various types of analysis. Here is considered the genesis of the college as an institution of secondary vocational education in other countries of the world, as well as in Tsarist and Soviet Russia. The article focuses on the tasks and priorities of colleges in solving the "work issue" by the modern Russian state, and the role of the local ruling elite in this process. At the same time, the study examines the contradictions that have arisen in this regard, and their consequences for the Russian education system as a whole. The article concludes with a set of measures aimed at addressing the negative trends in solving the "work issue" in Russia.*

Key words: *ruling elite, USE, OGE, Unified entrance exam, college, human resources, youth society, "blue collar", working question, school, university.*

Актуальность статьи обусловлена состоянием кадрового потенциала экономики России, поиском путей его совершенствования. Система трудовых резервов СССР, где ведущую роль играло государство, уступила место рыночным отношениям. Они породили спрос на специальности, связанные с бизнесом и финансами, юриспруденцией, информационными технологиями, управлением. Эту задачу принялись решать возникшие в России негосударственные вузы, многие из которых, к сожалению, преследовали исключительно коммерческие цели. Появление на рынке труда дипломированных менеджеров, юристов, психологов с весьма слабой профессиональной подготовкой, парадоксальным образом сочеталось с огромным дефицитом рабочих специальностей. Ситуация усугублялась катастрофическим падением рождаемости, снижением численности молодежи в стране, вызванной переходом к рынку и, как следствие, политической нестабильностью, снижением уровня жизни, утратой прежних социальных гарантий.

В настоящее время наша страна столкнулась с серьёзным вызовом, связанным с состоянием реального сектора экономики. Необходимость его подъёма на основе применения технологий искусственного интеллекта, автоматизированных систем, цифровых платформ, оказалось невозможной без переориентации молодёжного социума на получение рабочих специальностей. Дефицит «синих воротничков» на рынке труда предполагается устранить с помощью системы колледжей – относительно новых для России учреждений среднего профессионального образования, призванных разрешить проблему.

Решению данной задачи посвящена риторика правящей элиты России – В.В. Путина, В.И. Матвиенко, И.Г. Артамонова, А.Ю. Воробьёва, А.В. Богомаз. Анализ возможностей колледжей, уточнение их задач для решения «рабочего вопроса» отражены в трудах И.Г. Бакановой, В.И. Долговой, Т.М. Михайловской, Г.И. Рогалёвой, И.А. Шичкина. Оценке новой образовательной парадигмы в глазах общественного мнения посвящены труды М. Аграновича, О. Барановой, Н. Вятчанина, Е. Красиловой, С. Одоевцевой. В то же время подходы к решению проблемы «синих воротничков» не в полной мере отражают концептуальное осмысление роли колледжа в современной России. В этих трудах практически не затрагиваются системные противоречия, возникшие в деятельности учреждений среднего профессионального образования, их последствия в прошлом и настоящем. Здесь почти нет оценок состояния их нынешнего студенческого социума, путей его улучшения. Наконец, данные труды почти не содержат предложений по их дальнейшему совершенствованию. Именно этим значимым для государства проблемам посвящается данная статья.

Возникшие ещё в эпоху Средневековья колледжи (так именовались университетские общины студентов и преподавателей, связанных совместным проживанием и обучением), в дальнейшем трансформировались в самостоятельные учебные заведения. Они предлагали юным гражданам

Великобритании, США, Франции и других государств в относительно короткий срок (2-3 года) и за умеренную оплату получить профессиональное образование в сфере промышленной индустрии, банковского дела, медицины, юриспруденции.

Подобный тип учебных заведений начал складываться в пореформенной России. Об этом свидетельствовала возникшая сеть промышленных, аграрных, коммерческих, правовых училищ, содержавшихся за счёт казны, а также на благотворительные пожертвования. Индустриализация СССР также обусловила подготовку специалистов, необходимых для страны, со средним профессиональным образованием на основе опыта Германии. Этот тип учебных заведений стал называться техникумом. Он появился в нашей стране в 30-е прошлого века и оказался «…центральным элементом подготовки кадров для народного хозяйства» [8, С. 64].

Своего расцвета техникумы достигли в 50-80-гг. прошлого века в СССР, и это обстоятельство было обусловлено интересами правящей элиты, направленными на укрепление обороноспособности страны. Поэтому «…качеству подготовки специалистов для нефтегазового, металлургического, военно-промышленного комплексов…» [10, С. 73] уделялось особое внимание. В профильные техникумы принимались посредством вступительных экзаменов школьники 8-10 классов, имевших в аттестате по определённым предметам не ниже оценки «хорошо». Там они получали хорошую профессиональную подготовку, и некоторым студентам во время производственной практики даже доверяли выполнение отдельных руководящих функций. Неслучайно, обладатели дипломов техникума, призванные в ряды Вооружённых сил СССР, быстро осваивали различные воинские специальности, становились командирами отделений, экипажей, расчётов, помощниками офицеров в обеспечении боеготовности. После увольнения в запас и возвращения на предприятия, они замещали должности техников, прорабов, бригадиров, продолжали успешное обучение на вечерних (заочных) отделениях профильных технических вузов.

Обучение в советском техникуме считалось престижным, о чём свидетельствовало учреждение в 1961 г. нагрудного академического знака для его выпускников.

В современной России эти учебные заведения (в начале 90-х гг. их стали именовать колледжами) одними из первых адаптировались к конъюнктуре рынка труда. Это потребовало обновления учебных программ, учета региональной специфики, а также внедрения новых подходов к обучению. Сделанная многими колледжами «…ставка на практико-ориентированных специалистов…» [13, С. 62] дополнялась требованиями быстро нарождающегося российского бизнеса, видевшего в новых кадрах задатки «…критического мышления, способности работать в команде, умение решать нестандартные профессиональные задачи…» [9, С. 20].

Данный подход обусловил мотивацию к обучению в колледже многих юношей и девушек. Их привлекала возможность быстро получить профессию, начать трудиться и, возможно, даже открыть свой бизнес. Популярность колледжей настолько возросла, что в качестве структурных подразделений их принялись учреждать многие университеты и академии России. Эти тенденции получили отражение в федеральной программе «Профессионалитет», призванной, по мнению Президента РФ В.В. Путина, «…перенастроить систему профессионального образования на запросы рынка труда» [11, С. 8.].

Её реализация началась в 2022 г. Министерством просвещения РФ в рамках национального проекта «Молодёжь и дети». Согласно утверждению спикера Совета Федерации В.И. Матвиенко, в рамках нового контента государственной политики, «…среднее профессиональное образование должно быть в числе приоритетов» [4, С. 7]. Данные идеи были активно поддержаны в субъектах РФ.

По свидетельству главы Московской области А.Ю. Воробьёва, в местных колледжах «… ребята могут приобретать специальность… и стать профессионалами своего дела…» [18, С. 12]. Для этого в 2025 г. в общеобразовательных школах ряда регионов страны (Московской, Ленинградской, Липецкой областях) был запущен пилотный проект, упростивший поступление в колледж после 9-го класса. Он предусматривал прохождение двух, а не четырех предметных испытаний. Его реализация была признана в целом успешной, и в дальнейшем, по признанию губернатора Липецкой области И.Г. Артамонова «…желающих поступить сюда станет ещё больше…» [7, С. 3].

Предполагается, что внедрение в колледжи ускоренных и гибких образовательных программ, основанных на стандартах работодателей, смещение акцента в сторону практико-ориентированной составляющей учебного процесса, способствует подготовке новых кадров для реального сектора экономики страны. Это должно устранить дефицит «синих воротничков» в промышленности, сельском хозяйстве, сфере информационных технологий, которые могут рассчитывать на помощь со стороны государства в трудоустройстве, получении высокого заработка, иных преференций. Принимаемые меры будут способствовать перестройке сознания совре-

менной российской молодёжи. В нём вместо растиражированного прессой и телевидением образа офис-менеджера, блогера (инфлюенсера), нередко осуществляющего сомнительные сделки и хорошо зарабатывающего, займет образ специалиста среднего звена, высококвалифицированного рабочего, приносящего реальную пользу стране.

Однако новая образовательная парадигма содержит в себе ряд алогичных тенденций и может стать ещё одним фрагментом в цепи неоднозначных, зачастую противоречивых реформ отечественной школы, усугубивших её кризис. Уход России из Болонского процесса в связи с внешнеполитическими событиями, обусловил создание национальной системы образования. В её основу должен лечь «…синтез всего лучшего из советского образования и опыта современности» [22]. Но принимаемые меры, к сожалению, не содержат её концептуального осмысления, и – что самое важное, оценки педагогическим сообществом, широкой общественной дискуссии по проблемам отечественной школы. Схожие тенденции можно наблюдать в обновляемом формате российских колледжей.

Их нынешний статус возник в результате оптимизации, когда техникумы, профессионально-технические училища, были объединены в единую систему – среднего профессионального образования. У истоков её создания стоял местный властвующий истеблишмент, рассчитывавший на «…реализацию ими программ не только среднего, но и начального, и даже дополнительного профессионального образования» [19, С. 79]. Эти меры, безусловно, обеспечивали управляемость, позволяли экономить средства региональных бюджетов.

Вместе с тем данные учебные заведения начали утрачивать прежнюю, ярко выражённую профессиональную специализацию. Так, Липецкий колледж индустрии сервиса осуществляет подготовку по 10 специальностям: реклама и маркетинговые коммуникации, индустрия красоты, операционная деятельность и логистика, разработка электронных устройств и систем и др [23]. Их образовательные программы содержат разные требования к уровню подготовки. В СССР некоторые из этих профессий можно было получить на краткосрочных курсах. Это уже привело к «…нехватке педагогов-специалистов, ведущих предметы профессионального цикла…» [3, С. 12], а в дальнейшем – к девальвации статуса колледжа.

Не меньше вопросов вызывает методы реализации программы «Профессионалитет». Подготовку кадров предполагается осуществлять после 9 класса в сокращённые сроки (по приоритетным направлениям до двух лет вместо прежних трех-четырех, а по сложным специальностям – до трёх лет). Смещение акцента в практику (примерно до 60% учебного времени) способствует доскональному освоению специальности, на основе новейших компьютерных технологий. В этом процессе далеко не последнюю роль играли бы знания, полученные в школе. Однако сложившаяся ранее система профобразования пополнялась, к сожалению, за счёт выпускников школ, имевших «…психологию троечника, низкий уровень успеваемости, отсутствие мотивации и желания учиться…» [2, С. 5]. В настоящее время конкурсный отбор в колледжи возрос за счёт абитуриентов с высокими баллами на Основном государственном экзамене (ОГЭ). Но для большинства поступивших характерен «…низкий уровень интеллекта, проявления мотивации… общей культуры в целом» [6, С. 58].

Получившие распространение среди определённой части молодежного социума бездеятельность, безнравственность, безответственность, не находят в настоящее время должной социально-правовой и моральной оценки со стороны Российского государства. Более того, оно в какой-то мере потакает подобным качествам, попустительствует распространению лени и невежества. В частности, желающим поступить в колледж после 9 класса предлагается сдавать только два экзамена в рамках ОГЭ (русский язык и математику). А это неизбежно «…усилит падение мотивации к изучению остальных предметов» [1, С. 6]. Бесспорно, будущий фельдшер должен иметь твердые знания по биологии и химии, а будущий автомеханик – по физике и черчению (которое, к сожалению, отменили в большинстве школ). Их призван выявить профильный ОГЭ, но отказ от него затруднит «…отбор тех, кто заинтересован в освоении профессии и планирует работать в этой сфере» [21, С. 14].

Наконец, небезынтересны причины, по которым современная молодёжь устремилась в колледжи. Одна из них (и самая главная) состоит в нежелании сдавать Единый государственный экзамен и тем самым избежать связанных с ним организационно-правовых рисков, временных затрат, эмоционально-волевых усилий, финансовых вложений. Эти тенденции парадоксальным образом сочетаются с установками части российской молодежи на получение высшего образования. Сложившейся ситуацией заинтересовались даже депутаты Государственной Думы. Поправки в законодательство отныне запрещают приём в университеты на непрофильные направления подготовки без общеустановленных испытаний, что заставит абитуриентов «…тщательнее выбирать колледж и не использовать его как вариант обхода ЕГЭ» [12, С. 23]. Всё это в дальнейшей перспективе должно найти отражение в

процессе поступления, в университет выпускников колледжей, избежавших сдачи ЕГЭ, уровень подготовки которых в большинстве своём отстает от вчерашних школьников.

Несмотря на принятые меры, качественный состав студентов колледжей оставляет желать лучшего. Превратно истолковывая принцип академической свободы, многие из них перестают посещать учебные занятия. Это происходит, как по причине личной недисциплинированности, так и вследствие необходимости подрабатывать, нередко с согласия родителей, для оплаты обучения. Возрождённый в российских колледжах и вузах институт кураторов, «…призванный улучшить учебный процесс, помочь студентам адаптироваться…» [5, С. 7] не может быть реализован в полной мере по данным причинам. Загружённость преподавателей учебной, методической и иной работой, а также отсутствие реальных механизмов влияния на студенческий социум, приводит к тому, что «…существующая система кураторства в большинстве случаев носит формальный характер» [16, С. 726]. Растёт число юношей и девушек, существенно ослабивших свою связь с колледжем, за исключением своевременной оплаты обучения. Всё это создает благоприятную почву для коррупционных отношений.

Последствия данных шагов не заставят себя долго ждать после включения в эксперимент новых субъектов РФ. Поток бодрых рапортов в Кремль о возрастающем количестве «…ребят, выбравших рабочие специальности» [17, С. 8], о чём свидетельствует глава Брянской области А.В. Богомаз, действительно обернётся приростом колледжей выпускниками 9 класса. Но их бегство от сдачи ЕГЭ будет способствовать лишь обострению «…старых проблем, таких как качество общеобразовательной подготовки» [12, С. 14].

Готовность брать всех подряд, даже девятиклассников, не сдавших ОГЭ с третьей попытки, (данная поправка в федеральный закон «Об образовании» начнёт действовать с 2026 г.) приведёт к тому, что многие питомцы колледжей не смогут освоить специальность. Подобные тенденции очень напоминают кампании по набору в советские ПТУ, и выпущенный из них «балласт» оказался ненужным ни общеобразовательной школе, ни промышленным предприятиям, ни государству в целом. Повторение подобного возможно и в наши дни.

Инициированные государством процессы скажутся на деятельности школ и вузов. Стремление правящей элиты, во что бы то ни стало закрыть «рабочий вопрос» в своих регионах породило массовые отказы в зачислении в 10 класс МОУ СОШ. Это не только противоречит федеральному закону «Об образовании», гарантирующего «…общедоступность среднего общего образования…» [24], но и ограничивает возможности «…воспитать прогрессивно мыслящее поколение в стенах школы» [20, С. 552]. Массовый уход обучающихся в колледжи неизбежно затронет российские вузы, и это может обернуться снижением конкурса, качества обучения, породить проблемы с финансированием, трудоустройством выпускников.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что изменение одного из сегментов отечественной системы образования без качественной перестройки всех остальных способствует решению (и то лишь частично) только одной проблемы. Эти процессы порождают серьёзные противоречия, которые ставят конечную цель под сомнение. К сожалению, ранее проводимые реформы отечественной школы слабо затрагивали учреждения среднего профессионального образования, не в полной мере решали проблему качественного отбора кандидатов для обучения. По некоторым специальностям оно значительно сложнее программы 10-11 классов общеобразовательной школы. С низким багажом школьных знаний большинство из будущих специалистов среднего звена вряд ли серьёзно освоят избранную профессию, а приход к станкам, точным приборам, механизмам малокомпетентных, невежественных, недисциплинированных людей лишь усугубит ситуацию на рынке труда.

Взятый Правительством РФ курс на преодоление кадрового голода в реальном секторе экономики страны не будет реализован в полной мере без широкомасштабной реформы всей системы образования, необходимость которой становится очевидной. Её лейтмотивом должно стать восстановление серьёзной, ответственной учёбы и строгой дисциплины в школах, колледжах и вузах России. Так, принцип обязательного обучения в школе должен поэтапно трансформироваться в принцип качества знаний, навыков и умений и, как следствие, отчисление систематически неуспевающих и грубо нарушающих дисциплину обучающихся, достигших 12 лет. Оно позволит решить комплекс системных проблем общеобразовательной школы и будет иметь огромное воспитательное значение. Отчисленным из школы должна быть в дальнейшем предложена индивидуальная программа реабилитации и восстановления. Поэтому представляется целесообразным дать возможность всем желающим продолжить обучение в старших классах общего направления, получить твердые базовые знания по школьным предметам.

Необходимо изменить сложившуюся практику отношений на стыке «школа-колледж». Он должен быть очищен от сложившегося невежественного и безнравственного «балласта»

посредством приёма выпускников 9 класса, набравших весомые проходные баллы на ОГЭ. (Перечень специальностей в колледже, предусматривающих два профильных экзамена, следует официально утвердить в ближайшее время). Мотивацией к серьёзному обучению должна стать также специально учреждённая для этого процедура – Единый вступительный экзамен (ЕВЭ). Его будут сдавать те выпускники колледжа, рассчитывающие на поступления в профильный вуз. Данная процедура вберёт в себя все организационные, учебно-методические и атикоррупционные практики ЕГЭ и будет проводиться в стенах вузов. Его основой следует сделать все те контрольно-измерительные материалы, отражающие программу колледжа по всем специальностям. Успешное прохождение Единого вступительного экзамена открывает возможность зачисления в любой вуз России [15, С. 64-70].

Наконец, представляется целесообразным не обучать две категории «синих воротничков» в стенах одного учебного заведения. Это обусловлено тем, что подготовка специалистов среднего звена в отличие от квалифицированных рабочих предполагает разное содержание учебной программы, требования к овладению специальностью. В этой связи очевидно следует учредить структурные подразделения промышленных предприятий – учебно-курсовые комбинаты, которые были ранее благополучно ликвидированы, куда будут принимать преимущественно лиц, имеющих полное среднее образование. Это позволит качественно улучшить кадровый потенциал для реального сектора экономики, сократив срок овладения профессией до 1-2 лет.

Комплекс представленных мер позволит приблизиться к разрешению «рабочего вопроса» в России.

Список литературы:

[1] Агранович М. Деление на два: что думают педагоги о сокращении предметов на ОГЭ? // Российская газета. 2025. 17 января. С. 6.

[2] Баканова И. Г., Капустина Л. В. «Современное развитие системы среднего профессионального образования с учётом исторического опыта России» // Концепт. 2023. № 1. С. 1–16.

[3] Баранова О.Н. Колледж-2024: проблемы и перспективы // Мой профсоюз. 2024. 8 февраля. С. 12.

[4] Вятчанин Н. Спикер Совета Федерации В. Матвиенко предложила государственную программу по модернизации колледжей // Парламентская газета. 2024.6 марта. С. 7.

[5] Иванова О.Н. Роль куратора в учебном процессе высшего учебного заведения // Мир науки (педагогика и психология). 2023. № 3. Т. 11. С. 1–9.

[6] Долгова В.И., Нуртдинова А.А. Формирование мотивации деятельности студентов в условиях конкурса «Педагогический дебют» // Современные наукоемкие технологии. 2024. № 7. С. 56–62.

[7] Красилова Е. Губернаторский набор // Первый номер. 2025 г. 3 июня. С. 5.

[8] Ноздрина Н.А. Среднее профессиональное образование в России: современное состояние, тенденции и перспективы развития (на примере Брянской области) // Педагогический журнал. 2025. № 5. С.163–170.

[9] Карасёва О.В. Качество образования в СПО: проблемы, перспективы и инновационные подходы // Научный аспект. 2023. № 3. С. 17-22.

[10] Кривко Я.П., Тишенко Е.В. Контингент обучающихся в системе среднего профессионального образования СССР во второй половине XX в. // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 4 (61). С. 67–75.

[11] Логачёва Е. Путин рассказал, как власти будут оценивать работу колледжей и вузов // Парламентская газета. 2024. 7 июня. С. 8.

[12] Мальцева В.А., Шабалина А.И. Не-обходной маневр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 5–28.

[13] Михайловская Т.М. Современные тенденции развития среднего профессионального образования // Образование в современном мире: практики цифровой трансформации: сборник трудов научно-практической конференции. Самара : изд. Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва, 2021. С. 57–65.

[14] Одоевцева С. Власти запретили выпускникам колледжей поступать без ЕГЭ в вузы // Московский комсомолец. 2025. 26 декабря.

[15] Разумовский В.Ю., Черных А. В., Пименова О.П. Единый государственный экзамен как инструмент образовательной политики России. Местная правящая элита и ЕГЭ // Право и управление. 2025. № 7. С. 64-70.

[16] Рогалёва Г.И. Кураторство – основная функция вузовского преподавателя // Молодой Учёный. 2016. № 20 (124). С. 123–126.

[17] Суворов О. Глава Брянской области Александр Богомаз предложил не принимать в вузы без «природного дара» // Известия. 2024.13 сентября.

[18] Феклисов И. Губернатор Андрей Воробьёв рассказал о запуске еще 7 кластеров по федеральной программе «Профессионалитет» // Комсомольская правда. 2024. 1 августа. С. 12.

[19] Черных О.Н. Образовательная система колледжа как социального института // Система ценностей современного общества 2022. № 3. С. 78–84.

[20] Шичкин И.А., Леднёва С.А. Генезис и тенденции развития среднего профессионального образования в России // Современное педагогическое образование. 2023. № 12. С. 548–554.

[21] Ячменникова П. Между партой и наковальней // Коммерсантъ. 2024. 27 декабря. С. 14.

[22] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (о положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства) 21 февраля 2023 г. – Режим доступа: http://www.kreml.ru (дата обращения 26.12.2025).

[23] Липецкий колледж индустрии сервиса. [официальный сайт]. – Режим доступа: https: lkis48.gosuslugi.ru (дата обращения 19.01.2026).

[24] Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон № 273: принят Государственной Думой 21 декабря 2012 г: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 г: последняя редакция. Консультант плюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 21.12.2025).

References:

[1] Agranovich M. Division into two: what do teachers think about the reduction of subjects at the OGE ?//Rossiyskaya Gazeta. 2025. January 17. S. 6.

[2] Bakanova I. G., Kapustina L. V. “Modern development of the secondary vocational education system taking into account the historical experience of Russia “//Concept. 2023. № 1. S. 1-16.

[3] Baranova O.N. College-2024: problems and prospects//My trade union. 2024. Feb. 8. S. 12.

[4] Vyatchanin N. Speaker of the Federation Council V. Matvienko proposed a state program for the modernization of colleges//Parliamentary newspaper. 2024.6 March. S. 7.

[5] Ivanova O.N. The role of the curator in the educational process of a higher educational institution//World of Science (pedagogy and psychology). 2023. № 3. T. 11. S. 1-9.

[6] Dolgova V.I., Nurtdinova A.A. Formation of motivation for students’ activities in the conditions of the Pedagogical Debut competition//Modern science-intensive technologies. 2024. № 7. S. 56-62.

[7] Krasilova E. Governor’s recruitment//First number. 2025 June 3. S. 5.

[8] Nozdrina N.A. Secondary vocational education in Russia: current state, trends and development prospects (on the example of the Bryansk region)// Pedagogical journal. 2025. № 5. P.163-170.

[9] Karaseva O.V. Quality of education in SPO: problems, prospects and innovative approaches// Scientific aspect. 2023. № 3. S. 17-22.

[10] Krivko Y.P., Tishenko E.V. Contingent of students in the system of secondary vocational education of the USSR in the second half of the twentieth century .//Business. Education. Right. 2023. № 4 (61). S. 67-75.

[11] Logacheva E. Putin told how the authorities will evaluate the work of colleges and universities//Parliamentary newspaper. 2024. June 7. P. 8.

[12] Maltseva V.A., Shabalina A.I. Non-bypass maneuver, or Boom in demand for secondary vocational education in Russia//Education issues. 2021. № 2. S. 5-28.

[13] Mikhailovskaya T.M. Modern trends in the development of secondary vocational education// Education in the modern world: practices of digital transformation: a collection of works of a scientific and practical conference. Samara: ed. Samara National Research University named after academician S.P. Korolev, 2021. S. 57-65.

[14] S. Odoevtseva. The authorities forbade college graduates to enter universities without the Unified State Exam//Moskovsky Komsomolets. 2025. December 26.

[15] Razumovsky V.Yu., Chernykh A.V., Pimenova O.P. Unified state exam as an instrument of educational policy of Russia. Local ruling elite and USE// Law and government. 2025. № 7. S. 64-70.

[16] Rogaleva G.I. Supervision is the main function of a university teacher//Young Scientist. 2016. № 20 (124). S. 123-126.

[17] Suvorov O. The head of the Bryansk region, Alexander Bogomaz, suggested not admitting to universities without a “natural gift “//Izvestia. 2024.13 September.

[18] Feklisov I. Governor Andrei Vorobyov spoke about the launch of 7 more clusters under the federal program “Professionalism “//Komsomolskaya Pravda. 2024. August 1. S. 12.

[19] Chernykh O.N. The educational system of college as a social institution//Value system of modern society 2022. № 3. S. 78-84.

[20] Shichkin I.A., Ledneva S.A. Genesis and trends in the development of secondary vocational education in Russia//Modern pedagogical education. 2023. № 12. S. 548-554.

[21] Yachmennikova P. Between the desk and the anvil//Kommersant. 2024. December 27. S. 14.

[22] Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation (on the situation in the country and the main directions of the state’s domestic and foreign policy) February 21, 2023 - Access mode: http:// www.kreml.ru (date of appeal 26.12.2025).

[23] Lipetsk College of Service Industry. [official website]. - Access mode: https: lkis48.gosuslugi.ru (access date 19.01.2026).

[24] Russian Federation. Laws. On education in the Russian Federation: Federal Law No. 273: adopted by the State Duma on December 21, 2012: approved by the Federation Council on December 26, 2012: latest edition. Consultant plus: website. URL: http://www.consultant.ru (access date: 21.12.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-131-135

ЛУКАШЕНКО Дмитрий Владимирович,
доктор психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерации,
ID orcid.org//0000-0002-0045-6062,
e-mail: dim-mail-ru@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ПЕДАГОГОВ-ОРГАНИЗАТОРОВ

Аннотация. *В статье делается вывод о структурно-содержательном потенциале новых программ обучения взрослых при сохранении кластеризации учебных модулей и форм на примере конкретной дополнительной профессиональной программы повышения квалификации педагогов и руководителей, а также раскрывается сущность современной модели обучения при подготовке специалистов, работающих в системе общего и дополнительного образования; делается акцент на организационно-методической поддержке деятельности Центров дополнительного образования «Школа полного дня», создаваемых на базе образовательных организаций общего образования в рамках реализации национального проекта «Образование». Целью исследования является актуализация кластерного подхода при повышении квалификации специалистов образования, обращается внимание на необходимость дифференциации и смешанных форматов обучения для максимального охвата специалистов школ полного дня, исходя из их направленности и опыта работы. Своевременность данной модели обучения обусловлена дефицитарностью педагогов технической направленности для работы с детьми, а также возможностью дистанционных форм повышения квалификации педагогических и руководящих работников системы образования.*

Ключевые слова: *обучение взрослых, повышение квалификации педагогов, модель обучения, школа полного дня, кластеризация учебных модулей.*

LUKASHENKO Dmitry Vladimirovich,
Doctor of Psychology, Professor, Chief Researcher,
PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation

IMPROVEMENT OF PROFESSIONAL COMPETENCIES OF HEADS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS AND TEACHERS-ORGANIZERS

Annotation. *The article concludes on the structural and content potential of new adult education programs while maintaining clustering of educational modules and forms on the example of a specific additional professional training program for teachers and managers, and also reveals the essence of the modern model of education in the training of specialists working in the system of general and additional education; emphasis is placed on organizational and methodological support for the activities of the Centers for Additional Education "Full-Time School," created on the basis of educational organizations of general education within the framework of the national project "Education." The purpose of the study is to update the cluster approach in improving the qualifications of educational specialists, attention is drawn to the need to differentiate and mixed training formats to maximize the coverage of full-time school specialists, based on their focus and work experience. The timeliness of this model of education is due to the lack of teachers of a technical orientation for working with children, as well as the possibility of remote forms of advanced training of pedagogical and leading employees of the education system.*

Key words: *adult training, advanced training of teachers, model of training, full-time school, clustering of training modules*.

В настоящее время все более актуальными представляются проблемы обучения взрослых разных специальностей и категорий работников. Эти проблемы связаны с самыми разными причинами: дефицитом кадров, многообразием и степенью качества предложений на рынке образования взрослых, развитием онлайн обучающих форматов и трудностей их выбора, выявлением полезности и практической применимости контента курсовой подготовки и пр. Целые отрасли и крупные организации успешно развивают корпоративное обучение, тогда повышение квалификации происходит внутри самой организации согласно конкретным запросам и профессиональным дефицитам ее сотрудников. Такое обучение построено на разнообразии адресных форм, которые направлены прежде всего на развитие персонала и достижение целей организации. Вопросы профессионального образования и образования взрослых неоднократно рассматривались в научных работах известных ученых С. Г. Вершловского, М. Т. Громковой, Е. М. Дорожкина, В. И. Змеёва, Э. Ф. Зеер и многих других исследователей [1, 2, 3, 4]. Сегодня обучение взрослых стало являть «пеструю картину из всевозможных образовательных услуг и учебных предложений, курсов разнородных форматов и направлений, многообразных развивающих активностей» [5].

Сама сфера образования также имеет разветвленную сеть институций, которые призваны поддерживать должный уровень компетенций педагогических и руководящих работников, отвечающий социальным запросам и современным нормативным требованиям (институты развития образования, методические и учебные центры; факультеты дополнительного профессионального образования педагогических вузов; центры непрерывного образования и пр.). Поиск новых форматов повышения квалификации педагогов и руководителей образовательных организаций идет полным ходом, появляется все больше и больше вариантов курсовой подготовки и предложений в сфере образования состоявшихся профессионалов; создаются и внедряются обучающие методики, основанные на освоении актуального опыта, знаний и навыков, необходимых в профессии.

Настоящий материал представляет модель обучения специалистов, работающих в школах полного дня; данная модель была впервые апробирована при реализации дополнительной профессиональной программы по теме «Организация деятельности Центра дополнительного образования «Школа полного дня».

В целях достижения показателей федерального проекта «Успех каждого ребенка». национального проекта «Образование» в части реализации мероприятий по созданию новых мест дополнительного образования детей принималось решение о создании на базе образовательных организаций Центров дополнительного образования, которые носят название «Школа полного дня» [6, 7, 8]. В данных центрах должны были работать специалисты, не только компетентные в той или иной направленности дополнительного образования (технической, естественнонаучной, туристско-краеведческой, художественной, физкультурно-спортивной и пр.), но способные организовать и направить послеурочную коллективную деятельность детей и подростков.

Школа полного дня позиционировалась как новый тип образовательного учреждения, где есть все условия для всестороннего развития личности, широко представлена деятельность школьников за рамками уроков. Приоритет отдавался задачам помощи каждому ученику в развитии творческих задатков и возможностей, определении в будущей профессии, подготовке ко взрослой жизни. Школа полного дня могла решать комплекс социальных и психолого-педагогических задач, усиливая взаимосвязь школы с семьей, внешкольными учреждениями, с социумом. Главное ее предназначение – обеспечить свободный выбор обучающихся по своим интересам, а также построение гибкого режима занятий, учитывающего индивидуальные особенности каждого ребенка. Это новый тип школы, открытой целый день и обеспечивающей не только максимальное раскрытие способностей ребенка, но и его всестороннее психосоциальное развитие.

В связи с этим, возникла острая необходимость подготовки специалистов для организации деятельности школ полного дня и проектировании новой программы обучения, основанной на дифференциации учебных модулей согласно направленностям дополнительного образования и категориям задействованных работников. Целью программы была обозначена актуализация и совершенствование профессиональных компетенций руководителей образовательных организаций и педагогов-организаторов как кураторов Центров дополнительного образования «Школа полного дня». Учебная трудоёмкость дисциплины составляла 72 часа, из них 54 часа – очное обучение и 18 часов – обучение в дистанционном формате; формы занятий - лекции, проблемные семинары, практикумы, выездные стажировки. Самая большая сложность состояла в одномоментном (в ходе реализации данной программы) выполнении профессиональных запросов как педагогических работников нескольких направленностей, так и руководителей школ полного дня. Так как данные школы были оснащены

новым современным оборудованием, стояла задача научить педагогов владению новыми учебными средствами. Кроме того, в подготовке таких специалистов принимали участие пять кафедр института, что требовало отдельных согласований и утверждений.

Поэтому была создана структурно-содержательная модель подготовки специалистов для работы в центре дополнительного образования (ЦДО) при общеобразовательной организации. Обоснованно применялся кластерный подход, что позволяло большую группу обучающихся (более 600 человек) дифференцировать на малые группы, где каждая группа (кластер) формировался на основе конкретного критерия: той или иной направленности дополнительного образования.

Содержание новой дополнительной профессиональной программы повышения квалификации строилось, исходя из результатов проведенного мониторинга относительно профессиональных проблем и запросов. Именно он показал дефицит педагогов по направлениям робототехники, моделирования, шахмат, военной подготовки, гончарного дела, мультстудии, фотостудии; а также педагогов, готовых работать с детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Также констатировались: отсутствие навыков работы с высокотехнологичным оборудованием, прежде всего, у педагогов технической, естественно-научной, художественной направленностей; недостаток компетенций в реализации дополнительных общеобразовательных программ с применением дистанционных образовательных технологий и проектировании современных форматов данных программ.

Исходя из вышеперечисленного, содержание рабочей программы кроме учета видов деятельности педагогов, призвана была устранить выявленные недостатки. Содержание учебных модулей программы строилось на основе выявленных методических, технологических и кадровых дефицитов и представляло такую картину.

I. сессия. Инвариантный учебный модуль: «Нормативно-правовое, программно-методическое, кадровое и организационное обеспечение ЦДО «Школа полного дня» (36 ч.) - формат веб-семинаров с подключением всех общеобразовательных организаций (всего 87 ОО), на базе которых были открыты ЦДО «Школа полного дня».

II. сессия (дифференциация по направленностям).

1-й кластер

1) Общий учебный модуль: «Работа с высокотехнологичным оборудованием: техническая и художественная направленности дополнительного образования» (28 ч.) – очный формат.

Модули по выбору:

– «Дистанционные образовательные технологии в реализации дополнительных общеобразовательных программ» (8 ч) – очный формат.
– «Особенности реализации дополнительных общеобразовательных программ для детей с ОВЗ» (8 ч.) – очный формат.

2) Общий учебный модуль: «Работа с высокотехнологичным оборудованием: естественнонаучная направленность дополнительного образования» (28 ч.)

Модули по выбору:

– «Дистанционные образовательные технологии в реализации дополнительных общеобразовательных программ» (8 ч).
– «Особенности реализации дополнительных общеобразовательных программ для детей с ОВЗ» (8 ч.) – очный формат.

3) Общие модули с применением дистанционных образовательных технологий для спортивной, туристско-краеведческой, социально-гуманитарной направленностей (36 ч.):

– «Основы проектирования дополнительных общеобразовательных общеразвивающих программ» (18 ч.).
– «Применение технических средств обучения, электронных образовательных и информационных ресурсов при реализации дополнительных общеобразовательных общеразвивающих программ» (18 ч.).

2-й и 3-й кластеры реализовались в иные сроки, содержательно повторяя реализованные модули, но уже с новыми слушателями, что позволяло охватить максимально большое количество обучающихся и подготовить специалистов для открытия школ полного дня в кратчайшее время.

Так как руководители школ полного дня проходили обучение лишь на инвариантном модуле (36 ч.), по желанию они могли выбрать любые из предлагаемых вариативных модулей в любом кластере, подходящем по тематике и срокам. Их выбор также определялся профессиональной потребностью при наличии ведущих направленностей конкретной организации (так, были школы полного дня, где приоритетной была техническая направленность, в этом случае углубленное содержание модулей позволяло руководящим кадрам более подробно осваивать логику и требования к курируемому ведущему виду деятельности).

Структурно модель обучения выглядела следующим образом (*табл.*):

Таблица. Модель обучения специалистов школ полного дня

I. сессия: инвариантный учебный модуль; участники – педагогические и руководящие работники школ полного дня.		
II.сессия: кластеризация по направленностям дополнительного образования		
1.Кластер: *срок А*	**2.Кластер: *срок Б***	**3.Кластер: *срок В***
Дифференциация по направленностям	Дифференциация по направленностям	Дифференциация по направленностям
Единый учебный модуль	*Единый учебный модуль*	*Единый учебный модуль*
Вариативные учебные модули	*Вариативные учебные модули*	*Вариативные учебные модули*

Таким образом, в результате разработки и апробации дополнительной профессиональной программы повышения квалификации по теме «Организация деятельности Центра дополнительного образования «Школа полного дня» было подготовлено и обучено значительное количество руководящих и педагогических кадров, призванных решать важную стратегическую задачу в регионе – создание новых мест дополнительного образования детей в рамках федерального проекта «Успех каждого ребенка». Обучающая программа содержательно «закрывала» профессиональные дефициты педагогических работников, а структура ее создавалась на основе кластеризации (Кластеризация – разделение большой группы объектов на малые группы, где каждый кластер (малая группа) формируются на основе конкретного критерия) учебного материала согласно различным направленностям и категориям педагогов и руководителей. Опыт реализации данной программы продемонстрировал наличие структурно-содержательного потенциала программ обучения взрослых при введении кластеризации учебных модулей и форм. О потребности в дифференциации курсов повышения квалификации в зависимости от категории сотрудников не случайно пишут современные исследователи [9]. Кроме того, предлагаемая структура модели позволила выделить наиболее дефицитарные области педагогической деятельности при организации школ полного дня, акцентируя на них внимание при построении образовательных маршрутов.

Сфера образования взрослых активно развивается, при этом каждая отрасль находится в поиске наиболее эффективных корпоративных моделей обучения сотрудников. Значимость обучения взрослых в современном мире подчеркивает президент московской школы управления «Сколково» Андрей Шаронов: «Единственный способ выжить в той непростой ситуации, которую мы переживаем, – это обучение»; он акцентирует внимание на втором и третьем трудоспособном возрасте, трендах образовательной активности уже состоявшихся специалистов и инструментах персонального развития [10].

Представленный практический материал показал значимость и необходимость проектирования обучающих программ под конкретные задачи отрасли или организации, лишь в этом случае удовлетворенность от общих результатов – преподавателей и слушателей курсов – будет оптимальной.

Список литературы:

[1] Вершловский, С. Г. Преподаватель системы постдипломного образования как андрогог / С.Г.Вершловский // Человек и образование. — 2014. — № 1 (38). — С.4—7.

[2] Громкова, М.Т. Андрагогика: теория и практика образования взрослых: учебное пособие / М.Т. Громкова // Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 497 с. — URL: https://rucont.ru/efd/351693 (дата обращения: 23.06.2025).

[3] Дорожкин, Е. М. Научно-образовательная панорама модернизации подготовки педагогов непрерывного профессионального образования / Е. М. Дорожкин, Э. Ф. Зеер, В. Я. Шевченко // Образование и наука. — 2017. — Том 19. — № 1. — С. 63–81.

[4] Змеёв, С. И. Основы андрагогики: учебное пособие / С. И. Змеёв. — Москва: ФЛИНТА, 2019. — 157 с. — URL: https://e.lanbook.com/book/115855 (дата обращения: 23.06.2025).

[5] Фадеева, С.А. Институт дополнительного профессионального образования: о трендах развития и организационной структуре // Нижегородское образование. 2024. № 2. С. 26-34. — URL: http://nizhobr.nironn.ru/sites/default/files/%D0%9D.%20%D0%9E._2_2024_0.pdf (дата обращения: 23.06.2025).

[6] Паспорт федерального проекта «Успех каждого ребенка. Приложение к протоколу заседания проектного комитета по национальному проекту «Образование» от 07 декабря 2018 г. №3.

[7] Паспорт национального проекта «Образование». Утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 года №16.

[8] Методические рекомендации по приобретению средств обучения и воспитания в целях создания новых мест в образовательных организациях различных типов для реализации дополнительных общеразвивающих программ всех направленностей в рамках региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результата Федерального проекта «Успех каждого ребенка». Письмо Министерства просвещения России от 1 ноября 2021 года № АБ – 1898/06 «О направлении методических рекомендаций».

[9] Волченкова, К.Н. Треды развития дополнительного профессионального образования // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2024. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trendy-razvitiya-dopolnitelnogo-professionalnogo-obrazovaniya (дата обращения: 26.06.2025).

[10] Шаронов, А.В. Лекция «Я:2.0» — URL: https://www.newkaliningrad.ru/news/community/13576745-andrey-sharonov-khoroshiy-rabotnik-ne-pokhozh-na-konveyer-ili-kompyuter.html (дата обращения: 23.06.2025).

References:

[1] Vershlovsky, S. G. Teacher of the postgraduate education system as an androgog/S.G. Vershlovsky//Man and Education. — 2014. — No. 1 (38). — C.4 — 7.

[2] Gromkova, M.T. Andragogika: theory and practice of adult education: a textbook/M.T. Gromkova//Moscow: UNITY-DANA, 2015. - 497 p. - URL: https://rucont.ru/efd/351693 (access date: 23.06.2025).

[3] Dorozhkin, E. M. Scientific and educational panorama of the modernization of the training of teachers of continuing professional education/E. M. Dorozhkin, E. F. Zeer, V. Ya. Shevchenko//Education and Science. — 2017. — Volume 19. — No. 1. — S. 63-81.

[4] Zmeev, S. I. Basics of andragogy: a textbook/S. I. Zmeev. - Moscow: FLINT, 2019. — 157 p. — URL: https ://e.lanbook.com/book/115855 (Accessed: 23.06.2025).

[5] Fadeeva, S.A. Institute of Additional Professional Education: on development trends and organizational structure//Nizhny Novgorod education. 2024. № 2. S. 26-34. — URL: http://nizhobr.nironn.ru/sites/default/files/%D0%9D.%20%D0%9E._2_2024_0.pdf (accessed on: 23.06.2025).

[6] Passport of the federal project “Success of every child. Appendix to Minutes of the Meeting of the Project Committee on the National Project “Education” dated December 07, 2018 No. 3.

[7] Passport of the national project “Education.” Approved by Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, protocol of December 24, 2018 No. 16.

[8] Methodological recommendations on the acquisition of educational and upbringing means in order to create new places in educational organizations of various types for the implementation of additional general development programs of all directions within the framework of regional projects that ensure the achievement of the goals, indicators and results of the Federal project “Success of every child.” Letter of the Ministry of Education of Russia dated November 1, 2021 No. AB - 1898/06 “On the direction of methodological recommendations.”

[9] Volchenkova, K.N. Tredy for the development of additional vocational education//Bulletin of SUSU. Series: Education. Pedagogical sciences. 2024. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trendy-razvitiya-dopolnitelnogo-professionalnogo-obrazovaniya (дата обращения: 26.06.2025).

[10] Шаронов, А.В. Лекция «Я:2.0» — URL: https://www.newkaliningrad.ru/news/community/13576745-andrey-sharonov-khoroshiy-rabotnik-ne-pokhozh-na-konveyer-ili-kompyuter.html (дата обращения: 23.06.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-136-140

НИКУЛИЧЕВА Ирина Васильевна,
Начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин Брянского филиала Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат педагогических наук, полковник полиции, e-mail: nik77ira@yandex.ru

БАГИРОВ Заур Русланович,
Старший преподаватель кафедры огневой подготовки Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД РФ, подполковник полиции, e-mail: zaur.bagirov.535@mail.ru

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу проблем проектирования и реализации индивидуальных образовательных траекторий в системе высшего образования Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена противоречием между декларируемым курсом на персонализацию обучения и недостаточной разработанностью организационно-педагогических механизмов её практического воплощения в условиях массового высшего образования. На основе анализа нормативных документов, научной литературы и педагогической практики выявлены ключевые проблемы, препятствующие эффективному внедрению индивидуальных образовательных траекторий: организационно-управленческие (ригидность учебных планов, отсутствие гибкого расписания), педагогические (неготовность преподавателей к тьюторскому сопровождению, дефицит методического обеспечения), психологические (низкий уровень субъектности студентов, несформированность навыков самоопределения), ресурсные (недостаточное финансирование, ограниченность кадрового потенциала). Предложены направления решения выявленных проблем, включающие модернизацию нормативной базы, развитие цифровой инфраструктуры, внедрение системы тьюторского сопровождения и формирование у студентов метакомпетенций самоорганизации и проектирования профессионального развития. Результаты исследования могут быть использованы при разработке концепций развития образовательных программ и совершенствовании образовательного процесса в вузах.*

Ключевые слова: *индивидуальная образовательная траектория, персонализация обучения, высшее образование, тьюторское сопровождение, субъектность студента, проектирование образовательного процесса.*

NIKULICHEVA Irina Vasilievna,
Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Bryansk Branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova, Candidate of Pedagogical Sciences, Police Colonel

BAGIROV Zaur Ruslanovich,
Senior lecturer at the Department of Fire Training of the North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, police lieutenant colonel,

INDIVIDUAL EDUCATIONAL TRAJECTORIES IN HIGHER EDUCATION: PROBLEMS OF DESIGN AND IMPLEMENTATION

Annotation. *The article analyzes the problems of designing and implementing individual educational trajectories in the higher education system of the Russian Federation. The relevance of the study is determined by the contradiction between the declared course towards personalization of learning and the insufficient development of organizational and pedagogical mechanisms for its practical implementation in mass higher education. Based on the analysis of regulatory documents, scientific literature and pedagogical practice, the key problems hindering the effective implementation of individual educational trajectories have been identified: organizational and managerial (rigidity of curricula, lack of flexible scheduling), pedagogical (unpreparedness of teachers for tutoring support, lack of methodological support), psychological (low level of student subjectivity, underdeveloped self-determination skills), and resource-related (insufficient funding, limited human resources). The directions for solving the identified problems are proposed, including modernization of the regulatory framework, development of digital infrastructure, introduction of a tutoring support system and formation of students' meta-competencies of self-organization and professional development design.*

Key words: *individual educational trajectory, personalization of learning, higher education, tutoring support, student subjectivity, educational process design.*

Современный этап развития высшего образования характеризуется глубинными трансформациями, обусловленными изменением социально-экономических условий, ускорением технологического развития и формированием новых требований к качеству подготовки специалистов. В условиях динамично меняющегося рынка труда, появления новых профессий и исчезновения традиционных специальностей становится очевидной необходимость перехода от унифицированных моделей обучения к гибким, адаптивным системам, способным учитывать индивидуальные особенности, потребности и профессиональные устремления каждого обучающегося.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» закрепляет право обучающихся на выбор факультативных и элективных учебных предметов, курсов, дисциплин из перечня, предлагаемого образовательной организацией, а также на обучение по индивидуальному учебному плану [1]. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования последнего поколения предусматривают значительную вариативность образовательных программ, предполагая, что доля элективных дисциплин может составлять до 40–50% от общего объёма программы [2]. Однако практика показывает, что реализация данных положений сопряжена с многочисленными трудностями организационного, педагогического, психологического и ресурсного характера.

Проблема исследования определяется противоречием между объективной потребностью в персонализации высшего образования, закреплённой на уровне государственной образовательной политики, и недостаточной разработанностью организационно-педагогических механизмов проектирования и реализации индивидуальных образовательных траекторий в условиях массового высшего образования. Данное противоречие порождает ряд частных проблем: каким образом обеспечить реальную, а не декларативную вариативность образовательных программ? Как подготовить преподавателей к работе в условиях индивидуализированного обучения? Каким образом сформировать у студентов готовность к самостоятельному проектированию собственного образовательного пути?

В рамках первого подхода индивидуальная образовательная траектория понимается преимущественно как персональный путь реализации личностного потенциала обучающегося в образовании. А. В. Хуторской определяет индивидуальную образовательную траекторию как «персональный путь реализации личностного потенциала каждого ученика в образовании», подчёркивая, что речь идёт не просто о выборе вариантов содержания образования, но о более глубоком процессе самореализации личности через образовательную деятельность [3, с. 42]. В данном понимании акцент делается на субъектной позиции обучающегося, его способности и готовности самостоятельно определять цели, содержание и способы своего образования.

Второй подход акцентирует внимание на структурно-содержательном аспекте индивидуальной образовательной траектории. Н. А. Лабунская рассматривает ИОТ как «целенаправленно проектируемую дифференцированную образовательную программу, обеспечивающую обучающемуся позицию субъекта выбора, разработки и реализации образовательной программы при осуществлении педагогами педагогической поддержки его самоопределения и самореализации» [4, с. 18]. В данном определении подчёркивается программный характер траектории, её целенаправленное проектирование и необходимость педагогического сопровождения.

Третий подход, представленный в работах Э. Ф. Зеера, связывает понятие индивидуальной образовательной траектории с более широким контекстом профессионального развития личности. Индивидуальная образовательная траекто-

рия рассматривается как составляющая индивидуальной профессиональной траектории, отражающая путь профессионального становления специалиста [5, с. 74]. При таком понимании образовательная траектория выступает инструментом достижения профессиональных целей личности и должна проектироваться с учётом перспектив профессионального развития.

Проектирование индивидуальных образовательных траекторий представляет собой сложный многоаспектный процесс, сопряжённый с рядом существенных проблем. Анализ теоретических источников и педагогической практики позволяет классифицировать эти проблемы по нескольким группам.

Первую группу составляют проблемы организационно-управленческого характера. Традиционная система организации учебного процесса в российских вузах ориентирована на групповые формы обучения с единым для всех студентов учебным планом и расписанием. Внедрение индивидуальных образовательных траекторий требует принципиально иных подходов к планированию и организации учебного процесса. Как отмечает Г. А. Краснова, большинство российских вузов испытывают серьёзные затруднения в формировании гибкого расписания, которое позволяло бы студентам выбирать курсы из разных образовательных программ и формировать индивидуальную последовательность их изучения [6, с. 112].

Существенной организационной проблемой является также отсутствие в большинстве вузов эффективных информационных систем, обеспечивающих управление индивидуальными образовательными траекториями. Такие системы должны предоставлять студентам информацию о доступных курсах и модулях, их содержании, требованиях к освоению, логических связях между ними; обеспечивать возможность формирования индивидуального учебного плана с автоматической проверкой его корректности; отслеживать прогресс студента в освоении выбранной траектории. Создание и поддержка подобных систем требует значительных финансовых и технических ресурсов.

Вторую группу проблем составляют проблемы педагогического характера. Реализация индивидуальных образовательных траекторий предполагает существенное изменение роли преподавателя: от транслятора знаний к тьютору, фасилитатору, сопровождающему индивидуальный образовательный путь студента. Е. А. Александрова справедливо указывает, что тьюторское сопровождение индивидуальных образовательных траекторий требует от педагога специфических компетенций: умения диагностировать образовательные потребности и возможности студентов, навыков консультирования по вопросам образовательного и профессионального самоопределения, способности проектировать вариативное образовательное пространство [7, с. 95]. Между тем, системная подготовка преподавателей вузов к тьюторской деятельности практически отсутствует.

Серьёзной педагогической проблемой является также дефицит методического обеспечения индивидуализированного обучения. Большинство учебных материалов, используемых в высшей школе, ориентированы на традиционную модель обучения и не учитывают возможность их включения в различные индивидуальные траектории. Необходима разработка модульных учебных материалов, онлайн-курсов с различными уровнями сложности, систем заданий, позволяющих учитывать индивидуальные особенности обучающихся.

Третья группа проблем связана с психологическими аспектами проектирования индивидуальных образовательных траекторий. Исследования показывают, что значительная часть студентов не готова к самостоятельному принятию ответственных решений относительно содержания и направленности собственного образования. И. А. Зимняя отмечает, что субъектность как интегративное качество личности, предполагающее способность к самодетерминации, самоорганизации и саморегуляции деятельности, формируется в процессе целенаправленного педагогического воздействия и не может рассматриваться как изначально присущее всем обучающимся качество [8, с. 183].

Многие студенты, особенно на младших курсах, имеют недостаточно чёткие представления о своих профессиональных интересах и склонностях, не обладают навыками анализа рынка труда и перспектив развития профессиональной сферы. В результате выбор элективных курсов и модулей осуществляется ими по случайным, несущественным критериям (простота освоения, удобство расписания, рекомендации знакомых), что девальвирует саму идею индивидуализации образования. Как отмечают Я. И. Кузьминов и его соавторы, «без специальной работы по развитию способности студентов к осознанному выбору формальное расширение вариативности образовательных программ не приводит к повышению качества образования» [9, с. 64].

Даже при успешном решении проблем проектирования индивидуальных образовательных траекторий их практическая реализация сопряжена с дополнительными трудностями.

Ресурсные ограничения представляют собой одну из наиболее существенных проблем. Реализация широкого спектра элективных курсов и модулей требует соответствующего кадро-

вого обеспечения. Между тем, преподавательский состав многих вузов формировался под традиционную модель обучения с ограниченным набором дисциплин. Привлечение дополнительных преподавателей или расширение нагрузки имеющихся связано со значительными финансовыми затратами. Аналогичная ситуация складывается с материально-техническим обеспечением: реализация специализированных курсов нередко требует оборудования, которым вуз не располагает.

Проблема обеспечения качества образования при реализации индивидуальных образовательных траекторий также заслуживает особого внимания. Как справедливо отмечает С. Д. Смирнов, традиционные механизмы контроля качества образования ориентированы на оценку освоения унифицированных образовательных программ [10, с. 256]. При переходе к индивидуальным траекториям возникает вопрос о сопоставимости результатов обучения студентов, освоивших различные комбинации курсов и модулей. Необходима разработка новых подходов к оценке качества, основанных не на проверке усвоения стандартизированного содержания, а на оценке сформированности компетенций и готовности к решению профессиональных задач.

На нормативно-правовом уровне необходимо дальнейшее совершенствование законодательства в части, касающейся реализации права обучающихся на индивидуальные образовательные траектории. Требуется более детальная регламентация порядка формирования индивидуальных учебных планов, механизмов признания результатов обучения, полученных в рамках сетевых программ и программ академической мобильности, а также порядка выдачи документов об образовании при освоении индивидуальных траекторий.

На институциональном уровне вузам необходимо осуществить трансформацию организационных структур и процессов для обеспечения возможности реализации индивидуальных образовательных траекторий. Это предполагает: переход от жёсткого расписания к модульной организации учебного процесса с гибким графиком освоения модулей; создание специализированных подразделений (центров академического консультирования, тьюторских служб), обеспечивающих сопровождение студентов в проектировании и реализации индивидуальных траекторий; развитие внутривузовской и межвузовской академической мобильности.

На технологическом уровне необходимо развитие цифровой инфраструктуры, обеспечивающей управление индивидуальными образовательными траекториями. Современные цифровые платформы позволяют автоматизировать процессы формирования индивидуальных учебных планов, отслеживания прогресса обучающихся, предоставления персонализированных рекомендаций по выбору курсов и модулей. Особую роль могут сыграть технологии искусственного интеллекта и анализа больших данных, позволяющие прогнозировать успешность освоения тех или иных курсов конкретным студентом и формировать оптимальные рекомендации [6, с. 118].

Преодоление выявленных проблем требует согласованных действий на нормативно-правовом, институциональном, технологическом и педагогическом уровнях. Ключевыми направлениями являются: совершенствование нормативной базы; модернизация организационных структур и процессов вузов; развитие цифровой инфраструктуры; подготовка преподавателей к тьюторской деятельности; формирование у студентов метакомпетенций самоорганизации и образовательного самоопределения.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2012. — № 53 (ч. 1). — Ст. 7598.

[2] Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 06.04.2021 № 245 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.01.2024).

[3] Хуторской, А. В. Методика личностно-ориентированного обучения. Как обучать всех по-разному?: пособие для учителя / А. В. Хуторской. — Москва: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2005. — 383 с.

[4] Лабунская, Н. А. Индивидуальный образовательный маршрут студента: подходы к раскрытию понятия / Н. А. Лабунская // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2002. — Т. 2. — № 3. — С. 13–25.

[5] Зеер, Э. Ф. Психология профессионального развития: учебное пособие / Э. Ф. Зеер. — Москва: Академия, 2009. — 240 с.

[6] Краснова, Г. А. Цифровая трансформация высшего образования: международный опыт и отечественная практика / Г. А. Краснова // Высшее образование в России. — 2022. — Т. 31. — № 4. — С. 108–123.

[7] Александрова, Е. А. Педагогическое сопровождение индивидуального образовательного маршрута / Е. А. Александрова // Известия

Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. — 2019. — Т. 8. — № 4. — С. 90–98.

[8] Зимняя, И. А. Педагогическая психология: учебник для вузов / И. А. Зимняя. — 3-е изд., пересмотр. — Москва: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2010. — 448 с.

[9] Кузьминов, Я. И. Как сделать высшее образование драйвером развития экономики и общества / Я. И. Кузьминов, Д. С. Семёнов, И. Д. Фрумин // Вопросы образования. — 2021. — № 3. — С. 58–89.

[10] Смирнов, С. Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности: учебное пособие / С. Д. Смирнов. — 6-е изд., испр. — Москва: Академия, 2014. — 400 с.

References:

[1] Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ “On Education in the Russian Federation” (as amended on 29.12.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2012. - No. 53 (part 1). - Art. 7598.

[2] Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of 06.04.2021 No. 245 “On approval of the Procedure for organizing and implementing educational activities in educational programs of higher education - undergraduate programs, specialty programs, master’s programs “// Official Internet portal of legal information. - URL: http://pravo.gov.ru (access date: 15.01.2024).

[3] Khutorskaya, A. V. Methodology of personality-oriented training. How to teach everyone differently?: a manual for a teacher/A.V. Khutorskaya. - Moscow: VLADOS-PRESS, 2005. - 383 p.

[4] Labunskaya, N. A. Individual educational route of a student: approaches to the disclosure of the concept/N. A. Labunskaya//News of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen. — 2002. - VOL. 2. — № 3. - S. 13-25.

[5] Seer, E.F. Psychology of Professional Development: A Study Guide/E.F. Seer. - Moscow: Academy, 2009. - 240 s.

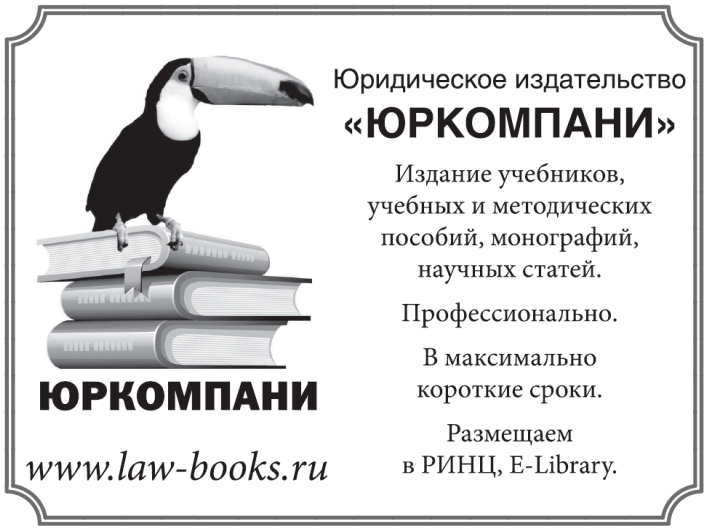
[6] Krasnova, G. A. Digital transformation of higher education: international experience and domestic practice/G. A. Krasnova//Higher education in Russia. — 2022. - VOL. 31. — № 4. - S. 108-123.

[7] Alexandrova, E. A. Pedagogical support of an individual educational route/E. A. Alexandrova// Izvestia Saratov University. New series. Series: Acmeology of Education. Developmental psychology. — 2019. - VOL. 8. — № 4. - S. 90-98.

[8] Winter, I. A. Pedagogical psychology: a textbook for universities/I. A. Winter. - 3rd ed., Revision. - Moscow: MPSI; Voronezh: MODEK, 2010. - 448 s.

[9] Kuzminov, Ya. I. How to make higher education a driver of the development of the economy and society/Ya. I. Kuzminov, D. S. Semenov, I. D. Frumin// Education issues. — 2021. — № 3. - S. 58-89.

[10] Smirnov, S. D. Pedagogy and psychology of higher education: from activity to personality: textbook/S. D. Smirnov. - 6th ed., Isp. - Moscow: Academy, 2014. - 400 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-141-145

РЯСОВ Александр Алексеевич,
Профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

БАГИРОВ Заур Русланович,
Старший преподаватель кафедры огневой подготовки
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА В ОБЛАСТИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу актуальных проблем, связанных с подготовкой профессорско-преподавательского состава в области раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В условиях стремительного роста киберпреступности и возрастающей сложности цифровых правонарушений, подготовка высококвалифицированных специалистов приобретает стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности и общественного порядка.*

Современные образовательные системы и правоохранительные структуры сталкиваются с серьёзными трудностями при формировании профессиональных компетенций у преподавательского состава. Основными барьерами, тормозящими процесс трансформации, являются несоответствие темпов цифровой трансформации и обновления учебных курсов, низкий уровень цифровой грамотности педагогов, дефицит актуального оборудования и слабо налаженная система непрерывного профессионального развития. Эти факторы снижают эффективность подготовки специалистов, способных оперативно реагировать на вызовы современности.

Для преодоления данных препятствий в статье предлагаются комплексные меры: создание целевых программ переподготовки, ориентированных на практическое освоение цифровых инструментов и методик; внедрение симуляционных, кейс-методов и геймифицированных форматов обучения, способствующих формированию реальных профессиональных навыков. Особое значение придаётся формированию устойчивых межведомственных связей между вузами и профильными органами — таким образом обеспечивается непрерывная адаптация образовательных стандартов к реальным потребностям рынка труда и оперативным задачам правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: *профессорско-преподавательский состав, подготовка кадров, киберпреступность, информационно-телекоммуникационные технологии, информационная безопасность, компьютерная криминалистика, практикоориентированный подход.*

RYASOV Alexander Alekseevich,
Professor of the Department of Criminal
Procedure and Criminalistics of the Stavropol Branch
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor

BAGIROV Zaur Ruslanovich,
Senior lecturer at the Department of Fire Training
of the North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

PROBLEMS OF TEACHING STAFF TRAINING IN THE FIELD OF DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO THE USE OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive analysis of current problems related to the training of teaching staff in the field of disclosure and investigation of crimes committed using information and telecommunication technologies. In the context of the rapid growth of cybercrime and the increasing complexity of digital offenses, the training of highly qualified specialists is of strategic importance for ensuring national security and public order.*

Modern educational systems and law enforcement agencies face serious difficulties in developing professional competencies among teaching staff. The main barriers hindering the transformation process are the discrepancy between the pace of digital transformation and the updating of training courses, the low level of digital literacy of teachers, the shortage of up-to-date equipment and a poorly established system of continuous professional development. These factors reduce the effectiveness of training specialists who are able to respond promptly to modern challenges.

To overcome these obstacles, the article suggests comprehensive measures: the creation of targeted retraining programs focused on the practical development of digital tools and techniques; the introduction of simulation, case-based methods and gamified learning formats that contribute to the formation of real professional skills. Special importance is attached to the formation of stable interdepartmental relations between universities and relevant authorities, thus ensuring the continuous adaptation of educational standards to the real needs of the labor market and the operational tasks of law enforcement.

Key words: *faculty, staff training, cybercrime, information and telecommunication technologies, information security, computer forensics, practice-oriented approach.*

Современный мир стремительно развивается благодаря информационным технологиям, и вместе с этим растет количество преступлений, совершаемых с использованием цифровых инструментов. Борьба с такими правонарушениями требует глубоких знаний и специфических навыков, которыми должны обладать сотрудники правоохранительных органов. Именно поэтому регулярное повышение квалификации сотрудников полиции становится неотъемлемой частью профессиональной деятельности.

Устойчивая диспропорция между учебными программами и реальными требованиями правоохранительной практики порождает цепную реакцию негативных последствий, угрожающих эффективности подготовки кадров в сфере расследования киберпреступлений.

Таким образом, курсанты и слушатели получают фрагментарные, устаревшие или поверхностные знания, не позволяющие им оперативно интегрироваться в рабочие процессы. Отсутствие системного подхода к формированию практических навыков превращает обучение в академическую формальность, а не в подготовку к реальным вызовам.

Кризис в подготовке кадров для цифровой криминалистики в системе МВД не сводится к количественному дефициту выпускников — он представляет собой фундаментальный системный дисбаланс, в котором опытные специалисты, обладающие уникальными практическими компетенциями в области извлечения данных из зашифрованных носителей, восстановления следов в облачных экосистемах и реконструкции криптовалютных транзакций, оказываются заложниками оперативной необходимости. Их уход из практики не просто оставляет вакуум — он приводит к деградации институционального знания, поскольку передача опыта становится невозможной в условиях отсутствия формализованных механизмов наставничества и академической легитимации практики. В результате ключевые эксперты изолируются в рамках оперативных подразделений, их знания стагнируют, а новейшие угрозы остаются вне поля их внимания. Такая изоляция порождает парадокс: те, кто способен расследовать подобные преступления, становятся невидимыми для образовательной системы, а система, в свою очередь, теряет контакт с реальностью.

Преподавательский состав, в свою очередь, всё чаще состоит из специалистов, чьи профессиональные компетенции не обновлялись в течение нескольких лет. Их учебные материалы, зачастую основанные на устаревших методиках 2010-х годов, продолжают транслировать представления о цифровом следе как о физическом артефакте, хранящемся на жёстких дисках, и о расследовании как о последовательности шаблонных действий, применимых к устаревшим

ОС. В то же время современные преступные практики смещаются в сторону асинхронных, динамичных и децентрализованных сред: Telegram-каналы с эфемерными сообщениями, блокчейн-транзакции, скрытые в смарт-контрактах, и AI-генерируемые подделки, не оставляющие традиционных цифровых отпечатков. Выпускники, прошедшие такое обучение, оказываются не подготовленными к интерпретации следов, не существующих в рамках их учебных моделей — они не умеют деконструировать структуру анонимных сетей, не знакомы с инструментами автоматизированного сбора данных из социальных платформ. Таким образом, образовательная система производит не специалистов, а «пользователей прошлого» — людей, воспринимающих цифровой мир как черно-белый архив, в то время как преступность уже давно перешла в многомерное, адаптивное и самообучающееся пространство.

Не менее критичен разрыв между учебными программами и инструментальной базой оперативной практики. Обучаемые осваивают симуляторы, созданные десятилетия назад, с интерфейсами, которые давно вышли из эксплуатации, и алгоритмами, заменёнными на более мощные, адаптивные и облачно-ориентированные решения. В реальных следственных подразделениях используются специализированные платформы для анализа сетевой активности, распознавания лиц в реальном времени, восстановления зашифрованных архивов и трассировки криптовалютных потоков — инструменты, о которых курсанты и слушатели узнают лишь на третьем курсе, если вообще узнают. В результате при поступлении на службу выпускники сталкиваются не с применением знаний, а с полной перезагрузкой компетенций: они вынуждены учиться у коллег, отнимая у них рабочее время, теряя до 6–8 месяцев на адаптацию и снижая общую оперативную эффективность подразделений. Причина не в низкой мотивации или недостаточной подготовке обучающихся — она коренится в институциональной консервативности, бюрократических барьерах, страхе перед изменением протоколов доступа и неспособности организовать безопасное, контролируемое внедрение реальных инструментов в учебный процесс.

При этом технологическая доступность решений позволяет предложить альтернативу. Даже в условиях строгой секретности и ограничений на доступ к федеральным базам данных можно создать демонстрационные версии служебных компьютерных программ — с анонимизированными сценариями, симулированными данными, ограниченными функциональными модулями и жёсткими протоколами безопасности. Такие среды не заменяют реальные рабочие инструменты, но позволяют будущим специалистам освоить логику интерфейсов, понять архитектуру запросов, научиться интерпретировать результаты анализа и осознавать взаимодействие между модулями. Это не роскошь, а стратегическая необходимость — условие для преодоления когнитивного диссонанса между теорией и практикой. Реализация такого подхода требует не просто технических решений, а перестройки системы межведомственного взаимодействия: между вузами и оперативными подразделениями, между педагогами и разработчиками программного обеспечения, между руководством и техническими службами. Необходима не просто координация, а формирование инновационного экосистемного контракта, в рамках которого образование становится не пассивной трансляцией знаний, а активной, адаптивной и динамично обновляемой практикой. Без этого мы не готовим следователей будущего — мы воспроизводим устаревшие роли, обречённые на неэффективность в мире, который уже ушёл далеко вперёд.

Современные оперативно-розыскные и следственные подразделения МВД активно используют специализированные программные комплексы (например, «Розыск», «Сова», «Поток», «Папилон» и др.). Однако вузы МВД не имеют доступа к этим системам, из-за чего:

- Следователь не может быстро проверить данные по криптовалютам, потому что в вузе не работал с анализаторами блокчейна.
- Оперативник не умеет эффективно искать связи между фигурантами, так как не использовал систему «Поток».
- Криминалист не знает, как правильно извлекать цифровые улики с помощью современных криминалистических комплексов.

Причин, по которым складывается такая ситуация несколько:

1. Прежде всего это ограниченный бюджет. Вопрос финансирования образовательных учреждений системы МВД действительно вызывает серьёзные опасения относительно качества подготовки специалистов, призванных обеспечивать безопасность граждан и стабильность государства. Финансовая недостаточность препятствует приобретению необходимого оборудования, современных лицензионных программных продуктов и заключению контрактов с внешними экспертами и специализированными компаниями, предоставляющими услуги дополнительного профессионального образования и консультационной поддержки.

Министерство внутренних дел в этом вопросе традиционно стремится минимизиро-

вать расходы на взаимодействие с другими ведомствами, предпочитая полагаться исключительно на собственные ресурсы и возможности. Такая политика имеет очевидные недостатки, проявляющиеся в ограниченных возможностях для внедрения новых методов и технологий обучения, недостаточной осведомлённости преподавателей о последних достижениях в области борьбы с киберпреступностью и иными сложными видами противоправных деяний.

Преодолеть обозначенные трудности возможно лишь посредством комплексной организации взаимодействия различных субъектов правоохранительной системы. Здесь ключевое значение приобретает взаимодействие подразделений Министерства внутренних дел, занятых созданием и поддержкой специализированного программного обеспечения, с образовательными учреждениями высшего профессионального образования. Необходимо обеспечить тесное сотрудничество между этими структурами для разработки адаптированных версий программных комплексов, предназначенных исключительно для учебно-методических целей.

Создание специальных версий должно учитывать необходимость сохранения ключевых функциональных характеристик оригинального программного продукта, обеспечивая при этом строгий контроль доступа к конфиденциальной информации. Такая задача предъявляет повышенные требования к квалификации специалистов-разработчиков, уровню технической компетентности и качеству правовой поддержки проектов подобного уровня.

Важно отметить, что такая инициатива нуждается не только в инициативе руководителей вузов, но и в принятии нормативных актов на уровне самого министерства. Так, потребуется заключение специальных соглашений о сотрудничестве, внесение поправок в ведомственные приказы и регламенты, регулирующие порядок эксплуатации программного обеспечения. Эти процедуры позволят легализовать применение демонстрационного программного обеспечения в учебном процессе и создать правовые основания для дальнейшей работы с ним.

Подобная мера позволила бы существенно повысить качество подготовки специалистов, приблизив условия обучения к реальным условиям работы сотрудников органов внутренних дел. Курсанты и слушатели смогли бы освоить специфику использования специализированных программных комплексов, познакомиться с алгоритмами принятия решений и отработать навыки анализа и обработки информации в режиме реального времени.

2. Наконец, не маловажной причиной является инертность образовательной системы МВД России. К сожалению, далеко не все ответственные за обучение лица вникают и в достаточной степени разбираются во всех вышеуказанных проблемах, что выражается в слабой восприимчивости к выявленным трудностям и неспособности изменить устоявшиеся схемы действий, результатом чего становится уклонение ряда должностных лиц от активного участия в реформах, сопровождающееся созданием иллюзии активной деятельности путём оформления множества второстепенных бумаг, совещаний, планов, отчетов, дорожных карт, координационных советов, бесконечных совещаний и т.д., что формирует своеобразную псевдокультуру занятости, направленную на сохранение существующего порядка вещей, не требующих каких-либо изменений и поддержание поверхностного восприятия успехов.

Следствием подобного поведения становится существенное отвлечение преподавательского состава от основной миссии — самообразования и освоения новых методик преподавания, поскольку значительная доля рабочего времени расходуется на формальное документирование незначительных аспектов, устранение мелких недостатков или получение одобрения стандартных процедур. Кроме того, в настоящее время в системе МВД России вообще отсутствуют программы переподготовки преподавателей по линии расследования киберпреступлений.

В целях преодоления сложившейся ситуации, на наш взгляд, необходимы комплексные меры, направленные на улучшение подготовки преподавательского состава к которым можно отнести:

– организацию регулярных курсов повышения квалификации специально ориентированных на изучение новейших методов цифровой криминалистики и анализа данных. Особенно важным является проведение таких занятий не в ВУЗах МВД России, а в сторонних организациях, специализирующихся на выявлении и предотвращении инцидентов в сфере цифровой безопасности. Такими организациями могут являться Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам (НКЦКИ), Государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак (ГосСОПКА), Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (УБК МВД России), «Лаборатория Касперского», компания «Элкомсофт» и др.

Безусловно, можно согласиться с мнением Н.Р. Шевко [1, с.89] о том, что это требует значительных средств, однако иначе проблемы не исправить. Не плохим опытом, в данном направлении, является созданный в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя, при взаимодействии со Сбербанком и ВТБ, отделения банков на полигонной базе, что обеспечивает возможность проведения практических занятий по типичным в данной сфере фабулам [2, с.268]. Однако это сделано в большей степени для обучающихся, а не для преподавательского состава и может быть использовано разово, исключительно в рамках рассмотрения отдельных тем.

– привлечение ведущих практикующих экспертов, как МВД России, проводящих компьютерные экспертизы, так и экспертов других министерств и ведомств. В целях повышения эффективности подготовки профессорско-преподавательского состава представляется необходимым приглашение для проведения занятий с ними сотрудников следственных и оперативно-розыскных подразделений, специализирующихся на раскрытии и расследовании вышеуказанных преступлений. Сотрудничество с действующими сотрудниками подразделений кибербезопасности позволит обогатить учебный процесс реальными примерами и ситуациями и ознакомить их с новыми способами как совершения, так и расследования киберпреступлений.
– привлечение к разработке специализированных учебных программ вышеуказанных специалистов, что позволит избежать ситуаций, когда учебные заведения МВД работают с устаревшими или упрощёнными программами, что серьёзно влияет на подготовку будущих сотрудников.

Актуальность вопроса несостыковки учебных программ высших учебных заведений МВД с практическими требованиями оперативной службы обусловлена отсутствием полноценной взаимосвязи теории и практики. Несоответствие образовательной составляющей реальных требованиям оперативно-служебной деятельности порождает ряд серьезных проблем, препятствующих формированию у выпускников необходимых профессиональных качеств и компетенций.

Одним из приоритетных направлений устранения указанного разрыва является качественная подготовка профессорско-преподавательского состава и внедрение эффективных механизмов взаимодействия университетов с подразделениями ведомства. Предоставление учебным заведениям специального доступа к тестовым версиям используемых программных средств и информационным массивам позволит будущим сотрудникам ознакомиться с актуальным инструментарием и технологической средой, применяемой органами правопорядка.

Формирование высокопрофессиональных кадров в сфере правоохранительной деятельности требует консолидации усилий государственного аппарата, образовательных организаций и научного сообщества. Лишь скоординированные усилия всех заинтересованных сторон способны устранить имеющиеся диспропорции и подготовить высококвалифицированные кадры, способные эффективно решать задачи борьбы с современными проявлениями преступности.

Список литературы:

[1] Шевко, Н.Р. Проблемы подготовки специалистов по раскрытию и расследованию преступлений, совершенных с использованием современных информационных технологий, в образовательных организациях МВД России / Н. Р. Шевко // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 1(27). – С. 87-89.

[2] Иванов, Д.А. Подготовка специалистов для органов предварительного расследования в условиях противодействия преступлениям, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / Д.А. Иванов, В.В. Артемова, С.В. Ермаков // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 2. – С. 265-270.

References:

[1] Shevko, N.R. Problems of training specialists in solving and investigating crimes committed using modern information technologies in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia/N.R. Shevko//Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 1(27). - S. 87-89.

[2] Ivanov, D.A. Training of specialists for preliminary investigation bodies in the context of countering crimes committed using information and telecommunication technologies/D.A. Ivanov, V.V. Artemova, S.V. Ermakov//Bulletin of Economic Security. – 2022. – № 2. - S. 265-270.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-146-150

ВИЛКОВА Алевтина Владимировна,
доктор педагогических наук, профессор,
действительный член Академии военных наук,
заместитель начальника ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
старший научный сотрудник научно-исследовательского
центра Военной академии РВСН имени Петра Великого,
г. Балашиха, Российская Федерация,
e-mail: mavlad67@mail.ru

ФИАЛКОВСКАЯ Екатерина Владимировна,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация;
кандидат педагогических наук,
e-mail: 19katrin81@bk.ru

СПЕЦИФИКА НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА, ОСОБЕННОСТИ НАУКИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемные вопросы воспитания научных кадров в России. Важнейшее место в их подготовке занимают качественное образование и идеологическая закалка. В соответствии с этим в высших учебных заведениях проводится серьезная работа по нравственному и патриотическому воспитанию молодежи. Главная цель научного творчества – поиск новых знаний, открытие новых проблем, фактов и истин. Методами исследования стали анализ научной литературы, наблюдение, беседа, анкетирование, интервьюирование, сравнение, обобщение и системно-структурный метод при анализе полученных материалов. Научная новизна заключается в предложении новых стратегий развития образовательной практики в аспирантуре высших учебных организаций. Сделаны выводы о возможности разработать моральный кодекс ученого, включающий такие непременные требования профессиональной этики, как научная объективность, уважительное отношение к достижениям коллег, предшественников и научных авторитетов, скромность и самокритичность и ряд других нравственных норм, и внести изучение этого морального кодекса в вузах, чтобы успешно формировать нравственные качества научных работников, что немаловажно для подготовки научных кадров уголовно-исполнительной системы.*

Ключевые слова: *аспирантура мотивация, наука, исследование, молодой ученый, научные кадры, профессиональная мобильность, научная деятельность.*

VILKOVA A.V.,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Deputy Head, Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

FIALKOVSKAYA Ekaterina Vladimirovna,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Pedagogical Sciences

SPECIFICITY OF SCIENTIFIC CREATIVITY, PECULIARITIES OF SCIENCE AS A SOCIAL INSTITUTION

Annotation. *The article examines the problematic issues of educating scientific personnel in Russia. The most important place in their preparation is occupied by high-quality education and ideological hardening. In accordance with this, serious work is being carried out in higher educational institutions on the moral and*

patriotic education of young people. The main goal of scientific creativity is the search for new knowledge, the discovery of new problems, facts and truths. The research methods were the analysis of scientific literature, observation, conversation, questioning, interviewing, comparison, generalization and system-structural method in the analysis of the obtained materials. Scientific novelty lies in the proposal of new strategies for the development of educational practice in graduate school of higher educational organizations. Conclusions were drawn about the possibility of developing a moral code of a scientist, including such indispensable requirements of professional ethics as scientific objectivity, respect for the achievements of colleagues, predecessors and scientific authorities, modesty and self-criticism and a number of other moral norms, and introducing the study of this moral code in universities in order to successfully form the moral qualities of scientists, which is important for the training of scientific personnel of the penal system.

Key words: *postgraduate motivation, science, research, young scientist, scientific personnel, professional mobility, scientific activity.*

Чем больше ускоряется прогресс науки, тем более она проникает во все сферы жизни человечества, включая и его духовную культуру. Многие ученые XX века – Тимирязев, Эйнштейн, Винер – были, например, озабочены проблемой нравственного «обеспечения» дальнейшего развития науки и техники.

Эта многосторонняя сложная проблема касается и тех, кто уже трудится в современной науке, и тех, кто собирается заниматься научной деятельностью.

Усложнение труда современного ученого и организации науки, увеличение числа «ролей», присущих работнику науки наших дней, выполняющему зачастую одновременно функции ученого исследователя, члена научного коллектива, педагога, нередко администратора и организатора, - все это создает особые требования к личностным качествам той молодежи, которая приходит в науку [1].

Важнейшее место в подготовке научных кадров занимают качественное образование и идеологическая закалка. В соответствии с этим в высших учебных заведениях проводится серьезная работа по нравственному и патриотическому воспитанию молодежи.

В Положении о порядке присуждения ученых степеней и присвоении ученых званий четко сформулированы качества, которыми должен обладать научный работник. Ученые степени могут присуждаться специалистам, которые имеют глубокие профессиональные знания и достижения в определенной отрасли науки, обладают широким научным и культурным кругозором, положительно проявили себя на научной, практической и общественной работе, следуют нормам морали и руководствуются в своих действиях принципами патриотизма.

Научная работа относится к тем видам человеческой деятельности, которая в меньшей степени поддается внешней регламентации. Здесь важную роль играют внутренние свойства человека – чувство ответственности, самоконтроль и самодисциплина. Высокие гражданские и нравственные качества научных работников – необходимое условие эффективной деятельности научных коллективов. Вот почему этические проблемы научного творчества весьма существенны для управления наукой [2].

Ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становится повседневной нормой поведения. Эти требования являются определяющими в работе по формированию облика молодого ученого [3].

В то же время сегодня возникает необходимость конкретного подхода в деле воспитания, учета особенностей различных групп работающего населения страны. Подобная конкретизация общих задач нравственного воспитания имеет место и в сфере науки.

Специфика научного творчества, особенности науки как социального института предъявляют повышенные требования к нравственным качествам человека. Так, научные коллективы особенно нетерпимы к карьеризму, стремлению к личной выгоде, обману. В науке, например, фальсификация данных может принести большой вред, нежели в других областях деятельности. Недопустимы также случаи плагиата. Подобные факты, к сожалению, еще встречаются.

Серьезные требования предъявляет наука и к принципиальности ученого. Правила научной этики обязывают его открыто выступать с критикой недоброкачественных научных работ, ошибочных положений и необоснованных выводов своих коллег, невзирая на их служебное положение. Свободное и деловое обсуждение исследовательских проблем – необходимая обстановка для научной работы.

Проблема воспитания научных кадров особенно актуальна в настоящее время, так как правила научной этики должны усваиваться все более широким кругом лиц. Для нормального функционирования научных организаций необхо-

димо, чтобы вливающаяся в научную среду молодежь разделяла, поддерживала и воспроизводила в своем поведении нормы научной этики.

Как показывают данные социологических исследований, для большинства ученых характерна ориентация на сам научный труд, а не на личные блага, которые закономерно ему сопутствуют [4]. Так, по данным опроса научных работников отраслевых НИИ 15 городов страны, ориентация на научный труд характерна для 84-88% ученых каждого поколения, причем для молодых научных работников не в меньшей степени, чем для их старших коллег. Опрос аспирантов показал, что они в значительной степени ориентированы на научно-исследовательскую работу. Мотивы, связанные с данным видом ориентации, получили наибольший вес. Подавляющее большинство опрошенных проявляют серьезный интерес к научной работе. При этом у 87% аспирантов интерес к научной работе сформировался еще в период обучения в вузе.

Вопрос о побудительных мотивах научного творчества чрезвычайно важен еще и потому, что, по мнению современных исследователей, одним из главных признаков, отличающих высокотворческих ученых, является именно мотивация.

Материалы исследований мотивации научной деятельности в психологических аспектах убеждают в том, что в истории науки мотивы морально-общественного характера имели чрезвычайно важное значение. Пример того – жизнь многих русских и российских выдающихся ученых [5; 6] и таких всемирно известных зарубежных, как Л. Пастер, П. Кюри и др.

Естественно, что, как и в любом другом виде деятельности, в научном творчестве значима целая система мотивов, отличающихся разной побудительной силой, находящихся в динамике, но важно, чтобы мотивы морально-общественного характера были преобладающими [7].

Содержание и структура мотивов личности определяются общественными условиями. В нашем государстве имеется неразрывная связь между интересами личности и общества. Это обстоятельство обуславливает возрастание роли мотивов морально-общественного характера во внутренней регуляции поведения человека. Эта закономерность открывает небывалый простор для социально-полезной деятельности человека. В полной мере это относится к мотивации деятельности научных работников.

В числе факторов, обуславливающих творческую активность ученых, была рассмотрена мотивация [8; 9]. На вопрос «Какую работу Вы предпочли бы в настоящее время?» было предложено пять вариантов ответов: 1) работу, приносящую пользу обществу и вызывающую уважение окружающих; 2) работу, обеспечивающую высокое материальное положение; 3) работу, которая в будущем позволит осуществить Ваши жизненные планы; 4) работу в хорошем дружном коллективе, в атмосфере доброжелательности и товарищества; 5) работу, открывающую возможность для творчества.

На первом месте у всех опрошенных оказался мотив – польза обществу.

Одной из изучаемых в настоящее время проблем является взаимодействие в процессе научной работы во внутреннем мире ученого чисто личностных и предметно-содержательных факторов, влияние их на продуктивность научного труда. Однако уже теперь сделаны обоснованные выводы о том, что эта проблема кроме науковедческого, несомненно, имеет социологический характер, так как речь идет, прежде всего, о социальном облике научного коллектива, о типах личности его членов, в частности и в особенности о качествах лидера.

Известный историк А. П. Окладников говорил, что ученому нужно быть «рыцарем многих качеств»: «Надо заранее в своем характере переплавить многие, зачастую противоположные свойства – социальную странность и научную объективность, романтизм чувств и трезвость аналитического мышления, умение до конца отстаивать свою правоту и признавать свои заблуждения» [10].

В наше время усиливается моральная ответственность ученого, его гражданского долга в принятии решений по поводу социальных приложений своей науки. Эти ценности профессиональной группы ученых будут побуждать их к более интенсивному поиску альтернативных путей, - как утверждают социологи [11; 12].

Интересно и разумно предложение разработать моральный кодекс ученого, включающий, возможно, такие непременные требования профессиональной этики, как научная объективность, уважительное отношение к достижениям коллег, предшественников и научных авторитетов, скромность и самокритичность и ряд других нравственных норм, и внести изучение этого морального кодекса в вузах, чтобы успешно формировать нравственные качества научных работников [13; 14; 15].

Рассматриваемый нами круг вопросов не исчерпывает в целом проблему подготовки и рационального использования научной смены. Более того, воздействие науки на жизнь общества постоянно возрастает, и соответственно в этой области появляются новые задачи. Максимальное использование творческих способностей и дарований молодежи в науке – один из путей их успешного решения. Вот почему система подготовки научных кадров должна развиваться

с учетом изменений, происходящих в науке, теснее увязываться с потребностями общественного развития. Только такая организация работы с научной сменой позволит придать практике обучения молодежи четкую научную организацию. Раскрыть конкретные задачи в этой области, осветить трудности и проблемы, с которыми сталкивается молодой ученый, только вступивший на путь науки.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В. Развитие педагогических компетенций в системе дополнительного профессионального образования в процессе обучения сотрудников ФСИН России / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева, Я. Н. Полякова // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 1(23). С. 103-110.

[2] Кириллова Т. В. Использование проектных технологий в работе с молодыми специалистами уголовно-исполнительной системы / Т. В. Кириллова // Антропогогика. 2025. № 1(17). С. 13-21.

[3] Зинина Н. А. Развитие социально-коммуникативных навыков в образовательном процессе / Н. А. Зинина, А. В. Вилкова. Москва. 2025. 150 с.

[4] Кугель С. А. Науке нужны молодые творцы / С. А. Кугель, П. Б. Шелищ. М. 2019. 87 с.

[5] Карпов М. М. О стимулах научного творчества / М. М. Карпов. – В кн.: Основные закономерности развития творчества. Изд-во Ростовского университета. 1963. С. 78-86.

[6] Кириллова Т. В. Профессионализм и саморазвитие преподавателя – условия повышения качества профессиональной подготовки в образовательных организациях ФСИН России / Т. В. Кириллова, В. А. Казначеев, Р. Е. Свиридов // Глобальный научный потенциал. 2025. № 4(169). С. 253-256.

[7] Ковтуненко Л. В. Проектная деятельность как форма познавательной активности субъектов образовательного процесса военного вуза / Л. В. Ковтуненко, А. Ю. Григоров // В сборнике: Динамика развития системы военного образования. Материалы VII Международной научно-практической конференции. Омск, 2025. С, 280-284.

[8] Зауторова Э. В. Компетентностный подход в образовательном процессе вуза Э. В. Зауторова // В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 14-17.

[9] Yakoupov F.A. Particularites de la certificatijn finale pendants la realization du programme de formation professionnelle continue pour les agents de la police de la federation de Russie et des agencies de maintien de l` ordre des etats africains – candidats a participer aux missions de maintien de la paix. Domodedovo, 2019, 44 p.

[10] Окладников А. П. Проблемы генезиса религиозной формы сознания в свете современных открытий археологической науки / А. П. Окладников //Вопросы научного атеизма. Вып. 20.1976. С. 16-18.

[11] Якобсон П. М. Психологические проблемы мотивации поведения человека / П.М. Якобсон. М. 1969. С. 296-302.

[12] Кириллова Т. В. Экстремальная педагогика как отдельная отрасль педагогической науки / В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 34-38.

[13] Ковтуненко Л. В. Личностно-развивающее обучение курсантов военных вузов: проблемы и перспективы / Л. В. Ковтуненко, А. Ю. Григоров // В сборнике: Актуальные проблемы обучения и воспитания школьников и студентов в образовательном учреждении. Сборник научных статей. Воронеж, 2025. С, 91-94.

[14] Зауторова Э. В. Методологические подходы к организации патриотического воспитания личности / Э. В. Зауторова // В сборнике: 80-летие Победы: память и духовный опыт поколений. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием и Всероссийской научно-практической конференции в рамках XXXIII Международных Рождественских образовательных чтений. Москва, 2025. С, 125-131.

[15] Pryazhnikov N.S. Personal integration into society in the age of globalization and information technologies / Pryazhnikov N.S., Vilkova A.V., Loseva S.N., Lobacheva L.P., Kholopova E.Y. // Espacios. 2018. Т. 39. № 32

References:

[1] Vilkova A. V. Development of pedagogical competencies in the system of additional professional education in the process of training employees of the Federal Penitentiary Service of Russia/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev, Y. N. Polyakova//Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. № 1(23). S. 103-110.

[2] T.V. Kirillova. The use of design technologies in working with young specialists of the penal system/T.V. Kirillova//Anthropology. 2025. № 1(17). S. 13-21.

[3] Zinina N. A. Development of socio-communicative skills in the educational process/N. A. Zinina, A. V. Vilkova. Moscow. 2025. 150 s.

[4] Kugel S. A. Science needs young creators/S. A. Kugel, P. B. Shelishch. M. 2019. 87 pp.

[5] Karpov M. M. On the incentives of scientific creativity/M. M. Karpov. - In the book: The main laws of the development of creativity. Publishing House of Rostov University. 1963. C. 78-86.

[6] Kirillova T. V. Professionalism and self-development of the teacher are conditions for improving the quality of professional training in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia/T. V. Kirillova, V. A. Kaznacheev, R. E. Sviridov//Global scientific potential. 2025. № 4(169). S. 253-256.

[7] Kovtunenko L.V. Project activity as a form of cognitive activity of subjects of the educational process of a military university/L.V. Kovtunenko, A. Yu. Grigorov//In the collection: Dynamics of the development of the military education system. Materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Omsk, 2025. S, 280-284.

[8] Zautorova E.V. Competence approach in the educational process of the university E.V. Zautorova//In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising research. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 14-17.

[9] Yakoupov F.A. Particularites de la certificatijn finale pendants la realization du programme de formation professionnelle continue pour les agents de la police de la federation de Russie et des agencies de maintien de l` ordre des etats africains – candidats a participer aux missions de maintien de la paix. Domodedovo, 2019, 44 p.

[10] Okladnikov A.P. Problems of the genesis of the religious form of consciousness in the light of modern discoveries of archaeological science/A.P. Okladnikov//Questions of scientific atheism. No. 20.1976. PP. 16-18.

[11] Jacobson P.M. Psychological problems of motivating human behavior/P.M. Jacobson. M. 1969. S. 296-302.

[12] Kirillova T.V. Extreme pedagogy as a separate branch of pedagogical science/In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising research. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 34-38.

[13] Kovtunenko L.V. Personal development training of cadets of military universities: problems and prospects/L.V. Kovtunenko, A. Yu. Grigorov//In the collection: Actual problems of education and upbringing of schoolchildren and students in an educational institution. Collection of scientific articles. Voronezh, 2025. S, 91-94.

[14] Zautorova E. V. Methodological approaches to the organization of patriotic education of the individual/E. V. Zautorova//In the collection: 80th anniversary of the Victory: memory and spiritual experience of generations. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation and the All-Russian Scientific and Practical Conference within the framework of the XXXIII International Christmas Educational Readings. Moscow, 2025. S, 125-131.

[15] Pryazhnikov N.S. Personal integration into society in the age of globalization and information technologies / Pryazhnikov N.S. , Vilkova A.V., Loseva S.N., Lobacheva L.P., Kholopova E.Y. // Espacios. 2018. T. 39. № 32

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-151-154

КОЧАРОВСКИЙ Денис Станиславович,
Аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия,
e-mail: kodest90@gmail.com

ПРАВОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНЫХ И ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ СУПРУГОВ ПРИ РАСТОРЖЕНИИ БРАКА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности реализации личных и имущественных прав супругов в период брака и при его расторжении. Анализируются положения семейного законодательства Российской Федерации, регулирующие правовое положение супругов, содержание их личных неимущественных и имущественных прав, а также пределы осуществления указанных прав в условиях семейного конфликта. Особое внимание уделяется проблемам раздела совместно нажитого имущества, разграничения общего и личного имущества супругов, распределения долговых обязательств, защиты прав несовершеннолетних детей и применению судами принципов добросовестности и справедливости. Рассматриваются подходы, выработанные судебной практикой, в том числе по вопросам исковой давности, недобросовестного поведения одного из супругов и учета фактического вклада сторон. Делается вывод о необходимости совершенствования правового регулирования и развития внесудебных способов разрешения семейных споров.*

Ключевые слова: *супруги, брак, расторжение брака, личные права, личные неимущественные права, совместная собственность, раздел имущества, долги супругов, судебная практика, семейное право.*

KOCHAROVSKIY Denis Stanislavovich,
graduate student Moscow University for Industry and Finance Synergy

LEGAL CONFLICTS IN THE IMPLEMENTATION OF PROPERTY AND PERSONAL NON-PROPERTY RIGHTS OF SPOUSES DURING DIVORCE: JUDICIAL PRACTICE AND DEVELOPMENT

Annotation. *The article examines the implementation of personal and property rights of spouses during marriage and upon its dissolution. The study analyzes Russian family law provisions governing the legal status of spouses and identifies key law enforcement issues related to property division, allocation of debts, and protection of personal rights. Special attention is paid to judicial approaches, including limitation periods, bad faith behavior, and the actual contribution of spouses. The author concludes that further improvement of legal regulation and development of alternative dispute resolution mechanisms are necessary*.

Key words: *spouses, marriage, divorce, personal rights, personal non-property rights, marital property, division of property, debts of spouses, judicial practice, family law.*

Институт брака в российском праве традиционно рассматривается как базовая юридическая форма организации семейной жизни. Его значение не ограничивается фактом государственной регистрации, поскольку с момента заключения брака между супругами возникает комплекс взаимосвязанных прав и обязанностей личного и имущественного характера. В рамках семейных отношений наиболее отчетливо проявляется необходимость сочетания автономии воли, принципов равенства, добросовестности и защиты слабой стороны. При этом

правоприменение показывает, что наибольшие сложности возникают не в период нормального существования семьи, а при ее фактическом прекращении и последующем расторжении брака.

Расторжение брака выступает не только способом прекращения семейного союза, но и юридическим фактом, который влечет необходимость разрешения целого комплекса вопросов. Супруги сталкиваются с необходимостью раздела имущества, распределения долговых обязательств, определения порядка проживания и содержания детей, а также фактически пересматривают границы личной автономии. В связи с этим споры, связанные с расторжением брака, концентрируют ключевые проблемы правоприменения и требуют комплексного подхода.

Согласно ст. 31 Семейного кодекса Российской Федерации супруги обладают равными правами в семье. Указанный принцип должен рассматриваться не формально, а как требование обеспечить баланс интересов сторон с учетом их фактического положения. Закон закрепляет недопустимость использования одним супругом своего положения в ущерб другому, а также ориентирует семейные отношения на взаимное уважение и совместное решение вопросов жизни семьи [1]. Однако на практике равенство супругов нередко носит формальный характер и не отражает реального распределения ресурсов и обязанностей.

Личные неимущественные права супругов определяют основу их правового статуса. К ним относятся право на выбор фамилии, рода занятий, места жительства, а также участие в решении ключевых вопросов семейной жизни [1]. Как отмечает Л.М. Пчелинцева, данные права являются проявлением личной свободы в семейной сфере и обладают самостоятельным юридическим значением [5]. Вместе с тем их защита в судебном порядке ограничена, поскольку нарушение таких прав не всегда может быть выражено в имущественной форме.

Характерной особенностью личных прав является их тесная связь с личностью управомоченного лица. Они не подлежат отчуждению и в значительной степени реализуются вне формализованных процедур. В условиях конфликта это приводит к ситуации, когда нарушение прав очевидно фактически, но трудно поддается юридической фиксации. В результате суд вынужден учитывать не только нормы закона, но и фактические обстоятельства, включая поведение сторон и их взаимоотношения.

Право на расторжение брака также носит личный характер. В научной литературе справедливо отмечается, что оно отражает возможность прекратить правовую связь, утратившую свое содержание [3]. Соответственно, судебная процедура не должна превращаться в механизм искусственного сохранения брака при отсутствии фактических семейных отношений.

Имущественные отношения супругов регулируются значительно подробнее. В силу ст. 34 СК РФ имущество, приобретенное в период брака, признается совместной собственностью независимо от того, на чье имя оно оформлено [1]. Закон исходит из того, что вклад в семью может выражаться не только в получении дохода, но и в ведении домашнего хозяйства или воспитании детей.

Данная конструкция направлена на защиту экономически более слабой стороны, однако именно она порождает значительное число споров. Как отмечает И.А. Косарева, доверительный характер брака в условиях конфликта нередко трансформируется в попытки перераспределения имущественных интересов в свою пользу [4].

Сложности возникают уже на этапе определения состава имущества. Помимо традиционных объектов, предметом спора все чаще становятся денежные средства, корпоративные права, инвестиционные активы. Дополнительные проблемы возникают при оформлении имущества на третьих лиц или при его отчуждении в преддверии расторжения брака.

Важным является разграничение совместного и личного имущества. Согласно ст. 36 СК РФ имущество, принадлежавшее супругу до брака либо полученное по безвозмездным сделкам, является его собственностью [1]. Однако в реальности личное имущество нередко вовлекается в оборот совместных средств, что усложняет правовую квалификацию.

В подобных ситуациях ключевое значение приобретают доказательства источника происхождения денежных средств. При отсутствии таких доказательств действует презумпция совместной собственности. В то же время сам факт вложения личных средств может быть учтен судом при определении долей. Это соответствует положениям ст. 39 СК РФ, допускающим отступление от равенства долей с учетом обстоятельств дела [1]. В научной литературе подчеркивается необходимость учета фактического вклада сторон при разделе имущества [4; 6].

Отдельную проблему представляет распоряжение общим имуществом. В силу ст. 35 СК РФ согласие второго супруга предполагается, что существенно осложняет оспаривание сделок. В правоприменении суды оценивают совокупность обстоятельств, включая поведение сторон и экономическую обоснованность сделки, что позволяет выявлять недобросовестные действия.

Значительное практическое значение имеет вопрос исковой давности. В судебной практике выработан подход, согласно которому срок начи-

нает течь с момента, когда лицо узнало о нарушении своего права. Это позволяет учитывать реальные обстоятельства спора и предотвращает формальный отказ в защите права.

Не менее сложным является распределение долгов супругов. Отсутствие четких критериев приводит к тому, что суды исходят из целевого характера обязательства. Если доказано, что заемные средства использовались в интересах семьи, долг может быть признан общим. При этом бремя доказывания лежит на заинтересованной стороне.

Дополнительно следует обратить внимание на проблему фактического прекращения семейных отношений, которая в настоящее время не получила достаточного нормативного закрепления, но активно используется в судебной практике. Речь идет о ситуациях, когда супруги формально продолжают состоять в браке, однако совместное проживание и ведение общего хозяйства фактически прекращены. В таких случаях возникает вопрос о правовом режиме имущества, приобретенного после прекращения семейных отношений, но до расторжения брака.

Семейный кодекс Российской Федерации не содержит прямого ответа на данный вопрос, что обусловливает необходимость обращения к правоприменительной практике. Суды, как правило, исходят из того, что формальный статус брака сам по себе не является безусловным основанием для признания имущества совместной собственностью. Если будет доказано, что на момент приобретения имущества семейные отношения фактически прекращены, совместное хозяйство не ведется, а стороны действуют раздельно, имущество может быть признано личным.

При этом ключевое значение имеет доказательственная база. Суд оценивает не только факт раздельного проживания, но и совокупность обстоятельств: наличие или отсутствие общего бюджета, участие в содержании друг друга, ведение хозяйства, характер отношений между супругами. Формальный переезд одного из супругов сам по себе не всегда свидетельствует о прекращении семейных отношений, если сохраняется экономическая и бытовая связь.

Данный подход позволяет избежать ситуаций, при которых один из супругов, фактически прекратив семейные отношения, продолжает участвовать в разделе имущества, к формированию которого он не имел отношения. Вместе с тем отсутствие четких критериев создает риск произвольного толкования и неоднородности судебной практики.

Еще одним важным аспектом является соотношение режима совместной собственности супругов и брачного договора. В соответствии с действующим законодательством супруги вправе изменить установленный законом режим имущества путем заключения брачного договора. Такой договор может предусматривать как раздельный режим имущества, так и иные варианты распределения имущественных прав.

Несмотря на очевидные преимущества данного инструмента, его практическое применение остается ограниченным. Это обусловлено как недостаточной правовой культурой, так и психологическим восприятием брачного договора как проявления недоверия. Вместе с тем именно брачный договор способен существенно снизить уровень конфликтности при расторжении брака, поскольку заранее определяет судьбу имущества и минимизирует неопределенность.

Следует также учитывать, что брачный договор не является универсальным инструментом и подлежит судебному контролю. Суд вправе признать его недействительным полностью или частично, если его условия ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. Таким образом, даже договорное регулирование подчинено принципам справедливости и добросовестности.

Важное значение имеет и соглашение о разделе имущества, которое может быть заключено как в период брака, так и после его расторжения. В отличие от брачного договора, такое соглашение носит более конкретный характер и направлено на распределение уже существующего имущества. Его заключение позволяет сторонам самостоятельно определить порядок раздела, избежать судебного разбирательства и учесть фактические интересы.

При этом практика показывает, что стороны не всегда используют данный инструмент своевременно. Нередко соглашение заключается уже на стадии конфликта, когда доверие между супругами утрачено, что снижает эффективность переговорного процесса. В этой связи представляется целесообразным стимулировать использование договорных механизмов на более ранних стадиях семейных отношений.

Отдельного внимания заслуживает проблема доказывания в спорах о разделе имущества супругов. В отличие от классических гражданско-правовых споров, здесь значительная часть обстоятельств не фиксируется документально. Ведение общего хозяйства, распределение обязанностей, участие в расходах зачастую не оформляются юридически, что затрудняет последующее доказывание.

В таких условиях возрастает роль косвенных доказательств и оценки совокупности обстоятельств. Суд учитывает показания сторон, свидетельские показания, характер денежных операций, а также иные данные, позволяющие уста-

новить фактическое положение дел. Это неизбежно усиливает значение судебного усмотрения и требует от суда повышенной осторожности при оценке доказательств.

Кроме того, существенную роль играет принцип добросовестности, который все чаще используется как самостоятельный критерий оценки поведения сторон. Если будет установлено, что один из супругов действовал недобросовестно, например, скрывал имущество или совершал фиктивные сделки, суд вправе отступить от формального равенства и принять решение, обеспечивающее справедливый баланс интересов.

Практика показывает, что долговые обязательства нередко используются как инструмент недобросовестного поведения. В связи с этим особое значение приобретает применение принципа добросовестности и положений ст. 10 ГК РФ.

Злоупотребление правом проявляется в различных формах: сокрытии имущества, фиктивных сделках, создании искусственной задолженности. В таких случаях формальное равенство долей не обеспечивает справедливого результата, что обусловило закрепление возможности отступления от него.

При наличии несовершеннолетних детей имущественные споры приобретают дополнительное значение. Суд обязан учитывать интересы ребенка, в том числе при решении вопросов, связанных с жильем и условиями проживания. Хотя дети не являются участниками имущественных отношений супругов, последствия раздела непосредственно затрагивают их положение.

Существенную роль играют договорные формы урегулирования споров. Брачный договор и соглашение о разделе имущества позволяют заранее определить правовой режим имущества и снизить конфликтность. Несмотря на это, их использование остается ограниченным.

Перспективным направлением является развитие медиации. Как отмечают Е.А. Касаткина и С.В. Комиссарова, медиация способствует более гибкому разрешению семейных споров [2]. Н.А. Самохвалов указывает, что медиативные процедуры позволяют учитывать фактические интересы сторон и снижать уровень конфликта [7]. Однако данный механизм пока недостаточно распространен.

Таким образом, правовое регулирование личных и имущественных прав супругов при расторжении брака требует дальнейшего развития. Необходимы более четкие критерии разграничения имущества и обязательств, развитие договорных механизмов и усиление роли принципа добросовестности. Важное значение имеет формирование единообразной судебной практики, обеспечивающей баланс интересов сторон и эффективную защиту прав участников семейных отношений.

Список литературы:

[1] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 6.02.2020) // Собрание законодательства РФ. - 01.01.1996. - № 1. - Ст. 16.

[2] Касаткина Е. А. Возможности применения медиации при разрешении семейных споров / Е. А. Касаткина, С. В. Комиссарова // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2017. – № 2(43). – С. 89–92.

[3] Климова С.А. Личное неимущественное право супруга на расторжение брака и его реализация в судебном порядке//Российская юстиция. 2019. № 5. С. 16.

[4] Косарева И.А. Бракоразводное законодательство: некоторые вопросы теории и практики // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 46. С. 18.

[5] Пчелинцева Л.М. Комментарий к Семейному кодексу РФ. М. НОРМА-ИНФРА.М. 2019 – 382с.

[6] Раздел имущества супругов при расторжении брака//Фазлыева Р.А. Дневник науки. 2020. № 3 (39). С. 36.

[7] Самохвалов Н. А. Концептуальные идеи и модель института медиации в современной России / Н. А. Самохвалов // Юрист. – 2015. – № 2. – С. 38–42.

References:

[1] Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 6.02.2020)//Collection of Legislation of the Russian Federation. - 01.01.1996. - № 1. - Art. 16.

[2] Kasatkina E. A. Possibilities of using mediation in resolving family disputes/E. A. Kasatkina, S. V. Komissarova//Vestn. We own. jurid. int. – 2017. – № 2(43). - S. 89-92.

[3] Klimova S.A. Personal non-property right of the spouse to divorce and its implementation in court//Russian Justice. 2019. № 5. S. 16.

[4] Kosareva I.A. Divorce legislation: some questions of theory and practice//Bulletin of Amur State University. Series: Humanities. 2012. № 46. S. 18.

[5] Pchelintseva L.M. Commentary on the Family Code of the Russian Federation. M. NORMA-INFRA. M. 2019 - 382s.

[6] Division of property of spouses upon divorce//Fazlyeva R.A. Diary of science. 2020. № 3 (39). S. 36.

[7] Samokhvalov N. A. Conceptual ideas and model of the institute of mediation in modern Russia/N. A. Samokhvalov//Lawyer. – 2015. – № 2. - S. 38-42.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-155-160

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ПЫРЧЕНКОВА Галина Степановна,
доцент кафедры иностранных языков Академии управления МВД России,
кандидат филологических наук, доцент,
e-mail: galapyrchenkova@mail.ru

ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ

Аннотация. *Статья рассматривает восстановительное правосудие в качестве альтернативной формы уголовного правосудия, которая фокусируется на удовлетворении потребностей жертв и общества, а также на обязанностях правонарушителя возместить причиненный вред наилучшим образом. Анализируются различия между восстановительным правосудием и возмездным правосудием, которое рассматривает правонарушителей исключительно в контексте нарушения закона. Исследуются цели и основные модели реализации восстановительного правосудия в зарубежной юридической практике. Выявлена тенденция растущего распространения восстановительного правосудия в качестве альтернативной формы наказания в западной правовой системе. Автор приходит к выводу, что восстановительное правосудие исходит из общей для многих традиционных обществ предпосылки о взаимосвязи наших человеческих отношений, которая предполагает, что вред, причиненный одному, вредит всей сети отношений и обязывает нас ее восстановить.*

Ключевые слова: *восстановительное правосудие, возмездное правосудие, правовая система, альтернативная форма наказания, медиация, тюремное заключение.*

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Leading Researcher of the Department for the Improvement of Normative and Legal Regulation of the Activities of the Penitentiary System of the Center for the Study of Management Issues and the Organization of Penal Enforcement in the Penitentiary System of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Legal Sciences,
Moscow, Russian Federation

PYRCHENKOVA Galina Stepanovna,
Associate Professor of the Foreign Languages Department of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

RESTORATIVE JUSTICE

Annotation. *This article examines restorative justice as an alternative form of criminal justice that focuses on meeting the needs of victims and society, as well as the offender's obligation to make restitution to the best of their ability. It analyzes the differences between restorative justice and retributive justice, which considers offenders solely in the context of their violation of the law. The goals and main models of restorative justice implementation in international legal practice are explored. A trend toward the increasing application of restorative justice as an alternative form of punishment in western legal systems is identified. The author concludes that restorative justice is based on a premise common to many traditional societies about the interconnectedness of our human relationships, which suggests that harm to one person harms the entire network of relationships and obligates us to restore it.*

Key words: *restorative justice, retributive justice, legal system, alternative form of punishment, mediation, imprisonment.*

Восстановительное правосудие – это альтернативная форма уголовного правосудия, которая фокусируется на удовлетворении потребностей жертв и общества, а также на обязанностях правонарушителя. Восстановительное правосудие (в своей современной форме) зародилось в 1970-х годах для борьбы с кражами со взломом и имущественными преступлениями, но с тех пор распространилось на очень серьезные преступления, такие как изнасилование и убийство. Хотя первые основатели современного движения восстановительного правосудия зародились в Канаде и США, практика ВП применялась задолго до этого, начиная с традиций коренных народов Северной Америки и Новой Зеландии.

Восстановительное правосудие предполагает, что жертва и правонарушитель, а также, при необходимости, любые другие лица или члены сообщества, пострадавшие от преступления, участвуют вместе в разрешении вопросов, возникающих в связи с преступлением, как правило, с помощью посредника. Программы восстановительного правосудия основаны на убеждении, что стороны, вовлеченные в преступление или пострадавшие от него, должны активно участвовать в возмещении причиненного вреда, облегчении страданий, которые оно причинило, и, по возможности, в принятии мер по предотвращению повторения причиненного вреда [1, с. 11].

Восстановительное правосудие призвано стать альтернативой более карательному правосудию, применяемому в традиционных системах уголовного правосудия. Контраст между восстановительным правосудием и более традиционной системой уголовного правосудия разителен. В традиционной системе уголовного правосудия обращение с правонарушителем часто является следствием намерений наказания, т.е. оно направлено на предотвращение преступных намерений, лишение дееспособности и возмездие. Однако отношения между жертвой и правонарушителем являются существенными для процесса реабилитации и реинтеграции правонарушителя в общество. В реконструктивной юридической практике появление в суде позволяет сторонам взаимодействовать в безопасной и нейтральной обстановке, что, в свою очередь, дает жертве возможность рассказать правонарушителю о реальных последствиях своего преступления и получить ответы на свои вопросы. В свою очередь, правонарушитель получает возможность осознать реальные последствия своих действий и понять, как он может возместить причиненный вред. Таким образом, восстановительное правосудие привлекает правонарушителей к ответственности за содеянное и позволяет жертвам двигаться дальше после преступления.

Возмездное правосудие западной правовой системы и восстановительное правосудие не являются полярными противоположностями. Возмездное правосудие, исходя из рассмотрения преступления как вреда государству или закону, нацелено на наказание правонарушителя, в то время как восстановительное правосудие, напротив, фокусируется на потребностях жертвы (и общества) и ответственности правонарушителя за наилучшее возможное возмещение причиненного вреда. Восстановительное правосудие не направлено, в первую очередь, на снижение рецидивизма или повторных правонарушений, оно осуществляется потому, что удовлетворяются потребности жертв и правонарушители берут на себя ответственность. Восстановительное правосудие исходит из общей для многих традиционных обществ предпосылки о взаимосвязи наших человеческих отношений, которая предполагает, что вред, причиненный одному, вредит всей сети отношений и обязывает нас ее восстановить.

Таким образом, мировое экспертное сообщество признает восстановительное правосудие в качестве движения, направленного на удовлетворение потребностей и роли жертв преступлений, правонарушителей и сообществ, а не как систему правосудия, которая рассматривает правонарушителей исключительно в контексте нарушения закона. Потребности жертв включают в себя чувство большей вовлеченности и расширения прав и возможностей в процессе уголовного правосудия, включая изучение фактов, способ-

ствовавших совершению преступления, и возможность исцеления посредством рассказа своей истории. Потребности правонарушителей сосредоточены на том, чтобы правонарушитель сопереживал жертве и брал на себя ответственность за свои действия. Сообщество участвует в качестве «вторичной жертвы» и поощряется к тому, чтобы его голос был услышан, а также к внесению вклада в создание более безопасного и здорового сообщества.

Цели восстановительного правосудия варьируются от альтернативы судебному процессу до содействия процессам исцеления и терапии, а также перехода из тюрьмы в общество. Центральным элементом восстановительного правосудия является наличие посредника (медиатора), оказывающего содействие всем сторонам уголовного процесса. Специалисты по восстановительному правосудию должны быть хорошо подготовлены и обладать необходимыми знаниями для работы с глубинными причинами правонарушений, особенно таких как домашнее насилие, правонарушения против детей или преступления на почве ненависти.

Существуют различные модели и вариации восстановительного правосудия; однако основные рамки основаны на четырех различных моделях и их смешении: 1) прямая медиация между жертвой и преступником; 2) семейная групповая конференция; 3) восстановительная конференция; 4) непрямая медиация между жертвой и преступником.

Прямая медиация предполагает личный контакт между участвующими сторонами и беспристрастным медиатором для содействия в разрешении конфликта. Прямая медиация между жертвой и правонарушителем – это процесс, предоставляющий жертвам возможность встретиться со своими обидчиками в безопасной и структурированной обстановке для диалога, переговоров и решения проблем. Цель этого процесса двояка. Во-первых, привлечь правонарушителей к прямой ответственности за их поведение, помочь им осознать все последствия своих действий и разработать планы по возмещению ущерба пострадавшему лицу или лицам. Во-вторых, способствовать укреплению чувства самостоятельности у жертвы. В целом, этот процесс призван развить эмпатию у правонарушителя (что может помочь предотвратить будущие преступные действия) и удовлетворить эмоциональные и информационные потребности жертвы [2].

Прямая медиация между жертвой и преступником представляет собой личную встречу, в присутствии подготовленного посредника (медиатора), между жертвой преступления и лицом, совершившим это преступление. Цель диалога – активно вовлечь жертву и правонарушителя в возмещение (в максимально возможной степени) эмоционального и материального вреда, причиненного преступлением. На встрече преступник и потерпевший могут обсудить произошедшее, последствия преступления для их жизни и свои чувства по этому поводу. Они могут разработать взаимоприемлемый план возмещения ущерба, причиненного в результате преступления, и достигнуть определенной степени примирения.

Сегодня в Соединенных Штатах существует более 300 программ прямой медиации между жертвой и преступником, а в Европе – более 700 таких программ [3]. Хотя эти программы существенно различаются, все программы медиации между жертвой и правонарушителем имеют одну уникальную особенность: цель медиации между жертвой и правонарушителем состоит не в определении вины (как правило, вина уже была определена в другом суде), а в том, чтобы научить правонарушителя принять ответственность и возместить причиненный вред.

Более 95 % сеансов медиации между жертвой и правонарушителем завершаются подписанием соглашения о возмещении ущерба. Однако исследования неизменно показывают, что соглашение о возмещении ущерба менее важно для жертв преступлений, чем возможность выразить свои чувства по поводу правонарушения непосредственно правонарушителям [4].

Значительное количество исследований демонстрирует, что процесс медиации между жертвой и правонарушителем оказывает несколько положительных эффектов как на жертв, так и на правонарушителей. В целом, жертвы, которые встречаются со своими правонарушителями, как правило, более удовлетворены процессом, чем жертвы, дела которых рассматриваются в формальной системе правосудия и меньше боятся повторной виктимизации [5]. Аналогично, правонарушители, которые встречаются со своими жертвами посредством медиации, с гораздо большей вероятностью будут привлечены к прямой ответственности за свое поведение, успешно выполнят свои обязательства по возмещению ущерба, впоследствии совершат меньше преступлений и будут удовлетворены как процессом, так и результатом медиации между жертвой и правонарушителем [6, 7].

Семейные групповые конференции – это групповые встречи, на которые приглашаются члены расширенной семьи с целью разрешения конфликтов или проблемного поведения. Они используются в основном, но не исключительно, в случаях, касающихся молодежи. В семейной конференции могут участвовать социальные работники, сотрудники сферы образования и социального обеспечения и т.д. Особенностью этой модели восстановительного правосудия является наличие времени для личного планирования, обычно для самого подростка и его семьи.

Это помогает решить проблему, с которой молодые люди могут столкнуться при выражении своих эмоций.

Семейные групповые конференции особенно хорошо зарекомендовали себя в Новой Зеландии как альтернатива судебной системе для несовершеннолетних, поскольку это стало результатом семейно-ориентированного подхода к исправлению несовершеннолетних в местных традициях. Они включают в себя ценности коренных народов маори, которые подчеркивают роль семьи и общины в борьбе с правонарушениями [8]. Впоследствии Австралия переняла эту концепцию и внедрила несколько моделей семейных групповых конференций. В меньшей степени семейные групповые конференции используются в Соединенных Штатах, включая сообщества во Флориде, Индиане, Мэне, Миннесоте, Монтане, Нью-Мексико, Пенсильвании, Вермонте и Вирджинии [9].

Восстановительная конференция – это более общее понятие, и поэтому его сложнее определить. Как правило, она состоит из структурированного вмешательства медиатора, в котором участвуют все, кто пострадал от инцидента, стремясь возместить причиненный вред. Конференция фокусируется на фактах и последствиях инцидента для всех участников. Результатом часто является способ, с помощью которого правонарушитель может возместить ущерб. Групповые восстановительные конференции, в основном, основываются на утверждении, что люди, как правило, сдерживаются от совершения преступлений двумя неформальными типами социального контроля: совестью и страхом перед социальным неодобрением. Так, Джон Брейтуэйт утверждает, что стыд и страх быть опозоренным людьми, наиболее близкими к преступнику, являются наиболее значимыми сдерживающими факторами для совершения преступлений, чем последствия, налагаемые правовой системой [10].

Непрямая медиация облегчает ситуацию, когда жертва и правонарушитель не хотят встречаться. Медиатор будет отвечать за «передачу» диалога между двумя сторонами. Участие преступников в этом случае обычно предписывается судом. В непрямой медиации обычно участвуют три или четыре представителя жертв, каждый из которых уделяет около 15 минут изложению своей истории в непредвзятой манере. Организации, оказывающие помощь жертвам преступлений, как правило, либо реализуют эту программу для суда, либо работают в сотрудничестве с сотрудниками правоохранительных органов. Они предоставляют такие услуги, как отбор потенциальных членов комиссии, модерация заседаний комиссий и ведение документации.

Кроме рассмотренных наиболее часто используемых моделей существуют и другие формы восстановительного правосудия. К ним относится круговое вынесение приговора, иногда называемое кругом примирения, которое возникло как традиционная практика вынесения санкций и реинтеграции американских индейцев в Соединенных Штатах и коренных народов Канады. Круговое вынесение приговора включает в себя жертв преступлений, правонарушителей, членов семей и друзей, сотрудников правоохранительных органов и социальных служб (включая полицейских, адвокатов и судей), а также заинтересованных жителей общины. Члены круга по очереди обсуждают произошедшее, пытаясь найти понимание того, что случилось. Вместе они определяют шаги, необходимые для оказания помощи всем пострадавшим сторонам и предотвращения будущих преступлений. Все участники круга принимают участие в обсуждениях, чтобы прийти к консенсусу относительно плана вынесения приговора, учитывающего интересы всех заинтересованных сторон [11].

Цели вынесения приговора в кругу включают в себя предоставление возможности правонарушителю загладить свою вину; расширение прав и возможностей жертв, членов сообщества, семей и правонарушителей путем предоставления им возможности обсудить произошедшее и разделить ответственность за поиск конструктивных решений; устранение основных причин преступного поведения; и укрепление чувства общности путем продвижения и распространения ценностей сообщества. Специфика процесса кругового вынесения приговора может варьироваться от сообщества к сообществу и разрабатывается с учетом местных потребностей и культуры. В большинстве сообществ круги проводятся обученным членом сообщества, которого часто называют хранителем. Может быть создан круг исцеления для жертвы, круг исцеления для правонарушителя, круг вынесения приговора для достижения консенсуса по плану наказания и последующие круги для отслеживания прогресса правонарушителя.

Еще одна форма реализации восстановительного правосудия – общественные компенсационные комиссии, которые обычно используются в отношении несовершеннолетних правонарушителей или взрослых правонарушителей, осужденных за ненасильственные и мелкие правонарушения. Компенсационная комиссия обычно включает небольшие группы специально обученных граждан, которые проводят публичные встречи с правонарушителями, которым суд предписал участвовать в ней. Члены комиссии разрабатывают соглашение о санкциях с правонарушителями, контролируют его соблюдение и представляют отчеты о его соблюдении в суд [12].

Цели общественных восстановительных комиссий включают предоставление возможности жертвам и членам сообщества конструктивно противостоять правонарушителям; предоставление возможностей правонарушителям взять на себя личную ответственность и быть привлеченными к ответственности за причиненный ими вред, а также установление значимых последствий за уголовные и противоправные действия.

Восстановительное правосудие иногда может приводить к полезным побочным результатам, таким как примирение и прощение, а также снижение рецидивизма и повторных правонарушений, но это не обязательно является обязательным или центральным элементом процесса. Причина применения восстановительного правосудия заключается в том, что это наилучший способ исцеления и удовлетворения потребностей заинтересованных сторон, вовлеченных в преступление. Кроме того, вопреки распространенным заблуждениям, восстановительное правосудие не обязательно заменяет правовую систему или тюрьмы (часто оно может хорошо работать параллельно с ними).

Практика восстановительного правосудия продолжает набирать популярность в Европе и других странах. Совет Европы активно занимается разработкой руководства для поддержки политики и реализации восстановительного правосудия. Это, отчасти, побуждает европейские государства предоставлять медиацию в качестве услуги на всех этапах уголовного судопроизводства. Сегодня меры восстановительного правосудия в качестве альтернативы тюремному заключению применяются в Австрии, Чехии, Англии и Уэльсе, Финляндии, Германии, Исландии, Молдове, Норвегии, Словении, Испании и Швейцарии.

Семинар, проведенный в Праге в 2003 году, собрал представителей разных европейских стран для консолидации идей по реализации программ восстановительного правосудия и поиска путей продвижения этой практики. На семинаре была достигнута договоренность о необходимости более гибкого законодательства для поощрения и предоставления возможностей для восстановительного правосудия. Джордж Барроу из Национальной службы пробации Англии и Уэльса выделил Чешскую Республику как превосходный пример продвижения программ восстановительного правосудия в качестве альтернативы тюремному заключению, которая работает параллельно с тюремной службой, численность заключенных в которой сокращается [13].

Министерства юстиции Каталонии и Словении заявили о расширении практик восстановительного правосудия. Так, в Каталонии около 2000 молодых правонарушителей ежегодно направляются на такие процессы, в которых участвуют потерпевшие, правонарушители, медиаторы и представители общества.

В Финляндии количество таких направлений резко возросло с 2006 года, когда было зарегистрировано 3848 случаев [14, с. 86]. Однако, исследование, проведенное в Финляндии в 2003 году, показало, что слишком мало дел о преступлениях низкой степени тяжести направляются на медиацию, а также существуют дополнительные проблемы, касающиеся ее использования с несовершеннолетними правонарушителями, которым особенно трудно выражать свои эмоции, что приводит к чрезмерному сосредоточению внимания на соглашении, а не на возмещении ущерба и взаимопонимании, к которым стремятся практики восстановительного правосудия [15].

Следует, однако, отметить, что восстановительное правосудие не является альтернативой тюремному заключению в Боснии и Герцеговине, Болгарии, Хорватии, Эстонии, Италии, Мальте, Монако. Словения и Швейцария не применяют восстановительное правосудие в отношении правонарушителей, с приговорами на срок более трех лет или приговорами за тяжкие преступления. В Люксембурге медиация исключается в случаях кражи и физического насилия.

Суммируя все вышесказанное, мы приходим к заключению, что восстановительное правосудие отдает предпочтение вовлечению всех заинтересованных сторон в совместных процессах уголовного правосудия и консенсусным результатам между заинтересованными сторонами. Восстановительное правосудие – это подход к достижению справедливости, который в максимально возможной степени нацелен на коллективное выявление и решение проблем, потребностей и обязательств с целью исцеления и исправления ситуации, насколько это возможно.

Список литературы:

[1] Handbook on Restorative Justice Programs. – United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), March 2020. – 126 pp.

[2] Umbreit, M. S., Greenwood J., Fercello C., Umbreit J. National Survey of Victim–Offender Mediation Programs in the United States. – Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Office of Victims of Crime, 2000.

[3] Umbreit, M. S. Family Group Conferencing: Implications for Crime Victims. – Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Office of Victims of Crime, 2000.

[4] Umbreit, Mark S., and Jean Greenwood. 2000. Guidelines for Victim-Sensitive Victim–Offender

Mediation: Restorative Justice Through Dialogue. – Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Office of Victims of Crime, 2000.

[5] Behtz, S. A. Justice for All?: Victim Satisfaction with Restorative Justice Conferences. – Electronic Theses and Dissertations, 2004.

[6] Tinneke V. C., Wemmers J.-A. Victim satisfaction with restorative justice More than simply procedural justice. – International Review of Victimology 19 (2), 2013. – P. 117-143.

[7] Nugent, W. R., Paddock J. B. The Effect of Victim–Offender Mediation on Severity of Reoffense. – Mediation Quarterly 12 (4), 1995. – P. 353–367.

[8] McGarrell, Edmund F. Restorative Justice Conferences as an Early Response to Young Offenders. – Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention, 2001.

[9] McGarrell, E. F., Olivare K., Kroovand N. Restorative Justice Conferences as an Early Response to Younger Offenders: Final Report on the Indianapolis Experiment. – Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Bureau of Justice Assistance, 2000.

[10] Braithwaite, John. Crime, Shame, and Reintegration. –England: Cambridge University Press, 1989.

[11] Bazemore, G., Umbreit M. S. A Comparison of Four Restorative Conferencing Justice Models. – Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention, 2001.

[12] Bazemore, G., Umbreit M. S. Balanced and Restorative Justice for Juveniles: A Framework for Juvenile Justice in the 21st Century. –Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention, 1997.

[13] Barrow G. Justice and Balance: Victim, Offender and Community Perspectives. – Probation in Europe, June 2003. // http://www.unicri.it/wwk/documentation/probation/docs/Bulletin_27_E.pdf.

[14] Loffmann M., Morten F. Investigating Alternatives to Imprisonment Within Council of Europe Member States. – The Quaker Council for European Affairs, 2010.

[15] Elonheimo H. Restorative Justice Theory and the Finnish Mediation Practices. – Crime and Control in an Integrating Europe, 2003. // http://www.restorativejustice.org/10fulltext/elonheimo/view.

References:

[1] Handbook on Restorative Justice Programs. – United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), March 2020. – 126 pp.

[2] Umbreit, M. S., Greenwood J., Fercello C., Umbreit J. National Survey of Victim–Offender Mediation Programs in the United States. –Washington, D.C. : U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Office of Victims of Crime, 2000.

[3] Umbreit, M. S. Family Group Conferencing: Implications for Crime Victims. – Washington, D.C. : U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Office of Victims of Crime, 2000.

[4] Umbreit, Mark S., and Jean Greenwood. 2000. Guidelines for Victim-Sensitive Victim–Offender Mediation: Restorative Justice Through Dialogue. – Washington, D.C. : U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Office of Victims of Crime, 2000.

[5] Behtz, S. A. Justice for All?: Victim Satisfaction with Restorative Justice Conferences. – Electronic Theses and Dissertations, 2004.

[6] Tinneke V. C., Wemmers J.-A. Victim satisfaction with restorative justice More than simply procedural justice. – International Review of Victimology 19 (2), 2013. – P. 117-143.

[7] Nugent, W. R., Paddock J. B. The Effect of Victim–Offender Mediation on Severity of Reoffense. – Mediation Quarterly 12 (4), 1995. – P. 353–367.

[8] McGarrell, Edmund F. Restorative Justice Conferences as an Early Response to Young Offenders. – Washington, D.C. : U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention, 2001.

[9] McGarrell, E. F., Olivare K., Kroovand N. Restorative Justice Conferences as an Early Response to Younger Offenders: Final Report on the Indianapolis Experiment. – Washington, D.C. : U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Bureau of Justice Assistance, 2000.

[10] Braithwaite, John. Crime, Shame, and Reintegration. –England: Cambridge University Press, 1989.

[11] Bazemore, G., Umbreit M. S. A Comparison of Four Restorative Conferencing Justice Models. – Washington, D.C. : U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention, 2001.

[12] Bazemore, G., Umbreit M. S. Balanced and Restorative Justice for Juveniles: A Framework for Juvenile Justice in the 21st Century. –Washington, D.C. : U.S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Office of Juvenile Justice and Delinquency Prevention, 1997.

[13] Barrow G. Justice and Balance: Victim, Offender and Community Perspectives. – Probation in Europe, June 2003. // http://www.unicri.it/wwk/documentation/probation/docs/Bulletin_27_E.pdf.

[14] Loffmann M., Morten F. Investigating Alternatives to Imprisonment Within Council of Europe Member States. – The Quaker Council for European Affairs, 2010.

[15] Elonheimo H. Restorative Justice Theory and the Finnish Mediation Practices. – Crime and Control in an Integrating Europe, 2003. // http://www.restorativejustice.org/10fulltext/elonheimo/view.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-161-167

ТРИШИНА Елена Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского процесса,
Саратовская государственная юридическая академия,
e-mail: 06yana@bk.ru

МИШКИНА Мария Дмитриевна,
Саратовская государственная юридическая академия,
e-mail: mashastif@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ В ПРАКТИКЕ ВЫСШИХ СУДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НЕРАЗРЕШЕННЫЕ КОЛЛИЗИИ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию проблем применения норм об исковой давности, возникающих в судебной практике. Анализируются общие вопросы исчисления срока (конкуренция субъективного и объективного критериев, квалификация производных обязательств, восстановление срока), а также специфика применения исковой давности к антикоррупционным и приватизационным искам прокурора. Цель работы - выявить пробелы правового регулирования, порождающие противоречивую судебную практику по вопросам исчисления и восстановления срока исковой давности, а также определить пути их устранения, с учётом дифференциации подходов к защите частных и публичных интересов. На основе анализа правовых позиций Конституционного Суда РФ и практики Верховного Суда РФ выявляются противоречия, как в общих вопросах исчисления срока, так и в специфике применения исковой давности к искам публично-правовых образований и прокурора. Делается вывод о необходимости формирования единообразной позиции высших судов, четко разграничивающей применение исковой давности к частным и публичным интересам. Предлагаются критерии для исчисления сроков исковой давности по приватизационным искам.*

Ключевые слова: *исковая давность, исчисление срока, прокуратура, антикоррупционные иски, приватизационные иски, частный и публичный интерес.*

TRISHINA Elena Gennadevna,
candidate of law, associate professor,
associate professor of the Department of civil procedure,
Saratov State Law Academy

MISHKINA Maria Dmitrievna,
Saratov State Law Academy

PROBLEMS OF CALCULATING THE PERIOD OF LIMITATED LIABILITY IN THE PRACTICE OF THE HIGHER COURTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: UNRESOLVED COLLISIONS

Annotation. *The article is devoted to the study of the problems of application of the rules on the limitation of actions arising in judicial practice. The general issues of calculation of the term (competition of subjective and objective criteria, qualification of derivative obligations, restoration of the term), as well as the specifics of application of the limitation of actions to anti-corruption and privatization claims of the prosecutor are analyzed. The purpose of this work is to identify gaps in legal regulation that give rise to contradictory judicial practice regarding the calculation and restoration of the statute of limitations, and to determine ways*

to eliminate these gaps, taking into account the differentiation of approaches to protecting private and public interests. Based on the analysis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the practice of the Supreme Court of the Russian Federation, contradictions are identified both in general issues of calculating the term and in the specifics of applying the statute of limitations to claims by public legal entities and the prosecutor. It is concluded that it is necessary to form a uniform position of the higher courts that clearly distinguishes between the application of the statute of limitations to private and public interests. Criteria are proposed for calculating the statute of limitations for privatization claims.

Key words: *limitation period, calculation of the period, prosecutor's office, anti-corruption claims, privatization claims, private and public interest.*

Введение

Институт исковой давности, занимая центральное место в системе гарантий стабильности гражданского оборота, сочетает в себе материально-правовые и процессуально-правовые начала, что позволяет говорить о комплексном характере его правовой природы [1, с.152].

В доктринальном понимании срок защиты права трактуется расширительно. С.В. Рогожин определяет его, как период, в течение которого субъективное право обеспечивается комплексом юрисдикционных мер [2, с.16]. В узком, легальном смысле исковая давность — это срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено (ст. 195 ГК РФ). Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 [12] содержит важные разъяснения о применении норм об исковой давности, однако отдельные вопросы сохраняют дискуссионный характер и требуют дальнейшего осмысления.

Особую значимость эти проблемы приобретают в спорах с участием публично-правовых образований и прокурора, где сталкиваются частноправовая природа исковой давности и публичный интерес. Принятие в 2024–2025 г.г. Конституционным Судом РФ ряда актов (постановление от 31 октября 2024 г. № 49-П [13], определение от 14 апреля 2025 г. № 913-О [14]), а также разработка законопроекта, вносящего изменения в ст. 217 ГК РФ, актуализируют необходимость анализа сложившихся подходов.

Субъективный и объективный критерии в механизме исчисления срока исковой давности

Согласно п. 1 ст. 200 ГК РФ течение срока исковой давности начинается с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении права и о надлежащем ответчике. Законодатель закрепляет два критерия: объективный (факт нарушения) и субъективный (осведомленность лица). Как верно указывает К.Ю. Лебедева, юридическая природа срока является комплексным объективно-субъективным явлением [3, с. 26].

Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ в гражданское законодательство введен предельный объективный срок исковой давности - десять лет со дня нарушения права, не зависящий от осведомленности лица (п. 2 ст. 196 ГК РФ) [15].

Е.А. Рыбалка выделяет три модели исчисления срока исковой давности: с момента окончания срока исполнения; с момента востребования; с момента окончания льготного срока, предоставленного должнику [4, с.165-166]. Между тем предложенная классификация не снимает ключевого вопроса: что считать моментом востребования в условиях длительного бездействия кредитора? Предъявление требования зависит от усмотрения кредитора, а значит, объективный критерий (десятилетний срок) вступает в противоречие с субъективным (момент, когда кредитор «решил» потребовать).

Практика Верховного Суда РФ демонстрирует, что проблема конкуренции критериев наиболее остро проявляется в спорах, где право на иск возникает из производного обязательства. Суды нередко «обнуляют» связь между основным и производным требованием, исчисляя срок по производному требованию самостоятельно, что нередко связано с неверной квалификацией природы требования. Показательно дело о возврате предоплаты за непоставленный товар. Суды исчислили срок с момента заявления требования, а не с даты, когда поставка должна была состояться. Верховный Суд РФ признал подход ошибочным, указав, что покупатель узнает о нарушении своего права в момент истечения согласованного срока поставки товара. Требование о возврате предоплаты производно от требования о поставке, поэтому момент возникновения права на иск является единым для обоих требований [16]. Существо данной ошибки заключается не в арифметически неверном исчислении срока. Она разрывает юридическую связь между основным и производным обязательством, позволяя кредитору искусственно «отодвигать» начало течения давности.

Аналогичная коллизия возникает по требованиям банков к страховщикам в связи со смертью заемщика, усугубляясь конкуренцией ст. 200 и ст. 966 ГК РФ. Как справедливо указывают А.В. Никитина и С.Е. Каленов, различия сокращенных сроков связаны не только с их продолжительностью, но и с определением начального момента

исчисления. В большинстве случаев закон устанавливает сокращенные субъективные сроки, но в некоторых случаях их начало связывается с объективными обстоятельствами, что влияет на применение 10-летнего предельного срока [5, с.17].

В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2023) [17] сформулирована правовая позиция, согласно которой срок по требованию банка к страховщику о выплате страхового возмещения в связи со смертью заемщика исчисляется с даты неоплаты заемщиком очередного платежа, а не с момента отказа страховщика в выплате. Разрешая коллизию, Верховный Суд РФ придал решающее значение производному характеру требования, принципу добросовестности и профессиональному статусу банка, который, действуя разумно, мог и должен был своевременно узнать о смерти заемщика и обратиться за страховой выплатой. Формально применив объективный критерий (дата невнесения платежа), Верховный Суд РФ наполнил его субъективным содержанием, что позволяет говорить о конвергенции - сближении и взаимопроникновении - субъективного и объективного подходов. Как отмечает А.В. Егоров, наличие объективного срока не должно отвлекать от основного назначения исковой давности, поэтому исчисление должно происходить, прежде всего, по субъективному критерию [6, с.147].

Приведенные примеры обнаруживают единый системный дефект правоприменения: суды склонны рассматривать производные обязательства как автономные, исчисляя срок исковой давности по ним с момента, удобного кредитору вместо того, чтобы связывать начало течения срока с моментом нарушения основного обязательства. Верховный Суд РФ в обоих случаях последовательно восстанавливает эту связь, однако его правовые позиции, выраженные в конкретных делах и обзорах, не получили системного обобщения, что оставляет риск аналогичных ошибок в будущем.

Проблема восстановления срока исковой давности: субъектный состав

Статья 205 ГК РФ допускает восстановление срока только для граждан. В п.12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 разъясняется, что срок исковой давности, пропущенный юридическим лицом, а также гражданином - индивидуальным предпринимателем по требованиям, связанным с осуществлением предпринимательской деятельности, не подлежит восстановлению независимо от причин его пропуска. Данное положение носит императивный характер. Тем не менее, установленный запрет входит в противоречие с потребностями судебной практики. Суды, сталкиваясь с ситуациями, когда юридическое лицо объективно было лишено возможности своевременно обратиться за защитой, применяют ст. 205 ГК РФ по аналогии, восстанавливая пропущенный срок [18]. Формально такие решения ошибочны, однако они наглядно демонстрируют несовершенство действующего регулирования и его несоответствие целевому назначению института исковой давности. Как справедливо указывает В.В. Груздев, последовательное применение этой логики порождает вопрос о конституционности сложившегося правоприменения. Если индивидуальным предпринимателям в силу п. 4 ст. 23 ГК РФ отказано в восстановлении срока, то данное интерпретационное правило логично распространить и на граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без государственной регистрации. Но тогда остается непонятным, почему закон запрещает восстановление срока некоммерческим организациям и публично-правовым образованиям, не осуществляющим предпринимательскую деятельность [7, с.72].

Представляется, что сложившееся регулирование вступает в противоречие с принципом равенства. Согласно п. 1 ст. 1 и п. 1 ст. 2 ГК РФ публично-правовые образования участвуют в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками. Это предполагает, что в вопросах защиты нарушенных прав (включая восстановление срока исковой давности) они не должны находиться в положении худшем, чем иные участники. Между тем некоммерческие организации и публично-правовые образования лишены возможности восстановить срок, в то время как граждане такой возможностью обладают. Дифференциация, не имеющая под собой конституционно значимых целей (таких как защита слабой стороны, особенности предпринимательского риска и др.), не может быть признана обоснованной. Некоммерческие организации и публично-правовые образования могут оказаться в положении худшем, а в ряде случаев и в более уязвимом, чем граждане (например, при смене руководства, утрате документов в результате чрезвычайных ситуаций), но при этом лишены возможности восстановить пропущенный срок. Это позволяет говорить о наличии конституционно-правовой проблемы, требующей либо законодательной корректировки, либо толкования со стороны Верховного Суда РФ.

Целевое назначение института восстановления срока - защита добросовестного, но объективно лишенного возможности своевременно обратиться за судебной защитой кредитора, вне зависимости от его организационно-правовой формы.

Дифференциация подходов к исчислению срока исковой давности по антикоррупционным и приватизационным искам прокурора

Юридическая природа участия прокурора в гражданском судопроизводстве обусловлена, в том числе, необходимостью защиты публичных интересов (ст. 45 ГПК РФ). Как обоснованно отмечает Е.В. Михайлова, в практике возникла серьезная проблема: применяются ли к гражданским делам, возбуждаемым на основании иска прокурора, общие правила об исковой давности? Прокуратура - уполномоченный орган государства, но государство в лице его органов не выведено законодателем из-под действия общих правил исковой давности. Следовательно, и прокурор связан сроком давности в той же мере, что и само публично-правовое образование. Поэтому исключение его требований из общего правила о применении исковой давности в гражданских делах с участием публичных образований не имеет под собой ни законодательной, ни доктринальной основы [8, с.137].

При этом, как подчёркивает Е.С. Смагина, прокуратура не наделяется государством отраслевой компетенцией, осуществляя в рамках своих универсальных полномочий защиту в цивилистическом процессе прав и интересов иных лиц. Это предопределяет наличие у прокуратуры значительно бóльших возможностей по защите интересов публично-правовых образований, не отраженных в конкретных субъективных правах. Несвязанность прокуратуры с деятельностью соответствующих органов и ее надзорные функции позволяют выявить действительный интерес государства, а не его органа [9, с.117-118].

В этой связи принципиальное значение приобретает вопрос о правовой природе участия прокурора в таких спорах. А.В. Пилинцов указывает, что «срок исковой давности носит материальный характер, а прокурор является истцом исключительно процессуальным, т.е. без собственного материального интереса. Тем самым, срок давности по искам прокурора следует определять так, как если бы с аналогичным иском обратилось лицо, право которого нарушено» [10, с.117]. Процессуальный статус прокурора не должен создавать для государства ни преимуществ, ни изъятий в исчислении срока.

Можно выделить два вида требований, предъявляемых прокурором, где у судов возникают сложности при применении срока исковой давности: антикоррупционные иски - об обращении в доход Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований имущества, в отношении которого не представлено доказательств его приобретения на доходы, полученные законным путем; приватизационные иски - об истребовании имущества, выбывшего из владения Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований в результате его незаконной приватизации (деприватизация), а также о признании сделок приватизации недействительными и применении последствий их недействительности. Заявляемые прокурором требования в обоих случаях преследует одну конечную цель - обращение имущества в доход государства. Однако принципиальное различие двух категорий исков прокурора предопределено характером защищаемых ценностей.

Антикоррупционные иски направлены на защиту конституционно-значимых ценностей: суверенитет, законность, справедливость, доверие к публичной власти. Именно это, по мнению Конституционного Суда РФ, оправдывает изъятие таких споров из-под действия общего режима исковой давности. В постановлении Конституционного Суда РФ от 31октября 2024 г. № 49-П сформулирована важная правовая позиция: сроки исковой давности не распространяются на требования Генерального прокурора РФ и подчиненных ему прокуроров об обращении в доход государства имущества лиц, занимающих (занимавших) публично значимые должности и нарушивших антикоррупционные запреты. При этом сделана важная оговорка: данный подход является исключением и «не может быть автоматически распространен на решение вопроса о применимости или неприменимости исковой давности к иным, помимо указанных, исковым заявлениям, в том числе основанным на нарушении порядка приватизации».

В отличие от антикоррупционных иски о деприватизации не содержат коррупционного элемента и квалифицируются как классические гражданско-правовые споры о праве собственности. Следовательно, на них распространяются общие правила ГК РФ об исковой давности без каких-либо изъятий. Эта позиция подтверждена Конституционным Судом РФ. В определении от 14 апреля 2025 г. № 913-О, со ссылкой на постановление № 49-П, подчеркнуто: освобождение антикоррупционных исков от действия сроков давности не создает особого режима для приватизационных споров. В этом же определении Конституционный Суд РФ ориентировал суды на субъективный критерий исчисления срока: момент, когда публично-правовому образованию (прокурору) стало известно или должно было стать известно о нарушении, определяется судом с учетом всех обстоятельств и не привязан жестко к дате приватизационной сделки.

Между тем данное определение при всей его важности не поставило точку в вопросе о начале течения срока исковой давности по приватизационным искам. Суд обоснованно отверг формальный подход, автоматически привязыва-

ющий начало течения срока к дате совершения приватизационной сделки, и ориентировал суды на исследование реальной осведомленности прокурора о нарушении. Но сам по себе субъективный критерий, будучи не наполненным конкретным содержанием, создает не меньшую неопределенность, чем прежний объективный. Какие обстоятельства позволяют суду сделать вывод, что прокурор должен был узнать о нарушении ранее даты прокурорской проверки? Есть ли у государства обязанность проводить ревизию законности приватизационных сделок, совершённых десятилетия назад? Если да, то с какой периодичностью? Ответы на эти вопросы отсутствуют.

До недавнего времени Верховный Суд РФ подчеркивал, что момент начала течения срока давности связан с осведомленностью публично-правового образования о нарушении его конкретного права и начинает течь с этого временного промежутка, а не с момента проверки, проводимой прокурором [19].

В обоснование требований о деприватизации прокуроры нередко ссылаются на ст. 208 ГК РФ, исключающую применение исковой давности к отдельным категориям требований. В частности, делаются попытки применить абз. 2 ст. 208 ГК РФ, распространяющийся на защиту личных неимущественных прав и иных нематериальных благ. Тем не менее, суды последовательно отвергают этот подход, не признавая такие иски требованиями, направленными на защиту нематериальных благ [20].

Как обоснованно обращает внимание Е.А. Суханов, «принцип равенства участников гражданских правоотношений в полной мере относится и к случаям участия в них государства и других публично-правовых образований» [11, с.10]. Из этого следует, что не требуется создания специальных правил исчисления исковой давности для споров с участием публичных образований. Требования прокурора не включены законодателем в перечень оснований, исключающих действие давностного срока (ст. 208 ГК РФ), а, значит, должны подчиняться общему режиму. Дискуссия о сроках исковой давности по приватизационным спорам ведется не для пересмотра исторических последствий приватизации, а преследует цель защиты права собственности как конституционной ценности. Отсутствие единообразия судебной практики и четкого законодательного регулирования способно привести к утрате баланса между защитой публичных и частных имущественных интересов - когда государство, спустя десятилетия, получает неограниченную возможность изъятия приватизированного имущества, а добросовестный приобретатель лишается стабильности своего права.

Во исполнение поручения Президента РФ подготовлен законопроект, вносящий изменения в ст. 217 ГК РФ [21]. Ключевым моментом законопроекта является введение объективного пресекательного срока: срок исковой давности по искам об истребовании имущества, выбывшего из публичной собственности в результате приватизации, «во всяком случае не может превышать десять лет со дня нарушения права». Это означает, что дата прокурорской проверки утрачивает значение для исчисления срока. Даже если государство, по утверждению прокурора, только сейчас узнало о нарушении, но с момента приватизационной сделки прошло более десяти лет, иск удовлетворению не подлежит. Тем самым, законопроект предлагает жесткий формализованный критерий, исключающий судейское усмотрение и споры о том, «когда государство должно было узнать».

Однако предложенное регулирование порождает ряд новых вопросов. Формальный подход не учитывает степень добросовестности приобретателя. Единый срок для всех случаев, независимо от того, скрывало ли лицо нарушения или открыто владело имуществом, может привести к защите недобросовестных лиц, что противоречит принципам ст. 10 ГК РФ. Представляется, что действие 10-летнего срока должно быть поставлено в зависимость от добросовестности владельца: для недобросовестных лиц срок может исчисляться по общим правилам ст. 200 ГК РФ (с момента обнаружения), а для добросовестных - действовать как пресекательный.

Проведенный анализ позволяет предложить систему критериев для оценки добросовестности бездействия публично-правового образования применительно к приватизационным искам: степень публичной известности нарушения; степень добросовестности поведения собственника имущества; обстоятельства приобретения права собственности; вновь открывшиеся обстоятельства, которые не могли быть известны ранее. Закрепление этих критериев в постановлении Пленума Верховного Суда РФ позволит снизить правовую неопределённость и обеспечить баланс публичных и частных интересов.

При этом законопроект регулирует только приватизационные споры. Антикоррупционные иски остаются за рамками данного регулирования. Для них сохраняется особый, «бессрочный» режим, обусловленный защитой конституционно значимых ценностей.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать наличие системных пробелов в регулировании исчисления срока исковой давности. Оптимальным решением представляется приня-

тие Пленумом Верховного Суда РФ дополнительного постановления, которое охватило бы две группы вопросов. Во-первых, общие проблемы: правила исчисления срока по производным обязательствам; критерии добросовестности кредитора; пределы действия субъективного и объективного критериев при конкуренции норм; вопрос восстановления срока с учётом принципа равенства. Во-вторых, дифференциацию правил для антикоррупционных и приватизационных исков прокурора с учетом позиций Конституционного Суда РФ, в том числе путем введения предложенных критериев для приватизационных споров.

Список литературы:

[1] Ильичев П. А. Некоторые вопросы определения правовой природы срока исковой давности // Актуальные проблемы российского права. - 2013. - №. 2. - С. 151-155.

[2] Рогожин С.В. Сроки защиты прав и законных интересов в частно-правовых отношениях: дисс.. канд. юрид. наук. М., 2025. – 251с.

[3] Лебедева К.Ю. Исковая давность в системе гражданско-правовых сроков: дисс.. канд. юрид. наук. Томск, 2003. - 243 с.

[4] Рыбалка Е. А. Срок исковой давности как фактор стабилизации гражданско-правового оборота //Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. - 2018. - №. 3. - С. 165-167.

[5] Никитина А.В., Каленов С.Е. Сокращенные сроки исковой давности: перспективы развития доктрины, законодательства и судебной практики // Российский судья. - 2025. - N 8. - С. 15 - 19.

[6] Егоров А. В. Исковая давность по требованиям о привлечении к субсидиарной ответственности при банкротстве // Вестник гражданского права. - 2018. - № 4.- Т. 18. - С.132-153

[7] Груздев В.В. Судебное восстановление срока исковой давности // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2024.- N 8. - С. 69 - 76.

[8] Михайлова Е.В. К вопросу об исковой давности в делах с участием публичных образований // Российский юридический журнал. - 2025. - N 2. - С. 132 - 142.

[9] Смагина Е. С. Теоретико-практические проблемы участия государства в современном цивилистическом процессе : дисс.. докт. юрид. наук. Саратов, 2023. – 424 с.

[10] Пилинцов А.В. Неквалифицированный инвестор перед лицом деприватизации // Хозяйство и право. – 2025. – № 9(584). – С. 112-122.

[11] Суханов Е.А. Гражданский кодекс в поиске баланса частных и публичных интересов // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2019. – № 6. – С. 3-12.

[12] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 N 43 (ред. от 22.06.2021) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности»

[13] Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 N 49-П»По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда»

[14] Определение Конституционного Суда РФ от 14.04.2025 N 913-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Мираж» на нарушение его конституционных прав статьями 195 и 196, пунктом 1 статьи 197, пунктом 1 и абзацем вторым пункта 2 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации»

[15] Федеральный закон от 7 мая 2013 г. (ред. от 28.12.2016) № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 20. ст. 2430.

[16] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) (ред. от 27.11.2024).

[17] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023) (ред. от 25.04.2025).

[18] Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации N 2 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.10.2022).

[19] Определение ВС РФ от 01.04.2025 №302-ЭС24-20524 // URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2453310 (дата обращения: 20.02.2026).

[20] Определение ВС РФ от 20.05.2025 №127-КГ25-14-К4 // Официальный портал Судебные решения РФ. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2466966 (дата обращения: 20.02.2026).

[21] Проект Федерального закона О внесении изменения в статью 217 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // URL: https://privlaw.ru/upload/iblock/4e0/ex6s11ulutxm18vgatdd1cjhg9i6ooqe/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%20%D0%A4%D0%97%20%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C.pdf

References:

[1] Ilyichev P. A. Some issues of determining the legal nature of the limitation period//Actual problems of Russian law. - 2013. - №. 2. - S. 151-155.

[2] S.V. Rogozhin. Terms of protection of rights and legitimate interests in private legal relations: diss.. cand. jurid. sciences. M., 2025. - 251s.

[3] Lebedeva K.Yu. Claim prescription in the civil law system: diss.. cand. jurid. sciences. Tomsk, 2003. - 243 s.

[4] Fishing E. A. Limitation period as a factor in stabilizing civil law turnover//Gaps in Russian legislation. Law Journal. - 2018. - №. 3. - S. 165-167.

[5] Nikitina A.V., Kalenov S.E. Shortened limitation periods: prospects for the development of doctrine, legislation and judicial practice//Russian judge. - 2025. - N 8. - S. 15-19.

[6] Egorov A.V. Claim for claims for subsidiary liability in bankruptcy//Bulletin of Civil Law. - 2018. - NO. 4.- T. 18. - P.132-153

[7] Gruzdev V.V. Judicial restoration of the limitation period//Laws of Russia: experience, analysis, practice. - 2024.- N 8. - S. 69 - 76.

[8] E.V. Mikhailova. On the issue of limitation in cases involving public entities//Russian Law Journal. - 2025. - N 2. - S. 132-142.

[9] Smagina E. S. Theoretical and practical problems of state participation in the modern civil process: diss.. doc. jurid. sciences. Saratov, 2023. - 424 s.

[10] Pilintsov A.V. Unqualified investor in the face of deprivation//Economy and law. – 2025. – № 9(584). - S. 112-122.

[11] Sukhanov E.A. Civil Code in the search for a balance of private and public interests//Bulletin of Moscow University. Series 11: Right. – 2019. – № 6. - S. 3-12.

[12] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.09.2015 No. 43 (ed. 22.06.2021) " On certain issues related to the application of the norms of the Civil Code of the Russian Federation on limitation of actions"

[13] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 31.10.2024 N 49-P "In the case of checking the constitutionality of Articles 195 and 196, paragraph 1 of Article 197, paragraph 1 and paragraph two of paragraph 2 of Article 200, paragraph two of Article 208 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the request of the Krasnodar Regional Court"

[14] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.04.2025 No. 913-O "On refusal to accept for consideration the complaint of Mirage Limited Liability Company on violation of its constitutional rights by Articles 195 and 196, paragraph 1 of Article 197, paragraph 1 and paragraph 2 of paragraph 2 of Article 200 of the Civil Code of the Russian Federation"

[15] Federal Law of May 7, 2013 (as amended by 28.12.2016) No. 100-FZ "On Amendments to Subsections 4 and 5 of Section I of Part One and Article 1153 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. № 20. Art. 2430.

[16] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2024) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 29.05.2024) (ed. From 27.11.2024).

[17] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2023) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 26.04.2023) (ed. From 25.04.2025).

[18] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2022) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 12.10.2022).

[19] Definition of the Armed Forces of the Russian Federation dated 01.04.2025 No. 302-EC24-20524//URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2453310 (date of reference: 20.02.2026).

[20] Definition of the Armed Forces of the Russian Federation dated 20.05.2025 No. 127-KG25-14-K4//Official portal Court decisions of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2466966 (access date: 20.02.2026).

[21] Draft Federal Law On Amending Article 217 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation//URL: https://privlaw.ru/upload/iblock/4e0/ex6s11ulutxm18vgatdd1cjhg9i6oo-qe/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B5%D0%BA%D1%82%20%D0%A4%D0%97%20%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C.pdf

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-168-174

ФЕДОТОВА Анастасия Алексеевна,
аспирант кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
e-mail: bolsakovaanastasia9@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВЫ СБЛИЖЕНИЯ ПОДХОДОВ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ДОКАЗЫВАНИИ В УГОЛОВНОМ И ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССАХ

Аннотация. *В статье рассматриваются основные специфические черты отдельных видов процесса, выделяемые в российской доктрине в различные исторические периоды, исследуются подходы к содержанию принципа состязательности. Автор приходит к выводу о том, что экспертиза всегда оставалась институтом, не вписывающимся в чисто состязательные конструкции. На основе обозначенных специфических черт уголовного и цивилистического процесса отмечаются те различия в регламентации использования специальных знаний в доказывании, которые можно признать обоснованными (вопросы инициативы назначения судебной экспертизы и ее предварительной оплаты, существование доказательственных фикций, допустимость внесудебного исследования) и те противоречия, которые являются искусственными и могут быть устранены (формы участия специалиста, доказательственное значение результатов такого участия, допустимость рецензирования).*

Ключевые слова: *специальные знания, судебная экспертиза, специалист, заключение специалиста, консультация специалиста, судебное право, уголовный процесс, цивилистический процесс.*

FEDOTOVA Anastasiia Alekseevna,
Postgraduate student at the Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutor's Supervision of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University

PROSPECTS FOR CONVERGENCE OF APPROACHES TO THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN EVIDENCE IN CRIMINAL AND CIVIL PROCEEDINGS

Annotation. *The article examines the main specific features of certain types of process identified in Russian doctrine in various historical periods, and examines approaches to the content of the adversarial principle. The author comes to the conclusion that expert examination has always remained an institution that does not fit into purely adversarial constructions. Based on the identified specific features of the criminal and civil procedure, the author notes the differences in the regulation of the use of special knowledge in evidence that can be considered justified (issues of initiative for the appointment of a expert examination and its prepayment, the existence of evidentiary fictions, the permissibility of extrajudicial research) and those contradictions that are artificial and can be eliminated (forms of specialist participation, the evidentiary value of the results of such participation, and the permissibility of peer review).*

Key words: *specialized knowledge, expert examination, specialist, specialist opinion, specialist consultation, judicial law, criminal procedure, civil procedure*.

Введение

Появление в последние годы большого числа работ по вопросам использования специальных знаний в доказывании того или иного вида судопроизводства вызывает вопрос о возможности применения предлагаемых подходов в рамках других видов процесса. Особенно остро он встает в связи с провозглашением частью 3 статьи 123 Конституции Российской Федерации принципа состязательности и равноправия сто-

рон в качестве основы осуществления судопроизводства (в силу ч. 2 ст. 118 Конституции РФ - конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного). Диктует ли принцип состязательности и иные связанные с ним начала конкретные правила, по которым должны использоваться специальные знания в доказывании, и должны ли они различаться для разных видов процесса?

Доктрина «судебного права» как основа для выводов

О необходимости комплексного исследования общих проблем правосудия говорилось еще в советский период в рамках дискуссии о «судебном праве» или «процессуальном праве» - отрасли советского права, которая должна была объединить разные виды судопроизводства и судоустройство [1]. Данная доктрина разрабатывалась еще дореволюционными учеными [2], однако именно советскими процессуалистами, признавшими невозможность создания единого процессуального кодекса, было обозначено ее основное практическое значение – «создание благоприятных условий для интегрированного исследования фундаментальных проблем социалистического правосудия» [1, с. 39-40]. По мнению М.С. Строговича, уголовное и гражданское судопроизводство, опираясь на одни процессуальные начала, должны единообразно решать общие для обоих процессов проблемы, пользоваться едиными процессуальными понятиями и устранять искусственные противоречия, которые не обусловлены специфическими отличительными чертами конкретного вида судопроизводства [3].

Сторонниками доктрины «судебного права» признавались обоснованными одинаковые подходы к понятию судебных доказательств, средствам их получения [1, с. 183], деятельности суда по оценке доказательств [1, с. 196-199], понятиям «эксперт», «экспертиза», «заключение эксперта», а также единообразные правила и основания назначения экспертизы, порядок ее проведения, правовое положение экспертов [1, с. 215-218]. Экспертизу они относили к межотраслевым институтам судебного права [1, с. 218].

Также ими отмечалось, что принципы состязательности, равноправия сторон, диспозитивности и материальной истины не содержат принципиальных особенностей в различных видах судопроизводства (что не в последнюю очередь было связано с усилением «следственного начала» в гражданском процессе) и совпадение их содержания, напротив, позволяет говорить о единстве процесса [1, 2]. Советские исследователи в качестве основных отличий гражданского и уголовного судопроизводства называли предметы доказывания и распределение обязанностей по доказыванию [1, с. 43-45, 162]. Если в первом на сторонах лежит бремя доказывания тех обстоятельств, на которые они ссылаются, то во втором - не идет никакой речи о возложении такой обязанности на обвиняемого и сторону защиты в целом. Но и в гражданском процессе распределение между сторонами обязанностей по доказыванию не означало, что суд разрешает дело лишь на основе представленных доказательств [1, с. 162].

Такой подход сторонников концепции «судебного права», допускающих наличие «следственного начала» в гражданском судопроизводстве, все же противоречил распространённому еще в дореволюционный период мнению о том, что наиболее яркой чертой состязательного процесса является принятие судом решения исключительно на основе «данных, предоставляемых ему тяжущимися» [4, с. 89]. Это мнение, опирающееся на свойства гражданских прав и автономию воли сторон в гражданских отношениях, составило «концепцию состязательного судопроизводства», положенную в основу Устава гражданского судопроизводства 1864 г. [4, с. 85-86]. Однако суд не «обрекался на бездеятельность», поскольку должен был проверять доказательства, для чего мог, например, по собственной инициативе потребовать заключение сведущих людей [4, с. 93, 96]. Положение о таком заключении помещалось не в главу «О доказательствах», а в главу «О проверке доказательств». Отнесение заключения сведущих людей к способам проверки доказательств позволяло говорить об отсутствии нарушения судом принципа состязательности при инициативном обращении к этим лицам [4, с. 211].

Аналогичный подход был воспринят ГПК РСФСР 1923 г., однако по ГПК РСФСР 1964 г. заключения экспертов уже стали самостоятельным видом доказательств. Такое изменение было не в последнюю очередь связано с идеей «судебного права», поскольку советские авторы данной концепции считали неправильным отнесение экспертизы не к доказательствам, а к способам проверочных действий, и настаивали на необходимости устранения необоснованных различий и внесении изменений в законодательство по образцу регламентации института экспертизы в уголовном судопроизводстве [1, с. 216].

Таким образом, как в дореволюционный период при попытке провозглашения в гражданском судопроизводстве «чистой состязательности», так и в советский период при допущении в состязательный гражданский процесс «следственного начала», экспертиза всегда оставалась институтом, не вписывающимся в чисто состязательные конструкции.

В настоящее время с усилением в гражданском процессе действия принципов диспозитивности и состязательности [5, с. 47] сложно согласиться с постулатами доктрины «судебного права», поскольку очевидно, что не только различное распределение бремени доказывания и неодинаковые предметы доказывания отличают уголовное судопроизводство от гражданского. Несмотря на положения ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, не совпадает в разных процессах содержание принципа состязательности, различаются и связанные с ним содержание принципа диспозитивности, степень активности суда, стандарты доказывания. В уголовном судопроизводстве действует презумпция невиновности, а его участники наделяются большим объемом процессуальных гарантий прав личности. О единстве процесса если сейчас и говорят, то только применительно к категории «цивилистического процесса», объединяющего гражданское, арбитражное и административное судопроизводство [6].

Между тем, в новейшей литературе, посвященной действию принципа состязательности в гражданском судопроизводстве, обращение суда к специальным знаниям для оценки иных имеющихся по делу доказательств продолжает признаваться допустимым исключением из общего запрета на истребование судом доказательств по своей инициативе [5, с. 175]. В отношении того, что не касается экспертизы, отмечается, что активные действия суда носят исключительно восполнительный характер и должны иметь своей целью лишь оказание процессуального содействия лицам, реально нуждающимся в этом [5, с. 61]. Следовательно, «чистая состязательность» в гражданском судопроизводстве все-таки признается невозможной в силу социального характера правосудия.

Административное судопроизводство, порядок которого устанавливает КАС РФ, во многом копирует подходы, воспринятые в гражданском процессе. В арбитражном судопроизводстве следственное начало существенно ограничено в силу специфики дел, которая, по мнению Конституционного Суда РФ, связана с характером спорных правоотношений и субъектным составом участников спора, обладающих, как правило, «большими материальными возможностями, по сравнению с участниками гражданского судопроизводства» [10].

Не давая оценки сложившимся подходам к принципу состязательности и степени следственного начала в том или ином виде процесса, в следующих разделах будет предпринята попытка установить в соответствии с процитированным в статье высказыванием М.С. Строговича обоснованность различий в регламентации использования специальных знаний.

Различия, обусловленные специфическими чертами процессов

Судебная экспертиза, несмотря на принципиальные различия российского уголовного и цивилистического процесса, существует в каждом из них практически в одинаковом виде и имеет «несостязательную» модель – производится по назначению суда с предоставлением сторонам соответствующего комплекса прав. Это связано с историей данного института, зародившегося и развивавшегося именно в рамках следственного типа процесса, и вытекает из общего стремления разных видов судопроизводства к тому, чтобы достоверно установить обстоятельства по делу и принять справедливое решение.

Как отмечалось ранее, к специфическим чертам отдельных видов судопроизводства в настоящий момент можно отнести особенности распределения бремени доказывания, предметов доказывания, стандартов доказывания, содержания принципов состязательности, диспозитивности, степень активности суда. Представляется, что только они могут обусловливать расхождение в подходах, связанных с использованием специальных знаний в доказывании.

Например, по-разному решается вопрос о том, кто обладает инициативой по назначению экспертизы. В гражданском процессе она может исходить от суда и сторон, которые в случае заявления ходатайства должны предварительно внести денежные средства на депозит суда (ч. 4 ст. 79, ч. 1 ст. 96 ГПК РФ), что, по мнению Конституционного Суда РФ, вытекает из возложенной на них обязанности по доказыванию обстоятельств, на которые они ссылаются [11]. При несоблюдении этого условия суд отказывает в назначении экспертизы, но может с учетом имущественного положения гражданина освободить его от обязанности оплаты либо назначить экспертизу по собственной инициативе, если дело не может быть рассмотрено на основании других представленных сторонами доказательств. В этих исключениях как раз можно увидеть проявление социального характера гражданского судопроизводства, а также продолжение давно сложившейся традиции признания в качестве допустимого исключения из принципа состязательности инициативное обращение суда к использованию специальных знаний. Конституционный Суд РФ объясняет наличие у суда полномочия по назначению экспертизы, как первоначальной, так и повторной или дополнительной, «принципом самостоятельности судебной власти», «проявлением дискреционных полномочий суда, необходимых для осуществления правосудия», «следствием принципа судейского руководства процессом» [12]. При этом в других случаях, не каса-

ющихся экспертизы, Конституционный Суд РФ отмечает, что у суда отсутствует в силу принципа состязательности «возможность истребовать в делах искового производства доказательства по собственной инициативе» [13]. Аналогичные указанным правила действуют и в административном процессе (ч. 5.2 ст. 77, ч. 1 ст. 109 КАС РФ).

В арбитражном судопроизводстве суд назначает экспертизу только по ходатайству лица, участвующего в деле, или с согласия лиц, участвующих в деле. По собственной инициативе – только в исключительных случаях, установленных ч. 1 ст. 82 АПК РФ, что говорит о более последовательной реализации принципа состязательности. В отсутствие внесенных на депозит суда денежных средств экспертиза не будет назначена, за исключением случая, когда дело не может быть рассмотрено на основании других представленных сторонами доказательств (ст. 108 АПК РФ). Но, в отличие от правил, установленных в ГПК РФ и КАС РФ, АПК РФ не содержит указания на то, что в таком случае экспертиза производится по инициативе суда. Следовательно, даже при таких обстоятельствах, когда экспертиза необходима, она будет проведена только в случае, если эксперт согласится провести исследование без предварительной оплаты [10]. При этом суд разъясняет сторонам возможные последствия незаявления ходатайства о назначении экспертизы либо отсутствия согласия на ее назначение, поскольку с учетом правил о бремени доказывания и в силу принципа состязательности именно стороны несут риск последствий несовершения соответствующих процессуальных действий [14].

В уголовном судопроизводстве суд не ограничен в праве назначения судебной экспертизы по своей инициативе. Не идет здесь и речи о предварительном внесении участниками уголовного судопроизводства денежных средств на депозит суда, следователя или дознавателя с целью последующей выплаты вознаграждения эксперту, поскольку от этого не может зависеть возможность заявления ходатайства о назначении судебной экспертизы, иначе бы нарушалось право обвиняемого на защиту, право потерпевшего на доступ к правосудию.

В гражданском и административном процессах при уклонении стороны от участия в экспертизе, непредставлении экспертам необходимых материалов и документов для исследования, суд вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым (ч. 3 ст. 79 ГПК РФ, ч. 5 ст. 77 КАС РФ). Наличие подобных фикций или презумпций свойственно цивилистическому процессу, поскольку вытекает из принципа состязательности и правил о распределении бремени доказывания. АПК РФ подобного положения по какой-то причине не содержит, но его можно вывести из ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ, устанавливающей, что обстоятельства, на которые ссылается сторона в обоснование своих требований или возражений, считаются признанными другой стороной, если они ею прямо не оспорены. Для уголовного судопроизводства подобный подход, конечно, немыслим в силу презумпции невиновности - единственно возможной в области доказывания презумпции.

На практике в цивилистическом процессе гораздо свободнее приобщаются в материалы дела результаты внесудебного исследования, особенно в случае, когда ни одна из сторон на назначении экспертизы не настаивает. Это также объясняется реализацией стороной возложенной на нее обязанности доказывания обстоятельств любыми способами, в том числе письменными доказательствами [15]. По этой же причине только в цивилистическом процессе допускается возможность назначения экспертизы нотариусом в рамках процедуры обеспечения доказательств [16].

В уголовном судопроизводстве правила более строгие: проведение исследования возможно только путем производства судебной экспертизы, заключение эксперта не может подменяться иными документами либо заключениями специалистов [17, 18].

Искусственные противоречия в подходах

В отношении иных, не связанных со спецификой конкретного судопроизводства различий в регламентации использования специальных знаний в доказывании, в литературе неоднократно отмечалась их необоснованность (например, относительно терминологии, состава прав и обязанностей сведущих лиц и участников судопроизводства при назначении экспертизы, регулирования дополнительной и повторной, комиссионной и комплексной экспертиз и пр.) [7].

Ярким примером разобщенности подходов является выделение различных форм использования специальных знаний, помимо судебной экспертизы. В гражданском процессе такой формой являются консультации и пояснения специалиста. Их ГПК РФ не включает в перечень доказательств (ч. 1 ст. 55 ГПК РФ), но устанавливает, что они заслушиваются в судебном заседании (ч. 1 ст. 157 ГПК РФ) и вносятся в протокол (п. 8 ч. 1 ст. 229 ГПК РФ). Из положений ст. 188 ГПК РФ следует, что в данном случае имеется в виду не только участие специалистов в технических вопросах, но и консультативная форма участия. Аналогичные формы участия специалиста существуют и в административном судопроизводстве

(ст. 50, 169 КАС РФ), при этом в ч. 4 ст. 169 КАС РФ прямо указывается, что консультация специалиста не относится к доказательствам по административному делу, хотя она и пояснения специалиста, данные в устной форме, активно используются и оглашаются при исследовании доказательств (ч. 2 ст. 169 КАС РФ), указываются в протоколе судебного заседания (п. 13 ч. 3 ст. 205 КАС РФ).

АПК РФ в перечне доказательств уже предусматривает консультации специалистов (ч. 2 ст. 64) и устанавливает, что они даются в устной форме (ст. ст. 55.1, 87.1), вносятся в протокол судебного заседания (п. 6 ч. 2 ст. 155), однако далее в ч. 1 ст. 162 отмечается возможность суда при исследовании доказательств огласить консультации, представленные в письменной форме. Специалист привлекается, прежде всего, для получения разъяснений, консультаций и выяснения профессионального мнения. На возможность его участия в решении технических вопросов арбитражный процессуальный закон не указывает. В цивилистическом процессе специалист привлекается судом, но по инициативе как суда, так и сторон [19].

УПК РФ включает в перечень доказательств как заключение специалиста, так и его показания (ч. 2 ст. 74). Специалист является участником, который осуществляет консультативную функцию (разъясняет вопросы, входящие в его профессиональную компетенцию), а также участвует в решении технических вопросов (участие в процессуальных действиях и оказание иного содействия лицам, ведущим производство по уголовному делу). В доктрине иногда отмечается, что эти разные виды деятельности осуществляют разные участники («специалисты»), и наименование их одинаковым образом создает путаницу [8, с. 401]. Некоторыми авторами предлагается также наряду с участием специалиста в производстве следственных действий и представлением суждения в форме заключения выделить и иную форму использования специальных знаний – консультацию (по аналогии с гражданским и арбитражным судопроизводством), которая не будет относиться к числу доказательств, но будет полезна субъекту доказывания при их проверке и оценке [9].

Таким образом, в процессуальных кодексах отсутствует единообразие в решении вопроса о процессуальном статусе специалиста, его функциях, формах предоставления результатов его деятельности и ее доказательственном значении. Однако во всех видах судопроизводства существует четкое понимание того, что специалист не производит «специальных исследований, назначаемых на основании определения суда» (ч. 3 ст. 188 ГПК, ч. 1 ст. 169 КАС РФ, ч. 2 ст. 87.1 АПК РФ). В отличие от иных кодексов, в УПК РФ прямо не прописано указанное положение, но оно следует из смысла ст. 80 УПК РФ.

Разный подход можно увидеть и в вопросе возможности рецензирования экспертных заключений. В гражданском и арбитражном процессе многочисленная судебная практика, в том числе Верховного Суда РФ, свидетельствует о том, что рецензии активно используются как «письменное доказательство» [20]. Признается, что задачей специалиста является «оказание содействия суду и лицам, участвующим в деле, в исследовании доказательств» [21], в том числе «при исследовании заключения эксперта» [22]. Конституционный Суд РФ в своих определениях прямо не обозначает допустимость рецензирования, но и не ссылается на безусловную невозможность привлечения специалиста для этих целей. Совершенно другая ситуация в уголовном судопроизводстве, применительно к которому Конституционным Судом РФ сформулирована однозначная правовая позиция о недопустимости оценки специалистом заключения эксперта [18].

Выводы

Таким образом, подходы законодателя к регламентации использования специальных знаний сильно отличаются как внутри цивилистического процесса, так и в сравнении его с уголовным. И если одни отличия абсолютно оправданы в силу специфики судопроизводства, то необходимость других вызывает сомнение. Представляется, что должен быть одинаковым подход в вопросах разграничения форм использования специальных знаний, особенно участия в процессе специалиста, доказательственного значения результатов такого участия, правового статуса сведущих лиц и участников процесса, допустимости рецензирования и пр. Для формирования этого единого подхода особенное значение имеет объединение усилий ученых-процессуалистов и развитие междисциплинарных исследований.

Список литературы:

[1] Полянский Н.Н., Строгович М.С., Савицкий В.М., Мельников А.А. Проблемы судебного права / под ред. В.М. Савицкого. М.: Наука, 1983.

[2] Рязановский В.А. Единство процесса: учеб. пособие. М.: ОАО «Издательский дом «Городец»», 2005.

[3] Строгович М.С. Уголовно-процессуальное право в системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 4. С. 102-109.

[4] Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов: в 2 т. Т. I: Устав гражданского судопроизводства / под ред. Е.А. Борисовой. М., Юстицинформ, 2014.

[5] Алиэскеров М.А. Состязательный гражданский процесс в Российской Федерации: научно-прикладные проблемы: Дисс. …докт. юрид. наук. М., 2025.

[6] Сахнова Т.В. Реформа цивилистического процесса: проблемы и перспективы // Государство и право. 1997. №9. С. 50–56.

[7] Дьяконова О.Г. Нормативная регламентация использования специальных знаний в цивилистических процессах и административном судопроизводстве // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. № 3 (том 17). С. 6-17;

[8] Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. 4-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2025.

[9] Чекулаев Д.П. Возможные формы использования знаний специалиста в уголовном процессе // Судья. 2026. № 2. С. 10–18.

[10] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 43-П // Российская газета. 2023. № 165.

[11] Определение Конституционного Суда РФ от 29.10.2024 № 2826-О // СПС «Гарант».

[12] Определение Конституционного Суда РФ от 27.03.2025 № 693-О // СПС «Гарант».

[13] Определение Конституционного Суда РФ от 30.11.2021 № 2439-О // СПС «Гарант».

[14] Пункт 3 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

[15] Определение Конституционного Суда РФ от 23.04.2020 № 989-О // СПС «Гарант».

[16] Пункт 7.3 Методических рекомендаций по обеспечению доказательств нотариусами, утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты (протокол № 10/23 от 26.06.2023) // СПС «Гарант».

[17] Пункт 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. №2.

[18] Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2021 № 2082-О // СПС «Гарант».

[19] В ГПК РФ и КАС РФ это указано прямо, а для арбитражного судопроизводства вытекает из п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 №46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 3.

[20] Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25.04.2023 № 41-КГ23-9-К4 // СПС «Гарант».

[21] Пункт 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 10; п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 3.

[22] Пункт 14 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе»// Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

References:

[1] Polyansky N.N., Strogovich M.S., Savitsky V.M., Melnikov A.A. Problems of judicial law/ed. V.M. Savitsky. M.: Science, 1983.

[2] Ryazanovsky V.A. Unity of process: tutory. manual. M.: Gorodets Publishing House OJSC, 2005.

[3] Strogovich M.S. Criminal procedure law in the system of Soviet law//Soviet state and law. 1957. № 4. S. 102-109.

[4] Great reform: on the 150th anniversary of the Judicial Charters: in 2 vols. T. I: Charter of civil proceedings/ed. E.A. Borisova. M., Justicinform, 2014.

[5] Alieskerov M.A. Adversarial civil process in the Russian Federation: scientific and applied problems: Diss.... doc. jurid. sciences. M., 2025.

[6] Sakhnova T.V. Reform of the civil process: problems and prospects//State and law. 1997. №9. S. 50-56.

[7] Dyakonova O.G. Regulatory regulation of the use of special knowledge in civil proceedings and administrative proceedings//Theory and practice of forensic examination. 2022. No. 3 (volume 17). S. 6-17;

[8] Course of criminal proceedings/ed. L.V. Golovko. 4th ed., Rev. and add. M.: Statute, 2025.

[9] Chekulaev D.P. Possible forms of using the knowledge of a specialist in criminal proceedings// Judge. 2026. № 2. S. 10-18.

[10] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.07.2023 No. 43-P//Rossiyskaya Gazeta. 2023. № 165.

[11] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 29.10.2024 No. 2826-O//SPS “Garant.”

[12] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 27.03.2025 No. 693-O//SPS “Garant.”

[13] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 30.11.2021 No. 2439-O//SPS “Garant.”

[14] Clause 3 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Feder-

ation of 04.04.2014 No. 23 “On Certain Issues of the Practice of Arbitration Courts Applying Legislation on Expertise “//Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2014. № 6.

[15] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 23.04.2020 No. 989-O//SPS “Garant.”

[16] Clause 7.3 of the Methodological Recommendations on the Provision of Evidence by Notaries, approved by by the decision of the Board of the Federal Notary Chamber (protocol No. 10/23 of 26.06.2023) //SPS “Garant.”

[17] Clause 6 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.12.2010 No. 28 (as amended on 29.06.2021) “ On forensic examination in criminal cases “//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. №2.

[18] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 28.09.2021 No. 2082-O//SPS “Garant.”

[19] This is stated directly in the Code of Civil Procedure of the Russian Federation and CAS of the Russian Federation, and for arbitration proceedings it follows from paragraph 40 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.12.2021 No. 46 “On the Application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation when considering cases in the court of first instance “//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2022. № 3.

[20] Determination of the Investigative Committee for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 25.04.2023 No. 41-KG23-9-K4//SPS “Garant.”

[21] Clause 16 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 26.06.2008 No. 13 “On the application of the norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation when considering and resolving cases in the court of first instance “//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2008. № 10; Clause 40 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.12.2021 No. 46 “On the Application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation when Considering Cases in the Court of First Instance “//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2022. № 3.

[22] Clause 14 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 04.04.2014 No. 23 “On Certain Issues of the Practice of Arbitration Courts Applying Legislation on Expertise “//Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2014. № 6.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-175-178

ЕРМОЛАЕВ Вячеслав Геннадьевич,
преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ДУДАЕВ Анатолий Борисович,
доцент кафедры административно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ФОРМЫ И МЕТОДЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНЫХ ЗАДАЧ

Аннотация. *В данной статье авторами рассмотрен вопрос. В статье рассмотрены формы и методы, применяемые органами внутренних дел, в процессе выполнения оперативно-служебных задач, возложенных на полицию, дана их классификация, выделены основные отличительные черты. Проведен анализ мер, связанных с организацией административной деятельности органов внутренних дел, направленных на пресечение административных правонарушений. Работа ориентирована как на сотрудников правоохранительных органов.*

Ключевые слова: *административная деятельность, полиция, форма, метод, пресечение, предупреждение, принуждение, административное правонарушение.*

ERMOLAEV Vyacheslav Gennadievich,
is a lecturer at the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

DUDAEV Anatoly Borisovich,
Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Candidate of Law, Associate Professor

FORMS AND METHODS OF POLICE ADMINISTRATIVE ACTIVITIES IN CARRYING OUT OPERATIONAL AND SERVICE TASKS

Annotation. *In this article, the authors consider the forms and methods used by internal affairs bodies in the process of carrying out operational and service tasks assigned to the police, their classification, and the main distinguishing features. The article analyzes the measures related to the organization of administrative activities of internal affairs bodies aimed at preventing administrative offenses. The work is aimed at law enforcement officers.*

Key words: *administrative activities, police, form, method, prevention, coercion, administrative offense.*

Формы административной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации представляют собой внешнее выражение конкретных действий сотрудников полиции, направленных на реализацию возложенных на них задач по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности и защите прав граждан. Правовое регулирование этих форм осуществляется Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»[1], иными федеральными законами, в том числе Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [2](далее – КоАП РФ), а также ведомственными нормативными актами МВД России, включая приказы об организации патрульно-постовой службы, работе участковых уполномоченных полиции, деятельности ГАИ и т.д.

Виды форм традиционно делятся на две основные группы:

1. Правовые формы, которые непосредственно влекут юридические последствия (издание индивидуальных правоприменительных актов, составление протоколов, вынесение постановлений о назначении наказания, применение мер обеспечения производства).
2. Неправовые формы, которые не создают, не изменяют и не прекращают правоотношений, но обеспечивают подготовку, организацию и материально-техническое сопровождение правовой деятельности (проведение инструктажей, планирование расстановки сил и средств, ведение служебной документации, эксплуатация технических средств, фотосъемка места происшествия).

Такое деление позволяет четко разграничить действия, имеющие юридическую силу, от вспомогательных мероприятий, направленных на повышение эффективности всей системы административной работы полиции.

Правовые формы административной деятельности полиции делятся на правотворческие, представляющие собой издание нормативных актов Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), обязательных для исполнения подчиненными подразделениями, и правоприменительные, в число которых входит вынесение постановлений по делам об административных правонарушениях, постановка на учет и автомототранспорта, регистрация граждан по месту пребывания, применение мер административного принуждения и другие.

Юридически значимые действия, не являющиеся самостоятельными правовыми актами, но фиксирующие юридические факты и имеющие правовые последствия, охватывают регистрацию заявлений и сообщений в Книге учета сообщений о преступлениях, составление рапортов, объяснений, актов проверок, протоколов осмотра места происшествия, проверку документов, удостоверяющих личность, и внесение сведений в информационные базы данных МВД России.

Неправовые формы деятельности полиции носят вспомогательный характер и исходя из их целей относятся к определенному виду. Первые включают в себя организационные мероприятия, в виде проведения ежедневных разводов, планирования патрулирования, координации действий подразделений. Следующий вид деятельности, относящийся также к неправовым формам охватывает материально-технические действия, состоящие в эксплуатации служебного автотранспорта, использовании систем видеонаблюдения, ведении баз данных, техническом обслуживании вооружения и специальных средств. Третьим видом является информационно-пропагандистская работа, включающая в себя выступления в СМИ, лекции в учебных заведениях, размещение профилактических материалов. Разграничение этих форм на виды позволяет понять, что только правовые формы непосредственно реализуют властные полномочия полиции, тогда как остальные обеспечивают их подготовку, исполнение и контроль.

К перечню основных методов административной деятельности полиции можно отнести убеждение и принуждение. Основные виды убеждения в административной деятельности полиции представляют собой приоритетный метод воздействия, направленный на добровольное соблюдение гражданами норм права без применения принудительных мер. К ним относятся:

- разъяснение требований законодательства (устные и письменные консультации, памятки, разъяснительные беседы);
- профилактические беседы с лицами, состоящими на профилактическом учете, родителями несовершеннолетних правонарушителей, организаторами массовых мероприятий;
- предупреждение о недопустимости противоправных действий (официальные предостережения, объявления о возможных последствиях);
- пропаганда правопорядка и правовой культуры через СМИ, социальные сети, лекции, конкурсы, встречи с населением.

Принуждение как метод административной деятельности полиции применяется только тогда, когда убеждение оказывается недостаточным или невозможным, носит строго властный и односторонний характер, осуществляется вопреки воле субъекта и строго регламентировано законом. Особенности принуждения включают:

– подзаконность и ограниченность перечнем мер, установленных КоАП РФ и Федеральным законом «О полиции»;
– соразмерность и необходимость — применение только при реальной угрозе или для достижения процессуальных целей; индивидуальный подход с учетом личности, возраста, состояния здоровья;
– обязательное документирование (протоколы, рапорты);
– возможность обжалования действий сотрудника полиции;
– запрет на причинение вреда, превышающего необходимый, или унижение человеческого достоинства.

Принуждение всегда вторично по отношению к убеждению и служит инструментом обеспечения законности, а не самоцелью.

К следующим массив методов административной деятельности являются меры административного предупреждения, применяемые полицией, направлены на предотвращение возможных правонарушений и обеспечение общественной безопасности в ситуациях, когда еще не совершено противоправное деяние, но имеется реальная угроза общественному порядку, жизни, здоровью граждан или имуществу. Правовые основы их применения закреплены в статье 13 Федерального закона «О полиции», КоАП РФ и ведомственных актах МВД.

К основным видам мер предупреждения относятся:
– проверка документов, удостоверяющих личность, при наличии оснований полагать, что лицо может совершить правонарушение или находится в розыске;
– оцепление (блокирование) участков местности, жилых помещений, зданий при проведении контртеррористических операций, ликвидации последствий аварий, обеспечении общественного порядка на массовых мероприятиях;
– вхождение в жилые и иные помещения без согласия проживающих в случаях, не терпящих отлагательства (спасение жизни, предотвращение преступления, преследование лица, совершившего побег);
– ограничение или временное запрещение движения транспорта и пешеходов на отдельных участках дорог, улиц, площадей при проведении спецмероприятий, аварий, стихийных бедствий; требование покинуть определенное место или прекратить пребывание в запрещенной зоне (например, вблизи объектов с особым режимом);
– выдача официального предостережения о недопустимости нарушений закона лицам, склонным к противоправному поведению.

Эти меры носят профилактический характер, не связаны с привлечением к ответственности и применяются исключительно при наличии реальной угрозы.

Последней, самой суровой по характеру применения группой методов административной деятельности полиции являются меры административного пресечения и процессуального обеспечения, применяемые сотрудниками полиции, направлены на немедленное прекращение совершаемого правонарушения и обеспечение последующего производства по делу. Правовые основы их применения установлены статьями 13 и 14 Федерального закона «О полиции», главой 27 КоАП РФ, а также ведомственными инструкциями.

К мерам пресечения относятся:
– требование прекратить противоправные действия;
– применение физической силы, специальных средств (наручники, резиновые палки, слезоточивый газ, электрошоковые устройства) и огнестрельного оружия в случаях и порядке, предусмотренных законом;
– принудительная остановка транспортного средства с использованием специальных технических средств или физического воздействия;
– отстранение от управления транспортным средством водителя, находящегося в состоянии опьянения или не имеющего права управления.

Меры процессуального обеспечения включают в себя:
– доставление в служебное помещение полиции для составления протокола или установления личности; административное задержание на срок до трех часов (в исключительных случаях — до 48 часов);
– личный досмотр, досмотр вещей, транспортного средства и багажа;
– осмотр принадлежащих юридическому лицу помещений и территорий; изъятие вещей и документов, явившихся орудиями или предметами правонарушения;
– временное ограничение права управления транспортным средством;
– освидетельствование на состояние опьянения и направление на медицинское освидетельствование [3].

Все эти и ряд других мер применяются только при наличии достаточных оснований, с обязательным соблюдением принципа соразмерности, документированием в форме протоколов и рапортов, а также возможностью последующего обжалования, что обеспечивает баланс между эффективностью пресечения и защитой прав граждан.

В результате проведенного исследования форм и методов административной деятельности полиции приходим к выводу о наличии достаточной правовой регламентации административной деятельности полиции. Однако подтвержденное судебной практикой наличие нарушений прав граждан при их применении свидетельствует о необходимости повышения уровня профессиональной подготовленности сотрудников органов внутренних дел к выполнению служебных обязанностей.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»: [Электронный ресурс] - электрон. данные. - Информационно-правовой портал Гарант (дата обращения: 10.03.2026)

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. - 2002 - № 1 (ч. 1). ст.1.

[3] Балашов, А. И. Правоведение [Текст] : учебник по дисциплине «Правоведение» для студентов вузов, обучающихся по неюридическим специальностям / А. И. Балашов, Г. П. Рудаков. - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва [и др.] : Питер, 2009 (СПб. : Ленингр. изд-во). - 475 с.

References:

[1] Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ “On the Police”: [Electronic Resource] - electron. data. - Information and legal portal Guarantor (accessed on: 10.03.2026)

[2] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001 (ed. 08.03.2026) //Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2002 - No. 1 (part 1). Article 1.

[3] Balashov, A. I. Jurisprudence [Text]: a textbook on the discipline “Jurisprudence” for university students studying in non-legal specialties/A. I. Balashov, G. P. Rudakov. - 4th ed., Revised and add. - Moscow [et al.]: Peter, 2009 (St. Petersburg: Leningr. Publishing House). - 475 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-179-182

ХАРЕБОВ Георгий Зурикоевич,
старший преподаватель кафедры
организации правоохранительной деятельности
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: g.z.kharebov@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ: ОТ ЮРИСДИКЦИОННОЙ МОДЕЛИ К СЕРВИСНО-ЦИФРОВОЙ ПАРАДИГМЕ

Аннотация. *Статья посвящена концептуальному переосмыслению сущности административной деятельности полиции в условиях цифровой трансформации государственного управления и внедрения сервисной идеологии в деятельность правоохранительных органов. Констатируется наличие доктринального разрыва между классическими представлениями об административной деятельности как исключительно властно-принудительной функции и реальной правоприменительной практикой, все более ориентированной на оказание административных услуг и автоматизацию юрисдикционных процедур. На основе анализа современных научных источников и нормативного материала автором обосновывается необходимость формирования интегративной модели административной деятельности, включающей три взаимосвязанных компонента: правоохранительный (юрисдикционный), административно-сервисный (позитивный) и цифровой (автоматизированный). Особое внимание уделяется проблеме определения правового статуса решений, принимаемых автоматизированными системами в рамках административно-юрисдикционного процесса, а также трансформации критериев эффективности деятельности полиции. Аргументируется вывод о том, что сохранение архаичной «палочной» системы оценки, ориентированной исключительно на количественные показатели принуждения, вступает в неустранимое противоречие с законодательно закрепленным принципом общественного доверия. Предложена авторская система критериев оценки эффективности административной деятельности, базирующаяся на интегральном индексе, учитывающем уровень цифровизации, удовлетворенность граждан и показатель законности принимаемых актов. Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении понятийно-категориального аппарата административного права применительно к деятельности органов внутренних дел, а практическая — в формулировании конкретных рекомендаций по совершенствованию ведомственных программ профессиональной подготовки и критериев оценки деятельности территориальных органов.*

Ключевые слова: *административная деятельность полиции; административная юрисдикция; цифровизация; искусственный интеллект; административные услуги; сервисное государство; общественное доверие; эффективность деятельности полиции; административно-процессуальное право; позитивные производства.*

KHAREBOV Georgy Zurikoyevich,
Senior Lecturer at the Department of Law Enforcement Organization
of the North Caucasus Advanced Training Institute (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel

POLICE ADMINISTRATIVE ACTIVITIES: FROM A JURISDICTIONAL MODEL TO A SERVICE-DIGITAL PARADIGM

Annotation. *This article explores the conceptual rethinking of the nature of administrative police activity in the context of the digital transformation of public administration and the introduction of a service-oriented ideology into law enforcement. It identifies a doctrinal gap between classical notions of administrative activity as an exclusively authoritarian and coercive function and actual law enforcement practice, which is increasingly*

focused on the provision of administrative services and the automation of jurisdictional procedures. Based on an analysis of contemporary scientific sources and regulatory material, the author substantiates the need to develop an integrative model of administrative activity that includes three interconnected components: law enforcement (jurisdictional), administrative and service (positive), and digital (automated). Particular attention is paid to determining the legal status of decisions made by automated systems within the administrative and jurisdictional process, as well as the transformation of police performance criteria. It is argued that maintaining the archaic "stick" evaluation system, focused exclusively on quantitative indicators of coercion, is in irreconcilable conflict with the legislatively enshrined principle of public trust. The author proposes a system of criteria for assessing the effectiveness of administrative activity, based on an integrated index that takes into account the level of digitalization, citizen satisfaction, and the legality of adopted regulations. The theoretical significance of the study lies in clarifying the conceptual and categorical apparatus of administrative law as it applies to the activities of internal affairs agencies, and the practical significance lies in formulating specific recommendations for improving departmental professional training programs and performance evaluation criteria for territorial agencies.

Key words: *administrative activities of the police; administrative jurisdiction; digitalization; artificial intelligence; administrative services; service state; public trust; police efficiency; administrative procedural law; positive proceedings.*

Современная административно-правовая наука переживает период фундаментальной ревизии устоявшихся доктринальных конструкций, и административная деятельность полиции в этом процессе занимает особое место. Традиционно рассматриваемая сквозь призму государственно-властного принуждения, исполнительно-распорядительных функций и юрисдикционного производства, сегодня эта деятельность все более явно обнаруживает свою бинарную природу. С одной стороны, полиция сохраняет функции субъекта административной юрисдикции, реализуя классические полномочия по выявлению и пресечению правонарушений. С другой — в структуре административной деятельности все отчетливее проявляется сервисная составляющая, связанная с предоставлением государственных услуг, содействием гражданам в реализации их прав и законных интересов. Данное обстоятельство требует не просто косметической корректировки, но сущностного пересмотра парадигмальных основ понимания административной деятельности полиции.

Как справедливо отмечает Д.Г. Заброда, административная деятельность участковых уполномоченных полиции, традиционно воспринимаемая как сугубо надзорная и профилактическая, фактически включает в себя широкий спектр правопредоставительных и правозащитных действий, не вписывающихся в классические представления об административной юрисдикции [1, с. 241]. Этот вывод имеет значение, выходящее далеко за рамки деятельности конкретной службы. Мы наблюдаем процесс институционализации нового направления административной деятельности — административно-сервисного производства. История отечественного полицейского права знает примеры позитивной деятельности органов внутренних дел, в частности, паспортно-регистрационную функцию, выдачу разрешений на приобретение оружия. Однако, как верно указывает О.Ю. Разгон, на протяжении десятилетий позитивные производства оставались в тени юрисдикционных, воспринимались как второстепенные, факультативные, не образующие самостоятельного научного направления [2, с. 41].

Цифровая трансформация коренным образом меняет эту ситуацию. Перевод массовых административных процедур в электронную форму, реализуемый в рамках функционирования Единого портала государственных и муниципальных услуг, привел к количественному и качественному скачку. Регистрация автотранспорта, выдача справок о наличии (отсутствии) судимости, получение разрешительной документации — эти действия сегодня составляют значительный объем административной деятельности полиции, требуют соответствующего кадрового, технического и, что принципиально важно, правового обеспечения. Вместе с тем, административно-правовая наука до настоящего времени не предложила целостной концепции правового регулирования данной сферы. Фрагментарность доктринального осмысления сервисной функции полиции вступает в противоречие с динамично развивающимся законодательством и правоприменительной практикой. Мы полагаем, что назрела необходимость доктринального признания административно-сервисных производств в качестве полноценного элемента системы административной деятельности полиции, обладающего собственной структурой, принципами и процессуальной формой.

Не менее существенные трансформации переживает и традиционная, юрисдикционная составляющая административной деятельности. Внедрение автоматизированных средств фиксации административных правонарушений, функционирующих в сферах безопасности дорожного

движения, благоустройства, антитеррористической защищенности, породило феномен «цифрового субъекта» административной юрисдикции. Как обоснованно указывает И.А. Зайцев, техническая оснащенность полиции в части выявления правонарушений сегодня существенно опережает процессуальное оформление статуса доказательств, полученных автоматизированными системами [5, с. 52]. Возникает ситуация правовой неопределенности: постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное в автоматическом режиме без участия должностного лица, фактически выступает полноценным актом административной деятельности, однако его юридическая квалификация в качестве результата властной деятельности полиции остается дискуссионной. Мы наблюдаем формирование гибридной модели административной юрисдикции, где субъектами правоприменения выступают не только должностные лица, но и технико-юридические комплексы, чей правовой статус до настоящего времени не легитимирован. Разрешение данного противоречия видится не на пути отрицания автоматизации, а в разработке административно-процессуальных норм, регламентирующих порядок автоматизированного принятия решений, включая механизмы оспаривания и ответственности за возможные сбои в функционировании систем.

Принципиальным представляется и вопрос об изменении критериев оценки эффективности административной деятельности полиции. Действующая система, унаследованная от советской школы административного права, традиционно ориентирована на количественные показатели: количество выявленных правонарушений, число составленных протоколов, сумма наложенных и взысканных штрафов. А.В. Гусев и А.Р. Гиздатов убедительно доказывают, что формальные показатели не только не коррелируют с реальным уровнем защищенности личности и общественной безопасности, но зачастую вступают в прямое противоречие с законодательно закрепленным принципом общественного доверия и поддержки граждан [10, с. 51]. Стимулирование сотрудников полиции к увеличению «валовых» показателей неизбежно провоцирует конфликт между целью административной деятельности (обеспечение безопасности, защита прав) и средством ее достижения (количественная отчетность). Преодоление этого противоречия лежит в плоскости отказа от архаичной модели оценки и внедрения интегральных критериев, отражающих реальную социальную полезность административной деятельности.

Представляется, что в основу такой оценки должен быть положен индекс эффективности, включающий три ключевых компонента. Во-первых, коэффициент удовлетворенности граждан административными услугами и деятельностью полиции в целом, измеряемый посредством независимых социологических опросов. Во-вторых, уровень цифровой доступности, выражающийся в доле государственных услуг, оказанных в электронной форме, а также в оперативности рассмотрения обращений граждан через цифровые платформы. В-третьих, показатель законности, определяемый соотношением числа обжалованных и отмененных либо измененных постановлений по делам об административных правонарушениях. Только внедрение комплексной, многомерной системы оценки позволит преодолеть разрыв между формальной отчетностью и реальным положением дел на административном участке.

Особого внимания заслуживает и кадровое обеспечение административной деятельности в условиях цифровизации. Подготовка сотрудников полиции, осуществляемая в образовательных организациях системы МВД России, традиционно акцентирована на знании материальных норм административного права и процедур принуждения. Однако компетенции, связанные с оказанием административных услуг, коммуникацией в цифровой среде, юридически корректным использованием результатов работы автоматизированных систем, остаются на периферии образовательного процесса. Мы считаем необходимым включение в федеральные государственные образовательные стандарты и ведомственные программы профессиональной подготовки специального модуля, посвященного цифровым компетенциям и сервисной деятельности полиции.

Таким образом, административная деятельность полиции в современный период объективно перерастает рамки классической юрисдикционной модели. Формируется новая, интегративная парадигма, в которой властно-принудительный компонент органично дополняется сервисным и цифровым. Задача административно-правовой науки состоит не в консервации устаревших доктринальных подходов, а в своевременной концептуализации реально складывающихся общественных отношений. Требуется признание административно-сервисных производств полноценным институтом административной деятельности, легитимация цифровых форм административной юрисдикции и коренной пересмотр критериев эффективности. Как справедливо отмечает Ю.П. Соловей, полицейское право возвращается из небытия не только и не столько как право принуждения, сколько как право социального служения [12, с. 38]. И именно это ценностное основание должно стать отправной точкой для дальнейших научных исследований административной деятельности полиции.

Список литературы:

[1] Заброда Д.Г. Понятие и виды административной деятельности участковых уполномоченных полиции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – С. 237–246.

[2] Разгон О.Ю. Генезис позитивных административных производств (на примере Министерства внутренних дел): взгляд на прошлое и современность // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): материалы международной научно-практической конференции. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. – С. 40-44.

[3] Адмиралова И.А. Административная деятельность полиции: гуманистический подход // Российское право: образование, практика, наука. – 2022. – № 4. – С. 8-15.

[4] Зубач А.В., Кокорев А.Н. Административная деятельность органов внутренних дел: учебник для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 420 с.

[5] Зайцев И.А. Теоретический взгляд на правоохранительный аспект административно-юрисдикционной деятельности в условиях цифровизации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2025. – № 2(59). – С. 49–56.

[6] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

[7] Цындря В.Н., Киреев В.В. Проблемы организации и предоставления административных услуг органами внутренних дел // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2015. – № 2. – С. 184–186.

[8] Куракин А.В. Issues of the Administrative Law System (Проблемы системы административного права) // Полицейская и следственная деятельность. – 2024. – № 2. – С. 32–53.

[9] Труфанов М.Е. Административно-правовой статус полиции: современное состояние и перспективы развития: монография. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 288 с.

[10] Гусев А.В., Гиздатов А.Р. Проблемы развития законодательства об оценке эффективности административной деятельности полиции // Актуальные дискуссии по проблемам законодательства: сборник научных трудов. – Казань: Бук, 2024. – С. 49–56.

[11] Каплунов А.И. Административное принуждение в деятельности полиции: теория, практика, проблемы реализации // Административное право и процесс. – 2024. – № 1. – С. 20-26.

[12] Соловей Ю.П. Полицейское право: возвращение из небытия // Государство и право. – 2023. – № 5. – С. 33-42.

References:

[1] Zabroda D.G. Concept and types of administrative activities of district police officers//Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. – 2023. - T. 9 (75). № 3. - S. 237-246.

[2] Acceleration O.Yu. Genesis of positive administrative proceedings (on the example of the Ministry of Internal Affairs): a look at the past and the present//Actual problems of administrative and administrative procedural law (Sorokin readings): materials of the international scientific-practical conference. - St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. - S. 40-44.

[3] Admiralova I.A. Administrative activities of the police: humanistic approach//Russian law: education, practice, science. – 2022. – № 4. - S. 8-15.

[4] Zubach A.V., Kokorev A.N. Administrative activities of internal affairs bodies: textbook for universities. - M.: Yuright Publishing House, 2024. - 420 s.

[5] Zaitsev I.A. Theoretical view on the law enforcement aspect of administrative and jurisdictional activities in the context of digitalization//Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – № 2(59). - S. 49-56.

[6] Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ (as amended by 08.08.2024) " On Police "//Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. – № 7. - Art. 900.

[7] Tsyndrya V.N., Kireev V.V. Problems of organization and provision of administrative services by internal affairs bodies//Business in law. Journal of Economics and Law. – 2015. – № 2. - S. 184-186.

[8] Kurakin A.V. Issues of the Administrative Law System//Police and investigative activities. – 2024. – № 2. - S. 32-53.

[9] M.E. Trufanov. Administrative and legal status of the police: current state and development prospects: monograph. - M.: Yurlitinform, 2023. - 288 p.

[10] Gusev A.V., Gizdatov A.R. Problems of the development of legislation on assessing the effectiveness of administrative activities of the police// Current discussions on the problems of legislation: a collection of scientific papers. - Kazan: Beech, 2024. - S. 49-56.

[11] Kaplunov A.I. Administrative coercion in police activities: theory, practice, implementation problems//Administrative law and process. – 2024. – № 1. - S. 20-26.

[12] Nightingale Y.P. Police law: returning from oblivion//State and law. – 2023. – № 5. - S. 33-42.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-183-187

КАНОКОВА Ляна Юрьевна,
Преподаватель кафедры информационных технологий и специальной техники органов внутренних дел Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ФЕДУЛОВ Борис Александрович,
доктор педагогических наук,
профессор кафедры тактико-специальной подготовки БЮИ МВД России,
e-mail: ferulesvb@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПРИ ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

Аннотация. *В статье раскрывается проблема разработки практических методик и рекомендаций для оказания помощи сотрудниками полиции населению в чрезвычайных ситуациях. Выявлены ключевые факторы, определяющие эффективность оказания помощи населению полицией в чрезвычайных ситуациях: правовые, нормативные, медицинские, психологические. Рассмотрены основные психологические поведенческие реакции и дан анализ: истерике, агрессии, апатии, страха, тревоги и стресса. Раскрыты особенности действий сотрудников полиции по оказанию первичной медицинской и психологической помощи населению. Предложены рекомендации и алгоритмические предписания по действиям в чрезвычайных ситуациях*

Ключевые слова: *чрезвычайные ситуации, помощь населению, сотрудники полиции, медицинская помощь, психологическая помощь, алгоритмические предписания.*

KANOKOVA Lyana Yuryevna,
Lecturer, Department of Information Technology and Specialized Equipment for Internal Affairs Agencies, North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

FEDOLOV Boris Aleksandrovich,
professor of the department of tactical and special training of the Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of pedagogical sciences

PECULIARITIES OF ACTIONS OF POLICE OFFICERS WHEN PROVIDING ASSISTANCE TO THE POPULATION IN EMERGENCY SITUATIONS

Annotation. *The article reveals the problem of developing practical methods and recommendations for providing assistance to the population by police officers in emergency situations. The key factors determining the effectiveness of providing assistance to the population by the police in emergency situations are identified: legal, regulatory, medical, psychological. The main psychological behavioral reactions are considered and an analysis is given: hysteria, aggression, apathy, fear, anxiety and stress. The features of the actions of police officers in providing primary medical and psychological assistance to the population are revealed. Recommendations and algorithmic instructions for actions in emergency situations are proposed.*

Key words: *emergency situations, assistance to the population, police officers, medical assistance, psychological assistance, algorithmic prescriptions.*

Сотрудники правоохранительных органов, чья деятельность напрямую связана с оказанием как медицинской, так и психологической помощи в кризисных ситуациях, зачастую не обладают базовыми навыками в этой области, даже при наличии теоретических знаний, их практическое применение без специальной подготовки вызывает серьезные затруднения. Поэтому рассмотрение Особенностей действий сотрудников полиции по оказанию помощи населению в чрезвычайных ситуациях является актуальной темой.

Оказание помощи пострадавшим, попавшим в чрезвычайные ситуации представлено в значительно количестве работ. Так, например: Александровский Ю.А. раскрывает подробный клинико-организационный подход и профессиональные действия в зависимости от реакций человека на чрезвычайные ситуации [1]; Малкина-Пых И.Г. рассматривает конкретные техники и протоколы помощи при разных психологических реакциях [2]; в работе Осуховой Н.Г. представлен системный подход к оказанию помощи, включая работу с разными группами населения [3]; Котенев И.О., Велик Я.Я. показывают потребность связи теории с практикой при обучению действиям в условиях чрезвычайных ситуаций [4]; Баева И.А. рассматривает профилактику и помощь пострадавшим в широком контексте безопасности [5]. В тоже время комплексно подход оказания медицинской и психологической помощи представлен ограниченным количеством работ, также как и рассмотрение действий по оказанию помощи сотрудниками полиции в чрезвычайных ситуациях.

Цель статьи - раскрыть содержание действий сотрудников полиции по оказанию помощи населению путем анализа наиболее типичных острых поведенческих реакций человека на экстремальную ситуацию и предложить практические рекомендации.

Научная новизна: выявлены ключевые факторы, определяющие эффективность оказания помощи населению полицией в чрезвычайных ситуациях: правовые, нормативные, медицинские, психологические, организационные; проанализированы ключевые реакции при попадании человека в экстремальные ситуации основным: истерика, агрессия, апатия, страх, тревога, стресс; обосновано влияние уровня медицинской и психологической подготовки сотрудников полиции на оказания помощи, пострадавшим в чрезвычайных ситуациях.

Теоретическая значимость: дополнены и конкретизированы теоретические основы оказания помощи, пострадавшим в условиях неопределенности и дефицита времени, характерных для чрезвычайных ситуаций; углублено понимание функциональной роли полиции в современных чрезвычайных ситуаций; конкретизировано понятие «помощь населению полицией в чрезвычайных ситуациях».

Практическое значение работы заключается в том, что она может быть использована при: оптимизации алгоритмических предписаний при оказании помощи населению в условиях чрезвычайных ситуаций; разработки программ профессиональной подготовки и повышения квалификации сотрудников полиции, фокусирующиеся на навыках оказания помощи населению; совершенствовании нормативно-правовой базы деятельности правоохранительной деятельности в чрезвычайных ситуациях.

Особенности условий деятельности в чрезвычайных обстоятельствах заключаются в следующих положениях [6]:

Наличие большого количества пострадавших и необходимость быстрой сортировки для определения очередности оказания помощи тем, кому она жизненно необходима прямо сейчас.

Дефицит времени характеризуется понятием «Золотой час» - критическое время для спасения тяжелораненых, действия должны быть быстрыми и точными.

Ограниченные ресурсы, запасы средств в индивидуальной аптечке сотрудника полиции ограничены, приоритет при распределении тем, у кого угрожающее жизни состояние.

Вначале рассмотрим оказание первой медицинской помощи полицейскими населению в экстремальных обстоятельствах, эта деятельность имеет ряд важных особенностей и ограничений, отличающих от помощи, оказываемой медицинским персоналом. Правовая основа и обязанность сотрудников полиции при оказании помощи пострадавшим регламентируется законодательно ФЗ «О полиции», ст. 12 [7]; ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [8]. Полицейский защищен законом от ответственности за действия по оказанию первой помощи в рамках своей компетенции (ГК РФ, ст. 39 «Крайняя необходимость» и ст. 1067 «Причинение вреда в состоянии крайней необходимости» [9], ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан», ст. 31) [10].

Цель первой помощи сотрудника полиции - спасение жизни и сохранение здоровья пострадавшим

Задачи: 1. Предотвращение смерти пострадавшего на месте ЧС до прибытия медиков. 2. Предотвращение ухудшения, обеспечить стабилизацию состояния, минимизировать осложнения и вторичные повреждения. 3. Содействие выздоровлению, обеспечить условия для эффективного последующего лечения. 4. Обеспечить

безопасность, как для пострадавшего, так и для окружающих, включая самого сотрудника. 5. Подготовить эвакуацию, способствовать возможности безопасной транспортировки пострадавшего медиками.

Раскроем особенности содержания первой медицинской помощи (акцент на угрожающих жизни состояниях) [11].

- Остановка наружного кровотечения: использование жгута (особенно при артериальном кровотечении) – полицейские обучены и обязаны уметь его накладывать. Использование давящих повязок.
- Восстановление проходимости дыхательных путей: удаление видимых инородных тел, запрокидывание головы (если нет подозрения на травму позвоночника), выдвижение нижней челюсти.
- Создание стабильного бокового положения для пострадавших без сознания и с сохраненным дыханием.
- Помощь при отсутствии дыхания: непрямой массаж сердца, проводится только при отсутствии дыхания (или наличии агонального дыхания) и сознания.
- Фиксация шейного отдела позвоночника: крайне важно при любом подозрении на травму (падения с высоты, ДТП, ныряние), фиксация производится руками или подручными средствами до прибытия медиков.
- Наложение повязок: прикрытие ран, ожогов для остановки капиллярного или венозного кровотечения и защиты от инфицирования.
- Иммобилизация переломов: шинирование подручными средствами для уменьшения боли и предотвращения повреждения сосудов или нервов.

Ограничения на действия сотрудника полиции при оказании помощи пострадавшим:

Не заменяет медика, оказывает только первую помощь, а не медицинскую. Его задача - поддержать жизненные функции до прибытия скорой помощи.

Не использует лекарства: В стандартную аптечку сотрудника полиции не входят лекарственные препараты (обезболивающие, антибиотики и т.д.). Исключение - может быть нашатырный спирт для выведения из обморока.

Не устанавливает диагноз, а только определяет угрожающие жизни состояния по явным признакам (кровотечение, отсутствие дыхания, сознания), а не ставит медицинский диагноз.

Не проводит сложные манипуляции, не вправляет вывихи, не накладывает швы, не катетеризирует вены и т.д.

Не транспортирует тяжелораненых без крайней необходимости, только если опасность на месте превышает риск транспортировки (пожар, обрушение, обстрел). Транспортировка должна быть максимально щадящей.

Для получения ключевых навыков подготовки сотрудников полиции необходимо:

Общие принципы:

Безопасность это, прежде всего: обеспечьте безопасность себе, для эффективной помощи пострадавшему и окружающим.

Устраните источники угрозы (огонь, острые предметы, агрессоров).

Недопустимость эскалации: избегайте резких движений, повышенного тона, оценочных суждений («Успокойся!», «Ты неадекватен!»).

Действовать в следующей последовательности: сначала стабилизация состояния, затем — анализ причин, после — решение проблемы.

Алгоритм действий сотрудника полиции при оказании пострадавшим помощи.

Этап 1. Оценка ситуации (первые 10–30 секунд).

Определите тип реакции: агрессия (крики, угрозы, физическая активность); ступор (молчание, отсутствие реакции, «остекленевший» взгляд); истерика (слезы, хаотичные движения, громкие рыдания); психоз (бред, галлюцинации, полная дезориентация).

Проверьте признаки: алкогольное или наркотическое опьянение, травмы (кровь, переломы, симптомы заболеваний (астма, эпилепсия).

Этап 2. Установление контакта.

Физический уровень: держите дистанцию 1–1.5 м, не вторгайтесь в личное пространство; занять положение «сбоку», не напротив — это воспринимается как угроза; опуститесь до уровня глаз человека, если он сидит ил лежит).

Вербальный уровень: представьтесь: «Я (имя), здесь чтобы помочь». Говорите медленно, низким голосом, короткими фразами. Используйте открытые вопросы: «Что вас беспокоит?» вместо «Вы злитесь?». Повторяйте ключевые слова человека («Я вижу, вам страшно»).

Этап 3. Снижение напряжения.

При агрессии или истерике: необходимо дать «выход» эмоциям, сказать: «Я вас слушаю, говорите»; предложите воду, салфетку для переключения внимания; переведите энергию напряжения в действие: «Давайте сядем или пройдемся».

При ступоре: установите тактильный контакт, если он безопасен, например легким прикосновением к руке; задайте простой вопрос: «Как вас зовут?», «Какое сегодня число?»; используйте сенсорные стимулы, дайте подержать холодную бутылку воды.

При психозе или галлюцинациях: не опровергайте бред скажите: «Я верю, что вы это

видите, но сейчас это не здесь»; переключите внимание на реальность, например, попросите: «Посмотрите на мои руки, видите?».

Этап 4. Работа с причиной стрессового состояния.

Выявите причину данного состояния, спросив: «Когда вы почувствовали себя плохо?», «Что произошло перед этим?»; предложите решение - разбейте проблему на части скажите: «Давайте решим сначала самое простое»; дайте ощущение контроля, спросите: «Что вам сейчас нужно больше всего?»; подключите других людей к помощи, например - родственников, друзей; психолога, врача.

Этап 5. Завершение контакта.

Резкое прекращение диалога может вернуть стресс. Резюмируйте: «Итак, мы договорились, что вы...». Укрепите доверие: «Вы справились, это было трудно». Сообщите о завершении: «Я сейчас уйду, но специалисты останутся с вами».

Рекомендации сотруднику полиции, оказывающему помощь: контролируйте себя: дышите глубже, следите за позой, никаких скрещенных рук; не принимайте на свой счет агрессивные действия; если не справляетесь - немедленно зовите подкрепление – медиков или коллег.

Заключение

Первая помощь сотрудника полиции, пострадавшим в чрезвычайных обстоятельствах – это экстренные, жизнесохраняющие действия, выполняемые в условиях высокого риска, дефицита времени и ресурсов, с приоритетом на устранение непосредственных угроз жизни. Она основана на конкретных протоколах, ограничена на законодательном уровне объему вмешательства, в тоже время она является важным звеном в действиях по выживанию пострадавших до прибытия профессиональной помощи.

Список литературы:

[1] Александровский Ю.А. Лобастов О.С., Спивак Л.И. и др. Психогении в экстремальных ситуациях. — М., 1991. — 96 с.

[2] Психические расстройства при чрезвычайных ситуациях. — М.: Медицина, 2005. Малкина-Пых И.Г. Экстремальные ситуации. Справочник практического психолога. — М.: Эксмо, 2006. — 890 с .

[3] Осухова Н.Г. Психологическая помощь в трудных и экстремальных ситуациях. — М.: Академия, 2005. — 288 с.

[4] Котенев И.О., Велик Я.Я. Экстремальная психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2003. № 1 (19). — С.114-117.

[5] Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании: монография. — СПб.: Изд-во «СОЮЗ», 2002. — 271 с.

[6] Психология экстремальных ситуаций: Хрестоматия / Сост. А.Е. Тарас, К.В. Сельченок. — Мн.: Харвест. — М.: АСТ, 2000. 480 с.

[7] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ О полиции. consultant.ru›document/cons_doc_LAW_110165/.

[8] Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. consultant.ru›document/cons_doc_LAW_5295/.

[9] Гражданский кодекс Российской Федерации часть 1 ГК РФ ч.1 от 21.10.1994 № 190-ФЗ. consultant.ru›document/cons_doc_LAW_5142/.

[10] Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ. consultant.ru›document/cons_doc_LAW_121895/.

[11] Основы организации медико-психологического обеспечения населения, медицинских работников и спасателей при чрезвычайных ситуациях: учебное пособие / В.Т. Кайбышев, А.Л. Федотов, Р.А. Хисамутдинов, Г.Л. Матузов, В.М. Ахметов. — Уфа: ФГБОУ ВО БГМУ Минздрава России, 2021. — 75 с.

[12] Красилов О. В. Подготовка курсантов вузов МВД России имитационными методами к деятельности в условиях чрезвычайных ситуаций: дис. канд. пед. наук / Алт. гос. пед. акад. Барнаул, 2010. — 207 с.

[13] Федулов Б.А., Морозов В.А., Стрюц Е.В. Особенности реализации синергетического подхода в образовательном процессе юридического института МВД России. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-3 (61). — С. 208-211.

References:

[1] Aleksandrovsky Yu.A. Lobastov O.S., Spivak L.I. et al. Psychogenics in extreme situations. - M., 1991. - 96 s.

[2] Mental disorders in emergency situations. - M.: Medicine, 2005. Malkina-Pykh I.G. Extreme situations. Practical Psychologist's Handbook. - M.: Eksmo, 2006. - 890 s.

[3] Osukhova N.G. Psychological assistance in difficult and extreme situations. - M.: Academy, 2005. - 288 p.

[4] Kotenev I.O., Velik Y.Ya. Extreme psychology in the activities of employees of internal affairs bodies//Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2003. № 1 (19). — C.114-117.

[5] Baeva I.A. Psychological safety in education: monograph. - St. Petersburg: Publishing House "SOYUZ," 2002. - 271 s.

[6] The psychology of extreme situations: Anthology/Comp. A.E. Taras, K.V. Selchenok. - Mn: Harvest. - M.: AST, 2000. 480 s.

[7] Federal Law No. 07.02.2011 of 3-FZ on the Police. consultant.ru›document/cons_doc_LAW_110165/.

[8] Federal Law No. 21.12.1994 of 68-FZ On the Protection of the Population and Territories from Natural and Man-Made Emergencies. consultant.ru›-document/cons_doc_LAW_5295/.

[9] Civil Code of the Russian Federation, Part 1 of the Civil Code of the Russian Federation, Part 1 of 21.10.1994 No. 190-FZ. consultant.ru›document/cons_doc_LAW_5142/.

[10] Federal Law "On the Basics of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" of 21.11.2011 No. 323-FZ. consultant.ru›document/cons_doc_LAW_121895/.

[11] Fundamentals of the organization of medical and psychological support for the population, medical workers and rescuers in emergency situations: a textbook/V.T. Kaibyshev, A.L. Fedotov, R.A. Khisamutdinov, G.L. Matuzov, V.M. Akhmetov. - Ufa: FSBEI HE BSMU of the Ministry of Health of Russia, 2021. - 75 s.

[12] O.V. Krasilov. Training cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia with imitation methods for activities in emergency situations: dis. cand. ped. Sciences/Alt. state. ped. acad. barnaul, 2010. - 207 s.

[13] Fedulov B.A., Morozov V.A., Stryuts E.V. Features of the implementation of a synergistic approach in the educational process of the legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Philological sciences. Questions of theory and practice. 2016. № 7-3 (61). - S. 208-211.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-188-192

ОМЕЛИН Виктор Николаевич,
Главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: v.omelin@mail.ru

О СООТВЕТСТВИИ НАИМЕНОВАНИЙ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ИХ СОДЕРЖАНИЮ

Аннотация. *В статье проведен анализ содержания отдельных оперативно-розыскных мероприятий, перечисленных в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности». Автор отмечает, что наименования выделенных оперативно-розыскных мероприятий не соответствуют их содержанию. На основе проведенного анализа предлагается уточнить их наименования.*

Ключевые слова: *Оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, сбор образцов для сравнительного исследования, исследование предметов и документов, отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.*

OMELIN Victor Nikolaevich,
Chief research scientist of the Scientific research institute
of the Federal service for execution of punishment of Russia,
Doctor of low, Professor

ON THE CORRESPONDENCE OF THE NAMES OF OPERATIONAL AND SEARCH ACTIVITIES TO THEIR CONTENT

Annotation. *The article analyzes the content of certain operational investigative activities listed in the Federal Law "On Operational Investigative Activities." The author notes that the names of the selected operational investigative activities do not correspond to their content. Based on the analysis, it is proposed to clarify their names.*

Key words: *Operational investigative activities, operational investigative activities, collection of samples for comparative research, examination of objects and documents, identification of individuals, examination of premises, buildings, structures, areas, and vehicles.*

Совершенствование оперативно-розыскной деятельности (далее - ОРД) предполагает выделение и тщательное исследование всех особенностей элементов ее составляющих. Важнейшими структурными элементами оперативно-розыскной деятельности выступают оперативно-розыскные мероприятия (далее ОРМ).

Термин «оперативно-розыскные мероприятия» многократно упоминается в Федеральном законе от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 04.01.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее - Закон об ОРД), других федеральных законах и подзаконных нормативных правовых актах. Однако законодатель не разъясняет содержания данного термина, как это сделано в отношении ряда других юридических понятий (ст 1. Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О наркотических средствах и психотропных веществах». Проблемой также является отсутствие законодательных определений содержания ОРМ, перечисленных в ст. 6 данного закона.

К сожалению, по рассматриваемому вопросу нет достаточной ясности и точности в юридической литературе. Это обстоятельство не может не отразиться на восприятии практиками сущности и содержания ОРМ. С учетом того, что ОРМ в Российской Федерации полномочны осуществлять различные правоохранительные органы и спецслужбы, проблема единообразного понимания отдельных видов ОРМ и, следовательно, законности оперативно-розыскной деятельности перестает быть сугубо научной. Она актуальна не только для правоприменителя (опе-

ративного сотрудника, прокурора, следователя, судьи), но также для каждого, кто вольно или невольно вовлечен в сферу функционирования оперативно-розыскных органов, кто становится объектом ОРД.

С этих позиций остановимся на проблемных (дискуссионных) аспектах наименования отдельных ОРМ.

Сбор образцов для сравнительного исследования (далее – сбор образцов) предусмотрен п. 3 ч. 1 ст. 6 Закона об ОРД. Сбор образцов представляет собой обнаружение и изъятие материальных носителей информации, необходимых для их последующего криминалистического, научно-технического или иного исследования в целях решения задач ОРД. В качестве предметов, сбор образцов которых осуществляется в процессе оперативно-розыскной деятельности, могут выступать, в частности: единичные экземпляры контрабандой партии товара или предметов, оборот которых запрещен или ограничен; частицы наркотических, ядовитых или других веществ, руды, содержащей драгоценные металлы; образцы почерка и любые другие предметы, вещи и вещества.

Исходя из наименования, сбор образцов преследует цель обеспечения возможности непроцессуального сравнительного исследования материальных носителей информации. Анализ практической деятельности оперативных подразделений свидетельствует о том, что образцы могут собираться не только с помощью ОРМ «сбор образцов», но и с помощью иных ОРМ: проверочной закупки, обследования помещений и иных объектов, контролируемой поставки, оперативного эксперимента. В этом случае лицо, у которого изымаются соответствующие образцы, рассматривается исключительно в качестве объекта данного ОРМ.

Е.Н. Яковец вполне обоснованно обратил внимание, что исследование предметов и документов, для дальнейшего проведения которого во многом и предназначено рассматриваемое ОРМ, может являться не только сравнительным, то есть идентификационным (например в целях идентификации подозреваемых лиц по почерку и решения в последующем вопроса о их причастности к совершенному преступлению), но и диагностическим, т.е. преследующим иные цели и реализующим иные методы. Развивая эту мысль, Е.Н. Яковец отмечает, что при проведении диагностических исследований, к примеру, письменной речи можно определить, в какой среде следует искать неизвестного автора, каковы его возраст, профессия, информированность о фактах, известных определенному кругу лиц. В ходе проведения таких исследований можно получить ответы на следующие вопросы: мужчиной или женщиной выполнен рукописный текст; какой рукой (левой или правой) выполнен рукописный текст; какова грамотность лица, выполнившего рукопись; не выполнен ли рукописный текст в состоянии опьянения [1, С. 101].

Сходной позиции придерживаются и другие ученые, указывая, что содержание ОРМ «сбор образцов …» несколько шире его законодательного названия, поскольку образцы могут собираться не только для сравнительного исследования, но и для определения их состава (свойств, признаков). Например, получение образца вещества для определения его принадлежности к наркотическим средствам или психотропным веществам, образца товара для его проверки на контрафактность, образца денежной купюры для установления признаков ее подделки и т.д.[2, С. 101].

Приведенные выше позиции ученых свидетельствуют о том, что законодательное наименование рассматриваемого ОРМ ущербно, так как далеко не исчерпывает всего содержания сбора образцов. В этой связи следует поддержать предложение о целесообразности уточнения его наименования в следующей редакции: «Сбор образцов для оперативного исследования» [3, С. 14].

Исследование предметов и документов предусмотрено п. 5 ч. 1 ст. 6 Закона об ОРД. Сущность этого ОРМ заключается в проведении с привлечением специалистов, т.е. сведущих лиц, обладающих научными, техническими и иными специальными познаниями, необходимыми для изучения материальных объектов при решении задач ОРД. По алгоритму осуществления данное ОРМ практически полностью соответствует судебной экспертизе, однако носит непроцессуальный характер.

Исследование предметов и документов, также как и судебная экспертиза (трасологическая, баллистическая, почерковедческая, химическая и др.), базируется на криминалистических и иных научных методах исследования, но при этом не теряет своего оперативно-розыскного характера. Использование инструментальных средств и научных методик в ходе исследования предметов и документов вполне оправдано и закономерно.

Объектами проведения данного ОРМ являются не только фигурирующие в его названии «предметы» (например оружие) и «документы» (поддельный рецепт на наркотикосодержащие лекарства). Наряду с предметами и документами к перечню исследуемых объектов следует отнести и другие материально определённые объекты, изучаемые в ОРД, к которым относятся живые лица (ткани и выделения человека), их

трупы, водные биологические ресурсы, вещества (в том числе – наркотические), транспортные средства и др.

В этой связи согласимся с авторами, которые предлагают уточнить законодательное наименование данного ОРМ, сформулировав его следующим образом: «Оперативное исследование предметов документов и иных объектов» [3, С. 14]. Предлагаемая формулировка позволит исследовать в оперативных целях формально неограниченный перечень объектов, не только предметы и документы, но животных и их трупы, различного рода вещества, объекты биологического происхождения (обрывки волос, обломки зубов, ногтевых пластин) и др.

Отождествление личности предусмотрено п. 7 ч. 1 ст. 6 Закона об ОРД. Данное ОРМ представляет собой непроцессуальную идентификацию объекта (лица) по его мысленному образу в сознании опознающего лица, проходящего по делу (свидетеля, потерпевшего), либо лица, заявившего об исчезновении разыскиваемого или иных лиц, знакомых с опознаваемым.

Отождествление личности подразделяется на два вида: непосредственное, которое проводится путём визуального и или слухового восприятия признаков внешнего облика, устной речи опознаваемого лица, и опосредованное - проводится по фотографическим снимкам, видеозаписям, по словесному, субъективному портретам и др.

Следует особо подчеркнуть, что перечень объектов отождествления помимо физических лиц включает практически все материально определённые объекты ОРД – предметы, трупы, транспортные средства, документы, денежные знаки, особо ценные дикие животные и водные биоресурсы, объекты контрабанды, объекты интеллектуальной деятельности, вещества, сырьё, сооружения, участки местности и др. Их отождествление по мысленным образам, описаниям и изображениям достаточно широко осуществляется в оперативно-розыскной практике оперативно-розыскных органов.

Ранее указывали на несоответствие наименований некоторых ОРМ их содержанию. В данном случае налицо ещё один подобный пример.

В юридической литературе по поводу переименования ОРМ «отождествление личности» высказано несколько точек зрения. По нашему мнению, приемлемой формулировкой представляется следующая редакция рассматриваемого ОРМ: «Оперативно отождествление личности и иных объектов» [3, С. 14].

Как видно, в предлагаемой формулировке рассматриваемое ОРМ включает в себя все виды непроцессуальной идентификации ранее перечисленных объектов ОРД по мысленным образам, создаваемым на их основе описаниям, а также по изображениям.

Такой подход реализован в Законе Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» Согласно ст. 25 оперативное отождествление представляет собой установление по индивидуальным признакам персональных данных гражданина или тождества гражданина, предмета и документа, компьютерной информации, в отношении которых проводится оперативно-розыскное мероприятие, соответственно с гражданином, предметом и документом, компьютерной информацией, о которых ранее получены сведения при осуществлении оперативно-розыскной деятельности органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности [4].

Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (далее – обследование).

В п. 8 ч. 1 ст. 6 Закона об ОРД основные виды материальных объектов при проведении обследования перечислены в названии этого ОРМ: помещения, здания, сооружения, участки местности и транспортные средства.

По мнению авторов комментария к Закона об ОРД, под помещением как объектом обследования следует понимать часть жилого, административного служебного, производственного строения, сооружения, предназначенная для размещения людей или материальных ценностей. Оно может быть как постоянным, так и временным (например, надувной ангар, брезентовый шатер, палатка), как стационарным, так и передвижным [5, С. 112]. Акцентируем внимание, что авторы комментария включают в понятие помещение и часть жилого строения. Речь идет о помещениях, отнесенных к категории жилища.

В плане сравнительного анализа особый интерес представляет квалифицирующие признаки преступлений против собственности (глава 21 УК РФ). Речь идет о совершении хищения с незаконным проникновением в жилище, в помещение либо иное хранилище (п. «б» ч. 2, п. «а» ч. 3 ст. 158; п. «в» ч. 2 ст. 161; ч. 3 ст. 162 УК РФ). Как видно, УК РФ в отличие от Закона об ОРД разделяет понятия «жилище» и «помещение либо иное хранилище».

В целях единообразного применения уголовного закона и правильного его толкования законодатель в примечании к ст. 139 УК РФ «Нарушение неприкосновенности жилища» раскрыл понятие жилища; дополнил примечание к ст. 158 УК РФ и в пункте 3 определил указанные

выше термины: «Под помещением в статьях главы 21 УК РФ понимаются строения и сооружения независимо от форм собственности, предназначенные для временного нахождения людей или размещения материальных ценностей в производственных или иных служебных целях. Под хранилищем в статьях главы 21 УК РФ понимаются хозяйственные помещения, обособленные от жилых построек, участки территории, трубопроводы, иные сооружения независимо от форм собственности, которые предназначены для постоянного или временного хранения материальных ценностей.

В юридической литературе высказаны точки зрения, касающиеся уточнения названия рассматриваемого ОРМ. Так, В.М. Атмажитов и В.Г. Бобров предлагают «Обследование помещений зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» переименовать в «Оперативный осмотр». При этом подчеркивают, что осматриваться могут не только объекты, перечисленные в действующем Законе, но также и иные объекты (предметы, документы и т.д.) [3, С. 14].

По поводу термина «оперативный осмотр» отметим, что данный термин широко использовался ранее и используется в настоящее время в учебной и научной литературе по оперативно-розыскной проблематике [6, С. 84-91], а также в ведомственных нормативных правовых актах оперативно-розыскных органов, регулирующих проведение ОРМ. На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что термин «оперативный осмотр» является служебным (ведомственным) понятием, относящимся главным образом к проведению ОРМ

В литературе высказано мнение, что термины «обследование» и «оперативный осмотр» представляется вполне правомерным употреблять в качестве равнозначных названий одного и того же ОРМ. К объектам оперативного осмотра, прежде всего, относятся служебные и жилые помещения, здания, сооружения, участки местности и транспортные средства. Кроме этого, объектами осмотра могут быть документы, личные вещи, одежда, животные или человек, на теле которого обнаружены следы преступления. Целью оперативного осмотра может быть решение целого ряда частных тактических задач оперативно-розыскной деятельности, в частности, установление следов преступной деятельности, предметов и документов, которые могут стать судебными доказательствами и пр. [7, С.113].

По нашему мнению, предложение переименовать «обследование» в «оперативный осмотр» не дает достаточно полного представления о его содержании и толковании. Учитывая, что действующий Закон об ОРД не содержит законодательных определений ОРМ, перечисленных в ст. 6, правоприменителю трудно уяснить, какие виды объектов подлежат оперативному осмотру при решении задач ОРД. От этого в сильной степени зависит и процесс применения действующих правовых норм на практике.

В сравнительном плане обратим внимание, что определяя понятие и содержание оперативного осмотра как ОРМ, Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» закрепляет перечень осматриваемых объектов: жилище и иное законное владение гражданина, помещения, здания, сооружения, транспортные средства, иные объекты и территории организации, участки местности (ст. 26) [4].

В силу названных причин представляется более продуктивным п. 8 ч. 1 ст. 6 данного закона изложить в следующей редакции: «Обследование жилища, помещений, зданий, сооружений, участков местности, транспортных средств и иных объектов» (курсивом выделены предлагаемые изменения в Закон об ОРД).

В пользу данного предложения можно высказать и такой довод. УПК РФ детально регламентирует порядок производства осмотра как следственного действия, включая: осмотр жилища (п. 4 ч.2 ст. 29); осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов (ч. 1 ст. 144); осмотр местности, иного помещения (ч. 1 ст. 176); осмотр следов преступления (ч. 1 ст. 177) и др. Как видно, УПК РФ существенно детализировал порядок производства различных видов осмотра в уголовном судопроизводстве. Представляется, что такой подход заслуживает внимания с точки зрения его возможной реализации в Законе об ОРД и ведомственных нормативных правовых актах оперативно-розыскных органов, что создаст более четкое представление о содержании оперативного обследования.

Список литературы:

[1] Яковец Е.Н. Проблемы аналитической работы в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: монография. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2005. С. 101.

[2] Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Научно-практический комментарий / Под ред. проф. А.Е.Чечетина. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России. 2022. С. 101.

[3] Атмажитов В.М., Бобров В.Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: Научный доклад. – М.: Изд-ль Шумилова И.И. 2003. С. 14.

[4] Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З (ред. от 06.01.2021) «Об оператив-

но-розыскной деятельности» // [Электронный ресурс] - Режим доступа: online.zakon.kz (дата обращения 23.03.2026 г.

[5] Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека / Вступ. ст. В.Д. Зорькина. – М., 2006. С. 112.

[6] Шашин Д.Г. Оперативный осмотр в теории и практике оперативно-розыскной и административной деятельности органов внутренних дел // Научный портал МВД России. 2017. № 4 (40). С. 84-91.

[7] Основы оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие / Под ред А.Е. Чечетина. – Барнаул. 2003. С.113.

References:

[1] Yakovets E.N. Problems of analytical work in the operational-search activities of internal affairs bodies: monograph. M.: Publishing house Shumilova I.I., 2005. S. 101.

[2] Federal Law “On Operational-Search Activities”: Scientific and Practical Commentary/Ed. Prof. A.E. Chechetina. Barnaul: Barnaul lawyer. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. C. 101.

[3] Atmazhitov V.M., Bobrov V.G. On the legislative regulation of operational-search activities: Scientific report. - M.: Publishing house I.I. Shumilova 2003. S. 14.

[4] Law of the Republic of Belarus dated July 15, 2015 No. 307-Z (as amended on 06.01.2021) “ On operational-search activities “//[Electronic resource] - Access mode: online.zakon.kz (date of appeal 23.03.2026

[5] Commentary to the Federal Law “On Operational-Search Activities.” With the attachment of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights/ Entry. Art. V.D. Zorkin. - M., 2006. S. 112.

[6] Shashin D.G. Operational inspection in the theory and practice of operational-search and administrative activities of the internal affairs bodies//Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4 (40). S. 84-91.

[7] Fundamentals of operational-search activities: Textbook/Ed by A.E. Chechetina. - Barnaul. 2003. S.113.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-193-196

ВИКТОРОВ Антон Юрьевич,
преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России, майор полиции,
e-mail: Viktorovanton@ayndex.ru

ОРЛОВА Дарья Анатольевна,
преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, капитан полиции,
e-mail: orlova-dasha-86@mail.ru

ПЕТРОВА Елена Анатольевна,
старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат политических наук, майор полиции,
e-mail: elena_kleshchar@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ (НОСИМЫХ ВИДЕОРЕГИСТРАТОРОВ) ПРИ ОЦЕНКЕ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются административно-правовые аспекты использования средств аудиовизуального контроля, в частности носимых видеорегистраторов, в деятельности правоохранительных органов. Особое внимание уделяется их роли при оценке правомерности применения огнестрельного оружия. Анализируются нормативные основы использования видеорегистраторов, их доказательственное значение, а также проблемы правоприменительной практики. Формулируются предложения по совершенствованию административно-правового регулирования в данной сфере.*

Ключевые слова: *видеорегистраторы; аудиовизуальный контроль; огнестрельное оружие; административное право; доказательства; правоохранительная деятельность; законность; цифровизация*.

VIKTOROV Anton Yuryevich,
Lecturer in the Department of Firearms and Tactical-Special Training at the Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

ORLOVA Daria Anatolyevna,
Lecturer in the Department of General Legal Disciplines at the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Captain

PETROVA Elena Anatolyevna,
Senior Lecturer in the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Directorate at the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Political Science, Police Major

ADMINISTRATIVE AND LEGAL ASPECTS OF THE USE OF AUDIOVISUAL CONTROL MEANS (WEARABLE VIDEO RECORDERS) IN ASSESSING THE LEGALITY OF THE USE OF FIREARMS

Annotation. *This article examines the administrative and legal aspects of the use of audiovisual surveillance devices, particularly body-worn video recorders, in law enforcement activities. Particular attention is paid to their role in assessing the legality of firearms use. The regulatory framework for the use of body-worn video recorders, their evidentiary value, and challenges in law enforcement are analyzed. Proposals for improving administrative and legal regulation in this area are formulated.*

Key words: *video recorders; audiovisual surveillance; firearms; administrative law; evidence; law enforcement; legality; digitalization*.

Полиция должна осуществлять свою деятельность на основе соблюдения и уважения прав и свобод человека, в точном соответствии с законом, а также обязана использовать в своей деятельности достижения науки и техники, в том числе технические средства визуального контроля.

В соответствии с Федеральным законом «О полиции» [1] (далее – ФЗ «О полиции») полиция имеет право:

1) использовать технические средства, включая средства фото- и видеофиксации, при документировании обстоятельств совершения преступлений, административных правонарушений, обстоятельств происшествий, в том числе в общественных местах, а также для фиксирования действий сотрудников полиции, выполняющих возложенные на них обязанности (ч. 3 ст. 11 ФЗ «О полиции») [1];
2) производить фотографирование, аудиозапись и видеосъёмку лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, заключенных под стражу, обвиняемых в совершении преступления, подвергнутых административному наказанию в виде административного ареста, иных задержанных лиц, если в течение установленного срока задержания достоверно установить их личность не представилось возможным, а также других лиц в соответствии с федеральным законом (п. 19 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции») [1];
3) применять видеотехнику и фотоаппаратуру, а также другие технические средства, не причиняющие вреда жизни и здоровью граждан, а также окружающей среде (п. 33 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции») [1];
4) вести видеобанки и видеотеки лиц, проходивших (проходящих) по делам и материалам проверок полиции (п. 33 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции» [1];
5) формировать, вести и использовать банки данных оперативно-справочной, криминалистической, экспертно-криминалистической, разыскной и иной информации о лицах, предметах и фактах (п. 33 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции») [1].

Необходимо обратить внимание на то, что в основном законодатель ориентирует полицию на применение технических средств, пред- назначенных для регистрации визуальной информации, а не для наблюдения. При использовании видеокамер, как правило, одновременно производится и аудиозапись, которая в дальнейшем помогает лучше понять смысл просматриваемых событий. Зафиксированные сотрудниками полиции сведения позволяют пополнять банки данных, эксплуатируемые различными подразделениями ОВД [7].

Средства аудиовизуального контроля, в частности носимые видеорегистраторы, полностью интегрированы в нормативно-правовую базу как обязательный и неотъемлемый элемент служебной деятельности органов полиции Российской Федерации. Как мы уже останавливались выше, согласно положениям ст. 13 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», сотрудники полиции не только вправе, но и обязаны использовать технические средства для фиксации происшествий и служебных действий, что прямо распространяется на носимые устройства, обеспечивающие непрерывную аудио- и видеозапись в реальном времени, включая моменты повышенной интенсивности [1].

Рост инцидентов с оружием по статистике регионов РФ подчеркивает актуальность унифицированных подходов к экспертизе видеоданных и их процессуальному применению. Исследования отмечают сокращение жалоб на полицию и упрощение внутренних проверок благодаря этим технологиям. Приказ МВД России от 06.06.2017 № 387 «Об утверждении Инструкции по применению видеорегистраторов...» [4] (с учетом аналогичных региональных актов и последующих изменений) детально регулирует порядок применения таких устройств, предписывая их обязательное использование при несении службы на маршрутах патрулирования, при задержаниях, применении силы и других операциях, а также устанавли-

вает строгие правила хранения, передачи и уничтожения записей после истечения установленных сроков. Очевидно, что оба этих нормативных акта исключают возможность выхода сотрудников на линию без исправных и активированных носимых видеорегистраторов, предусматривая административную ответственность за нарушения, что формирует комплексный административно-правовой механизм, в рамках которого видеофиксация выступает не только как инструмент оперативного контроля за законностью действий, но и как профилактическая мера, минимизирующая риски субъективных оценок и конфликтов.

Данный административно-правовой механизм дополняется положениями Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который устанавливает общие принципы обработки аудиовизуальных данных, полученных с помощью носимых видеорегистраторов, включая требования к их защите от несанкционированного доступа, уничтожения или искажения. При этом, эти положения конкретизируются внутренними приказами МВД России, такими как Приказ № 825 от 03.11.2023 «О технических требованиях к носимым видеорегистраторам» [5], определяющий технические стандарты устройств (минимальное разрешение видео, продолжительность автономной работы не менее 8 часов, защиту от внешних воздействий, включая влагу и механические повреждения), что обеспечивает их надежность в полевых условиях и доказательственную ценность материалов. Минимальные стандарты качества изображения устанавливаются не ниже HD-разрешения, аудиозаписи должны быть с четкой фиксацией звуков и команд, параметры хранения данных устанавливаются не менее 12 месяцев для инцидентных записей. Такие требования при проведении комплексной экспертизы, проводимой с использованием специализированного программного обеспечения для установления ключевых параметров инцидента в практической деятельности, помогают получать с высокой долей достоверности такие сведения как дистанции до объектов, траектории полета пуль, хронологии событий и контекста применения огнестрельного оружия, обеспечивают объективные и достоверные доказательства соответствия действий сотрудника полиции требованиям ст. 23 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [1], предусматривающим применение огнестрельного оружия исключительно в строго определённых законом случаях, для защиты жизни граждан или собственной жизни от непосредственного посягательства, сопряженного с насилием опасным для жизни или здоровья, пресечения вооружённого сопротивления, освобождения заложников, а также отражения группового или иного опасного нападения, что, в свою очередь, несомненно, минимизирует споры в административных судах, обеспечивает единообразие правоприменения и позволяет оценить правомерность принятого решения в конкретной оперативной обстановке, включая поведение правонарушителя, динамику развития конфликта и степень угрозы, иными словами способствуют повышению прозрачности и подотчётности деятельности правоохранительных органов, снижая риск злоупотреблений и обеспечивая дополнительную защиту как прав граждан, так и самих сотрудников полиции от необоснованных обвинений [6].

В административном производстве такие материалы практически всегда признаются надлежащими и допустимыми доказательствами в соответствии со ст. 26.2 КоАП РФ, поскольку они содержат объективную фиксацию фактических обстоятельств дела и позволяют минимизировать субъективный фактор при оценке доказательственной базы. Экспертный анализ видеозаписей, в том числе с привлечением специалистов в области видеофиксации, криминалистики и цифровой обработки данных, даёт возможность установить подлинность записи, отсутствие монтажа, а также детально исследовать поведение участников правонарушения, что, в свою очередь, позволяет точно определить наличие либо отсутствие состава административного правонарушения, как со стороны сотрудника полиции, так и со стороны гражданина, обеспечивая более корректную юридическую квалификацию деяния и снижая риск судебных ошибок [8].

Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает строгие требования к защите аудиовизуальной информации, получаемой с использованием носимых видеорегистраторов, поскольку такие данные зачастую содержат сведения, позволяющие прямо или косвенно идентифицировать личность. В этой связи обязательными являются меры по обеспечению конфиденциальности, включая разграничение уровней доступа, внедрение технических и программных средств защиты, предотвращающих несанкционированный доступ, копирование или распространение записей. В то же время ведомственные нормативные акты МВД России и процессуальные нормы, включая Приказ № 387 и иные регламентирующие документы, предусматривают возможность использования видеозаписей в рамках служебных проверок, административных расследований и судебных разбирательств, поскольку они приобретают особую доказательственную ценность и позволяют суду и иным уполномоченным органам опираться на объективные данные, а не исключительно на показания сторон [4].

Но существуют ситуации, когда регистраторы могут оказаться неисправны, к примеру разрядка аккумулятора, выход из строя камеры,

сбои в программном обеспечении или утрата записей и т.д. Такие случаи рассматриваются как серьёзные нарушения служебной дисциплины и требований ведомственных инструкций и могут повлечь как дисциплинарную ответственность самого сотрудника, так и административную ответственность руководителей подразделений, допустивших выпуск личного состава на маршрут без исправного оборудования или надлежащей проверки его работоспособности.

В научной литературе бытует мнение, регулярное использование носимых видеорегистраторов существенно снижает уровень конфликтности во взаимодействии с гражданами, поскольку сам факт ведения видеозаписи оказывает дисциплинирующее воздействие на обе стороны и ведет к сокращению числа жалоб на неправомерные действия сотрудников, и, естественно к уменьшению случаев агрессивного поведения со стороны правонарушителей [6, 7, 8].

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, мы видим, что использование носимых видеорегистраторов существенно усиливает административно-правовую оценку правомерности применения огнестрельного оружия, обеспечивая объективность и прозрачность, но при этом необходимо признать целесообразность дальнейшего совершенствования нормативной базы, включая унификацию технических стандартов и процедур анализа записей, что будет способствовать укреплению законности в деятельности полиции и защите прав всех участников инцидентов.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 25.06.2019 № 20-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_ LAW_121596/ (дата обращения: 26.03.2026).

[2] Федеральный закон от 18.06.2010 № 445-ФЗ (с изменениями). URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 26.03.2026).

[3] Федеральный закон от 18.02.2013 № 134-ФЗ «О внесении изменений...» (с изм. Постановлением Правительства РФ от 15.11.2018 № 1377). URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 26.03.2026).

[4] Приказ МВД России от 06.06.2017 № 387 «Об утверждении Инструкции по применению видеорегистраторов...». URL: https://docs.cntd.ru/ document/450359541 (дата обращения: 26.03.2026).

[5] Приказ МВД России от 03.11.2023 № 825 «О технических требованиях к носимым видеорегистраторам». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 26.03.2026).

[6] Применение портативных видеорегистраторов при несении службы сотрудниками дежурных смен // Вестник. 2017. № 8. С. 183. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-portativnyh-videoregistratorov-pri-nesenii-sluzhby-sotrudnikami-dezhurnyh-smen (дата обращения: 26.03.2026).

[7] Технические средства визуального контроля, используемые в органах внутренних дел / А. А. Черных, Ф. В. Безгачев, Е. А. Лаппо, А. Лхамсурэн. – Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – 124 с. – DOI 10.51980/2022_10_21_124.

[8] Формирование единых технических требований к портативным видеорегистраторам, используемым сотрудниками полиции // Вестник. 2016. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-edinyh-tehnicheskih-trebovaniy-k-portativnym-videoregistratoram-ispolzuemym-sotrudnikami-politsii-v-pravoohranitelnoy (дата обращения: 26.03.2026).

References:

[1] Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ “On Police” (as amended by 25.06.2019 No. 20-FZ). URL: http://www.consultant.ru/document/ cons _ doc _ LAW _ 121596/(accessed on: 26.03.2026).

[2] Federal Law No. 18.06.2010 dated 445-FZ (as amended). URL: http://www.consultant.ru (access date: 26.03.2026).

[3] Federal Law No. 18.02.2013 of 134-FZ “On Amendments...” (as amended by Decree of the Government of the Russian Federation of 15.11.2018 No. 1377). URL: http://www.consultant.ru (access date: 26.03.2026).

[4] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 06.06.2017 No. 387 “On approval of Instructions for the use of video recorders... URL: https://docs.cntd.ru/ document/450359541 (access date: 26.03.2026).

[5] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 03.11.2023 No. 825 “On technical requirements for wearable video recorders.” URL: http://www.consultant.ru (access date: 26.03.2026).

[6] The use of portable video recorders when serving employees of duty shifts//Bulletin. 2017. № 8. S. 183. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-portativnyh-videoregistrator-ov-pri-nesenii-sluzhby-sotrudnikami-dezhurnyh-smen (дата обращения: 26.03.2026).

[7] Technical means of visual control used in the internal affairs bodies/A. A. Chernykh, F. V. Bezgachev, E. A. Lappo, A. Lhamsuren. - Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. - 124 p. - DOI 10.51980/2022 _ 10 _ 21 _ 124.

[8] Formation of uniform technical requirements for portable video recorders used by police officers// Vestnik. 2016. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-edinyh-tehnicheskih-trebovaniy-k-portativnym-videoregistratoram-ispolzuemym-sotrudnikami-politsii-v-pravoohranitelnoy (дата обращения: 26.03.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-197-201

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилевич,
кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник
ФКУ «Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ТЮРЬМЫ: КОНСТИТУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖДУ ТЕЛОМ И ИНСТИТУЦИЕЙ

Аннотация. *В статье предпринято феноменологическое исследование процесса конституирования идентичности осужденного в условиях пенитенциарного учреждения. Опираясь на концептуальный аппарат Эдмунда Гуссерля (феноменологическая редукция), Мориса Мерло-Понти (тело как первичный способ бытия-в-мире) и Мишеля Фуко (дисциплинарное тело как объект властных практик), автор рассматривает тюрьму не просто как место заключения, а как экзистенциальное пространство. Анализируется, как режим, униформа, телесные ограничения и ритуалы повседневности формируют новый тип субъективности. Особое внимание уделяется тому, как предельный телесный опыт в виде голода, холода, сексуальной депривации, тактильной недостаточности переопределяет границы психики и сознания, ведя к формированию особой «тюремной» идентичности, существующей в напряженном поле между живым телом (Leib) и социальным институтом. Дополнительно рассматривается темпоральный аспект заключения и феномен татуировки как попытка возвращения авторства собственному телу.*

Ключевые слова: *феноменология, идентичность осужденного, дисциплинарное тело, телесный опыт, Мерло-Понти, Фуко, Гуссерль, пенитенциарная система, депривация, субъективация, темпоральность, татуировка.*

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
PKU “Research Institute of the Federal Penitentiary Service”

PRISON PHENOMENOLOGY: CONSTITUTIONALIZING CONVICT IDENTITY IN THE SPACE BETWEEN BODY AND INSTITUTION

Annotation. *The article undertakes a phenomenological study of the process of constituting the identity of a convict in a penitentiary institution. Drawing on the conceptual apparatus of Edmund Husserl (phenomenological reduction), Maurice Merleau-Ponty (the body as the primary way of being-in-the-world) and Michel Foucault (the disciplinary body as the object of power practices), the author sees the prison not simply as a place of detention, but as an existential space. It analyzes how mode, uniform, bodily limitations and rituals of everyday life form a new type of subjectivity. Particular attention is paid to how the ultimate bodily experience in the form of hunger, cold, sexual deprivation, tactile insufficiency redefines the boundaries of the psyche and consciousness, leading to the formation of a special “prison” identity that exists in the tense field between the living body (Leib) and the social institution. Additionally, the temporal aspect of the conclusion and the tattoo phenomenon are considered as an attempt to return authorship to one’s own body*.

Key words: *phenomenology, convict identity, disciplinary body, bodily experience, Merlo-Ponti, Foucault, Husserl, penitentiary system, deprivation, subjectivation, temporality, tattoo.*

Введение. Тюрьма как социальный институт давно стала объектом изучения социологии и права. Однако за стенами исправительных учреждений, за статистикой рецидивов и описанием

субкультурных кодов скрывается фундаментальный философский вопрос: что происходит с человеком, когда его бытие редуцируется к чистому телу, помещенному в жесткие координаты режима? Как справедливо отмечают Н.Г. Югов и А.Д. Назаров, во многих исследованиях подробно рассматривается история заключения, быт и условия содержания, но не то, кем и как заключенный себя чувствует в стенах колонии, и то, какие практики он проходит [1]. Настоящая работа ставит целью восполнить этот пробел, применяя методологический инструментарий классической феноменологии и постструктурализма для анализа процессов субъективации в условиях тотальной институции. Философская традиция, идущая от Гуссерля через Мерло-Понти к Фуко, позволяет увидеть в тюремном заключении не просто юридическую санкцию, но особый модус существования, где телесность становится одновременно местом страдания и последним убежищем самости.

Методологический ключ: феноменологическая редукция и опыт Другого. Отправной точкой нашего исследования служит гуссерлевская феноменологическая редукция, или эпохе. Как подчеркивает А.Э. Савин, целью этой процедуры является очищение от эмпирического, фактического содержания феноменов сознания, прокладывание путей к «усмотрению сущности» [2]. Применительно к нашей теме это означает требование «вынести за скобки» обыденное представление о тюрьме как о просто «месте лишения свободы» и попытаться увидеть ее как конституируемый феномен, как мир, который строится заново через призму сознания заключенного. Однако здесь мы сталкиваемся с парадоксом: тюрьма насильственно осуществляет собственную версию редукции, но не к трансцендентальному сознанию, а к голому существованию, к телу, лишенному своих привычных атрибутов.

Однако, следуя за Мерло-Понти, мы должны признать, что сознание не есть бесплотный дух. «Быть сознанием» значит быть привязанным к миру через тело. Как отмечается в современных прочтениях его философии, Мерло-Понти проясняет, что до того, как мы осознаем что-либо эксплицитно, мы уже придаем смысл через наши воплощенные действия, через «моторную интенциональность» [3]. Тело это не объект среди прочих объектов (Körper), а способ нашего бытия в мире (Leib), наша точка зрения на мир. В тюрьме эта истина обретает трагическую конкретность. Осужденный не просто имеет тело, которое подвергается ограничениям; он есть это тело, и через него он вынужден заново выстраивать отношения с реальностью. Более того, развивая феноменологическую традицию, именно в ситуации кризиса или насилия тело перестает быть нейтральным посредником и становится главным действующим лицом драмы существования, обнажая ту онтологическую истину, что человек не обладает телом, но является телом [4]. Тюрьма есть хронический, длящийся кризис такого рода.

Дисциплинарное тело как продукт институции. Мишель Фуко в работе «Надзирать и наказывать» предлагает исторический срез того, как тело становится объектом политических технологий. Как анализирует И.А. Коркишко, в своих поздних работах Фуко связывает знание с властными дискурсами, которые начинают играть активную роль в формировании истины, а сам процесс трансформации эпистем может быть воспринят как политический процесс, влияющий на социальную организацию [5]. Тюрьма в этом смысле становится идеальной машиной для производства «дисциплинарных тел». Распорядок дня, унификация одежды, построения, запрет на определенные позы и жесты, все это создает феноменологическую редукцию наоборот. Если Гуссерль призывал редуцировать мир к чистому сознанию, то тюрьма редуцирует человека к чистому объекту, к телу, которое должно быть послушным и полезным. Это механизм объективации.

Однако, развивая мысль Фуко, дисциплинарное тело можно рассматривать не просто как место приложения властных эффектов, но как место оспаривания власти [6]. Именно в этом зазоре между тотальным внешним контролем и внутренним переживанием этого контроля и начинает формироваться новая идентичность. Власть, по Фуко, не просто подавляет; она производит реальность. Она производит субъекта, который затем может этот субъектный статус обратить против самой власти. Тюремная субкультура с ее жестким кодексом, иерархией и языком есть продукт такого обращения, попытка обрести автономию в условиях тотальной гетерономии.

Телесная депривация как механизм переопределения границ психики. Ключевым моментом нашего исследования является тезис о том, что именно через экстремальный телесный опыт происходит трансформация субъективности. Голод, холод, хронический недостаток сна, сексуальная депривация и вынужденная тактильная изоляция это не просто «отягчающие обстоятельства» отбывания наказания. Это активные факторы, формирующие новую онтологию. В нормальном, «внешнем» мире тело является фоном нашей интенциональной активности. Мы не замечаем его, пока оно здорово, подобно тому как мы не замечаем воздуха, которым дышим. В тюрьме тело перестает быть фоном. Оно становится фигурой, источником постоянного, неумолимого страдания. Холод пронизывает сознание, голод

структурирует время вокруг мысли о еде, сексуальная депривация ведет к сублимации или деформации влечений, часто принимающих агрессивные или аутоагрессивные формы.

Психологическое исследование Т.А. Ребеко, проведенное с девушками-подростками, отбывающими наказание в колонии, показывает глубинную связь дефицита телесного опыта и деформации идентичности. Полученные результаты свидетельствуют о том, что данная выборка характеризуется дефицитом телесности, слабой дифференцированностью телесного опыта, спутанностью женского/мужского, неразличением морального и аморального [7]. Хотя это исследование касается дефицита телесности как предпосылки преступления, оно позволяет провести аналогию в обратную сторону: тюремный режим, гипертрофируя телесность через страдание, также разрушает тонкую дифференциацию «Я». Граница психики и мира, которая в норме является подвижной и проницаемой, начинает огрубевать, стираться или, напротив, патологически укрепляться. Осужденный вынужден постоянно прислушиваться к телу: не замерз ли я, не отняли ли мою миску, достаточно ли я силен, чтобы дать отпор. Эта постоянная соматическая настороженность конституирует новый тип восприятия времени и пространства.

Темпоральность заключения: между вечностью и расписанием. Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о времени. Феноменология времени, разработанная Гуссерлем в «Лекциях по феноменологии внутреннего сознания времени», предполагает, что наше восприятие длительности основано на единстве ретенций (удержаний прошлого) и протенций (ожиданий будущего). В тюрьме эта структура разрушается. Режим лишает будущее его интенциональной насыщенности: осужденный часто не знает точно, когда выйдет на свободу (в случае длительных сроков), или знает, но это будущее столь отдалено, что перестает быть ориентиром. Протенции атрофируются, время перестает течь к цели. Оно застывает в дурной бесконечности повторения одного и того же дня. Как точно выразился один из бывших осужденных в мемуарной литературе, «в тюрьме время не идет, оно стоит, а ты проходишь сквозь него».

Одновременно время фрагментируется институцией на жесткие, дискретные отрезки: подъем, завтрак, проверка, работа, обед, проверка, ужин, отбой. Это время не принадлежит субъекту, оно принадлежит распорядку, навязанному извне. Такая двойственность – это застывшая вечность срока и механическая дискретность режима, она создает уникальный темпоральный опыт, который можно назвать «пульсирующей статикой». Сознание, не находя опоры в естественном течении времени, вынуждено либо погружаться в аутизм, в грезы о прошлом, либо цепляться за микроскопические события внутренней жизни (ссора с соседом, получение передачи), которые искусственно структурируют пустоту.

Телесная автономия: татуировка как акт письма на себе. В ситуации, когда тело является единственным неотчуждаемым владением, оно становится холстом, на котором осужденный пытается восстановить утраченное авторство собственной жизни. Наиболее ярким феноменом здесь выступает тюремная татуировка. Это не просто украшение или знак принадлежности к криминальной иерархии, как часто трактуется в криминологической литературе. С феноменологической точки зрения, татуировка есть акт возвращения себе живого тела (Leib) из плена тела-объекта (Körper). Институция стремится сделать тело стандартным, обезличенным, одетым в униформу и лишенным знаков индивидуальности. Татуировка, наносимая подпольно, часто кустарным способом, через боль, возвращает телу уникальность. Это письмо на себе, декларация: «я еще здесь, я еще могу решать, что будет на моей коже».

Боль при нанесении татуировки в условиях отсутствия анестезии и антисанитарии также имеет конституирующее значение. В мире, где тело является источником страдания пассивного (холод, голод), добровольное принятие боли становится актом суверенности. Осужденный доказывает себе и другим, что он способен контролировать боль, а не только быть ее объектом. Кроме того, татуировка работает на идентификацию с группой: нанесение определенных символов означает принятие тюремного кодекса, вхождение в новую социальную реальность. Таким образом, татуировка выступает мостом между индивидуальным телесным переживанием и коллективным, институциональным миром тюрьмы. Это видимый знак того, что идентичность осужденного конституируется в пространстве между телом и институцией.

Формирование новой субъективности: от выживания к идентичности. Как же в этих условиях конституируется идентичность? Следуя мысли Мерло-Понти о том, что существование всегда включает в себя воплощенность, мы должны признать, что идентичность осужденного строится не вопреки телу, а через него. Если на свободе идентичность поддерживается множеством социальных ролей, нарративов и объектов обладания, то в тюрьме единственным неотъемлемым достоянием остается тело. В ситуации тотальной депривации тело становится последним бастионом самости. Именно через тело осужденный заявляет о себе: через татуировки,

покрывающие кожу, через демонстрацию физической силы или, наоборот, через аскетическое подавление телесных потребностей. Здесь рождается феномен «тюремной закалки» как культивируемое безразличие к боли и холоду как способ доказать себе и другим свою субъектность. Институция стремится сделать тело прозрачным и послушным, а субъект через это же тело обретает новую, часто негативную идентичность («я тот, кто выдержал», «я тот, кого не сломали»).

Однако это обретение идентичности глубоко амбивалентно. Интериоризация тюремных норм и правил, о которой писал Фуко, ведет к тому, что границы психики переопределяются в соответствии с границами институции. Осужденный начинает мыслить категориями режима, распорядка, иерархии. Его внутренний мир сужается до размеров камеры или отряда. Югов и Назаров, ссылаясь на работы Э. Фромма и Дж. Мида, подчеркивают, что формирование идентичности происходит через приобретение отличительного признака, идентифицирующего с группой, и через принятие роли Другого. В тюрьме этим Другим становится надзиратель, «вор в законе» или «опущенный». Социальная роль усваивается настолько глубоко, что даже после освобождения человек продолжает нести на себе это клеймо, эту телесную память о заключении. Осанка, взгляд исподлобья, привычка говорить шепотом или, наоборот, излишне громко, неспособность спать при открытой двери – все это телесные маркеры идентичности, сформированной в пространстве между живым телом и мертвящей институцией. Человек оказывается заложником тела, которое помнит то, что сознание предпочло бы забыть.

Заключение. Феноменология тюрьмы раскрывает перед нами трагический парадокс: институция, призванная исправлять через дисциплину тела, неизбежно порождает субъективность, для которой это тело становится единственным убежищем и одновременно главным врагом [8; 9]. Конституирование идентичности осужденного происходит в мучительном зазоре между тем, чтобы быть объектом власти (телом-вещью, Körper) и тем, чтобы оставаться живым, чувствующим телом (Leib). Голод, холод и депривация не просто ограничивают потребности, но переопределяют границы сознания, заставляя психику адаптироваться к условиям перманентного стресса. Новая субъективность, возникающая в этих условиях, представляет собой сплав защитных механизмов, интериоризированных норм и негативной свободы, обретаемой в сопротивлении. Тюрьма, таким образом, предстает не просто как место наказания, но как гигантская фабрика по производству специфического антропологического типа, человека, чья идентичность навсегда сохраняет память о травме дисциплинарного тела. Дальнейшие исследования в этой области могли бы быть направлены на сравнительный анализ феноменологического опыта заключенных в различных пенитенциарных системах, а также на изучение феномена «возвращения», того, как трансформированная тюрьмой субъективность вновь адаптируется к миру свободы, где тело перестает быть главным источником страдания и идентичности.

Список литературы:

[1] Югов Н. Г., Назаров А. Д. Механизмы формирования идентичности // Отечественная юриспруденция. 2018. № 3. С. 67–69. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-formirovaniya-identichnosti (дата обращения: 24.02.2026).

[2] Савин А. Э. О понятиях эпохе и редукции в «Идеях I» Эдмунда Гуссерля // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2013. № 2. С. 19–32. URL: https://bigenc.ru/b/o-poniatiiakh-epokhe-i-reduktsii-0d6e96 (дата обращения: 24.02.2026).

[3] Gallagher S. Merleau-Ponty's Phenomenology of Perception // Topoi. 2010. Vol. 29. P. 183–185. DOI: 10.1007/s11245-010-9079-y.

[4] Cote M. Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975–76 // Labour History. 2004. No. 87. P. 257–259. DOI: 10.2307/27515985.

[5] Коркишко И. А. Трансформация понимания знания в философии культуры Мишеля Фуко: от эпистем к дисциплине // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2025. № 1. С. 148–160. DOI: 10.35231/18186653_2025_1_148.

[6] Provost M. Elsa Dorlin. 2017. Se défendre. Une philosophie de la violence: Vers une phénoménologie de la violence défensive // GLAD!. 2018. No. 4. DOI: 10.4000/glad.1093.

[7] Ребеко Т. А. Репрезентация телесности и организация психологической помощи осужденным // Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека / отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2014. С. 321–333. EDN: TACUBH.

[8] Искандаров Р. Р. Пенитенциарная психиатрия в философском аспекте: онтология, антропология, эпистемология, аксиология // Образование и право. 2025. № 9. С. 296–299. EDN: SGGGZE.

[9] Искандаров Р. Р. Социальные связи в изоляции: ресурс и риск для лиц с зависимостями и психическими расстройствами в пенитенциарной системе // Право и управление. 2025. № 6. С. 359–363. EDN: FVPPJF.

References:

[1] Yugov N. G., Nazarov A. D. Mechanisms of identity formation//Domestic jurisprudence. 2018. № 3. S. 67-69. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-formirovaniya-identichnosti (дата обращения: 24.02.2026).

[2] Savin A.E. On the concepts of the era and reduction in Edmund Husserl's Ideas I//News of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences. 2013. № 2. S. 19-32. URL: https://bigenc.ru/b/o-poniatiiakh-epokhe-i-reduktsii-0d6e96 (access date: 24.02.2026).

[3] Gallagher S. Merleau-Ponty's Phenomenology of Perception // Topoi. 2010. Vol. 29. P. 183–185. DOI: 10.1007/s11245-010-9079-y.

[4] Cote M. Society Must Be Defended: Lectures at the Collège de France, 1975–76 // Labour History. 2004. No. 87. P. 257–259. DOI: 10.2307/27515985.

[5] Korkishko I. A. Transformation of understanding knowledge in the philosophy of culture of Michel Foucault: from epistems to discipline//Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2025. № 1. S. 148-160. DOI: 10.35231/18186653_2025_1_148.

[6] Provost M. Elsa Dorlin. 2017. Se défendre. Une philosophie de la violence: Vers une phénoménologie de la violence défensive // GLAD!. 2018. No. 4. DOI: 10.4000/glad.1093.

[7] Rebeko T. A. Representation of physicality and organization of psychological assistance to convicts//Methods of psychological support of professional activities and technology for the development of human mental resources/resp. ed. L. G. Dikaya, A. L. Zhuravlev. M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2014. PP. 321-333. EDN: TACUBH.

[8] Iskandarov R. R. Penitentiary psychiatry in the philosophical aspect: ontology, anthropology, epistemology, axiology//Education and law. 2025. № 9. S. 296-299. EDN: SGGGZE.

[9] Iskandarov R. R. Social connections in isolation: resource and risk for persons with addictions and mental disorders in the penitentiary system//Law and management. 2025. № 6. S. 359-363. EDN: FVPPJF.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-202-204

ТХАЗЕПЛОВ Тимур Мухамедович,
Доцент кафедры огневой подготовки
Северо-Кавказского института (филиал)
Краснодарского университета МВД РФ,
полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СООТНОШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПРЕДПИСАНИЙ В РАМКАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. *Автор в рамках исследования рассматривает необходимость совершенствования механизма уголовно-правовой квалификации в условиях нормативной усложнённости и динамики судебной практики, а также потребность формирования единообразного подхода к разграничению смежных составов насильственных преступлений.*

Ключевые слова: *конкуренция уголовно-правовых норм; квалификация насильственных преступлений; смежные составы преступлений; судебная практика; правоприменительная ошибка.*

TKHAZEPLOV Timur Mukhamedovich,
Associate Professor, Department of Firearms Training,
North Caucasus Institute (branch) Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Police Colonel

ON SOME ISSUES OF CORRELATION OF CRIMINAL REGULATIONS IN THE FRAMEWORK OF COMBATING CRIME

Annotation. *In this study, the author examines the need to improve the mechanism of criminal-legal classification in the context of regulatory complexity and the dynamics of judicial practice, as well as the need to develop a uniform approach to distinguishing between related types of violent crimes.*

Key words: *competition of criminal-legal norms; classification of violent crimes; related types of crimes; judicial practice; law enforcement error; on some issues of the correlation of criminal-legal provisions in the context of combating crime.*

Проблема конкуренции норм имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. Неправильная квалификация насильственного преступления способна повлечь нарушение принципа справедливости, назначение несоразмерного наказания, отмену судебных решений вышестоящими инстанциями, а также снижение доверия к правосудию. В условиях усиления требований к качеству предварительного расследования и судебного разбирательства особое значение приобретает разработка методологически выверенного подхода к разрешению конкуренции норм [1].

В отечественной теории выработан ряд устойчивых подходов к пониманию сущности конкуренции норм. Наиболее распространённой является позиция, согласно которой конкуренция представляет собой соотношение уголовно-правовых предписаний, находящихся в логико-содержательной зависимости друг от друга. Такая зависимость проявляется в том, что признаки одного состава полностью или частично охватываются признаками другого.

В результате возникает задача определения приоритета той нормы, которая обладает большей степенью конкретизации либо более полно отражает фактические обстоятельства совершённого деяния.

Классическим вариантом является соотношение общей и специальной нормы. Специальная норма содержит дополнительные признаки по сравнению с общей и предназначена для регулирования более узкого круга общественных отношений.

Таким образом, теоретические основы конкуренции уголовно-правовых норм формируют методологическую базу для правильной квалификации насильственных преступлений, однако их практическая реализация сталкивается с рядом трудностей. Академическая доктрина предлагает логически стройную систему правил разрешения конкуренции, однако в условиях сложной и многослойной структуры Особенной части УК РФ применение этих правил требует более детализированного алгоритмического подхода. Именно необходимость соединения теоретических конструкций с практическими потребностями правоприменения предопределяет актуальность дальнейшего анализа данной проблемы.

Не менее сложной является конкуренция части и целого, при которой один состав включает в себя признаки другого в качестве структурного элемента. В подобных ситуациях принцип полноты уголовно-правовой оценки требует применения нормы, охватывающей деяние в целом, без дополнительной квалификации по норме, отражающей лишь отдельный фрагмент поведения [4]. Именно здесь наиболее отчётливо проявляется грань между конкуренцией норм и их совокупностью, поскольку неправильное определение характера соотношения приводит либо к избыточной инкриминации, либо к неполному отражению общественной опасности.

В научной литературе последних лет обращается внимание на то, что значительная часть трудностей связана с оценочными признаками, содержащимися в диспозициях статей Особенной части УК РФ [3; 5; 6]. Категории «опасность для жизни», «особая жестокость», «беспомощное состояние» не имеют исчерпывающего нормативного определения и наполняются содержанием через судебную практику. Однако судебная практика также не всегда демонстрирует стабильность. Даже при наличии разъяснений Верхового Суда Российской Федерации в постановлениях Пленума и обзорах судебной практики сохраняются различия в толковании сходных ситуаций судами разных регионов.

Дополнительные сложности вызывает разграничение конкуренции норм и совокупности преступлений. В ряде случаев правоприменитель необоснованно усматривает совокупность, тогда как фактически имеет место единый сложный состав, полностью охватывающий совершённое деяние. Обратная ситуация также встречается: при наличии самостоятельных объектов посягательства содеянное ошибочно квалифицируется по одной норме, что приводит к неполному учёту общественной опасности деяния [2]. Таким образом, проблема заключается не только в выборе нормы, но и в корректном определении характера юридической связи между составами.

Следует учитывать и влияние изменений законодательства последних лет, направленных на усиление ответственности за отдельные насильственные преступления. Расширение перечня квалифицирующих признаков, появление новых составов и модификация санкций усилили нормативную конкуренцию внутри Особенной части УК РФ. При отсутствии чётких алгоритмов разграничения это объективно увеличивает риск квалификационных расхождений.

В целом анализ теории и современной судебной практики позволяет констатировать, что конкуренция уголовно-правовых норм в сфере насильственных преступлений носит системный характер [2]. Она обусловлена как конструктивными особенностями уголовного закона, так и различиями в интерпретации оценочных признаков и принципов квалификации.

Отсутствие устойчивого единообразия в подходах подтверждает необходимость разработки практико-ориентированного алгоритма разрешения конкуренции норм, способного обеспечить предсказуемость и обоснованность уголовно-правовой оценки. Завершающим элементом алгоритма должна выступать проверка квалификации на соответствие сложившейся судебной практике и правовым позициям высших судебных инстанций. Систематическое обращение к актуальным обзорам судебной практики и постановлениям Пленума способствует унификации подходов и снижению вероятности отмены судебных решений в апелляционном или кассационном порядке. При этом обращение к практике должно носить не формальный, а аналитический характер - с сопоставлением фактических обстоятельств конкретного дела и рассматриваемой ситуации.

Анализ типичных ошибок показывает, что они коренятся не только в технических недоработках юристов-практиков, но и в недостаточной методологической проработке правоприменительных алгоритмов, что подчёркивает актуальность разработки унифицированного алгоритма устранения квалификационных ошибок и его внедрения в практику органов предварительного расследования и судов.

В заключение отметим, что обеспечение единообразия квалификации насильственных преступлений требует сочетания доктринальной чёткости, системного анализа законодательства и последовательного учёта позиций высших судебных инстанций. Только при таком комплексном подходе возможно преодоление существующих разночтений и формирование устойчивой правоприменительной практики.

Список литературы:

[1] Акимова Е.В. Конкуренция уголовно-правовых норм: современные проблемы теории и практики // Российский судья. 2023. № 9. С. 18–23.

[2] Боровиков В.Б. Разграничение конкуренции норм и совокупности преступлений в судебной практике 2022–2024 гг. // Уголовное право. 2024. № 2. С. 45–53.

[3] Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений против личности: современные подходы и проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2022. № 11. С. 97–110.

[4] Журавлёв А.А. Оценочные признаки насильственных преступлений и их влияние на квалификацию // Законность. 2025. № 3. С. 34–39.

[5] Кукасов М.В. Конкуренция специальных норм в Особенной части УК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 1 (94). С. 112–119.

[6] Шаповалова К.С. Конкуренция части и целого при квалификации преступлений против жизни и здоровья // Российский следователь. 2025. № 8. С. 27–33.

References:

[1] Akimova E.V. Competition of criminal law: modern problems of theory and practice//Russian judge. 2023. № 9. S. 18-23.

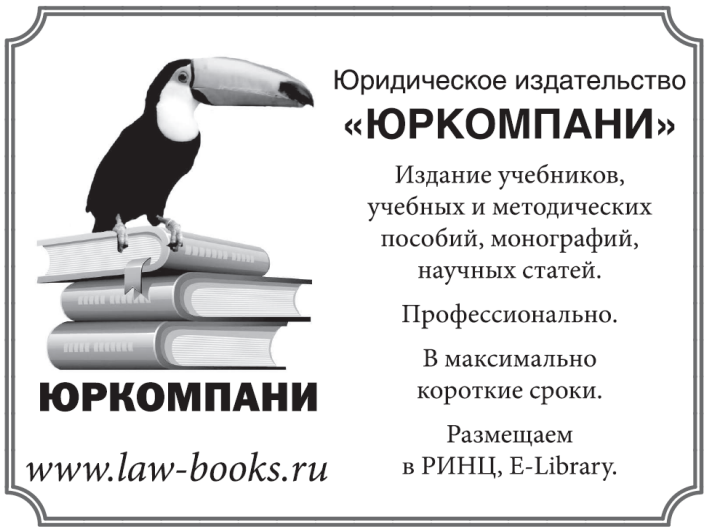
[2] Borovikov V.B. Delimitation of competition of norms and the totality of crimes in judicial practice 2022-2024//Criminal law. 2024. № 2. S. 45-53.

[3] Gaukhman L.D. Qualification of crimes against the person: modern approaches and problems of law enforcement//Journal of Russian Law. 2022. № 11. S. 97-110.

[4] Zhuravlev A.A. Estimated signs of violent crimes and their impact on qualifications//Legality. 2025. № 3. S. 34-39.

[5] Kukasov M.V. Competition of special norms in the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation//Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 1 (94). S. 112-119.

[6] Shapovalova K.S. Competition of part and whole in the qualification of crimes against life and health//Russian investigator. 2025. № 8. S. 27-33.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-205-209

БЫЧКОВ Сергей Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права Северо-Западный филиал
Российского государственного университета
правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: snb0464@mail.ru

ДМИТРЕНКО Полина Александровна,
студентка 3 курса факультета подготовки
специалистов для судебной системы (юридический факультет)
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: Polinadmitrenko0@gmail.com.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПРИЗНАК ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. *Искусственный интеллект продолжает свое последовательное движение в направлении переосмысления привычных сфер человеческой деятельности. Эта уникальная система, основанная на практическом применении алгоритмов «машинного разума», становится неотделимой частью общественных отношений, требующих надлежащей юридической оценки – правовой квалификации. В этой связи совершенно недопустимым представляется игнорирование применения искусственного интеллекта при совершении преступлений, выступления искусственного интеллекта признаком объективной стороны в качестве средства, орудия или способа совершения преступления. Особую актуальность приобретает оценка применения сложных алгоритмов, способных к обучению и самостоятельному принятию решений (полностью вне контроля человека), поскольку такие алгоритмы уже используются для достижения противоправных целей: для осуществления мошеннических операций (одна из наиболее актуальных проблем обеспечения правопорядка и безопасности в российском обществе), массовых рассылок вредоносного, запрещенного содержания или даже для автономного управления беспилотными транспортными средствами, используемыми в качестве орудия террористического акта или диверсии. Верная правовая оценка позволит обеспечить надлежащий уровень правоприменения, повысить эффективность производства по уголовным делам, а также предложить способы совершенствования текущего уголовного закона.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект объективная сторона преступления, машинный разум, алгоритм, правовая квалификация.*

BYCHKOV Sergey N.,
Candidate of Law, Associate Professor Associate Professor,
Department of Criminal Law Northwestern Branch
of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

DMITRENKO P. Aleksandrovna,
3nd-year student of the specialist program
of the faculty of training the judicial system (law faculty)
of the North-West branch of the Russian State University
of Justice named after V.M. Lebedev

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A SIGN OF THE OBJECTIVE SIDE OF CRIMES: NORMATIVE CONSOLIDATION IN CRIMINAL LAW AND QUALIFICATION FEATURES

Annotation. *Artificial intelligence continues its consistent movement toward rethinking familiar areas of human activity. This unique system, based on the practical application of "machine intelligence" algorithms, is becoming an integral part of social relations, requiring proper legal assessment—legal qualification. In this regard, ignoring the use of artificial intelligence in crimes, its role as an objective element as a means, tool, or method of committing a crime, seems completely unacceptable. Assessing the use of complex algorithms capable of learning and independent decision-making (completely outside of human control) is particularly relevant, as such algorithms are already being used to achieve illegal goals: to carry out fraudulent operations (one of the most pressing problems of ensuring law and order and security in Russian society), to mass mailings of malicious, prohibited content, or even to autonomously control unmanned vehicles used as a weapon in terrorist attacks or sabotage. A correct legal assessment will ensure an appropriate level of law enforcement, increase the efficiency of criminal proceedings, and also suggest ways to improve the current criminal law.*

Key words: *artificial intelligence, objective side of crime, machine intelligence, algorithm, legal qualification.*

Искусственный интеллект (ИИ) – уникальное изобретение системы «машинного разума», способной решать задачи, требующие алгоритмичных, повторяемых действий, проводить аналитическую работу, направленную на скорое изучение объемов информации с целями ее систематизации и обобщения. При этом потенциал применения ИИ уже давно вышел за пределы обозначенных нами сфер применения «монотонных действий»[1, С. 22]. ИИ в некотором смысле «переворачивает» представления о «привычном» восприятии творчества и искусства, допуская до создания уникальных изображений, подготовки музыкальных композиций и иных «высокохудожественных произведений» почти каждого. Вместе с тем такое широкое распространение порождает закономерные угрозы применения ИИ для целей совершения преступлений.

ИИ – это в первую очередь зависимая от человека алгоритмичная конструкция, требующая прямого участия человека в формировании запросов, определении технического задания, равно корректировки результатов применения этой конструкции[2, С. 133]. Никакое применение за пределами участия человека в настоящее время представляется невозможным, соответственно, ИИ остается исключительно инструментарием, набором средств возможного воздействия на объективную реальность.

Соответственно, в продолжение нашей мысли отметим, что из такого определения и вытекает существо ИИ как объективной стороны преступления. Объективная сторона преступления охватывает собой внешнее проявление преступного посягательства, выраженное в общественно опасном деянии (действии или бездействии) и его последствиях [3, С. 93]. Применительно к такой оценке ИИ необходимо обозначить, что его роль в этом качестве может проявиться только через непосредственное использование человеком для совершения противоправных деяний – разработку машинного алгоритма выполнения объективной стороны преступления (к примеру, создания бота, совершающего звонки с целью введения неопределенного круга лиц в заблуждение).Применительно к ИИ, такой волевой элемент отсутствует, что исключает возможность признания самого ИИ субъектом преступления. Проблемным аспектом становится верная оценка конкретного проявления применения ИИ (чем он является по сути своей –средством, способом или орудием совершения преступления).

ИИ как средство совершения преступления представляется нам наиболее соответствующим объективной действительности применения технологий «машинного разума» при совершении преступлений. Средство совершения преступления как материальный или информационный объект, используемый преступником для облегчения, подготовки или осуществления преступного деяния, по сути своей создает «облегченные условия» совершения преступления, определяя не само преступное деяние (для этого следует учитывать иные признаки состава преступления), которое при прочих равных могло бы быть совершенно и без использования ИИ, а только лишь упрощенное исполнение задуманного[4, С. 130]. Нельзя полагать, что ИИ как алгоритмичная программа имеет некоторый материализованный носитель, поскольку, во-первых, сама по себе программа может быть распространена посредствам применения информационных технологий (облачное хранилище) вне всякого «объективизированного носителя» (флэш-карты, дискеты и иных объектов материального мира), во-вторых, программа как последовательность кодовых значений представляет собой продукт интеллектуальной деятельности человека; причем авторство такой программы зачастую исходит из внесения модификаций в уже существующую программу, изначально даже не предназначенную для целей совершения преступления[5, С. 73].

Именно в рамках такой оценки вполне объясним отказ законодателя от адаптации уголовного закона под потребности обозначения повышенной общественной опасности преступных деяний, совершенных с использованием ИИ (не существует прямого закрепления применения ИИ). Однако отдельные элементы повышенной опасности таких деяний возможно проследить в «косвенном восприятии» норм уголовного закона [9].

Так, п. «ф» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) признаем обстоятельством, отягчающим наказание, совершение преступления с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен. Соответственно, применение ИИ для целей получения такой информации (к примеру, создания программы подбора кодов для получения доступа к зашифрованным веб-страницам) может быть оценено судом в качестве обстоятельства отягчения наказания. Однако первично указание на целеполагание использования программы, а не само по себе ее разработка и применение.

Косвенное отнесение ИИ к средствам также возможно отметить в ст. 138.1 УК РФ, определяющей состав незаконного производства, приобретения и (или) сбыта специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Особое значение приобретает примечание 1, более подробно раскрывающее понятие «специальных технических средств», указывая в частности на то, что под специальными техническими средствами, предназначенными для негласного получения информации также подразумевается программное обеспечение для электронных вычислительных машин и других электронных устройств для доступа к информации и (или) получения информации с технических средств ее хранения, обработки и (или) передачи, которым намеренно приданы свойства для обеспечения функции скрытого получения информации либо доступа к ней без ведома ее обладателя. При всей спорности отнесения ИИ к программному обеспечению (совокупность программ, процедур и правил, обеспечивающих функционирование электронного вычислительного устройства, а также выполнение прикладных задач пользователем) мы можем отметить, что для целей уголовного преследования такое соотнесение следует считать вполне применимым (не следует же декриминализировать деяние создания машинного алгоритма для целей получения персональных данных пользователя) [6, С. 232].

Способ совершения преступления, в отличие от средства, характеризуется методы, приемы и последовательность действий преступника, образующих систему действий в достижение единой цели[7, С. 44]. В случае с ИИ, его способность к обучению, самооптимизации и принятию решений в рамках заданных алгоритмов может трансформировать традиционные способы совершения преступлений, придавая им новые, более изощренные формы. К примеру, использование ИИ для анализа больших данных с целью выявления уязвимых жертв для последующего мошенничества или шантажа может рассматриваться как новый, технологически продвинутый способ (но только в контексте восприятия «технологичности»). Однако, конечно, ИИ не следует понимать в отрыве от самого пользователя. Первична цель человека применить программу в преступных целях. Даже при непосредственной разработке алгоритмов для совершения преступлений с целями их дальнейшего распространения без использования для личного совершения преступления (к примеру, создания алгоритмов вредоносных программ ИИ для «внедрения» в базы пользователя с последующей продажей таких алгоритмов) ИИ не становится способом совершения преступления, приобретая, на наш взгляд, иное качество уголовно-правовой оценки.

ИИ как орудие совершения преступления должен обладать характерными свойствами собственного орудия, выступать предметом материального мира, специально изготовленным, приспособленным или фактически использованным для непосредственного осуществления преступного деяния и достижения противоправного результата[8, С. 94]. В приведенном нами выше примере распространения программы для «внедрения» в базы пользователя ИИ, с одних позиций, может быть рассмотрен в качестве орудия преступления (поскольку велась продажа на объектах материального носителя, равно за некоторое представление обеспечивалась передача программы в фактическое пользование), с других, только в качестве предмета преступления, поскольку преступник действовал с целями распространения таких программ в нарушение установленного законом оборота; сама же программа была незаконно «адаптирована» под цели совершения преступления.

Отметим, если ИИ используется не как непосредственный инструмент совершения преступления, а как объект, в отношении которого совершается преступное деяние, его роль трансформируется в предмет преступления. Это может проявляться в несанкционированном доступе к базе данных, содержащей ИИ-алгоритмы, в краже или незаконном копировании проприетарных разработок ИИ, или в использовании уязвимостей самого ИИ для получения доступа к конфиденциальной информации некоторых лиц. В

таких ситуациях преступник не столько управляет ИИ для достижения своей цели, сколько оперирует самим ИИ как объектом, имеющим определенную ценность или уязвимость защиты. В иных случаях ИИ остается только средством совершения преступления. В этом смысле «нематериальность» вычислительной программы исключает оценку ИИ как «орудия» совершения преступления.

Особое значение приобретает анализ последствий, образующих объективную сторону преступления. При использовании ИИ, эти последствия могут быть как прямыми, так и опосредованными. Например, несанкционированное вторжение в компьютерную систему с помощью ИИ может привести к утечке конфиденциальной информации (прямое последствие), что, в свою очередь, может повлечь репутационные потери, финансовый ущерб или даже угрозу национальной безопасности (опосредованные последствия). Установление причинно-следственной связи между деянием, совершенным с применением ИИ, и наступившими общественно опасными последствиями является одним из ключевых элементов доказывания по категориям дел. Достаточно серьезную проблему составляет «неоднородность» оценки применения ИИ для целей совершения преступления.

Мы приведем достаточно интересное решение суда по факту применения ИИ. В суд апелляционной инстанции поступила жалоба осужденной на приговор [10]. В качестве обоснования жалобы осужденная указала на несоответствие выводов суда материалам дела: осужденная посчитала не нашедшим подтверждения вывод суда о том, что она действовала с кем-либо совместно и в группе. Осужденная отметила, что переписка с предполагаемым соучастником осуществлялись с ИИ, который нанял ее на работу, поручал проведение операций по раскладке и фотографированию тайников. Осужденная просила изменить приговор в связи с неправильным применением уголовного закона, исключить из обвинения квалифицирующий признак – совершение преступления в группе лиц по предварительному сговору. Апелляционный суд согласился с доводами жалобы и отменил решение суда первой инстанции. Указывая на недоказанность существования преступной группы лиц, суд апелляционной инстанции особо отметил, что не может образовывать квалифицированный состав преступления, а именно – совершения преступления группой лиц. В данном случае, взаимодействие с программой, лишенной статуса субъекта уголовной ответственности, не может образовывать квалифицирующий признак «группой лиц». Данное решение убедительно определяет сложность правоприменения в условиях стремительного развития технологий и ставит перед законодателем и судебной практикой задачи по адаптации существующих норм уголовного права к новым реалиям, включая определение субъектного состава в случаях, когда одной из сторон коммуникации выступает алгоритм, поскольку само создание такой программы есть проявление некоторой организованности «воспроизведения» преступлений.

Таким образом, дальнейшее совершенствование в области машинного обучения и развития автономных систем ИИ показывают, что грань между использованием ИИ как средства совершения преступления и возникновением некоторой «самостоятельности», «субъектности» может стать предельно размытой, что обусловливает необходимость постоянного совершенствования действующего уголовного законодательства. Ключевым может стать окончательное определение позиций нормативного закрепления и особенностей квалификации преступлений, совершенных с использованием ИИ.

Список литературы:

[1] Иванова П. В. Потенциал применения технологий искусственного интеллекта в бизнесе // Гуманитарный научный журнал. 2025. № 9-1. С. 21-24.

[2] Туров С. С. Проблема ответственности в сфере применения искусственного интеллекта // Современное право. 2025. № 8. С. 131-134.

[3] Печерская А. С. соотношение понятий «объективная сторона преступления» и «объективная сторона состава преступления» // Инновационная наука. 2025. № 9-1. С. 91-94.

[4] Костюк М. Ф. Цифровые технологии как средство совершение преступлений в сфере экономики и их правовая оценка // Проблемы права. 2022. № 4(87). С. 128-131.

[5] Хасанова В. Н. Авторство продукта, созданного искусственным интеллектом: правовой аспект // Медиасреда. 2023. № 2. С. 71-74.

[6] Капица П. А. О структуре уголовных характеристик мошенничеств, совершенных в связи с разработкой и совершенствованием программного обеспечения // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2022. № 2. С. 232-236.

[7] Николаев В. Ю. Способы совершения компьютерных преступлений и использование компьютерных (информационных) технологий как способ совершения преступления // Правовая идея. 2013. № 4. С. 40-44.

[8] Кузнецов И. В. Проблемы соотношения предмета преступления со способом, орудиями и средствами совершения преступления // Современное право. 2006. № 12. С. 93-94.

[9] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

[10] Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 18.03.2021 № 22-1024/2021 // СудАкт: судебные нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/lIEDMWWULx5Q/?regular-txt=&regular-case_doc=22-1024%2F2021&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1771916742629 (дата обращения: 24.02.2026).

References:

[1] Ivanova P.V. Potential for the use of artificial intelligence technologies in business//Humanitarian Scientific Journal. 2025. № 9-1. S. 21-24.

[2] Turov S. S. The problem of responsibility in the field of the use of artificial intelligence//Modern law. 2025. № 8. S. 131-134.

[3] Pecherskaya A. S. correlation of the concepts of “objective side of the crime” and “objective side of the corpus delicti “//Innovative science. 2025. № 9-1. S. 91-94.

[4] Kostyuk M.F. Digital technologies as a means of committing crimes in the field of economics and their legal assessment//Problems of law. 2022. № 4(87). S. 128-131.

[5] Khasanova V. N. Authorship of a product created by artificial intelligence: legal aspect//Media environment. 2023. № 2. S. 71-74.

[6] Kapitsa P. A. On the structure of criminal characteristics of frauds committed in connection with the development and improvement of software// Investigative activities: science, education, practice. 2022. № 2. S. 232-236.

[7] Nikolaev V. Yu. Methods of committing computer crimes and the use of computer (information) technologies as a method of committing a crime// Legal idea. 2013. № 4. S. 40-44.

[8] Kuznetsov I.V. Problems of the ratio of the subject of the crime with the crime, tools and means of committing a crime//Modern law. 2006. № 12. S. 93-94.

[9] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 29.12.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 17.06.1996, No. 25, Art. 2954.

[10] Appellate ruling of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan dated 18.03.2021 No. 22-1024/2021//CourtAct: judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/lIEDMWWULx5Q/?regular-txt=&regular-case_doc=22-1024%2F2021&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1771916742629 (дата обращения: 24.02.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-210-215

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,
ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат юридических наук,
e-mail: yutish@list.ru

ВИЛКОВА Алевтина Владимировна,
доктор педагогических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: mavlad67mail.ru

СНЯТИЕ СУДИМОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается перспектива реформирования норм о аннулировании судимости с учетом современной судебной практики. Аннулирование последствий, обусловленных наличием судимости, не исчерпывается только ее погашением. К числу иных наиболее распространенных способов их отмены относится досрочное снятие судимости судом. По сравнению с началом 2000-х годов оно стало применяться значительно чаще.*

Снятие судимости судом это также норма поощрительного характера, которая служит стимулированию правопослушного поведения в постпенитенциарнй период.

Действующее уголовное законодательство, регламентирующее данный вид аннулирования судимости, характеризуется определенными недостатками. Одним из них является конструирование основания его применения с использованием оценочного понятия «безупречное поведение», наличие или отсутствие которого устанавливается судом в каждом конкретном случае. В теории уголовного права его содержание окончательно не определено. Подобная ситуация значительно расширяет субъективное судейское усмотрение. На практике суды по-разному оценивают наличие одних и тех же показателей безупречности, принимая различные решения. В целом безупречное поведение представляет собой постпенитенциарное поведение осужденного, которое включает как выполнение правовых норм, так и соблюдение норм нравственности. Тем не менее необходимо раскрыть содержание этого понятия, содержащегося в ст. 86 УК РФ, в одном из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Несовершенством законодательства, регламентирующего досрочное аннулирование судимости, стало отсутствие указания на срок, по истечении которого осужденный может претендовать на ее снятие. Целесообразно поставить его в зависимость от категории совершенного преступления и установить в пределах от одной третьей до двух третьих от предусмотренного срока погашения судимости. Законодательное закрепление дифференцированных сроков снятия судимости судом несомненно скажется на статистике аннулирования судимости судами, а также других статистических показателях о судимости, однако данные дополнения уголовного закона позволят более объективно и всесторонне изучить личность лица, ходатайствующего о снятии судимости.

Ключевые слова: *судимость, снятие судимости, безупречное поведение, оценочные категории, уголовная политика, судебная практика, судейское усмотрение, дифференцированные сроки.*

TISHCHENKO Yuri Yurievich,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Legal Sciences

VILKOVA Alevtina Vladimirovna,
doctor of pedagogical Sciences, associate Professor,
chief scientific officer PKU research Institute
of the Federal penitentiary service of Russia

CRIMINAL RECORD EXPUNGEMENT: PROSPECTS FOR LEGISLATIVE IMPROVEMENT

Annotation. *The article discusses the prospect of reform of the rules on annulment of convictions in light of modern jurisprudence. Cancellation effects due to the presence of a criminal record, is not confined only to its repayment. Among the other most common ways of lifting them applies early withdrawal of a conviction by the court. Compared to the early 2000-ies it has been used much more often.*

Removal of conviction by the court it is also a rule incentive that serves to encourage law-abiding behavior in postpenitentiary period.

Existing criminal laws governing this kind of cancellation of a criminal record, is characterized by certain disadvantages. One of them is designing the grounds of its application using the evaluation of the concept of "good behavior", the presence or absence of which is determined by court in each specific case. In the theory of criminal law, its content is not completely defined. This situation greatly enhances the subjective judicial discretion. In practice, the courts have different opinions of the presence of the same indicators of excellence, adopting different solutions. Overall excellent behavior is a post-penitentiary the convict's behavior, which includes both legal requirements and ethical manner. However, you must disclose the content of this concept, contained in article 86 of the criminal code, one of the explanations of the Plenum of the Supreme Court.

The imperfection of the legislation governing early cancellation of a criminal record, was the lack of guidance on the period after which a convicted person may apply for its withdrawal. It is advisable to put it in dependence on the category of the crime and set the range from one-third to two-thirds of the prescribed term of a previous conviction. Legislative consolidation of staggered terms overturned by the court will affect the statistics of the cancellation of a criminal record by the courts, as well as other statistics on convictions, but these additions of the criminal law will allow more objectively and comprehensively to investigate the identity of the person requesting the removal of a criminal record.

Key words: *criminal record, removal criminal record, good conduct, evaluation categories, criminal policy, judicial practice, judicial discretion, staggered terms.*

Прекращение правовых последствий судимости осуществляется в нескольких формах. Кроме погашения судимости, существуют и иные способы ее досрочного аннулирования. Из их числа наиболее распространенным является снятие, которое предполагает аннулирование негативных правовых последствий и претерпевание осужденным мер уголовно-правового воздействия до истечения сроков погашение судимости.

Снятие судимости может осуществляться в двух вариантах. Во-первых, судом на основании ч. 5 ст. 86 УК РФ (судебное). Во-вторых, в порядке амнистии или помилования, то есть высшим органом государственной власти (Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации либо Президентом Российской Федерации) (внесудебное).

До недавнего времени, по мнению ученых, считалось, что досрочное снятие судимости судом представляло собой декларативное явление. Так, по данным М.В. Грамматчикова, который проводил исследование судимости в начале 2000-х годов, из общего числа опрошенных лиц, отбывающих наказания в местах лишения свободы, только 14,2 % осужденных знали о том, что после освобождения можно досрочно снять судимость. В указанный период времени в формах статистической отчетности о работе судов отсутствовала графа учета практики снятия судимости судами, что фактически делало невозможным проведение анализа данного института. Изучение этого вопроса в судах Красноярского края показало, что в период действия УК РФ 1996 г. в практике судов Красноярского края снятие судимости в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 86 УК РФ, являлось исключением [3, с. 19].

К настоящему времени ситуация изменилась. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2013 г. судами судимость досрочно была снята с 6017 лиц, отбывших наказание, в 2014 г. – с 5655, в 2015 г. – с 5455, в 2016 г. – с 5316 [10]. Таким образом можно говорить об устойчивой практике и тенденциях существования рассматриваемой категории.

По смыслу ч. 5 ст. 86 УК РФ имеется несколько условий досрочного снятия судимости.

Изначально лицо должно полностью отбыть наказание, как основное, так и дополнительное. Следовательно, не может быть досрочно снята судимость с лиц, которые полностью наказания не отбыли, даже в том случае, если они вели себя безупречно в период испытательного срока при условно-досрочном освобождении, а также возместили вред причиненный преступлением.

Так, Ф. был осужден 8 июня 2010 г. Центральным районным судом г. Волгограда по ч. 3 ст. 159 УК РФ к 2 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима, постановлением Камышинского городского суда Волгоградской области от 11 мая 2011 г. освобожден от отбывания наказания условно-досрочно на десять месяцев 5 дней.

Осужденный Ф. обратился в Нехаевский районный суд Волгоградской области с ходатайством о снятии судимости, указывая на то, что он осужден по приговору Центрального районного суда г. Волгограда 8 июня 2010 г. по ч. 3 ст. 159 УК РФ к 2 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима, постановлением Камышинского городского суда Волгоградской области от 11 мая 2011 г. освобожден от отбывания наказания условно-досрочно на десять месяцев 5 дней. За время отбытия в местах лишения свободы зарекомендовал себя только с положительной стороны, добросовестно относился к труду, имел 4 поощрения. Просит снять с него судимость.

В судебном заседании осужденный Ф. ходатайство поддержал, просил снять с него судимость по приговору Центрального районного суда г. Волгограда от 8 июня 2010 г. по ч. 3 ст. 159 УК РФ, пояснив, что он искренне раскаивается в содеянном, зарекомендовал себя только с положительной стороны, к административной и иной ответственности не привлекался.

На заседании 11 января 2012 г. суд пришел к выводу об отказе в удовлетворении ходатайства осужденного Ф. о снятии с него судимости по приговору Центрального районного суда г. Волгограда от 8 мая 2010 г. Как следует из представленных материалов дела, Ф. был освобожден условно-досрочно по постановлению Камышинского городского суда от 11 мая 2011 г., и неотбытый им срок наказания составил 10 месяцев 5 дней. Оснований для снятия судимости до истечения срока отбытия наказания у суда не имеется [8].

Подобное решение суда является обоснованным. При условно-досрочном освобождении срок, на который лицо освобождается от отбывания наказания, считается неотбытым наказанием. Законом не предусмотрено досрочное снятие судимости в период указанного срока. Наличие указанного правила вполне справедливо, поскольку при назначении реального лишения свободы и даже при условии безупречного поведения в период и после освобождения нет оснований прекращения претерпевания определенных правовых изъятий до момента истечения испытательного срока при условно-досрочном освобождении, в противном случае теряется карательная составляющая наказания в виде лишения свободы [4, с. 132].

Второе условие досрочного снятия судимости заключается в том, лицо должно после отбытия наказания вести себя безупречно. Оно сконструировано в законе с использованием оценочного понятия «безупречно», содержание которого устанавливается судом в каждом конкретном случае.

В теории уголовного права содержание этого понятия оценивается неоднозначно. Так, Д.А. Семенов связывает безупречность поведения только с несовершением лицом новых правонарушений [5, с. 158].

Некоторые ученые отождествляют безупречное поведение и исправление и полагают, что оно должно охватывать поведение лица в постисправительный период, его поведение в быту и на работе (если он имеет работу), должна учитываться его роль в обществе, отношение к семье, каким образом он добывает средства к существованию и др. [3, с. 134].

Проведенное обобщение судебной практики показало, что в качестве показателей безупречного поведения судами учитываются следующие: условно-досрочное освобождение от наказания; наличие на иждивении детей; отсутствие нарушений общественного порядка, непривлечение к административной и уголовной ответственности; наличие постоянного места работы; категория совершенного преступления; раскаяние; положительная характеристика по месту жительства и работы; примерное поведение в быту; срок, прошедший с момента отбытия наказания.

Очевидно, также следует согласиться с позицией Волгоградского областного суда, который полагает, что поскольку законодатель, определяя при соблюдении конституционных гарантий личности в ее публично-правовых отношениях с государством уголовно-правовые последствия непогашенной или неснятой судимости, дифференцирует их в зависимости от того, как судимость отражается на общественной опасности тех или иных категорий преступлений (постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П), тяжесть преступлений, за которые осуждено лицо, их количество, а равно продолжительность срока, прошедшего после отбытия наказания, могут и должны учитываться судами при рассмотрении вопроса о снятии судимости [7].

Вместе с тем судебная практика снятия судимости по признанию тех или иных показателей в качестве признаков безупречного поведе-

ния представляется достаточно противоречивой. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда рассмотрела в судебном заседании 6 марта 2013 г. аппеляционную жалобу осужденного Р. На постановление районного суда, которым отказано в удовлетворении ходатайства осужденного Р. о снятии в отношении его судимости. В аппеляционной жалобе Р. просил отменить постановление суда, указывал, что у суда имелись все основания для снятия с него судимости, поскольку ему требуется медицинская помощь для лечения лучевой болезни, полученной при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, имеет на иждивении двоих детей, положительно характеризовался по месту отбывания наказания и по месту жительства, работает.

Рассмотрев жалобу, суд не нашел оснований для снятия судимости с Р., отметив, что такие обстоятельства, как положительные характеристики с места работы, а также наличие у осужденного заболеваний не могут являться достаточным основанием для снятия с него судимости [1].

В то же время Судебная коллегия по уголовным делам Самарского областного суда отменила постановление районного суда, отказавшего в снятии судимости до истечения ее срока Ф. Суд, отказывая Ф. в снятии судимости, указал, что основанием для ее погашения является не только безупречное поведение осужденного, но и признание судом того обстоятельства, что лицо утратило общественную опасность. По мнению областного суда, данный вывод не соответствует закону. Согласно ч. 5 ст. 86 УК РФ основанием для снятия судимости является только безупречное поведение, о котором могут свидетельствовать характеристики с места работы и жительства, показания проживающих рядом соседей, близких родственников, сослуживцев и др. С учетом данных обстоятельств судебная коллегия отменила постановление и направила дело на новое рассмотрение [6].

Для снятия подобных разночтений представляется целесообразным разъяснить содержание понятия безупречного поведения в одном из постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Вместе с тем проведенный опрос сотрудников исправительных учреждений показал, что среди них только 29,4 % считают, что поведение лица после отбытия наказания может считаться наиболее существенным аргументом в пользу досрочного снятия судимости. 40,0 % полагают, что также должно учитываться их поведение во время отбывания наказания в исправительном учреждении, 30,6 % – общественная опасность совершенного преступления.

Однако позиция Верховного Суда РФ по данному вопросу сводится к тому, что при решении вопроса о досрочном снятии судимости следует учитывать только поведение лица после его освобождения, а также факт возмещения вреда причиненного преступлением. Так, Президиум Верховного Суда РФ оставил без удовлетворения надзорное представление заместителя Генерального прокурора РФ, который просил отменить решение Челябинского областного суда о снятии судимости с К. В качестве одного из аргументов в надзорном представлении указывалось, что К. по месту отбывания наказания характеризовалась отрицательно, к условно-досрочному освобождению не представлялась. В связи в этим Президиум Верховного Суда РФ указал, что данные, на которые имелась ссылка в представлении, характеризующие К. во время отбывания наказания, не могут быть приняты во внимание, так как в соответствии с ч. 5 ст. 86 УК РФ следует проверить факт безупречного поведения лица, обратившегося в суд с ходатайством о досрочном снятии судимости, в период после отбытия наказания [9, с. 22].

Судимость может быть снята досрочно, если не истекли сроки погашения судимости, предусмотренные ч. 3 ст. 86 УК РФ. В противном случае принятие соответствующего решения будет излишним. Так, Краснооктябрьским районным судом г. Волгограда отказано в ходатайстве П. о снятии судимости. При этом суд принял во внимание, что имеющимися приговорами П. осуждался за совершение тяжких преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 144 УК РСФСР и пп. «а–в» ч. 2 ст. 162 УК РФ. По первому приговору он отбыл весь срок наказания и освободился из мест лишения свободы, в связи с чем на момент обращения П. в суд с ходатайством о снятии судимости его судимость погашена в установленном законом порядке.

Оснований для снятия судимости по второму приговору суд обоснованно не усмотрел, поскольку на момент рассмотрения ходатайства осужденный обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30; п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, в связи с чем суд первой инстанции пришел к выводу о том, что П. до истечения срока погашения судимости совершил новое преступление, что свидетельствует о его ненадлежащем поведении после отбытия наказания [2].

Досрочное снятие судимости может быть осуществлено только после освобождения от наказания, но срок по истечении которого данное право может быть реализовано в законе не определен, что явно представляет собой пробел.

Ф.Р. Сундуров также придерживается данной точки зрения, указывая, «целесообразность снятия судимости сразу же после освобождения

от отбывания наказания весьма сомнительна. Скорее всего данный вопрос необходимо поднимать по истечении как минимум половины предусмотренного ч. 3 ст. 86 УК РФ срока, только в этом случае можно говорить о реализации карательной составляющей наказания, заложенной в вспомогательные институты уголовного права» [11, с. 518].

Как нам представляется, при определении срока досрочного снятия судимости целесообразно дифференцировать его в зависимости от тяжести совершенного преступления. Логика подсказывает, что чем тяжелее совершенное преступление, тем больше времени требуется для результатов исправления осужденного. В связи с этим ч. 5 ст. 86 УК РФ может быть дополнена нормой следующего содержания: «При этом судимость лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, может быть снята по истечении не менее одной третьей срока погашения судимости, тяжкого преступления – не менее одной второй, особо тяжкого – не менее двух третей».

Статья 400 УПК РФ определяет, что вопрос о снятии судимости в соответствии со ст. 86 УК РФ разрешается по ходатайству лица, отбывшего наказание, судом или мировым судьей по уголовным делам, отнесенным к его подсудности, по месту жительства данного лица.

Участие в судебном заседании лица, в отношении которого рассматривается ходатайство о снятии судимости, обязательно.

С учетом того обстоятельства, что досрочное снятие судимости представляет собой не обязанность, а право суда, значительная часть ходатайств отклоняется. Так, из рассмотренных ходатайств в 2013 г. суды отказали в снятии судимости 4696 осужденным (24,2 % от числа всех поданных ходатайств), в 2014 г. – 5171 (23,7 %), в 2015 г. – 4946 (21,2%), в 2016 г. – 4029 (21,3 %). Данные показатели позволяют утверждать о стабильности и наличии определенной практики в процессе снятия судимости судами.

Как показывает изучение деятельности судов Волгоградской и Рязанской областей, при отказе в снятии судимости принимались во внимание категория преступлений, тяжесть и общественная опасность совершенных деяний; размер и вид наказания; отсутствие данных о безупречном поведении во время всего периода после отбытия наказания; отсутствие сведений о трудоустройстве.

Предлагаемая авторская редакция ч. 5 ст. 86 УК РФ позволит основываясь на принципе дифференциации уголовной ответственности реализовать принципы справедливости и индивидуализации в уголовной политике.

Список литературы:

[1] Аппеляционное определение Московского городского суда от 6 марта 2013 г. по делу № 10-443 // СПС «КонсультантПлюс» : Суды общей юрисдикции.

[2] Архив Краснооктябрьского районного суда Волгоградской области. Дело № 1-417/09.

[3] Грамматчиков М. В. Судимость: исторический, уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2002. 165 с.

[4] Зинин Г. Ю. Судимость как последствие уголовно-правового осуждения: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2014. 196 с.

[5] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Рарога. М., : Проспект, 2012. 703 с.

[6] Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда за III квартал 2009 года // СПС «КонсультантПлюс» : Суды общей юрисдикции.

[7] Обобщение судебной практики по рассмотрению материалов о снятии судимости за 2011 год районными, городскими судами, мировыми судьями судебных участков Волгоградской области [Электронный ресурс]. URL: http://oblsud.vol.sudrf.ru.

[8] Постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о снятии судимости с Ф. // Архив Нехаевского районного суда Волгоградской области. Дело № 4-13/2012.

[9] Постановление Президиума Верховного Суда Рос. Федерации от 22 августа 2007 г. по делу К. // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2007. № 2.

[10] Статистические отчеты Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2013–2016 г.

[11] Уголовное право России. Общая часть / под ред. Л. Л. Кругликова. М., : Проспект, 2012. 623 с.

References:

[1] Moscow City Court Appellate Ruling dated March 6, 2013 in case No. 10-443//SPS ConsultantPlus: Courts of General Jurisdiction.

[2] Archive of the Krasnooktyabrsky District Court of the Volgograd Region. Case # 1-417/09.

[3] Grammatchikov M.V. Conviction: historical, criminal law and criminal enforcement aspects: dis.... cand. jurid. sciences. Krasnoyarsk, 2002. 165 pp.

[4] Zinin G. Yu. Conviction as a consequence of criminal conviction: dis.... cand. jurid. sciences. Ryazan, 2014. 196 pp.

[5] Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation/ed. A.I. Raroga. M.,: Prospect, 2012. 703 p.

[6] Review of the cassation practice of the judicial collegium in criminal cases of the Samara Regional Court for the third quarter of 2009//SPS "ConsultantPlus": Courts of general jurisdiction.

[7] Summary of judicial practice on consideration of materials on the removal of a criminal record for 2011 by district, city courts, magistrates of judicial sections of the Volgograd region [Electronic resource]. URL: http://oblsud.vol.sudrf.ru.

[8] Decision on refusal to satisfy the petition to remove the criminal record from F.//Archive of the Nekhaevsky District Court of the Volgograd Region. Case No. 4-13/2012.

[9] Ruling of the Presidium of the Supreme Court Ros. Federation of August 22, 2007 in the case of K.//Bul. Supreme Court Ros. Federations. 2007. № 2.

[10] Statistical reports of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation for 2013-2016

[11] Russian criminal law. General part/ed. L. L. Kruglikova. M.,: Prospect, 2012. 623 p.

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-216-221

ИСМАКОВ Евгений Владимирович,
аспирант ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет». г. Оренбург, Россия,
e-mail: jenyaism@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И КЛАССИФИКАЦИИ БЕСПИЛОТНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО УНИФИКАЦИИ

Аннотация. *В условиях стремительного технологического развития и запуска новых законодательных инициатив по регулированию беспилотного движения (проект федерального закона 2026 г.) проблема фрагментарной терминологии БТС становится особенно актуальной. Цель исследования – выявление ключевых пробелов в существующих определениях и классификациях беспилотных транспортных средств в российском правовом поле и выработка предложений по их унификации. Для решения поставленных задач применены системный, сравнительно-правовой и формально-юридический методы анализа, обобщены доктринальные материалы, изучены международные стандарты (включая SAE J3016) и статистика Минтранса. Анализ показал фрагментарность нормативной базы: в законах и подзаконных актах РФ используются различные термины (БТС, «автономное ТС», ВАТС и др.) без единства, отсутствуют унифицированные критерии уровней автономности и отраслевые категории (воздушные, наземные, водные). В отличие от большинства описательных исследований в статье сформулирована практико-ориентированная модель унификации. Она включает: введение «закрытого» перечня определений в проекте закона об автономных транспортных средствах; адаптацию уровней SAE J3016 к национальным условиям (с учетом «российского эксплуатационного домена»); дифференциацию регулирования по отраслям (интеграция БТС в Правила дорожного движения, Воздушный и Водный кодексы); а также разработку необходимых поправок в ГК РФ, КоАП РФ, УК РФ и национальных стандартах на БТС. Учет международного опыта (например, поправок к Венской конвенции 1968 г., норм ООН и ЕС по БТС) обеспечивает согласованность российского и зарубежного регулирования. Ожидается, что предложенные меры повысят правовую определенность, упростят сертификацию и страхование БТС и гармонизируют российское законодательство с международными стандартами. Практическая значимость результатов заключается в формировании основы для разработки новых нормативных актов и стандартов, способствующих инновационному развитию транспортной отрасли.*

Ключевые слова: *беспилотные транспортные средства, терминология, классификация, законодательство, унификация, нормативная база.*

ISMAKOV Evgeny Vladimirovich,
postgraduate student at Orenburg State University.
Orenburg, Russia

PROBLEMS OF TERMINOLOGY AND CLASSIFICATION OF UNMANNED VEHICLES IN RUSSIAN LEGISLATION: PROPOSALS FOR UNIFICATION

Annotation. *In the context of rapid technological growth and the introduction of new legislative initiatives for unmanned vehicles (a draft law anticipated in 2026), inconsistent terminology of unmanned vehicles in Russian legislation has become particularly problematic. This study aims to identify key gaps in existing legal definitions and classifications of unmanned vehicles and to propose solutions for their unification.*

A systematic and comparative legal analysis was conducted, using doctrinal sources, international standards (e.g., SAE J3016) and data from the Ministry of Transport. The analysis revealed a fragmented regulatory framework: various terms (unmanned vehicle, "autonomous vehicle", etc.) are used inconsistently, and unified criteria for autonomy levels and cross-sector categories (air, road, water) are absent. Unlike most existing studies, this article formulates a practical model of terminology unification: introducing a closed list of definitions in the draft federal law on autonomous vehicles; adapting SAE J3016 levels to national conditions (incorporating a "Russian operational domain" concept); differentiating by sector (integrating unmanned vehicles into the Traffic Rules, Air and Water Codes); and proposing necessary amendments to the Civil Code, Code of Administrative Offenses, Criminal Code and national standards for unmanned vehicles. International norms (the 1968 Vienna Convention, UN and EU regulations) were also considered to russian and foreign rules. The proposed measures aim to improve legal certainty, simplify certification and insurance of unmanned vehicles, and harmonize Russian legislation with international standards. The model provides a basis for drafting new regulations and standards to support innovative development in the transport sector.

Key words: *unmanned vehicles; terminology; classification; legislation; unification; regulatory framework.*

В эпоху интенсивного технологического прогресса, когда цифровизация проникает во все сферы общественной жизни, беспилотные транспортные средства (далее — БТС) приобретают статус одного из наиболее перспективных направлений инновационного развития транспортной инфраструктуры. Как отмечается в Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом до 2035 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р) [1], внедрение БТС способно не только оптимизировать логистические процессы, но и существенно повысить уровень безопасности дорожного движения, снизив аварийность за счет минимизации человеческого фактора. По оценкам экспертов, к 2035 году доля высокоавтоматизированных транспортных средств в общем объеме грузовых перевозок может достичь 12–15 %, что позволит сократить затраты на логистику на 15 % и уменьшить количество ДТП на 30–40 %. Однако реализация этих амбициозных целей сталкивается с серьезными правовыми барьерами, среди которых особое место занимает фрагментарность нормативной базы, проявляющаяся, в частности, в отсутствии унифицированной терминологии и четкой классификации БТС. Такая ситуация представляет собой системный дефект, который подрывает доверие инвесторов и тормозит интеграцию России в глобальные цепочки поставок, где автономные технологии уже становятся стандартом.

Актуальность темы обусловлена не только быстрым ростом рынка БТС в России — к примеру, по данным Министерства транспорта Российской Федерации, пробег беспилотных автомобилей компании «Яндекс» превысил 8 млн км к 2025 году, а проекты ПАО «КАМАЗ» демонстрируют успешное применение автономных грузовиков в промышленных условиях [19], — но и недавними законодательными инициативами. Так, в декабре 2025 года Правительство Российской Федерации объявило о планах внести в I квартале 2026 года законопроект о регулировании беспилотного движения, который должен вступить в силу в 2027 году [20]. Кроме того, с 1 марта 2026 года вводятся новые правила управления дронами, включая обязательную сертификацию пилотов, а беспилотные грузовики получат возможность эксплуатации без водителей на дорогах общего пользования [3]. Эти нововведения подчеркивают необходимость гармонизации терминологического аппарата, поскольку несогласованность понятий приводит к коллизиям в правоприменении, затрудняет сертификацию и страхование, а также не позволяет в полной мере интегрировать российское законодательство с международными стандартами, такими как поправки к Венской конвенции о дорожном движении 1968 года (2016 и 2024 годов) [5], допускающие использование автономных систем без постоянного человеческого контроля.

Степень научной разработанности проблемы достаточно высока, но остается неравномерной. В отечественной доктрине значительный вклад в изучение терминологии БТС внесли В.С. Фетисов и Л.М. Неугодникова, чья монография предлагает системный подход к определению беспилотных летательных аппаратов (БЛА) [9]. И.Р. Бегишев анализирует вызовы цифровизации, подчеркивая необходимость унификации терминов для эффективного административного контроля [10]. Зарубежные исследования, такие как стандарты SAE International (J3016, обновленные в 2021 году) [11], предоставляют рамки для классификации по уровням автономности, но их адаптация к российским реалиям — с учетом климатических особенностей и санкционных ограничений — требует дальнейшего осмысления. Несмотря на это, комплексные исследования, объединяющие терминологический анализ с предложениями по унификации в контексте

отраслевой дифференциации, остаются дефицитными. Большинство работ фокусируется на описательном аспекте, игнорируя потенциальные риски, такие как правовая неопределенность, которая может спровоцировать судебные споры и замедлить экономический рост.

Целью настоящего исследования является выявление ключевых проблем терминологии и классификации БТС в российском законодательстве с последующей разработкой предложений по их унификации, направленных на создание корректной и предсказуемой нормативной базы, способствующей переходу от экспериментальных режимов к массовой эксплуатации.

Для достижения цели поставлены следующие задачи: 1) проследить эволюцию понятия «беспилотное транспортное средство» в научной литературе и нормативных актах; 2) проанализировать существующие подходы к классификации БТС и выявить несоответствия в российском праве; 3) изучить международный опыт регулирования терминологии и классификации с оценкой его применимости для России; 4) сформулировать модель унификации, интегрируемую в перспективное законодательство.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе правового регулирования БТС; предметом — нормы российского и международного права, определяющие терминологию и классификацию этих средств.

Методологическая основа включает системный подход для анализа нормативных массивов, сравнительно-правовой метод для сопоставления отечественного и зарубежного опыта, а также формально-юридический анализ для интерпретации терминов. Использованы материалы доктрины, отчеты международных организаций (BCG, McKinsey, Aeronext) и статистические данные Минтранса РФ.

Научная новизна работы состоит в предложении закрытого перечня терминов для федерального закона «О высокоавтоматизированных и автономных транспортных средствах» (проект 2026 года), с дифференциацией по уровням автономности SAE J3016, адаптированными к национальным условиям (включая «российский эксплуатационный домен» с учетом климата и инфраструктуры), и отраслевой специфике, что позволит преодолеть фрагментарность регулирования и стимулировать инновации.

Развитие терминологии в области БТС отражает эволюцию от узкоспециализированных определений, ориентированных преимущественно на военную сферу, к более широким концепциям, охватывающим гражданское применение. В научной литературе ранние подходы фокусируются на БЛА как на летательных аппаратах без экипажа, подчеркивая отсутствие человеческого фактора как ключевой признак [9]. Более детализированный взгляд трактует БТС как многоразовые устройства, оснащенные двигателями и системами навигации, способные к автономному полету по заданной программе или под дистанционным контролем оператора. Эти определения подчеркивают многофункциональность БТС, но выявляют пробел: отсутствие унификации между воздушными, наземными и водными видами, что осложняет межотраслевое регулирование. Данная эволюция свидетельствует о переходе от статичных концепций к более адаптивным и гибким моделям, где искусственный интеллект играет центральную роль. Однако этот процесс сопряжен с усилением правовых рисков: в условиях отсутствия четких юридических дефиниций правовая система сталкивается с трудностями в эффективном регулировании инцидентов, особенно в случаях, когда ошибки алгоритмов приводят к серьезным последствиям.

В российском законодательстве терминология остается фрагментарной и эволюционирует под влиянием технологического прогресса. Концепция обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств определяет БТС как транспортные средства, способные передвигаться без участия человека с использованием систем автоматического управления, акцентируя внимание на безопасности и инфраструктуре [2]. Постановление вводит понятие «высокоавтоматизированных транспортных средств» (ВАТС) для экспериментальных правовых режимов (ЭПР), требуя обязательного присутствия инженера-испытателя и систем дистанционного управления [3]. Однако Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» сохраняет устаревший подход, ориентированный на наличие водителя, что прямо противоречит сути автономных систем уровней 4–5 по SAE [6]. Это несоответствие отражает инерцию правовой системы, не готовой к парадигме, где машина принимает решения самостоятельно.

Обновления 2025 года, включая продление ЭПР до 2028 года, расширяют тестирование на 13 регионов и вводят понятие «оператор ВАТС», но не решают терминологической неопределенности [4]. Такая фрагментарность приводит к снижению инвестиций: выручка от продукции БАС упала на 10 %, от услуг — на 20 % по сравнению с предыдущим годом [14]. Для воздушных БТС с 1 марта 2026 года вступают новые правила, включая сертификацию пилотов, что усиливает разрыв между отраслями [19]. В итоге, отсутствие единого понятийного аппарата создает риски для правоприменения, особенно в вопросах ответственности и страхования, требуя комплексной унификации.

Классификация БТС играет роль фундаментальной основы для их правового регулирования, позволяя дифференцировать подходы к сертификации, эксплуатации и ответственности. Международные стандарты предлагают шестиуровневую шкалу автономности: от уровня 0 (полное отсутствие автоматизации, контроль за водителем) до уровня 5 (полная автономия без необходимости человеческого вмешательства в любых условиях) [11]. Этот подход дополняется стандартом для функциональной безопасности. По среде использования БТС делятся на воздушные (БЛА: дроны, квадрокоптеры для мониторинга и логистики), наземные (автономные автомобили, курьерские роботы) и водные/подводные (автономные суда для исследований и перевозок).

В российском праве классификация остается несистематизированной и преимущественно отраслевой. Для наземных БТС Концепция фокусируется на автомобилях и грузовиках, но не вводит дифференциацию по уровням SAE, ограничиваясь общими требованиями к сенсорам и алгоритмам [2]. Постановление определяет ВАТС для ЭПР на трассе М-11 «Нева», где тестируются уровни 3–4, но без четких критериев перехода к уровню 5 [3]. В 2025 году анонсировано расширение для беспилотных грузовиков без водителей с 2026 года, что требует уточнения классификации для обеспечения безопасности [20]. Федеральный закон «О техническом регулировании» не предусматривает специальных стандартов для БТС, включая аспекты кибербезопасности, что приводит к несоответствиям с международными нормами [7]. Воздушные БТС регулируются Федеральными правилами использования воздушного пространства, вводящими класс H для UAV, что упрощает полеты дронов массой до 30 кг. Однако это не гармонизировано с наземными нормами: например, Федеральный закон «Об охране окружающей среды» не учитывает специфику БЛА в экологическом мониторинге [8]. Для водных БТС опираются на конвенции IMO, частично имплементированные в РФ, но без детальной классификации автономных судов. Основные несоответствия включают: противоречие с Венской конвенцией (требование водителя vs. автономия) [5]; фрагментарность в ЭПР, усугубляемая санкционными ограничениями; отсутствие судебной практики, где инциденты разрешаются по аналогии с традиционными ТС. Такая ситуация усиливает административные риски, требуя унификации для глобальной цифровизации [10].

Международный опыт демонстрирует разнообразие подходов к терминологии и классификации, ориентированных на баланс инноваций и безопасности. В Европейском союзе Регламент «AI Act» (2024) классифицирует БТС как высокорисковые системы, требуя строгой сертификации для уровней 3–5 SAE, с презумпцией ответственности производителя за сбои [15]. Германия в Законе «Gesetz zum autonomen Fahren» (2021, редакция 2025) разрешает эксплуатацию уровня 4 без водителя в обозначенных зонах, с обязательным «бортовым регистратором событий» для фиксации данных [16]. В США Федеральный закон «Self Drive Act» (2017) делегирует классификацию штатам: Невада с 2011 года тестирует автономные ТС, фокусируясь на уровнях 2–4 [17]. Китайские национальные стандарты (с 2018 года, обновленные в 2025) интегрируют БТС в экосистему «умного транспорта», с акцентом на урбанизированные зоны вроде Шанхая [18].

Для России эти модели предлагают ценные уроки: адаптация SAE J3016 с учетом локальных факторов, таких как суровый климат и несовершенная инфраструктура, могла бы включать «российский эксплуатационный домен» — совокупность условий (погода, тип дорог), где БТС функционируют безопасно [11]. Гармонизация с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) через единые регламенты по сертификации необходима для трансграничных перевозок. Однако критика зарубежных подходов актуальна: они не полностью учитывают санкционные ограничения РФ, что требует самостоятельного развития стандартов. В целом, заимствование элементов продуктовой ответственности и кибербезопасности могло бы ускорить переход России к массовой эксплуатации БТС, но с приоритетом национальной специфики.

На основе выявленных проблем предлагается комплексная модель унификации, интегрируемая в проект федерального закона «О высокоавтоматизированных и автономных транспортных средствах» (вносится в Правительство в 2026 году). Во-первых, ввести закрытый перечень терминов: «БТС» как общее понятие — «транспортное средство, оснащенное системами автоматизированного управления, способное выполнять задачи по перемещению без постоянного вмешательства человека в пределах эксплуатационного домена». Это позволит избежать дублирования («ВАТС», «автономное ТС») и обеспечить ясность. Во-вторых, разграничить уровни автономности по SAE J3016 с национальными адаптациями: уровни 0–2 — с полной ответственностью водителя/владельца; уровень 3 — условная автоматизация с солидарной ответственностью; уровни 4–5 — высокая/полная автономия с презумпцией вины производителя. «Российский эксплуатационный домен» должен учитывать климатические факторы (снег, низкие температуры) и инфраструктуру [11]. В-третьих, дифференцировать по отраслям: наземные БТС — интеграция с Правилами дорожного движения; воздушные — с Воздушным кодексом Российской Федерации и клас-

сом Н для дронов; водные — с Кодексом внутреннего водного транспорта. Механизмы реализации включают поправки в Гражданский кодекс Российской Федерации (новая статья 1079.1 о ответственности за вред от БТС), Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовный кодекс Российской Федерации, а также разработку национальных стандартов (ГОСТ на «бортовой регистратор событий» с хранением данных 10 лет и кибербезопасность). Вместо разовых ЭПР предлагается институт постоянных экспериментальных зон для тестирования [3].

Практическая значимость предложений заключается в снижении правовых рисков, стимулировании инвестиций (рынок БАС в РФ составил 32 млрд руб., с потенциалом роста до 25 % ежегодно) [14] и достижении целей Транспортной стратегии. Это позволит России синхронизировать развитие БТС с глобальными трендами, обеспечив баланс между инновациями и общественной безопасностью.

Проведенный анализ свидетельствует о системном характере проблем терминологии и классификации БТС в РФ: фрагментарность определений, несоответствия международным нормам и отраслевые коллизии не только тормозят технологический прогресс, но и создают риски для безопасности и экономики. Однако эти вызовы открывают возможность для трансформации: унификация не просто устранит пробелы, но и создаст основу для гибридной правовой модели, где национальные особенности (климат, инфраструктура) интегрируются с глобальными стандартами, стимулируя экономический рост и этическое развитие технологий. Предложенная модель, с закрытым перечнем терминов, адаптированной классификацией SAE и отраслевой дифференциацией, способна обеспечить правовую стабильность и предсказуемость, превратив ЭПР из временных мер в постоянный механизм инноваций.

Перспективы дальнейших исследований включают углубленный анализ интеграции искусственного интеллекта в управление БТС и международное сотрудничество в рамках ЕАЭС, с акцентом на кросс-культурные этические дилеммы. Практические рекомендации: Министерству транспорта Российской Федерации — ускорить разработку подзаконных актов к законопроекту 2026 года, включив пилотные зоны для тестирования унифицированной терминологии; участникам рынка — адаптировать бизнес-модели под унифицированные термины для минимизации рисков, инвестируя в локальные адаптации ИИ. В итоге, унификация — это ключевой инструмент для позиционирования России как лидера в постсанкционной эре, где автономные технологии станут мостом между традиционной экономикой и цифровым будущим, обеспечивая не только эффективность, но и социальную устойчивость.

Список литературы:

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 49. Ст. 8275.

[2] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 724-р «Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 13. Ст. 2013.

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2018 г. № 1415 «Об эксперименте по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49. Ст. 7586.

[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 17 октября 2022 г. № 1849 «Об экспериментальном правовом режиме в сфере цифровых инноваций» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 43. Ст. 7295.

[5] Венская конвенция о дорожном движении (Вена, 8 ноября 1968 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 14. Ст. 1258 (с поправками 2016 г.).

[6] Федеральный закон Российской Федерации от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 50. Ст. 4873.

[7] Федеральный закон Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140.

[8] Федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.

[9] Фетисов В.С., Неугодникова Л.М. Беспилотная авиация: терминология, классификация, современное состояние. Уфа: Фотон, 2014. 217 с.

[10] Бегишев И.Р. Административно-правовые аспекты регулирования беспилотных транспортных средств в эпоху глобальной цифровизации // Транспортное право и безопасность. 2025. № 3 (55). С. 223–227.

[11] SAE International. Taxonomy and Definitions for Terms Related to Driving Automation Systems for On-Road Motor Vehicles (J3016_202104). SAE, 2021. 45 с.

[12] The Boston Consulting Group. The Reimagined Car — Shared, Autonomous, and Electric. BCG, 2020.

[13] McKinsey & Company. Autonomous driving: The next strategic inflection point. McKinsey, 2020.

[14] Аэронекст. По результатам исследования российского гражданского рынка беспилотных авиационных систем в 2024 году. М.: Аэронекст, 2024. 40 с.

[15] Регламент (EU) 2024/1689 «О регулировании искусственного интеллекта (AI Act)» // Официальный журнал ЕС. 2024.

[16] Gesetz zum autonomen Fahren (Германия). Bundesgesetzblatt. 2021. Ч. I. № 34 (с изменениями 2025 г.).

[17] Self Drive Act (США). H.R.3388. 115th Congress. 2017.

[18] National Standards for Autonomous Vehicles (Китай). Министерство промышленности и информационных технологий КНР. 2018 (с обновлениями 2025 г.).

[19] Официальный сайт Министерства транспорта Российской Федерации. URL: https://mintrans.gov.ru (дата обращения: 07.01.2026).

[20] Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: https://government.ru (дата обращения: 07.01.2026).

References:

[1] Order of the Government of the Russian Federation of November 27, 2021 No. 3363-r “On approval of the Transport Strategy of the Russian Federation until 2030 with a forecast for the period until 2035 “//Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. № 49. Art. 8275.

[2] Order of the Government of the Russian Federation of March 25, 2020 No. 724-r “On approval of the Concept for ensuring road safety with the participation of unmanned vehicles on public roads “// Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. № 13. Art. 2013.

[3] Decree of the Government of the Russian Federation of November 26, 2018 No. 1415 “On the experiment on the operation of highly automated vehicles on public roads “//Collection of legislation of the Russian Federation. 2018. № 49. Art. 7586.

[4] Decree of the Government of the Russian Federation of October 17, 2022 No. 1849 “On the experimental legal regime in the field of digital innovation “//Collection of legislation of the Russian Federation. 2022. № 43. Art. 7295.

[5] Vienna Convention on Road Traffic (Vienna, November 8, 1968)//Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. № 14. Art. 1258 (as amended in 2016).

[6] Federal Law of the Russian Federation of December 10, 1995 No. 196-FZ “On Road Safety “// Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. № 50. Art. 4873.

[7] Federal Law of the Russian Federation of December 27, 2002 No. 184-FZ “On Technical Regulation “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 52 (part 1). Art. 5140.

[8] Federal Law of the Russian Federation of January 10, 2002 No. 7-FZ “On Environmental Protection “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 2. Art. 133.

[9] Fetisov V.S., Neugodnikova L.M. Unmanned aviation: terminology, classification, current state. Ufa: Photon, 2014. 217 pp.

[10] I.R. Begishev. Administrative and legal aspects of the regulation of unmanned vehicles in the era of global digitalization//Transport law and safety. 2025. № 3 (55). S. 223-227.

[11] SAE International. Taxonomy and Definitions for Terms Related to Driving Automation Systems for On-Road Motor Vehicles (J3016_202104). SAE, 2021. 45 s.

[12] The Boston Consulting Group. The Reimagined Car — Shared, Autonomous, and Electric. BCG, 2020.

[13] McKinsey & Company. Autonomous driving: The next strategic inflection point. McKinsey, 2020.

[14] Aeronext. According to a study of the Russian civilian market for unmanned aerial systems in 2024. M.: Aeronext, 2024. 40 s.

[15] Regulation (EU) 2024/1689 “On the regulation of artificial intelligence (AI Act) “//Official Journal of the EU. 2024.

[16] Gesetz zum autonomen Fahren (Германия). Bundesgesetzblatt. 2021. Part I. No. 34 (as amended in 2025).

[17] Self Drive Act (USA). H.R. 3388. 115th Congress. 2017.

[18] National Standards for Autonomous Vehicles (Китай). Ministry of Industry and Information Technology of the PRC. 2018 (with 2025 updates).

[19] Official website of the Ministry of Transport of the Russian Federation. URL: https://mintrans.gov.ru (access date: 07.01.2026).

[20] Official website of the Government of the Russian Federation. URL: https://government.ru (access date: 07.01.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-222-226

БАРТАШЕВИЧ Юрий Александрович
Аспирант, «Синергия» (Московский финансово-промышленный университет «Синергия»),
e-mail: Yur-bartashevic@yandex.ru

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭМИССИИ ЦЕННЫХ БУМАГ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ФИНАНСОВОГО РЫНКА

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу тенденций развития правового регулирования эмиссии ценных бумаг в условиях цифровизации финансового рынка. Рассматриваются эволюция эмиссионного законодательства России, влияние технологий распределённого реестра и смарт-контрактов на эмиссионные процессы, правовая природа цифровых финансовых активов и их соотношение с традиционными ценными бумагами. Анализируется зарубежный опыт регулирования цифровой эмиссии (ЕС, Швейцария, США, Сингапур, Германия). Обосновывается необходимость перехода от модели параллельного регулирования цифровых финансовых активов и ценных бумаг к конвергентной модели, предполагающей введение категории цифровых (реестровых) ценных бумаг. Исследуются проблемы правового режима смарт-контрактов, вторичного рынка цифровых финансовых активов, экспериментальных правовых режимов и роли Банка России как мегарегулятора цифровизации финансового рынка. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства.*

Ключевые слова: *эмиссия ценных бумаг, цифровые финансовые активы, токенизация, блокчейн, смарт-контракт, распределённый реестр, цифровая эмиссия, правовое регулирование, финансовый рынок.*

BARTASHEVICH Yurii Aleksandrovich,
Graduate student "Synergy"
(Moscow University of Finance and Industry "Synergy")

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF SECURITIES ISSUANCE IN THE CONTEXT OF FINANCIAL MARKET DIGITALIZATION

Annotation. *The article provides a comprehensive analysis of trends in the development of legal regulation of securities issuance in the context of financial market digitalization. The evolution of Russian emission legislation, the impact of distributed ledger technologies and smart contracts on issuance processes, the legal nature of digital financial assets and their correlation with traditional securities are examined. The foreign experience of digital emission regulation (EU, Switzerland, USA, Singapore, Germany) is analyzed. The necessity of transition from a parallel regulation model of digital financial assets and securities to a convergent model involving the introduction of a category of digital (registry) securities is substantiated. Proposals for improving legislation are formulated*.

Key words: *securities issuance, digital financial assets, tokenization, blockchain, smart contract, distributed ledger, digital emission, legal regulation, financial market.*

Введение

Цифровизация финансового рынка является одним из ключевых факторов трансформации правового регулирования оборота ценных бумаг в XXI веке. Внедрение технологий распределённого реестра (DLT), смарт-контрактов и токенизации активов ставит перед юридической наукой и законодателем фундаментальную задачу: создать правовой режим, способный обеспечить баланс между стимулированием инноваций и защитой прав инвесторов. Российский рынок цифровых финансовых активов (ЦФА) продемонстрировал экспоненциальный рост: кумулятивный объём выпусков превысил 1,35 трлн руб. к сентябрю 2025 г. [1], что свидетельствует о практической востребованности новых инструментов и необходимости совершенствования их правового обеспечения.

Актуальность исследования обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, российский законодатель избрал модель параллельного регулирования, при которой ЦФА не признаются ценными бумагами, несмотря на их функциональную эквивалентность, что порождает пробелы в системе защиты инвесторов. Во-вторых, зарубежные юрисдикции (ЕС, Швейцария, Сингапур, Германия) формируют собственные модели интеграции токенизированных инструментов в существующую архитектуру финансового права, что создаёт потребность в сравнительно-правовом анализе. В-третьих, стремительное развитие технологий опережает нормативное регулирование, формируя зоны правовой неопределённости.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ тенденций развития правового регулирования эмиссии ценных бумаг в условиях цифровизации финансового рынка, выявление проблем действующего законодательства и формулирование предложений по его совершенствованию. Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой методы, а также метод системного анализа.

Эволюция правового регулирования эмиссии ценных бумаг в России

Правовое регулирование эмиссии ценных бумаг в России прошло несколько этапов трансформации. Базовым нормативным актом остаётся Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», содержание которого существенно модернизировано. Принципиальным шагом стал Федеральный закон от 27.12.2018 № 514-ФЗ, вступивший в силу с 1 января 2020 г., который провёл масштабную реформу эмиссионного процесса: отменена обязательная государственная регистрация отчёта об итогах выпуска, введён институт регистрирующих организаций, закреплён электронный формат подтверждения регистрации выпуска [2, с. 86].

Параллельно формировалась гражданско-правовая основа для цифровых инструментов. Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ в Гражданский кодекс РФ введена статья 141.1 «Цифровые права», согласно которой цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы [3]. Тем самым законодатель легитимировал принципиально новую категорию объектов гражданских прав, ставшую фундаментом для последующего регулирования ЦФА.

Ключевым элементом нового регулирования стал Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте». Закон определил ЦФА как цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества. Выпуск, учёт и обращение ЦФА осуществляются путём внесения записей в информационную систему на основе распределённого реестра [4]. За период 2022–2025 гг. закон претерпел значительные изменения: легализовано использование ЦФА в международных расчётах (ФЗ от 11.03.2024 № 45-ФЗ), расширено понятие ЦФА (ФЗ от 08.08.2024 № 221-ФЗ), разрешено обращение иностранных ЦФА на российских платформах (ФЗ от 08.08.2024 № 223-ФЗ).

Цифровые технологии и их влияние на эмиссионные процессы

Цифровизация финансового рынка основывается на трёх ключевых технологиях: технологии распределённого реестра (DLT), блокчейне как наиболее распространённой форме DLT и смарт-контрактах. Как справедливо отмечает Т.Я. Хабриева, право оказалось перед «вызовами цифровой реальности» [5, с. 8], требующими переосмысления устоявшихся правовых конструкций. DLT обеспечивает децентрализованное хранение и синхронизацию данных о транзакциях, исключая необходимость единого центрального посредника, что в контексте эмиссии означает возможность отказа от многоуровневой инфраструктуры учёта прав.

В России для выпуска ЦФА используются несколько блокчейн-платформ. Мастерчейн — национальная блокчейн-сеть, разработанная Ассоциацией ФинТех совместно с Банком России, сертифицированная ФСБ России, стала лидером по объёму размещений в 2024 г. Широкое применение получила также платформа Hyperledger Fabric, используемая Сбербанком, Атомайзом и СПБ Биржей [1].

Смарт-контракты — программные алгоритмы, обеспечивающие автоматическое исполнение обязательств при наступлении заранее определённых условий — играют центральную роль в цифровой эмиссии. В российском праве отсутствует нормативное определение смарт-контракта; единственная косвенная основа содержится в ст. 309 ГК РФ, допускающей исполнение обязательств «путём применения информационных технологий». Л.Г. Ефимова и О.Б. Сиземова обоснованно указывают на проблему правовой квалификации смарт-контракта, выделяя три доктринальных подхода: смарт-контракт как

новый вид договора; как условие об автоматическом исполнении существующего договора; как компьютерная программа, не имеющая договорной природы [6]. Последняя позиция представляется наиболее убедительной, поскольку смарт-контракт сам по себе не порождает обязательственного правоотношения.

На платформах операторов информационных систем смарт-контракты обеспечивают автоматический расчёт и выплату купонов, обновление реестров владельцев ЦФА в реальном времени, программируемый комплаенс. Вместе с тем ключевые правовые проблемы остаются нерешёнными: неизменяемость кода после развёртывания в блокчейне противоречит принципам изменения договора; не определён субъект ответственности за ошибки в коде; зависимость от оракулов создаёт новый центр потенциального риска [7, с. 55].

Цифровые финансовые активы и традиционные ценные бумаги

Центральной проблемой российского регулирования является двойственность правового режима ЦФА и ценных бумаг. Законодатель создал для ЦФА особый правовой режим, не интегрировав их в существующую систему ценных бумаг [8]. Данный подход принципиально отличается от зарубежных моделей: SEC США применяет тест Хоуи, квалифицируя инвестиционные токены как ценные бумаги, а Регламент MiCA исключает из своего охвата токены, квалифицируемые как финансовые инструменты по MiFID II. Российское право проводит формальную границу вне зависимости от экономического содержания.

ЦФА отсутствуют в перечне объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) в качестве ценных бумаг — они квалифицируются как цифровые права (ст. 141.1 ГК РФ). Как указывают Л.В. Санникова и Ю.С. Харитонова, правовая сущность новых цифровых активов требует переосмысления категориального аппарата гражданского права, поскольку многие токены обладают всеми сущностными признаками ценных бумаг [9, с. 90]. Параллельное регулирование порождает практические проблемы: на ЦФА не распространяются нормы о защите прав инвесторов в полном объёме; невозможно применение института добросовестного приобретателя ценных бумаг; возникает правовая неопределённость при трансграничных сделках.

Статистика подтверждает стремительное развитие рынка ЦФА. Объём эмиссий вырос с 44 млрд руб. в 2023 г. до 550 млрд руб. в 2024 г. [1]. Вместе с тем 96% рынка составляют долговые ЦФА, а вторичный рынок остаётся крайне неликвидным. Рынок характеризуется высокой концентрацией: на три крупнейших оператора приходится 72% всего объёма размещений.

Зарубежный опыт правового регулирования цифровой эмиссии

Европейский союз сформировал наиболее комплексную модель регулирования. Регламент (ЕС) 2023/1114 (MiCA), полностью применяемый с 30 декабря 2024 г., создаёт единый лицензионный режим для провайдеров услуг в сфере криптоактивов. Для токенизированных финансовых инструментов принят Регламент (ЕС) 2022/858 о пилотном режиме для рыночных инфраструктур на основе DLT, предусматривающий три типа DLT-инфраструктур с возможностью прямого допуска розничных инвесторов и совмещения функций торговли и расчёта [10].

Швейцарский DLT Act реализовал принципиально иной подход — модификацию существующих законов вместо создания параллельного регулирования. Введена категория реестровых ценных бумаг (Registerwertrechte, ст. 973d–973i Швейцарского обязательственного кодекса) — прав, зарегистрированных в электронном реестре, которые могут быть заявлены и переданы исключительно через этот реестр. Формулировки технологически нейтральны; создана защита добросовестного приобретателя по аналогии с физическими сертификатами [11].

Регулирование в США основывается на применении теста Хоуи к цифровым активам. В 2025 г. произошёл существенный сдвиг: создана Crypto Task Force, прекращены многие enforcement-действия. Сингапур применяет деятельностный подход: security tokens регулируются как продукты рынка капитала по Securities and Futures Act. Германия с 2021 г. применяет Закон об электронных ценных бумагах (eWpG), допускающий выпуск электронных ценных бумаг посредством записи в крипто-реестры [12].

Сравнительный анализ выявляет общий принцип всех исследованных юрисдикций: токенизированные ценные бумаги остаются ценными бумагами, а технология не меняет правовую природу удостоверяемого права. Россия отступает от этого принципа, создавая параллельный режим ЦФА.

Экспериментальные правовые режимы и роль Банка России

Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций» создал правовую основу для «регулятивных песочниц» — временного специального регулирования, позволяющего тестировать инновации в ограниченном

масштабе. С 1 сентября 2024 г. в рамках ЭПР разрешены внешнеторговые расчёты и биржевые торги цифровой валютой. Зарубежный опыт (FCA Regulatory Sandbox в Великобритании, MAS FinTech Sandbox в Сингапуре) подтверждает эффективность данного подхода [13].

Банк России выступает ключевым институтом формирования политики цифровизации финансового рынка, осуществляя тройную функцию: ведение реестров операторов информационных систем и операторов обмена ЦФА; функцию уполномоченного органа по ЭПР в финансовой сфере; определение стратегических направлений развития рынка. В стратегическом плане утверждены «Основные направления развития финансового рынка РФ на 2025 год и период 2026–2027 годов», включающие развитие рынка ЦФА в качестве приоритета [14].

Особое значение имеет проект цифрового рубля — третьей формы национальной валюты. Пилотирование ведётся с августа 2023 г., массовое внедрение перенесено на 1 сентября 2026 г. Интеграция ЦФА и цифрового рубля рассматривается как стратегическое направление: цифровой рубль может стать единым расчётным средством для первичного и вторичного рынка ЦФА, упростив клиентский путь и повысив ликвидность.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов. Российская модель параллельного регулирования ЦФА и ценных бумаг представляет собой временное решение. Зарубежный опыт — Швейцарии, Германии и ЕС — демонстрирует движение к интеграции токенизированных инструментов в существующую систему правового регулирования ценных бумаг. Целесообразно рассмотреть возможность введения категории «цифровых (реестровых) ценных бумаг» как подвида эмиссионных ценных бумаг.

Действующая ст. 309 ГК РФ создаёт лишь косвенную основу для смарт-контрактов. Требуется легальное определение смарт-контракта, установление порядка разрешения споров, определение субъекта ответственности за ошибки в коде. Вторичный рынок ЦФА остаётся критическим узким местом: при кумулятивном объёме эмиссий свыше 1,35 трлн руб. вторичные торги минимальны. Предлагается нормативно закрепить обязанность интероперабельности платформ, стимулировать маркетмейкерскую деятельность.

Институт экспериментальных правовых режимов доказал свою состоятельность. Необходимо расширить практику ЭПР на токенизацию традиционных ценных бумаг, что позволит протестировать модель интеграции до внесения системных изменений в законодательство. Проект цифрового рубля, интегрированный с инфраструктурой ЦФА, способен стать катализатором развития вторичного рынка. Таким образом, российское правовое регулирование эмиссии ценных бумаг находится на этапе перехода от модели параллельного регулирования к конвергентной модели, предполагающей постепенную интеграцию цифровых и традиционных инструментов.

Список литературы:

[1] Цифровые финансовые активы: обзор рынка в 2025 году / SberCIB Investment Research. — 30.10.2025.

[2] Гирич М. Г., Ермохин И. С., Левашенко А. Д. Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах // Вестник международных организаций. — 2022. — Т. 17. — № 4. — С. 176–192.

[3] Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 5. — С. 111–119.

[4] Гонгало Б. М., Новосёлова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. — 2019. — № 2. — С. 179–192.

[5] Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 9. — С. 5–16.

[6] Ефимова Л. Г., Сиземова О. Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. — 2019. — № 1. — С. 21–28.

[7] Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьёв А. В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex russica. — 2019. — № 8. — С. 51–62.

[8] Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. — 2018. — № 9. — С. 86–95.

[9] Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. — М. : 4 Принт, 2020. — 304 с.

[10] Белицкая А. В., Лаутс Е. Б. Правовая концепция «умного регулирования» финансового рынка // Банковское право. — 2023. — № 2. — С. 7–15.

[11] Синицын С. А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации : монография. — М. : Инфотропик Медиа, 2021. — 212 с.

[12] Lee J., Geidel D. A. Mapping an Investor Protection Framework for the Security Token Offering Market: A Comparative Analysis of UK and German Law // SSRN Working Paper. — 2021.

[13] Momtaz P. P. Security Tokens // The Oxford Handbook of Crypto and Digital Assets. — Oxford University Press, 2021.

[14] Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2025 год и период 2026–2027 годов / Банк России. — М., 2024.

[15] Carapella F. et al. Tokenization: Overview and Financial Stability Implications // FEDS Working Paper. — 2023. — No. 2023-060.

References:

[1] Digital Financial Assets: Market Outlook in 2025/SberCIB Investment Research — 30.10.2025.

[2] Girich M.G., Ermokhin I.S., Levashenko A.D. Comparative analysis of the legal regulation of digital financial assets in Russia and other countries//Bulletin of International Organizations. — 2022. - VOL. 17. — № 4. - S. 176-192.

[3] Vasilevskaya L. Yu. Token as a new object of civil rights: problems of legal qualification of digital law//Actual problems of Russian law. — 2019. — № 5. - S. 111-119.

[4] Gongalo B.M., Novosyolova L.A. Is there a place for “digital rights” in the system of civil law objects//Perm legal almanac. — 2019. — № 2. - S. 179-192.

[5] Khabrieva T. Ya. Right before the challenges of digital reality//Journal of Russian Law. — 2018. — № 9. - S. 5-16.

[6] Efimova L. G., Sizemova O. B. The legal nature of a smart contract//Banking law. — 2019. — № 1. - S. 21-28.

[7] Grin O.S., Grin E.S., Solovyov A.V. Legal construction of a smart contract: legal nature and scope//Lex russica. — 2019. — № 8. - S. 51-62.

[8] Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. Legal essence of new digital assets//Law. — 2018. — № 9. - S. 86-95.

[9] Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. Digital assets: legal analysis: monograph. - M.: 4 Print, 2020. - 304 s.

[10] Belitskaya A. V., Lauts E. B. The legal concept of “smart regulation” of the financial market// Banking law. — 2023. — № 2. - S. 7-15.

[11] Sinitsyn S. A. Russian and foreign civil law in the conditions of robotization and digitalization: monograph. - M.: Infotropic Media, 2021. - 212 p.

[12] Lee J., Geidel D. A. Mapping an Investor Protection Framework for the Security Token Offering Market: A Comparative Analysis of UK and German Law // SSRN Working Paper. — 2021.

[13] Momtaz P. P. Security Tokens // The Oxford Handbook of Crypto and Digital Assets. — Oxford University Press, 2021.

[14] The main directions of development of the financial market of the Russian Federation for 2025 and the period 2026-2027/Bank of Russia. - M., 2024.

[15] Carapella F. et al. Tokenization: Overview and Financial Stability Implications // FEDS Working Paper. — 2023. — No. 2023-060.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-227-232

ЕФИМОВА Ольга Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
и.о.заведущего кафедрой нотариата и
частно-правовых дисциплин Российского университета
адвокатуры и нотариаты имени Г.Б.Мирзоева,
e-mail: alisa03@mail.ru

ПИВОВАРОВ Антон Александрович,
Аспирант Российского университета
адвокатуры и нотариаты имени Г.Б.Мирзоева,
e-mail: alisa03@mail.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРИЗНАНИЯ РЕШЕНИЯ О РЕОРГАНИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ

Аннотация. *Реорганизация юридического лица — это в значительной мере устоявшееся правовое явление. В тоже время, проведенная реформа института юридических лиц, коснувшаяся в том числе и реорганизации, до настоящего времени вызывает вопросы в отношении правильного применения соответствующих норм Гражданского законодательства Российской Федерации. Такие вопросы возникают, в частности, при исследовании некоторых правовых последствий, возникающих после признания решения о реорганизации недействительным и предусмотренных ст. 60.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Для наиболее полного и правильного понимания условий возникновения таких последствий, определения субъектного состава правоотношений, возникающих при оспаривании данного решения необходимо провести правовую классификацию данных последствий.*

Ключевые слова: *Юридическое лицо, реорганизация, оспаривание решения, возмещение ущерба, добросовестность, недобросовестное поведение.*

EFIMOVA Olga Vladimirovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Acting Head of the Department of Notary and Private Law Disciplines
at the Russian University of Law and Notary Affairs
named after G.B. Mirzoev

PIVOVAROV Anton Aleksandrovich,
Postgraduate Student at the Russian University
of Law and Notary Affairs named after G.B. Mirzoev

CLASSIFICATION OF LEGAL CONSEQUENCES OF INVALIDATING A DECISION TO REORGANIZE A LEGAL ENTITY

Annotation. *The reorganization of a legal entity is a well-established legal phenomenon. However, the recent reform of the legal entity institution, which also affected the reorganization process, has raised questions about the proper application of the relevant provisions of the Civil Code of the Russian Federation. These questions arise, in particular, when examining certain legal consequences that arise after the decision to reorganize is declared invalid under Article 60.1 of the Civil Code of the Russian Federation. In order to fully and correctly understand the conditions under which such consequences arise, and to determine the subject composition of the legal relations that arise when this decision is challenged, it is necessary to conduct a legal classification of these consequences*.

Key words: *Legal entity, reorganization, challenging a decision, compensation for damages, good faith, bad faith behavior.*

Реорганизация юридического лица затрагивает интересы многих субъектов, включая его учредителей/участников. Однако, до определенного времени возможность данным лицам защитить свои права и законные интересы при наличии признаков незаконности проведённой реорганизации не была регламентирована.

Положения о реорганизации юридических лиц в результате реформирования гражданского законодательства Российской Федерации претерпели определенные изменения. Это нашло отражение, в том числе, в создании норм, определяющих последствия незаконности проведения реорганизации. В Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) было указано на наличие практических проблем, вызванных отсутствием нормативных последствий незаконности проведенной реорганизации. Для устранения данного пробела Федеральным законом от 05.05.2014 N 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» в Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее по тексту ГК РФ) была введена статья 60.1., которая формулирует последствия, возникающие при признании решения о реорганизации юридического лица недействительным.

Согласно данной статье, участник/учредитель реорганизуемого юридического лица, или иной субъект права, определённый в законе, вправе подать в суд заявление о признании решения о организации недействительной. Для предъявления такого требования сформирован сокращенный срок исковой давности – 3 месяца с момента, когда в Единый государственный реестр юридических лиц была внесена запись о начале процедуры реорганизации. Сразу следует указать, что наиболее заинтересованные в оспаривании такой сделки лица – кредиторы реорганизуемого юридического лица заявителями указанного требования быть не могут. Данный вывод сформирован сложившейся судебной практикой на том основании, что кредиторы организации не обладают изначально правом на оспаривание внутренних, корпоративных решений [7].

Цель оспаривания решения о реорганизации определяется возникающими правовыми последствиями, которые представлены в рассматриваемой ст. 60.1 ГК РФ. При этом последствия разнятся в зависимости от определенных обстоятельств.

Несмотря на очевидные преимущества для практики, предоставленные данной нормой (выраженные хотя бы в создании правовой определенности при незаконности реорганизации), применение последствий, указанных в ст. 60.1 ГК РФ вызывает сложности. И в первую очередь это вызвано необходимостью определения возможности формирования того или иного последствия, предусмотренного в исследуемой норме.

Для решения данной задачи, а также для понимания всех условий применения соответствующего последствия необходимо провести их классификацию.

Классификация, обладая инструментальной ценностью, имеет значительную важность для правопознания. Как указывал А.М.Васильев «основная цель классификации – обеспечить однозначное и легко определяемое место для каждого из классифицируемых объектов.» [8] Определив данное место в системе правоотношений можно правильно выбрать надлежащую модель поведения.

К тому же классификация анализируемых правовых последствий позволяет увидеть более полную картину при формировании данных правовых связей, с учетом любых неочевидных и даже спорных аспектов. Как указывал С.С.Алексеев: «Главное – классификация дает возможность при определении ее критериев выявить новые черты, качественные особенности данных предметов и явлений» [9]

Исследуемые последствия можно разделить на общие (те, которые возникнут в любом случае) и специальные (имеющие место только наличии соответствующих условий).

Общие последствия, в свою очередь, можно классифицировать на нулевые и положительные.

Нулевые последствия означают, что собственно правовых последствий при признании определенного юридического факта, не будет. Как раз такая картина - нулевых, отсутствующих последствий наступает при признании решения о реорганизации недействительным. Предъявление в суд требования о признании решения недействительным не является основанием для приостановки регистрационных действий (если только в судебном процессе не будет заявлено ходатайство о применении обеспечительных мер в виде запрета осуществлять регистрационные действия). Даже признав это решение не соответствующим требованиям закона или иного нормативного акта, созданные в процессе реорганизации юридические лица – правопреемники продолжат существование, а сделки, которые они успеют совершить, останутся в силе.

Формирование таких последствий можно признать обоснованным (при наличии некоторых сомнений) и как правильно утверждает А.В.Габов:

«Очевидно, что здесь разработчики соответствующих положений исходили из принципа стабильности гражданского оборота» [10].

Положительные последствия означают их наличие, и они возникнут, если установление указанного выше юридического факта произошло до окончания процедуры реорганизации. В случае признания решения о реорганизации недействительным до регистрации правопреемников, реорганизация юридического лица прекращается с сохранением прав и обязанностей за правопредшественником.

Специальное последствие возникает при наличии следующих условий:

1. В качестве способа защиты может быть заявлено только требование о возмещении убытков.
2. Данные убытки формируются у кредиторов юридического лица, или у самих участников, но только тех, кто не голосовал за реорганизацию, либо голосовал против.
3. Требования заявляются по отношению к тем субъектами, которые недобросовестно способствовали принятию оспариваемого решения, а также к правопреемникам проведенной реорганизации.

Следует обратить внимание на то, что исходя из сущности нормы, изложенной в п. 4 ст. 60.1 ГК РФ, правопреемники не могут быть ответчиками самостоятельно. Их привлекают к ответственности только вместе с инициаторами реорганизации в солидарном порядке. Указанное процессуальное соучастие объясняется материальными условиями привлечения к ответственности – в основе состава правонарушения находятся действия лиц, принявших решение о реорганизации, но не действия правопреемников.

4. Рассматриваемое специальное последствие применимо только при недобросовестном поведении указанных в законе лиц, выступающих в качестве ответчиков.

Термин «недобросовестное поведение» используется не только в ст. 60.1 ГК РФ. Так, недобросовестное поведение является одним из условий привлечения к субсидиарной ответственности по долгам организации тех лиц, которые в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочены выступать от его имени (ст. 53.1 ГК РФ). Недобросовестное поведение одного из участников переговоров о заключении договора дает другому участнику требовать возмещение убытков согласно п. 2, 3 ст. 434.1 ГК РФ. И в иных нормах гражданского законодательства содержится указание на такое поведение как на условие возникновения соответствующего правового последствия (п. 5. ст. 166, п. 3 ст. 157, п. 3 ст. 220, 308.3 ГК РФ и др. статьи).

В основе понимания недобросовестного поведения находится один из принципов гражданского права – добросовестность [11].

Однако, что, собственно, понимать под недобросовестностью законодатель не раскрывает. В научной литературе присутствуют различные точки зрения на правовой смысл данного понятия. Так, Е.В. Богданов рассматривает недобросовестное поведение как противоправное виновное действие или бездействие субъекта [2]. С точки зрения В.И. Емельянова недобросовестность связана с пониманием неблагоприятных последствий, которые наступят в результате таких действий [5].

Соответственно, в недобросовестном поведении усматривается как объективная сторона (противоправность действия/бездействия), так и субъективная (форма вины в виде умысла).

Применительно к формированию решения о реорганизации нарушение осуществляется в отношении норм права, формирующих порядок, условия формирования такого решения. И поскольку речь идет, исходя из буквального толкования слово «добросовестность» и «недобросовестность», об отсутствии совести при совершении действий (бездействия) при нарушении норм права, то лицо, их совершающее должно осознавать характер таких неблаговидных действий.

Верховный Суд РФ в оценке действий как недобросовестных исходит от добросовестных (противоположных) действий – недобросовестное поведение это не то поведение, которое ожидаешь «….от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации.» [12]

Следует обратить внимание на формулировку законодателя в отношении определения субъектов, обязанных возместить убытки. Данные лица не только должны действовать недобросовестно, но и своими действиями способствовать принятию решения о реорганизации субъекта. Позиция «способствовать» также не раскрывается законодателем и позволяет достаточно широко определить круг таких лиц. Способствовать можно как путем оказания влияния на лиц, в полномочия которых входит принятие указанного решения, так и оказания технического и иного, фактического содействия. На данную проблему указывал также А.В.Габов, говоря о том, что круг таких субъектов может формироваться от членов органов управления до простых работников, которые подготавливают проекты документов [4].

Вероятно, позицию «способствовать» принятию решения следует трактовать как в значе-

нии собственно принятия оспариваемого решения, так и через действия, непосредственно влияющие на формирование воли лица/органа, уполномоченного на принятие соответствующего решения. Такой вывод основан на общих условиях привлечения к гражданско-правовой ответственности – согласно п. 1 ст. 401 ГК РФ ответственным является субъект, не выполнивший свои обязанности, составляющих содержание соответствующего обязательства, либо сделавший это не должным образом. В этом случае рамки действий по способствованию можно расширить и включить не только стадию собственно принятия исследуемого решения, но и стадии предварительного характера, которые могут и не находится в непосредственной временной связи с принятием решения. Речь в данном случае может идти о действиях, к примеру, совета директоров, которые сформировали рекомендацию (которая может быть убедительной, к примеру, в силу представления данных, не вполне соответствующих действительности) для общего собрания о необходимости осуществления реорганизационных процедур [13].

Более того, состав ответчиков может быть дополнен также лицами, которое имеют фактическую возможность, влиять на деятельность юридического лица в контексте нормы, изложенной в п. 3 ст. 53.1 ГК РФ и наличие правовой связи с реорганизуемым юридическим лицом становится не обязательным условием.

Такая неоднозначность в восприятии критерия («способствовали принятию решения») привлечения к ответственности становится дополнительным условием доказывания в судебном процессе для удовлетворения заявленных требований и нуждается в дополнительной нормативной проработке.

В отношении определения субъекта, имеющего права оспорить решение о реорганизации юридического лица можно указать следующее. П. 1 ст. 60.1 ГК РФ указывает на возможность всех участников реорганизуемого юридического лица заявить указанное требование. Однако, данная норма противоречит специальному законодательству, которое, в ряде случаев, предоставляет такое право только участникам, голосовавшим против решения или не принимавшие участие в голосовании [14].

Кроме того, закрепляя право на оспаривание решения о реорганизации только за участниками, законодатель исключает учредителей унитарного юридического лица в силу прямого указания на различия участников и учредителей в абз 2 п. 1 ст. 65.1 ГК РФ.

Помимо участников реорганизуемого юридического лица истцом может быть субъект, которому такое право предоставлено законом. В настоящее время законодательство не содержит указаний на возможность реализации указанного права за другими лицами, помимо участников организации.

Остается также открытым вопрос – обладает ли правом оспаривать решение о реорганизации лицо, которое не является учредителем или соответствующим компетентным органом юридического лица, но в силу закона вправе принять решение о принудительной реорганизации [15]?

Следует иметь в виду, что ст. 60.1 ГК РФ устанавливает сокращенный срок исковой давности - три месяца с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи о начале процедуры реорганизации. При этом данный срок может быть изменен законом.

Много или мало трехмесячного срока для обращения в суд с указанными исковыми требованиями?

Для ответа на данный вопрос необходимо просмотреть хронологию действий по реорганизации юридического лица согласно нормам ГК РФ и Федерального закона от 08.08.2001 N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее по тексту Закон о регистрации юрлиц).

Независимо от того, кто принимает решение о реорганизации (в добровольном или принудительном порядке) последовательность действий, период их совершения сформирован единообразно:

1. В течение трех рабочих дней с момента принятия решения о реорганизации надлежит уведомить регистрирующий орган о таком решении в соответствии с п.1 ст. 13.1. Закона о регистрации юрлиц.
2. С момента получения такого уведомления регистрирующий орган в течение также трех рабочих дней формирует в едином государственном реестре юридических лиц запись о том, что организация находится в процессе реорганизации на основании указанной выше нормы Закона о регистрации юрлиц.

Именно с этого этапа начинается течение срока исковой давности.

3. Государственная регистрация реорганизации, заключающаяся в регистрации правопреемников реорганизованных юридических лиц, осуществляется в течение пять рабочих дней со дня представления документов в регистрирующий орган на основании ст.ст. 8, 15 Закона о регистрации юрлиц.

Как видим, сокращенный срок исковой давности обусловлен незначительным периодом, отведенным законодателем для реорганизации юридического лица.

Таким образом, названные в ст. 60.1 ГК РФ приведенная классификация правовых последствий признания решения о реорганизации юридического лица показала наличие ряда нерешенных вопросов, касающиеся, в частности, определения субъектного состава, участвующего в правоотношении при применении соответствующих последствий. Ответы на данные вопросы могут быть получены при определении критериев для недобросовестного поведения при принятии рассматриваемого решения, так и правовых условий, которые позволят говорить о способствовании принятию такого решения.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1 - 5 / А.В. Барков, А.В. Габов, В.Г. Голубцов и др.; под ред. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2015.

[2] Богданов Е.В. Категория «добросовестности» в гражданском праве // Российская юстиция. 1999. N 9.

[3] Богданов Е.В. Философские категории добра и зла в гражданском праве России // Современное право. 2025. N 6. С. 56 - 63.

[4] Габов А.В. Реорганизация и ликвидация юридических лиц: Научно-практический комментарий к статьям 57 - 65 Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М., 2014

[5] Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М.: Лекс-Книга, 2002.

[6] Кузнецов А.А. Взыскание убытков при реорганизации хозяйственных обществ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. N 8. С. 68 - 81.

[7] См. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.04.2021 N Ф05-5744/2021 по делу N А40-30258/2020; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.09.2024 N Ф07-10133/2024 по делу N А56-81982/2021; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.06.2023 N Ф06-4166/2023 по делу N А65-21699/2022

[8] Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки категорий теории права / А. М. Васильев. – М.: Юрид. лит., 1976. – С. 61

[9] Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация / С. С. Алексеев // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С.16.

[10] Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1 - 5 / А.В. Барков, А.В. Габов, В.Г. Голубцов и др.; под ред. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2015.

[11] Согласно п. 3 ст. 1 ГК РФ участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. При этом далее, в п. 4 ст. 1 ГК РФ законодатель устанавливает недопустимость для лица извлекать преимущество из своего недобросовестного поведения.

[12] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»

[13] Так, согласно п. 3 ст. 49 Федерального закона от 26.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» решение по вопросу реорганизации принимается общим собранием акционеров только по предложению совета директоров (наблюдательного совета)

[14] Об этом указано в ст. 43 Федерального закона от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», в ст.49 Федерального закона от 26.12.1995 N 208-ФЗ «Об акционерных обществах»

[15] К примеру, согласно ст. 34 Федерального закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ»О защите конкуренции» решение о принудительной реорганизации управомочны принять федеральный антимонопольный орган и его территориальные органы

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation. Article-by-article commentary on chapters 1-5/A.V. Barkov, A.V. Gabov, V.G. Golubtsov et al.; ed. L.V. Sannikova. M.: Statute, 2015.

[2] Bogdanov E.V. Category of “good faith” in civil law//Russian justice. 1999. N 9.

[3] Bogdanov E.V. Philosophical categories of good and evil in the civil law of Russia//Modern law. 2025. N 6. S. 56-63.

[4] Gabov A.V. Reorganization and liquidation of legal entities: Scientific and practical commentary on Articles 57-65 of the Civil Code of the Russian Federation (article-by-article). M., 2014

[5] Emelyanov V.I. Reasonableness, good faith, non-abuse of civil rights. M.: Lex-Book, 2002.

[6] Kuznetsov A.A. Recovery of losses during reorganization of business entities//Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2021. N 8. S. 68-81.

[7] See Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District of 08.04.2021 N F05-5744/2021 in case N A40-30258/2020; Ruling of the Arbitration Court of the North-Western District of 02.09.2024 N Ф07-10133/2024 in case N A56-81982/2021; Resolution of the Arbitration Court of the Volga Region dated 27.06.2023 N F06-4166/2023 in case N A65-21699/2022

[8] Vasiliev A.M. Legal categories. Methodological aspects of the development of categories of the theory of law/A. M. Vasiliev. - M.: Jurid. lit., 1976. – C. 61

[9] Alekseev S. S. Legal means: statement of the problem, concept, classification/S. S. Alekseev// Soviet state and law. – 1987. – № 6. - S.16.

[10] Civil Code of the Russian Federation. Article-by-article commentary on chapters 1-5/A.V. Barkov, A.V. Gabov, V.G. Golubtsov et al.; ed. L.V. Sannikova. M.: Statute, 2015.

[11] According to paragraph 3 of Art. 1 of the Civil Code of the Russian Federation, participants in civil legal relations must act in good faith. Moreover, further, in paragraph 4 of Art. 1 of the Civil Code of the Russian Federation, the legislator establishes the inadmissibility for a person to take advantage of his unscrupulous behavior.

[12] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 "On the Application by the Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation"

[13] Thus, according to Clause 3, Article 49 of Federal Law No. 26.12.1995 dated 208-FZ "On Joint Stock Companies," a decision on the reorganization is made by the General Meeting of Shareholders only at the suggestion of the Board of Directors (Supervisory Board)

[14] This is stated in Art. 43 of the Federal Law of 08.02.1998 N 14-FZ "On Limited Liability Companies," in Art. 49 of the Federal Law of 26.12.1995 N 208-FZ "On Joint Stock Companies"

[15] For example, according to Art. 34 of the Federal Law of 26.07.2006 No. 135-FZ" On Protection of Competition," the decision on the forced reorganization of the federal antimonopoly authority and its territorial bodies can be made

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-233-237

КАРПОВА Вероника Александровна,
Магистрант,
Высшая школа теории права и частного права
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»,
e-mail: 2020103258@togudv.ru

МАХАРАДЗЕ Наталья Сергеевна,
Научный руководитель, доцент, к.ю.н.,
Высшая школа теории права и частного права
ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»,
e-mail: 003785@togudv.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИСКА О ВЫСЕЛЕНИИ: ГАРАНТИЯ ДЛЯ НАЙМОДАТЕЛЯ ИЛИ ИНСТРУМЕНТ ДАВЛЕНИЯ НА НАНИМАТЕЛЯ?

Аннотация. *В соответствии со ст. 40 Конституции РФ каждый имеет право на жилище и никто не может быть произвольно его лишен. Реализация данного конституционного принципа вступает в противоречие с задачами гражданского судопроизводства, когда на стадии рассмотрения спора о выселении применяются меры по обеспечению иска. Главой 13 Гражданского процессуального кодекса РФ институт обеспечения иска закреплен в качестве процессуальной гарантии исполнения будущего судебного решения, однако в делах о выселении из жилых помещений по договору социального найма применение такой меры, как запрет ответчику пользоваться жильем, фактически приводит к досрочному выселению лиц, чье право на жилище еще не утрачено по решению суда. В настоящей статье на основе анализа статистических данных, доктринальных источников и актуальной судебной практики, включая правовые позиции Верховного Суда РФ, выявляется системная проблема, заключающаяся в трансформации обеспечительных мер из нейтрального процессуального института в инструмент давления на нанимателя. Автором обосновывается вывод о необходимости смещения акцента судебного усмотрения с формальной проверки обоснованности иска на всестороннюю оценку соразмерности ограничений и социальных последствий.*

Ключевые слова: *обеспечение иска, выселение, договор найма жилого помещения, право на жилище, соразмерность процессуальных мер, злоупотребление процессуальным правом.*

KARPOVA Veronika Aleksandrovna,
Master's student Higher School of Theory of Law and Private Law
FGBOU VO "Pacific State University"

MAKHARADZE Natalya Sergeevna,
Scientific supervisor, Associate Professor,
PhD in Law Higher School of Legal Theory and Private Law
FGBOU VO "Pacific State University"

SECURITY OF THE REMOVAL CLAIM: GUARANTEE FOR THE LANDLORD OR A TOOL FOR PRESSING THE TENANT?

Annotation. *According to Article 40 of the Constitution of the Russian Federation, everyone has the right to housing, and no one can be arbitrarily deprived of it. However, the implementation of this constitutional principle conflicts with the objectives of civil proceedings when measures are taken to secure a claim during the eviction dispute. Chapter 13 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation establishes the institution of securing a claim as a procedural guarantee for the execution of a future court decision, however, in cases of eviction from residential premises under a social lease agreement, the use of such a measure as prohibiting the defendant from using housing actually leads to the early eviction of persons whose right to*

housing has not yet been lost by a court decision. Based on the analysis of statistical data, doctrinal sources and current judicial practice, including the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, this article identifies a systemic problem that involves the transformation of interim measures from a neutral procedural institution into an instrument of pressure on the employer. The author substantiates the conclusion that it is necessary to shift the focus of judicial discretion from a formal review of the validity of the claim to a comprehensive assessment of the proportionality of the restrictions and social consequences.

Key words: *enforcement of the claim, eviction, lease agreement, right to housing, proportionality of procedural measures, abuse of procedural rights*.

Развитие современных жилищных отношений в России неизбежно порождает конфликты, связанные с прекращением права пользования жилым помещением. За последние 5 лет наблюдается динамика увеличения числа споров о выселении из жилого помещения, занимаемого по договору социального найма. По статистическим данным в период с 2020 года по 2025 год количество таких дел увеличилось на 12,7%, то есть с 3498 до 4009 рассмотренных дел [9], что дает нам представление о значительности указанного вопроса среди населения.

В этой сфере, где фундаментальной основой является одно из важнейших конституционных прав – право на жилище, особую остроту приобретает не только существо спора, но и процессуальные инструменты, применяемые в ходе его разрешения. Одним из наиболее дискуссионных и социально значимых среди них выступает институт обеспечения иска, регулируемый главой 13 ГПК РФ [3].

Указанный выше институт, представляет собой комплекс процессуальных мер, направленных на достижение эффективности и реальности судебной защиты. Его сущность, как отмечает Чуракова Е.Н., заключается в создании гарантий исполнения будущего судебного решения в ситуации, когда существует объективный риск того, что бездействие суда на стадии разбирательства приведет к невозможности или значительным трудностям в его реализации [11, с. 372]. С формальной точки зрения, это инструмент, уравновешивающий интересы истца, который опасается за судьбу предмета спора, и ответчика, чьи права не должны быть ограничены без должных оснований.

Формально-юридическая цель данной процессуальной меры – гарантировать реальность и исполнимость будущего судебного решения, предотвратив действия, которые могли бы затруднить или сделать невозможным его исполнение [2, с. 95]. Однако в контексте дел о выселении из жилых помещений по договорам социального найма обеспечение иска, выражающееся в виде запрета ответчику пользоваться спорным жильем, перестает быть нейтральным техническим механизмом. Фактически, его удовлетворение судом первой инстанции приводит к принудительному, досрочному выселению лиц, чья вина или нарушение еще не установлены окончательным решением. Это создает ситуацию, когда предварительная судебная защита прав истца-наймодателя оборачивается несоразмерным и часто необратимыми ограничением прав ответчика-нанимателя, ставя под сомнение базовые принципы правосудия: презумпцию добросовестности, состязательность и справедливость судебного разбирательства.

Первичной целью обеспечения иска в соответствии со статьей 139 ГПК РФ является предотвращение действий, которые могут сделать невозможным или затруднительным исполнение судебного акта [3]. В контексте исков о выселении это, прежде всего, риск того, что ответчик (наниматель) откажется добровольно освободить помещение после вступления решения в силу, либо совершит действия, которые уменьшают его стоимость (например, повреждения или несанкционированные изменения планировки). Жилищные споры отличаются тем, что право пользования жилым помещением для ответчика имеет не только имущественную, но и жизненно важную ценность. Поэтому классические меры, такие как наложение ареста на имущество, зачастую неприменимы или недостаточны. Суды, действуя в соответствии с логикой процессуальной экономии и гарантии для истца, все чаще прибегают к наиболее радикальной мере, прямо указанной в п. 3 ч. 1 ст. 140 ГПК РФ: ограничение действий ответчика, а именно – пользоваться спорным жилым помещением [3].

Закон предусматривает два главных условия для применения обеспечительных мер, которыми являются обоснованность требований истца и существенный риск невозможности исполнения решения, подразумевающий под собой то, что истец должен доказать, что непринятие мер действительно приведет к указанным негативным последствиям.

Применительно к выселению, оценка этих условий носит высоко субъективный характер. Более того, как справедливо указывает В.В. Котлярова, в современных условиях на первый план выходит принцип соразмерности обеспечительной меры [5, с. 7]. Этот принцип, имплицитно содержащийся в ГПК РФ и эксплицитно развер-

нутый в практике высших судов, требует соотнесения объема ограничений прав ответчика с защищаемым интересом истца и характером спора.

Пункт 14 Постановления Пленума Верховного суда РФ (далее – ПП ВС РФ) от 01.06.2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» определяет, что суд должен установить разумность и насколько обоснованы требования истца [7]. В рамках судебных разбирательств, связанных с выселением за задолженность, необходимо отметить, что суду недостаточно предъявления лишь копии платежного документа. Он должен удостовериться в наличии задолженности, определить ее объем, оценить уважительности причин ее возникновения, а также проверить соблюдение наймодателем процедуры досудебного уведомления, предусмотренной статьей 91 Жилищного кодекса РФ (далее – ЖК РФ)[4]. На практике же ходатайства о применении обеспечительных мер часто рассматриваются в ускоренном порядке, без глубокого анализа этих обстоятельств [10, с. 257].

Пункты 26 и 34 ПП ВС РФ от 01.06.2023 г. № 15 играют важную роль в рассмотрении споров, аналогичных рассматриваемому. В них указывается, что принимаемые обеспечительные меры должны быть направлены на обеспечение защиты интересов истца, а не препятствование законной деятельности других лиц без достаточных на то оснований, также суд вправе отменить меры, если принятые меры стали несоразмерны заявленному требованию и нарушают права лиц, участвующих в деле [7]. Это прямое указание на необходимость проведение баланса интересов. Игнорирование этого предписания превращает средство защиты прав в инструмент давления.

В пункте 43 ПП ВС РФ от 17.11.2015 г. № 50 также прослеживается логика защиты от преждевременного изъятия жилья. Согласно этому положению, наложение ареста или установление иных ограничительных мер не должны преграждать гражданину-должнику и членам его семьи использовать единственное пригодное для постоянного проживания помещение [8]. Хотя речь идет о разных стадиях, правовая доктрина идентична: социально необходимое жилье обладает иммунитетом от принудительного изъятия, если это ставит под угрозу базовые условия существования человека и его семьи. Обеспечение иска, по сути, создает такой же арест – функциональный запрет на пользование, что вступает в системное противоречие с данной охранительной позицией высшего суда.

Анализ массива судебных актов позволяет выявить недостаток применения обеспечительных мер в делах о выселении.

Например, В деле суд по иску администрации сельского поселения запретил семье из пяти человек (двое детей) пользование квартирой по договору социального найма в связи с задолженностью и отсутствием факта проживания в помещении более года. Семье в кратчайшие сроки пришлось арендовать другое жилье, понеся существенные финансовые убытки. При обращении в ВС РФ, суд установил, что отсутствие на время нанимателя и его семьи не может служить основанием для расторжения договора социального найма и наложения запрета на пользование имуществом, также администрация не предъявляла до суда к жильцам требований об оплате коммунальных платежей. Дело было направлено на новое рассмотрение [6]. Обеспечительная мера, отмененная лишь ВС РФ, уже совершила необратимый акт социальной и экономической катастрофы для ответчиков, понесшие финансовые убытки.

Также стоит отметить проблемный аспект, вызванный реализацией ст. 144 ГПК РФ об отмене обеспечения иска, указанный Авдеевой Л.А. [1, с. 318]. Несмотря на законодательно закрепленную возможность отмены мер при изменении обстоятельств, ответчики сталкиваются с существенными трудностями в доказывании отсутствия оснований для их дальнейшего применения. Следствием этого является сохранение судами обеспечительных мер даже после устранения обстоятельств, послуживших основанием для их принятия, что не соответствует принципу процессуальной экономии и нарушает баланс интересов сторон.

Выявленные проблемы обеспечения иска в делах о выселении свидетельствуют не столько о дефектах закона, сколько о проблемах его интерпретации и применения. Для восстановления равновесия между эффективностью системы правосудия и защитой основополагающих прав следует рассмотреть возможность пересмотра судейского усмотрения, а также, возможно, законодательных инициатив в перспективе.

Для преодоления формализма и предотвращения использования обеспечения иска как инструмента давления необходимо внедрить в судебную практику структурированный алгоритм проверки ходатайств. Такой алгоритм должен включать следующие блоки вопросов:

1. Доказывание конкретного, а не абстрактного риска. Истец должен предоставить суду убедительные доказательства, что именно данный ответчик предпримет действия, делающие исполнения решения невозможным (письменные угрозы не выезжать, сокрытие имущества, подготовка к кардинальной перепланировке и т.п.).

2. Обязательная оценка социально-экономических последствий для ответчика. Суд обязан в мотивировочной части решения по ходатайству отразить результаты исследования по части: наличия у ответчика и членов его семьи иного жилого помещения в собственности или по договору найма; состав семьи и наличие социально уязвимых лиц; финансовые возможности семьи для оперативного найма альтернативного жилья; иные обстоятельства, усугубляющие последствия немедленного выселения.
3. Принцип «последнего средства». Запрет на пользование жильем должен применяться только если суд придет к выводу, что любая иная, менее ограничительная мера не может гарантировать исполнение будущего решения.

Только при таком системном подходе институт обеспечения иска сможет выполнять свою истинную функцию – служить гарантией реального, а не иллюзорного правосудия, в равной степени защищая имущественные интересы собственника и конституционное право человека на жилище.

Список литературы:

[1] Авдеева, Л. А. проблемы процессуальной реализации института обеспечения иска в гражданском процессе / Л. А. Авдеева // Вектор научной мысли. – 2025. – № 7(24). – С. 316-318.

[2] Богданов, Н. А. Общая характеристика обеспечительных мер в гражданском процессе / Н. А. Богданов // Архонт. – 2024. – № 12(51). – С. 94-100.

[3] «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.Ру: информационно-правовой портал – Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/.

[4] «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188-ФЗ. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.Ру: информационно-правовой портал – Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/.

[5] Котлярова В.В. Обеспечительные меры в гражданском и арбитражном процессе: учебное пособие / Котлярова В.В. – Москва: Проспект, 2018. – 302 с.

[6] Нельзя лишать семью социального жилья без оснований. Постановление вынес Верховный суд. [Электронный ресурс] // Российское газета: официальный сайт - Режим доступа : https://rg.ru/2023/02/22/ushli-chtoby-ostatsia.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Frg.

[7] О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 г. № 15. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.Ру: информационно-правовой портал – Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448842/.

[8] О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.Ру: информационно-правовой портал – Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189010/.

[9] Судебная статистика РФ. [Электронный ресурс] // Stat.апи-пресс.рф: информационно-правовой портал – Режим доступа : https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/gr/t/22/s/26.

[10] Сухотина, Т. В. Сущность и правовая природа обеспечительных мер в гражданском процессе / Т. В. Сухотина, К. А. Беляева // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 3. – С. 256-259.

[11] Чуракова, Е. Н. Проблематика обеспечения иска в цивилистическом процессе / Е. Н. Чуракова, А. А. Садчикова // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 372-373.

References:

[1] Avdeeva, L. A. problems of the procedural implementation of the institution of ensuring a claim in civil proceedings/L. A. Avdeeva//Vector of scientific thought. – 2025. – № 7(24). - S. 316-318.

[2] Bogdanov, N. A. General characteristics of interim measures in civil proceedings/N. A. Bogdanov//Archon. – 2024. – № 12(51). - S. 94-100.

[3] “Civil Procedure Code of the Russian Federation” dated 14.11.2002 No. 138-FZ. [Electronic resource]//ConsultantPlus.Ru: information and legal portal - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/.

[4] Housing Code of the Russian Federation No. 29.12.2004 dated 188-FZ. [Electronic resource]//ConsultantPlus.Ru: information and legal portal - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/.

[5] Kotlyarova V.V. Interim measures in civil and arbitration proceedings: textbook/Kotlyarova V.V. - Moscow: Prospekt, 2018. - 302 s.

[6] You cannot deprive a family of social housing without reason. The ruling was made by the Supreme Court. [Electronic resource]//Russian newspaper: official website - Access mode: https://rg.ru/2023/02/22/ushli-chtoby-ostatsia.html? utm _ referrer = https%3A%2F%2Frg.

[7] On certain issues of courts taking measures to secure a claim, interim measures and preliminary protection measures: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.06.2023 No. 15. [Electronic resource]//ConsultantPlus.Ru: information and legal portal - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448842/.

[8] On the application by the courts of legislation when considering certain issues arising in the course of enforcement proceedings: Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.11.2015 No. 50. [Electronic resource]// ConsultantPlus.Ru: information and legal portal - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189010/.

[9] Judicial statistics of the Russian Federation. [Electronic resource]// Stat.апи-пресс.рф: information and legal portal - Access mode: https ://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/gr/t/22/s/26.

[10] Sukhotina, T. V. The essence and legal nature of interim measures in civil proceedings/T. V. Sukhotina, K. A. Belyaeva//Agrarian and land law. – 2025. – № 3. - S. 256-259.

[11] Churakova, E. N. Problems of ensuring a claim in a civil process/E. N. Churakova, A. A. Sadchikova//Law and state: theory and practice. – 2025. – № 1. - S. 372-373.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-238-241

ГАЛИШНИКОВ Олег Александрович,
Аспирант кафедры Частно-правовые (цивилистические) науки МФПУ «СИНЕРГИЯ»,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель
ЛЕВУШКИН А.Н.,
доктор юр. наук, профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

МЕХАНИЗМ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы механизма гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации в российском праве. В статье анализируются основные элементы механизма гражданско-правовой защиты указанных благ, включая нормативное регулирование, юридические факты, содержание соответствующих гражданских правоотношений и способы защиты нарушенных прав. Особое внимание уделяется проблеме отсутствия нормативного определения категорий «честь», «достоинство» и «деловая репутация» в действующем гражданском законодательстве, что затрудняет единообразное применение норм права и способствует формированию неоднородной судебной практики. В работе обосновывается необходимость совершенствования гражданского законодательства путем нормативного закрепления дефиниций рассматриваемых нематериальных благ, уточнения содержания правовых способов их защиты и формирования единых подходов к определению размера компенсации репутационного вреда. Сделанные выводы и предложения направлены на повышение эффективности гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав и обеспечение единообразия правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *честь, достоинство личности, деловая репутация, нематериальные блага, гражданско-правовая защита, личные неимущественные права, механизм гражданско-правового регулирования, защита деловой репутации, опровержение порочащих сведений, компенсация морального вреда, судебная практика, гражданское законодательство Российской Федерации.*

GALISHNIKOV Oleg Alexandrovich,
Post-graduate student of the Department of Private Law (Civil) Sciences MPPU SYNERGY

Scientific supervisor:
LEVUSHKIN A.N.,
Doctor Jurassic. Sciences, Professor

THE MECHANISM OF CIVIL PROTECTION OF HONOR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION IN RUSSIAN LAW: PROBLEMS OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT

Annotation. *The article examines the theoretical and practical problems of the mechanism of civil protection of honor, dignity and business reputation in Russian law. The article analyzes the main elements of the mechanism of civil protection of these benefits, including regulatory regulation, legal facts, the content of relevant civil law relations and ways to protect violated rights. Particular attention is paid to the problem of the lack of a normative definition of the categories «honor», «dignity» and «business reputation» in the current civil legislation, which makes it difficult to apply the norms of law in a uniform manner and contributes to the formation of heterogeneous judicial practice. The paper substantiates the need to improve civil legislation by normalizing the definitions of the intangible assets under consideration, clarifying the content of legal ways to*

protect them, and forming unified approaches to determining the amount of compensation for reputational harm. The conclusions and suggestions made are aimed at improving the effectiveness of civil protection of personal non-property rights and ensuring uniformity of law enforcement practice.

Key words: *Honor; personal dignity, business reputation, intangible assets, civil law protection, personal non-property rights, mechanism of civil law regulation, protection of business reputation, refutation of defamatory information, compensation for moral damage, judicial practice, civil legislation of the Russian Federation.*

В условиях развития информационного общества и цифровых коммуникаций особую актуальность приобретает проблема обеспечения эффективной гражданско-правовой защиты нематериальных благ личности, среди которых важное место занимают честь, достоинство и деловая репутация. Указанные ценности относятся к числу фундаментальных прав человека и выступают необходимым элементом правового статуса личности, поскольку отражают социальную оценку человека, его моральные качества и общественное положение. В современном правовом государстве защита указанных благ представляет собой одну из ключевых задач гражданского законодательства, направленного на обеспечение баланса между свободой выражения мнения и необходимостью охраны личных неимущественных прав [4].

Развитие информационных технологий и глобальных средств коммуникации существенно расширило возможности распространения сведений, способных причинить вред репутации граждан и организаций. Распространение информации в сети Интернет отличается высокой скоростью, масштабностью и трудностями последующего опровержения, что значительно усложняет механизм правовой защиты нематериальных благ. В связи с этим возрастает значение эффективных правовых инструментов, обеспечивающих защиту чести, достоинства и деловой репутации в современных условиях [7].

Правовую основу защиты указанных благ в российском праве составляют положения гражданского законодательства, прежде всего нормы статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривающие возможность опровержения порочащих сведений, опубликования ответа, а также компенсации морального вреда. Вместе с тем действующее законодательство не содержит нормативного определения понятий «честь», «достоинство» и «деловая репутация», что порождает различные подходы к их толкованию и создает определенные сложности в правоприменительной практике.

Механизм гражданско-правового регулирования представляет собой совокупность правовых средств, обеспечивающих воздействие норм гражданского права на общественные отношения. В структуру данного механизма традиционно включаются правовые нормы, юридические факты, правоотношения и акты реализации права. Применительно к сфере защиты чести, достоинства и деловой репутации указанный механизм направлен на обеспечение правовой охраны личных неимущественных благ и восстановление нарушенных прав. Особенность рассматриваемого механизма заключается в том, что объектом правовой защиты выступают нематериальные блага, которые не имеют имущественного содержания и не подлежат экономической оценке. Честь и достоинство личности отражают морально-нравственную характеристику человека и его общественную оценку, тогда как деловая репутация представляет собой сложившееся в обществе мнение о профессиональных качествах гражданина или юридического лица.

В российском гражданском праве указанные блага рассматриваются в качестве объектов личных неимущественных прав, подлежащих правовой охране независимо от наличия имущественного интереса. Их защита осуществляется посредством применения специальных гражданско-правовых способов защиты, направленных на восстановление нарушенных прав и устранение последствий распространения недостоверной информации. Вместе с тем существенной проблемой современного правового регулирования является отсутствие легального определения понятий чести, достоинства и деловой репутации. Законодатель ограничивается указанием на данные блага в статье 150 Гражданского кодекса Российской Федерации, не раскрывая их содержания. В результате формирование правовой позиции по данным вопросам во многом осуществляется судебной практикой, что приводит к неоднородности подходов при разрешении соответствующих споров [8].

Отсутствие четкого нормативного закрепления указанных категорий затрудняет определение границ допустимой критики и разграничение фактических утверждений и оценочных суждений. Данная проблема особенно актуальна в условиях распространения информации в сети Интернет, где границы между фактической информацией и субъективной оценкой зачастую оказываются размытыми.

Гражданское правоотношение по защите деловой репутации возникает в случае распро-

странения сведений, порочащих деловую репутацию гражданина или юридического лица. Основанием возникновения данного правоотношения выступает юридический факт распространения недостоверной информации, способной причинить вред репутации субъекта. Субъектами рассматриваемого правоотношения являются, с одной стороны, лицо, чьи права нарушены распространением порочащих сведений, а с другой стороны – лицо, распространившее данную информацию. При этом в качестве субъектов могут выступать как физические, так и юридические лица, что обусловлено особенностями правовой природы деловой репутации. Особое значение в структуре данного правоотношения имеет вопрос доказывания факта распространения порочащих сведений. В судебной практике под распространением понимается доведение информации до сведения хотя бы одного третьего лица. При этом истец должен доказать сам факт распространения сведений и их порочащий характер, тогда как обязанность доказать их достоверность возлагается на ответчика.

Важной проблемой правоприменительной практики является установление причинно-следственной связи между распространением сведений и причинением вреда репутации. В ряде случаев суды сталкиваются с трудностями при определении того, какие именно сведения могут быть признаны порочащими и каким образом следует оценивать их влияние на репутацию субъекта. Дополнительные сложности возникают при защите деловой репутации в сети Интернет. Особенности функционирования информационных ресурсов, возможность анонимного размещения информации и трансграничный характер распространения данных существенно осложняют процесс установления лица, распространившего порочащие сведения. В результате судебная практика сталкивается с необходимостью выработки новых подходов к защите репутации в цифровой среде [6].

В соответствии с действующим гражданским законодательством защита чести, достоинства и деловой репутации осуществляется посредством применения специальных способов защиты, закрепленных в статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации.

К числу основных способов защиты относятся опровержение порочащих сведений, право на опубликование ответа, а также компенсация морального вреда. Опровержение недостоверной информации представляет собой один из наиболее распространенных способов защиты, направленный на восстановление нарушенной репутации путем официального опровержения распространенных сведений. Важное значение имеет также право лица на опубликование ответа в том же средстве массовой информации, в котором были распространены порочащие сведения. Данный способ защиты позволяет восстановить баланс информационного воздействия и предоставить потерпевшему возможность выразить собственную позицию [7].

Отдельное место в системе гражданско-правовых способов защиты занимает компенсация морального вреда. Данный институт направлен на возмещение нравственных страданий, причиненных распространением недостоверной информации. Вместе с тем определение размера компенсации морального вреда остается одной из наиболее сложных проблем правоприменительной практики. Отсутствие единых критериев определения размера компенсации приводит к значительным различиям в судебных решениях по аналогичным делам. В связи с этим в научной литературе высказывается мнение о необходимости формирования более четких методологических подходов к определению размера репутационного вреда.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что механизм гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации представляет собой сложную систему правовых средств, направленных на обеспечение охраны личных неимущественных благ личности. Данный механизм включает нормы гражданского законодательства, юридические факты, гражданские правоотношения и специальные способы защиты нарушенных прав.

Вместе с тем современное состояние правового регулирования в данной сфере характеризуется рядом проблем, связанных с отсутствием нормативных дефиниций ключевых категорий, неоднородностью судебной практики и недостаточной определенностью критериев оценки репутационного вреда. Особую актуальность данные проблемы приобретают в условиях развития информационных технологий и расширения цифровых коммуникаций.

Совершенствование механизма гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации требует дальнейшего развития законодательной базы и формирования единых подходов к правоприменительной практике. Представляется целесообразным нормативное закрепление понятий чести, достоинства и деловой репутации, а также разработка более четких критериев определения размера компенсации морального вреда. Реализация указанных мер позволит повысить эффективность гражданско-правовой защиты нематериальных благ и обеспечить более высокий уровень гарантий защиты личных неимущественных прав в российском праве.

Список литературы:

[1] Анисимов А. Л. Честь, достоинство и деловая репутация: гражданско-правовая защита. – М.: Норма, 1994. – 88 с.

[2] Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление и защита. – М.: Норма, 2011. – 304 с.

[3] Михалевич Е. В. О понятиях чести, достоинства и деловой репутации в российском гражданском праве // Мониторинг правоприменения. – 2012. – № 3. – С. 84–88.

[4] Потапенко С. В., Даниелян А. С. Защита чести, достоинства и деловой репутации: гражданско-правовой и процессуально-правовой аспекты. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. – 202 с.

[5] Рейдель Л. Б., Красилова Н. В. Проблемы защиты деловой репутации юридических лиц // Правовая политика и правовая жизнь. – 2020. – № 2. – С. 112–118.

[6] Старичкова Л. И. Развитие правового регулирования защиты чести и достоинства личности в Российской Федерации // Государство и право: теория и практика: материалы IV Междунар. науч. конф. – Казань: Молодой ученый, 2018. – С. 20–23

[7] Стриганова Т. М. Защита чести, достоинства и деловой репутации граждан // Вестник науки. – 2022. – № 1 (46). – С. 189–200.

[8] Суханов Е. А. Гражданское право: учебник. В 4 т. Т. 1. Общая часть. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2023. – 624 с.

[9] Шерстобитов А. Е. Гражданско-правовое регулирование права на честь, достоинство и деловую репутацию и права на изображение гражданина // Гражданское право. – 2023. – № 2. – С. 3–9.

[10] Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: теория и практика. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2015. – 352 с.

References:

[1] Anisimov A. L. Honor, dignity and business reputation: civil protection. - M.: Norma, 1994. - 88 s.

[2] Maleina M. N. Personal non-property rights of citizens: concept, implementation and protection. - M.: Norma, 2011. - 304 s.

[3] Mikhalevich E.V. On the concepts of honor, dignity and business reputation in Russian civil law// Monitoring law enforcement. – 2012. – № 3. - S. 84-88.

[4] Potapenko S. V., Danielyan A. S. Protection of honor, dignity and business reputation: civil and procedural aspects. - Krasnodar: Kuban State University, 2021. - 202 s.

[5] Reidel L. B., Krasilova N. V. Problems of protecting the business reputation of legal entities// Legal policy and legal life. – 2020. – № 2. - S. 112-118.

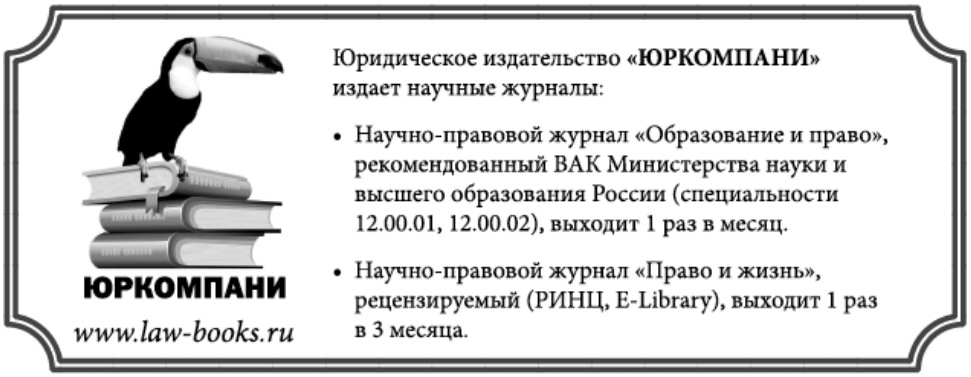
[6] Starichkova L.I. Development of legal regulation of the protection of honor and dignity of the individual in the Russian Federation//State and law: theory and practice: materials IV International. scientific. conf. - Kazan: Young scientist, 2018. - S. 20-23

[7] Striganova T. M. Protection of honor, dignity and business reputation of citizens//Bulletin of Science. – 2022. – № 1 (46). - S. 189-200.

[8] Sukhanov E. A. Civil law: textbook. In 4 vol. 1. General part. - 3rd ed., Revised and add. - M.: Statute, 2023. - 624 s.

[9] Sherstobitov A.E. Civil law regulation of the right to honor, dignity and business reputation and the right to depict a citizen//Civil law. – 2023. – № 2. - S. 3-9.

[10] Erdelevsky A.M. Compensation for moral damage: theory and practice. - 3rd ed., Revised and add. - M.: Norma, 2015. - 352 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-242-246

ЛАГАЕВ Олег Сергеевич,
руководитель направления договорной и корпоративной работы ООО «Каллисто Сервисез»,
e-mail: lagos13@yandex.ru

САЛЬДИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ПРЕКРАЩЕНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. *В статье рассматриваются практические проблемы, связанные с применением теории сальдирования встречных обязательств, который является по сути, альтернативой применения зачета. В работе обосновывается позиция, что при трактовке сальдирования через ее экономическую сущность можно смело утверждать, что данная операция является правоподтверждающим юридическим фактом, относящимся к юридическим актам. При этом основная проблема, которую можно выделить применительно к данному признаку это отсутствие научного признания места сальдирования как операции в системе юридических фактов гражданского права.*

Ключевые слова: *банкротство, сальдирование, сальдо, прекращение обязательств, лизинг, договор.*

LAGAEV Oleg Sergeevich,
Head of Contractual and Corporate Work Callisto Services LLC

BALANCING AS A WAY TO TERMINATE CONTRACTUAL OBLIGATIONS

Annotation. *The article discusses practical issues related to the application of the theory of netting of reciprocal obligations, which is essentially an alternative to the use of set-off. The paper argues that when netting is interpreted through its economic essence, it can be safely stated that this operation is a legal fact that confirms rights and belongs to legal acts. However, the main issue that can be identified in relation to this characteristic is the lack of scientific recognition of the place of netting as an operation in the system of legal facts in civil law.*

Key words: *bankruptcy, netting, balance, termination of obligations, leasing, contract.*

Впервые теорию установления сальдо начал развивать еще Высший Арбитражный суд РФ (далее – ВАС РФ) применительно к отношениям по лизингу. Выбор именно этого договора определен непосредственно его спецификой. В соответствии со ст. 665 ГК РФ, по договору финансовой аренды (договору лизинга) арендодатель обязуется приобрести в собственность указанное арендатором имущество у определенного им продавца и предоставить арендатору это имущество за плату во временное владение и пользование. При этом в зависимости от договоренностей сторон лизинг может быть выкупным и операционным. Соответственно при выкупном лизинге на практике возникала следующая ситуация: А взял в лизинг имущество у Б, выплатил большую часть лизинговых платежей, а в последствии А признали банкротом. Согласно условиям договора лизинга, до выплаты лизинговых платежей в полном объеме право собственности на объект лизинга принадлежало бы Б. Такая ситуация с точки зрения А и его кредиторов выглядела не совсем справедливой, ведь в таком случае конкурсная масса не получила бы актив должника в виде объекта лизинга, а Б сохранил бы и право собственности и выплаченные лизингополучателем А платежи.

Поэтому, в абз. 3 п. 3.1 Постановлении Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» суд впервые установил, что расторжение договора выкупного лизинга порождает необходимость соотнести взаимные предоставления сторон по договору, совершенные до момента его расторжения (сальдо встречных обязательств), и определить завершающую обязанность одной стороны в отношении другой [3]. Таким образом, при расторжении договора в приведенной ситуации баланс интересов лизингодателя и лизингополучателя уравнивается, А полу-

чает в конкурсную массу текущую стоимость оставшегося за Б объекта лизинга, а Б включается в реестр требований кредиторов на сумму сальдо по договору. Отдельно поправки были внесены также в п. 13 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 63 (ред. от 06.06.2014) «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» [4], которым суд разъяснил какие требования по договору лизинга относятся к текущим, а какие к реестровым.

Принятие данного подхода послужило толчком к развитию сальдовой теории в российском банкротном праве. При этом многие вопросы, даже после принятия Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» остались не разрешенными. Оценивая метод сальдирования при банкротстве лизингополучателя, М.Ю. Дедок указал, что при всех плюсах Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 остался нерешенным вопрос о возможности определения консолидированного сальдо по нескольким договорам выкупного лизинга [6, с.26]. Верховный суд РФ по данному вопросу занял категорически противоположную позицию, указав что установление сальдо встречных обязательств по спорным договорам лизинга в условиях несвязанности каждого из договоров друг с другом фактически означает проведение зачета по смыслу статьи 410 ГК РФ [12]. При этом, суд не разъяснил какие правила надлежит применять для оценки связанности договоров. Например, С.А. Громов в своей статье, посвященной данному судебному акту предполагает возможным применить правила об экстраординарных сделках, установленных подп. 4 п. 8 Постановления Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» [5, с.14].

Впоследствии теорию сальдирования начали распространять и на другие гражданско-правовые договоры, где необходимо установить завершающую обязанность сторон, а к таковым относятся все договоры со взаимным встречным предоставлением. Впоследствии сальдирование стали применять и к договорам подряда, поставки, оказания услуг, комиссии и иным договорам. Вопрос о том, насколько применим такой подход к другим договорам остается при этом открытым в юридической науке.

Таким образом, на текущий момент в российском банкротном праве сложилась общая формулировка правила о сальдировании, которую четко изложил С.Л. Будылин в своем исследовании посвященной этой теме: «возможность сальдирования встречных обязательств определяется не видом договора, в котором они возникают. Договор может быть любой, важно то, что в нем возникают тесно связанные между собой встречные обязательства сторон, которые стороны изначально предполагали» [1, с. 20].

Верховным Судом РФ предпринимались попытки сформулировать общее правило. В одном из дел, он указал, что сальдирование имеет место тогда, когда в рамках одного договора (либо нескольких взаимосвязанных договоров) определяется завершающая обязанность сторон при прекращении договорных отношений полностью (либо их отдельного этапа). Сопоставление обязанностей сторон из одних отношений и осуществление арифметических (расчетных) операций с целью определения лица, на которого возлагается завершающее исполнение (с суммой такого исполнения), не может быть квалифицировано как зачет и не подлежит оспариванию как отдельная сделка по правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве, так как в данном случае отсутствует такой квалифицирующий признак, как получение заказчиком какого-либо предпочтения [14]. Исходя из изложенной формулировки необходимо выделить основные универсальные признаки рассматриваемого явления.

Во – первых, зачет является сделкой и занимает определенное место в системе юридических фактов. При этом сальдирование, по общепринятому подходу, которое похоже на конструкцию зачета это явление sui generis, не подлежащее классификации в системе юридических фактов, так как не является ни действием, ни событием. Так, например, В.С. Костко говорит о том, что сальдирование - это не сделка, не иной юридический факт и вообще не факт [9, с.81]. Кроме того, определенные теоретические проблемы создает общепринятое в науке понятие юридического факта, под которым понимают факт реальной действительности, с которым нормы действующего права связывают возникновение, изменение или прекращение гражданского правоотношения. Но последствия, порождаемые сальдированием не предусмотрены нормами российского гражданского законодательства и законодательства о банкротстве. Это выведенное российской судебной практикой явление.

В бухгалтерском понимании под сальдо понимается разность между денежными поступлениями и расходами за определенный промежуток времени, а сальдированием называется операция по окончательному подведению итогов дебета и кредита по счету [2, с.391]. Таким образом, в бухгалтерии сальдо является итогом взаимоотношений сторон. Сальдо не может появится из ниоткуда, его в первую очередь надо посчитать и установить. Эта операция как раз и называется в судебной практике сальдированием.

Сальдо в большинстве своих случаев возникает из расторжения сторонами договора, причем в одностороннем порядке по заявлению контрагента банкрота и последующим расчетом суммы завершающей обязанности одной из сторон. Зачастую реализация этого секундарного права происходит через уведомление другой стороны с помощью механизма ст. 165.1 ГК РФ, что дает основание говорить о взаимосвязанности положений о сальдировании с так называемым в науке сделкоподобным действием (geschäftsähnliche Handlung), располагающегося в системе юридических фактов где-то между обычными сделками и реальными актами [11, с.100] и представляющими из себя юридически значимые акты коммуникации, правовые последствия которых наступают в силу прямого указания закона и независимо от направленности воли адресанта [10, с.50]. При таких обстоятельствах можно говорить о слиянии сделкоподобного действия в виде уведомления о расторжении и расчета сальдо.

Если рассматривать сальдирование как экономическую операцию через призму классической системы юридических фактов гражданского права, то в соответствии со статьей ст. 8 ГК РФ допускает возникновение гражданских прав и обязанностей вследствие иных действий граждан и юридических лиц. Поскольку сальдирование является фактом хозяйственной жизни, то мы можем смело отнести его к юридическим актам, то есть волевым действиям, направленным на достижение определенного результата.

Не стоит также упускать довольно разностороннюю доктрину классификации юридических фактов, которая допускает существование особых юридических фактов-состояний [8, с.21-23] в классификации по волевому признаку, а также правоподтверждающих юридических фактов [7, с.88] в классификации по признаку порождаемых последствий. По нашему мнению отнесение сальдирования к правоподтверждающему факту не должно вызывать сомнений. Установление завершающей обязанности одной из сторон подтверждает право одной из сторон в чью пользу складывается сальдо получить с другое стороны исполнение.

Таким образом, на основании всего вышесказанного, сальдирование как операция является правоподтверждающим юридическим фактом, а именно действием, относящимся к актам, а не поступкам, его правовая природа вытекает из экономического понимания рассматриваемого явления через нормы бухгалтерского законодательства. Научное сообщество и практика правоприменения всячески отрицает понимание сальдирования как юридического факта из-за неучтенного законодателем явного пробела в праве. Хоть и в практике банкротства этот механизм применяется уже больше 10 лет, а в законодательстве о банкротстве о нем не говорится ни слова. Такая ситуация, по нашему мнению, явно не может считаться удовлетворительной, ведь в таком случае создается ситуация для субъективного судейского усмотрения, зависящего от понимания конкретных правоприменителей.

Первым признаком сальдирования является математический подсчет размера конкретного обязательства с учетом предоставленных сторонами встречных предоставлений по договору [15, с.117]. То есть, стороны, устанавливая сальдо проводят фактическую сверку, оформляя соответствующий первичный учетный документ, а именно акт сверки взаимных расчетов.

Вторым признаком сальдирования является автоматический характер установления сальдо. Сущность данного признака заключается в том, что объем взаимных предоставлений складывается автоматически между сторонами, на это не требуется их воли [16]. И это никак не противоречит бухгалтерской теории правовой природы сальдирования, о чем было сказано выше. Стороны могут лишь вычислить сложившееся сальдо и оформить его.

Третий признак сальдирования устанавливает ключевое отличия данной операции от зачета. Установление завершающей обязанности одной из сторон не является сделкой с предпочтением, а соответственно не может быть оспорена по правилам ст. 61.3 Закона о банкротстве. Так, как указывает, Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ, сопоставление обязанностей сторон из одних отношений и осуществление арифметических (расчетных) операций с целью определения лица, на которого возлагается завершающее исполнение (с суммой такого исполнения), не может быть квалифицировано как зачет, не подлежащий оспариванию как отдельная сделка по правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве, так как в данном случае отсутствует такой квалифицирующий признак, как получение заказчиком какого-либо предпочтения - причитающуюся подрядчику итоговую денежную сумму уменьшает он сам своим ненадлежащим исполнением основного обязательства, а не заказчик, констатировавший расчетную операцию сальдирования [14]. Главная проблема данного признака состоит как раз в том, что зачастую нижестоящим судам сложно понять где имеет место зачет, а где сальдирование, а соответственно тяжело установить имело место предпочтение или нет.

Четвертым и последним универсальным признаком сальдирования, отличающим его от зачета, является признак срочности требования. Зачет может применяться как основание прекра-

щение обязательств как для требования, срок исполнения по которому наступил, так и для будущих требований (ст. 410 ГК РФ). Применительно же к сальдированию такое не допускается в силу его бухгалтерской правовой природы. Иными словами, стороны не могут оформить как операцию сальдирования будущее требование в силу того, что сальдо складывается автоматически на момент его расчета. Иное бы позволяло менять завершающую обязанность сторон, что также не допустимо исходя из правовой природы рассматриваемого явления.

Данный признак не раз подвергался оценке судами. По одному из дел, Арбитражный суд Северо-Западного округа указал, что предлагаемые для сальдирования обязательства не являются соотнесением доходной и расходной частей уже исполненных обязательств, а напротив, фактически изменяют объем имущественной массы должника и затрагивает интересы других кредиторов, поскольку влечет предпочтение удовлетворения требований общества перед иными кредиторами [17]. Указанный подход представляется верным. И кроме того, в лишний раз подтверждает бухгалтерскую теорию правовой природы сальдирования.

Таким образом, при трактовке сальдирования через ее экономическую сущность можно смело утверждать, что данная операция является правоподтверждающим юридическим фактом, относящимся к юридическим актам. При этом основная проблема, которую можно выделить применительно к данному признаку это отсутствие научного признания места сальдирования как операции в системе юридических фактов гражданского права. Российский опыт показывает, что концепция сальдирования нуждается в системе четких законодательно установленных признаков сальдирования как операции.

Список литературы:

[1] Будылин С.Л. Сальдирование в банкротстве: сверка или сделка? ВС РФ расширяет сферу применения сальдирования // Юридическая работа в кредитной организации. 2021. № 3. С. 20.

[2] Большой бухгалтерский словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. М.: Институт новой экономики, 1999. С. 391.

[3] Вестник ВАС РФ. № 5. Май. 2014.

[4] Вестник ВАС РФ. № 9. Сентябрь. 2009.

[5] Громов С.А. Общее сальдо встречных обязательств по нескольким договорам лизинга при банкротстве лизингополучателя. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 02.05.2017 № 305-ЭС16-20304 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 5. С. 14.

[6] Дедок М.Ю. Дискуссионные вопросы Постановления Пленума ВАС РФ № 17 от 14 марта 2014 года «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга». Поиск альтернатив // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 4. С. 26

[7] Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Статут, 2017. 511 с. С. 88.

[8] Исаков, В. Б. Юридические факты в советском праве : монография / В. Б. Исаков. Репр. изд. М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. С. 21-23.

[9] Костко В.С. Сальдо в системе юридических фактов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 2. С. 81.

[10] Мамбетов Д.Р. О сделкоподобных действиях // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 12. С. С. 50.

[11] Общие положения о сделке : комментарий к статьям 153– 165.1, 181.1–181.5 и 190–194 ГК РФ [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов. Москва : М-Логос, 2025. 844 с. С. 100.

[12] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 306-ЭС17-5704 по делу № А57-8579/2015 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

[13] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2021 № 305-ЭС19-17221(2) по делу № А40-90454/2018 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

[14] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.10.2023 № 305-ЭС23-8241 по делу № А41-22985/2020 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

[15] Питаленко Д.Р. Разграничение зачета и теории сальдо: анализ судебной практики // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2020. № 1. С. 117.

[16] Полякова В.Э. Сальдирование взаимных предоставлений / В.Э. Полякова. Подготовлено для СПС «Консультант Плюс», 2025. (дата обращения: 01.05.2025).

[17] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.03.2023 № Ф07-23565/2022 по делу № А56-101930/2020 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

References:

[1] Budylin S.L. Settlement in Bankruptcy: Reconciliation or Transaction? The RF Armed Forces expands the scope of settlement//Legal work in a credit institution. 2021. № 3. S. 20.

[2] Large Accounting Dictionary/Ed. A.N. Azriliyan. M.: Institute for New Economics, 1999. S. 391.

[3] Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. № 5. May. 2014.

[4] Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. № 9. Sept. 2009.

[5] Gromov S.A. Total balance of counter liabilities under several leasing agreements in case of bankruptcy of the lessee. Commentary to the Decision of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the RF Armed Forces dated 02.05.2017 No. 305-EC16-20304//Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2017. № 5. S. 14.

[6] Dedok M.Yu. Discussion issues of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 17 dated March 14, 2014 "On certain issues related to the redemption lease agreement." Search for alternatives// Journal of business and corporate law. 2021. № 4. S. 26

[7] Civil Law: Textbook. In 2 tons/Ed. B.M. Gongalo. VOL. 1. 2nd ed. reworked. and add. M.: Statute, 2017. 511 pp. P 88.

[8] Isakov, V. B. Legal facts in Soviet law: monograph/V. B. Isakov. Repr. ed. M.: Norm: INFRA-M, 2020. S. 21-23.

[9] Kostko V.S. Balance in the system of legal facts//Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2021. № 2. S. 81.

[10] Mambetov D.R. On transaction-like actions//Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2023. № 12. S. S. 50.

[11] General Provisions on the Transaction: Commentary to Articles 153-165.1, 181.1-181.5 and 190-194 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic Edition. Revision 2.0]/Rev. ed. A. G. Karapetov. Moscow: M-Logos, 2025. 844 p. S. 100.

[12] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 14.11.2017 No. 306-ES17-5704 in case No. A57-8579/2015//Access from SPS Consultant Plus.

[13] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2021 No. 305-ES19-17221 (2) in case No. A40-90454/2018//Access from SPS Consultant Plus.

[14] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.10.2023 No. 305-ES23-8241 in case No. A41-22985/2020//Access from SPS Consultant Plus.

[15] Pitalenko D.R. Delimitation of offset and balance theory: analysis of judicial practice//Information and analytical journal "Arbitration disputes." 2020. № 1. S. 117.

[16] Polyakova V.E. Balancing Mutual Grants/ V.E. Polyakova. Prepared for SPS "Consultant Plus," 2025. (accessed on: 01.05.2025).

[17] Ruling of the Arbitration Court of the North-Western District of 01.03.2023 No. F07-23565/2022 in case No. A56-101930/2020//Access from SPS "Consultant Plus."

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-247-249

ХАМГОКОВ Мурадин Мухамедович,
Начальник кафедры огневой подготовки,
кандидат юридических наук, полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В ОБЪЕКТИВНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. *Социальные сети, интегрированные во все сферы повседневной жизни, выступают одновременно как площадка для коммуникации, обучения, бизнеса и развлечений, и как самостоятельное криминогенное пространство. Их влияние на формирование девиантного и преступного поведения проявляется на нескольких уровнях и охватывает широкий спектр угроз. Прежде всего, социальные сети становятся инструментом распространения экстремистской и запрещённой информации, способной провоцировать межнациональные, религиозные и социальные конфликты.*

Ключевые слова: *современное пространство, девиантное поведение, экстремизм, терроризм, преступник, контент.*

KHAMGOKOV Muradin Mukhamedovich,
Head of the Firearms Training Department,
Candidate of Law, Police Colonel

COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM IN THE OBJECTIVE INFORMATION REALITIES OF TODAY

Annotation. *Social media, integrated into all spheres of everyday life, act simultaneously as a platform for communication, education, business, and entertainment, as well as an independent criminal space. Their influence on the development of deviant and criminal behavior manifests itself on several levels and encompasses a wide range of threats. First and foremost, social media are becoming a tool for disseminating extremist and prohibited information, capable of provoking interethnic, religious, and social conflicts.*

Key words: *modern space, deviant behavior, extremism, terrorism, criminal, content.*

Механизмы криминогенного воздействия социальных сетей многообразны. Анонимность и возможность использования псевдонимов позволяют скрывать личность злоумышленника, что снижает вероятность правоприменительных санкций. Алгоритмы платформ, направленные на повышение вовлеченности пользователей, способствуют быстрому распространению провокационного и сенсационного контента, создавая эффект каскада.

Эффект социального доказательства усиливает восприимчивость аудитории: лайки, репосты и комментарии формируют у пользователей ощущение нормативной поддержки того или иного поведения, включая противоправное.

Таким образом, социальные сети представляют собой особую криминогенную среду, где совмещаются факторы анонимности, мгновенной коммуникации и психологического воздействия [1]. Их изучение с криминологической и виктимологической точек зрения позволяет выявить новые формы преступности, определить уязвимые группы пользователей и разрабатывать меры комплексной профилактики, включающие правовые, технические и образовательные элементы. В совокупности эти характеристики делают социальные сети не просто цифровым отражением социальных проблем, но самостоятельным фактором, формирующим новые угрозы общественной безопасности [2].

Виктимологический анализ социальных сетей позволяет выявить категории пользователей, наиболее уязвимые к преступному воздействию, а также понять новые механизмы виктимизации, формируемые цифровым пространством.

В отличие от традиционных сред, виртуальное пространство характеризуется анонимностью, высокой скоростью распространения информации, многоканальным воздействием и алгоритмическим усилением контента, что создаёт уникальные условия для реализации преступных намерений.

Ключевыми категориями жертв являются:

– Несовершеннолетние - подвержены кибербуллингу, вовлечению в экстремистские и наркотические сообщества, мошенническим схемам; около 28 % зарегистрированных случаев вовлечения подростков в противоправные действия происходит через онлайн-платформы [6].
– Пожилые пользователи - чаще становятся жертвами финансового мошенничества, фишинга и социальной инженерии, что связано с низкой цифровой грамотностью.
– Женщины - подвергаются сексуальному шантажу и распространению интимного контента без согласия; составляют около 35 % жертв киберпреступлений сексуального характера.
– Группы с ограниченной цифровой грамотностью - более восприимчивы к манипуляциям, дезинформации и вовлечению в противоправные действия [3].

Основные механизмы виктимизации включают:

– манипуляцию доверием и эмоциями через ложные профили и социальные связи;
– социальное давление и групповую динамику внутри закрытых сообществ;
– цифровой шантаж и вымогательство;
– психологическое воздействие через визуальный и текстовый контент, формирующее страх и девиантное поведение.

Современные тенденции виктимизации включают рост вовлечения подростков в деструктивные группы, увеличение числа мошеннических схем против пожилых пользователей и активное использование соцсетей для сексуального шантажа.

Наряду с экстремистской деятельностью наблюдается активное использование социальных сетей для совершения финансовых преступлений и кибермошенничества. Создание фальшивых аккаунтов, фишинговых страниц и манипуляция доверием пользователей позволяет преступникам вовлекать широкий круг граждан в мошеннические схемы [4].

Согласно Обзору судебной практики Верховного Суда РФ № 3 за 2024 год, использование социальных сетей для обмана признаётся отягчающим обстоятельством, поскольку позволяет охватывать многочисленные аудитории и минимизировать риски идентификации злоумышленника [7].

Отдельного внимания заслуживает вовлечение несовершеннолетних в деструктивные сообщества. Социальные сети предоставляют подросткам практически неограниченный доступ к различным группам и форумам, включая экстремистские, наркотические и «группы смерти».

Анализ материалов дел 2023–2024 гг. показывает, что именно онлайн-платформы часто выступают первичным каналом включения несовершеннолетних в противоправную деятельность [6]. Кроме того, виртуальные сообщества создают особую среду, где формируется групповая динамика, давление сверстников и влияние авторитетных участников, что усиливает риск вовлечения в противоправные действия.

Комплексный виктимологический подход позволяет формировать меры профилактики, включая образовательные программы по цифровой и медиаграмотности, системы раннего выявления угроз, психологическую поддержку жертв и совершенствование законодательства и правоприменительной практики [5].

Проблема профилактики киберпреступлений и минимизации криминогенного влияния социальных сетей требует комплексного и многопланового подхода, который сочетает законодательные, организационные, технические и образовательные меры.

Социальные сети создают уникальные условия для распространения противоправного поведения и девиантной активности, что обуславливает необходимость выработки стратегий, ориентированных не только на пресечение преступлений, но и на снижение уязвимости пользователей.

При условии динамичного развития современных информационных и цифровых технологий особую актуальность приобретает своевременное совершенствование российского законодательства с учетом возникновения новых информационных и цифровых технологий [8].

С точки зрения криминологической перспективы, профилактика киберпреступлений в социальных сетях должна рассматриваться как динамичный и многоуровневый процесс. Он предполагает постоянное изучение цифровых трендов, адаптацию правовых и организационных мер, интеграцию результатов виктимологических исследований в работу правоохранительных органов и образовательных институтов, а также повышение цифровой грамотности населения как превентивного инструмента.

Только комплексное сочетание этих мер позволяет не просто снижать уровень преступности, но и формировать безопасную, устойчивую среду цифрового взаимодействия, способную минимизировать виктимизацию и криминогенные риски для всех категорий пользователей.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм. от 2020 г.).

[2] МВД России. Статистика зарегистрированных преступлений в 2024 году. URL: https://мвд.рф.

[3] Репецкий А.Л. Сетевой криминалитет: новые вызовы криминологии // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 101–112.

[4] Лопатин В.А. Интернет и право: новые вызовы государству и обществу. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2022. 256 с.

[5] Журавлёва Е.В. Виктимологические риски цифровой эпохи // Российский криминологический вестник. 2023. № 4. С. 56–65.

[6] Еремин С.А. Подростковая преступность в социальных сетях: криминологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2. С. 88–97.

[7] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 за 2024 год. Москва, 2024.

[8] Машекуашева М.Х. О значимости информационно-психологической защиты индивида и социума: особенности воздействующего потенциала. Право и управление. 2024. № 2. С. 375-377.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993, as amended in 2020).

[2] Ministry of Internal Affairs of Russia. Statistics of reported crimes in 2024. URL: https://мвд.рф.

[3] Repetsky A.L. Network criminality: new challenges of criminology//Journal of Russian Law. 2021. № 12. S. 101-112.

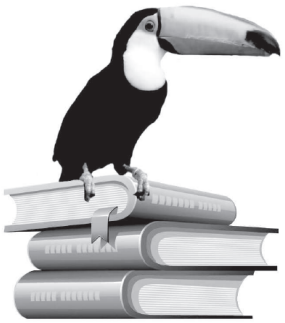
[4] Lopatin V.A. Internet and law: new challenges to the state and society. St. Petersburg: Legal Center-Press, 2022. 256 s.

[5] Zhuravleva E.V. Victimological risks of the digital era//Russian Criminological Bulletin. 2023. № 4. S. 56-65.

[6] Eremin S.A. Teenage crime in social networks: criminological analysis//Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 2. S. 88-97.

[7] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 for 2024. Moscow, 2024.

[8] Mashekuasheva M.Kh. On the importance of information and psychological protection of an individual and society: features of the influencing potential. Law and governance. 2024. № 2. PP. 375-377.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-250-253

ФЕДИНА Любовь Михайловна,
к.ю.н., преподаватель кафедры информационных технологий и специальной техники ОВД Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ТАМБИЕВ Сергей Арсенович,
старший преподаватель кафедры информационных технологий и специальной техники ОВД Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ

Аннотация. *Настоящее исследование посвящено развитию информационных технологи в России, и способам их незаконного использования злоумышленниками. Авторами раскрываются приоритетные направления инновационных решений и цифровой инфраструктуры, а также выделяются их уязвимые места для возможных кибератак. Кроме того, даётся краткая характеристика состава преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Для масштабного понимания проблематики приводятся статистические данные о киберпреступлениях, совершенных в Российской Федерации за последние пять лет, на основании которых авторы спрогнозировали тенденции развития криминогенной обстановки в ближайшее время.*

Ключевые слова: *киберпреступления, информационные технологии, искусственный интеллект, фишинг, кибербезопасность, кибератаки, цифровизация.*

FEDINA Lyubov Mikhailovna,
candidate of Law associate professor of special and technical training department of the North-Caucasian Advanced Training Institute (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

TAMBIEV Sergey Arsenovich,
Senior Lecturer at the Department of Information Technologies and Special Equipment of the North Caucasus Advanced Training Institute (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

A BRIEF DESCRIPTION AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES IN RUSSIA

Annotation. *This study focuses on the development of information technology in Russia and the ways in which it is illegally used by malicious actors. The authors explore the priority areas of innovative solutions and digital infrastructure, as well as their vulnerabilities to potential cyberattacks. Additionally, they provide a brief overview of the types of crimes committed using information and telecommunication technologies or in the field of computer information. To gain a comprehensive understanding of the issue, the study presents statistical data on cybercrimes committed in the Russian Federation over the past five years, which are used to predict future trends in the criminal environment*.

Key words: *cybercrimes, information technology, artificial intelligence, phishing, cybersecurity, cyberattacks, and digitalization.*

Информационно-телекоммуникационные технологии (далее – ИКТ) на сегодняшний день играют ключевую роль в социально-экономическом развитии России, обеспечивая инновационные решения и повышение эффективности во всех сферах жизнедеятельности. Для оценки масштабов данного повсеместного внедрения ИКТ, выделим следующие основные направления развития, характерные для нашей страны:

Прежде всего, это цифровая экономика, которая является приоритетным направлением стратегии развития России. Ключевые цели включают создание современной цифровой инфраструктуры, развитие инновационных решений и обеспечение доступности цифровых услуг населению.

Кроме того, так называемый «интернет вещей» (далее – IoT) позволяет объединить устройства в единую систему управления, способствуя автоматизации процессов в промышленности, транспорте, здравоохранении и быту. Различные технические принадлежности и устройства «умного дома» с каждым днем всё плотнее входят в жизнь рядовых граждан, при этом представляя собой латентную угрозу перехвата, прослушки и иных способов утечки информации.

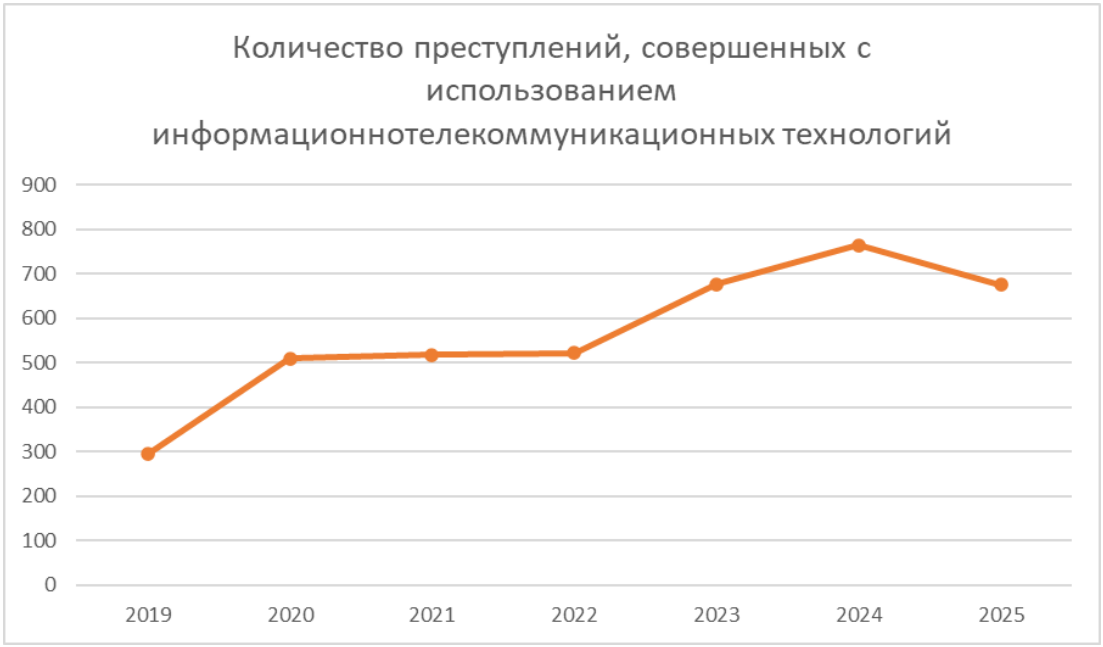
Развитие «Электронного правительства» и внедрение искусственного интеллекта (далее – ИИ) стало одним из приоритетных направлений перспектив информационных технологий в России. Комплекс государственных услуг и сервисов, предоставляемых гражданам и бизнесу в электронном виде. повышают прозрачность административных процедур, улучшают качество обслуживания населения, снижают уровень коррупции.

Основными видами преступлений в сфере компьютерной информации являются:

1. Неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации (статья 272 УК РФ), то есть преступления, предполагающие несанкционированный доступ к данным, хранящимся на компьютерах, серверах или иных устройствах обработки информации. Преступление считается тяжким, если оно совершено группой лиц по предварительному сговору либо лицом с использованием своего служебного положения. Например, взлом корпоративной базы данных с целью хищения персональных сведений сотрудников.
2. Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (статья 273 УК РФ). Этот состав включает разработку программного обеспечения, предназначенного для нарушения нормального функционирования компьютеров, серверов или сетей. Такие программы часто используются для кражи данных, вымогательства или саботажа инфраструктуры. В качестве примера можно указать разработку вируса-шифровальщика, который блокирует работу организации до выплаты выкупа.
3. Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (статья 274 УК РФ). Данный состав охватывает случаи умышленного или халатного несоблюдения установленных норм защиты информации, повлекших утрату важных данных или нарушение работоспособности системы. Иллюстрацией данного состава можно обозначить игнорирование требований безопасности, приведшее к заражению вирусом корпоративной сети предприятия.

Важно помнить, что использование любых инструментов для несанкционированного доступа к данным или нарушения конфиденциальности является незаконным и влечет ответственность согласно законодательству большинства стран, включая Россию.

Переходя к рассмотрению отдельных видов преступных деяний, совершенных с использованием ИКТ нельзя не отметить их ошеломляющие тенденции роста в нашей стране в период с 2020 по 2024 годы. В количественном выражении это выглядит следующим образом:

Приведенные данные представляются более значительными в спектре всероссийской криминогенной обстановки, поскольку их удельный вес в общем числе зарегистрированных преступлений к концу декабря 2025 года составил 38,1%. При этом четыре из пяти подобных деяний (84,8%) совершаются с использованием сети «Интернет» и больше половины (52,2%) относится к категориям тяжких и особо тяжких [3].

Причина подобного значительного роста кберпреступности именно с 2020 года очевидна, поскольку наступившая пандемия, изоляционные меры трансформировали общественные отношения в другую плоскость и противоправные деяния перешли в сторону глобальной цифровизации.

Продолжая анализировать общую динамику российской киберпреступности в 2025 году, необходимо отметить снижение показателей как в целом зарегистрированных преступлений (-11,8%), так и по отдельным направлениям, например: дистанционные кражи сокращены на 23,6%, дистанционное мошенничество уменьшилось на 9%, преступления в области компьютерных данных сократились на 42,2%, что свидетельствует о положительных результатах усилий правоохранительных органов и регуляторов в области информационной безопасности.

Также среди причин сокращения случаев кибермошенничества можно выделить принятие законодательных инициатив, включая концепцию государственной системы противодействия преступлениям в ИКТ-сфере [4], формирование специальных подразделений и служб мониторинга, направленных на выявление и пресечение нарушений, повышение осведомленности среди граждан о рисках и методах предотвращения преступлений и развитие технологических решений для обнаружения и блокировки попыток хищения средств.

Однако, здесь необходимо отметить один принципиально важный нюанс, заключающийся в том, что официальная статистика отражает только зарегистрированные и подтвержденные случаи киберпреступлений, а, следовательно, реальные цифры могут быть значительно выше. Прежде всего многие компании предпочитают не сообщать о нарушениях, чтобы сохранить репутацию, да и среди граждан отмечается высокая латентность данных противоправных деяний и их последствий, нежелание обращаться в правоохранительные органы. Кроме того, информация о некоторых инцидентах поступает значительно позже фактического времени кибератаки, что искажает текущую картину.

В связи с этим, представляется необходимым проанализировать текущую ситуацию по направлениям преступного воздействия, и тенденции их возможного роста в наступившем году.

Но всё же, основное внимание злоумышленников сосредоточено на сферах, обеспечивающих наибольшую финансовую выгоду или политический эффект. Государственные учреждения, финансовая сфера, промышленные объекты, телекоммуникации и энергетика остаются самыми привлекательными мишенями. Специализированные атаки типа шифровальщиков и вайперов ведут к значительным экономическим и репутационным убыткам.

При этом, нельзя исключать и человеческий фактор, который остается одним из важнейших составляющих успешных атак. Многие инциденты

начинаются с элементарных ошибок сотрудников, которые переходят по сомнительным ссылкам, открывают подозрительные файлы или раскрывают важную информацию. Недостаточное информирование и отсутствие регулярных тренировок приводят к существенному увеличению числа успешных атак. Растущая сложность цифровых экосистем и зависимость от технологий только повышают риски человеческого фактора. Сотрудники становятся основным каналом проникновения в корпоративные сети, и необходимость укрепления образовательных программ возрастает.

При этом, цифровая среда стремительно развивается, охватывая всё большее количество устройств и сервисов. Это создает новую поверхность для атак. Особенно опасно то, что многие устройства IoT (интернет вещей) выпускаются с низкой степенью защиты, становясь удобной отправной точкой для злоумышленников.

Логичным представляется то, что преступная среда увеличивает интенсивность атак с целью получения финансовых выгод. Тенденция вымогательства и шантажа усиливается, причем злоумышленники адаптируются к новым условиям, используя не только традиционные схемы шифрования, но и более тонкие способы влияния на бизнес-процессы и репутацию компаний.

Учитывая вышесказанное, можно спрогнозировать рост киберпреступности в России в ближайшее время, что обусловлено комбинацией факторов: развитием технологий, увеличением числа потенциальных объектов атаки, ухудшением качества цифровой гигиены и отсутствием должного уровня осведомленности сотрудников. Перед бизнесом и государственными структурами встает острая необходимость адаптироваться к новым угрозам, наращивая усилия по обучению персонала, улучшению внутренней культуры безопасности и применению новейших технологий защиты. Реакция должна быть быстрой и эффективной, чтобы предотвратить серьезные последствия для экономики и безопасности страны.

Список литературы:

[1] Рухлова М. А. Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации // Вестник науки. 2025. №6 (87). С.589-598

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон текст с изменениями и дополнениями на 29.12.2025 № 63-ФЗ [принят Государственной думой 13 июня 1996 г. (в ред. от 20.01.2026)] // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 01.02.2026)

[3] Характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2025-2019 годов // МВД России: офиц. сайт. URL: https://мвд.рф/reports/item(дата обращения: 01.02.2026)

[4] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. №4154-р «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 01.02.2026)

[5] Кочесоков Р.Х. Киберпреступность в России: тенденции и методы борьбы // Пробелы в российском законодательстве. 2023. №5. с/242-246

[6] Сычь Д.А., Аминов И.Р. Криминологическая характеристика киберпреступности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №11-3 (98). С.162-164

[7] Шевко Н. Р., Лукина М. А. Киберпреступность: современное состояние и меры противодействия // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. №2 (41). с.130-133

References:

[1] Rukhlova M. A. Criminological and criminal legal measures to combat crimes in the field of computer information//Bulletin of Science. 2025. №6 (87). P.589-598

[2] Criminal Code of the Russian Federation: federal law text with amendments and additions to 29.12.2025 No. 63-FZ [adopted by the State Duma on June 13, 1996 (as amended by 20.01.2026)]// Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru) (date of appeal: 01.02.2026)

[3] Characteristics of the state of crime in the Russian Federation for January - December 2025-2019//Ministry of Internal Affairs of Russia: Office. site. URL: https://мвд.рф/reports/item (accessed on: 01.02.2026)

[4] Order of the Government of the Russian Federation of December 30, 2024 No. 4154-r “On approval of the Concept of the state system for countering illegal acts committed using information and communication technologies “//Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru) (date of appeal: 01.02.2026)

[5] Kochesokov R.H. Cybercrime in Russia: trends and methods of struggle//Gaps in Russian legislation. 2023. №5. c/242-246

[6] Sych D.A., Aminov I.R. Criminological characterization of cybercrime//International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. №11-3 (98). C.162-164

[7] Shevko N.R., Lukina M.A. Cybercrime: the current state and countermeasures//Law and order: history, theory, practice. 2024. №2 (41). p.130-133.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-254-258

ВАНЯШИН Илья Сергеевич,
старший преподаватель кафедры
огневой и тактико-специальной подготовки
Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России,
майор полиции,
e-mail: sledrvsn@gmail.com.

ВОЛКОВ Павел Анатольевич,
доцент кафедры управления и административной
деятельности органов внутренних дел
Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина,
кандидат юридических наук, доцент,
полковник полиции,
e-mail: Pavel77782@inbox.ru.

ПЕТРОВА Елена Анатольевна,
старший преподаватель
кафедры административного права и
административной деятельности ОВД
Ставропольского филиала Краснодарского
университета МВД России,
кандидат политических наук, майор полиции,
e-mail: elena_kleshchar@mail.ru.

ПРАВОМЕРНОСТЬ И ТАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ ПРИ ПРЕСЕЧЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: АНАЛИЗ СЛЕДСТВЕННОЙ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. *В статье рассматриваются правовые и тактические аспекты применения огнестрельного оружия сотрудниками патрульно-постовой службы полиции при пресечении преступлений. Особое внимание уделяется анализу нормативно-правового регулирования, закрепленного в законодательстве Российской Федерации, а также ведомственных актах, регламентирующих деятельность подразделений патрульно-постовой службы. На основе анализа научной литературы, следственной и судебной практики выявляются основные условия правомерности применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции, а также типичные проблемы и ошибки, возникающие при его использовании. Рассматриваются вопросы соблюдения принципов законности, необходимости и соразмерности при применении данной меры государственного принуждения. Делается вывод о необходимости совершенствования правового регулирования применения огнестрельного оружия, а также повышения уровня профессиональной, правовой и тактической подготовки сотрудников патрульно-постовой службы полиции.*

Ключевые слова: *патрульно-постовая служба полиции, огнестрельное оружие, применение оружия, законность, меры государственного принуждения, пресечение преступлений, судебная практика, следственная практика, полномочия полиции.*

VANYASHIN Ilya Sergeevich,
senior lecturer of the Department of Fire and Tactical-Special Training
of the Donetsk branch of the Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
police major

VOLKOV Pavel Anatolyevich,
Associate Professor of the Department of Management and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Police Colonel

PETROVA Elena Anatolyevna,
senior lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Directorate of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of political sciences, police major

LEGALITY AND TACTICS OF THE USE OF FIREARMS BY POLICE PATROL AND POST SERVICE OFFICERS IN CRIMES SUPPRESSING: ANALYSIS OF INVESTIGATIVE AND JUDICIAL PRACTICE

Annotation. *The article examines the legal and tactical aspects of the use of firearms by patrol police officers in the suppression of crimes. Particular attention is paid to the analysis of the legal regulation established in the legislation of the Russian Federation, as well as departmental regulations governing the activities of patrol police units. Based on the analysis of scientific literature, investigative and judicial practice, the main conditions for the lawful use of firearms by police officers are identified, as well as typical problems and mistakes arising in the process of their use. The study also considers the observance of the principles of legality, necessity, and proportionality when applying this measure of state coercion. The author concludes that it is necessary to improve the legal regulation of the use of firearms and to enhance the professional, legal, and tactical training of patrol police officers.*

Key words: *patrol police service, firearms, use of firearms, legality, state coercion measures, crime prevention, judicial practice, investigative practice, police powers.*

В современных условиях обеспечения общественной безопасности особое значение приобретает деятельность органов внутренних дел, направленная на предупреждение и пресечение преступлений и существенную роль в данной системе играет патрульно-постовая служба полиции, сотрудники которой непосредственно взаимодействуют с населением и оперативно реагируют на противоправные деяния. В процессе выполнения служебных задач сотрудники ППС могут сталкиваться с ситуациями, требующими применения мер государственного принуждения, включая применение и использование огнестрельного оружия, а данный институт представляет собой одну из наиболее строгих форм правоохранительного воздействия, поскольку его применение потенциально связано с причинением тяжкого вреда здоровью или наступлением смерти правонарушителя.

Правомерность применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции регулируется нормами административного, уголовного и ведомственного законодательства Российской Федерации, и центральное место среди нормативных актов занимает Федеральный закон «О полиции», определяющий основания, условия и порядок применения оружия сотрудниками органов внутренних дел [1]. Вместе с тем анализ следственной и судебной практики показывает, что вопросы правовой оценки действий сотрудников полиции при применении оружия нередко вызывают значительные трудности, что связано как с особенностями оперативной обстановки, в которой принимается решение о применении оружия, так и с необходимостью соблюдения принципов законности, необходимости и соразмерности.

Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью совершенствования правового регулирования и тактических аспектов применения огнестрельного оружия сотрудниками патрульно-постовой службы полиции, анализ следственной и судебной практики позволяет

выявить типичные ошибки и нарушения, допускаемые сотрудниками полиции, а также определить направления повышения эффективности правоприменительной деятельности.

Как мы уже останавливались выше, правовой основой применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции является Федеральный закон «О полиции», в котором закреплены основания, условия и ограничения использования данной меры принуждения, согласно которому сотрудники полиции имеют право применять оружие для защиты граждан и себя от посягательств, для отражения нападения на охраняемые объекты, освобождения заложников, задержания лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, а также в ряде иных случаев, предусмотренных законом [1]. При этом применение оружия допускается только в ситуациях, когда иные меры принуждения оказываются неэффективными либо невозможными.

Важным нормативным актом, регламентирующим деятельность сотрудников патрульно-постовой службы, является и приказ МВД России об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений ППС, который определяет порядок несения службы, взаимодействие сотрудников с другими подразделениями органов внутренних дел, а также особенности применения мер принуждения в ходе патрулирования и пресечения правонарушений [2].

В научной литературе отмечается, что применение огнестрельного оружия представляет собой крайнюю меру государственного принуждения, требующую строгого соблюдения принципа законности и процессуальных гарантий [3], поскольку несоблюдение установленных законом условий может привести к признанию действий сотрудника полиции неправомерными и повлечь уголовно-правовую или дисциплинарную ответственность.

Следственная и судебная практика же показывают, что значительная часть уголовных дел, связанных с применением оружия сотрудниками полиции, обусловлена неправильной оценкой оперативной обстановки или превышением служебных полномочий, особую сложность представляет установление факта необходимости применения оружия в конкретной ситуации, следственные органы и суды оценивают совокупность обстоятельств, включая характер угрозы, поведение правонарушителя, наличие альтернативных способов пресечения преступления и соблюдение сотрудником полиции требований законодательства.

В научных исследованиях подчеркивается, что деятельность патрульно-постовой службы отличается высокой динамичностью и непредсказуемостью оперативной обстановки, поскольку сотрудники ППС часто оказываются первыми на месте происшествия и вынуждены принимать решения в условиях дефицита времени и информации [4]. В таких условиях особенно важными становятся профессиональная подготовка сотрудников, их навыки оценки риска и умение применять меры принуждения строго в рамках закона.

Одним из ключевых принципов применения огнестрельного оружия, который мы должны рассмотреть, является принцип соразмерности, который предполагает, что степень применяемого воздействия должна соответствовать характеру и степени общественной опасности противоправного деяния. В противном же случае применение оружия может быть квалифицировано как превышение должностных полномочий и анализ судебной практики показывает, что суды уделяют особое внимание соблюдению данного принципа при оценке действий сотрудников полиции.

Значительное внимание в научной литературе уделяется также проблемам правового регулирования применения огнестрельного оружия, отмечается, что существующее законодательство содержит ряд оценочных понятий, таких как «реальная угроза жизни», «необходимость применения оружия» или «невозможность применения иных средств». Такие категории требуют толкования и могут по-разному восприниматься участниками правоприменительного процесса [5]. Практика показывает, что нередко возникают ситуации, когда сотрудники полиции используют оружие при задержании лиц, пытающихся скрыться после совершения тяжких преступлений. Отметим, что в подобных случаях особое значение имеет соблюдение установленной процедуры предупреждения о намерении применить оружие, закон предусматривает обязанность сотрудника полиции предупредить правонарушителя о применении оружия и предоставить ему время для выполнения законных требований, за исключением случаев, когда промедление создает непосредственную угрозу жизни граждан или самого сотрудника полиции [1]. Исследователи отмечают, что значительная часть нарушений законности в деятельности подразделений ППС связана с недостаточным уровнем правовой подготовки сотрудников или неправильным пониманием ими своих полномочий [6]. В частности, некоторые сотрудники ошибочно полагают, что применение оружия допустимо в любой ситуации активного сопротивления правонарушителя, в то время как законодательство допускает применение оружия лишь в строго определенных случаях, перечень которых является исчерпывающим.

Отдельного внимания заслуживает вопрос тактики применения огнестрельного оружия,

поскольку тактические аспекты включают выбор момента применения оружия, оценку окружающей обстановки, обеспечение безопасности граждан и взаимодействие с другими сотрудниками полиции, когда неправильная тактика может привести не только к юридическим последствиям, но и к угрозе жизни и здоровью окружающих лиц. В связи с чем, в научной литературе постоянно подчеркивается необходимость комплексной подготовки сотрудников патрульно-постовой службы, включающей правовую, тактическую и психологическую составляющие, поскольку такая подготовка должна формировать у сотрудников способность принимать обоснованные решения в экстремальных ситуациях и действовать строго в рамках закона [7].

Анализ следственной практики показывает, что при расследовании фактов применения оружия сотрудниками полиции особое внимание уделяется сбору доказательств, подтверждающих наличие угрозы жизни или здоровью, в качестве таких доказательств могут выступать показания очевидцев, записи видеонаблюдения, результаты судебно-медицинских и баллистических экспертиз, которые, несомненно, позволяют установить фактические обстоятельства произошедшего и дать правовую оценку действиям сотрудника полиции. Анализ же судебной практики показывает, что при наличии доказательств реальной угрозы жизни и здоровью граждан либо сотрудников правоохранительных органов суды, как правило, признают применение огнестрельного оружия обоснованным и соответствующим требованиям закона. В то же время в ситуациях, когда опасность носила предположительный характер либо могла быть устранена с использованием менее опасных мер принуждения, действия сотрудника полиции могут быть квалифицированы как неправомерные. Поэтому существенное значение в подобных случаях имеет уровень взаимодействия подразделений патрульно-постовой службы с иными подразделениями органов внутренних дел, поскольку эффективная координация служебной деятельности способствует снижению необходимости применения крайних мер воздействия и обеспечивает более безопасное задержание правонарушителей [8].

Следовательно, законность применения огнестрельного оружия сотрудниками патрульно-постовой службы определяется совокупностью ряда обстоятельств, среди которых ключевыми являются наличие предусмотренных законом оснований, соблюдение установленного порядка применения оружия, а также грамотный выбор тактических действий в конкретной оперативной обстановке. Изучение материалов следственной и судебной практики позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования нормативно-правового регулирования данной сферы, а также повышения уровня профессиональной подготовки сотрудников полиции.

То есть, мы видим, что применение огнестрельного оружия сотрудниками патрульно-постовой службы полиции представляет собой одну из наиболее сложных и ответственных форм реализации полномочий правоохранительных органов, данная мера может использоваться исключительно в тех случаях, когда иные способы пресечения противоправных действий оказываются недостаточными для обеспечения защиты жизни и здоровья граждан, а также безопасности самих сотрудников полиции.

Проведённый анализ следственной и судебной практики свидетельствует о том, что основными условиями признания применения оружия законным являются наличие правовых оснований, соблюдение принципов необходимости и соразмерности, а также строгое выполнение установленной законом процедуры предупреждения правонарушителя о возможном применении оружия, поскольку несоблюдение данных требований может привести к признанию действий сотрудника полиции неправомерными и повлечь наступление юридической ответственности. Одновременно выявляется и ряд проблем, связанных с неоднозначностью толкования отдельных норм законодательства, а также с недостаточным уровнем подготовки сотрудников полиции к действиям в сложных и экстремальных ситуациях, в связи с чем представляется целесообразным дальнейшее совершенствование правового регулирования применения огнестрельного оружия, конкретизация отдельных законодательных положений и повышение уровня профессиональной подготовки сотрудников патрульно-постовой службы. Реализация указанных мер в совокупности позволит повысить эффективность деятельности органов внутренних дел по предупреждению и пресечению преступлений, а также обеспечить более надежную защиту прав и законных интересов граждан.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 07.03.2026).

[2] Приказ МВД России от 28.06.2021 № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401502310/ (дата обращения: 07.03.2026).

[3] Алешин С.В. Обеспечение принципа законности в деятельности подразделений патрульно-постовой службы полиции // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2019. № 5. С. 7–9. URL: https://elibrary.ru (дата обращения: 07.03.2026).

[4] Бражников С.А. Деятельность патрульно-постовой службы полиции: теория и практика // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2019. № 1. С. 39–44. URL: https://elibrary.ru (дата обращения: 07.03.2026).

[5] Бурчикаускас В.А. Порядок, условия и основания применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции: проблемы правового регулирования и уголовно-правовой оценки последствий его применения // Научный портал МВД России. 2023. № 3 (63). URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 07.03.2026).

[6] Десятова О.В. Типичные нарушения законности в деятельности сотрудников строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции: правовая оценка и предупреждение // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2. С. 71–80. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 07.03.2026).

[7] Иванов А.Ю. К вопросу о полномочиях патрульно-постовой службы полиции по применению мер административного принуждения // Modern Science. 2019. № 11. С. 53–57. URL: https://elibrary.ru (дата обращения: 07.03.2026).

[8] Ковалев Д.В., Фидель П.М. Обеспечение взаимодействия патрульно-постовой службы полиции с представителями других подразделений ОВД // Аллея науки. 2018. № 3. С. 353–356. URL: https://alley-science.ru (дата обращения: 07.03.2026).

References:

[1] Federal Law No. 07.02.2011 of 3-FZ “On the Police.” URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (access date: 07.03.2026).

[2] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 28.06.2021 No. 495 “On approval of the Instruction on the organization of official activities of combat units of the patrol service of the police of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia.” URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401502310/ (access date: 07.03.2026).

[3] Aleshin S.V. Ensuring the principle of legality in the activities of police patrol units// Public safety, law and order in the III millennium. 2019. № 5. S. 7-9. URL: https://elibrary.ru (access date: 07.03.2026).

[4] Brazhnikov S.A. Activities of the police patrol service: theory and practice//Police and society: problems and prospects of interaction. 2019. № 1. S. 39-44. URL: https://elibrary.ru (access date: 07.03.2026).

[5] Burchikauskas V.A. Procedure, conditions and grounds for the use of firearms by police officers: problems of legal regulation and criminal-legal assessment of the consequences of its use//Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3 (63). URL: https://cyberleninka.ru (access date: 07.03.2026).

[6] Desyatova O.V. Typical violations of the law in the activities of officers of combat units of the police patrol service: legal assessment and warning// Legal science and law enforcement practice. 2016. № 2. S. 71-80. URL: https://cyberleninka.ru (access date: 07.03.2026).

[7] Ivanov A.Yu. On the issue of the powers of the police patrol service to apply administrative coercion measures//Modern Science. 2019. № 11. S. 53-57. URL: https://elibrary.ru (access date: 07.03.2026).

[8] Kovalev D.V., Fidel P.M. Ensuring the interaction of the police patrol service with representatives of other police departments//Alley of Science. 2018. № 3. S. 353-356. URL: https://alley-science.ru (access date: 07.03.2026).

www.law-books.ru

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-259-263

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилевич,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

ТЮРЕМНОЕ СООБЩЕСТВО КАК «КОЛЛЕКТИВНЫЙ НЕВРОЗ»: СОЦИАЛЬНАЯ АНОМИЯ И ПАТОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ В ЗАМКНУТЫХ ГРУППАХ

Аннотация. *Статья посвящена анализу тюремного сообщества как специфической социальной реальности, в которой формируются устойчивые паттерны психического реагирования и коммуникативные патологии, позволяющие рассматривать это сообщество в категориях «коллективного невроза». Опираясь на концепцию аномии Эмиля Дюркгейма, теорию коммуникативного действия Юргена Хабермаса и исследование авторитарной личности Теодора Адорно, автор исследует механизмы порождения социальной структурой мест лишения свободы особых форм защитного поведения и искаженных коммуникативных практик. Показано, что жесткая стратификация тюремного социума (деление на «масти» и касты) создает ситуацию перманентной нормативной неопределенности, при которой институциональные предписания вступают в конфликт с неформальными «понятиями». В этих условиях подлинное коммуникативное действие, направленное на взаимопонимание, становится невозможным, уступая место стратегическим манипуляциям и ритуализированным формам общения, закрепляющим невротические реакции на коллективном уровне.*

Ключевые слова: *аномия, тюремное сообщество, коммуникативное действие, авторитарная личность, социальная стратификация, деформация общения, коллективный невроз, пенитенциарная психология.*

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
PKU “Research Institute of the Federal Penitentiary Service”

PRISON COMMUNITY AS “COLLECTIVE NEUROSIS”: SOCIAL ANOMIE AND PATHOLOGY OF COMMUNICATION IN CLOSED GROUPS

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the prison community as a specific social reality, in which stable patterns of mental response and communicative pathologies are formed, allowing us to consider this community in the categories of “collective neurosis.” Based on the concept of the anomie of Emil Durkheim, the theory of communicative action of Jürgen Habermas and the study of the authoritarian personality of Theodor Adorno, the author explores the mechanisms of generation by the social structure of places of deprivation of freedom of special forms of protective behavior and distorted communicative practices. It is shown that the rigid stratification of prison society (division into “suits” and castes) creates a situation of permanent regulatory uncertainty, in which institutional regulations conflict with informal “concepts.” Under these conditions, a genuine communicative action aimed at mutual understanding becomes impossible, giving way to strategic manipulations and ritualized forms of communication that consolidate neurotic reactions at the collective level.*

Key words: *anomia, prison community, communicative action, authoritarian personality, social stratification, deformation of communication, collective neurosis, penitentiary psychology.*

Введение. Тюремное сообщество представляет собой уникальный социальный организм, функционирующий на границе между официальным правопорядком и криминальной субкультурой, между формальными институтами наказания и неформальными законами «поня-

тий». Эта пограничная природа порождает феномены, которые с полным основанием могут быть описаны в терминах социальной патологии и коллективных психических защит. Наблюдая за жизнью замкнутых групп осужденных, исследователь сталкивается не просто с совокупностью индивидов, отбывающих наказание, но с особым типом социальности, воспроизводящим себя через механизмы, удивительно напоминающие невротические защиты в индивидуальной психике. Здесь уместно поставить вопрос: не является ли тюремное сообщество своего рода коллективным неврозом, где социальная структура выполняет функцию симптома, а коммуникация замещается ритуализированными действиями, лишенными подлинного интерсубъективного содержания?

Для осмысления этой проблемы необходимо обратиться к концептуальному аппарату, разработанному классиками социологической и философской мысли. Эмиль Дюркгейм, вводя понятие аномии, описывал состояние общества, при котором старые нормы разрушены, а новые еще не сформировались, что порождает у индивидов чувство потерянности и деморализацию [1]. В тюремном сообществе аномия приобретает парадоксальный характер: здесь существует жесткая нормативная система «понятий», однако она находится в перманентном конфликте с официальным правом и, что важнее, сама внутренне противоречива. Как отмечает Роберт Мертон, развивая идеи Дюркгейма, аномия возникает как рассогласование между культурно предписываемыми целями и институционально одобряемыми средствами их достижения [2]. В тюрьме это рассогласование достигает предельных форм: цель выживания и сохранения идентичности требует от заключенного следования неформальным нормам, которые прямо противоположны официальным предписаниям, что создает невыносимое экзистенциальное напряжение.

Юрген Хабермас, разрабатывая теорию коммуникативного действия, показал, что подлинная социальная интеграция возможна лишь при условии ориентации участников взаимодействия на достижение взаимопонимания, а не на успех манипуляции [3]. Коммуникативное действие предполагает, что субъекты согласуют свои планы действия на основе общего определения ситуации, признавая значимость выдвигаемых притязаний. В тюремной среде эта возможность оказывается блокированной самой структурой социальных отношений, где любой речевой акт потенциально может быть использован как оружие, а искренность становится смертельно опасной роскошью.

Наконец, исследование авторитарной личности, проведенное Теодором Адорно с коллегами, выявило синдром, характеризующийся конвенционализмом, авторитарным раболепием, авторитарной агрессией, стереотипностью мышления и культом силы [4]. Эти черты, будучи описаны как предрасположенность к принятию антидемократической пропаганды, в тюремной среде выступают не как индивидуальная патология, а как норма адаптации, как необходимое условие выживания в условиях замкнутой группы с жесткой иерархией.

Стратификация как механизм совладания с аномией. Жесткое деление тюремного сообщества на касты, или «масти», представляет собой спонтанно возникающий ответ на ситуацию нормативного вакуума и экзистенциальной угрозы. В российской пенитенциарной традиции сложилась устойчивая иерархия, включающая «блатных» (элиту), «мужиков» (основную массу), «козлов» (сотрудничающих с администрацией) и «опущенных» (низшую касту) [5]. Эта стратификация, будучи предельно ригидной, выполняет функцию снижения неопределенности. Каждый вновь прибывший должен быть определен в ту или иную категорию, и от этого определения зависит весь спектр его возможных действий, прав и обязанностей.

Парадокс заключается в том, что тюремная иерархия, призванная преодолеть аномию, сама ее воспроизводит. Поскольку критерии принадлежности к той или иной страте часто размыты и могут быть пересмотрены «по понятиям», положение индивида остается неустойчивым. Исключение составляет лишь низшая каста, переход в которую практически необратим и маркирован стигмой, навсегда исключающей человека из сферы «нормальных» отношений. Как указывает С.Б. Пономарев, тюремное кастообразование может быть объяснено законами синергетики, где сложная диссипативная структура возникает спонтанно для самосохранения системы в условиях внешнего давления [6]. Однако эта структура, будучи однажды сформированной, начинает жить собственной жизнью, подчиняя себе индивидуальные стратегии поведения.

С позиции дюркгеймовского анализа, тюремная стратификация представляет собой патологическую форму солидарности. В нормально функционирующем обществе органическая солидарность основана на разделении труда и взаимной зависимости автономных индивидов. В тюрьме же мы наблюдаем механическую солидарность архаического типа, где коллективное сознание тотально доминирует над индивидуальным, но лишенное при этом сакрального основания, которое Дюркгейм считал необходимым

атрибутом любой устойчивой социальной интеграции. Здесь нет подлинной веры в общие ценности, но есть лишь вынужденное подчинение силе, закрепленное страхом перед санкциями.

Авторитарный синдром как коллективная защита. Анализируя типы личности, предрасположенные к принятию авторитарной идеологии, Адорно выделил несколько ключевых переменных, которые удивительно точно описывают психологический профиль «правильного» заключенного, интегрированного в тюремную иерархию. Конвенционализм проявляется в жесткой приверженности нормам субкультуры, которые воспринимаются как единственно возможные и не подлежащие критике. Авторитарное раболепие выражается в некритическом подчинении «ворам в законе», «смотрящим» и другим носителям неформальной власти. Авторитарная агрессия направлена на тех, кто нарушает неписаные правила или занимает более низкое положение в иерархии [4].

Особенно значимым для понимания тюремной психологии является феномен проективности, т.е. предрасположенности верить в мрачные и опасные процессы, происходящие в мире, приписывания другим собственных неосознаваемых импульсов. В замкнутом пространстве тюрьмы, где информация ограничена, а слухи распространяются мгновенно, проективные механизмы приобретают гипертрофированные формы. Любое действие администрации интерпретируется как провокация, любой новый заключенный подозревается в скрытых намерениях. Эта тотальная подозрительность, будучи индивидуальной защитой, на коллективном уровне формирует устойчивую паранойяльную атмосферу, в которой подлинная коммуникация становится невозможной.

Анти-интрацепция, или неприятие всего субъективного, исполненного фантазии, чувственного также находит свое выражение в тюремной субкультуре. Эмоциональная экспрессивность, рефлексия, проявление слабости или нежности жестко табуируются. Мышление должно быть конкретным, стереотипным, опирающимся на жесткие категории «свой – чужой», «правильно – неправильно», «по понятиям – не по понятиям». Силовое мышление и культ силы закрепляют представление о мире как арене борьбы всех против всех, где единственным аргументом выступает способность к насилию или угроза его применения.

Важно подчеркнуть, что в тюремном контексте эти черты не являются индивидуальной патологией в строгом смысле слова. Они представляют собой адаптивный синдром, необходимый для выживания в специфических условиях. Заключенный, сохранивший способность к рефлексии, эмоциональной открытости и автономному моральному суждению, оказывается наиболее уязвимым. Авторитарный характер здесь выступает не как результат особого семейного воспитания (как это описывали авторы франкфуртской школы), а как прямое следствие социальной структуры, как форма психической защиты, навязанная самой организацией групповой жизни.

Патология коммуникации: от диалога к ритуалу. Юрген Хабермас различает четыре типа социального действия: телеологическое, нормрегулируемое, драматургическое и коммуникативное. Последнее он считает фундаментальным для подлинной социальной интеграции, поскольку только в коммуникативном действии участники ориентированы на достижение согласия относительно определения ситуации и планов действия [3]. Коммуникативное действие предполагает, что субъекты признают друг друга как равноправных участников взаимодействия, способных выдвигать и оспаривать притязания на значимость.

В тюремном сообществе мы наблюдаем систематическое блокирование именно этого типа действия. Здесь доминируют стратегические действия, ориентированные на успех и манипуляцию, а также норморегулируемые действия, жестко детерминированные неписаными правилами. Драматургическое действие, направленное на самопрезентацию, также присутствует, но оно подчинено задачам демонстрации силы и соответствия статусу.

А.Н. Сухов, исследуя деформацию общения осужденных, отмечает, что криминальное общение характеризуется повышенной стрессогенностью, конфликтностью, жесткой ролевой заданностью и конспиративностью [7]. Оно строится на основе взаимной договоренности ограниченного круга участников о системе кодирования, декодирования и технологии маскировки знаков, приобретающих только им понятный смысл. Эта эзотеричность коммуникации выполняет защитную функцию, но одновременно лишает общение его главного качества, а именно открытости интерсубъективному пониманию.

Тюремный жаргон, выступая средством групповой идентификации, одновременно становится барьером, исключающим возможность подлинного диалога с теми, кто не владеет этим кодом. Но более глубокая патология заключается в том, что даже внутри группы взаимопонимание остается неполным и инструментальным. Речевой акт здесь всегда есть потенциально действие, несущее угрозу. Сказанное может быть использовано против говорящего, интерпретировано в контексте негласных правил, стать предметом «разбора» или «предъявы». Поэтому норматив-

ной становится практика умолчания, эзопова языка, ритуализированных формул, заменяющих живое высказывание.

Хабермас связывает возможность коммуникативного действия с наличием «жизненного мира», не проблематизируемого фона общих значений, традиций и практик. В тюрьме жизненный мир разрушен. Заключенные вырваны из привычного культурного контекста, их биографический опыт обесценен, а будущее неопределенно. В этих условиях единственным ресурсом для построения общего смыслового пространства оказывается сама тюремная субкультура, но она, будучи по происхождению защитной и компенсаторной, не может обеспечить подлинной интерсубъективности. Она создает лишь иллюзию общности, за которой скрывается все та же фундаментальная атомизация и взаимное отчуждение.

Тюремное сообщество как коллективный невроз. Сопоставление тюремной социальности с клинической картиной невроза требует методологической осторожности, но представляется эвристически продуктивным. Невроз, с психоаналитической точки зрения, представляет собой компромиссное образование, позволяющее индивиду совладать с невыносимым психическим напряжением ценой отказа от полноты существования и формирования устойчивых паттернов избегания. Симптом невротика одновременно выражает подавленное влечение и защиту от него.

Тюремное сообщество демонстрирует аналогичную структуру на социальном уровне. Жесткая иерархия, кастовые ограничения, ритуализированное общение, табу на эмоциональность, все это можно рассматривать как коллективные защитные механизмы, позволяющие группе выживать в условиях экстремального стресса и изоляции. «Понятия» выступают как система табу и предписаний, структурирующих реальность и снижающих тревогу перед лицом непредсказуемости. Однако, как и любой невротический симптом, эта система оплачена высокой ценой, в частности, утратой способности к подлинным человеческим отношениям.

Аномия по Дюркгейму – это состояние, при котором коллективное сознание утрачивает свою регулятивную силу, а индивид остается один на один со своими неограниченными желаниями, что порождает чувство бессмысленности и ведет к девиации. В тюрьме мы наблюдаем парадоксальное сочетание гипертрофированной нормативной регуляции (со стороны субкультуры) и глубочайшей аномии (в отношении общечеловеческих ценностей). Заключенный жестко детерминирован в своем поведении тысячами неписаных правил, но эти правила не имеют легитимности в более широком социальном контексте и не обеспечивают подлинной интеграции личности. Они лишь структурируют внешнее поведение, оставляя внутренний мир в состоянии хаоса и фрагментации.

Коммуникативная патология, описанная Хабермасом как систематическое искажение коммуникации под воздействием властных отношений, достигает в тюрьме своих предельных форм. Здесь невозможен «идеальный речевой акт», ориентированный исключительно на достижение согласия, поскольку любой акт речи изначально вписан в контекст неравенства и потенциального насилия. Даже когда заключенные общаются между собой на равных (в рамках одной касты), их коммуникация несет на себе печать внутренней цензуры, сформированной страхом перед возможными последствиями. Подлинный диалог, предполагающий взаимное признание и открытость, замещается обменом ритуальными формулами.

Возвращаясь к концепции авторитарной личности, следует подчеркнуть, что тюремная среда не просто привлекает людей с определенным складом характера, но активно формирует этот склад у тех, кто вынужден в ней существовать. Авторитарный синдром здесь выступает как профессиональная деформация, как неизбежный результат длительного пребывания в условиях жесткой иерархии и перманентной угрозы. Цинизм, деструктивность, проекция враждебных намерений на окружающих – эти черты, описанные Адорно, становятся не просто индивидуальными особенностями, но элементами коллективной психологии, воспроизводящими себя в каждом новом поколении заключенных.

Заключение. Тюремное сообщество может быть адекватно понято лишь в междисциплинарном пространстве, на пересечении социологии, психологии и философии. Концептуальный аппарат, разработанный Дюркгеймом, Хабермасом и Адорно, позволяет увидеть за эмпирическими феноменами тюремной жизни глубинные структуры социальной патологии. Аномия, блокирование коммуникативного действия и авторитарный синдром выступают не как случайные сопутствующие явления, но как сущностные характеристики замкнутых групп, существующих в условиях изоляции и принуждения.

Жесткая стратификация тюремного социума, призванная преодолеть нормативную неопределенность, сама воспроизводит аномию на другом уровне, создавая неразрешимое противоречие между декларируемыми ценностями и реальными практиками. Коммуникация, лишенная ориентации на взаимопонимание, превращается в систему ритуалов и манипулятивных стратегий, закрепляющих взаимное отчуждение.

Авторитарные черты личности, будучи адаптивными в тюремной среде, консервируют эту среду, препятствуя любой возможности ее гуманизации [8; 9].

Понимание тюремного сообщества как коллективного невроза открывает перспективы для терапевтической интервенции, направленной не только на коррекцию индивидуального поведения, но и на трансформацию социальных структур, порождающих патологические защитные механизмы. Однако такая трансформация требует признания фундаментальной роли коммуникации в человеческой жизни и создания условий, при которых диалог становится возможным даже в условиях ограничения свободы.

Список литературы:

[1] Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Эмиль Дюркгейм; перевод с французского А. Б. Гофмана. – Москва: Канон, 1996. – 430, [1] с. – (История социологии в памятниках). – ISBN 978-5-88873-036-1.

[2] Merton, R. K. Social Structure and Anomie / R. K. Merton // American Sociological Review. – 1938. – Vol. 3, No. 5. – P. 672–682. – URL: http://www.jstor.org/stable/2084686 (дата обращения: 24.02.2026).

[3] Habermas, J. Weltbezüge und Rationalitätsaspekte des Handelns in vier soziologischen Handlungsbegriffen / J. Habermas // Theorie des kommunikativen Handelns : in 2 Bänden. Band 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung / J. Habermas. – 3. Auflage. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. – S. 114–151.

[4] Адорно, Т. В. Исследование авторитарной личности / Теодор Адорно, Р. Неввит Сэнфорд, Эльза Френкель-Брюнсвик, Даниэл Дж. Левинсон. – Москва: Академия исследований культуры, 2001. – 411, [1] с. – ISBN 5-94396-020-1.

[5] Александров, Ю. К. Очерки криминальной субкультуры / Ю. К. Александров. – Москва: [б. и.], 2001. – 76 с.

[6] Пономарев, С. Б. Сущностное содержание тюремной субкультуры и пути противодействия ее распространению: монография / С. Б. Пономарев, Н. В. Румянцев; ФКУ НИИ ФСИН России. – Белгород: Эпицентр, 2020. – 94 с. – ISBN 978-5-6044649-4-6.

[7] Сухов, А. Н. Преодоление деформации общения осужденных как фактор их ресоциализации / А. Н. Сухов // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 2 (20). – С. 121–125. – EDN TYSAKN.

[8] Искандаров, Р. Р. Анализ субъективного опыта ограничения воли, автономии и выбора у лиц с психическими расстройствами и/или зависимостями в условиях лишения свободы / Р. Р. Искандаров // Право и управление. – 2025. – № 7. – С. 328–332. – EDN EQRFNA.

[9] Искандаров, Р. Р. Суицидологическая уязвимость в пенитенциарной психиатрии: феноменология, философия и организация профилактики / Р. Р. Искандаров // Право и управление. – 2025. – № 8. – С. 218–221. – EDN AJXHVI.

References:

[1] Durkheim, E. On the division of public labor/ Émile Durkheim; translation from French by A. B. Hoffmann. - Moscow: Canon, 1996. - 430, [1] p. - (History of sociology in monuments). – ISBN 978-5-88873-036-1.

[2] Merton, R. K. Social Structure and Anomie / R. K. Merton // American Sociological Review. – 1938. – Vol. 3, No. 5. – P. 672–682. - URL: http://www.jstor.org/stable/2084686 (access date: 24.02.2026).

[3] Habermas, J. Weltbezüge und Rationalitätsaspekte des Handelns in vier soziologischen Handlungsbegriffen / J. Habermas // Theorie des kommunikativen Handelns : in 2 Bänden. Band 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung / J. Habermas. – 3. Auflage. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. – S. 114–151.

[4] Adorno, T. W. Research on authoritarian personality/Theodore Adorno, R. Nevwit Sanford, Elsa Frenkel-Brunswick, Daniel J. Levinson. - Moscow: Academy of Cultural Studies, 2001. - 411, [1] p. - ISBN 5-94396-020-1.

[5] Alexandrov, Yu. K. Essays on the criminal subculture/Yu. K. Alexandrov. - Moscow: [b. and.], 2001. - 76 s.

[6] Ponomarev, S. B. Essential content of the prison subculture and ways to counter its spread: monograph/S. B. Ponomarev, N. V. Rumyantsev; PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. - Belgorod: Epicenter, 2020. - 94 p. - ISBN 978-5-6044649-4-6.

[7] Sukhov, A. N. Overcoming the deformation of communication of convicts as a factor in their re-socialization/A. N. Sukhov//Criminal enforcement law. – 2015. – № 2 (20). - S. 121-125. – EDN TYSAKN.

[8] Iskandarov, R. R. Analysis of the subjective experience of limiting will, autonomy and choice in persons with mental disorders and/or addictions in prison/R. R. Iskandarov//Law and management. – 2025. – № 7. - S. 328-332. – EDN EQRFNA.

[9] Iskandarov, R. R. Suicidological vulnerability in penitentiary psychiatry: phenomenology, philosophy and organization of prevention/R. R. Iskandarov//Law and management. – 2025. – № 8. - S. 218-221. – EDN AJXHVI.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-264-270

МАГОМЕДОВА Аминат Мустафаевна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Юридического института Дагестанского
государственного университета (ДГУ),
e-mail: mail@law-books.ru

АКАЕВА Аминат Абдурахмановна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Юридического института Дагестанского
государственного университета (ДГУ),
e-mail: mail@law-books.ru

ГАСАНОВА Шахризат Алиевна,
магистрант по направлению подготовки «Юриспруденция»
Юридического института Дагестанского
государственного университета (ДГУ),
e-mail: mail@law-books.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОНУЖДЕНИЕ К ДЕЙСТВИЯМ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА (СТ. 133 УК РФ): ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы законодательной регламентации и правоприменительной практики статьи 133 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающей ответственность за понуждение к действиям сексуального характера. Анализируются дискуссионные аспекты объективной стороны состава преступления, включая оценочный характер таких способов, как шантаж и использование зависимости. Особое внимание уделяется проблеме отграничения данного состава от смежных преступлений и непреступных деяний, а также вопросам квалификации с учетом изменений, внесенных Федеральным законом № 38-ФЗ. Авторами обосновываются предложения по совершенствованию уголовно-правовой нормы с целью повышения эффективности защиты половой свободы и неприкосновенности личности.*

Ключевые слова: *понуждение, действия сексуального характера, шантаж, материальная зависимость, половая свобода, уголовная ответственность, квалификация преступлений.*

MAGOMEDOVA Aminat Mustafayevna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor in the Department of Criminal
Law and Criminology at the Law Institute
of Dagestan State University (DSU)

AKAYEVA Aminat Abdurakhmanovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor in the Department of Criminal
Law and Criminology at the Law Institute
of Dagestan State University (DSU)

GASANOVA Shakhrizat Alievna,
Master's Student in Jurisprudence at the Law
Institute of Dagestan State University (DSU)

CRIMINAL LIABILITY FOR COERCION TO SEXUAL ACTS (ARTICLE 133 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

Annotation. *The article deals with current problems of legislative regulation and law enforcement practice of Article 133 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes liability for coercion to sexual acts. The debatable aspects of the objective side of the corpus delicti, including the evaluative nature of such methods as blackmail and the use of dependence, are analyzed. Particular attention is paid to the problem of distinguishing this composition from related crimes and non-criminal acts, as well as issues of qualification, taking into account the amendments introduced by Federal Law No. 38-FZ. The authors substantiate proposals for improving the criminal law norm in order to increase the effectiveness of protecting sexual freedom and personal integrity.*

Key words: *coercion, sexual acts, blackmail, material dependence, sexual freedom, criminal liability, qualification of crimes.*

Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности представляют собой одну из наиболее общественно опасных категорий деяний, посягающих на гарантированные Конституцией РФ права и свободы человека и гражданина. В системе данных преступлений состав понуждения к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ) занимает особое место, поскольку находится на стыке насильственной и ненасильственной преступности. Актуальность темы исследования обусловлена не только высокой латентностью данного вида преступлений, но и наличием ряда существенных пробелов и противоречий в законодательной регламентации, которые порождают сложности в правоприменительной деятельности.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, выражается в понуждении лица к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей).

Центральным понятием объективной стороны является «понуждение». В доктрине уголовного права под понуждением понимается психическое воздействие на потерпевшее лицо с целью подавления его воли и принуждения к совершению действий сексуального характера [1, с. 58]. Важной особенностью, отличающей понуждение от насильственных половых преступлений (ст. 131 и 132 УК РФ), является отсутствие физического насилия или угрозы его применения. Как справедливо отмечает К.В. Дядюн, «при понуждении виновный не угрожает применением физической силы, а использует иные рычаги давления, которые, тем не менее, также способны существенно ограничить свободу волеизъявления потерпевшего» [1, с. 59].

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, содержащимися в Постановлении от 04.12.2014 № 16, преступление считается оконченным с момента предъявления требования сексуального характера, независимо от того, удалось ли виновному добиться согласия потерпевшего и были ли фактически совершены действия сексуального характера [4; 5]. Данная позиция представляется обоснованной, поскольку общественная опасность деяния заключается уже в самом факте психического воздействия на личность, посягательства на ее свободу.

Однако, несмотря на кажущуюся ясность, законодательная регламентация способов понуждения вызывает серьезные нарекания со стороны ученых и правоприменителей.

Проблема определения понятия «шантаж». Шантаж как способ совершения преступления не имеет легального определения в уголовном законе. В теории и практике под шантажом понимается угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, оглашение которых может причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего. При этом, как отмечает И.А. Зинченко, для состава преступления не имеет значения, соответствуют ли распространяемые сведения действительности или являются ложными [2]. Главное, чтобы потерпевший воспринимал угрозу реально и опасался ее реализации.

Н.Н. Кононов справедливо указывает на необходимость законодательного закрепления понятия «шантаж» в уголовном законе, предлагая сделать это в примечании к ст. 127.2 УК РФ, где данный термин используется впервые [3]. Представляется, что такая унификация способствовала бы единообразному пониманию и примене-

нию уголовно-правовых норм, содержащих указание на шантаж как на способ совершения преступления.

Проблема «материальной или иной зависимости». Использование материальной или иной зависимости потерпевшего является одним из наиболее сложных для квалификации способов понуждения. Закон не раскрывает содержание понятия «иная зависимость», что порождает трудности в правоприменении.

В юридической литературе под материальной зависимостью понимается ситуация, когда потерпевший находится на иждивении у виновного, проживает на его жилплощади, является его должником и т.п. [2]. Иная зависимость может быть служебной (подчинение по работе), учебной (зависимость студента от преподавателя), зависимость, основанная на родственных или семейных отношениях, и т.д.

Как отмечает Н.Н. Кононов, «использование зависимости предполагает, что потерпевший осознает возможность наступления негативных последствий в случае отказа удовлетворить требование виновного, и именно это осознание побуждает его к совершению действий сексуального характера» [3]. При этом важно установить, что виновный осознавал наличие зависимости и умышленно использовал ее для достижения своей цели.

Практика знает множество примеров такой зависимости. Классическими являются случаи понуждения работника к действиям сексуального характера под угрозой увольнения или создания невыносимых условий труда, либо студентки под угрозой неудовлетворительной оценки или отчисления из учебного заведения [2].

Вместе с тем, как справедливо отмечается в научной литературе, существующая конструкция «использование зависимости» не в полной мере отражает суть происходящего. Так, авторы одной из научных статей предлагают заменить эту конструкцию на «под угрозой совершения деяния, нарушающего права и законные интересы потерпевшего или его близких, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного» [3]. Данное предложение заслуживает внимания, поскольку оно позволяет более точно описать механизм воздействия на потерпевшего.

Действующая редакция ст. 133 УК РФ содержит исчерпывающий перечень способов понуждения. Однако, как показывает практика, существуют иные способы психического воздействия, обладающие не меньшей общественной опасностью, но не подпадающие под признаки шантажа, угрозы уничтожением имущества или использования зависимости.

Например, обещание предоставить какие-либо блага или преимущества, соединенное с созданием безвыходной для потерпевшего ситуации, по своему психологическому воздействию может быть сродни понуждению. Законодательство некоторых зарубежных стран (например, ФРГ) предусматривает ответственность за использование «безвыходного положения» потерпевшего. Представляется целесообразным обсудить вопрос о расширении перечня способов совершения данного преступления либо о придании ему открытого характера, как предлагают некоторые исследователи [3].

Правоприменительная практика сталкивается с серьезными трудностями при отграничении понуждения к действиям сексуального характера от смежных составов преступлений, а также от деяний, не являющихся уголовно наказуемыми.

Основное отличие ст. 133 УК РФ от ст. 131 и 132 УК РФ заключается в способах воздействия на потерпевшего. Как неоднократно разъяснял Верховный Суд РФ, при изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера применяется физическое насилие или угроза его применения, а также используется беспомощное состояние потерпевшего [4; 6]. При понуждении же насилие или угроза его применения отсутствуют, используются иные рычаги давления.

Вместе с тем, возможны ситуации, когда понуждение, начавшись с психического воздействия, перерастает в насильственное преступление. В таких случаях содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, если виновный реализовал угрозу и применил насилие.

Особую сложность представляет отграничение понуждения от ситуаций, когда лицо добивается согласия на совершение действий сексуального характера путем обмана или злоупотребления доверием. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 16 специально оговорил, что такие действия не могут рассматриваться как понуждение. В качестве примера приводится заведомо ложное обещание вступить в брак [4; 5].

Данная позиция вызывает дискуссию в научной среде. С одной стороны, обман, как и понуждение, искажает волю потерпевшего. С другой стороны, при обмане у потерпевшего сохраняется возможность выбора, основанного на неверной информации, тогда как при понуждении выбор осуществляется под давлением, угрозой наступления нежелательных последствий. Представляется, что позиция Верховного Суда является обоснованной, поскольку в противном случае произошло бы неоправданное расширение пределов уголовной ответственности и вторжение в сферу межличностных отношений, регулируемых нормами морали и нравственности.

Однако остается открытым вопрос о квалификации ситуаций, когда обман соединен с использованием зависимого положения. Например, преподаватель обещает студентке, находящейся от него в зависимости, поставить зачет в обмен на сексуальную связь, не имея намерения выполнять обещание. Здесь присутствуют признаки как обмана, так и использования зависимости. По нашему мнению, такие действия должны квалифицироваться по ст. 133 УК РФ, поскольку определяющим является факт использования зависимости, а обещание выступает лишь формой выражения требования.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом. Виновный осознает, что понуждает потерпевшего к действиям сексуального характера одним из указанных в законе способов, и желает этого. Мотивы могут быть различными (удовлетворение половой потребности, месть, желание унизить и т.д.) и на квалификацию не влияют.

Субъект преступления общий — вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Гендерный признак значения не имеет, потерпевшим может быть лицо любого пола [2].

Федеральным законом от 06.03.2022 № 38-ФЗ статья 133 УК РФ была дополнена частью 3, предусматривающей квалифицирующие признаки: совершение деяния группой лиц, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), либо лицом, имеющим судимость за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего.

Введение этих признаков, несомненно, является шагом вперед в деле защиты половой свободы личности. Особенно актуальным представляется признак использования сети «Интернет», поскольку в современном мире все большее количество преступлений совершается с использованием цифровых технологий. Д.С. Злобина справедливо отмечает, что интернет является уникальным средством-способом совершения преступления, и его использование для понуждения к действиям сексуального характера существенно повышает общественную опасность деяния [9].

Однако, как отмечают В.Н. Сафонов и У.Д. Кондакова, введение новых квалифицированных составов ограничивает защиту прав совершеннолетних потерпевших, оставляя их без дополнительной уголовно-правовой охраны в тех случаях, когда те же деяния совершаются в отношении взрослых лиц [8]. Авторы также указывают на отсутствие в норме дифференциации ответственности в зависимости от успешности понуждения (удалось ли виновному добиться желаемого) [8].

Еще одной проблемой, на которую обращают внимание исследователи, является отсутствие в ст. 133 УК РФ специальной нормы, защищающей малолетних (лиц, не достигших 12-летнего возраста) от понуждения к действиям сексуального характера [8]. В настоящее время такие действия квалифицируются по ст. 135 УК РФ как развратные действия, что не в полной мере отражает специфику понуждения.

Проведенный комплексный анализ состава преступления, предусмотренного ст. 133 УК РФ, позволяет констатировать наличие системных проблем в его законодательной регламентации, которые закономерно порождают сложности и ошибки в правоприменительной практике. Существующая редакция нормы, несмотря на внесенные изменения, не в полной мере отвечает потребностям эффективной уголовно-правовой охраны половой свободы личности, оставляя за своими пределами отдельные общественно опасные деяния и используя оценочные категории, не имеющие легальной дефиниции. Устранение выявленных недостатков видится в реализации следующих законодательных предложений, обоснованных доктринально и подтвержденных материалами судебной практики.

Во-первых, существует объективная необходимость легального закрепления понятия «шантаж». Как справедливо отмечает Н.В. Тыдыкова, термин «шантаж» используется в конструкциях нескольких статей УК РФ (ст. 133, 163, 302 и др.), однако его легальное определение отсутствует, что порождает неединообразное толкование [7]. В доктрине под шантажом понимается угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, оглашение которых может причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего [4]. При этом для состава преступления не имеет значения, соответствуют ли распространяемые сведения действительности [2; 4]. Для унификации судебной практики представляется целесообразным воспринять предложение, высказанное в научной литературе, и закрепить данную дефиницию в примечании к ст. 127.2 УК РФ (использование рабского труда), где термин «шантаж» используется впервые в Особенной части УК РФ [2; 7].

Во-вторых, требуется уточнение законодательной конструкции «использование материальной или иной зависимости». Анализ правоприменительной практики показывает, что существующая формулировка не позволяет в полной мере отразить механизм воздействия на потерпевшего, поскольку сам факт наличия зависимости еще не означает ее использования в качестве инструмента понуждения. Как верно указывается в юридической литературе, ключевое значение

имеет угроза совершения деяния, нарушающего права и законные интересы потерпевшего, обусловленная его зависимым положением [2; 3]. Потерпевший вынужден соглашаться на действия сексуального характера не просто из-за факта зависимости, а из-за страха реализации виновным своих возможностей, вытекающих из этой зависимости (например, увольнение, отчисление, лишение содержания). В связи с этим обоснованным видится предложение изменить редакцию диспозиции, сделав акцент на угрозе негативных последствий, а не на абстрактном использовании статуса.

В-третьих, назрела необходимость расширения либо придания открытого характера перечню способов совершения преступления. Действующая редакция ст. 133 УК РФ содержит исчерпывающий перечень способов. Однако, как обоснованно замечено в науке, за рамками состава остается ряд действий, обладающих не меньшей общественной опасностью, но не подпадающих под признаки шантажа, угрозы уничтожением имущества или использования зависимости [7]. Речь идет, например, об угрозе совершения иного преступного деяния (не связанного с насилием или уничтожением имущества) либо об использовании беспомощного состояния потерпевшего, не связанного с физической беспомощностью при изнасиловании (например, состояние сильного алкогольного опьянения, при котором лицо сохраняет способность понимать происходящее, но не может оказать сопротивления психическому давлению). Наиболее оптимальным видится дополнение перечня способов указанием на «угрозу совершения другого преступного деяния», что позволит правоприменителю реагировать на разнообразные формы психического воздействия.

В-четвертых, требуется совершенствование системы квалифицирующих признаков и дифференциация ответственности. Внесенные Федеральным законом № 38-ФЗ изменения, безусловно, являются шагом вперед. Однако они, как справедливо отмечают В.Н. Сафонов и У.Д. Кондакова, оставляют без дополнительной охраны совершеннолетних потерпевших, в отношении которых деяние совершается с использованием сети «Интернет» или группой лиц [8]. Представляется, что данные признаки следовало бы распространить на все части статьи, выделив их в отдельный особо квалифицирующий признак, либо установив повышенную ответственность за понуждение, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, независимо от возраста потерпевшего. Кроме того, острой является проблема защиты малолетних (лиц, не достигших 12 лет). В настоящее время понуждение таких лиц квалифицируется как развратные действия по ст. 135 УК РФ [4], что не учитывает специфику именно понуждения как психического принуждения. Выходом могло бы стать дополнение примечания к ст. 131 УК РФ указанием на то, что правила о беспомощном состоянии применяются и к ст. 133 УК РФ, либо создание специального квалифицированного состава.

В-пятых, представляется обоснованным введение дифференциации ответственности в зависимости от фактического наступления последствий. Как верно замечено в доктрине, состав преступления, предусмотренный ст. 133 УК РФ, является формальным и считается оконченным с момента предъявления требования, независимо от его реализации [7; 4]. Однако общественная опасность деяния, в результате которого потерпевший устоял перед давлением, и деяния, в результате которого произошло фактическое совершение действий сексуального характера (т.е. имело место реальное посягательство на половую свободу), существенно различаются. В связи с этим в науке обосновывается необходимость существования разных конструкций состава в разных частях статьи в зависимости от результативности понуждающих действий [7]. Целесообразно было бы установить ответственность за сам факт понуждения (формальный состав) в ч. 1 ст. 133 УК РФ, а за понуждение, повлекшее фактическое совершение действий сексуального характера (материальный состав либо состав с усеченной объективной стороной, где последствие включено в объективную сторону), — в квалифицированном составе, с более строгим наказанием.

С учетом изложенного, в целях совершенствования уголовного закона представляется возможным предложить следующую редакцию изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации:

1. Дополнить статью 127.2 УК РФ примечанием следующего содержания:

«Примечание. В статьях настоящего Кодекса под шантажом понимается угроза распространения сведений, порочащих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких» [2; 7].

2. Изложить часть первую статьи 133 УК РФ в следующей редакции:

«1. Понуждение лица к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества, угрозы совершением дру-

гого преступного деяния, либо под угрозой совершения деяния, нарушающего права и законные интересы потерпевшего или его близких, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного, — наказывается...»

3. Часть третью статьи 133 УК РФ изложить в редакции, распространяющей особо квалифицирующие признаки на все деяния, предусмотренные частями первой и второй, и дополнить ее новым пунктом «г», предусматривающим ответственность за понуждение, повлекшее фактическое совершение действий сексуального характера:

«3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они:

– совершены группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
– совершены с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»;
– совершены лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего;
– повлекли фактическое совершение потерпевшим действий сексуального характера, — наказываются...»

Проведенное исследование позволяет заключить, что действующая редакция ст. 133 УК РФ, устанавливающая ответственность за понуждение к действиям сексуального характера, страдает рядом существенных недостатков законодательной регламентации, среди которых первостепенное значение имеют отсутствие легальной дефиниции ключевого термина «шантаж», неопределенность и узость оценочной категории «использование зависимости», а также исчерпывающий характер перечня способов совершения преступления, что на практике порождает трудности в отграничении от смежных составов и непреступных деяний, влечет неединообразие судебной практики и оставляет отдельные общественно опасные формы психического воздействия за рамками уголовно-правовой охраны. Для устранения выявленных пробелов и повышения эффективности применения данной нормы представляется научно обоснованным внесение в Уголовный кодекс РФ комплекса изменений: закрепление понятия «шантаж» в примечании к ст. 127.2 УК РФ, уточнение диспозиции ч. 1 ст. 133 УК РФ путем указания на «угрозу совершения деяния, нарушающего права и законные интересы потерпевшего» при использовании зависимости и расширение перечня способов за счет «угрозы совершением другого преступного деяния», а также введение дифференциации ответственности в зависимости от фактического наступления последствий в виде совершения действий сексуального характера, что позволит обеспечить адекватную общественной опасности уголовно-правовую защиту половой свободы и неприкосновенности личности.

Список литературы:

[1] Дядюн К.В. Coercion to Sexual Acts: Issues of Interpretation and Application // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 9. С. 54-66.

[2] Зинченко И.А. Понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ): Тонкости и проблемы квалификации деяния // Информационныйпортал 9111.ru. 2025.URL: https://www.9111.ru/questions/77777777724620349/ (дата обращения: 04.03.2026).

[3] Кононов Н.Н. Шантаж как способ совершения преступления: проблемы законодательной регламентации // Российский следователь. 2023. № 5. С. 20-24.

[4] О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 // Российская газета. 2014. 12 дек.

[5] Прокуратура Воронежской области. Суд разъяснил применение норм уголовного закона против половой неприкосновенности и свободы // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. 2014. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_36/activity/legal education/explain?item=23167999 (дата обращения: 04.03.2026).

[6] Прокуратура Чукотского автономного округа. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 №16 разъяснен порядок применения норм УК РФ о преступлениях против половой неприкосновенности // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. 2015.URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_87/activity/legaleducation/explain/e2064306/ (дата обращения: 04.03.2026).

[7] Тыдыкова Н.В. Понятие шантажа в уголовном праве России // Уголовное право. 2022. № 3. С. 45-49.

[8] Сафонов В.Н., Кондакова У.Д. Coercion to Sexual Acts: Current Issues of the Effectiveness of the Legal Norm // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2025. № 7. С. 119-122.

[9] Злобина Д.С. К вопросу о роли сети интернет в системе объективных признаков состава преступления на примере ст. 133 Уголовного кодекса Российской Федерации // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2024. С. 1.

References:

[1] Дядюн К.В. Coercion to Sexual Acts: Issues of Interpretation and Application // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 9. S. 54-66.

[2] Zinchenko I.A. Coercion to sexual acts (Article 133 of the Criminal Code of the Russian Federation): Subtleties and problems of qualification of the act//Information portal 9111.ru. 2025. URL: https://www.9111.ru/questions/77777777724620349/ (accessed on: 04.03.2026).

[3] Kononov N.N. Blackmail as a method of committing a crime: problems of legislative regulation//Russian investigator. 2023. № 5. S. 20-24.

[4] On judicial practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual: Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 04.12.2014 No. 16//Rossiyskaya Gazeta. 2014. Dec. 12

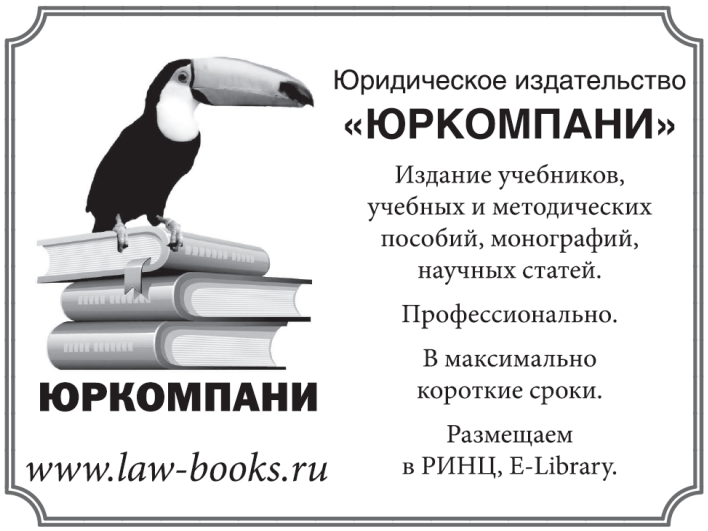
[5] Prosecutor's Office of the Voronezh Region. The court clarified the application of the norms of the criminal law against sexual inviolability and freedom// Official website of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2014. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_36/activity/legal education/explain?item=23167999 (дата обращения: 04.03.2026).

[6] Prosecutor's Office of the Chukotka Autonomous Okrug. By the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 04.12.2014 No. 16, the procedure for applying the norms of the Criminal Code of the Russian Federation on crimes against sexual inviolability was explained//Official website of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2015. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_87/activity/legaleducation/explain/e2064306/ (accessed on: 04.03.2026).

[7] Tydykova N.V. The concept of blackmail in the criminal law of Russia//Criminal law. 2022. № 3. S. 45-49.

[8] Safonov V.N., Kondakova U.D. Coercion to Sexual Acts: Current Issues of the Effectiveness of the Legal Norm//Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law. 2025. № 7. S. 119-122.

[9] Zlobina D.S. On the role of the Internet in the system of objective signs of corpus delicti on the example of Art. 133 of the Criminal Code of the Russian Federation//Proceedings of young scientists of Altai State University. 2024. S. 1.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-271-276

ГРОЗНОВА Диана Дмитриевна,
Адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Уфимского юридического института МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ПУБЛИЧНОЙ ДЕМОНСТРАЦИЕЙ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. *В данной статье автор анализирует проблемы уголовно-правового противодействия преступлениям с публичной демонстрацией. Выявлены системные пробелы в законодательстве и предложены новые взгляды на соучастие. Отмечено, что доктрина и разъяснения Пленума Верховного Суда (№37 и №14) недостаточно полно отражают реалии современной криминальной ситуации, особенно с использованием информационного пространства, что сказывается на качестве правовых запретов. По итогам анализа предложено два варианта решения проблемы, связанные с внесением изменений в Уголовный кодекс или разработке отдельного Постановления Пленума Верховного Суда посвящённого только преступлениям, совершаем с публичной демонстрацией*.

Ключевые слова: *публичная демонстрация, квалифицирующий признак, предмет преступления, отягчающее обстоятельство, квалифицирующие объективные признаки преступления, информационно-телекоммуникационные сети, треш-стрим.*

GROZNOVA Diana Dmitrievna,
Associate of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

OBJECTIVE SIGNS CRIMES COMMITTED WITH PUBLIC DEMONSTRATION: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Annotation. *In this article, the author analyzes the problems of criminal law counteraction to crimes with a public demonstration. Systemic gaps in legislation have been identified and new views on complicity proposed. It was noted that the doctrine and explanations of the Plenum of the Supreme Court (No. 37 and No. 14) do not fully reflect the realities of the modern criminal situation, especially using the information space, which affects the quality of legal prohibitions. Based on the results of the analysis, two options were proposed for solving the problem associated with amending the Criminal Code or developing a separate Resolution of the Plenum of the Supreme Court dedicated only to crimes, we make it with a public demonstration.*

Key words: *public demonstration, qualifying sign, subject of crime, aggravating circumstance, qualifying objective signs of crime, information and telecommunication networks, trash stream.*

Актуальность исследования обусловлена стремительной цифровизацией общества, порождающей новые формы криминального поведения, при котором субъекты преступления стремятся придать деянию гласность путём публичной демонстрации его видеозаписи. Использование информационного пространства для массового охвата аудитории, равно как и совершение преступления в общественных местах с целью их демонстрации, существенно повышает общественную опасность содеянного.

Демонстрация жестокости для массового потребления аморальна и общественно опасна: она способна формировать психотип агрессивной личности, порождать в общественном сознании отрицание права и привыкание к таким проявлениям. Целенаправленная демонстрация подобных материалов в информационном пространстве снижает критическое восприятие у населения, порождает сомнения в эффективности государственной защиты и ведёт к деформации общественного сознания, снижению правосознания и духовной пассивности.

Такие преступления провоцируют рост аналогичных деяний, поскольку видеозапись транслирует не только сам факт агрессии, но и процесс совершения. Сам процесс фото- или видеозаписи является осознанным действием, направ-

ленным на устрашение общества и формирование образа преступника. Публичность превращает деяние в инструмент массового психологического террора [15,с.89]. Последствия могут быть как немедленными (подражательные преступления, эффект Вертера), так и отсроченными (ослабление запретов на агрессию, восприятие насилия как нормы). Наиболее уязвимы перед таким влиянием лица с неустойчивой психикой и несовершеннолетние [1, с. 241; 2, с. 107].

Адекватной реакцией законодателя стало введение в УК РФ квалифицирующего признака «совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации (далее - СМИ) или ИТКС, включая сеть «Интернет»».

Впервые он был закреплён в 2017 г. в рамках ст. 245 и 258, впоследствии данный признак был распространён на десять составов преступлений против личности, а также включён в перечень отягчающих обстоятельств Федеральным законом №218-ФЗ от 08.08.2025 г. Указанные изменения являются ответом на сложившуюся практику распространения деструктивного контента, в частности, треш-стримов, а также роста жестокости демонстрируемых действий [3, с.184; 4, с. 598].

Несмотря на внесение изменения, законодательство не содержит универсального определения нового признака. Соответственно, данное исследование направлено на изучение сущности публичной демонстрации.

Согласно пункту 22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 37 [22] (далее - ПП ВС РФ №37), публичная демонстрация относительно порнографических материалов с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», заключается в открытом показе таких материалов либо в предоставлении неограниченному числу лиц возможности просмотра таких материалов, однако без возможности самостоятельного их использования (путём сохранения на своём компьютерном устройстве, размещения на интернет-страницах от своего имени и т.п.). Как деяние в форме публичной демонстрации подлежат квалификации действия, совершенные в прямом эфире (в частности, на сайтах, позволяющих пользователям производить потоковое вещание, – стриминговых сервисах), а также состоящие в размещении запрещённой законом информации (материалов, сведений) на личных страницах и на страницах групп пользователей (в социальных сетях или на интернет-страницах).

Проводя анализ, выделим, что ограниченность типизации видов информации в самом уголовном законе, которую недопустимо демонстрировать публике, позволяет применять толкование применимо только к порнографическим материалам. Однако, в то же время законодатель признает, что ряд преступных действий, направленных против личности, также могут публично демонстрироваться, согласно указанным изменениям.

Такая правовая и рекомендательная конструкция не устраняет возникший правовой пробел и вызывает трудность в квалификации. Определение, данное ПП ВС РФ № 37, касается конкретных составов преступления, а применение его положений при квалификации других видов преступлений по принципу аналогии не допустимо [16, с. 55].

Вопросы, касающиеся уточнений категорий «публичности» разъясняются и в Постановлении Пленума Верховного Суда № 14 от 01.06.2023 г. [18] (далее - ПП ВС РФ №14) Согласно п. 18, под публичными необходимо понимать действия, совершенные в общественных местах и в ходе проведения массовых мероприятий, а также размещение информации на сайтах, форумах или блогах, открытых для широкого круга лиц, и массовая рассылка электронных сообщений. Отметим, что разъяснение сущности «публичности» в данном постановлении рассматривается относительно совершения оскорбительных действий в отношении представителя власти и является обязательным условием данного преступления. Таким образом, применение нормы носит узконаправленный характер, так как относится к ограниченным видам составов преступлений, а также содержит характеристику публичности отдельно от процессов их демонстрации. Применение публичной демонстрации в качестве отягчающего признака в отношении иных видов преступлений, направленных на другие объекты, становится затруднительной и не всегда верной.

Несмотря на то, что Постановления Пленума № 37 и № 14 дают лишь некоторые уточнения по вопросу сущности «публичной демонстрации», уходя от должного и полного понимания данного уголовно-правового явления. Разъяснения двух Пленумов дают разный по объёму охват действий, которые не совпадают между собой. В первом случае предусматривается осуществление открытого показа материалов в информационном пространстве без возможности самостоятельного их использования или в процессе ведения онлайн-трансляции, а во втором описываются случаи совершения действий в общественных местах и при проведении массовых мероприятий.

Проблемы в понимании нормативности вытекают и из области регулирования явления «публичная демонстрация», в первом случае они

охватывают демонстрацию порнографических материалов, а во втором - совершение оскорбительных действий в отношении представителя власти. Указание конкретных случаев применения могут вызвать проблему в процессе квалификации.

В силу отсутствия нормативного определения «публичная демонстрация», среди авторов сложились три точки зрения по вопросу проявления публичной демонстрации.

Первая группа авторов придерживается мнения о том, что преступление можно считать совершенным с публичной демонстрацией, исключительно если действия выполнялись в процессе ведения онлайн-трансляции. Аргументируя свою точку зрения, в частности, они ссылаются на пояснительную записку к проекту ФЗ № 218 [6, с. 100]. По их мнению, криминализация действий, совершенных с публичной демонстрацией, вызвана стремительным распространением «треш-блогеров» в обществе. Указание только одной из возможных форм реализации публичной демонстрации, а именно совершении преступления в ходе ведения онлайн-трансляции, связано с увеличением количества подобных деяний в обществе и возрастанием весьма «странного» интереса граждан к подобному контенту, а также выраженным подражанием несовершеннолетних в криминальном поведении посредством отмеченных треш-стримерам.

На наш взгляд, законодатель в пояснительной записке указал только основную причину, которая послужила поводом для криминализации подобных деяний, не раскрывая, каким ещё образом преступление может быть совершено с публичной демонстрацией. Также отметим, что вопрос о необходимости в усилении ответственности за преступления, совершенные с использованием демонстрации в прямом эфире, неоднократно поднимался многими авторами на протяжении последних лет [8,с.38;5,с.125-127;9,с.91].

Точка зрения авторов первой группы является уязвимой с позиции учёта правоприменительной практики, в которой суд признает действия, совершенные в разное время, в качестве публичной демонстрации, криминальным проявлением.

Например, согласно приговору Московского районного суда г. Твери от 14.05.2019 по делу №1-128/20219 [19], Б. взял кота и, используя физическую силу, погрузил животное в бак с водой, тем самым причинил гибель животного. Одновременно с указанными действиями, П. осуществляла видеосъемку процесса утопления животного на мобильный телефон, после чего видеозапись была выложена в социальную сеть «ВКонтакте». В данном случае действия совершения преступления и их демонстрация происходили в разное время, но, несмотря на это, судом деяние было расценено как преступление, что можно встретить и в других судебных решениях [20].

Вторая группа авторов придерживается мнения о том, что действия могут совершаться только с одновременной демонстрацией, то есть в прямом эфире или в общественном месте при непосредственном присутствии публики [3, с. 189; 5, с.125; 7, с. 134; 10,с.58]. На наш взгляд, точка зрения авторов второй группы приемлема для практической деятельности, однако остаётся неучтённой одна из форм публичной демонстрации, когда после того, как основное преступление совершено, контент с его процессом становится доступным для неограниченного круга лиц в информационном пространстве.

Третья группа авторов придерживается широкого понимания сущности публичной демонстрации, которая охватывает разномоментные действия [11,с. 123; 12, с.264; 13, с. 22; 14, с.157]. На наш взгляд именно третья точка зрения является наиболее приемлемой, так как в полной мере охватывает разные, но связанные между собой признаками составов преступлений.

Таким образом, объективная сторона преступлений, совершаемых с публичной демонстрацией, выражается в действиях, совершенных: в ходе ведения онлайн-трансляции, в общественных местах и в процессе проведения массовых мероприятий, а также путём размещения в информационном пространстве ранее отснятых материалов.

Проведём сравнительный анализ перечисленных вариантов публичной демонстрации процесса совершения преступления и отметим их особенности.

Во всех рассмотренных случаях лицо совершает противоправные действия на глазах у других людей. Ключевым различием в подходах выступает способ наблюдения за действиями преступника. В цифровом пространстве созерцание происходит опосредовано, через технические средства, тогда как в реальности зрители находятся непосредственно на месте совершения преступления. Из этого базового различия вытекают иные сущности несоответствия.

Первое из них касается момента возникновения возможности наблюдать. При совершении преступления в общественном месте деяние изначально протекает в открытом пространстве на глазах у посторонних. В цифровой среде возможны два варианта: демонстрации ранее отснятого материала, момента ознакомления с контентом наступает после совершения основного состава, тогда как при онлайн-трансляции про-

цесс совершения и лицезрения происходит синхронно, что сближает такой способ с публичной демонстрацией, реализуемой через совершение деяния в общественном месте.

Второе различие связано с необходимостью применения технической аппаратуры. Данный признак характерен для цифровых форматов, где для реализации преступления с признаком «публичной демонстрации» применение техники необходимо. Однако, для реализации признака в общественных местах не требуется дополнительной технической аппаратуры.

Третье различие заключается в локализации наблюдателей. При совершении преступления в общественном месте субъект и непосредственные наблюдатели находятся в непосредственной близости друг от друга. В информационном пространстве географическое расположение участников и зрителей может кардинально отличаться, что многократно расширяет количество лиц, становящихся невольными наблюдающими за криминальными проявлениями.

Таким образом, применение технических средств фото- или видеосъемки в процессе совершения общественно-опасного деяния для целей демонстрации способствует не только расширению географии и количественному составу посвящённых в детали преступления лиц, но и широкому распространению криминального опыта и негативных социальных установок. Демонстрация такого контента и его просмотр создают эффект «вовлеченности» зрителя в преступный процесс, что крайне отрицательно влияет на систему ценностей, деформирует ее и побуждает к совершению аналогичных действий.

Проведённое исследование выявило пробелы в уголовно-правовом регулировании признака «публичная демонстрация». Отсутствие законодательного закрепления и фрагментарность разъяснений Верховного суда РФ порождает проблемы квалификации и нарушают единство судебной практики.

В работе критически оценены действующие нормы, связывающие публичную демонстрацию преимущественно с преступлениями в информационном пространстве, но, на наш взгляд, рассматривать публичную демонстрацию необходимо не только в данном аспекте. Соответственно, автором предложено и обосновано наличие трёх форм реализации признака:

Совершение преступления в режиме онлайн-трансляции.

Разномоментные действия, включающие совершение криминальных действий, а в последующем размещение отснятого материала в информационном пространстве.

Совершение деяния в общественном месте или при массовом мероприятии в присутствии неопределённого круга лиц.

Для обеспечения единства судебной практики предложено два пути решения, заключающиеся в законодательном закреплении сущности признака в рамках отдельного Постановления Пленума Верховного суда или в расширении толкования имеющегося толкования в положениях ПП ВС РФ №37, направленное на возможность применения терминологии ко всем составам преступления. Реализация предложенных изменений позволит сформировать единую судебную практику, повысить эффективность квалификации и усилить охранительный потенциал уголовного закона в условиях сложившихся общественных отношений.

Список литературы:

[1] Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. С. 512.

[2] Книжникова С.В. Медианасилие: «бить или не бить?» // Социальная педагогика. №6. 2014. С. 107-115.

[3] Шевелева С.В., Михайлова О.Г. Совершение преступления с публичной демонстрацией как новела уголовного законодательства // Известия Юго-западного государственного университета. Серия: История ии право. 2025. Т. 15. №2. С. 182-191.

[4] Пестова Ю.С., Тимошенко С.Е. уголовно-правовые, криминологические, криминалистические аспекты публичной демонстрации преступлений против личности в информационно - телекоммуникационной сети «Интернет» // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Том 21, №4. С. 596-607.

[5] Гребеньков А.А. Интернет-трансляция совершения преступления в российском уголовном законодательстве в судебной практике // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2022. №1 (69). С. 121-128.

[6] Юрченко И.А. Теоретические и практические аспекты квалификации различных форм участия в публично демонстрируемых преступлениях против личности // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. С.93-101.

[7] Ткачев, И. О. Спорные вопросы квалификации преступлений против жизни и здоровья, совершенных с публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») // Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекоменда-

ции по их решению: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. 2025. С. 129-135.

[8] Григорьев В.Н., Терехов А.Ю. Об усилении уголовной ответственности создателей треш-стримов. Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. С. 36-40.

[9] Полунина Е.Н., Антонова А.В. Проблемы законодательного регулирования ответственности за «треш-стрим» в интернете // Закон и право. 03-2021. С. 90-91.

[10] Шарапов Р.Д. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. №1. С. 51-62.

[11] Семенова В.В. Публичная демонстрация преступления как квалифицирующий признак состава преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. №2. 2025. С. 118-124.

[12] Левандовская М.Г. Условия применения единообразного подхода к конструированию квалифицирующего признака публичной демонстрации совершения преступлений против личности // Юридическая наука. №10 2024. С. 263-267.

[13] Бульбачева А.А., Котяжов А.В., Проблемы уголовно-правовой квалификации «публичной демонстрации» преступления как обстоятельства отягчающего уголовную ответственность // Полицейская деятельность. 2025. №3 С. 17-24.

[14] Семенова В.В. Публичная демонстрация преступления: Проблемы правоприменения // Проблемы уголовной политики и практики. 2025. С. 156-158.

[15] Маликов Б.З. Онтология социальной опасности: её значение в оценке преступного поведения и в реализации цели исправления осуждённого // Право и государственность. 2024. №1 (2).С.88-94.

[16] Леонтьева, Д. Д. Категоризация преступлений и ее уголовно-правовое значение / Д. Д. Леонтьева // Право и государственность. – 2025. – № 4(9). – С. 53-57. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.009. – EDN MSQCHQ.

[17] Власенко А. Донаты за садизм. Кто такие треш-стримеры и как найти на них управу. [Электронный ресурс] // URL: https://aif.ru/society/web/donaty_za_sadizm_kto_takie_t resh-strimery_i_kak_nayti_na_nih_upravu (дата обращения: 18.03.2026).

[18] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[19] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2023 № 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[20] Приговор Московского районного суда г. Владивостока Приморского края №1-128/20219 от 14.05.2019 г. по делу №1-128/20219 // URL: https://actofact.ru/case-69RS0038-1-128-2019-2019-04-02-2-0/ (дата обращения: 18.03.2026).

[21] Постановление Сунтарского районного суда Республики Саха (Якутия) от 06.04.2021 №1-28/2021 // URL: http://suntar.jak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=18880506&case_uid=59a4f911-8d1f-484c-87ad7c1cb4e25519&delo_id=1540006ь(дата обращения: 18.03.2026); Приговор Ленинского районного суда г. Владивостока Приморского края № 1-809/2024 1-85/2025 от 10.02.2025 г. по делу №1-809/2024 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/Dv9aO4txqomv/ (дата обращения: 18.03.2026);Приговор Наро-Фоминского городского суда Московской области №1-227/2021 от 24 июня 2021 г. по делу №1-227/2021 URL: https://sudact.ru/regular/doc/8tGKMoebk4xj/ (дата обращения: 18.03.2026).

[22] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References:

[1] Berkowitz L. Aggression: causes, consequences and control. St. Petersburg: Prime-Euroznak, 2001. S. 512.

[2] Knizhnikova S.V. Medianasilia: “beat or not beat? “//Social pedagogy. №6. 2014. S. 107-115.

[3] Sheveleva S.V., Mikhailova O.G. Committing a crime with a public demonstration as a novelty of criminal law//Izvestia Southwestern State University. Series: History of Ia Right. 2025. VOL. 15. №2. S. 182-191.

[4] Pestova Yu.S., Timoshenko S.E. Criminal law, criminological, forensic aspects of the public demonstration of crimes against the person in the information and telecommunication network “Internet “//Siberian Legal Review. 2024. Volume 21, No. 4. S. 596-607.

[5] Grebenkov A.A. Internet broadcast of the commission of a crime in Russian criminal law in judicial practice//Bulletin of Tver State University. “Right” series. 2022. №1 (69). S. 121-128.

[6] Yurchenko I.A. Theoretical and practical aspects of qualification of various forms of participation in publicly demonstrated crimes against the person//Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). 2025. S.93-101.

[7] Tkachev, I. O. Controversial issues of qualification of crimes against life and health committed with public demonstration in the media or information and telecommunication networks (including the Internet)//Application of criminal and criminal procedure legislation in the practice of the Investigative Committee of the Russian Federation: current problems and recommendations for their solution: Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. 2025. S. 129-135.

[8] Grigoriev V.N., Terekhov A.Yu. On strengthening the criminal liability of the creators of trash streams. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. S. 36-40.

[9] Polunina E.N., Antonova A.V. Problems of legislative regulation of responsibility for “trash stream” on the Internet//Law and law. 03-2021. S. 90-91.

[10] Sharapov RD. Criminal liability for cruelty to animals//Legal science and law enforcement practice. 2019. №1. S. 51-62.

[11] Semenova V.V. Public demonstration of a crime as a qualifying sign of corpus delicti//Criminal law: development strategy in the 21st century. №2. 2025. S. 118-124.

[12] Levandovskaya M.G. Conditions for applying a uniform approach to the construction of a qualifying sign of public demonstration of the commission of crimes against the person//Legal science. №10 2024. PP. 263-267

[13] Bulbacheva A.A., Kotyazhov A.V., Problems of criminal legal qualification of “public demonstration” of a crime as circumstances aggravating criminal liability//Police activity. 2025. NO. 3 S. 17-24.

[14] Semenova V.V. Public demonstration of crime: Problems of law enforcement//Problems of criminal policy and practice. 2025. S. 156-158.

[15] Malikov B.Z. Ontology of social danger: its importance in assessing criminal behavior and in realizing the goal of correcting the convict//Law and statehood. 2024. NO. 1 (2) .C.88-94.

[16] Leontyeva, D. D. Categorization of crimes and its criminal legal significance/D. D. Leontyev// Law and statehood. – 2025. – № 4(9). - S. 53-57. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.009. – EDN MSQCHQ.

[17] Vlasenko A. Donaty for sadism. Who are trash streamers and how to find control on them. [Электронный ресурс] // URL: https://aif.ru/society/web/donaty_za_sadizm_kto_takie_t resh-strimery_i_kak_nayti_na_nih_upravu (дата обращения: 18.03.2026).

[18] On some issues of judicial practice in criminal cases of crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet: decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.12.2022 No. 37. Access from the ConsultantPlus legal system.

[19] On certain issues of judicial practice in criminal cases of crimes provided for in Articles 317, 318, 319 of the Criminal Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.02.2023 No. 14. Access from the ConsultantPlus legal system.

[20] Verdict of the Moscow District Court of Vladivostok, Primorsky Territory No. 1-128/20219 of 14.05.2019 in case No. 1-128/20219//URL: https://actofact.ru/case-69RS0038-1-128-2019-2019-04-02-2-0/ (date of appeal: 18.03.2026).

[21] Resolution of the Suntarsky District Court of the Republic of Sakha (Yakutia) dated 06.04.2021 No. 1-28/2021//URL: http://suntar.jak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=-case&case_id=18880506&case_uid=59a4f911-8d1f-484c-87ad7c1cb4e25519&delo_id=1540006ь (date of appeal: 18.03.2026); Verdict of the Leninsky District Court of Vladivostok, Primorsky Territory No. 1-809/2024 1-85/2025 of 10.02.2025 in case No. 1-809/2024//URL: https://sudact.ru/regular/doc/Dv9aO4txqomv/ (date of appeal: 18.03.2026); Verdict of the Naro-Fominsk City Court of the Moscow Region No. 1-227/2021 of June 24, 2021 in case No. 1-227/2021 URL: https://sudact.ru/regular/doc/8tGKMoebk4xj/ (date of appeal: 18.03.2026).

[22] On some issues of judicial practice in criminal cases of crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet: decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.12.2022 No. 37. Access from the ConsultantPlus legal system.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-277-281

ПЕРЕВЕРЗЕВ Михаил Михайлович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры основ следственной работы
Волгоградской академии МВД России,
e-mail: elektronnayapochta@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ЭКСПЕРТА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ И ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ВОЗМОЖНОСТИ ВЫСТРЕЛА ИЗ ОРУЖИЯ БЕЗ НАЖАТИЯ НА СПУСКОВОЙ КРЮЧОК

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению вопроса о взаимодействия следователя и эксперта при назначении и производстве судебных экспертиз. Приводится и анализируется нормативная правовая база, в соответствии с которой может строится организация такого взаимодействия. Далее в статье на основе анализа конкретного случая, имевшего место в практике раскрытия и расследования преступлений Саратовской области доказывается необходимость такого взаимодействия на этапе назначения и подготовки к производству судебно-баллистических экспертиз, направленных на установление возможности выстрела из конкретного экземпляра оружия без нажатия на спусковой крючок. В статье указывается, почему при расследовании происшествий, в которых существует вероятность выстрела из огнестрельного оружия без нажатия на спусковой крючок недопустимо при постановке задачи эксперту указывать все возможные условия, при которых это выстрел мог произойти, равно как и не указывать вообще никаких предполагаемых условий выстрела. В статье заостряется внимание на том, что при такой постановке задачи в ходе производства судебно-баллистической экспертизы может быть получен вывод, который воспрепятствует установлению истины по уголовному делу и позволит подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления уйти от ответственности. Акцентируется внимание на том, что при производстве такого рода экспертиз следует выяснять максимально конкретные и точные условия выстрела без нажатия на спусковой крючок. При этом показана эффективность проведения комбинации из нескольких процессуальных действий для того, чтобы получить в итоге вывод эксперта соответствующий действительности и отвечающий интересам расследования уголовного дела.*

Ключевые слова: *взаимодействие следователя и эксперта, назначение судебной экспертизы, производство судебной экспертизы, выстрел без нажатия на спусковой крючок, судебно-баллистическая экспертиза, постановка вопросов эксперту.*

PEREVERZEV Mikhail Mikhailovich,
Candidate of Legal Sciences Associate Professor,
Department of Investigative Work Fundamentals
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

INTERACTION BETWEEN THE INVESTIGATOR AND THE EXPERT IN THE DESIGNATION AND PERFORMANCE OF A FORENSIC EXPERTISE TO ESTABLISH THE POSSIBILITY OF A WEAPON SHOT WITHOUT PRESSING THE TRIGGER

Annotation. *This article examines the interaction between investigators and experts in the assignment and conduct of forensic examinations. It presents and analyzes the legal framework that can guide such interaction. Using a specific case from the Saratov Region crime scene, the article demonstrates the necessity of such interaction during the assignment and preparation of forensic ballistic examinations aimed at establishing the possibility of firing a specific weapon without pulling the trigger. The article also explains why, when investigating incidents in which there is a possibility of firing a firearm without pulling the trigger, it is inadmissible to specify all possible conditions under which the shot could have occurred, or to omit any possible*

conditions at all. The article emphasizes that such a formulation of the task during a forensic ballistic examination may lead to a conclusion that will hinder the establishment of the truth in a criminal case and allow the suspect or accused to evade prosecution. It is emphasized that when conducting this type of examination, it is necessary to determine the most specific and precise conditions of the shot, without pulling the trigger. At the same time, the effectiveness of a combination of several procedural steps has been demonstrated to ensure that the expert's conclusion is accurate and consistent with the interests of the criminal investigation.

Key words: *interaction between investigator and expert, assignment of forensic examination, performance of forensic examination, shot without pulling the trigger, forensic ballistic examination, asking questions to the expert*.

Взаимодействие следователя и эксперта при назначении и производстве судебной экспертизы регламентируется Уголовно – процессуальным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности», а также ведомственными нормативно-правовыми актами. Применительно к органам внутренних дел наиболее значимыми из таковых являются приказы Министра внутренних дел №511 от 29 июня 2005 года «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», № 7 от 11 января 2009 г. «Об утверждении наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД» России», № 495 ДСП от 29 апреля 2015г. «Об утверждении инструкции по организации совместной оперативно-служебной деятельности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел». Нужно заметить, что в этой статье для простоты изложения материала под словом «следователь» мы будем понимать любое лицо, назначающее судебную экспертизу.

Также вопросам взаимодействия следователя и эксперта посвящены многие научные публикации и учебные материалы [1 - 10]. Во всех этих источниках рассматриваются в основном общие вопросы такого взаимодействия. И это правильно. Потому что обобщенный опыт наиболее универсален в практическом применении. Однако, он не всегда позволяет познать всю глубину описываемой проблемы, и понять то, как правильность организации такого взаимодействия может повлиять на результат расследования. Для этого иногда нужно акцентировать внимание на отдельных наиболее показательных и поучительных примерах. Один из таких примеров, имевших место в практике раскрытия и расследования преступлений, описан далее.

Этот случай произошел в одном из сёл Саратовской области. Муж (назовем его Варфоломеем) заподозрил жену в измене со своим лучшим другом, и, так как придерживался традиционных семейных ценностей, мириться с этим не стал. Он решил навсегда избавиться от соперника, но таким способом, чтобы не сесть за это в тюрьму. Для этого Варфоломей придумал хитрый план. Он заранее стал жаловаться участковому уполномоченному полиции на то, что, когда жена уходит на ночное дежурство, и он остается один, кто-то по ночам стучит в его дверь. А когда он открывал дверь, то не обнаруживал снаружи никого. Варфоломей просил обеспечить ему круглосуточную охрану, так как опасался за свою жизнь. В это же время сам он обзавелся стареньким охотничьим ружьём. Варфоломей, дождавшись ночи, когда жена убыла на дежурство, пригласил друга к себе на выпивку, и застрелил на пороге дома. Затем он лично сообщил об этом происшествии, и перед прибывшими на место представителями органов правопорядка разыграл сцену глубочайшего горя, сокрушаясь от того, что убил лучшего друга. Варфоломей кричал, что нет ему прощения, и требовал для себя самого сурового наказания.

Однако, когда дело дошло до дачи показаний, он, не меняя стиля своего поведения, сообщил, что не собирался никого убивать. Что купил ружьё для самозащиты (ведь ему угрожали, а участковый – черствый, бездушный человек – не обеспечил ему защиты). Что, когда в очередной раз услышал стук в дверь, он сильно испугался и на всякий случай взял ружье. Что, когда он открыл дверь, и увидел в дверном проеме силуэт человека, это стало для него настолько неожиданным, что от испуга он выронил ружье, которое, упав на пол, выстрелило само. Что нет ему прощения за то, что убил своего лучшего друга, и что он заслуживает самого сурового наказания.

Естественно, у следствия возникла необходимость в проверке изложенной Варфоломеем версии. Следователь назначил судебно-баллистическую экспертизу, на разрешение которой поставил вопрос о возможности выстрела без нажатия на спусковой крючок из ружья подозреваемого. Но, то ли по неопытности, то ли из-за незнания тонкостей такого вида исследований, следователь при формулировании вопроса указал все возможные условия выстрела без нажатия на спусковой крючок, перечисленные в «Справочнике следователя».

На счастье, эксперт-криминалист, которому было поручено производство этой экспертизы, был более опытен, и был осведомлен об обстоятельствах расследуемого события. Он сразу понял, чем грозит строгое следование заданию следователя при производстве этой экспертизы, и сообщил ему об этом. Дело в том, что для любого оружия, тем более старого и изношенного, всегда можно подобрать условия, при которых оно может выстрелить без нажатия на спусковой крючок. Многие модели оружия даже в полностью исправном состоянии допускают такую возможность (например, пистолет-пулемет Шпагина и подобные ему конструкции, имеющие неподвижный боек на тяжелом затворе). В рассматриваемой нами ситуации вывод эксперта о возможности такого выстрела в одном из множества перечисленных следователем условий фактически подтвердил бы ложную версию преступника и помог бы ему уйти от ответственности. Даже более того – подарил бы ему убедительные аргументы в свою пользу.

Аналогично, если бы следователь задал вопрос о возможности выстрела из оружия без нажатия на спусковой крючок, вообще не указывая предполагаемых условий выстрела. В такой ситуации всегда можно подобрать какое-либо условие, при котором оружие выстрелит без нажатия на спусковой крючок. В крайнем случае – положив в костёр. И это также станет подсказкой подозреваемому или обвиняемому в том, какую версию произошедшего события следует отстаивать и какие показания нужно давать, чтобы уйти от ответственности. Мы же помним, что в соответствии с п.11, ч. 4, ст. 47 УПК РФ следователь обязан ознакомить обвиняемого с заключением эксперта. А в соответствии с п. 6, ч.1, ст.198 УПК РФ правом на такое ознакомление обладает не только обвиняемый, но также и подозреваемый.

В рассматриваемом нами примере следователь по совету эксперта повторно допросил подозреваемого с целью максимально конкретного уточнения условий выстрела. Подозреваемый, так как занял фальшивую позицию полного сотрудничества со следствием, вынужден был озвучить конкретные условия выстрела: патрон в патроннике, курок на боевом взводе, ружье упало плашмя на деревянный пол. Следователь назначил экспертизу уже по этим конкретным условиям. Эксперимент, проведенный в ходе экспертизы, показал, что при этих конкретных условиях выстрел без нажатия на спусковой крючок из исследуемого ружья невозможен.

Но подозреваемый был непрост, и очень не хотел в тюрьму. После ознакомления с результатами экспертизы он заявил, что из-за сильного волнения немного напутал (ведь друга убил, нет ему прощения и т.п.), что в тот злополучный день он, испугавшись силуэта в двери, сначала сделав шаг назад и нечаянно ударил ружье прикладом о стену. Оно выстрелило и только потом упало на пол. Следователь назначил дополнительную экспертизу с указанием новых условий. Но и в этих условиях ружье не стреляло без нажатия на спусковой крючок. После ознакомления с новым заключением, у подозреваемого иссякла фантазия, и он признался в совершении убийства.

В действительности ружье стреляло без нажатия на спусковой крючок при воздействии на курок, находившийся на предохранительном взводе. Как и у многих старых охотничьих ружей, за которыми плохо ухаживали, у этого экземпляра был изношен не боевой, а предохранительный взвод курка. Но, подозреваемый в убийстве этого не знал. И если бы эксперт, не проявив инициативу, выполнил первоначальное задание следователя, а следователь не организовал бы правильное взаимодействие с экспертом, - убийца ушел бы от ответственности. Фактически в этой ситуации следователь и эксперт провели комбинацию следственных действий, состоящую из определенной последовательности допросов и экспертиз, которая в итоге привела к разоблачению ложной версии убийцы.

Исходя из вышеприведенного примера следует, что при установлении возможности выстрела без нажатия на спусковой крючок всегда следует максимально конкретизировать условия такого выстрела. А то, какие именно условия имеют значение для решения вопроса, возможно установить только в ходе совместного планирования производства экспертизы, в котором должны принимать участие следователь и эксперт. Как правильно отметил Карагодин В.Н., «на этапах назначения экспертизы и подготовки экспертов к ее проведению в ряде ситуаций возникает необходимость в обсуждении методов и средств экспертного исследования. Инициаторами подобного обсуждения может быть как следователь, так и эксперт. …В ряде сложных проблемных ситуаций осуществляется совместное планирование назначенной следователем экспертизы» [4, с. 138].

Правовым основанием такого взаимодействия и совместного планирования между следователем и экспертом могут служить нормы самого уголовно-процессуального закона. В частности, ст. 58 УПК РФ, гласит, что специалист может привлекаться к участию в процессуальных действиях, в том числе и «для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию». Таким образом, лицо, кото-

рому в дальнейшем будет назначена экспертиза, можно привлекать в качестве специалиста для ее планирования. Тем более, что в соответствии с п.1, ч.2, ст. 70 УПК РФ предыдущее участие эксперта в производстве по уголовному делу в качестве эксперта или специалиста не является основанием для его отвода от участия в деле. Также основанием для такого рода сотрудничества между следователем и экспертом могут служить положения упомянутого в начале статьи Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД. А именно: п. 5.2 а также все подпункты п. 26 которые описывают основные формы взаимодействия экспертно-криминалистических подразделений МВД России с другими подразделениями органов правопорядка, в числе которых:

- производство экспертиз,
- участие в производстве процессуальных действий для содействия в обнаружении, закреплении, и изъятии предметов, применении технических средств, постановки вопросов эксперту, разъяснении вопросов требующих специальных познаний,
- разработка совместных мер по использованию экспертно-криминалистических средств и методов в раскрытии и расследовании преступлений,
- участие в выдвижении и проверке версий,
- выявлений причин и условий совершения преступлений,
- принятие мер к целенаправленному и эффективному использованию в раскрытии преступлений изъятых следов и вещественных доказательств на основании изучения материалов уголовных дел

Подытожим тем, что при назначении экспертизы любого вида не лишней будет консультация следователя с будущим экспертом по теме правильности постановки экспертной задачи, грамотности и точности формулировки вопросов, вида и достаточности объектов исследования и сравнительных образцов. А в сложных случаях, наподобие описанного в этой статье, совместное планирование исследования и выработка тактики совместных действий просто необходимы для установления истины и правильного разрешения уголовного дела.

Список литературы:

[1] Власов П. Е. Взаимодействие следователя и эксперта в досудебном производстве / П. Е. Власов, В. С. Власова. // Проблемы предварительного следствия и дознания : сб. науч. тр. - Москва : ВНИИ МВД России, 2023. - № 32. - С. 13-19.

[2] Демидова Т. В. Проблемные вопросы нормативно-правового регулирования взаимодействия следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений // Эксперт-криминалист. - 2016. - № 1. - С. 7-9.

[3] Зинин А. М. Взаимодействие специалиста и следователя (суда) при назначении экспертизы и оценке заключения эксперта // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях», посвященной памяти заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Юрия Кузьмича Орлова (г. Москва, 19-20 января 2017 г.). - Москва : Проспект, 2017. - С. 157-161.

[4] Карагодин В. Н. Ситуации взаимодействия эксперта и следователя // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя) : сб. науч. тр. Междунар. форума (25 марта 2022 г.). - Москва : МосУ МВД России, 2022.

[5] Лебедев А. Н. Взаимодействие следователя с экспертом и специалистом при расследовании преступлений / А. Н. Лебедев, А. Е. Смиюха. // Белгородские криминалистические чтения : сб. науч. тр. - Белгород : Изд-во БелЮИ МВД России, 2018. - Вып. 4. - С. 371-376.

[6] Мустафаева, С. Г. Механизм взаимодействия следователя с экспертами и специалистами / С. Г. Мустафаева, К. В. Селихова, М. А. Яворский // Актуальные проблемы правоведения: журнал. 2024. № 1 (81). С. 24–27.

[7] Сажаев, А. М. Взаимодействие следователя и эксперта при назначении судебных экспертиз // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы двадцатой междунар. науч.-практ. конф. - Барнаул : БЮИ МВД России, 2022. - Ч. 1. - С. 235-236.

[8] Сайпулаев, З. М. Особенности взаимодействия следователя, эксперта и специалиста / З. М. Сайпулаев // Государственная служба и кадры. — 2021. — № 2. — С. 184–185.

[9] Сергеев В.В. Взаимодействие следователя с судебными экспертами в расследовании преступлений : учеб. пособие / В. В. Сергеев ; Белгород. юрид. ин-т М-ва внутренних дел Рос. Федерации. - Белгород : БелЮИ МВД России, 2024.

[10] Шамонова Т. Н. Вопросы взаимодействия следователей и экспертов при расследовании // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы одиннадцатой междунар. науч.-практ. конф. - Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2013. - Ч. 1. - С. 132-135.

References:

[1] Vlasov P.E. Interaction of investigator and expert in pre-trial proceedings/P.E. Vlasov, V.S. Vlasov .//Problems of preliminary investigation and inquiry: Sat. scientific. tr. - Moscow: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. - № 32. - S. 13-19.

[2] Demidova T. V. Problematic issues of regulatory regulation of the interaction of the investigator with employees of forensic units//Forensic expert. - 2016. - № 1. - S. 7-9.

[3] Zinin A. M. Interaction of a specialist and an investigator (court) in the appointment of an examination and assessment of an expert opinion//Materials of the VI International Scientific and Practical Conference "Theory and Practice of Forensic Examination in Modern Conditions," dedicated to the memory of Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Yuri Kuzmich Orlov (Moscow, January 19-20, 2017). - Moscow: Prospect, 2017. - S. 157-161.

[4] Karagodin V.N. Situations of interaction between an expert and an investigator//Theory and practice of forensic examination: international experience, problems, prospects (to the 20th anniversary of the formation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot): Sat. scientific. tr. International. forum (March 25, 2022). - Moscow: Moscow Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022.

[5] Lebedev A.N. Interaction of the investigator with an expert and specialist in the investigation of crimes/A.N. Lebedev, A.E. Smiyukha .//Belgorod forensic readings: Sat. scientific. tr. - Belgorod: Publishing House of BelYuI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. - Issue 4. - S. 371-376.

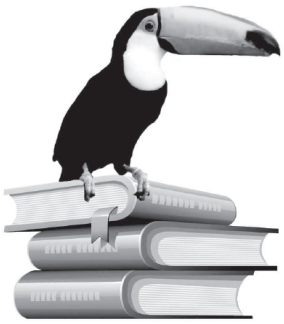
[6] Mustafaeva, S. G. Mechanism of interaction of the investigator with experts and specialists/S. G. Mustafaeva, K. V. Selikhova, M. A. Yavorsky//Actual problems of law: journal. 2024. № 1 (81). S. 24-27.

[7] Sazhaev, A. M. Interaction of the investigator and the expert when appointing forensic examinations//Actual problems of combating crimes and other offenses: materials of the twentieth international. scientific-practical. conf. - Barnaul: BYUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. - PART 1. - S. 235-236.

[8] Saipulaev, Z. M. Features of interaction between investigator, expert and specialist/Z. M. Saipulaev//State service and personnel. — 2021. — № 2. - S. 184-185.

[9] Sergeev V.V. Interaction of the investigator with forensic experts in the investigation of crimes: tutory. manual/V.V. Sergeev; Belgorod. jurid. Institute of Internal Affairs Ros. Federations. - Belgorod: BelYuI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024.

[10] Shamonova T. N. Issues of interaction between investigators and experts in the investigation//Actual problems of combating crimes and other offenses: materials of the eleventh international. scientific-practical. conf. - Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. - PART 1. - S. 132-135.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-282-287

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ научно-
исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРИ ИХ ПЕРЕВОДЕ В ИЗОЛЯТОРЫ ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. *Целью исследования явились правовые основы соблюдения прав подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы при их переводе в изоляторы временного содержания органов внутренних дел. Для ее достижения применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации, материалы деятельности следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы и изоляторы временного содержания органов внутренних дел при соблюдении прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых. Соблюдение прав лиц, содержащихся в местах принудительного содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, является приоритетным для теории и практики национального уголовного права, уголовно-исполнительного права при реализации уголовно-исполнительных правоотношений, отечественного уголовно-процессуального права в ходе уголовного судопроизводства, современной правоохранительной и правозащитной деятельности, а также прокурорского надзора. Основными местами принудительного содержания подозреваемых и обвиняемых являются следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы и изоляторы временного содержания органов внутренних дел. Правовые основания перевода подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в СИЗО УИС в ИВС ОВД сформулированы в статье 13 федерального закона 1995 г. № 103-ФЗ. К ним относятся производство необходимых следственных действий и судебный процесс. Законодательные и ведомственные правовые акты Минюста, ФСИН и МВД России в анализируемой сфере обладают специфическим правопреемством, заключающемся в том, что правовое положение подозреваемых и обвиняемых, распространенных на них законом в СИЗО УИС не должен существенно ущемляться в ИВС ОВД. В первую очередь это касается закрепленных в Правилах режима и условий содержания. Вместе с тем, реализация правового положения подозреваемых и обвиняемых, переведенных из СИЗО УИС в ИВС ОВД не может быть полностью идентичной. Она обусловлена, в том числе, состоянием учреждения, режимом и условиями содержания, объективными возможностями администрации и персонала. Важным механизмом эффективного обеспечения прав подозреваемых и обвиняемых, переводимых из СИЗО УИС в ИВС ОВД, выступает надзор органов прокуратуры за состоянием законности в этих учреждениях, а также ведомственный и общественный контроль.*

Ключевые слова: *права подозреваемых и обвиняемых, следственные изоляторы, уголовно-исполнительная система, изоляторы временного содержания, органы внутренних дел, ведомственный контроль, прокурорский надзор.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

THE LEGAL BASIS FOR THE OBSERVANCE OF THE RIGHTS OF SUSPECTS AND ACCUSED PERSONS DETAINED IN PRE-TRIAL DETENTION FACILITIES OF THE PENITENTIARY SYSTEM WHEN THEY ARE TRANSFERRED TO TEMPORARY DETENTION FACILITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Annotation. *The purpose of the study was the legal basis for the observance of the rights of suspects and accused persons held in pre-trial detention facilities of the penitentiary system when they are transferred to temporary detention facilities of the internal affairs bodies. To achieve this goal, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were applied. The legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific publications, materials on the activities of pre-trial detention facilities of the penitentiary system and temporary detention facilities of internal affairs bodies were analyzed while respecting the rights and legitimate interests of suspects and accused. The observance of the rights of persons detained in places of forced detention of suspects and accused of committing crimes is a priority for the theory and practice of national criminal law, penal enforcement law in the implementation of penal enforcement relations, domestic criminal procedure law in criminal proceedings, modern law enforcement and human rights activities, as well as prosecutorial supervision. The main places of forced detention of suspects and accused persons are pre-trial detention facilities of the penitentiary system and temporary detention facilities of internal affairs bodies. The legal grounds for transferring suspects and accused persons held in a pre-trial detention center to an internal affairs detention center are formulated in article 13 of Federal Law No. 103-FZ of 1995. These include the production of necessary investigative actions and the judicial process. Legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice, the Federal Penitentiary Service and the Ministry of Internal Affairs of Russia in the analyzed area have a specific legal succession, which consists in the fact that the legal status of suspects and accused persons extended to them by law in the pre-trial detention center should not be significantly infringed in the IVS of the Department of Internal Affairs. First of all, this concerns the regime and conditions of detention stipulated in the Rules. At the same time, the implementation of the legal status of suspects and accused transferred from the pre-trial detention center to the IVS of the Department of Internal Affairs cannot be completely identical. It is determined, among other things, by the state of the institution, the regime and conditions of detention, and the objective capabilities of the administration and staff. An important mechanism for effectively ensuring the rights of suspects and accused persons transferred from the pre-trial detention center to the IVS of the Department of Internal Affairs is the supervision of the prosecutor's office over the state of legality in these institutions, as well as departmental and public control.*

Key words: *rights of suspects and accused, pre-trial detention facilities, penal enforcement system, temporary detention facilities, internal affairs bodies, departmental control, prosecutor's supervision.*

Введение. Соблюдение прав лиц, содержащихся в местах принудительного содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, является приоритетным для теории и практики национального уголовного права [1]. Уголовно-исполнительного права при реализации уголовно-исполнительных правоотношений [2]. Отечественного уголовно-процессуального права в ходе уголовного судопроизводства [3]. Современной правоохранительной и правозащитной деятельности, а также прокурорского надзора [4, с. 6-8].

Основными местами принудительного содержания подозреваемых и обвиняемых являются следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы (далее СИЗО УИС) и изоляторы временного содержания органов внутренних дел (далее ИВС ОВД), в которых содержаться значительное число указанных лиц. В рассматриваемом контексте отметим определенную схожесть регулирования их правового положения в законодательных актах, основным из которых выступает Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ [5]. Правила внутреннего распорядка СИЗО УИС, утвержденные Приказом Минюста России 2022 г. № 110, детализировавшие положения этого закона [6]. Наконец, другой ведомственный правовой акт – Приказ МВД России от 22.11.2005 № 950 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел» [7].

Изучение деятельности СИЗО УИС и ИВС ОВД в контексте соблюдения прав подозревае-

мых и обвиняемых показал, что в настоящее время в научном осмыслении, теоретико-правовом анализе и практической интерпретации нуждаются вопросы обеспечения правового обеспечения прав указанных лиц при их переводе из СИЗО УИС в ИВС ОВД. Поскольку такие переводы вызваны необходимостью проведения с ними уголовно-процессуальных мероприятий, следственных действий. Установления и документирования доказательной базы по уголовному делу с участием сторон уголовного судопроизводства [8, с. 91-99]. Для решения указанных задач было проведено комплексное теоретико-эмпирическое исследование, результаты которого рассмотрены в настоящей научной статье.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых основ соблюдения прав подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в СИЗО УИС при их переводе в ИВС ОВД. Для ее достижения применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации, материалы деятельности следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы и изоляторы временного содержания органов внутренних дел при соблюдении прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых.

Основные результаты. Правовые основания перевода подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в СИЗО УИС в ИВС ОВД сформулированы в статье 13 федерального закона 1995 г. № 103-ФЗ. К ним законодатель отнес следующие:

– необходимость, вызванную выполнением следственных действий с участием сторон уголовного процесса [9, с. 176-182];
– судебное рассмотрение дела за пределами, где находятся СИЗО УИС, из которых не представляется возможным ежедневно доставлять подсудимых.

Таким образом, закон в качестве правовых оснований перевода подозреваемых (обвиняемых) из СИЗО УИС в ИВС ОВД выделил производство следственных действий и судебного процесса. При этом законодатель установил временные границы такого перевода - не более десять суток в течение месяца [10].

Основанием для рассматриваемого перевода является постановление следователя или лица, производящего дознание, либо решение суда, которые являются специальными уголовно-процессуальными документами, гарантирующими подозреваемым и обвиняемым соблюдение их прав при изменении места принудительного содержания [11, с. 229-235].

Можно утверждать, что законодательные и ведомственные правовые акты Минюста, ФСИН и МВД России в анализируемой сфере обладают специфическим правопреемством, заключающемся в том, что правовое положение (статус) подозреваемых и обвиняемых, распространенных на них законом в СИЗО УИС не должен существенно ущемляться в ИВС ОВД. В первую очередь это касается закрепленных в Правилах режима и условий содержания, включая:

– круглосуточный прием дежурным ИВС ОВД;
– обязательный медицинский осмотр при приеме в изолятор;
– обеспечение подозреваемых и обвиняемых трехразовым горячим питанием;
– реализации права на ежедневные прогулки;
– получения подозреваемыми и обвиняемыми передач, включая продукты, одежду и средства индивидуальной гигиены;
– раздельного (как в СИЗО УИС, согласно статьи 33 ФЗ 1995 г. № 103) раздельного содержания по гендерному и возрастному признакам, курящих от некурящих.

Важным механизмом эффективного обеспечения прав подозреваемых и обвиняемых, переводимых из СИЗО УИС в ИВС ОВД, выступает надзор органов прокуратуры за состоянием законности в этих учреждениях, а также ведомственный и общественный контроль [12].

Следует отметить, что, несомненно, реализация правового положения подозреваемых и обвиняемых, переведенных из СИЗО УИС в ИВС ОВД не может быть полностью идентичной. Она обусловлена, в том числе, состоянием учреждения, объективными возможностями администрации и персонала обеспечить права указанных лиц, регламентированных статьей 17 ФЗ 1995 г. № 103 [13, с. 136-139]. Например, наличием внутренних прогулочных двориков, возможностью использовать современные цифровые технологии для приобретения продуктов питания и предметов первой необходимости, активно реализуемые в настоящее время в СИЗО УИС. Кроме того, необходимо учитывать, что доминирующей задачей ИВС ОВД является содержание лиц, задержанных в порядке статьи 91 УПК РФ (до 48-72 часов), подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу до их перевода в СИЗО УИС [14, с. 78-82].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

– VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и

общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;

– V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий)., состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;
– Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации», состоявшейся в Вологодском институте права и экономики ФСИН России 09-11.12.2022. Доклад на тему «Организационно-правовые особенности и методика проведения прокурорских проверок в СИЗО ФСИН России»;
– 10 Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия» в Пермском институте ФСИН России 15.04.2023. Доклад на тему: «Современная оперативно-розыскная политика в УИС и ее влияние на комплексное обеспечение безопасности пенитенциарных учреждений»;
– XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
– Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
– 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;
– XI Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 05.04. 2024 г., на секции «Правовое регулирование деятельности подразделений УИС по обеспечению режима, охраны и конвоирования». Доклад на тему: «Особенности деятельности оперативных подразделений по обеспечению режима исправительных учреждений»;
– Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-исполнительная система: история и современность», состоявшейся 16-17.10. 2024 г. в Псковском филиале Санкт-Петербургского университета ФСИН России. Доклад на тему «Современные подходы обеспечения безопасности следственных изоляторов».

Заключение. Соблюдение прав лиц, содержащихся в местах принудительного содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, является приоритетным для теории и практики национального уголовного права, уголовно-исполнительного права при реализации уголовно-исполнительных правоотношений, отечественного уголовно-процессуального права в ходе уголовного судопроизводства, современной правоохранительной и правозащитной деятельности, а также прокурорского надзора.

Основными местами принудительного содержания подозреваемых и обвиняемых являются следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы и изоляторы временного содержания органов внутренних дел.

Правовые основания перевода подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в СИЗО УИС в ИВС ОВД сформулированы в статье 13 федерального закона 1995 г. № 103-ФЗ. К ним относятся производство необходимых следственных действий и судебный процесс. При этом закон установил временные границы такого перевода - не более десять суток в течение месяца. Основанием для перевода является постановление следователя или лица, производящего дознание, либо решение суда, которые являются специаль-

ными уголовно-процессуальными документами, гарантирующими подозреваемым и обвиняемым соблюдение их прав при изменении места принудительного содержания.

Законодательные и ведомственные правовые акты Минюста, ФСИН и МВД России в анализируемой сфере обладают специфическим правопреемством, заключающемся в том, что правовое положение подозреваемых и обвиняемых, распространенных на них законом в СИЗО УИС не должен существенно ущемляться в ИВС ОВД. В первую очередь это касается закрепленных в Правилах режима и условий содержания. Вместе с тем, реализация правового положения подозреваемых и обвиняемых, переведенных из СИЗО УИС в ИВС ОВД не может быть полностью идентичной. Она обусловлена, в том числе, состоянием учреждения, режимом и условиями содержания, объективными возможностями администрации и персонала.

Важным механизмом эффективного обеспечения прав подозреваемых и обвиняемых, переводимых из СИЗО УИС в ИВС ОВД, выступает надзор органов прокуратуры за состоянием законности в этих учреждениях, а также ведомственный и общественный контроль.

Список литературы:

[1] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник // Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 374 с.

[2] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[3] Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. Дашков и К. 2005. 21 с.

[4] Ковалев О.Г., Карпов А.А., Зайцева С.И. Современные проблемы реализации и совершенствования прокурорского надзора за законностью исполнения уголовных наказаний, соблюдения прав и законных интересов лиц, заключенных под стражу // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 3. С. 6-8.

[5] Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Consultant.ru (дата обращения 18.02.2026).

[6] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 18.02.2026).

[7] Приказ МВД России от 22.11.2005 № 950 (ред. от 03.06.2024 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.12.2005 № 7246) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.09.2024) // Consultant.ru (дата обращения 18.02.2026).

[8] Ковалев О.Г., Константинова А.Д. Актуальные проблемы участия прокурора в уголовном судопроизводстве со стороны обвинения // В сборнике: Актуальные проблемы правоведения. Международная научная конференция, посвященная Дню принятия Конституции Российской Федерации. Псков, 2020. С. 91-99.

[9] Ковалев О.Г., Федорова Н. Э. Участие прокурора в доказывании по уголовным делам // В сборнике: Актуальные вопросы обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы. Материалы круглого стола с международным участием. Псков, 2020. С. 176-182.

[10] Белянинова Ю.В., Кузьмин В.А. Комментарий к Федеральному закону от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (под ред. Н.С. Мановой)- Специально для системы ГАРАНТ, 2015 г.

[11] Ковалев О.Г. Роль правил внутреннего распорядка следственных изоляторов в правоохранительной и правозащитной деятельности, реализуемой в местах содержания под стражей // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 229-235.

[12] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

[13] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Правовые и психологические вопросы соблюдения законности при содержании лиц, заключенных под стражу // Журнал прикладных исследований. 2024. № 7. С. 136-139.

[14] Ковалев О.Г. Актуальные проблемы организационно-правового обеспечения задержания подозреваемого // В сборнике: Актуальные проблемы правоведения. Международная научная конференция, посвященная Дню принятия Конституции Российской Федерации. Псков, 2020. С. 78-82.

References:

[1] Russian criminal law. Special part: Textbook // Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007. 374 p.

[2] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[3] Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article). M. Dashkov and K. 2005. 21 p.

[4] Kovalev O.G., Karpov A.A., Zaitseva S.I. Modern problems of the implementation and improvement of prosecutorial supervision over the legality of the execution of criminal penalties, respect for the rights and legitimate interests of persons in custody // Penal enforcement system: law, economics, management. 2023. No. 3. pp. 6-8.

[5] Federal Law No. 103-FZ dated July 15, 1995 "On the detention of suspects and accused of committing crimes" // Consultant.ru (accessed 02/18/2026).

[6] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 "On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction system" // Garant.ru (accessed 02/18/2026).

[7] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 11/22/2005 No. 950 (as amended on 06/03/2024 "On Approval of the Internal Regulations of Temporary Detention Facilities for Suspects and Accused Persons of Internal Affairs bodies" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 12/09/2005 No. 7246) (as amended and supplemented, intro. effective from 09/20/2024) // Consultant.ru (accessed 02/18/2026).

[8] Kovalev O.G., Konstantinova A.D. Actual problems of prosecutor's participation in criminal proceedings on the part of the prosecution // In the collection: Actual problems of jurisprudence. International scientific conference dedicated to the Day of Adoption of the Constitution of the Russian Federation. Pskov, 2020. pp. 91-99.

[9] Kovalev O.G., Fedorova N. E. Participation of the prosecutor in proving criminal cases // In the collection: Current issues of ensuring the security of the penal system. Materials of the round table with international participation. Pskov, 2020. pp. 176-182.

[10] Belyaninova Yu.V., Kuzmin V.A. Commentary to Federal Law No. 103-FZ of July 15, 1995 "On the detention of suspects and accused of committing crimes" (edited by N.S. Manova)- Specially designed for the GARANT system, 2015.

[11] Kovalev O.G. The role of the internal regulations of pre-trial detention facilities in law enforcement and human rights activities carried out in places of detention // International Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 229-235.

[12] The prosecutor's desk book in 2 parts. Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanova N.V., Booth N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical guide / Ser. 9 Professional practice, (5th ed., trans. and add.) Moscow, 2018. 481 p.

[13] Kovalev O.G., Semenova N.V. Legal and psychological issues of legality in the detention of persons in custody // Journal of Applied Research. 2024. No. 7. pp. 136-139.

[14] Kovalev O.G. Actual problems of organizational and legal support for the detention of a suspect // In the collection: Actual problems of jurisprudence. International scientific conference dedicated to the Day of Adoption of the Constitution of the Russian Federation. Pskov, 2020. pp. 78-82.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-288-293

ГАУЖАЕВА Виктория Александровна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры информационных технологий и
специальной техники органов внутренних дел
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: kristyv_13@mail.ru

МОРОЗОВ Владимир Анатольевич,
кандидат педагогических наук, доцент,
начальник кафедры тактико-специальной подготовки
Барнаульского юридического института МВД России,
e-mail: vmoroz-70@yandex.ru

ПОЛИГРАФ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМА ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Аннотация. *Автор обосновывает необходимость процессуального закрепления института психофизиологической экспертизы, определяет критерии допустимости полученных результатов в качестве доказательств. Предлагается концептуальная модель нормативного регулирования применения полиграфа на различных стадиях уголовного процесса с учетом принципов состязательности, презумпции невиновности и права не свидетельствовать против себя. Обосновывается вывод о том, что при соблюдении принципа добровольности и процессуальных гарантий результаты психофизиологических исследований могут использоваться в доказывании как самостоятельный вид доказательств.*

Ключевые слова: *полиграф, психофизиологическая экспертиза, доказательства, уголовный процесс, допустимость доказательств, процессуальная регламентация, криминалистика, детекция лжи.*

GAUZHAEVA Victoria Aleksandrovna,
candidate of Law associate professor
of the Department of Information Technology and
Special Equipment of the Internal Affairs Agencies
of the North-Caucasian Advanced Training Institute
(branch) of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

MOROZOV Vladimir Anatolyevich,
candidate of pedagogical sciences, associate professor,
Head of the Department of Tactical and Special Training,
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

THE POLYGRAPH IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS: THE PROBLEM OF EVIDENTIARY VALUE AND PROCEDURAL REGULATION

Annotation. *The article examines current problems of using the polygraph in Russian criminal proceedings. The legal nature of the results of psychophysiological research using a polygraph and their evidentiary value in the context of criminal procedural legislation requirements are analyzed. The author substantiates the need for procedural consolidation of the institution of psychophysiological examination and defines criteria for the admissibility of obtained results as evidence. A conceptual model of normative regulation of polygraph application at various stages of criminal proceedings is proposed, taking into account the*

principles of adversarial process, presumption of innocence and the right not to testify against oneself. The conclusion is substantiated that, subject to the principle of voluntariness and procedural guarantees, the results of psychophysiological research can be used in evidence as an independent type of evidence.

Key words: *polygraph, psychophysiological examination, evidence, criminal proceedings, admissibility of evidence, procedural regulation, criminalistics, lie detection.*

Актуальность использования полиграфа в доказывании по уголовным делам обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, объективная потребность в эффективных научно-технических средствах установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовных дел, постоянно возрастает в условиях усложнения способов совершения преступлений и появления новых форм преступной деятельности. Во-вторых, развитие психофизиологии и технических средств регистрации физиологических параметров человека создало научную и техническую базу для более точной и достоверной детекции скрываемой информации. В-третьих, в правоприменительной практике сложилась парадоксальная ситуация, когда психофизиологические исследования с применением полиграфа активно используются органами предварительного следствия и дознания, однако их результаты крайне редко признаются судами в качестве доказательств, если не проводятся в форме психофизиологической экспертизы, ввиду отсутствия надлежащей процессуальной регламентации.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ проблемы доказательственного значения результатов применения полиграфа в российском уголовном процессе и обоснование предложений по совершенствованию процессуальной регламентации данного института.

Психофизиологическое исследование с применением полиграфа представляет собой специфический метод получения информации, основанный на регистрации и последующем анализе динамики физиологических параметров организма человека в ответ на предъявляемые стимулы. Научной основой метода является установленная в психофизиологии закономерность: наличие у человека информации, связанной с расследуемым событием, при упоминании об этом событии или его элементах вызывает комплекс психофизиологических реакций, которые могут быть зарегистрированы с помощью специальной аппаратуры. Современные устройства такого типа позволяют одновременно регистрировать множество физиологических показателей: частоту сердечных сокращений, артериальное давление, частоту и глубину дыхания, электрокожное сопротивление, тремор, фотоплетизмограмму и другие параметры [1, с. 67-89]. Компьютерная обработка полученных данных с использованием специализированных алгоритмов позволяет выявить закономерности в реагировании испытуемого на различные категории стимулов и сформулировать вывод о наличии или отсутствии у него скрываемой информации.

Важно подчеркнуть, что полиграф не является «детектором лжи» в буквальном смысле этого слова. Прибор не определяет ложь как таковую, поскольку не существует специфических физиологических коррелятов лжи, отличающих ее от правдивых высказываний. Полиграф фиксирует психофизиологические реакции организма, которые могут свидетельствовать о наличии у исследуемого лица информации о событии преступления, его обстоятельствах, участниках и последствиях. Интерпретация зарегистрированных реакций осуществляется специалистом-полиграфологом на основе сопоставления реакций на различные категории вопросов с использованием специальных методик опроса. Наиболее распространенными являются методика контрольных вопросов, методика проверочных и нейтральных вопросов, методика выявления скрываемой информации и их различные модификации [2, с. 156-178]. Каждая методика имеет свою специфику, область применения, показания и противопоказания, что должно учитываться при оценке результатов исследования.

Обращаясь к анализу современного состояния правового регулирования применения полиграфа в российском уголовном процессе, необходимо констатировать, что действующее законодательство не содержит специальных норм, регламентирующих данный вид исследований. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее - УПК РФ) [3] не упоминает психофизиологические исследования ни в перечне следственных действий, ни в нормах, регулирующих производство судебных экспертиз. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [4] не содержит указаний на психофизиологическую экспертизу, как самостоятельный род или вид экспертных исследований, в отличие от приказа МВД России №511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» [5], который а Приложении №2 к приказу «Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразде-

лениях органов внутренних дел Российской Федерации» в пункте 19 указывает на психофизиологическую экспертизу, как один из родов экспертиз, а в подпункте 19.1. на Психофизиологическое исследование в отношении лица с применением полиграфа, как один из ее видов. Проведение этого вида исследований в иных формах создает правовую неопределенность и порождает различные подходы в правоприменительной практике.

Центральной проблемой использования полиграфа в уголовном процессе является определение доказательственного значения результатов психофизиологических исследований [6, с.405-407], проводимых не в форме экспертизы. Согласно части первой статьи 74 УПК РФ, доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [3]. Из данного определения следует, что любая информация может быть признана доказательством при соблюдении двух условий: она должна быть относимой к делу и получена в порядке, установленном законом. Рассмотрим, отвечают ли результаты психофизиологических исследований этим требованиям.

Относимость доказательств означает их связь с предметом доказывания, способность устанавливать обстоятельства, перечисленные в статье 73 УПК РФ [3]. Результаты психофизиологических исследований, несомненно, могут иметь значение для установления таких обстоятельств, как событие преступления, виновность лица в совершении преступления, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Информация о том, обладает ли определенное лицо сведениями о деталях преступления, не известных посторонним, может быть использована для проверки алиби, установления причастности к преступлению, проверки достоверности показаний. Следовательно, требование относимости результаты психофизиологических исследований, как правило, удовлетворяют.

Значительно более сложным является вопрос о допустимости результатов применения полиграфа в качестве доказательств. Согласно статье 75 УПК РФ, доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 УПК РФ. Буквальное толкование данной нормы может приводить к выводу, что в отсутствие специальных норм, регламентирующих применение полиграфа, любые результаты психофизиологических исследований должны признаваться недопустимыми, если не проведены в форме экспертизы. Именно такой позиции придерживается значительная часть судей, отказывающихся принимать во внимание данные полиграфа при вынесении приговоров.

Однако представляется, что столь категоричный подход не учитывает сущности требования допустимости и ведет к неоправданному ограничению возможностей использования научно-технических средств в доказывании. Требование о получении доказательств в порядке, определенном УПК РФ, следует понимать не как необходимость наличия специальной нормы, регламентирующей каждый конкретный метод получения информации, а как соблюдение общих принципов и правил доказывания. Уголовно-процессуальное законодательство не может и не должно детально регламентировать все многообразие методов и средств собирания доказательств, особенно в условиях стремительного развития науки и техники. Задача законодателя состоит в установлении общих процессуальных форм получения доказательств (следственные действия, экспертизы) и процессуальных гарантий, обеспечивающих достоверность информации и защиту прав участников процесса [7, с. 156-167].

С этой точки зрения результаты психофизиологических исследований могут признаваться допустимыми доказательствами при условии соблюдения ряда принципиальных требований. Первым и наиболее важным является требование добровольности участия лица в психофизиологическом исследовании. Это требование вытекает из конституционного права не свидетельствовать против себя и своих близких, закрепленного в статье 51 Конституции РФ [8]. Принудительное применение полиграфа, даже в рамках проведения судебной экспертизы, недопустимо, поскольку представляет собой форму принуждения к даче показаний. Добровольность должна быть не формальной, а реальной, что предполагает получение информированного согласия исследуемого лица. Лицу должна быть разъяснена сущность метода, порядок проведения исследования, его права, включая право отказаться от участия в исследовании на любом этапе. Согласие должно быть оформлено в письменном виде и приобщено к материалам дела. Принципиально важно, что отказ от участия в психофизиологическом исследовании не должен рассматриваться как обстоятельство, свидетельствующее против лица, и не может влечь каких-либо неблагоприятных процессуальных последствий [2, с. 203-215].

Вторым существенным требованием является соблюдение прав и законных интересов участников процесса при производстве психофизиологического исследования. Часть четвертая статьи 164 УПК РФ устанавливает, что при производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а также создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц [3]. Эти требования в полной мере должны распространяться и на производство психофизиологических исследований. Применение полиграфа не должно причинять вред физическому и психическому здоровью исследуемого лица, унижать его честь и достоинство. Должны учитываться медицинские противопоказания к проведению исследования, связанные с состоянием здоровья лица. Условия проведения исследования должны обеспечивать комфортное психологическое состояние испытуемого, исключать факторы, которые могут исказить результаты или причинить излишние страдания.

Третье требование касается научной обоснованности применяемых методик и квалификации лица, проводящего исследование. Это требование вытекает из общих положений о судебной экспертизе и специальных познаниях в уголовном процессе. Применяемые методики психофизиологического исследования должны соответствовать современному уровню развития науки, быть апробированными и верифицированными. Недопустимо использование экспериментальных или псевдонаучных методик, достоверность которых не подтверждена научными исследованиями. Лицо, проводящее исследование, должно обладать необходимыми специальными познаниями, что предполагает наличие соответствующего образования, квалификации и опыта работы. Представляется необходимым введение обязательной сертификации специалистов и экспертов-полиграфологов, установление единых квалификационных требований, создание системы подготовки и повышения квалификации [9, с. 267-281].

Четвертое требование связано с надлежащим документированием процесса и результатов психофизиологического исследования. Заключение эксперта или специалиста должно содержать подробное описание примененных методик, условий проведения исследования, зарегистрированных физиологических показателей, анализа полученных данных и обоснования выводов. Обязательным является применение технических средств фиксации хода исследования - видео- и аудиозаписи, что позволяет впоследствии проверить правильность процедуры и обоснованность выводов. Первичные материалы исследования - полиграммы с зарегистрированными физиологическими параметрами - должны прилагаться к заключению и храниться в материалах дела, что обеспечивает возможность их анализа другими специалистами при назначении повторной экспертизы или проверки выводов [1, с. 178-189].

Особого внимания заслуживает проблема достоверности результатов психофизиологических исследований. Критики применения полиграфа в уголовном процессе нередко ссылаются на то, что метод не обладает стопроцентной точностью и возможны как ложноположительные результаты (когда правдивые ответы интерпретируются как ложные), так и ложноотрицательные (когда ложь не выявляется). Согласно различным исследованиям, точность метода оценивается в диапазоне от семидесяти пяти до девяноста пяти процентов в зависимости от применяемых методик, квалификации специалиста, особенностей исследуемого лица и других факторов [2, с. 89-102]. Возможность ошибок, по мнению скептиков, делает недопустимым использование полиграфа в доказывании, поскольку это может привести к осуждению невиновных или оправданию виновных.

Представляется, что данный аргумент не может служить безусловным основанием для отказа от использования метода психофизиологических исследований в уголовном процессе. Необходимо учитывать, что абсолютной достоверностью не обладает ни один вид доказательств, известных современному уголовному процессу. Показания свидетелей и потерпевших могут быть неточными вследствие ошибок восприятия, запоминания или воспроизведения информации, а также сознательной лжи. Заключения экспертов зависят от выбора методики исследования, технических возможностей экспертного учреждения, квалификации и добросовестности эксперта. Вещественные доказательства могут быть сфальсифицированы, утеряны или повреждены. Протоколы следственных действий отражают восприятие следователя и могут не включать всех существенных обстоятельств. Сама категория достоверности доказательств в теории доказательств понимается не как объективная характеристика, присущая доказательству изначально, а как результат их критической оценки в совокупности с другими доказательствами по делу [7, с. 234-245].

Из сказанного следует, что результаты психофизиологических исследований должны рассматриваться как один из видов доказательственной информации, которая подлежит проверке и оценке наряду с другими доказательствами. Заключение эксперта-полиграфолога не имеет заранее установленной силы и не обладает

преимуществом перед другими доказательствами. Суд, прокурор, следователь, дознаватель оценивают данные полиграфа по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (статья 17 УПК РФ) [3]. Принципиально важно, что результаты психофизиологического исследования не могут служить единственным или главным доказательством виновности лица в совершении преступления. Они должны рассматриваться в качестве дополнительного источника информации, который в сочетании с другими доказательствами способствует установлению истины по делу.

Следует также учитывать, что психофизиологические исследования могут использоваться не только в доказывании, но и в розыскной и оперативной деятельности, для определения направлений расследования, проверки следственных версий, установления круга лиц, подлежащих допросу. В этих случаях результаты исследований носят ориентирующий характер и не требуют процессуального оформления. Такое непроцессуальное использование полиграфа является легитимным и не вызывает принципиальных возражений, поскольку не затрагивает процессуальных прав участников уголовного судопроизводства и не влечет юридических последствий для них [1, с. 145-156].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Психофизиологическое исследование с применением полиграфа представляет собой научно обоснованный метод выявления скрываемой информации, который при соблюдении надлежащей процедуры может использоваться в уголовном судопроизводстве для установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела. Отсутствие специального правового регулирования применения полиграфа создает правовую неопределенность, порождает различные подходы в практике и препятствует эффективному использованию возможностей метода.

Правовое регулирование должно основываться на балансе интересов эффективного правосудия и защиты прав личности, включать четкое определение предмета и пределов психофизиологической экспертизы, закрепление принципа добровольности, установление требований к квалификации экспертов и методическому обеспечению исследований, регламентацию процедуры проведения экспертизы и использования ее результатов в доказывании.

Предложенная модель правового регулирования института психофизиологической экспертизы создает основу для дальнейшего совершенствования законодательства и практики его применения. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой детальных процессуальных механизмов проведения психофизиологической экспертизы, стандартизацией методического обеспечения, определением критериев оценки заключений экспертов-полиграфологов, а также изучением возможностей применения новейших методов психофизиологической детекции в уголовном судопроизводстве.

Список литературы:

[1] Холодный Ю.И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений (генезис и правовые аспекты). М.: Мир безопасности, 2000. - 160 с.

[2] Варламов В.А. Детектор лжи. Краснодар: Советская Кубань, 1998. - 240 с.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[4] Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

[5] Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 12.11.2024) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. № 191. 30.08.2005.

[6] Канокова Л.Ю. Проблемы проведения и назначения судебных экспертиз // Право и государство: теория и практика. 2024. № 3 (231). С. 405-407.

[7] Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юристъ, 1997. - 464 с.

[8] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 04.07.2020. (дата обращения: 09.02.2025)

[9] Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография / Е.Р. Российская. - 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. - 576 с.

References:

[1] Cold Yu.I. The use of polygraph in the prevention, disclosure and investigation of crimes (genesis and legal aspects). M.: World Security, 2000. - 160 s.

[2] Varlamov V.A. Lie detector. Krasnodar: Soviet Kuban, 1998. - 240 s.

[3] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 29.12.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

[4] Federal Law of 31.05.2001 No. 73-FZ "On State Judicial Expert Activity in the Russian Federation" (as amended on 22.07.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 23. Art. 2291.

[5] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 29.06.2005 No. 511 (ed. 12.11.2024) "Issues of organizing the production of forensic examinations in the forensic units of the internal affairs bodies of the Russian Federation "//Rossiyskaya Gazeta. № 191. 30.08.2005.

[6] Kanokova L.Yu. Problems of conducting and appointing forensic examinations//Law and state: theory and practice. 2024. № 3 (231). S. 405-407.

[7] Belkin R.S. Forensics course. In 3 vols. T. 2: Private forensic theories. M.: Lawyer, 1997. - 464 s.

[8] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) //Official Internet portal of legal information http://pravo.gov.ru, 04.07.2020. (date of appeal: 09.02.2025)

[9] Rossinskaya, E. R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings: monograph/E. R. Rossiyskaya. - 4th ed., Revised and add. M.: Norm: INFRA-M, 2025. - 576 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-294-299

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский
институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ПРАВОВЫЕ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Аннотация. *Целью исследования стали правовые и психолого-педагогические особенности организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. При ее реализации использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых изучались подходы и направления воспитательного воздействия на осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях с применением закрепленных в уголовно-исполнительном законе форм и методов воспитательной работы. Сформулированных в отечественной пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогике профессиональных приемов их организации, направленных на исправление осужденных, их ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию, предупреждение противоправного поведения, нарушений установленного порядка и условий отбывания лишения свободы. Воспитательная работа в современных условиях реализации национальной уголовно-исполнительной политики, функционирования и развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации выступает важнейшим средством исправления осужденных. Она активно реализуется в соответствии с уголовно-исполнительным законом, ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России в отношении осужденных к лишению свободы, отбывающими этот вид уголовного наказания в исправительных учреждениях. Воспитательная работа является не только основным средством исправления осужденных к лишению свободы, но и способом достижения целей и задач их ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, предупреждения противоправного поведения осужденных, нарушений ими установленного порядка и условий отбывания наказания, профилактики пенитенциарной преступности. Современная воспитательная работа, осуществляемая в ИУ УИС, базируется не только на правовых и организационных механизмах, закреплённых в уголовно-исполнительном законе, ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России, отечественном пенитенциарном опыте на данном направлении, но и познаниях в сфере пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики. Сотрудники различных служб и подразделений ИУ активно реализуют в своей деятельности профессиональные компетенции по оказанию на осужденных необходимого психолого-педагогического и воспитательно-профилактического воздействия. Применяют современные цифровые и информационные технологии для оказания указанного воздействия на осужденных.*

Ключевые слова: *воспитательная работа, формы и методы, осужденные к лишению свободы, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система, сотрудники, воспитательно-профилактическое воздействие.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

LEGAL AND PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL FEATURES OF THE ORGANIZATION OF EDUCATIONAL WORK WITH PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT

Annotation. *The purpose of the study was the legal, psychological and pedagogical features of the organization of educational work with prisoners sentenced to imprisonment in correctional institutions of the penal system. During its implementation, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific) were used: analysis, synthesis, comparison, analogy, generalization, sociological survey, observation, with the help of which approaches and directions of educational influence on convicts held in correctional institutions were studied using the forms fixed in the penal law and methods of educational work. Professional methods of their organization formulated in Russian penitentiary psychology and penitentiary pedagogy are aimed at correcting convicts, their re-socialization, social adaptation and social rehabilitation, prevention of illegal behavior, violations of the established procedure and conditions of serving imprisonment. Educational work in the modern conditions of the implementation of the national penal policy, the functioning and development of the penal system of the Russian Federation is the most important means of correcting convicts. It is actively implemented in accordance with the penal enforcement law, departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia in relation to persons sentenced to imprisonment serving this type of criminal punishment in correctional institutions. Educational work is not only the main means of correcting those sentenced to imprisonment, but also a way to achieve the goals and objectives of their re-socialization, social adaptation and social rehabilitation, the prevention of illegal behavior of convicts, violations of the established order and conditions of serving their sentences, and the prevention of penitentiary crime. Modern educational work carried out in the Penitentiary Institution is based not only on the legal and organizational mechanisms enshrined in the penal enforcement Act, departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, domestic penitentiary experience in this area, but also knowledge in the field of penitentiary psychology and penitentiary pedagogy. Employees of various services and departments of the IU actively implement in their activities professional competencies to provide convicts with the necessary psychological, pedagogical, educational and preventive effects. Modern digital and information technologies are used to exert this influence on convicts.*

Key words: *educational work, forms and methods, persons sentenced to imprisonment, correctional institutions, penal enforcement system, staff, educational and preventive impact.*

Введение. Воспитательная работа в современных условиях реализации национальной уголовно-исполнительной политики, функционирования и развития уголовно-исполнительной системы (далее УИС) Российской Федерации выступает важнейшим средством исправления осужденных. Она активно реализуется в соответствии с уголовно-исполнительным законом, ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России в отношении осужденных к лишению свободы, отбывающими этот вид уголовного наказания в исправительных учреждениях (далее ИУ). Ее актуальность и перспективы подчеркиваются в директивных документах Правительства Российской Федерации, направленных на устранение и купирование современных вызовов в сфере исполнения уголовных наказаний (Концепции развития УИС РФ на период до 2030 года) [1].

Законодатель справедливо и обоснованно отмечает, что современная воспитательная работа является основным средством исправления осужденных к лишению свободы, способом достижения целей и задач их ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации [2, с. 337-342]. Предупреждения противоправного поведения осужденных, нарушений ими установленного порядка и условий отбывания наказания, профилактики пенитенциарной преступности [3, с. 160-167].

Современная воспитательная работа, осуществляемая в ИУ УИС, базируется не только на правовых и организационных механизмах, закреплённых в уголовно-исполнительном законе, ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России, отечественном пенитенциарном опыте на данном направлении, но и познаниях в сфере пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики. Поскольку в организацию воспитательной работы включены сотрудники различных служб и подразделений ИУ (начальники отрядов, воспитатели, психологи и другие), активно реализующие в своей деятельности профессиональные компетенции по оказанию на осужденных необходимого психолого-педагогического и воспитательно-профилактического воздействия.

Таким образом, актуальность темы и ее прикладная направленность предопределили проведение комплексного междисциплинарного изучения и систематизации правовых и психолого-педагогических особенностей организации воспитательной работы с осужденными, отбывающими лишение свободы в ИУ УИС.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и психолого-педагогических

особенностей организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых изучались подходы и направления воспитательного воздействия на осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях с применением закрепленных в уголовно-исполнительном законе форм и методов воспитательной работы. Сформулированных в отечественной пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогике профессиональных приемов их организации, направленных на исправление осужденных, их ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию, предупреждение противоправного поведения, нарушений установленного порядка и условий отбывания лишения свободы.

Основные результаты. Теоретико-правовой анализ организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы показал наличие специальных норм уголовно-исполнительного закона (статей 109 и 110 УИК РФ), регламентирующих правовое содержание воспитательной работы с указанной категорией осужденных, применение ее основных форм и методов в условиях ИУ УИС. Конкретизация и детализация особенностей воспитательной работы с осужденными, отбывающими лишение свободы нашла свое отражение в Правилах внутреннего распорядка ИУ УИС, утвержденных Приказом Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 [4].

Воспитательная работа с осужденными к лишению свободы, в соответствии с частью первой статьи 109 УИК РФ, направлена на их исправление, формирование у осужденных такой важнейшей психологической характеристики как системы отношений (уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития). На развитие позитивной мотивации, целеобразования, системы установок. Повышение образовательного и культурного уровня, преодоление деформации их правознания и правовой культуры, развитие правовой коммуникации [5, с. 78-83]. Преодоление и профилактику негативных психических состояний стресса, депрессии и фрустрации, профилактику суицидального поведения осужденных в условиях ИУ УИС [6, с. 20-23].

Релевантным правовым механизмом организации воспитательной работы с осужденными, отбывающими лишение свободы является поощрение администрацией ИУ УИС участия осужденных в воспитательных мероприятиях, проводимых сотрудниками учреждений. Более того, их учет при определении степени исправления осужденных, влияющей на принятие решения о возможности применения судом в отношении них положений статей 79 и 80 УК РФ об условно-досрочном освобождении, заменен не отбытой части наказания более мягким наказанием [7]. Реализации в отношении осужденных дисциплинарной практики (применении мер поощрения и взыскания). Законодатель также предусмотрел обязательное участие осужденных в воспитательных мероприятиях, предусмотренных распорядком дня ИУ УИС [8, с. 126-128].

Анализ практики организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы показал, что сотрудниками активно реализуется принцип индивидуального подхода к личности осужденных, отбывающих наказание. Учитываются их индивидуальные и характерологические особенности, другие психологические, уголовно-правовые и криминологические характеристики.

В целях активизации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы используются различные приемы психолого-педагогического и воспитательно-профилактического воздействия. Последнее можно рассматривать как разновидность психолого-педагогического воздействия, направленного на профилактику противоправного, деструктивного поведения осужденных, выражающегося в нарушении установленного порядка и условий отбывания лишения свободы. Более широкого воспитательного воздействия на отдельные категории осужденных (например, воспитателей воспитательных колоний на несовершеннолетних осужденных) [9, с. 290-295].

Следует отметить, что законодатель классифицировал виды воспитательной работы в ИУ УИС, выделив нравственное, правовое, трудовое, физическое и иное воспитание осужденных к лишению свободы, способствующее их исправлению [10]. Первое направлено на формирование и развитие морально-нравственных характеристик осужденных, обусловленных психологическими свойствами и качествами их личности. Второе – на формирование правосознания осужденных, отрицание криминальной субкультуры, неприятие преступной мотивации и системы отношений [11, с. 328-333]. Трудовое и физическое воспитание реализуется при осуществлении осужденными к лишению свободы общественно-полезной трудовой деятельности, а также при выполнении физических упражнений, участии в спортивных соревнованиях.

В процессе организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы, ока-

зания на них психолого-педагогического и воспитательно-профилактического воздействия, сотрудники ИУ используют комплекс форм и методов, регламентированных указанной правовой нормой. К основным формам законодатель относит индивидуальную, групповую и массовую, базирующиеся на дифференцированном подходе, с учетом вида ИУ, а также условий отбывания наказания, в которых находятся осужденные к лишению свободы (обычных, облегченных, строгих и льготных) [12].

Анализ отечественной пенитенциарной практики показывает, что наиболее эффективными в современных условиях являются индивидуальная и групповая формы воспитательной работы с осужденными к лишению свободы, поскольку позволяют сосредоточить психолого-педагогическое и воспитательно-профилактическое воздействие сотрудников на осужденных с учетом их индивидуальности, уровня и особенностей развития их психических свойств, качеств и состояний. Подобный подход находится в основе выбора и тактики использования конкретной модели воспитательной работы в ИУ УИС [13, с. 265-270].

Законодатель в части третьей статьи 110 УИК РФ предусмотрел создание специальной материально-технической базы для организации воспитательной работы с осужденными в ИУ УИС [14]. Более того, учитывая значение воспитательной работы в отечественной пенитенциарной деятельности, 02.08.1997 г. было принято Постановление Правительства Российской Федерации № 974 «Нормы создания материально-технической базы для организации воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях», которое конкретизировало и уточнило требования, предъявляемые к созданию материально-технических условий для организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы, отбывающими наказание в ИУ УИС.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

- VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;
- XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
- Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» проведенном в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;
- Всероссийской научно-практической конференции «Советская и российская криминалистика: традиции и современные векторы», которая состоится в Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева 29.02. 2024 г. Доклад на тему «К вопросу взаимодействия правоохранительных органов в противодействии пенитенциарной преступности»;
- Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-исполнительная система: история и современность», состоявшейся 17–18 апреля 2025 г. в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему «Воспитательная работа с осужденными, отбывающими наказание в виде принудительных работ».

Заключение. Воспитательная работа в современных условиях реализации национальной уголовно-исполнительной политики, функционирования и развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации выступает важнейшим средством исправления осужденных. Она активно реализуется в соответствии с уголовно-исполнительным законом, ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России в отношении осужденных к лишению свободы, отбывающими этот вид уголовного наказания в исправительных учреждениях.

Воспитательная работа является не только основным средством исправления осужденных к лишению свободы, но и способом достижения целей и задач их ресоциализации, социальной

адаптации и социальной реабилитации, предупреждения противоправного поведения осужденных, нарушений ими установленного порядка и условий отбывания наказания, профилактики пенитенциарной преступности.

Современная воспитательная работа, осуществляемая в ИУ УИС, базируется не только на правовых и организационных механизмах, закреплённых в уголовно-исполнительном законе, ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России, отечественном пенитенциарном опыте на данном направлении, но и познаниях в сфере пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики. Сотрудники различных служб и подразделений ИУ активно реализуют в своей деятельности профессиональные компетенции по оказанию на осужденных необходимого психолого-педагогического и воспитательно-профилактического воздействия. Применяют современные цифровые и информационные технологии для оказания указанного воздействия на осужденных.

Список литературы:

[1] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // Consultant.ru (дата обращения 29.12.2025).

[2] Ковалев О.Г. Исправление, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация осужденных как цель и задачи современной теории отечественного уголовно-исполнительного права // Право и управление. 2025. № 6. С. 337-342.

[3] Ковалев О.Г., Иконников Д.С., Семенова Н.В. Проблемы организации воспитательной работы в исправительных учреждениях в процессе профилактики противоправного поведения осужденных // Перспективы науки. 2024. № 3 (174). С. 160-167.

[4] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (с изменениями и дополнениями // Garant.ru (дата обращения 29.12.2025).

[5] Ковалев О.Г. Правовая коммуникация как инструмент преодоления деформации правосознания осужденных молодежного возраста // Международный научный вестник. 2025. № 2. С. 78-83.

[6] Баламут А.Н., Ковалев О.Г., Дикопольцев Д.Е. Теоретический анализ комплексных психокоррекционных программ, направленных на суицидальную превенцию подозреваемых, обвиняемых и осужденных (организационный, социальный и психологический аспекты) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 1. С. 20-23.

[7] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник // Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 374 с.

[8] Ковалев О.Г., Александрова А.Ю. Современные факторы, влияющие на организацию режима в исправительных учреждениях (на примере правил внутреннего распорядка ИУ и ИЦ) // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-5. С. 126-128.

[9] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Профилактика повторных преступлений несовершеннолетних осужденных: вопросы теории и пенитенциарной практики // Российский научный вестник. 2025. № 6. С. 290-295.

[10] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А.Москва, 2006. 148 с.

[11] Ковалев О.Г. Теоретико-правовые вопросы междисциплинарного изучения правосознания осужденных молодежного возраста и перспективы использования в отечественной пенитенциарной практике // Российский научный вестник. 2025. № 2. С. 328-333.

[12] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[13] Ковалев О.Г. Современные модели организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы // Международный научный вестник. 2025. № 6. С. 265-270.

[14] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[15] Постановление Правительства Российской Федерации от 02.08.1997 г. № 974 «Нормы создания материально-технической базы для организации воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях» // Consultant.ru (дата обращения 30.12.2025).

References:

[1] Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r "On approval of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030" // Consultant.ru (date of application: 12/29/2025).

[2] Kovalev O.G. Correction, re-socialization, social adaptation and social rehabilitation of convicts as the goal and objectives of modern theory Russian penal enforcement law // Law and management. 2025. No. 6. pp. 337-342.

[3] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S., Semenova N.V. Problems of organizing educational work in correctional institutions in the process of preventing illegal behavior of convicts. Perspektivy nauki. 2024. No. 3 (174). pp. 160-167.

[4] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 "On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction System" (with Amendments and additions // Garant.ru (accessed 29.12.2025).

[5] Kovalev O.G. Legal communication as a tool for overcoming the deformation of the legal consciousness of convicts of youth age // International Scientific Bulletin. 2025. No. 2. pp. 78-83.

[6] Balamut A.N., Kovalev O.G., Dikopoltsev D.E. Theoretical analysis of complex psychocorrective programs aimed at suicidal prevention of suspects, accused and convicted (organizational, social and psychological aspects) // Penal enforcement system: law, economics, management. 2023. No. 1. pp. 20-23.

[7] Russian criminal law. Special part: Textbook // Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007. 374 p.

[8] Kovalev O.G., Alexandrova A.Yu. Modern factors influencing the organization of the regime in correctional institutions (on the example of the internal regulations of the IU and IC) // Trends in the development of science and education. 2023. No. 96-5. pp. 126-128.

[9] Kovalev O.G., Melnikova O.V. Prevention of repeated crimes of juvenile convicts: issues of theory and penitentiary practice // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 6. pp. 290-295.

[10] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A.Moscow, 2006. 148 p.

[11] Kovalev O.G. Theoretical and legal issues of interdisciplinary study of the legal consciousness of youth convicts and prospects for use in domestic penitentiary practice // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 2. pp. 328-333.

[12] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[13] Kovalev O.G. Modern models of organization of educational work with prisoners sentenced to imprisonment // International Scientific Bulletin. 2025. No. 6. pp. 265-270.

[14] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[15] Decree of the Government of the Russian Federation of 08/02/1997 No. 974 "Norms for the creation of a material and technical base for the organization of educational work with convicts in correctional institutions" // Consultant.ru (accessed 12/30/2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-300-303

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилевич,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский
институт Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

СИНДРОМ ОТМЕНЫ ТЮРЬМЫ: АДДИКЦИЯ К ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ КАК ПРИЧИНА РЕЦИДИВА

Аннотация. *Высокий уровень рецидивной преступности традиционно связывают с социальной дезадаптацией и стигматизацией, однако клинический опыт позволяет предположить существование более глубокого психопатологического механизма. В статье обосновывается феномен «синдрома отмены тюрьмы» как нехимической аддикции, формирующейся в условиях тотальной институциональной регламентации. На основе данных пенитенциарной психиатрии, нейробиологии аддикций и социальной психологии показано, что жесткая среда лишения свободы, снимая бремя личной ответственности, становится для осужденного экзистенциальной опорой и формирует устойчивую зависимость от внешнего контроля. Освобождение в этом контексте выступает не обретением свободы, а травматической отменой привычного «агониста», провоцирующей абстиненцию с дезорганизацией поведения и бессознательным стремлением к возвращению в пенитенциарную среду. Понимание рецидива как аддиктивного расстройства открывает перспективы для реабилитации, требующей длительного постпенитенциарного сопровождения, основанного на принципах заместительной терапии институциональным контролем и поэтапного восстановления субъектности.*

Ключевые слова: *пенитенциарная психиатрия, рецидивная преступность, институциональная аддикция, синдром отмены, выученная беспомощность, нейропластичность, ресоциализация.*

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
Federal State Institution «Research Institute
of the Federal Penitentiary Service»

PRISON CANCELLATION SYNDROME: ADDICTION TO INSTITUTIONAL REGULATION AS A CAUSE OF RECIDIVISM

Annotation. *A high rate of recidivism is traditionally associated with social maladaptation and stigmatization, but clinical experience suggests the existence of a deeper psychopathological mechanism. The article substantiates the phenomenon of «prison cancellation syndrome» as a non-chemical addiction that develops under conditions of total institutional regulation. Based on the data of penitentiary psychiatry, neurobiology of addictions and social psychology, it is shown that the harsh environment of imprisonment, removing the burden of personal responsibility, becomes an existential support for the convict and forms a stable dependence on external control. In this context, release is not the acquisition of freedom, but the traumatic abolition of the habitual «agonist», provoking withdrawal with disorganized behavior and an unconscious desire to return to the penitentiary environment. Understanding relapse as an addictive disorder opens up prospects for rehabilitation requiring long-term post-retirement support based on the principles of substitution therapy by institutional control and gradual restoration of subjectivity.*

Key words: *penitentiary psychiatry, recidivism, institutional addiction, withdrawal syndrome, learned helplessness, neuroplasticity, resocialization*.

Введение. Проблема рецидивной преступности неизменно находится в фокусе внимания юридической науки и практики, оставаясь одним из наиболее чувствительных индикаторов эффективности пенитенциарной системы. Данные статистики, фиксирующие высокий процент возвра-

щения осужденных в места лишения свободы в течение первых трех лет после освобождения, традиционно интерпретируются через призму социальной дезадаптации, утраты социально полезных связей, стигматизации и трудностей трудового устройства. Однако многолетний клинический опыт работы с лицами, отбывшими наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, позволяет предположить существование иного, более глубокого и патогенетически сложного механизма. Речь идет о феномене, который можно обозначить как «синдром отмены тюрьмы» – состоянии, при котором сама карательная среда, с ее тотальной регламентацией и снятием бремени принятия решений, формирует устойчивую психическую зависимость, делая состояние «свободы» невыносимым.

Актуальность данного исследования обусловлена не только высокой социальной стоимостью рецидива, но и концептуальным кризисом реабилитационных подходов. Традиционные программы ресоциализации, направленные преимущественно на развитие трудовых навыков и формальное соблюдение административного надзора, зачастую игнорируют фундаментальные изменения в личности осужденного, происходящие под воздействием длительной изоляции и жесткой институциональной среды, когда условия лишения свободы, включая сенсорную депривацию, ограничение автономии и хронический стресс, приводят к устойчивым нейробиологическим нарушениям, которые формируют предпосылки для аддиктивного поведения не только в отношении психоактивных веществ, но и в отношении самой институциональной структуры [1; 3].

Цель настоящей статьи состоит в теоретическом обосновании концепции «аддикции к институциональной регламентации» как ключевого, но недостаточно изученного фактора рецидива. Мы исходим из гипотезы о том, что для значительной части лиц, отбывающих длительные сроки наказания, тюремная среда выполняет не только карательную, но и адаптивную функцию, становясь своеобразным «экзоскелетом» для психики, и резкое его изъятие провоцирует каскад психопатологических реакций, которые осознанно или неосознанно толкают бывшего заключенного к поиску путей возвращения в привычную среду.

Теоретические основания исследования. Для понимания природы описываемого феномена необходимо обратиться к базовым категориям, определяющим взаимодействие личности и институциональной среды. Традиционная пенитенциарная система строится на принципе тотальной институции, где жизнь индивида подчинена жесткому распорядку, лишена приватности и, что принципиально важно, минимизирует необходимость самостоятельного выбора. В психоаналитической традиции такой режим можно рассматривать как формирование мощной внешней суперэгоистической структуры, которая замещает собой ослабленные или неразвитые механизмы внутренней саморегуляции.

С биопсихосоциальной точки зрения, длительное нахождение в такой среде запускает процессы, сходные с теми, что наблюдаются при формировании химической зависимости. Если при классической аддикции происходит подмена естественных нейрохимических процессов (дофаминового подкрепления) экзогенным агентом, то в случае институциональной аддикции происходит подмена экзистенциальных функций. Тюрьма принимает на себя функции целеполагания, временного планирования, распределения ресурсов и даже моральной ответственности. Осужденный оказывается в позиции «ребенка», освобожденного от бремени взрослых решений, что на фоне хронического стресса воспринимается не как кара, а как защита.

Исследования, проведенные в Научно-исследовательском институте ФСИН России, убедительно демонстрируют, что хронический стресс, вызванный условиями пенитенциарной среды, является ключевым фактором в поддержании различных форм дезадаптации. Постоянное напряжение, обусловленное угрозой насилия, необходимостью соблюдения неформальных правил тюремной субкультуры и жесткой субординацией, ведет к дисфункции дофаминовой системы и гиперкортизолемии, что клинически проявляется апатией, снижением когнитивных способностей и формированием паттернов выученной беспомощности [1]. Личность в этих условиях не деградирует в классическом смысле, а, напротив, гипертрофированно адаптируется, но ценой этой адаптации становится утрата субъектности.

Исследование: феноменология и патогенез синдрома отмены. Клинические наблюдения и анализ историй рецидивов позволяют выделить ключевые компоненты, составляющие структуру «синдрома отмены тюрьмы». Первым и, возможно, наиболее значимым является нейробиологический компонент. Длительное пребывание в условиях гиперконтроля и ограниченной сенсорной стимуляции приводит к изменению нейропластичности. Мозг, лишенный необходимости решать сложные многовариантные задачи, «консервирует» нейронные связи, отвечающие за автономное планирование. Освобождение резко повышает когнитивную нагрузку: необходимость одновременного решения вопросов жилья, питания, трудоустройства, взаимодействия с десятком государственных инстанций воспринимается как сенсорная перегрузка. В нейробиологии это

состояние описывается как «аллостатическая нагрузка», когда ресурсы организма истощены настолько, что любое новое требование среды становится триггером декомпенсации [2].

Второй компонент психологический. В условиях тотальной регламентации у личности формируется феномен «выученной беспомощности». Инициатива не просто не поощряется, она является источником риска. Оптимальной стратегией выживания становится полное подчинение внешнему распорядку. Как отмечает Л.Н. Собчик в своих работах по пенитенциарной психодиагностике, подобная адаптация приводит к сглаживанию индивидуально-личностных черт и формированию ригидных, конформных структур психики, которые впоследствии не способны к гибкой реакции на изменчивые условия социума [6]. Освобожденный человек оказывается перед лицом «экзистенциального вакуума»: система, годами диктовавшая каждый шаг, исчезает, оставляя зияющую пустоту, которую необходимо заполнить самостоятельно. Эта пустота, по механизму действия сходная с абстинентным синдромом при отказе от опиатов, переживается как невыносимая тревога, дереализация и ощущение нереальности происходящего.

Третий компонент носит социально-экзистенциальный характер и касается деформации временной перспективы. Тюремное заключение конструирует специфическое время, «однородное и пустое» (по выражению М. Фуко), где прошлое девальвировано, будущее отсутствует или представляет собой лишь срок до освобождения, а настоящее сведено к повторяющимся ритуалам. Психологическая подготовка к освобождению часто носит формальный характер и не способствует формированию позитивного образа будущего. В результате «свобода» как категория, не имеющая наполнения в виде конкретных целей и смыслов, становится источником ужаса. В этом контексте рецидив выступает не как сознательное нарушение закона, а как бессознательная попытка вернуться в структуру, где время снова обретает предсказуемость, а личность – «понятное» место в иерархии. Данные международных исследований подтверждают, что уровень смертности среди освобожденных в первые две недели в 129 раз превышает аналогичные показатели в общей популяции, что является следствием не только передозировок наркотиков, но и дезорганизации поведения, вызванной неспособностью справиться с давлением «свободного» выбора [4].

Анализ результатов и обсуждение. Предложенная концепция «синдрома отмены тюрьмы» позволяет по-новому взглянуть на природу рецидива. Традиционно рецидив рассматривается как результат недостаточного исправления или сознательного выбора в пользу криминального образа жизни. Однако, если рассматривать его в рамках аддиктивной модели, картина меняется. Преступление в этом случае становится не столько инструментом получения выгоды, сколько способом удовлетворения потребности в привычной институциональной среде, своего рода «лекарством», снимающим симптомы абстиненции. Такая перспектива объясняет высокую эффективность постпенитенциарного сопровождения, которое по сути своей имитирует принципы заместительной терапии, используемой в наркологии.

Международный опыт деинституционализации, как показано в работах Фрейзера и коллег, демонстрирует, что социальные пустоты, возникающие при массовом освобождении заключенных, требуют немедленного заполнения. Сокращение тюремного населения без адекватного развития общественных служб поддержки приводит не к снижению, а к перераспределению нагрузки, зачастую выражающемуся в росте числа обращений за экстренной психиатрической помощью и наркологической помощью, которые не могут компенсировать дефицит структурированности жизни [5]. С этой точки зрения, современные подходы к пробации, ориентированные исключительно на контроль и ограничения, могут оказывать парадоксальное действие. Они либо усиливают травматизацию, напоминая о тюремном опыте, либо, напротив, оказываются недостаточно жесткими и структурированными, чтобы заместить утраченную тотальную институцию.

Критически важным выводом из предлагаемой концепции является необходимость пересмотра содержания реабилитационных программ. Если основная патология заключается в утрате субъектности и способности к автономному действию, то цель реабилитации не может сводиться к пассивной адаптации к новым правилам. Требуется внедрение методик, направленных на постепенное восстановление волевой регуляции и чувства ответственности. Эффективность когнитивно-поведенческой терапии и терапии осознанностью, доказанная в рамках работы с химическими аддикциями, получает новое обоснование и в пенитенциарной практике. Эти методы позволяют снизить аллостатическую нагрузку, развить копинг-стратегии, направленные на преодоление неопределенности, и восстановить нейропластичность [1]. Более того, перспективным представляется внедрение модели «поддерживаемого принятия решений», где специалист выступает не в роли надзирателя, а в роли временного «протеза» для ослабленных исполнительных функций, постепенно передавая инициативу обратно самому человеку.

Заключение. Феномен «синдрома отмены тюрьмы» требует от нас переосмысления устоявшихся представлений о природе рецидивной преступности. Жесткая институциональная регламентация, являясь атрибутом наказания, в условиях длительного срока заключения трансформируется в фактор, формирующий устойчивую психическую зависимость. Снятие этой регламентации в момент освобождения провоцирует состояние, аналогичное абстиненции, клинически проявляющееся тяжелыми тревожными расстройствами, дезорганизацией поведения и неосознаваемым стремлением к возвращению в привычную среду.

Признание рецидива аддиктивным расстройством, а не только социальной неудачей или моральной несостоятельностью, открывает новые горизонты для пенитенциарной психиатрии и пенитенциарной науки. Это требует разработки и внедрения реабилитационных стратегий, которые бы учитывали нейробиологические и психологические механизмы деформации личности. Ключевым направлением становится не просто подготовка к освобождению, а длительное, поэтапное постпенитенциарное сопровождение, основанное на принципах заместительной терапии институциональным контролем и последовательного, терапевтически выверенного восстановления субъектности освобождаемого. Только признав глубину психотравмирующего воздействия самой системы исполнения наказания, мы сможем выстроить эффективные механизмы разрыва порочного круга рецидива, превратив «свободу» из абстрактного юридического понятия в психологически выносимую и осмысленную реальность.

Список литературы:

[1] Искандаров Р.Р. Биопсихосоциальные и структурные детерминанты химических зависимостей в условиях лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 2 (70). С. 189–199. DOI: 10.46741/2686-9764.2025.70.2.009. EDN: WAXHHN

[2] Искандаров Р.Р., Дикопольцев Д.Е. Специфические факторы пенитенциарной среды в формировании химических аддикций // Наркология. 2025. Т. 24, № 4. С. 58–63. DOI: 10.25557/1682-8313.2025.04.58-63. EDN: RYVTVX

[3] Миневич И.А. Психическое здоровье лиц, находящихся в условиях колонии строгого режима (клинико-социальные и реабилитационные аспекты) : автореф. дис. … канд. мед. наук. Томск, 2002. 26 с.

[4] Binswanger I.A., Stern M.F., Deyo R.A., Heagerty P.J., Cheadle A., Elmore J.G., Koepsell T.D. Release from prison — a high risk of death for former inmates // New England Journal of Medicine. 2007. Vol. 356, No. 2. P. 157–165. DOI: 10.1056/NEJMsa064115

[5] Frazier B.D., Sung H.E., Gideon L., Alfaro K.S. The impact of prison deinstitutionalization on community treatment services // Health & Justice. 2015. Vol. 3, No. 9. DOI: 10.1186/s40352-015-0021-7. URL: https://healthandjusticejournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40352-015-0021-7 (дата обращения: 27.03.2026)

[6] Sobchik L.N. Psychodiagnostics and differentiated approach criteria in penitentiary psychology // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 1 (65). С. 83–93. DOI: 10.46741/2686-9764.2024.65.1.010

References:

[1] Iskandarov R.R. Biopsychosocial and structural determinants of chemical dependencies in prison settings//Penitentiary science. 2025. T. 19, NO. 2 (70). S. 189-199. DOI: 10.46741/2686-9764.2025.70.2.009. EDN: WAXHHN

[2] Iskandarov R.R., Dikopoltsev D.E. Specific factors of the penitentiary environment in the formation of chemical addictions//Narcology. 2025. T. 24, NO. 4. S. 58-63. DOI: 10.25557/1682-8313.2025.04.58-63. EDN: RYVTVX

[3] Minevich I.A. Mental health of persons in a strict regime colony (clinical, social and rehabilitation aspects): author's abstract. dis.... cand. honey. sciences. Tomsk, 2002. 26 pp.

[4] Binswanger I.A., Stern M.F., Deyo R.A., Heagerty P.J., Cheadle A., Elmore J.G., Koepsell T.D. Release from prison — a high risk of death for former inmates // New England Journal of Medicine. 2007. Vol. 356, No. 2. P. 157–165. DOI: 10.1056/NEJMsa064115

[5] Frazier B.D., Sung H.E., Gideon L., Alfaro K.S. The impact of prison deinstitutionalization on community treatment services // Health & Justice. 2015. Vol. 3, No. 9. DOI: 10.1186/s40352-015-0021-7. URL: https://healthandjusticejournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s40352-015-0021-7 (accessed on: 27.03.2026)

[6] Sobchik L.N. Psychodiagnostics and differentiated approach criteria in penitentiary psychology // Пенитенциарная наука. 2024. T. 18, NO. 1 (65). S. 83-93. DOI: 10.46741/2686-9764.2024.65.1.010

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-304-309

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,
ведущий научный сотрудник ФКУ
НИИ ФСИН России,
кандидат юридических наук,
e-mail: yutish@list.ru

СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы судебного разбирательства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.*

Ключевые слова: *суд, разбирательство, уголовная статья, законодательство, законный представитель.*

TISHCHENKO Yuri Yurievich,
leading researcher, Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Legal Sciences

CRIMINAL PROCEEDINGS AGAINST MINORS

Annotation. *The article examines the issues of criminal proceedings against minors.*

Key words: *court, proceedings, criminal article, legislation, legal representative.*

Судебное разбирательство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних производится по общим правилам, установленным гл. 35-39 УПК РФ. Вместе с тем судебное разбирательство в суде первой инстанции по уголовным делам в отношении несовершеннолетних имеет и следующие особенности:

– Участие законного представителя несовершеннолетнего подсудимого в судебном заседании (ст. 428 УПК РФ). Суд на стадии подготовки к судебному заседанию (ст. ст. 227, 231, 232 УПК РФ) обязан известить законного представителя о времени и месте рассмотрения дела о преступлении несовершеннолетнего и принять меры к обеспечению его явки. Если к моменту рассмотрения дела в суде окажется, что несовершеннолетний остался без родителей и проживает один или у лица, не назначенного надлежащим образом его опекуном или попечителем, в качестве законного представителя суд должен вызвать представителя органа опеки или попечительства. Его неявка не препятствует рассмотрению дела, если суд не найдет его участие обязательным. Вызванный в судебное заседание законный представитель несовершеннолетнего подсудимого имеет право: заявлять ходатайства и отводы; давать показания; представлять доказательства; участвовать в прениях сторон; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения суда; участвовать в заседании судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций.

По определению или постановлению суда законный представитель может быть отстранен от участия в судебном разбирательстве, если есть основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подсудимого. В этом случае допускается другой законный представитель несовершеннолетнего подсудимого.

Если допущенный к участию в деле законный представитель одновременно является защитником или гражданским ответчиком, он пользуется правами указанных участников процесса (ст. 53 и ст. 54 УПК РФ). В подготовительной части судебного разбирательства суд обязан разъяснить ему не только процессуальные права защитника и законного представителя, но и права и обязанности гражданского ответчика, функции которого он выполняет в данном уголовном деле.

– Удаление несовершеннолетнего подсудимого из зала судебного заседания (ст. 429 УПК РФ). По ходатайству стороны, а также по собственной инициативе суд вправе принять решение об удалении несовершеннолетнего подсудимого из зала судебного

заседания на время исследования обстоятельств, которые могут оказать на него отрицательное воздействие.

Удаление несовершеннолетнего подсудимого из зала судебного заседания возможно на любом этапе судебного разбирательства. Однако во всех случаях удаления несовершеннолетнего подсудимого должны быть обеспечены его права и законные интересы:

1) решение о его удалении принимается судом в совещательной комнате или в зале судебного заседания;
2) удаление подсудимого допускается только на время исследования обстоятельств, которые действительно могут оказать на него отрицательное воздействие;
3) по возвращении несовершеннолетнего в зал судебного заседания председательствующий сообщает ему в необходимом объеме и доступной форме содержание судебного разбирательства, проведенного в его отсутствие;
4) суд обязан предоставить несовершеннолетнему подсудимому возможность задать вопросы лицам, допрошенным в его отсутствие.

На время удаления несовершеннолетнего подсудимого из зала судебного заседания суд обязан обеспечить его изоляцию от свидетелей, потерпевших и других участников процесса, не допрошенных в суде, а также от посторонних лиц.

– Вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора в отношении несовершеннолетнего (ст. 430 УПК РФ). При постановлении приговора в отношении несовершеннолетнего подсудимого суд наряду с вопросами, указанными в ст. 299 УПК РФ, обязан решить вопросы о возможности:

1) освобождения несовершеннолетнего подсудимого от наказания и применения к нему принудительных мер воспитательного воздействия в случаях, предусмотренных ст. 92 УК РФ;

2) уголовного осуждения и исправления несовершеннолетнего без отбывания наказания в течение испытательного срока на основании и в порядке, установленном ст. 73 УК РФ;

3) назначения несовершеннолетнему подсудимому соразмерного вида наказания, не связанного с лишением свободы, предусмотренного ст. 88 УК РФ.

Суд вправе принять мотивированное решение о назначении несовершеннолетнему наказания в виде лишения свободы лишь в случаях, когда очевидно, что его исправление невозможно без изоляции от общества.

Единственным видом условного освобождения от наказания при вынесении приговора в новом УК является условное осуждение (ст. 73 УК РФ), поэтому при назначении наказания и наличии формальных оснований для условного осуждения суд обсуждает возможность применения ст. 73 УК к несовершеннолетнему. Условное осуждение является наиболее распространенным наказанием для несовершеннолетних.

Условным считается назначенное наказание по приговору суда, которое не приводится в исполнение в течение определенного испытательного срока, который также устанавливается судом при назначении наказания. Размер испытательного срока зависит от срока назначенного наказания. Если назначается наказание до одного года лишения свободы или более мягкий вид наказания, испытательный срок должен быть не менее шести месяцев и не более трех лет, а в случае назначения лишения свободы на срок свыше одного года – не менее шести месяцев и не более пяти лет (ч. 3 ст. 73 УК РФ).

Испытательный срок может быть больше по своему размеру, чем назначенное наказание, может быть равным назначенному, а также может быть меньше назначенного наказания.

При условном осуждении наряду с основными могут применяться и дополнительные наказания. Уголовный кодекс не предусматривает принципа условности к дополнительным видам наказания, все они должны исполняться реально. В силу этого в резолютивной части приговора должно быть указано, что в соответствии со ст. 73 УК условным признается только основное наказание.

Решая вопрос об освобождении несовершеннолетнего от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия или о назначении наказания, не связанного с лишением свободы либо с условным осуждением, суд обязан учитывать не только возраст лица как смягчающее обстоятельство, но и все иные данные о совершенном деянии и личности подсудимого: тяжесть преступления и его последствия; признание вины; деятельное раскаяние; добровольное возмещение ущерба; наличие взрослых подстрекателей; первая судимость; законопослушное поведение до криминального акта; положительная характеристика по месту учебы, работы и жительства; стечение тяжелых семейных и жизненных обстоятельств и т.п.

При этом во всех случаях в приговоре должен содержаться мотивированный ответ на вопрос о том, реально ли исправление несовершеннолетнего без применения и отбывания наказания.

Решение о применении принудительных мер воспитательного воздействия может быть принято судьей при рассмотрении дела в рамках

предварительного слушания по ходатайству сторон или по собственной инициативе (ст. ст. 228, 229 УПК РФ), мировым судьей или федеральным судьей — при рассмотрении дела в судебном заседании (ст. ст. 30, 31 УПК РФ), судом апелляционной, кассационной и надзорной инстанций.

Суд может назначить несовершеннолетнему одну или несколько принудительных мер воспитательного воздействия из числа предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК РФ. Суд сам определяет продолжительность их срока, основываясь на данных о личности виновного и всех обстоятельствах дела. Во всяком случае, этот срок должен быть разумным и достаточным для исправления несовершеннолетнего.

При постановлении приговора об освобождении несовершеннолетнего подсудимого от наказания по основаниям, указанным в ст. 92 УК РФ, или об условном осуждении по ст. 73 УК РФ, либо о назначении ему наказания, не связанного с лишением свободы (ст. 88 УК РФ), суд обязан указать, на какие специализированные государственные органы (ч. 6 ст. 73 УК РФ) или учреждения для несовершеннолетних возлагается осуществление постоянного контроля за поведением осужденного и выполнением возложенных на него определенных обязанностей, способствующих его исправлению, а также назначенных ему дополнительных видов наказаний или ограничений.

В приговоре должен быть определен срок, в течение которого специализированные государственные органы или учреждения для несовершеннолетних обязаны осуществлять надзор и контроль над исполнением мер воздействия и поведением осужденного. Срок пребывания в воспитательном или в лечебно-воспитательном учреждении не может превышать максимального срока наказания, предусмотренного за преступление, совершенное несовершеннолетним. Одновременно суд обязан разъяснить администрации специализированного государственного органа последствия систематического неисполнения несовершеннолетним этих мер, порядок направления представления и материалов, необходимых для их отмены и привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности.

Возрастные особенности несовершеннолетних, специфика совершаемых ими преступлений делают необходимым разработку таких мер наказания, в которых акценты смещаются с карательных на воспитательные и предупредительные аспекты. Невысокая эффективность лишения свободы побуждает избегать в отношении несовершеннолетних наказаний, связанных с изоляцией от общества, и предусматривать в законе наказания, с помощью которых несовершеннолетние отвлекались бы от криминогенной среды.

К несовершеннолетним осужденным, совершившим впервые преступления небольшой или средней тяжести в возрасте до 16 лет, не может применяться наказание в виде лишения свободы. К остальным несовершеннолетним осужденным наказание в виде лишения свободы не должно применяться за совершение преступлений небольшой тяжести впервые.

Также при назначении наказания в виде лишения свободы следует помнить, что несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой, средней тяжести, а также тяжкие преступления в возрасте до 16 лет, наказание назначается на срок не свыше шести лет. Этой же категории осужденных, совершивших особо тяжкие преступления, может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет. Такое наказание может быть назначено и остальным несовершеннолетним осужденным, т.е. старше 16 лет, совершившим преступления любой категории.

Если несовершеннолетний совершает ряд преступлений и в совокупность входят преступления небольшой, средней тяжести, а также тяжкие преступления, назначить ему окончательное наказание по совокупности можно не более шести лет.

Видами наказаний, назначаемыми несовершеннолетним, являются в соответствии с ч. 1 ст. 88 УК РФ: а) штраф; б) лишение права заниматься определенной деятельностью; в) обязательные работы; г) исправительные работы; д) арест; е) лишение свободы на определенный срок.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами уголовного наказания» от 11 июня 1999 г.: «При назначении наказания лицу, совершившему преступления в несовершеннолетнем возрасте, по совокупности преступлений или по совокупности приговоров окончательное наказание не может превышать десяти лет.

В случае совершения лицом нескольких преступлений, одни из которых были совершены в несовершеннолетнем возрасте, а другие – в совершеннолетнем возрасте, суд при назначении наказания по совокупности преступлений вначале назначает наказание за преступления, совершенные в возрасте до восемнадцати лет, с учетом требований ст. 88 УК РФ, а затем за преступления, совершенные после достижения совершеннолетия, и окончательное наказание – по правилам ст. 69 УК РФ».

«Лица, осужденные к лишению свободы, не достигшие к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста, помещаются в воспитательные колонии общего и усиленного режима» в соответствии со ст. 56 Уголовного Кодекса РФ.

Воспитательная колония в РФ - один из видов исправительного учреждения. В соответствии со ст. 74 УИК РФ там отбывают наказание несовершеннолетние осужденные к лишению свободы, а также осужденные, оставленные в воспитательных колониях до достижения ими возраста 21 года.

Несовершеннолетние лица мужского пола (юноши), осужденные впервые к лишению свободы, отбывают такое наказание в воспитательных колониях общего режима. Те же подростки, которые уже отбывали лишение свободы, должны быть направлены в воспитательные колонии усиленного режима.

Несовершеннолетние женского пола (девушки) отбывают лишение свободы в воспитательских колониях, общего режима, независимо от того, отбывали ли они ранее такое наказание или нет.

Эти колонии занимают особое место в системе учреждений, предназначенных для отбывания лишения свободы, что выражается, во-первых, в установлении более льготных условий содержания по сравнению с условиями содержания взрослых преступников и, во-вторых, в ориентации на применение разнообразных воспитательно-психолого-педагогических приемов, учитывающих неустойчивую психику несовершеннолетних, как основных средств воздействия их обучения, проведения спортивных, культурных мероприятий, а также в процессе трудовой деятельности.

В воспитательных колониях общего и усиленного режимов устанавливаются обычные, облегченные, льготные и строгие условия отбывания наказания (ст. 132 уголовно-исполнительного кодекса).

В обычных условиях в воспитательных колониях отбывают наказание несовершеннолетние осужденные, поступившие в воспитательную колонию, кроме несовершеннолетних, осужденных за умышленные преступления, совершенные в период отбывания наказания, а также несовершеннолетние, переведенные из облегченных или строгих условий отбывания наказания.

На облегченных условиях в воспитательных колониях отбывают наказание несовершеннолетние осужденные, поступившие в воспитательную колонию, кроме несовершеннолетних, осужденных за умышленные преступления, совершенные в период отбывания наказания, а также несовершеннолетние, переведенные из облегченных или строгих условий отбывания наказания.

На льготных условиях отбывают наказание осужденные несовершеннолетние, переведенные из облегченных условий для подготовки их к условно-досрочному освобождению по отбытии сроков, установленных ст. 93 УК РФ, исчисляемых после фактического отбывания лишения свободы.

В строгих условиях отбывают наказание осужденные за умышленные преступления, совершенные в период отбывания лишения свободы, а также осужденные, признанные злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания и облегченных условий отбывания наказания.

Со строгих условий на обычные осужденные несовершеннолетние могут быть переведены при отсутствии взысканий за нарушение требований режима и при добросовестном отношении к труду и учебе по истечении шести месяцев.

Список литературы:

[1] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[2] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[3] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва.2018.

[4] Вилкова А. В. Приветственное слово профессора Алевтины Владимировны Вилковой / А. В. Вилкова // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Тверь, 2025. С. 8.

[5] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-рефлексивный подход при повышении квалификации управленческого персонала УИС / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 9-14.

[6] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

[7] Вилкова А. В., Казберов П. Н. Психологическая проблема личности несовершеннолетних

в уголовно-исполнительной системе/ В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 84-92.

[8] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Уголовно-исполнительная система: подготовка научных кадров высшей категории / В сборнике: VII Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Сборник тезисов выступлений и докладов участников VII международного пенитенциарного форума, приуроченного к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и Году защитника Отечества. В 5-ти томах. Рязань, 2025. С. 68-73

[9] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Социально-педагогическая запущенность и делинквентность несовершеннолетних // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: история и современность. Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Псков. 2025. С. 65-68.

[10] Швырев Б. А. Порядок организации обучения пожарно-техническому минимуму сотрудников воспитательных колоний / Б. А. Швырев, А. В. Вилкова, В. МС. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2020. С. 165-173.

[11] Вилкова А. В. О нравственных качествах молодых ученых / А. В. Вилкова, Я. Н. Полякова // Вестник Самарского юридического института. 2025. № 3(64). С. 107-112.

[12] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Полякова Я. Н. Подготовка научных кадров высшей квалификации для уголовно-исполнительной системы: проблемы и стратегии развития // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4(110). С. 189-195.

[13] Ковтуненко Л. В., Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Роль научного коллектива как субъекта в профессиональном становлении молодого ученого // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2025. № 3. С. 62-65.

[14] Вилкова А. В., Дмитриев Г. Г. Коллектив сотрудников в уголовно-исполнительной системе / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. ежеквартальное научно-практическое издание. Москва, 2025. С. 67-71.

[15] Вилкова А. В., Фадеева С. А., Полякова Я. Н. Дополнительное профессиональное образование сотрудников уголовно-исполнительной системы // В сборнике: Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Владимир. 2025. С. 38-44.

[16] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Делинквентность несовершеннолетних социально-педагогическая запущенность / В сборнике 3 года вместе: закон, порядок, справедливость. Сборник научных статей Международного форума, посвященного Дню воссоединения ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей с Российской Федерацией. Луганск, 2025. С. 36-38.

[17] Казберов П.Н., Вилкова А. В. Системное планирование профессиональной подготовки пенитенциарных психологов к работе с лицами, осужденными за террористические и экстремистские преступления / В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 26-33.

[18] Вилкова А. В., Лещенко С. А. Неблагополучная семья как фактор дисгармоничного развития нравственного сознания личности / В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 105-111.

[19] Вилкова А. В., Кашкина Е. В. Самоутверждение несовершеннолетних правонарушителей: пути и средства / Международный научный вестник, № 8. 2025 С. 90-94.

[20] Вилкова А. В. Хайрутдинова И. В., Якупов Ф. А. Русский жестовый язык – средство коммуникации или лингвистическая система? // Современное педагогическое образование. 2025. № 5. С. 60-64.

[21] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Основные трудности, ожидающие молодых ученых // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 3(25). С. 92-101.

[22] Vilkova A. Prerequisites, conditions and grounds for the removal of the criminal record: the prospects for the legislative improvement of the institute / A. V/ Vilkova // Military Law Review. 2018. № 1. С. 204.

References:

[1] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[2] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[3] A. V. Vilkova. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.

[4] Vilkova A.V. Welcome speech of Professor Alevtina Vladimirovna Vilkova/A.V. Vilkova//In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Tver, 2025. P. 8.

[5] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. A socially reflective approach to advanced training of management personnel of the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 9-14.

[6] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

[7] Vilkova A.V., Kazberov P.N. Psychological problem of the personality of minors in the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 84-92.

[8] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Penal system: training of scientific personnel of the highest category/In the collection: VII International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction." Collection of abstracts and reports of participants of the VII International Penitentiary Forum, dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War and the Year of Defender of the Fatherland. In 5 volumes. Ryazan, 2025. S. 68-73

[9] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Socio-pedagogical neglect and delinquency of minors//In the collection: The penal system: history and modernity. Collection of materials of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation. Pskov. 2025. S. 65-68.

[10] Shvyrev B. A. Procedure for Organizing Fire-Technical Minimum Training for Employees of Educational Colonies/B. A. Shvyrev, A. V. Vilkova, V. MS. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2020. S. 165-173.

[11] Vilkova A.V. On the moral qualities of young scientists/A.V. Vilkova, Y. N. Polyakova//Bulletin of the Samara Law Institute. 2025. № 3(64). S. 107-112.

[12] Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Polyakova Y. N. Training of highly qualified scientific personnel for the penitentiary system: problems and development strategies//Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4(110). S. 189-195.

[13] Kovtunenko L.V., Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The role of the scientific team as a subject in the professional development of a young scientist//Bulletin of Voronezh State University. Series: Higher Education Challenges. 2025. № 3. S. 62-65.

[14] Vilkova A. V., Dmitriev G. G. Collective of employees in the penitentiary system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. quarterly scientific and practical publication. Moscow, 2025. S. 67-71.

[15] Vilkova A. V., Fadeeva S. A., Polyakova Y. N. Additional professional education of employees of the penitentiary system//In the collection: Penitentiary and post-penitentiary resocialization of convicts: problems and prospects. Collection of scientific works of the international scientific-practical conference. Vladimir. 2025. S. 38-44.

[16] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Delinquency of minors social and pedagogical neglect/In the collection 3 years together: law, order, justice. Collection of scientific articles of the International Forum dedicated to the Day of reunification of the DPR, LPR, Zaporizhzhya and Kherson regions with the Russian Federation. Lugansk, 2025. S. 36-38.

[17] Kazberov P.N., Vilkova A.V. Systematic planning of professional training of penitentiary psychologists to work with persons convicted of terrorist and extremist crimes/In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising studies. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 26-33.

[18] Vilkova A. V., Leshchenko S. A. Dysfunctional family as a factor in the disharmonious development of moral consciousness of the individual/In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising research. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 105-111.

[19] Vilkova A. V., Kashkina E. V. Self-affirmation of juvenile offenders: ways and means/International Scientific Bulletin, No. 8. 2025 S. 90-94.

[20] Vilkova A. V. Khairutdinova I. V., Yakupov F. A. Russian sign language - a means of communication or a linguistic system ?//Modern pedagogical education. 2025. № 5. S. 60-64.

[21] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. The main difficulties awaiting young scientists//Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. № 3(25). S. 92-101.

[22] Vilkova A. Prerequisites, conditions and grounds for the removal of the criminal record: the prospects for the legislative improvement of the institute / A. V/ Vilkova // Military Law Review. 2018. № 1. C. 204.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-310-314

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,
кандидат психологических наук,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2
ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского института (филиал) ВГУЮ
(РПА Минюста России),
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

РАБОТА ПСИХОЛОГА В ИСПРАВИТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Аннотация. *В статье представлены практическая работа пенитенциарного психолога в исправительном учреждении с сотрудниками, выбор методов и методик его работы. В рамках практических занятий используется комплекс диагностического материала.*

Ключевые слова: *рефлексия, профессионализм, исправительное учреждение, уголовно-исполнительная система, пенитенциарный психолог.*

POLYAKOVA Ya.N.,
leading researcher,
Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Psychological Sciences

WORK OF A PSYCHOLOGIST IN A CORRECTIONAL INSTITUTION

Annotation. *The article presents the practical work of a penitentiary psychologist in a correctional institution with employees, the choice of methods and methods of his work. As part of practical exercises, a set of diagnostic material is used.*

Key words: *reflection, professionalism, correctional institution, penitentiary system, penitentiary psychologist.*

В работе пенитенциарного психолога большое значение имеет выбор методов и методик исследования, необходимо учитывать научные данные об их валидности, надежности и дифференцированности.

В рамках практических занятий можно использовать комплекс диагностического материала такого как наблюдение, беседа, а также тестовые опросники, в частности методики психодиагностики, предназначенных для психологического анализа.

Упражнение «Профессиональный чемодан»

Участники выходят по одному из помещения, остальные большинством голосов собирают ему «чемодан», в который кладут те состояния, которые помогают ему эффективно «бороться» со стрессом. При этом необходимо:

Указанные состояния фиксируются на листе бумаге. Тот, кому собирался чемодан, может задать любой вопрос, если ему не ясно, что написано. Свой чемодан получает каждый участник.

Рефлексия приобретенного опыта

В процессе рефлексии участники обсуждают тот личностно-значимый опыт, который каждый из участников группы приобрел в процессе работы. Рассматриваются возможности ассимиляции полученного опыта применительно к конкретным условиям индивидуальной профессиональной деятельности.

В конце тренинга производится заполнение бланков опросника самооценки психического состояния.

Завершение работы группы

Занятие. Психологический дебрифинг цели: проработка впечатлений, реакций, чувств; когнитивная организация переживаемого опыта путем понимания как событий, так и реакций; уменьшение индивидуального и группового напряжения; нормализация состояний путем обсуждения чувств; мобилизация внутренних и внешних групповых ресурсов, усиление групповой поддержки, солидарности и понимания; подготовка к пережи-

ванию тех симптомов или реакций, которые могут возникнуть; определение средств дальнейшей помощи в случае необходимости.

Работа осуществляется последовательно в соответствии с логикой.

По окончании дебрифинга сотрудникам исправительного учреждения, участвующим в обсуждении, были розданы памятки их семьям и родителям. Данную работу можно рассматривать как поддерживающий этап, имеющий цель психологическое просвещение родителей и семей участников боевых действий. Этап выступает как важный и значимый фактор психореабилитационной и психологической помощи вернувшихся с войны; а также как оказание непосредственной психологической помощи и психореабилитация самих родителей и членов семей воевавших парней. Ниже представлен образец памятки.

Памятка

- Внимательно и заинтересованно слушайте рассказы своего партнера о том, что ему пришлось пережить. Очень важно этому человеку выговориться, особенно при моральной поддержке близкого и любимого человека.
- Постарайтесь оказать помощь своему мужу психологически вернуться в нормальную, привычную жизнь.
- Проявите внимание и терпение к проблемам мужа, которые неизбежно возникают после боевого стресса, к его психологическому дискомфорту, к повышенной раздражительности, возможному длительному депрессивному состоянию. Это временные явления, помогите ему с ними справиться.
- Необходимо учитывать, что за время разлуки вы оба несколько изменились. Необходимо какое-то время, чтобы опять привыкнуть друг к другу. Возвращение мужа к привычной совместной жизни может протекать не без осложнений. Проявите внимание и терпение.
- Особое внимание необходимо уделить детям. Важно, чтобы, при восстановлении ваших привычных отношений с мужем, они не оказались без должного внимания и заботы.
- Создайте благоприятную интимную обстановку. Дайте понять партнеру, что Вы в нем нуждаетесь и что пойдете ему навстречу.
- Не поощряйте употребление мужем алкоголя. Постарайтесь тактично дать ему понять, что это весьма пагубно для него, Ваших отношений и в целом для семьи

Занятие.

Перед началом тренинга производится заполнение бланков опросника самооценки психических состояний.

Приветствие. Разогрев группы Упражнение «На какого зверя я похож»

Каждому участнику раздаются листы бумаги, сверху необходимо написать фамилию участника. Листки перемешиваются и выдаются каждому по одному, выполняя следующее задание: написать на листке внизу ассоциации на товарища, чье имя стоит вверху: на какое животное он похож, на какое дерево, цветок он похож, на какую погоду он похож, на какое настроение, на какое оружие, на какой звук. Если попадет листок с собственным именем, напишите ассоциации на самого себя. После того, как ассоциация написана, загнуть листок снизу и передать соседу по часовой стрелке. После того, как круг завершился, листки собираются и передаются каждому свой. Каждый читает ассоциации и решает, обменивается ли он информацией о себе с другими или нет. При обсуждении каждый выбирает одну или несколько ассоциаций и объясняет, почему, с его точки зрения, появилось такое сравнение, какие черты в поведении того или иного члена группы навели на этот образ.

Упражнение «Пишущая машинка»

Участников просят представить, что все присутствующие - большая пишущая машинка. Каждый из членов группы - буквы на клавиатуре (позже происходит распределение букв и каждому достанется по 3 буквы). Машинка может печатать разные слова и делает это так: ведущий говорит слово, например, поезд, и тогда тот, кому досталась буква «п» хлопает в ладоши, потом мы все хлопаем в ладоши, затем хлопает в ладоши тот, у кого буква «о», и снова общий хлопок. Если машинка сделает ошибку, то слово группа будет печатать заново.

Упражнение «Эмоции»

Каждый из группы получает карточки, на которых обозначены те или иные эмоциональные состояния. Надпись не должны видеть другие члены группы, и затем по очереди изображают это состояние. Участникам необходимо постараться понять и отгадать, какое состояние изображено.

Психогимнастика. Упражнение «Перевоплощения»

Один из участников получает от ведущего или от своего соседа задание превратиться в определенную вещь. Он должен вообразить себя этой вещью, погрузиться в ее мир, ощутить ее «характер». От лица этой вещи он начинает рассказ о том, что ее окружает, как она живет, что чувствует, о ее заботах, пристрастиях, о ее прошлом и будущем. Закончив рассказ, участник дает задание следующему по кругу.

Упражнение «Лесенка»

Ведущий называет вслух предмет, любой, достаточно нейтральный, не вызывающий релак-

сационных ассоциаций, например, чайник. Следующий за ним игрок, вступая в игру, должен назвать или как-то описать предмет, явление, ситуацию, которые в несколько большей степени, чем предыдущие, насыщены духом расслабления, например, бутерброд, чайник с теплой водой. Следующий участник предлагает еще более расслабленное. Таким образом, игра движется по кругу, воображение участников устремляется в область все более расслабленных, размягченных представлений и образов. Если очередной игрок не может назвать следующий, еще более расслабленный предмет, то ведущий останавливает игру и начинает ее с нового исходного слова. Затем можно называть предметы, каждый из которых более напряжен, сосредоточен, собран.

Упражнение «Термометр»

Участники разбиваются на пары. Один из пары закрывает глаза и пытается вызвать ощущение тепла в своей правой или левой руке (участник выбирает сам). По истечении некоторого времени партнер внимательно ощупывает обе его руки и пытается определить, которая из них теплее. После каждой такой попытки происходит смена ролей в парах или смена партнеров.

Упражнение «Эксперт»

Каждый из участников должен побывать в роли эксперта. Задача эксперта: выйти вперед, сесть спиной к группе и закрыть глаза. Оставшиеся участники выбирают нескольких игроков, которые приступят к глубокому расслаблению. В это же время остальные игроки просто сидят в креслах, закрыв глаза и не двигаясь. Когда назначенные участники погрузятся в глубокую релаксацию, ведущий подает команду, эксперт поворачивается и приступает к работе. Его задача - не сходя с места внимательно осмотреть всех членов группы и найти расслабившихся игроков. Ведущий сопоставляет выводы эксперта с действительностью. Затем он организовывает экспертизу и обсуждение ее результатов, объявляет лучших экспертов.

Упражнение «Впечатление о сегодняшнем дне»

В течение пяти минут необходимо нарисовать свои впечатления о сегодняшнем дне. Сделать рисунок можно в любой манере, главное, чтобы он отражал видение, личный образ сегодняшнего дня работы. Завершенные рисунки отдаются руководителю группы. Затем тренер раздает их участникам, стараясь, чтобы никому не попал его собственный рисунок. Участники подумывают, кто автор рисунка, подписывают его.

Рефлексия приобретенного опыта

В процессе рефлексии участники обсуждают тот личностно-значимый опыт, который каждый из участников группы приобрел в процессе работы. Рассматриваются возможности ассимиляции полученного опыта применительно к конкретным условиям индивидуальной профессиональной деятельности.

В конце тренинга производится заполнение бланков опросника самооценки психического состояния.

Завершение работы группы

Занятие.

Приветствие. Упражнение «Знакомство»

Каждому дается 5 минут для того, чтобы рассказать своему собеседнику, каким он (ваш собеседник) был, с вашей точки зрения, когда ему было 5 лет. При этом можно говорить не только о внешнем облике, но об особенностях поведения и характера. Затем обсуждение по вопросам следующего содержания: Что вы чувствовали, когда слушали рассказ о себе? Какие трудности вы испытали, когда должны были описывать другого человека? Стремились ли Вы перенести свой опыт на другого человека, приписать ему то, что, прежде всего, свойственно Вам самим?

Разогрев группы Упражнение «Скульптура группы»

Из участников группы выбирается человек, который хочет стать «скульптором», которому предстоит увековечить группу в монументальной скульптуре. У каждого персонала скульптурной группы должна быть своя роль, своя функция, олицетворяющая какую-то сторону, например, революционной борьбы. Затем необходимо рассказать, что автор хотел сказать этим произведением.

Упражнение «Деление группы»

Одни участник выходит за дверь. Тем временем группа делится на две подгруппы по какому-то выбранному признаку. Признак должен визуально фиксироваться и однозначно делить группу на две части (например, по выражению какого-либо состояния). Две образовавшиеся подгруппы садятся в разных местах так, чтобы они были обозначены пространственно. Вернувшийся участник должен определить, по какому признаку групп разделилась на две части.

Упражнение «Гамма»

Участники садятся в кресло, кладут руки на колени пальцами вниз, так, чтобы ощутить коленные чашечки. Глаза закрыты. Ведущий называет пальцы: по очереди, сначала на левой руке, а потом на правой, начиная от мизинца левой руки. Услышав название пальца, участники должны постараться ощутить на кончике пальца биение пульса. Почувствовав пульс, сделать легкий кивок головой. Начиная от мизинца левой руки, последовательно проходить пять пальцев на левой руке и затем пять пальцев на правой руке.

Ведущий называет пальцы. Затем проделывается то же самое упражнение, но не надавливать пальцами на колени. Пальцы лежат на коленях абсолютно неподвижно, легко и расслаблено. Почувствовав в пальцах биение пульса, необходимо кивнуть. Каждый по очереди рассказывает, какие ощущения возникли при выполнении данного упражнения.

Упражнение «Подведение итогов»

В течение пяти минут необходимо нарисовать свои впечатления о работе в группе за все время работы. Сделать рисунок можно в любой манере, главное, чтобы он отражал видение, личный образ всего времени работы. Завершенные рисунки отдаются руководителю группы.

Упражнение «Подведение общих итогов»

Участникам предлагается осмыслить изменения, которые произошли при работе с группой и с каждым ее участником. Возможна рефлексия с опорой на вопросы: что дала программа, чего реально добился каждый; что изменилось в представлениях, отношении, поведении в связи с психическими состояниями, групповым взаимодействием, особенностями профессиональной безопасности и пр.; что каждый из участников собирается делать после тренинга; что запомнилось и понравилось особенно; какие есть замечания и предложения.

Завершение работы группы

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Пути ранней психодиагностики и профилактики отклоняющегося поведения несовершеннолетних // В сборнике: Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Владимир. 2025. С. 29-37.

[2] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Подготовка научной смены – важнейшая составляющая науки / Международный научный вестник, № 8. 2025 С. 188-191.

[3] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Педагог и конфликтная семья / Российский научный вестник. 2025. № 8. С. 152-155.

[4] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Воспитательно-коррекционная работа с несовершеннолетними / Российский научный вестник. 2025. № 8. С. 190-193.

[5] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Психологическая тенденция к правонарушениям у несовершеннолетних осужденных / Международный научный вестник, № 9. 2025 С.

[6] Вилкова А. В., Антипов а. Н. Ювенальная юстиция в России: «за» и «против» / Вестник Кузбасского института. 2012. № 3(11). С. 105-110.

[7] Вилкова А. В., Полякова Я. Н., Мешкова Л. В. Проблемные вопросы воспитания научных кадров в России / Образование и право, № 9. 2025. С. 477-481.

[8] Вилкова А. В. Последствия дефицитарности образования/ В сборнике: Экстремальная психология и педагогика: современные тенденции и перспективные исследования. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 8-13.

[9] Актуальные проблемы исправления осужденных: криминологические, психологические и педагогические аспекты. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025.

[10] Вилкова А. В. Теория и практика исправления несовершеннолетних осужденных в России / В сборнике: Актуальные проблемы исправления осужденных: криминологические, психологические и педагогические аспекты. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 27-32.

[11] Вилкова А. В. Формирование нравственной ответственности несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. ежеквартальное научно-практическое издание. Москва, 2025. С. 60-67.

[12] Ерофеева М. А., Мироненкова О. Л. Система подготовки сотрудников полиции к работе с подростками в центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей. Монография. Москва. 2025.

[13] Вилкова А. В., Фадеева С. А. Развитие эмоционального интеллекта несовершеннолетних осужденных и его роль при достижении воспитательных результатов на музыкально-эстетических занятиях // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 2(24). С. 84-93.

[14] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социопатогенез личности несовершеннолетних и пути ранней психодиагностики и профилактики // Прикладная юридическая психология. 2025. № 2(71). С. 128-136.

References:

[1] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Ways of early psychodiagnosis and prevention of deviant behavior of minors//In the collection: Penitentiary and post-penitential resocialization of convicts: problems and prospects. Collection of scientific works of the international scientific-practical conference. Vladimir. 2025. S. 29-37.

[2] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Preparation of a scientific shift is the most important component of science/International Scientific Bulletin, No. 8. 2025 S. 188-191.

[3] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Teacher and conflict family/Russian Scientific Bulletin. 2025. № 8. S. 152-155.

[4] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Educational and correctional work with minors/Russian Scientific Bulletin. 2025. № 8. S. 190-193.

[5] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Psychological tendency to offenses in juvenile convicts/International Scientific Bulletin, No. 9. 2025 PP.

[6] Vilkova A.V., Antipov a. N. Juvenile Justice in Russia: "for" and "against "/Bulletin of the Kuzbass Institute. 2012. № 3(11). S. 105-110.

[7] Vilkova A. V., Polyakova Y. N., Meshkova L. V. Problematic issues of educating scientific personnel in Russia/Education and Law, No. 9. 2025. S. 477-481.

[8] A. V. Vilkova. Consequences of educational scarcity/In the collection: Extreme psychology and pedagogy: modern trends and promising research. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 8-13.

[9] Actual problems of correction of convicts: criminological, psychological and pedagogical aspects. Collection of roundtable articles. Tver, 2025.

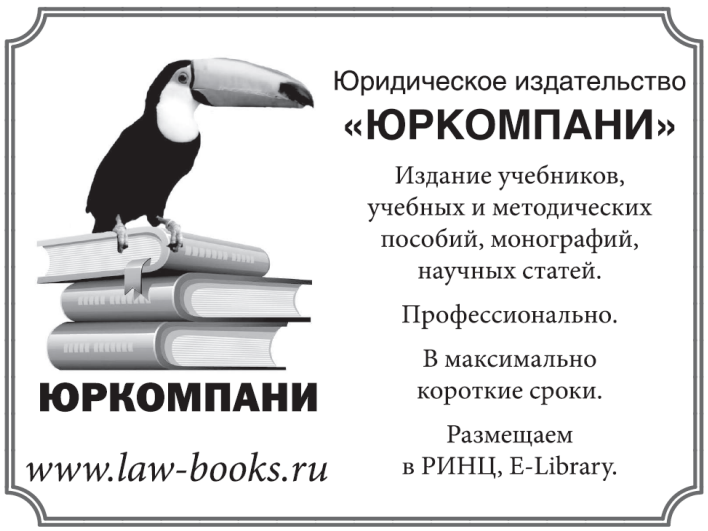
[10] Vilkova A. V. Theory and practice of correction of juvenile convicts in Russia/In the collection: Actual problems of correction of convicts: criminological, psychological and pedagogical aspects. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 27-32.

[11] Vilkova A. V. Formation of moral responsibility of juvenile convicts/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. quarterly scientific and practical publication. Moscow, 2025. S. 60-67.

[12] Erofeeva M. A., Mironenkova O. L. System of training police officers to work with adolescents in temporary detention centers for juvenile offenders. Monograph. Moscow. 2025.

[13] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. Development of the emotional intelligence of juvenile convicts and its role in achieving educational results in musical and aesthetic studies//Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. № 2(24). S. 84-93.

[14] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Sociopathogenesis of the personality of minors and the ways of early psychodiagnosis and prevention//Applied legal psychology. 2025. № 2(71). S. 128-136.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-315-321

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ПОРЯДОК РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ НА ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ТЕЛЕФОННЫХ РАЗГОВОРОВ С РОДСТВЕННИКАМИ И ИНЫМИ ЛИЦАМИ В УСЛОВИЯХ СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *Целью исследования стали правовые, организационные и психологические аспекты закрепленного в законодательных и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России порядка реализации права подозреваемых и обвиняемых на предоставление телефонных разговоров с родственниками и иными лицами в условиях следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы. Для ее достижения использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались научные и учебно-методические публикации, материалы деятельности следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, направленные на реализацию права подозреваемых и обвиняемых на телефонные разговоры. Рассматривалась практика предоставления подозреваемым и обвиняемым телефонных переговорах в тюрьмах (следственных изоляторах) пенитенциарных систем некоторых зарубежных стран. Одним из важнейших прав подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся СИЗО УИС в настоящее время является предоставление телефонных разговоров с их родственниками и иными лицами. Современное развитие информационных технологий, технических средств и телекоммуникационных систем предполагает их активное применение при соблюдении прав подозреваемых и обвиняемых в СИЗО УИС. Учитывая значимость, мобильность и социально-психологическое значение коммуникаций указанных лиц с родственниками и иными лицами, анализируемое право является релевантным для соблюдения администраций изоляторов. Предоставление телефонных разговоров подозреваемым и обвиняемым регулируется национальным уголовно-исполнительным законодательством, которое постоянно совершенствуется и модернизируется. Правовой институт предоставления подозреваемым и обвиняемым, содержащимся в СИЗО УИС телефонных разговоров, представляет собой комплексный нормативный механизм, сочетающий в себе организационно-правовые и психологические аспекты. Последние оказывают существенное влияние не только на психологические характеристики указанных лиц, но и способствуют профилактике их негативных психических состояний (стресса, депрессии, страха и фрустрации), негативно влияющие на поведение осужденных. Предотвращают возможные нарушения ими режимно-надзорных требований, условий содержания в СИЗО. Предупреждают проявления суицидального поведения в условиях изоляции, ограничения передвижения, других прав подозреваемых и обвиняемых. Действия администрации и должностных лиц СИЗО УИС по организации и предоставлению телефонных разговоров подозреваемым и обвиняемым являются предметом ведомственного контроля и прокурорского надзора органов прокуратуры Российской Федерации.*

Ключевые слова: *подозреваемые и обвиняемые, право на телефонные разговоры, родственники и иные лица, следственные изоляторы, уголовно-исполнительная система, администрация учреждений, ведомственный контроль, прокурорский надзор.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

THE PROCEDURE FOR EXERCISING THE RIGHT OF SUSPECTS AND ACCUSED PERSONS TO PROVIDE TELEPHONE CONVERSATIONS WITH RELATIVES AND OTHER PERSONS IN PRE-TRIAL DETENTION FACILITIES OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. *The purpose of the study was the legal, organizational and psychological aspects of the procedure for exercising the right of suspects and accused persons to telephone conversations with relatives and other persons in pre-trial detention facilities of the penal correction system, as set out in legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia. To achieve this goal, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were used. The article analyzed scientific and educational publications, materials on the activities of pre-trial detention facilities of the penal correction system, aimed at realizing the right of suspects and accused persons to telephone conversations. The article examined the practice of providing suspects and accused persons with telephone conversations in prisons (pre-trial detention facilities) of penitentiary systems in some foreign countries. One of the most important rights of suspects and those accused of committing crimes currently held in a pre-trial detention center is to provide telephone conversations with their relatives and other persons. The modern development of information technologies, technical means and telecommunication systems presupposes their active use while respecting the rights of suspects and accused persons in the pre-trial detention center. Given the importance, mobility, and socio-psychological significance of these individuals' communications with relatives and others, the analyzed law is relevant for the administration of detention facilities. The provision of telephone conversations to suspects and accused persons is regulated by the national penal enforcement legislation, which is constantly being improved and modernized. The legal institution of providing telephone conversations to suspects and accused persons held in jail is a comprehensive regulatory mechanism that combines organizational, legal and psychological aspects. The latter have a significant impact not only on the psychological characteristics of these individuals, but also contribute to the prevention of their negative mental states (stress, depression, fear and frustration), negatively affecting the behavior of convicts. They prevent possible violations of regime and supervisory requirements and conditions of detention in a pre-trial detention center. They prevent manifestations of suicidal behavior in conditions of isolation, restrictions on movement, and other rights of suspects and accused. The actions of the administration and officials of the pre-trial detention center for organizing and providing telephone conversations to suspects and accused are subject to departmental control and prosecutorial supervision of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.*

Key words: *suspects and accused, the right to telephone conversations, relatives and other persons, pre-trial detention facilities, penal enforcement system, administration of institutions, departmental control, prosecutor's supervision*.

Введение. Одним из важнейших прав подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее СИЗО УИС), в настоящее время является предоставление телефонных разговоров с их родственниками и иными лицами. Современное развитие информационных технологий, технических средств и телекоммуникационных систем предполагает их активное применение при соблюдении прав подозреваемых и обвиняемых в СИЗО УИС. Учитывая значимость, мобильность и социально-психологическое значение коммуникаций указанных лиц с родственниками и иными лицами, анализируемое право является релевантным для соблюдения администраций изоляторов [1, с. 6-8].

Предоставление телефонных разговоров подозреваемым и обвиняемым регулируется национальным уголовно-исполнительным законодательством, в котором особенно выделяются:

- Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (статьи 12 и 92) [2];
- Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ [3];
- Правила внутреннего распорядка СИЗО УИС (далее ПВР), утвержденные Приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы». Регулирующие обеспечение и соблюдение адми-

нистрацией СИЗО УИС прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений [4, с. 229-235].

Другим законодательным актом, регулирующим предоставление рассматриваемого права лиц, заключенных под стражу выступает уголовно-процессуальный закон. Уголовно-процессуальный кодекс РФ, обязывающий получать письменное разрешение на предоставление телефонных переговоров от лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, либо суда. Такое разрешение заверяется гербовой печатью соответствующего органа или суда. В нем также должно быть указано, кому и с какими лицами предоставляется разговор, адрес их места жительства и номер телефона абонента [5]. Разрешение действительно только на один телефонный разговор.

Таким образом, правовой институт предоставления подозреваемым и обвиняемым, содержащимся в СИЗО УИС телефонных разговоров с родственниками и иными лицами, представляет собой комплексный нормативный механизм, сочетающий в себе организационно-правовые и психологические аспекты. Последние оказывают существенное влияние не только на психологические характеристики указанных лиц, но и способствуют профилактике их негативных психических состояний (стресса, депрессии, страха и фрустрации), негативно влияющие на поведение осужденных. Предотвращают возможные нарушения ими режимно-надзорных требований, условий содержания в СИЗО [6, с. 243-248]. Предупреждают проявления суицидального поведения в условиях изоляции, ограничения передвижения, других прав подозреваемых и обвиняемых [7, с. 20-23].

Указанные аспекты, определяющие порядок предоставления подозреваемым и обвиняемым телефонных переговоров в СИЗО нуждаются в комплексном междисциплинарном рассмотрении и анализе.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых, организационных и психологических аспектов закрепленного в законодательных и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России порядка реализации права подозреваемых и обвиняемых на предоставление телефонных разговоров с родственниками и иными лицами в условиях СИЗО УИС. Для ее достижения использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались научные и учебно-методические публикации, материалы деятельности следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, направленные на реализацию права подозреваемых и обвиняемых на телефонные разговоры. Рассматривалась практика предоставления подозреваемым и обвиняемым телефонных переговорах в тюрьмах (следственных изоляторах) пенитенциарных систем некоторых зарубежных стран.

Основные результаты. Материалы теоретико-правового исследования показали, что порядок предоставления подозреваемым и обвиняемым, содержащимся в СИЗО УИС телефонных разговоров с родственниками и иными лицами конкретизирован в пунктах 194-203 ПВР СИЗО УИС.

Администрация СИЗО предоставляет телефонный разговор по письменному заявлению подозреваемого или обвиняемого, или по заявлению, оформленному им с помощью информационного терминала в течение пяти рабочих дней со дня поступления в изолятор письменного разрешения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, либо суда, за исключением случаев, когда у подозреваемого или обвиняемого отсутствуют денежные средства на лицевом счете или он отказался от телефонного разговора либо убыл из СИЗО [8]. Анализируемый нормативный акт выделил отдельные категории подозреваемых и обвиняемых, для которых указанный пятидневный срок со дня поступления в учреждение письменного разрешения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, либо суда, сокращается до 24 часов. К ним относятся:

- женщины, имеющие ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющиеся единственным родителем;
- мужчины, имеющие ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющиеся единственным родителем.

Этим категориям подозреваемых и обвиняемых в СИЗО УИС предоставляется разговор с их несовершеннолетними детьми в течение 24 часов с момента поступления в изолятор письменного разрешения лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, либо суда. Подобный подход, несомненно, свидетельствует о гуманном отношении к подозреваемым и обвиняемым в рамках реализуемой в настоящее время уголовно-исполнительной политики [9, с. 73-76]. Более того, следует отметить, что указанные сроки предоставления телефонного разговора являются предметом надзора органов прокуратуры в процессе осуществления ежемесячных проверок СИЗО УИС [10, с. 98-103].

Законодатель в пункте 197 ПВР СИЗО УИС определил необходимые атрибуты заявления подозреваемых и обвиняемых на предоставление телефонного разговора, отнеся к ним: фамилию, имя и отчество; адрес места жительства; язык, на котором будет вестись телефонный разговор.

Телефонные разговоры подозреваемых с родственниками и иными лицами проводятся под контролем сотрудников СИЗО в специально оборудованных для этих целей помещениях. Указанные разговоры прослушиваются сотрудниками изолятора, о чем перед его началом информируется подозреваемый и его абонент [11]. Такой подход обусловлен реализацией в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» 1995 г. в СИЗО оперативно-розыскной деятельности (далее ОРД) оперативными подразделениями УИС [12]. Решения задач получения оперативной информации о совершенных преступлениях, оперативной профилактики, обеспечения личной безопасности [13, с. 143-150]. Предотвращения неконтролируемого обмена информацией о преступлениях, в которых подозреваются и обвиняются лица, содержащиеся в СИЗО.

Порядок предоставления подозреваемым и обвиняемым телефонных разговоров предполагает приглашение переводчика при необходимости перевода разговора на государственный язык Российской Федерации. В данном случае позиция законодателя созвучна правовому регулированию вопроса, осуществленному в УИК РФ [14, с. 28-33].

Существуют основания для досрочного прекращения разговора подозреваемых и обвиняемых. К ним относятся следующие:

- попытка передачи сведений, могущих помешать установлению истины по уголовному делу, оскорбления, угрозы, призывы к расправе, совершению преступления или иного правонарушения;
- информация об охране СИЗО, его работниках;
- сведения о способах передачи запрещенных в учреждении предметов, веществ, средств связи и продуктов питания [15, с. 179-182];
- попытка передачи информации, направленной на причинение вреда охраняемым законом правам и интересам органов государственной власти, общественных объединений и отдельных граждан;
- попытка передачи сведений, составляющих государственную тайну, или информацию ограниченного распространения;
- использование в разговоре нецензурной брани, шифров, жаргонных слов и выражений, применяемых в криминальной среде;
- ведение телефонного разговора на ином языке, чем был указан в заявлении подозреваемого или обвиняемого.

Кроме того, предусматривается досрочное прекращение телефонного разговора по инициативе одной из сторон, участвующей в нем. При этом, сотрудник СИЗО, ответственный за проведение телефонного разговора, в случае его досрочного прекращения по основаниям, указанным в подпунктах 201.1-201.3 пункта 201 ПВР СИЗО УИС обязан письменно доложить об этом начальнику изолятора либо лицу, его замещающему с указанием причины прекращения телефонного разговора [16]. Действия сотрудников СИЗО на данном направлении также могут явиться предметом ведомственного контроля и прокурорского надзора органов прокуратуры Российской Федерации [17].

В пенитенциарных системах развитых зарубежных государств вопросы предоставления телефонных разговоров являются прерогативой администраций тюрем (СИЗО или так называемых «Джейлов»). Так, в джейлах США основным препятствием для предоставления подозреваемому или обвиняемому телефонного разговора является отсутствие на его лицевом счету средств на его оплату [18, с. 19-22]. В тюрьмах ФРГ получение разрешения на телефонный разговор носит упрощенных характер [19]. Вместе с тем, во всех пенитенциарных учреждениях осуществляется аудиовизуальный контроль за содержанием телефонного разговора, несмотря на то, что тюремные ведомства стран не являются субъектами ОРД, которую в их интересах осуществляют соответствующие подразделения полиции.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

- VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;
- V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий)., состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;
- Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации», состояв-

шейся в Вологодском институте права и экономики ФСИН России 09-11.12.2022. Доклад на тему «Организационно-правовые особенности и методика проведения прокурорских проверок в СИЗО ФСИН России»;

– 10 Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия» в Пермском институте ФСИН России 15.04.2023. Доклад на тему: «Современная оперативно-розыскная политика в УИС и ее влияние на комплексное обеспечение безопасности пенитенциарных учреждений»;
– XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
– Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
– 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;
– XI Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 05.04. 2024 г., на секции «Правовое регулирование деятельности подразделений УИС по обеспечению режима, охраны и конвоирования». Доклад на тему: «Особенности деятельности оперативных подразделений по обеспечению режима исправительных учреждений»;
– Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-исполнительная система: история и современность», состоявшейся 16-17.10. 2024 г. в Псковском филиале Санкт-Петербургского университета ФСИН России. Доклад на тему «Современные подходы обеспечения безопасности следственных изоляторов».

Заключение. Одним из важнейших прав подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся СИЗО УИС в настоящее время является предоставление телефонных разговоров с их родственниками и иными лицами. Современное развитие информационных технологий, технических средств и телекоммуникационных систем предполагает их активное применение при соблюдении прав подозреваемых и обвиняемых в СИЗО УИС. Учитывая значимость, мобильность и социально-психологическое значение коммуникаций указанных лиц с родственниками и иными лицами, анализируемое право является релевантным для соблюдения администраций изоляторов. Предоставление телефонных разговоров подозреваемым и обвиняемым регулируется национальным уголовно-исполнительным законодательством, которое постоянно совершенствуется и модернизируется.

Правовой институт предоставления подозреваемым и обвиняемым, содержащимся в СИЗО УИС телефонных разговоров, представляет собой комплексный нормативный механизм, сочетающий в себе организационно-правовые и психологические аспекты. Последние оказывают существенное влияние не только на психологические характеристики указанных лиц, но и способствуют профилактике их негативных психических состояний (стресса, депрессии, страха и фрустрации), негативно влияющие на поведение осужденных. Предотвращают возможные нарушения ими режимно-надзорных требований, условий содержания в СИЗО. Предупреждают проявления суицидального поведения в условиях изоляции, ограничения передвижения, других прав подозреваемых и обвиняемых.

Действия администрации и должностных лиц СИЗО УИС по организации и предоставлению телефонных разговоров подозреваемым и обвиняемым являются предметом ведомственного контроля и прокурорского надзора органов прокуратуры Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Ковалев О.Г., Карпов А.А., Зайцева С.И. Современные проблемы реализации и совершенствования прокурорского надзора за законностью исполнения уголовных наказаний, соблюде-

ния прав и законных интересов лиц, заключенных под стражу // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 3. С. 6-8.

[2] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[3] Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Consultant.ru (дата обращения 12.03.2026).

[4] Ковалев О.Г. Роль правил внутреннего распорядка следственных изоляторов в правоохранительной и правозащитной деятельности, реализуемой в местах содержания под стражей // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 229-235.

[5] Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. Дашков и К. 2005. 21 с.

[6] Иконников Д.С., Ковалев О.Г. Современные подходы обеспечения надзора в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы: организационно-правовой и психологический анализ // Право и управление. 2024. № 8. С. 243-248.

[7] Баламут А.Н., Ковалев О.Г., Дикопольцев Д.Е. Теоретический анализ комплексных психокоррекционных программ, направленных на суицидальную превенцию подозреваемых, обвиняемых и осужденных (организационный, социальный и психологический аспекты) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 1. С. 20-23.

[8] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 12.03.2026).

[9] Ковалев О.Г. Особенности современной уголовно-исполнительной политики, влияющие на состояние женской преступности (по материалам пенитенциарной практики) // Вестник Владимирского юридического института. 2023, 4 (69). С. 73-76.

[10] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Организационно-правовые особенности и методика проведения прокурорских проверок в СИЗО ФСИН России // В сборнике Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации. Сборник материалов международной научно-практической конференции в 3 ч. Вологда, 2022. № 6. С. 98-103.

[11] Теория оперативно-розыскной деятельности / Горяинов К.К., Земскова А.В., Исиченко А.П., Климов И.А., Ковалев О.Г., Конов А.И., Нетреба В.А., Федоров А.В., Овчинский В.С., Синилов Г.К., Черников В.В. Краткий учебный курс / Сер. Краткие учебные курсы юридических наук. (2-е издание, переработанное). Москва, 2006. 385 с.

[12] Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека / Федоров А.В., Вагин О.А., Гаврилов Б.Я., Горяинов К.К., Кикоть В.Я., Ковалев О.Г., Овчинский В.С., Черников В.В. Москва, 2006. 426 с.

[13] Ковалев О.Г., Орлов А.В. Организационно-правовые и оперативно-розыскные проблемы контроля телефонных разговоров осужденных к лишению свободы // Вестник Кузбасского института. 2024. № 2 (59). С. 143-150.

[14] Ковалев О.Г. К вопросу соблюдения права осужденных на объяснения, ведение переписки и обращения на государственном языке Российской Федерации (субъекта федерации по месту отбывания наказания) // Российский научный вестник. 2025. № 3. С. 28-33.

[15] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Профилактика незаконного использования средств мобильной связи как одно из направлений обеспечения информационной и кибербезопасности учреждений УИС // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2022.№ 1. С. 179-182.

[16] Кузьмин В.А. Комментарий к Федеральному закону от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (под ред. Г.С. Мановой. М. 2011.

[17] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

[18] Ковалев О.Г., Шереметьева М.В. Пенитенциарная система США: Особенности организации и современные тенденции // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 4. С. 19-22.

[19] Морозов В.М., Ковалев О.Г., Морозов А.М. Психологическая служба и социальная работа в пенитенциарных учреждениях ФРГ. 2001.

References:

[1] Kovalev O.G., Karpov A.A., Zaitseva S.I. Modern problems of the implementation and improvement of prosecutorial supervision over the legality of the execution of criminal penalties, respect for the rights and legitimate interests of persons in custody // Penal enforcement system: law, economics, management. 2023. No. 3. pp. 6-8.

[2] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[3] Federal Law "On the detention of suspects and accused of committing crimes" dated July 15, 1995 No. 103-FZ // Consultant.ru (accessed 12.03.2026).

[4] Kovalev O.G. The role of the internal regulations of pre-trial detention facilities in law enforcement and human rights activities carried out in places of detention // International Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 229-235.

[5] Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article). M. Dashkov and K. 2005. 21 p.

[6] Ikonnikov D.S., Kovalev O.G. Modern approaches to supervision in pre-trial detention facilities of the penal system: organizational, legal and psychological analysis // Law and Management. 2024. No. 8. pp. 243-248.

[7] Balamut A.N., Kovalev O.G., Dikopoltsev D.E. Theoretical analysis of complex psychocorrective programs aimed at suicidal prevention of suspects, accused and convicted (organizational, social and psychological aspects) // Penal enforcement system: law, economics, management. 2023. No. 1. pp. 20-23.

[8] Order No. 110 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 "On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the Penal Correction System, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the Penal Correction system" // Garant.ru (accessed 12.03.2026).

[9] Kovalev O.G. Features of modern penal enforcement policy affecting the state of female criminality (based on the materials of penitentiary practice) // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2023, 4 (69). pp. 73-76.

[10] Kovalev O.G., Semenova N.V. Organizational and legal features and methods of conducting prosecutorial inspections in the pre-trial detention center of the Federal Penitentiary Service of Russia // In the collection The Russian penitentiary system in modern conditions of society development: from the paradigm of punishment to correction and re-socialization. Collection of materials of the international scientific and practical conference at 3 a.m. Vologda, 2022. No. 6. pp. 98-103.

[11] Goryainov K.K., Zemskova A.V., Isichenko A.P., Klimov I.A., Kovalev O.G., Konov A.I., Netreba V.A., Fedorov A.V., Ovchinsky V.S., Sinilov G.K., Chernikov V.V. A short training course / Ser. Short training courses in law. (2nd edition, revised). Moscow, 2006. 385 p.

[12] Commentary to the Federal Law "On Operational Investigative Activities". With the application of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights / Fedorov A.V., Vagin O.A., Gavrilov B.Ya., Goryainov K.K., Kikot V.Ya., Kovalev O.G., Ovchinsky V.S., Chernikov V.V. Moscow, 2006. 426 p.

[13] Kovalev O.G., Orlov A.V. Organizational, legal and operational-investigative problems of monitoring telephone conversations of persons sentenced to imprisonment // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2024. No. 2 (59). pp. 143-150.

[14] Kovalev O.G. On the issue of observing the right of convicts to explanations, correspondence and appeals in the official language of the Russian Federation (subject of the Federation at the place of serving the sentence) // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 3. pp. 28-33.

[15] Kovalev O.G., Shcherbakov A.V. Prevention of illegal use of mobile communication facilities as one of the areas of ensuring information and cybersecurity of penitentiary institutions // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2022.No. 1. pp. 179-182.

[16] Kuzmin V.A. Commentary to Federal Law No. 103-FZ of July 15, 1995 "On the detention of suspects and accused of committing crimes" (edited by G.S. Manova, M. 2011.

[17] The prosecutor's desk book in 2 parts Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanova N.V., Booth N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical guide / Ser. 9 Professional practice, (5th ed., trans. and add.) Moscow, 2018. 481 p.

[18] Kovalev O.G., Sheremetyeva M.V. The US penitentiary system: Organizational features and current trends // Penal enforcement system: law, economics, management. 2013. No. 4. pp. 19-22.

[19] Morozov V.M., Kovalev O.G., Morozov A.M. Psychological service and social work in penitentiary institutions of Germany. 2001.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-322-325

КАШКИНА Екатерина Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и
правоохранительной деятельности Юридического
института РУТ (МИИТ),
e-mail: 000049@bk.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ОБЩЕГО РЕЖИМА

Аннотация. *В статье представлен социально-психологический портрет осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях общего режима. Автор выделяет две группы людей: для одних характерно решение всех жизненных проблем и вопросов с помощью агрессии, они отличаются повышенной подозрительностью и наличием чувства вины. Вторая же группа обследуемых осужденных отличается повышенным негативизмом по отношению к окружающим, непризнанием авторитетов.*

Ключевые слова: *кластер, осужденные, общий режим, рефлексия, социально-психологический портрет.*

KASHKINA Ekaterina Valeryevna,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor Leading researcher of the Federal
Scientific Research Institute of the Federal Penal
Correction Service of Russia Associate Professor
of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure,
and Law Enforcement at the Law Institute of RUT (MIIT)

SOCIO-PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF CONVICTS SERVING SENTENCES IN GENERAL REGIME CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Annotation. *The article presents a socio-psychological portrait of convicts serving sentences in general regime correctional institutions. The author identifies two groups of people: some are characterized by the solution of all life problems and questions with the help of aggression, they are distinguished by increased suspicion and guilt. The second group of examined convicts is characterized by increased negativism in relation to others, non-recognition of authorities.*

Key words: *cluster, convicts, general regime, reflection, socio-psychological portrait.*

С целью проведения системного анализа полученных данных и решения поставленных задач исследования мы использовали методы обработки данных как кластерный анализ, корреляционный анализ и факторный анализ с помощь компьютерной программы STATISTICA 6.0.

Результаты кластерного анализа по опроснику А. Басса-А. Дарки позволяют нам предложить следующие эмпирико-теоретические предложения. Обработка данных с помощью кластерного анализа позволила нам выделить два кластера.

Обследуемые, отнесенные к первому кластеру, отличаются более выраженными показателями по агрессии) в сравнении с осужденными, отнесенными ко 2-му кластеру. В дальнейшем, согласно цели и задачам нашего исследования, мы будем уделять больше внимания именно осужденным, отнесенным к 1-му кластеру.

У осужденных, отнесенных к 1-му кластеру, более выражены физическая агрессия, косвенная агрессия, склонность к раздражению, подозрительность, вербальная агрессия, чувство вины. Такие параметры как негативизм и обида снижены на фоне данных осужденных, отнесенных ко 2-му кластеру.

Таким образом, осужденные, отнесенные к 1-му кластеру склонны к применению физической силы против другого лица, в случае возникновения негативных чувств способны их решать с помощью ссор, крика, выдвижения угроз, проклятий, ругани. Склонны к раздражению, то есть, готовы к проявлению при малейшем возбуждении вспыльчивости, резкости и грубости. Для них характерно наличие убеждения, что они являются плохими людьми, поступающими злобно, наличие угрызений совести. Скорее всего, именно данный факт способствует проявлению недоверия и осторожности по отношению к людям, основанные на том, что окружающие намерены причинить им вред. Проявление косвенной агрессии выражается в прибегании к злобным шуткам, сплетням, направленных на другое лицо, а также в виде агрессии, которая ни на кого не направлена – взрыв ярости, проявляющийся в крике, топанье ногами, битье кулаками по столу и т.п. Эти взрывы характеризуются ненаправленностью и неупорядоченностью. Для данной категории обследуемых не характерно проявлять зависть и ненависть к окружающим, обусловленные чувством горечи, гнева на весь мир за действительные или мнимые страдания. Авторитетов и лидеров воспринимают адекватно, не проявляют по отношения к ним никакого сопротивления, к установленным обычаям и законов относятся нормально.

Анализируя результаты кластерного анализа по опроснику А. Басса-А. Дарки по обследуемым, отнесенным ко 2-му кластеру мы установили, что данная категория людей имеет не высокие показатели по всем видам агрессии, однако, у них ярко проявляются такие личностные качества, как обида и гнев на весь мир за мнимые и действительные страдания, зависть и ненависть по отношению к окружающим, негативно относятся ко всем лидерам и авторитета, сопротивляются установленным традициям и законам.

На основе вышеизложенного мы можем заявить, что выделяются две группы людей, для одних характерно решение всех жизненных проблем и вопросов с помощью агрессии, данные люди отличаются повышенной подозрительностью и наличием чувства вины. Вторая же группа обследуемых осужденных отличается повышенным негативизмом по отношению к окружающим, непризнанием авторитетов. Согласно выдвигаемым цели и задачам нашего исследования мы в дальнейшем будем больше уделять внимания первой группе, так как именно эта категория людей характеризуется повышенным проявлением агрессии. В ходе нашего исследования попытаемся проследить влияние ближайшего окружения на формирование агрессивности.

Таким образом, все наше дальнейшее исследование посвятим изучению личностных особенностей осужденных, склонных к проявлениям агрессии.

Социально-психологический портрет именно данной категории осужденных поможет нам решить поставленные нами задачи исследования.

Осужденные, склонные к проявлению агрессии находятся в основном в возрасте от 20-30 лет. Они имеют образование в основном неполное среднее и средне-специальное, тогда как осужденные не склонные к проявлению агрессии имеют в основном среднее и средне-специальное.

Неработающих до осуждения было больше среди обследуемых не склонных к проявлению агрессии.

Интересным представляется тот факт, что у осужденных склонных к агрессии родители являлись рабочими и служащими, из сельской местности среди них нет. Люди, проживающие в сельской местности, находятся постоянно на виду у своих односельчан и среди них не принято решать свои вопросы с помощью силы и ярко выраженной агрессии. Вполне возможно данный факт и объясняет, что среди осужденных вышедших из сельской местности не выявили мы людей склонных к проявлению агрессии.

Семьи осужденных, склонных к проявлению агрессии в основном были неполными. Так многие осужденные проживали без отцов, но при этом были и отцы, которые имели судимость. Следовательно, воспитанием данной категории осужденных в основном занимались мамы.

Немного меньше четверти осужденных, склонных к проявлению агрессии были единственными детьми в семье, тогда как среди осужденных, не склонных к проявлению агрессии только небольшая часть. При этом братья и сестры со слов осужденных, склонных к проявлению агрессии, оказывали отрицательное влияние в плане воспитания, предлагали покурить, выпить, организовывали в квартире в отсутствие родителей различные увеселительные мероприятия с употреблением алкоголя и т.д.

В семьях, склонных к проявлению агрессии чаще, чем в семьях других осужденных родители решали спорные ситуации с помощью конфликта и ссор. Данный факт оказывал отрицательное влияние на закрепление способа разрешения проблемных ситуаций. Следует отметить, что

обследуемые склонные к проявлению агрессии заявляли чаще о том, что в их адрес выдвигали угрозы, однако о сексуальных притязаниях не было сказано ни одного слова.

Семьи, склонных к агрессии преимущественно были материально обеспечены, также, как и семьи осужденных не склонных к агрессии. И лишь у небольшого количества осужденных, склонных к проявлению агрессии был низкий материальный уровень обеспечения семьи.

Жилищные условия осужденных склонных к агрессии с их слов были нормальными, родители создали все необходимые условия для обучения и нормальной жизни.

Со слов осужденных, склонных к проявлению агрессии они были в основном любимы своими родителями. Тогда как несклонные к проявлению агрессии осужденные были любимы лишь от одной четверти опрошенных и совсем небольшой процент не любимы своими родителями. Необходимо отметить, что воспитанием агрессивно настроенных осужденных занимались в основном матери, которые большую часть времени проводили либо на работе, либо за работой по дому и как следствие существеннейшее влияние на обследуемых оказывала улица.

В качестве дополнительного анализа мы установили, что исследуемая нами группа осужденных склонных к проявлению агрессии совершала преступления чаще, чем другие обследуемые нами осужденные, связанные с насилием.

Больше половины всех обследуемых совершили преступление, связанное с насилием, из них почти половина – склонны к проявлению агрессии. Данный факт показывает, что лица, склонные к проявлению агрессии, чаще совершают преступления, основанные на причинении вреда другому человеку.

Осужденные, склонные к проявлению агрессии предпочитают решать конфликтные ситуации с помощью переговоров, физической силы. Многие из них бывают сами инициаторами конфликтных ситуаций. Существенным отличием является, то, что они почти никто из них не прибегает к решению конфликтов с помощью их избегания.

Среди осужденных склонных к проявлению агрессии чаще возникает желание унизить, оскорбить окружающих людей, используя при этом наглядность и прямое участие. Для осужденных не склонных к проявлению агрессии тоже характерно желание унизить и оскорбить, только делают они, это скрыто, а потом со стороны любуются результатами своих деяний.

Среди большинства друзей агрессивно настроенных осужденных было принято решать спорные ситуации с помощью силы, нередко возникали случаи, связанные с хулиганством. А согласно информации, полученной от самих осужденных, они чаще всего свое свободное время проводили с друзьями в барах, на дискотеках. Другими словами, предпочитаемым способом проведения свободного времени является употребление спиртных напитков и отдых в таких заведениях как бары и дискотеки и т.д.

Осужденные, отличающиеся склонностью к проявлению агрессии, чаще заявляют о своей принадлежности к малым группам в исправительных учреждениях. Но все равно, большинство предпочитает не состоять ни в каких группах. Небольшое количество осужденных, склонных к проявлению агрессии ориентируются на сильных, агрессивных людей и стараются свое общение строить именно с такими людьми.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях //Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[2] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[3] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Подготовка кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе/ Антропогогика. 2025. № 3(19). С. 8-16.

[4] Фадеева С. А., Вилкова А. В. Уголовно-исполнительная система и пенитенциарная пробация: профессиональная готовность // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 147-154.

[5] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Трудности подготовки научно-педагогических кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе // в сборнике: XI педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина. Сборник материалов. Пермь. 2025. С. 14-22.

[6] Мешкова Л. В., Вилкова А. В. К вопросу о развитии социальной активности будущих сотрудников ФСИН в процессе социально-психологического тренинга // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 3(25). С. 212-218.

[7] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[8] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Лукашенко Д. В. Программа подготовки педагогических кадров: структурно-содержательная модель обучения взрослых / Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 89-2. С. 68-71.

[9] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

[10] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[11] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[12] Лукашенко Д. В. Содержание и структура плана внеурочной деятельности для воспитанников воспитательных колоний / А. В. Вилкова, Д. В. Лукашенко // Антропогогика. 2024. № 3(15). С.5-16.

[13] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

References:

[1] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[2] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[3] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Training of the highest category in the penal system/Anthropology. 2025. № 3(19). S. 8-16.

[4] Fadeeva S. A., Vilkova A. V. Criminal executive system and penitentiary probation: professional readiness//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 147-154.

[5] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Difficulties in training scientific and pedagogical personnel of the highest category in the penal system//in the collection: XI pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S. I. Zlobin. Collection of materials. Perm. 2025. S. 14-22.

[6] Meshkova L.V., Vilkova A.V. On the development of social activity of future employees of the Federal Penitentiary Service in the process of social and psychological training//Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. № 3(25). S. 212-218.

[7] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[8] Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Lukashenko D. V. Teacher training program: structural-content model of adult education/Problems of modern pedagogical education. 2025. № 89-2. S. 68-71.

[9] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.

[10] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures “Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[11] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[12] Lukashenko D.V. Content and structure of the plan of extracurricular activities for pupils of educational colonies/A.V. Vilkov, D.V. Lukashenko// Anthropology. 2024. № 3(15). S.5-16.

[13] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author’s course of lectures “The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-326-330

ЛУКАШЕНКО Дмитрий Владимирович,
доктор психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерации,
IDorcid.org//0000-0002-0045-6062,
e-mail: dim-mail-ru@mail.ru

МЕШКОВА Любовь Владимировна,
научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: mlv05@bk.ru

ПРОФИЛАКТИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ В УИС

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос профессиональной деформации и ее профилактики с целью сохранения, укрепления и восстановления психического и психосоматического здоровья сотрудников*.

Ключевые слова: *деформация, сотрудник, уголовно-исполнительная система, коллектив социальная реабилитация.*

LUKASHENKO Dmitry Vladimirovich,
Doctor of Psychology, Professor, Chief Researcher,
PKU Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation,
IDorcid.org//0000-0002-0045-6062

MESHKOVA Lyubov Vladimirovna,
Researcher, NITs-2 PKU,
Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation

PREVENTION OF OCCUPATIONAL DEFORMATION IN MIS

Annotation. *The article discusses the issue of occupational deformation and its prevention in order to preserve, strengthen and restoring mental and psychosomatic health to employees.*

Key words: *deformation, employee, penal system, social rehabilitation team.*

Профессиональная деформация является одним из побочных эффектов выполнения человеком деятельности как профессии.

Профилактика профессиональной деформации – это комплекс мер по предупреждению возникновения профессиональной деформации, ее диагностика при проявлении первых признаков профессиональной деформации у сотрудников, своевременное и в полном объеме оказание им психологической помощи.

Профилактическая работа направлена на сохранение, укрепление и восстановление психического и психосоматического здоровья сотрудников, осуществляемое применением комплекса мер социально-психолого-медицинской реабилитации (социально-экономические, организационно-служебные, правовые, психологические и медицинские мероприятия) [1].

В работе по профилактике и преодолению профдеформации существуют два основных подхода.

1. Одни исследователи считают, что с этим негативным явлением эффективно бороться невозможно, т.к. деятельность сотрудников УИС неразрывно связана с преступными элементами, со всеми присущими им изменениями сознания и морали и относится к экстремальным профессиям типа «человек-ненормальный человек» [2; 3].

2. Другие же настойчиво предлагают ряд разноплановых мер профилактики и коррекции профдеформации [4].

Одной из предпосылок профилактически-коррекционной работы выступает выявление профессиональной деформации. Это деликатная, как показал опыт, процедура должна иметь вид прикладной психологической диагностики, а не медико-психиатрического освидетельствования. При необходимости она сопровождается разъяснением, что профессиональная деформация – это не психическое заболевание, а ее наличие не дает оснований для только административных решений без согласия сотрудника. Общие принципы психодиагностики, положения «Этического кодекса психолога», некоторых ведомственных документов образуют основу для разработки более конкретных требований к процедуре выявления профессиональной деформации сотрудников УИС.

Система таких требований включает: доброжелательную объективность; всесторонность и полноту; конфиденциальность; динамичность; минимальность вмешательства в жизнедеятельность сотрудника и служебного коллектива.

Доброжелательная объективность предполагает непредвзятость, тактичность, нравственную добросовестность выводов, здоровый оптимизм относительно возможностей устранения профессиональной деформации.

Всесторонность и полнота ориентирует на применение не одной методики, а комплекса диагностических методик с целью получения максимально возможной количественно-качественной информации относительно всех основных показателей профессиональной деформации.

Динамичность предусматривает определенную периодичность сбора данных. Ориентировочно сбор данных должен осуществляться не реже одного раза в год. Через полгода – для сотрудников с высоким коэффициентом деформации деятельности и наличным средним уровнем деформации, ежеквартально – для сотрудников с наличным глубинным уровнем деформации.

Требование минимальности вмешательства в жизнедеятельность сотрудника и служебного коллектива предполагает использование для диагностики ситуаций, не препятствующих несению службы.

Существующие предложения по профилактике и коррекции профессиональной деформации сотрудников УИС в большинстве своем имеют разрозненный, несистемный характер.

Опрос практических работников показал, что основными являются следующие предложения:

– повышение денежного содержания личного состава;
– дифференциация продолжительности отпуска, присвоения специальных званий, исчисления выслуги лет в соответствии с принадлежностью к определенной службе или подразделению и вероятностью профессиональной деформации;
– нормативное закрепление за психологической службой функций профилактики и коррекции профессиональной деформации;
– проведение восстановительных и культурно-досуговых мероприятий.

Профилактики коррекции профессиональной деформации сотрудников УИС предполагает проведение мероприятий по трем взаимосвязанным направлениям: организационно-административном; восстановительно-реабилитационном; психолого-педагогическом.

Задачей первого направления является ослабление деформирующего влияния деятельности путем временного исключения сотрудника из деятельности, профессиональной среды или их изменения.

Задача второго направления состоит в восстановлении и укреплении физического, психофизиологического потенциала сотрудника, поддержке его работоспособности.

Задача третьего направления заключается в формировании и развитии индивидуально-личностных характеристик, блокирующих деформирующее влияние.

Организационно-административное направление подразумевает: закрепление за новоприбывшим сотрудником наставника; предоставление очередного отпуска по частям с учетом пожеланий сотрудника; предоставление краткосрочного (до 10 суток) отпуска (до двух раз в год); перевод с согласия сотрудника в пределах службы, подразделения или в другие службы, подразделения; создание условий для служебного продвижения, профессионально-квалификационного роста; посильное решение жилищно-бытовых вопросов.

Эти мероприятия по предложению психолога или инициативно осуществляют работники кадровой службы, руководящий состав органа учреждения.

Восстановительно-реабилитационное направление включает следующие мероприятия: регулярные занятия боевой, физической подготовкой, физической культурой и спортом; создание компенсирующих условий в служебное и внеслужебное время для расширения социальных контактов, устранение дефицита позитивных впечатлений [5].

Указанные мероприятия осуществляют работники кадровой службы, медицинской части,

должностные лица, отвечающие за служебную подготовку, культурно-досуговую работу. Психолог выполняет организационно-вспомогательную роль.

Психолого-педагогическое направление включает: просветительно-разъяснительные лекции и беседы о вероятности, сущности и последствиях профессиональной деформации; индивидуальное консультирование, психологическая поддержка; психологическое стимулирование к профессиональному, общественному развитию с определением близкой, средней и отдаленной перспектив.

Ведущую роль в осуществлении этих мероприятий играет психолог, помощь ему должны оказывать начальник службы или подразделения, наставники, работники кадровой службы, представители общественных формирований коллектива УИС. Удобной формой проведения мероприятий психолого-педагогического направления являются занятия по профессионально-психологической подготовке и психолого-педагогическому мастерству, входящие в систему служебной подготовки в УИС.

Важным субъектом профилактики и коррекции профессиональной деформации может выступать служебный коллектив.

Учитывая это, работа с коллективом должна включать: формирование и поддержку положительного социально-психологического климата; утверждение обстановки состязательности, доброжелательно-требовательного отношения к каждому сотруднику, критического обобщения индивидуального опыта; доминирование положительных коллективных и групповых традиций; выработку психологически компетентного, динамического (демократического) стиля руководства.

Существуют и другие взгляды на профилактику профессиональной деформации сотрудников исправительных учреждений, например В. В. Куличенко, В. П. Столбовый в работе по предупреждению и устранению профессиональной деформации предлагают включать общие и непосредственные меры, к которым относятся: совершенствование воспитательной работы, организация управления, профессиональное обучение, создание здорового социально-психологического климата [6]. Мы рассмотрели систему, состоящую из трех основных взаимосвязанных направлений: психолого-воспитательное, организационно-административное, медико-реабилитационное.

Учитывая, что профессиональная деформация поражает человека на соматическом, физиологическом, психологическом и личностном уровнях мы выявили конкретные задачи, которые призваны решать каждое направление.

Во-первых, формирование и повышение психологической устойчивости к деформации через воздействие на личность сотрудников и его социальное окружение.

В-вторых, восстановление и укрепление физического, психофизиологического здоровья человека.

Психолого-воспитательное направление включает следующие основные мероприятия: диагностика при приеме на службу и личностной предрасположенности к деформации; сопоставление с коэффициентом деформирующего воздействия той деятельности, которую предварительно планируется кандидат; периодическое переосвидетельствование сотрудников на наличие и уровень деформированности и внесение индивидуальных корректив; текущее психологическое сопровождение, индивидуальное консультирование сотрудников и лиц их социального окружения; проведение на базе кабинета психологической разгрузки сеансов аутотренинга, социально-психологического тренинга; содействие повышению уровня психологического развития служебного коллектива, наставничества, неформальному шефству; создание и реализация возможностей для расширения социальных контактов, круга интересов, восполнение дефицита позитивных впечатлений и общения, снижение психоэмоционального напряжения.

Организационно-административное направление включает следующие основные мероприятия: временный облегченный режим служебной деятельности; предоставление краткосрочного отпуска со сменой социальной обстановки; увеличение продолжительности очередного отпуска в зависимости от деформирующего воздействия конкретной служебной деятельности; временное, частичное или полное изменение содержания деятельности, включая перемещение внутри службы.

Медико-реабилитационное направление включает следующие основные мероприятия: занятие физической подготовкой и оздоровительными процедурами; санаторно-курортное лечение, индивидуальные рекомендации по проведению неслужебного времени и отдыха; специальное лечение и поддержка в случае выявления психологических аномалий и расстройств.

Для профилактики профессиональной деформации сотрудников учреждений и органов УИС необходима система взаимосвязанных мер, в которой можно выделить общие и специальные меры. К общим мерам следует отнести меры, направленные на повышение социального статуса, престижа службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, а также на создание научно обоснованного режима работы

персонала. Среди специальных можно выделить следующие меры: проведение занятий, непосредственно направленных на предотвращение профессиональной деформации; создание для сотрудников реабилитационных центров; организация плановой замены сотрудников, прослуживших определенное время в отдаленных районах.

В. С. Медведев в качестве основных путей профилактики и преодоления профессиональной деформации можно рассматривать [7]:

– профессиональный отбор, включая специальный психодиагностический на личностную предрасположенность к деформации. Его данные должны сопоставляться с объективным коэффициентом профессиональной деформации той деятельности, которая планируется для кандидата на должность. Решение данных задач предусматривает разработку соответствующих методик, профессиограмм сотрудников различных служб ИУ;
– периодическое переосвидетельствование сотрудников на наличие деформации, внесение по его результатам коррекции в служебную деятельность, включая временный переход на другую работу. В рамках данного направления практический интерес представляет идея о наличии своеобразных сенситивных периодов, на протяжении которых сотрудники оказываются повышенно чувствительными и предрасположенными к деформирующему воздействию служебной деятельности;
– организация кабинетов психологической подготовки, включающую медико-психологическую релаксацию и поддержку, проведение на их базе сеансов социально-психологического тренинга.

Подводя итог вышесказанному нужно сказать, что в настоящее время нет комплексной программы профилактики профессиональной деформации сотрудников УИС. Во многих регионах из-за отсутствия квалифицированных кадров психологов, психологические лаборатории не создаются, а должности сокращены. Там, где созданы психологические лаборатории, отмечается слабая их материально-техническая оснащенность.

Для успешной психопрофилактики профессиональной деформации у сотрудников УИС, должен быть разработан и принят соответствующий нормативный документ, регламентирующий работу по выявлению и профилактике профессиональной деформации, в нем конкретно должно определяться: круг субъектов, осуществляющих ее профилактику и устранение, их полномочия, порядок взаимодействия.

Деятельность по профилактике профессиональной деформации целесообразно возложить на психологические лаборатории. Наряду с психологами, этой деятельностью должны заниматься руководители подразделений, кадровики, медицинские работники УИС. В качестве рекомендаций по профилактики профессиональной деформации нами предложена программа по профилактике нарушений законности сотрудниками УИС.

Примерная программа по профилактике профессиональной деформации сотрудников УИС.

Совершенствование профессиональной подготовки:

– Проведение лекционных, семинарских и практических занятий в системе служебной подготовке, посвященных проблемам деформации личности в УИС.
– Проигрывание ситуаций, возникающих в процессе практической деятельности.
– Дифференциация учебных групп в зависимости от уровня подготовки различных категорий сотрудников УИС.

Методическое обеспечение изучения вопросов состояния профессиональной деформации в УИС:

– Разработка методов диагностики и воздействия для сотрудников.
– Разработка теста для определения степени профессиональной деформации сотрудников УИС.
– Разработка специальных методов по психопрофилактике профессиональной деформации сотрудников УИС.
– Разработка методических рекомендаций по использованию психологических методов в целях снятия психологической усталости, предупреждение профессиональной деформации, формирование устойчивости к провоцирующим факторам среды.
– Разработка методических рекомендаций по совершенствованию профессионального мастерства с помощью самоанализа и аутотренинга.

Совершенствование иных организационно-методических мероприятий, направленных на комплексную профилактику профессиональной деформации сотрудников УИС:

– Повышение эффективности института наставничества.
– Разработка сценариев для проведения культурно-массовых и спортивных мероприятий.

Список литературы:

[1] Медведев В. С. Профилактика профессиональной деформации сотрудников учреждений

по исполнению наказаний и обеспечению прав осужденных // Проблемы совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы: Материалы научно-практической конференции 13-14 мая 1993 года / Под общ.ред. В. А. Глушкова. Киев: РИО Ин-та УАВД, 1994. С.81-85.

[2] Казберов П. Н. Развитие гражданских, нравственных и профессионально-значимых качеств пенитенциарных сотрудников / А. В. Вилкова, П. Н. Казберов // Антропогогика. 2022. № 3(7). С. 31-35.

[3] Кашкина Е. В. Рассуждения о современном значении в процессе ресоциализации педагогических принципов Антона Семеновича Макаренко / А. В. Вилкова, Е. В. Кашкина // Антропогогика. 2022. № 3(7). С. 26-30.

[4] Вилкова А. В. Гендерная концепция и методология формирования духовно-нравственных ценностей в воспитательных колониях. Москва, 2024. – 444 с.

[5] Строгович Ю. Н. О некоторых проблемах на пути возвращения к традиционным духовно-нравственным ценностям / А. В. Вилкова, Ю. Н. Строгович // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2025. № 1. С. 7-11.

[6] Зинина Н. А. Социально-коммуникативные навыки: педагогическое кредо преподавателя в период зарождения педагогической мысли / Н. А. Зинина, А.В. Вилкова, Д. В. Лукашенко // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2024. № 3 (21). С. 64-72.

[7] Вилкова А. В. Слагаемые педагогического мастерства работников воспитательных колоний / А. В. Вилкова // Образование и наука в России и за рубежом. 2018. № 2. С.22.

References:

[1] Medvedev V. S. Prevention of professional deformation of employees of institutions for the execution of sentences and ensuring the rights of convicts//Problems of improving the activities of the penitentiary system: Materials of a scientific and practical conference May 13-14, 1993/Under the general ed. V.A. Glushkova. Kyiv: RIO Inta UAVD, 1994. S.81-85.

[2] Kazberov P.N. Development of civil, moral and professional-significant qualities of penitentiary officers/A.V. Vilkov, P.N. Kazberov//Anthropology. 2022. № 3(7). S. 31-35.

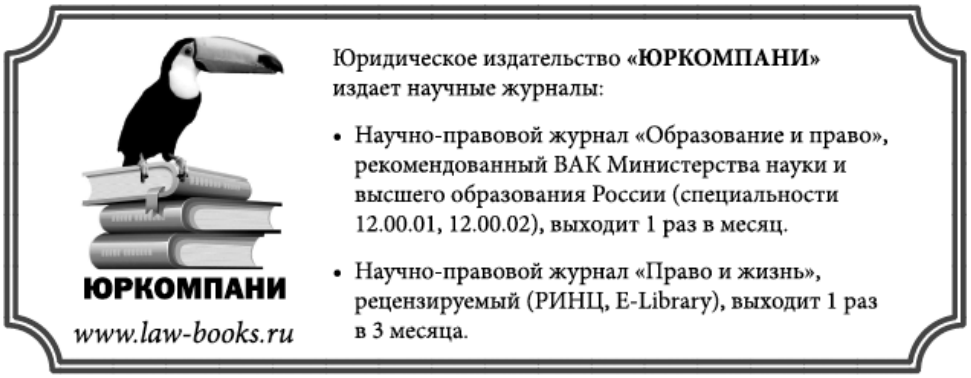
[3] Kashkina E.V. Discussions on the modern significance in the process of resocialization of the pedagogical principles of Anton Semenovich Makarenko/A.V. Vilkov, E.V. Kashkin//Anthropology. 2022. № 3(7). S. 26-30.

[4] A. V. Vilkova. Gender concept and methodology of formation of spiritual and moral values in educational colonies. Moscow, 2024. - 444 s.

[5] Strogovich Yu. N. On some problems on the way back to traditional spiritual and moral values /A. V. Vilkova, Yu. N. Strogovich//Criminal executive system: law, economics, management. 2025. № 1. S. 7-11.

[6] Zinina N. A. Social and communication skills: teacher's credo during the birth of pedagogical thought/N. A. Zinina, A. V. Vilkova, D. V. Lukashenko// Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2024. № 3 (21). S. 64-72.

[7] Vilkova A. V. Components of pedagogical skills of workers in educational colonies/A. V. Vilkova//Education and science in Russia and abroad. 2018. № 2. S.22.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-331-334

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,
кандидат психологических наук,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2
ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского института (филиал) ВГУЮ
(РПА Минюста России),
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

МОДЕЛЬ МОТИВАЦИИ ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛНЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ УИС ДОЛЖНОСТНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Аннотация. *В статье рассматривается разработка мер по совершенствованию профессионализма сотрудников и повышения квалификации кадров органов и учреждений ФСИН России*.

Ключевые слова: *модель, мотивация, должностные обязанности, уголовно-исполнительная система, реформирование*.

POLYAKOVA Ya.N.,
leading researcher, Federal State Institution Research
Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation;
Candidate of Psychological Sciences

MOTIVATION MODEL FOR EFFECTIVE PERFORMANCE OF DUTIES BY UIS EMPLOYEES

Annotation. *The article considers the development of measures to improve the professionalism of employees and improve the qualifications of personnel of bodies and institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia*.

Key words: *model, motivation, job responsibilities, penal system, reform*.

Одной из главных задач современного реформирования федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России стала разработка мер по совершенствованию профессионализма сотрудников и повышения квалификации кадров органов и учреждений ФСИН России. Реализация в полном объеме этих задач невозможна без учета особенностей формирования мотивационной сферы сотрудников ФСИН России в процессе их профессионального становления.

От успешного решения проблемы развития профессионализма сотрудников УИС и ценностно-мотивационных параметров зависит эффективность исполнения ими должностных обязанностей. Поэтому разработка психологических рекомендаций по использованию моделей мотиваций для эффективного исполнения сотрудниками УИС должностных обязанностей, несомненно, является одним из приоритетных направлений обеспечения мотивированности (самомотивированности) сотрудников на профессиональную деятельность.

Изучению различных сторон мотивации посвящены работы отечественных и зарубежных психологов: П.К. Анохина, Д. Биндры, И. Брауна, Л.С. Выготского, Э. Даффи, Г.Н. Зараковского, В. Кеттела, Д.А. Кикнадзе, Е.А., С.Г. Москвичева, И.М. Сеченова, А.А. Ухтомского, К.Д. Ушинского, Л. Фестингера, Х. Хекхаузена, В.Д. Шадрикова, П.М. Якобсона и др.

Изучением особенностей мотивационной сферы сотрудников уголовно-исполнительной системы занимались такие ученые как Ю.М. Антонян, Ю.В. Дамов, В.А. Данилов, М.Г. Дебольский, В.Г. Деев, Е.П. Клубов, И.Н. Конопленко, Н.Л. Макаров, И.В. Михалева, А.И. Ушатиков, Н.В. Филимонов, В.И. Черненилов, В.В. Шувалов и др. Эти авторы дали психологический анализ мотивации, классифицировали и описали мотивы,

однако специальных комплексных исследований по этой проблеме не проводилось. Поэтому нам интересна эта тема, ориентированная на разработку психологических рекомендаций, направленных на развитие профессиональной мотивации сотрудников ФСИН России с целью повышения профессионального мастерства.

Объект исследования – профессиональная мотивация сотрудников УИС.

Предметом исследования являются психологические особенности мотивационной сферы сотрудников УИС при исполнении обязанностей по должности.

Цель исследования – изучение влияния мотивационной сферы сотрудников УИС на исполнение обязанностей по должности и разработка психологических рекомендаций, способствующих повышению профессионального мастерства сотрудников УИС и обеспечивающих эффективное исполнение ими обязанностей по должности.

В соответствии с объектом, предметом и целью исследования были выдвинуты следующие задачи исследования:

1. проанализировать основные психологические подходы к изучению профессиональной мотивации;
2. провести теоретический анализ мотивационных методов управления индивидуально-личностным поведением сотрудников исправительных учреждений;
3. разработать и обосновать комплекс методов эмпирического исследования мотивационной сферы сотрудников УИС;
4. на основании психологического исследования проанализировать влияние ценностно-смысловых и мотивационных аспектов на деятельность сотрудников УИС;
5. разработать и апробировать психологические рекомендации по совершенствованию профессиональной мотивации сотрудников в целях повышения эффективности их профессиональной деятельности.

Методическую основу исследования составили фундаментальные принципы психологии: единства сознания и деятельности, детерминизма, личностно-деятельностного подхода, взаимосвязи теории и практики. В ее основу положены теория А.Н. Леонтьева о деятельностном происхождении мотивации и теория В.К. Вилюнаса о взаимосвязи мотивации с актуальными психическими состояниями, в которых находится человек в конкретный промежуток времени.

Работа проводилась в три этапа.

В рамках первого этапа проводился сравнительный анализ зарубежной и отечественной литературы по изучаемой проблеме.

Второй этап был направлен на диагностику психологических особенностей мотивационной сферы сотрудников УИС.

В рамках третьего этапа работы разработаны психологические рекомендации по использованию моделей мотиваций для эффективного исполнения сотрудниками УИС должностных обязанностей.

Для реализации целей и задач исследования применялся следующий методологический инструментарий: наблюдение; экспертный опрос; анкетирование; адаптивный вариант методики «Определения мотивационного профиля личности»; методика «Логический квадрат»; методика «Самооценка профессионально значимых качеств»; Индивидуально–типологический опросник (ИТО) Л.Н. Собчик. Для обработки полученных результатов использовались методы математической статистики, позволяющие обосновать статистические закономерности в изученных феноменах.

С помощью указанных методов было обследовано 128 сотрудников УИС, имеющих среднее профессиональное, среднее специальное и незаконченное высшее образование: из них 15 сотрудников, проработавших от года до трех лет; 79 сотрудников, проработавших от четырех лет до семи лет и 34 сотрудника, проработавших от восьми и более лет.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые проведено исследование мотивационный сферы, ее общее влияние на исполнение служебных обязанностей сотрудниками УИС.

Теоретическое значение исследования заключается в том, что наше исследование дополняет положения психологической теории касаемые мотивационной сферы профессиональной деятельности сотрудников УИС, психологических особенностей ценностно-мотивационной сферы сотрудников ФСИН в процессе самосовершенствования на рабочем месте, установлению связи мотивационной сферы сотрудников ФСИН с их стремлением к самосовершенствованию в профессиональной деятельности.

Практическое значение заключается в возможности использования, разработанными в рамках данного исследования, психологических рекомендаций психологическими службами исправительных учреждений.

Обоснованность и достоверность основных результатов, положений, выводов и рекомендаций исследования обеспечивались: избранной методологией, применением комплекса методов, адекватных цели и задачам исследования; репрезентативностью выборки; достоверностью результатов исследования; подтвержденной гипотезой.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[2] Лукашенко Д. В. Содержание и структура плана внеурочной деятельности для воспитанников воспитательных колоний / А. В. Вилкова, Д. В. Лукашенко // Антропогогика. 2024. № 3(15). С.5-16.

[3] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[4] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[5] Смородинскова И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинскова, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[6] Ковалев О. Г. Криминогенная ситуация в сфере коррупционной преступности, ее детерминанты / А. В. Вилкова, О. Г. Ковалев, А. Ю. Гапонов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 34-36.

[7] Сухарева Е. В. Педагогические и оперативно-розыскные меры профилактики пенитенциарной преступности несовершеннолетних / А. В. Вилкова, Е. В. Сухарева // Вопросы педагогики. 2021. № 7. С. 47-51.

[8] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[9] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[10] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва. 2018.

[11] Вилкова А. В. Приветственное слово профессора Алевтины Владимировны Вилковой / А. В. Вилкова // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Тверь, 2025. С. 8.

[12] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-рефлексивный подход при повышении квалификации управленческого персонала УИС / В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 9-14.

[13] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Социально-педагогическая запущенность несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 93-96.

References:

[1] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[2] Lukashenko D.V. Content and structure of the plan of extracurricular activities for pupils of educational colonies/A.V. Vilkov, D.V. Lukashenko// Anthropology. 2024. № 3(15). S.5-16.

[3] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[4] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[5] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

[6] Kovalev O. G. Criminogenic situation in the field of corruption crime, its determinants/A. V. Vilk-

ova, O. G. Kovalev, A. Yu. Gaponov//Trends in the development of science and education. 2021. № 76-4. S. 34-36.

[7] Sukhareva E.V. Pedagogical and operational-search measures for the prevention of juvenile penitentiary crime/A.V. Vilkova, E.V. Sukhareva// Questions of pedagogy. 2021. № 7. S. 47-51.

[8] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[9] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[10] A. V. Vilkova. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.

[11] Vilkova A.V. Welcome speech of Professor Alevtina Vladimirovna Vilkova/A.V. Vilkova//In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Tver, 2025. P. 8.

[12] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. A socially reflective approach to advanced training of management personnel of the penal system/In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 9-14.

[13] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Social and pedagogical neglect of juvenile convicts/In the collection: Criminal executive system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 93-96.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-335-339

РЯПУХИНА Ирина Анатольевна,
профессор кафедры дминистративно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: v.shanko@mail.ru

ЧЕРНЫХ Виталий Викторович,
доцент кафедры огневой подготовки
Тюменского института повышения
квалификации сотрудников МВД России,
полковник полиции,
e-mail: blackvit@bk.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуются административно-правовые гарантии безопасности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации при применении огнестрельного оружия как крайней меры государственного принуждения. На основе анализа нормативных правовых актов, ведомственных предписаний и материалов научной литературы выявлены противоречия между формально установленными гарантиями и практикой их реализации. Особое внимание уделено проблемам тактической реализации правовых норм, факторам профессиональной и психологической подготовки сотрудников, а также недостаткам правового регулирования последствий применения оружия. Сформулированы направления совершенствования правовых и организационных механизмов, направленные на повышение уровня защищенности сотрудников полиции и эффективности их служебной деятельности.*

Ключевые слова: *административно-правовые гарантии, сотрудник органов внутренних дел, огнестрельное оружие, меры государственного принуждения, правовая защита, профессиональная подготовка, тактическая реализация.*

RYAPUKHINA Irina Anatolyevna,
professor, Department of Administrative and Legal Disciplines,
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after I.D. Putilin,
Candidate of Law, Associate Professor

CHERNYKH Vitaly Viktorovich,
Associate Professor of the Firearms Training Department
at the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel

ADMINISTRATIVE AND LEGAL GUARANTEES OF THE SECURITY OF A LAW ENFORCEMENT OFFICER WHEN USING FIREARMS: PROBLEMS OF TACTICAL IMPLEMENTATION

Annotation. *This article examines administrative and legal guarantees for the safety of Russian Federation internal affairs officers when using firearms as a last resort. An analysis of regulatory legal acts, departmental regulations, and scientific literature reveals discrepancies between formally established guarantees and their practical implementation. Particular attention is paid to the challenges of tactical implementation of legal norms, factors in the professional and psychological training of officers, and shortcomings in legal regulation of the consequences of firearms use. Areas for improving legal and organizational mechanisms aimed at increasing the level of protection for police officers and the effectiveness of their official activities are outlined.*

Key words: *administrative and legal guarantees, law enforcement officer, firearms, state coercion measures, legal protection, professional training, tactical implementation.*

В современных условиях функционирование органов внутренних дел Российской Федерации осуществляется под воздействием ряда объективных факторов, среди которых следует выделить рост общественной опасности противоправных деяний, усложнение криминогенной обстановки и необходимость оперативного реагирования на угрозы общественной безопасности. В соответствии с ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее — ФЗ «О полиции») основное предназначение полиции выражается в защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан. Реализация данной функции возлагается на сотрудников полиции, которые в силу предписаний ч. 2 ст. 27 указанного закона обязаны независимо от замещаемой должности, места нахождения и времени суток принимать меры по спасению граждан, предотвращению и пресечению преступлений и административных правонарушений, а также задержанию лиц, подозреваемых в их совершении. Для выполнения этих задач сотрудники полиции наделены полномочиями по применению мер государственного принуждения, включая использование огнестрельного оружия, физической силы и специальных средств (ч. 3 ст. 28 ФЗ «О полиции») [1].

Вопросы правового регулирования применения огнестрельного оружия как одной из наиболее строгих мер непосредственного принуждения сохраняют высокую степень актуальности в административно-правовой науке и правоприменительной практике. Несмотря на длительный период законодательного закрепления соответствующих норм, механизм их реализации нельзя признать совершенным, о чем свидетельствуют статистические данные о гибели и ранениях сотрудников полиции при исполнении служебных обязанностей, а также значительное количество возбужденных уголовных дел по ст. 318 и 319 Уголовного кодекса Российской Федерации. Особое значение в этой связи приобретает обеспечение безопасности самих сотрудников ОВД, в том числе при применении ими огнестрельного оружия как крайней меры административного принуждения. Административно-правовые гарантии, закрепляющие условия и порядок применения оружия, выступают здесь ключевым элементом защиты сотрудника от необоснованного привлечения к юридической ответственности и легитимируют его действия в экстремальных ситуациях [1].

Как справедливо отмечается в научной литературе, эффективность применения оружия находится в прямой зависимости от уровня профессиональной подготовки сотрудника, включая его психологическую устойчивость и способность к принятию решений в стрессовых ситуациях [3]. Административно-правовые гарантии безопасности сотрудника ОВД при применении огнестрельного оружия представляют собой систему правовых норм, регламентирующих основания, условия и порядок использования оружия, а также обеспечивающих защиту сотрудника от неправомерного преследования. Базовым элементом данной системы выступает ФЗ «О полиции», который устанавливает исчерпывающий перечень случаев, допускающих применение огнестрельного оружия, и закрепляет обязанность предварительного предупреждения о его применении, за исключением ситуаций, не терпящих отлагательства [1].

Важное место в системе административно-правовых гарантий занимает ведомственное нормативное регулирование. В частности, приказы МВД России, регламентирующие организацию служебной деятельности подразделений патрульно-постовой службы [2], конкретизируют положения федерального законодательства и формируют алгоритмы поведения сотрудников в типичных служебных ситуациях. Вместе с тем анализ правоприменительной практики показывает, что закрепленные в ведомственных актах модели поведения зачастую носят обобщенный характер и не в полной мере учитывают многообразие фактических обстоятельств, что снижает их прикладную эффективность [5; 6].

Дополнительные сложности в правоприменении связаны с отсутствием на законодательном уровне четко сформированного института доверия к деятельности полиции. Следствием этого является тенденция к усилению ответствен-

ности сотрудников и их стремлению минимизировать использование мер государственного принуждения даже при наличии формальных оснований. Одновременно предписания о необходимости предварительного предупреждения о применении огнестрельного оружия не всегда могут быть реализованы без риска для жизни и здоровья самого сотрудника либо иных лиц [4]. В подобных условиях тактическая реализация правовых норм вступает в противоречие с требованиями личной безопасности.

Существенным фактором, влияющим на безопасность сотрудника при применении оружия, является уровень его профессиональной подготовки. Как отмечает В. В. Шанько, огневая подготовка выступает одним из ключевых элементов формирования профессиональных качеств сотрудников ОВД, включая способность к адекватной оценке оперативной обстановки и принятию решений в экстремальных условиях [3]. Недостаточный уровень подготовки может привести к тактическим ошибкам при применении оружия, что, в свою очередь, повышает риск наступления негативных правовых последствий как для самого сотрудника, так и для окружающих.

К числу причин, способствующих росту числа противоправных посягательств на сотрудников полиции при исполнении ими служебных обязанностей, на наш взгляд, следует отнести недостаточную эффективность мер юридической ответственности виновных лиц. Установленные санкции должны обладать профилактическим потенциалом, обеспечивая формирование уважительного отношения к закону и лицам, представляющим государственную власть. В качестве инструмента защиты служебной деятельности сотрудника полиции выступает ст. 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, устанавливающая ответственность за неповиновение законным распоряжениям. Однако в практической деятельности неповиновение нередко перерастает в активные насильственные действия, которые требуют квалификации уже по ст. 318 Уголовного кодекса РФ (применение насилия в отношении представителя власти). При этом привлечение к ответственности по ст. 19.3 КоАП РФ не в полной мере выполняет превентивную функцию ввиду незначительности штрафных санкций (для граждан они составляют от двух до четырех тысяч рублей), что не создает у правонарушителя устойчивого стимула к правомерному поведению. Кроме того, практика свидетельствует о нередком переквалификации деяний с уголовно наказуемых на административные ввиду сложностей доказывания умысла на применение насилия либо отсутствия у сотрудников возможности своевременного закрепления доказательств. В результате формируется ситуация, при которой юридическая ответственность утрачивает свой предупредительный эффект, а сами сотрудники полиции оказываются недостаточно защищенными от противоправных посягательств [1; 8].

Особую проблему представляет и правовая неопределенность в оценке действий сотрудника после применения огнестрельного оружия, поскольку практика свидетельствует, что даже при формальном соблюдении всех требований закона сотрудники могут подвергаться длительным проверкам и расследованиям, что негативно сказывается на их психологическом состоянии и мотивации к службе [5; 8]. Указанная неопределенность обусловлена отсутствием в законодательстве единых критериев оценки правомерности применения оружия в ситуациях, характеризующихся дефицитом времени и высокой степенью стресса. Ведомственные проверки, а в ряде случаев и доследственные проверки, нередко длятся месяцами, в течение которых сотрудник находится в состоянии правовой неопределенности, что создает дополнительное психологическое давление. Как обоснованно отмечают П. А. Волков и М. М. Ченцова, существующие правовые механизмы не позволяют оперативно и объективно дифференцировать действия сотрудника, действовавшего в рамках закона, от случаев превышения служебных полномочий [8]. В связи с этим представляется целесообразным дальнейшее развитие механизмов правовой защиты сотрудников ОВД, в том числе посредством выработки более конкретизированных и однозначных критериев оценки законности применения огнестрельного оружия, а также внедрения института независимой правовой экспертизы таких ситуаций [9].

Не менее значимым направлением является и совершенствование психологической подготовки сотрудников. Ситуации, сопряженные с применением оружия, характеризуются высоким уровнем стресса, который может существенно влиять на поведенческие реакции и способность к принятию взвешенных решений. В этой связи обоснованным видится внедрение системной психологической подготовки и последующего психологического сопровождения сотрудников, ориентированных на развитие стрессоустойчивости и навыков самоконтроля [7]. Психологическая подготовка не должна ограничиваться эпизодическими тренировками; она требует регулярного повторения сценариев экстремальных ситуаций, моделирования факторов внезапности и угрозы, что способствует формированию устойчивых алгоритмов действий. Кроме того, особого внимания заслуживает постсобытийная психологическая реабилитация сотрудников, применив-

ших оружие, поскольку пережитый стресс может приводить к развитию посттравматических стрессовых расстройств, снижению профессионального долголетия и преждевременному увольнению со службы [3; 7]. Напротив, сомнения и страх перед возможным привлечением к ответственности ведут к отсутствию инициативы, бездействию и, в конечном счете, — к росту насилия в отношении полицейских и снижению уровня защищенности граждан. Формирование у сотрудника внутренней уверенности в правовой защищенности, подкрепленной как четкими нормативными предписаниями, так и высоким уровнем психологической готовности, выступает необходимым условием эффективного выполнения служебных задач в условиях, сопряженных с риском для жизни и здоровья.

Таким образом, проведенный анализ административно-правовых гарантий безопасности сотрудников ОВД при применении огнестрельного оружия позволяет сделать вывод о том, что при наличии достаточно развитой нормативной базы сохраняется ряд существенных проблем, связанных с практической, в том числе тактической, реализацией этих гарантий. Указанные трудности обусловлены как объективными факторами, вытекающими из специфики служебной деятельности, так и субъективными обстоятельствами, включая уровень профессиональной подготовки и особенности организации служебной деятельности. Ключевое значение в данном контексте приобретает обеспечение уверенности сотрудника в собственной правовой защищенности, поскольку именно это во многом определяет его способность действовать решительно, оперативно и инициативно при выполнении служебных задач, нередко сопряженных с риском для жизни и здоровья.

Административно-правовые гарантии безопасности сотрудника ОВД при применении огнестрельного оружия играют фундаментальную роль в обеспечении законности и эффективности правоохранительной деятельности. Существующие проблемы тактической реализации этих гарантий требуют комплексного подхода к их решению. Приоритетными направлениями здесь следует признать повышение уровня профессиональной и психологической подготовки сотрудников, разработку более детализированных тактических рекомендаций, учитывающих разнообразие оперативных ситуаций, а также совершенствование механизмов правовой защиты сотрудников после применения оружия. Реализация указанных мер позволит повысить уровень безопасности сотрудников ОВД и обеспечить более эффективное выполнение ими своих служебных обязанностей.

Список литературы:

[1] Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 23.03.2026).

[2] Приказ МВД России от 28.06.2021 № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции». URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 23.03.2026).

[3] Шанько В.В. Огневая подготовка как один из важнейших факторов формирования необходимых качеств курсантов вузов МВД России // Актуальные вопросы совершенствования тактико-специальной и огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Ростов-на-Дону, 2024. С. 44–47.

[4] Бурчикаускас В.А. Порядок, условия и основания применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции: проблемы правового регулирования // Научный портал МВД России. 2023. № 3 (63). URL: https://mvd.ru (дата обращения: 23.03.2026).

[5] Иванов А.Ю. К вопросу о полномочиях патрульно-постовой службы полиции по применению мер административного принуждения // Modern Science. 2019. № 11. С. 53–57. URL: https://elibrary.ru (дата обращения: 23.03.2026).

[6] Барышников М.В. Отдельные аспекты административно-правового регулирования обеспечения правопорядка патрульно-постовой службой полиции // Научный вестник Орловского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 11–14. URL: https://elibrary.ru (дата обращения: 23.03.2026).

[7] Алешин С.В. Обеспечение принципа законности в деятельности подразделений патрульно-постовой службы полиции // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2019. № 5. С. 7–9. URL: https://elibrary.ru (дата обращения: 23.03.2026).

[8] Волков П.А., Ченцова М.М. Применение огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел: проблемы практики и возможные пути ее совершенствования // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 4 (54). С. 112–120.

[9] Карнаухов О.П. Отдельные вопросы и перспективы совершенствования правовой защищенности сотрудников полиции при применении огнестрельного оружия // Академический юридический вестник. 2021. № 2 (34). С. 56–62.

References:

[1] Federal Law “On Police” of 07.02.2011 No. 3-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (access date: 23.03.2026).

[2] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 28.06.2021 No. 495 “On approval of the Instruction on the organization of official activities of combat units of the police patrol service.” URL: http://publication.pravo.gov.ru (access date: 23.03.2026).

[3] Shanko V.V. Fire training as one of the most important factors in the formation of the necessary qualities of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Current issues of improving tactical, special and fire training of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Rostov-on-Don, 2024. S. 44-47.

[4] Burchikauskas V.A. Procedure, conditions and grounds for the use of firearms by police officers: problems of legal regulation//Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3 (63). URL: https://mvd.ru (access date: 23.03.2026).

[5] Ivanov A.Yu. On the issue of the powers of the police patrol service to apply administrative coercion measures//Modern Science. 2019. № 11. S. 53-57. URL: https://elibrary.ru (access date: 23.03.2026).

[6] M.V. Baryshnikov. Certain aspects of administrative and legal regulation of law enforcement by the police patrol service//Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2. S. 11-14. URL: https://elibrary.ru (access date: 23.03.2026).

[7] Aleshin S.V. Ensuring the principle of legality in the activities of police patrol units//Public safety, law and order in the III millennium. 2019. № 5. S. 7-9. URL: https://elibrary.ru (access date: 23.03.2026).

[8] Volkov P.A., Chentsova M.M. The use of firearms by employees of the internal affairs bodies: problems of practice and possible ways to improve it//Leningrad Law Journal. 2018. № 4 (54). S. 112-120.

[9] Karnaukhov O.P. Certain issues and prospects for improving the legal protection of police officers in the use of firearms//Academic Legal Bulletin. 2021. № 2 (34). S. 56-62.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-340-345

ВИКТОРОВ Артём Юрьевич,
старший инспектор (дорожно-патрульной службы)
(дислокация село Лешуконское) группы дорожно-патрульной
службы отделения Госавтоинспекции Межмуниципального
отделения МВД России «Мезенское» Управления
МВД России по Архангельской области, майор полиции,
e-mail: a.viktorov90@mail.ru

ДОВГАНЬ Евгений Александрович,
начальник кафедры специальных дисциплин
Волгодонского филиала Ростовского
юридического института МВД России,
полковник полиции,
e-mail: dovghan_72@mail.ru

ШАРЛОВА Марина Николаевна,
старший преподаватель кафедры
административного права и административной деятельности ОВД
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: charlova2017@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 20.25 КОАП РФ СОТРУДНИКАМИ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы правоприменения части 1 статьи 20.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях сотрудниками патрульно-постовой службы полиции. Анализируются правовые и организационные трудности, возникающие при выявлении правонарушений, доказывании факта неуплаты административного штрафа, а также при межведомственном взаимодействии органов внутренних дел и службы судебных приставов. Особое внимание уделяется вопросам соблюдения прав и законных интересов граждан в процессе привлечения к административной ответственности. На основе проведенного анализа предлагаются основные направления совершенствования правоприменительной практики, включая развитие информационных систем, повышение уровня координации между органами власти и совершенствование профессиональной подготовки сотрудников полиции.*

Ключевые слова: *административная ответственность; КоАП РФ; статья 20.25; патрульно-постовая служба; полиция; административный штраф; правоприменение; судебные приставы; межведомственное взаимодействие; права граждан.*

VIKTOROV Artem Yuryevich,
Senior Inspector (Road Patrol Service)
(based in the village of Leshukonskoye)
of the Road Patrol Service Group of the State Traffic
Inspectorate Department of the Inter-Municipal Department
of the Ministry of Internal Affairs of Russia “Mezenskoye”
of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs
of Russia for the Arkhangelsk Region, Police Major

DOVGAN Evgeny Aleksandrovich,
Head of the Department of Specialized Disciplines,
Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel

SHARLOVA Marina Nikolaevna,
Senior Lecturer, Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Directorate, Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT OF PART 1 OF ARTICLE 20.25 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF THE RUSSIAN FEDERATION BY THE PATROL AND POST SERVICE OF THE POLICE

Annotation. *The article examines current issues in the enforcement of Part 1 of Article 20.25 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation by patrol police units. It analyzes legal and organizational challenges related to identifying offenses, proving non-payment of administrative fines, and ensuring effective interagency cooperation between police authorities and the bailiff service. Particular attention is paid to the protection of citizens' rights and legal interests during administrative proceedings. Based on the analysis, the author proposes key directions for improving law enforcement practice, including the development of information systems, enhancement of interagency coordination, and improvement of police officers' professional training.*

Key words: *administrative liability; Code of Administrative Offenses of the Russian Federation; Article 20.25; patrol police service; police; administrative fine; law enforcement practice; bailiff service; interagency cooperation; citizens' rights*.

Современная практика применения административного законодательства в Российской Федерации демонстрирует значительную роль органов внутренних дел, в частности подразделений патрульно-постовой службы полиции (Далее ППС), в обеспечении правопорядка и реализации принципа неотвратимости административной ответственности. При этом подразделения ППС выступают одним из ключевых элементов системы профилактики и пресечения административных правонарушений, осуществляя непосредственное взаимодействие с населением, оперативное реагирование на правонарушения и участие в административно-юрисдикционной деятельности. Особое место в данной системе занимает часть 1 статьи 20.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающая ответственность за неуплату административного штрафа в установленный срок, которая направлена на обеспечение эффективности механизма административного наказания, укрепление дисциплины исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях, а также предупреждение уклонения от исполнения возложенных на правонарушителей обязанностей. Значение нормы усиливается и тем, что административный штраф является наиболее распространенным видом административного наказания, применяемым в Российской Федерации, что обуславливает необходимость эффективного механизма его принудительного исполнения.

Административное наказание является одним из видов административно-принудительных мер. В соответствии со ст. 3.1. КоАП РФ административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений, как самим правонарушителем, так и другими лицами. Содержание административных наказаний состоит в ограничении, лишении субъективных прав или благ лица, к которому они применяются. Так, применение административного ареста влечет краткосрочное лишение свободы, штраф связан с материальными потерями. Административному наказанию присущ карательный характер, который состоит в принудительном воздействии на правонарушителей со стороны компетентных органов государства. Одним из видов наказания, закрепленного в ст. 3.2 КоАП РФ является административный штраф.

Административный штраф - денежное взыскание, назначаемое нарушителям административно-правовых норм юрисдикционными органами в пределах, предусмотренных законодательством. Он выражается в получении с нарушителя в доход государства определенной суммы денежных средств.

В соответствии со ст. 32.2 КоАП РФ административный штраф должен быть уплачен лицом, привлеченным к административной ответственности, не позднее шестидесяти дней со дня всту-

пления постановления о наложении административного штрафа в законную силу либо со дня истечения срока отсрочки или срока рассрочки, предусмотренных статьей 31.5 КоАП РФ. И, как мы отметили выше, административную ответственность за неуплату административного штрафа в срок, предусмотренный ст. 32.2 КоАП РФ устанавливает ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ: неуплата административного штрафа в срок, предусмотренный настоящим Кодексом, влечет наложение административного штрафа в двукратном размере суммы неуплаченного административного штрафа, но не менее одной тысячи рублей, либо административный арест на срок до пятнадцати суток, либо обязательные работы на срок до пятидесяти часов.

Однако, необходимо отметить, что правоприменение данной нормы сопряжено с рядом существенных проблем, обусловленных как правовыми, так и организационно-практическими факторами, включая недостаточную определенность отдельных процессуальных аспектов, ограниченные возможности оперативного контроля за исполнением постановлений, а также необходимость межведомственного взаимодействия между органами внутренних дел и службой судебных приставов, что в совокупности влияет на эффективность реализации принципа неотвратимости ответственности.

Патрульно-постовая служба полиции, действующая в соответствии с положениями и ведомственными нормативными актами, осуществляет непосредственное выявление административных правонарушений, а также участвует в процессе привлечения лиц к ответственности, специфика ее деятельности, характеризующаяся высокой динамичностью, ограниченностью времени на принятие решений и необходимостью взаимодействия с другими государственными органами, в том числе службой судебных приставов, обусловливает наличие ряда затруднений в применении части 1 статьи 20.25 КоАП РФ, которая, как мы уже отмечали выше, устанавливает административную ответственность за неуплату административного штрафа в срок, предусмотренный законодательством. Данная норма закрепляет обязанность лица, привлеченного к административной ответственности, исполнить назначенное наказание в установленный законом срок, который, как правило, составляет шестьдесят дней со дня вступления постановления в законную силу, при этом законодатель предусматривает возможность применения к нарушителю дополнительных мер воздействия в случае уклонения от исполнения данной обязанности, включая наложение административного штрафа в двукратном размере, административный арест либо обязательные работы, что подчеркивает превентивный и стимулирующий характер рассматриваемой нормы. В теоретическом плане данная норма направлена на формирование у граждан правосознательного поведения, стимулирование добровольного исполнения административных наказаний, а также обеспечение эффективности всего механизма административной ответственности, она выступает важным инструментом поддержания дисциплины в сфере исполнения административных взысканий и предотвращения злоупотреблений, связанных с уклонением от уплаты штрафов, но на практике ее реализация все же сталкивается с рядом противоречий, обусловленных как особенностями правового регулирования, так и сложностями организационного характера, включая неоднозначность толкования отдельных положений, трудности установления факта правонарушения, а также несовершенство механизмов контроля за своевременностью уплаты штрафов.

Одной из ключевых проблем здесь является неопределенность момента выявления правонарушения, поскольку в теории административного права момент выявления правонарушения имеет принципиальное значение, с ним связывается начало процессуальных сроков и возможность привлечения лица к ответственности. Однако применительно к части 1 статьи 20.25 КоАП РФ данный момент не всегда очевиден, так как само правонарушение носит длящийся характер и выражается в бездействии — неуплате штрафа в установленный срок. Сотрудники ППС, осуществляющие несение службы на маршрутах патрулирования, как правило, не располагают оперативной информацией о фактах неуплаты штрафов конкретными лицами, поскольку такие сведения аккумулируются в специализированных информационных системах, доступ к которым в полевых условиях может быть ограничен и выявление данного правонарушения возможно лишь при проверке личности по базам данных, что требует наличия технических средств, устойчивого доступа к сети и соответствующих полномочий. При этом даже при наличии доступа к базам данных возникает проблема актуальности и полноты содержащейся в них информации, поскольку сведения о произведенной оплате могут поступать с задержкой. Поэтому в условиях ограниченного времени, высокой служебной нагрузки, а также необходимости одновременного выполнения задач по обеспечению общественного порядка это существенно затрудняет своевременное выявление правонарушителей [3]. Более того, отсутствие четких критериев фиксации момента обнаружения правонарушения может приводить к различиям в правоприменительной

практике, что негативно сказывается на единообразии применения законодательства и может повлечь процессуальные ошибки при составлении материалов дела.

Не менее существенное значение имеет и проблема доказывания факта неуплаты штрафа, поскольку для квалификации деяния по части 1 статьи 20.25 КоАП РФ необходимо установить совокупность юридически значимых обстоятельств, включая факт назначения административного штрафа уполномоченным органом, надлежащее извещение лица о вынесенном постановлении, вступление указанного постановления в законную силу, а также истечение установленного законом срока для добровольной уплаты. При этом каждое из указанных обстоятельств должно быть подтверждено соответствующими доказательствами, что на практике требует доступа к различным информационным ресурсам и документам, и, как мы уже отмечали выше, сложность здесь усугубляется тем, что сотрудники ППС действуют в условиях ограниченного времени и не всегда располагают возможностью оперативно проверить все необходимые сведения. На практике сотрудники ППС нередко сталкиваются с ситуациями, когда лицо заявляет о произведенной оплате, однако подтверждающие документы отсутствуют либо представлены в ненадлежащей форме (к примеру, в виде электронных чеков без возможности проверки их подлинности). Кроме того, возможны случаи, когда информация об оплате еще не поступила в государственные информационные системы, что создает риск ошибочного привлечения лица к ответственности. Соответственно проверка таких сведений требует дополнительного времени, обращения к банковским учреждениям, органам, вынесшим постановление, либо к службе судебных приставов, что затрудняет оперативное принятие решений и снижает эффективность правоприменительной деятельности.

Кроме того, в правоприменительной практике отмечается проблема двойственности компетенции, обусловленная распределением полномочий между различными государственными органами, поскольку с одной стороны, сотрудники полиции, включая подразделения ППС, уполномочены выявлять правонарушения и составлять протоколы по части 1 статьи 20.25 КоАП РФ, реализуя тем самым функции административной юрисдикции, а с другой, значительная часть функций, связанных с принудительным взысканием административных штрафов, возложена на Федеральную службу судебных приставов, которая осуществляет исполнительное производство и применяет меры принудительного характера. Данное разграничение полномочий объективно предполагает наличие скоординированного и устойчивого взаимодействия между соответствующими органами, однако в реальной правоприменительной практике оно далеко не всегда отличается последовательностью и эффективностью. Отсутствие же должного уровня координации, задержки в обмене информацией, а также различия в ведомственных подходах к ведению учета и обработке данных, по нашему мнению, несомненно, обусловливают возникновение ситуаций, при которых сведения о факте неуплаты административного штрафа либо, напротив, о его погашении поступают несвоевременно либо носят фрагментарный характер. Подобные обстоятельства негативно отражаются на оперативности и обоснованности привлечения лиц к административной ответственности, ослабляют превентивное значение соответствующей правовой нормы и могут формировать у граждан представление о возможности безнаказанного уклонения от исполнения административных обязанностей [8].

Особого внимания требует и проблема обеспечения прав и законных интересов граждан, поскольку в условиях формализованного подхода к оформлению процессуальных документов существует риск нарушения установленных законом гарантий, включая право лица на защиту и справедливое рассмотрение дела. Поэтому, как справедливо отмечается в научной литературе, реализация принципа законности в деятельности подразделений патрульно-постовой службы предполагает неукоснительное соблюдение административно-процессуальных требований, а также высокий уровень правовой подготовки сотрудников, что выступает необходимым условием законного и обоснованного привлечения к ответственности [6]. Здесь необходимо учитывать и организационные аспекты деятельности ППС, поскольку в соответствии с Наставлением об организации служебной деятельности строевых подразделений ППС, сотрудники ориентированы прежде всего на профилактику и пресечение правонарушений, обеспечение общественной безопасности, и, в этой связи привлечение к ответственности за неуплату штрафов зачастую не является приоритетной задачей, что отражается на статистике выявляемости таких правонарушений. Практика показывает, что значительное число дел по части 1 статьи 20.25 КоАП РФ возбуждается не сотрудниками ППС, а иными подразделениями полиции либо судебными приставами, что свидетельствует о необходимости совершенствования механизмов взаимодействия и распределения полномочий [7].

Нельзя обойти вниманием и проблему правовой определенности санкции, поскольку альтернативный характер наказания (штраф в двукратном размере, административный арест или

обязательные работы) создает сложности в выборе меры ответственности. В то же время сотрудники ППС, как правило, ограничены в возможности объективной оценки личности правонарушителя и обстоятельств дела, что может приводить к формальному подходу при составлении материалов и могут быть недостаточно технически оснащены, так как, несмотря на развитие цифровых технологий, не все сотрудники ППС обеспечены мобильными устройствами с доступом к актуальным базам данных, а это естественно ограничивает возможности оперативной проверки информации о штрафах.

В научной литературе подчеркивается, что эффективность применения части 1 статьи 20.25 КоАП РФ во многом зависит от уровня правосознания граждан, ведь низкая дисциплина в части уплаты административных штрафов обусловлена как социально-экономическими факторами, так и недостаточной информированностью населения [4].

Таким образом, мы видим, что проблемы правоприменения рассматриваемой нормы носят комплексный характер и требуют системного подхода к их решению, предполагающему учет как правовых, так и организационно-технических аспектов деятельности органов внутренних дел. Очевидно, что устранение выявленных недостатков невозможно в рамках изолированных мер и требует последовательной модернизации всей системы административной юрисдикции. В числе возможных направлений совершенствования можно выделить развитие информационных систем, предполагающее создание единых, интегрированных баз данных с актуальной информацией о назначении и оплате административных штрафов, а также обеспечение сотрудников ППС мобильными устройствами с устойчивым доступом к таким ресурсам в режиме реального времени. Существенное значение имеет и повышение уровня межведомственного взаимодействия между органами внутренних дел, службой судебных приставов и иными заинтересованными субъектами, включая внедрение автоматизированного обмена данными и унификацию процедур взаимодействия.

Список литературы:

[1] Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Российская газета. 2011. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 25.03.2026).

[2] Приказ МВД России от 28.06.2021 № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_390993/ (дата обращения: 25.03.2026).

[3] Жильцов А. В. Вопросы применения административной ответственности, предусмотренной частью 1 статьи 20.25 КоАП РФ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2013. № 2 (13). URL: https://elibrary.ru (дата обращения: 25.03.2026).

[4] Барышников М. В. Отдельные аспекты административно-правового регулирования обеспечения правопорядка патрульно-постовой службой полиции // Научный вестник Орловского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 11–14. URL: https://elibrary.ru (дата обращения: 25.03.2026).

[5] Бражников С. А. Деятельность патрульно-постовой службы полиции: теория и практика // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2019. № 1. С. 39–44. URL: https://elibrary.ru (дата обращения: 25.03.2026).

[6] Алешин С. В. Обеспечение принципа законности в деятельности подразделений патрульно-постовой службы полиции // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2019. № 5. С. 7–9. URL: https://elibrary.ru (дата обращения: 25.03.2026).

[7] Зырянов И. В. Актуальные аспекты взыскания административных штрафов // Концепт. 2014. № S15. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 25.03.2026).

[8] Емельянов В. М., Новичкова Е. Е. Проблемы взаимодействия полиции и службы судебных приставов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). URL: https://elibrary.ru (дата обращения: 25.03.2026).

References:

[1] Federal Law “On Police” of 07.02.2011 No. 3-FZ//Rossiyskaya Gazeta. 2011. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (access date: 25.03.2026).

[2] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 28.06.2021 No. 495 “On approval of the Instruction on the organization of official activities of combat units of the patrol service of the police of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia.” URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_390993/ (access date: 25.03.2026).

[3] Zhiltsov A. V. Issues of application of administrative responsibility provided for by Part 1 of Article 20.25 of the Administrative Code of the Russian Federation//Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 2 (13). URL: https://elibrary.ru (access date: 25.03.2026).

[4] Baryshnikov M.V. Certain aspects of administrative and legal regulation of law enforcement by

the police patrol service//Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2. S. 11-14. URL: https://elibrary.ru (access date: 25.03.2026).

[5] Brazhnikov S. A. Activities of the police patrol service: theory and practice//Police and society: problems and prospects of interaction. 2019. № 1. S. 39-44. URL: https://elibrary.ru (access date: 25.03.2026).

[6] Aleshin S.V. Ensuring the principle of legality in the activities of police patrol units//Public safety, law and order in the III millennium. 2019. № 5. S. 7-9. URL: https://elibrary.ru (access date: 25.03.2026).

[7] Zyryanov I.V. Actual aspects of the collection of administrative fines//Concept. 2014. № S15. URL: https://cyberleninka.ru (access date: 25.03.2026).

[8] Emelyanov V. M., Novichkova E. E. Problems of interaction between the police and the bailiff service//Legal science and law enforcement practice. 2019. № 1 (47). URL: https://elibrary.ru (access date: 25.03.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-346-350

ВАНЯШИН Илья Сергеевич,
старший преподаватель кафедры
огневой и тактико-специальной подготовки
Донецкого филиала Волгоградской
академии МВД России,
майор полиции,
e-mail: sledrvsn@gmail.com

ПШЕУЧ Байслан Хизирович,
старший преподаватель кафедры огневой подготовки
Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции,
e-mail: Psheuch81@mail.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ НА УРОВНЕ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ. ПРОФИЛАКТИКА И ПРЕСЕЧЕНИЕ ДЕСТРУКТИВНОГО КОНТЕНТА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы противодействия экстремизму и профилактики деструктивного контента в сети Интернет на уровне патрульно-постовой службы полиции Российской Федерации. Анализируется современное состояние угрозы распространения экстремистского и террористического контента в социальных сетях и мессенджерах, выявляются способы вербовки молодежи и методы радикализации. Исследуются нормативно-правовые основания деятельности органов полиции по выявлению и пресечению противоправной деятельности в интернет-пространстве, а также основные тенденции судебной практики по уголовным делам о публичных призывах к экстремистской деятельности и возбуждении ненависти либо вражды. Особое внимание уделяется роли ППСП как первичного звена профилактико-воспитательной работы с гражданами, включая взаимодействие с молодежью и группами риска. На основе анализа практики предлагаются конкретные рекомендации по совершенствованию механизмов мониторинга экстремистского и деструктивного контента, взаимодействия с платформами социальных сетей, подразделениями по противодействию экстремизму, а также по повышению компетентности личного состава ППСП в области выявления признаков радикализации и правильной квалификации преступлений экстремистской направленности.*

Ключевые слова: *противодействие экстремизму; патрульно-постовая служба; деструктивный контент; интернет-экстремизм; профилактика; вербовка; социальные сети.*

VANYASHIN Ilya Sergeevich,
senior lecturer of the Department of Fire and
Tactical-Special Training of the Donetsk branch
of the Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
police major

PSHEUCH Bayslan Khizirovich,
senior lecturer of the Department of Firearms Training
at the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
police lieutenant colonel

COUNTERING EXTREMISM AT THE PATROL AND POST SERVICE LEVEL. PREVENTING AND COMBATING DESTRUCTIVE CONTENT ON THE INTERNET

Annotation. *The article examines current issues of combating extremism and preventing destructive content on the Internet at the level of the patrol and post service (PPSP) of the Russian Federation police. The modern state of the threat of extremist and terrorist content distribution in social networks and messengers is analyzed, and methods of youth recruitment and radicalization techniques are identified. The legal grounds for police activities in identifying and suppressing illegal activities in cyberspace as well as the main trends in judicial practice in criminal cases involving public calls for extremist activities and incitement to hatred are investigated. Special attention is paid to the role of PPSP as the primary link in preventive and educational work with citizens, including interaction with youth and risk groups. Based on practice analysis, practical recommendations are proposed to improve mechanisms for monitoring extremist and destructive content, interaction with social media platforms and specialized anti-extremism units, as well as for enhancing PPSP personnel competence in identifying signs of radicalization and proper legal classification of extremist-related crimes.*

Key words: *combating extremism; patrol and post service; destructive content; internet extremism; prevention; recruitment; social networks*.

Деятельность ППСП традиционно воспринимается как один из базовых элементов системы охраны общественного порядка в физических пространствах — на улицах, транспортных объектах, в местах массового пребывания людей. Однако трансформация коммуникационной среды, связанная с всеобъемлющей цифровизацией и массовым переносом значимой части социальной жизни в онлайн-форматы, радикально изменила характер угроз общественной безопасности. Экстремистские и террористические структуры активно используют сеть Интернет в качестве канала пропаганды, вербовки, координации деятельности и подготовки исполнителей противоправных акций. В этой связи ППСП, являясь наиболее массовым и «полевым» подразделением полиции, объективно включается в систему противодействия интернет-экстремизму, хотя правовая и методическая база такой деятельности пока не вполне систематизирована. Актуальность исследования обусловлена как устойчивым ростом количества преступлений экстремистской направленности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, так и необходимостью наполнения практическим содержанием профилактического потенциала ППСП в работе с населением и, прежде всего, с молодежью.

Нормативно-правовая основа противодействия экстремизму и терроризму в Российской Федерации сформирована комплексом федеральных законов и подзаконных актов. Базовое значение имеют положения Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [1], закрепляющего обязанности органов внутренних дел по выявлению, предупреждению и пресечению экстремистской деятельности, участию в мероприятиях по противодействию терроризму, защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [2] определяет понятие экстремистской деятельности, устанавливает правовые и организационные основы ее предупреждения и пресечения, а также полномочия государственных органов в данной сфере. Существенную роль играет Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3], регламентирующий порядок ограничения доступа к незаконной информации, включая материалы экстремистского характера, в том числе с использованием механизмов Роскомнадзора и судебных решений о признании информационных материалов экстремистскими.

Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды и унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ), организацию экстремистского сообщества и участие в нем (ст. 282.1 УК РФ), а также ряд смежных составов [4]. Дополнительно в 2024 г. включена статья 13.53 КоАП РФ, вводящая административную ответственность за умышленный поиск заведомо экстремистских материалов и получение доступа к ним, что отражает тенденцию к усилению ответственности не только за распространение, но и за осознанный интерес к подобным материалам [5].

Судебная практика применения норм, связанных с интернет-экстремизмом, демонстрирует ряд устойчивых подходов к квалификации деяний. По делам о публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) суды исходят из того, что использование социальных сетей, видеохостингов и мессенджеров свидетельствует о потенциально массовом характере распространения информации, а значит, о публичности призывов. Важное значение придается характеристикам аудитории (количество подписчиков, уровень вовлеченности), содержанию высказываний, направленных на

склонение неопределенного круга лиц к насильственным действиям против основ конституционного строя, органов власти, представителей отдельных национальных, религиозных и социальных групп [6].

По делам о возбуждении ненависти либо вражды и унижении достоинства (ст. 282 УК РФ) распространение материалов через личные страницы, группы, чаты, даже при ограниченном числе подписчиков, оценивается как общественно опасное, если высказывания носят систематический характер и ориентированы не на конструктивную критику, а на формирование враждебного отношения к защищаемым Конституцией РФ признакам. Анализ обобщенных подборок судебной практики позволяет заключить, что Интернет рассматривается судом не как смягчающий, а скорее как отягчающий фактор, усиливающий общественную опасность деяния за счет тиражируемости и устойчивости информации.

Современная угроза экстремизма в интернет-пространстве характеризуется многообразием платформ и форматов деструктивного контента. Социальные сети (ВКонтакте, Telegram, Instagram и др.) используются для построения сообществ, формирования устойчивых каналов коммуникации с молодежной аудиторией, проведения скрытой агитации и распространения идеологической продукции в виде мемов, видеороликов, коротких сообщений. Мессенджеры (прежде всего Telegram, но также WhatsApp, Signal) позволяют организовывать закрытые группы, каналы и чаты, где координируются действия, обсуждаются возможные объекты атак, ведется инструктаж по тактическим вопросам. Видеохостинги и стриминговые сервисы обеспечивают постоянный приток визуального контента, направленного на романтизацию насилия, героизацию террористов и подрыв доверия к государственным институтам. В сегменте даркнета продолжают функционировать специализированные форумы, на которых обсуждаются способы изготовления взрывных устройств, оружия, маршруты ухода из-под контроля правоохранительных органов.

Мониторинговые исследования фиксируют выраженный рост активности вербовки через мессенджеры: только в одном из исследований за весну 2025 г. количество выявленных аккаунтов, использующих Telegram для вербовки исполнителей террористических актов, увеличилось более чем в три раза, а объем сообщений с признаками вербовочного контента достиг десятков тысяч в сутки [7].

Методы вербовки и радикализации молодежи в сети Интернет складываются из идеологического, психологического и материального компонентов. Идеологический компонент реализуется через последовательное внедрение нарратива о несправедливости существующего общественного устройства, дискредитацию официальных институтов, противопоставление «своих» и «чужих» по национальным, религиозным, культурным признакам. Психологический компонент ориентирован на удовлетворение потребности молодого человека в признании, принадлежности к группе, поиске смысла и миссии, часто сопровождается установлением доверительных отношений с вербовщиком, который выступает в роли наставника или «старшего товарища». Материальный компонент выражается в предложении вознаграждений за участие в акциях, совершение диверсий, передаче конфиденциальной информации. Важнейшей особенностью таких схем является использование технических средств анонимизации (виртуальные SIM-карты, криптомессенджеры, VPN), существенно затрудняющих оперативное выявление организаторов и куратора.

В этих условиях патрульно-постовая служба полиции приобретает особое значение в системе профилактики экстремизма, выступая связующим звеном между специализированными подразделениями по противодействию экстремизму и населением. Сотрудники ППСП ежедневно находятся «в поле», контактируют с гражданами по месту жительства, учебы, досуга, фиксируют изменения в поведении молодежи, настроениях на конкретных территориях. В рамках профилактической деятельности ППСП проводит индивидуальные беседы, участвует в рейдах по месту жительства несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении, взаимодействует с образовательными организациями и органами молодежной политики.

В процессе выполнения этих функций сотрудники могут выявлять признаки ранней радикализации: резкое изменение круга общения, увлечение символикой экстремистских организаций, агрессивные высказывания в адрес представителей иных национальностей, религий, демонстративный интерес к оружию, взрывчатым веществам, посещению протестных мероприятий. Практика показывает, что своевременное реагирование ППСП в формате профилактической беседы с подростком и его родителями, совместного рассмотрения ситуации с участием школы, комиссий по делам несовершеннолетних позволяет предотвратить переход от латентной радикализации к открытым противоправным действиям [8].

Вместе с тем нельзя обойти вниманием тот факт, что противодействие экстремизму, в том числе в сети Интернет должно осуществляться с соблюдением баланса между интересами обще-

ственной безопасности и гарантированными Конституцией РФ правами и свободами человека и гражданина. Презумпция невиновности, неприкосновенность частной жизни, тайна переписки и иных сообщений, право на защиту и справедливое судебное разбирательство остаются универсальными принципами, ограничивающими допустимые методы оперативно-разыскной деятельности и доказывания по делам об экстремизме. Необоснованное расширительное толкование признаков экстремистской деятельности, неоправданно широкий охват материалов, подлежащих блокировке, риски необоснованного отнесения критических высказываний к экстремистским могут приводить к снижению доверия граждан к правоохранительной системе и провоцировать переход обсуждений в закрытые и труднодоступные для контроля сегменты сети. Поэтому для сотрудников ППСП, как и для иных представителей полиции, важно не только знать нормы материального и процессуального права, но и осознавать границы допустимого вмешательства в сферу частной жизни граждан, придерживаться принципа разумной достаточности мер.

С этой целью нами предлагаются практические рекомендации по повышению эффективности деятельности ППСП в сфере противодействия интернет-экстремизму, которые могут быть сгруппированы в нескольких направлениях.

Во-первых, требуется систематическое повышение квалификации личного состава по вопросам распознавания признаков экстремизма и радикализации, форм и методов интернет-вербовки, психологических особенностей воздействия на молодежь. В программы служебной подготовки целесообразно включать модули, посвященные анализу конкретных кейсов из оперативной и судебной практики, разбору типичных ошибок квалификации, изучению визуальной и вербальной символики различных экстремистских течений.

Во-вторых, необходимо усилить профилактическую работу ППСП с несовершеннолетними и молодежью, ориентируясь не только на формальные проверки, но и на доверительное общение, объяснение правовых и личностных последствий участия в экстремистской деятельности, использование элементов контрпропаганды с опорой на авторитетных для молодежи лидеров мнений.

В-третьих, важно выстроить устойчивые каналы взаимодействия ППСП с подразделениями по противодействию экстремизму, оперативными службами и следственными органами, обеспечивающие оперативную передачу информации о выявленных лицах с признаками радикализации, грамотное документирование первичных данных (скриншоты, ссылки, свидетельские показания) и правильную маршрутизацию материалов для процессуальной оценки.

Отдельного внимания здесь заслуживает развивающееся законодательство, связанное с введением понятия «деструктивный контент» и расширением административной ответственности за взаимодействие граждан с опасными материалами. Инициативы, предусматривающие приравнивание деструктивного контента (пропаганда суицида, наркотиков, насилия, опасного поведения) к экстремистским материалам в части процедур блокировки и ответственности, усиливают нагрузку на правоохранительные органы, в том числе на ППСП, которая будет сталкиваться с необходимостью дифференцировать различные виды опасного контента при беседах с гражданами. В таком контексте требуется четкая методическая база, разъясняющая сотрудникам критерии отнесения информации к экстремистской или деструктивной, а также алгоритмы действий при ее выявлении.

Подводя итоги, следует отметить, что противодействие экстремизму и деструктивному контенту в сети Интернет является комплексной задачей, решаемой на стыке уголовного, административного, информационного законодательства, оперативно-разыскной деятельности, педагогики и психологии. Патрульно-постовая служба полиции, будучи ключевым «полевым» звеном системы органов внутренних дел, обладает уникальными возможностями для раннего выявления лиц, подверженных риску радикализации, и проведения адресной профилактической работы.

Реализация этого потенциала требует целенаправленного повышения правовой и цифровой компетентности сотрудников ППСП, углубления межведомственного взаимодействия, оснащения подразделений современными средствами получения и анализа информации, а также постоянного совершенствования нормативной базы с учетом динамики интернет-среды. При сохранении баланса между интересами безопасности и правами человека предложенные в статье направления развития могут способствовать повышению эффективности деятельности полиции в сфере противодействия экстремизму и укреплению доверия граждан к правоохранительной системе.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции».Текст Федерального закона опубликован в «Российской газете» от 8 февраля 2011 г. № 25, от 10 февраля 2011 г. № 28, в «Парламентской газете» от 11 февраля 2011 г. № 7, в Собрании законодательства Российской Федерации от 14 февраля 2011 г. № 7 ст. 900.

[2] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Текст Федерального закона опубликован в «Парламентской газете» от 30 июля 2002 г. № 142-143, в «Российской газете» от 30 июля 2002 г. № 138-139, в Собрании законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30 ст. 3031.

[3] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Текст Федерального закона опубликован в «Российской газете» от 29 июля 2006 г. № 165, в «Парламентской газете» от 3 августа 2006 г. № 126-127, в Собрании законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. № 31 (часть I) ст. 3448.

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Текст Кодекса опубликован в Собрании законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954, в «Российской газете» от 18 (ст.ст. 1-96), 19 (ст.ст. 97-200), 20 (ст.ст. 201-265), 25 (ст.ст. 266-360) июня 1996 г. № 113, 114, 115, 118.

[5] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Текст Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях опубликован в «Российской газете» от 31 декабря 2001 г. № 256, в Собрании законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1 (часть I) ст. 1, в «Парламентской газете» от 5 января 2002 г. № 2-5.

[6] Парламентская газета. Верховный суд уточнил позицию по делам об экстремизме в интернете [Электронный ресурс] // Официальный сайт Парламентской газеты. 2021. URL: https://www.pnp.ru/social/verkhovnyy-sud-utochnil-poziciyu-po-delam-ob-ekstremizme-v-internete.html (дата обращения: 24.12.2025).

[7] Лёвин А. В Telegram зафиксирован резкий рост активности террористических вербовщиков [Электронный ресурс] // Geepis. 2025. 12 мая. URL: https://geepis.ru/news/933 (дата обращения: 24.12.2025).

[8] Чуриков А. Уберечь молодёжь от экстремизма [Электронный ресурс] // МВД Медиа. URL: https://mvdmedia.ru/publications/police-of-russia/sluzhba-pol/uberech-molodyezh-ot-ekstremizma/ (дата обращения: 24.12.2025).

References:

[1] Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ “On the Police.” The text of the Federal Law was published in Rossiyskaya Gazeta of February 8, 2011 No. 25, of February 10, 2011 No. 28, in Parlamentskaya Gazeta of February 11, 2011 No. 7, in the Collection of Legislation of the Russian Federation of February 14, 2011 No. 7 Art. 900.

[2] Federal Law No. 114-FZ of 25 July 2002 “On Countering Extremist Activities.” The text of the Federal Law was published in Parlamentskaya Gazeta dated July 30, 2002 No. 142-143, in Rossiyskaya Gazeta dated July 30, 2002 No. 138-139, in the Collection of Legislation of the Russian Federation dated July 29, 2002 No. 30 Art. 3031.

[3] Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 “On Information, Information Technology and Information Protection.” The text of the Federal Law was published in Rossiyskaya Gazeta dated July 29, 2006 No. 165, in Parlamentskaya Gazeta dated August 3, 2006 No. 126-127, in the Collection of Legislation of the Russian Federation dated July 31, 2006 No. 31 (part I) of Art. 3448.

[4] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996. The text of the Code was published in the Collection of Legislation of the Russian Federation of June 17, 1996 No. 25, Article 2954, in Rossiyskaya Gazeta of 18 (Art. 1-96), 19 (Art. 97-200), 20 (Art. 201-265), 25 (Art. 266-360) of June 1996 No. 113, 114, 115, 118.

[5] Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001. The text of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation was published in Rossiyskaya Gazeta dated December 31, 2001 No. 256, in the Collection of Legislation of the Russian Federation dated January 7, 2002 No. 1 (part I) of Art. 1, in Parlamentskaya Gazeta dated January 5, 2002 No. 2-5.

[6] Parliamentary newspaper. The Supreme Court clarified the position on cases of extremism on the Internet [Electronic resource]//Official website of the Parliamentary newspaper. 2021. URL: https://www.pnp.ru/social/verkhovnyy-sud-utochnil-poziciyu-po-delam-ob-ekstremizme-v-internete.html (дата обращения: 24.12.2025).

[7] Levin A. Telegram recorded a sharp increase in the activity of terrorist recruiters [Electronic resource]//Geepis. 2025. May 12. URL: https://geepis.ru/news/933 (access date: 24.12.2025).

[8] Churikov A. Protect young people from extremism [Electronic resource]//Ministry of Internal Affairs Media. URL: https://mvdmedia.ru/publications/police-of-russia/sluzhba-pol/uberech-molodyezh-ot-ekstremizma/ (дата обращения: 24.12.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-351-354

РУДКО Иван Викторович,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Волгодонского филиала Ростовского юридического
института МВД России,
e -mail: wentrix@ya.ru

БОНДАРЕНКО Евгений Сергеевич,
преподаватель кафедры радиотехнических
систем и комплексов охранного мониторинга
Воронежского института МВД России,
e -mail: bondarenko-92-92@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЛИЦИИ С ДРУГИМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ И СИЛОВЫМИ СТРУКТУРАМИ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНЫХ И СЛУЖЕБНО-БОЕВЫХ ЗАДАЧ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы совершенствования взаимодействия полиции с другими правоохранительными органами и силовыми структурами при выполнении оперативно-служебных и служебно-боевых задач в особых условиях. Авторами акцентировано внимание на выявлении, обобщении, анализе и применении опыта такого взаимодействия в ходе проведения специальной военной операции (СВО), а также проведении актуальных научных исследований в этом направлении.*

Ключевые слова: *специальная военная операция (СВО),особые условия, полиция, правоохранительные органы, силовые структуры, взаимодействие*.

RUDKO Ivan Viktorovich,
Lecturer of the Department of Tactical and Special Training
of the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

BONDARENKO Evgeny Sergeevich,
Lecturer of the Department of Radio Engineering
Systems and Security Monitoring Complexes
of the Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

TOPICAL ISSUES OF IMPROVING THE INTERACTION OF THE POLICE WITH OTHER LAW ENFORCEMENT AGENCIES AND LAW ENFORCEMENT AGENCIES WHEN PERFORMING OPERATIONAL AND COMBAT MISSIONS IN SPECIAL CONDITIONS

Annotation. *The article discusses some topical issues of improving the interaction of the police with other law enforcement agencies and law enforcement agencies when performing operational and combat missions in special conditions. The authors focus on identifying, summarizing, analyzing and applying the experience of such interaction during a special military operation (SVO), as well as conducting relevant scientific research in this area.*

Key words: *special military operation, special conditions, police, law enforcement agencies, law enforcement agencies, interaction.*

В настоящее время, в связи с проведением специальной военной операции (СВО) и сложной оперативной обстановкой на новых территориях и российском приграничье особую актуальность приобретают проблемы взаимодействия полиции с другими правоохранительными органами и силовыми структурами при выполнении оперативно-служебных и служебно-боевых задач в особых условиях. Сложная оперативная обстановка в указанных регионах требует новых подходов как к охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, так и к взаимодействию всех силовых структур и государственных органов. Необходимо учитывать, что сотрудники полиции на указанных территориях имеют дело не только с общеуголовной преступностью, но и профессиональными военизированными подразделениями противника, регулярными частями вооруженных сил, диверсионно-разведывательными группами, сотрудниками специальных служб с разветвленной агентурной сетью. «Возникновение, становление и развитие государства обусловило множество основных функций его существования: обеспечение защиты внутренних интересов и территорий; противостояние внешним и внутренним угрозам, а главное их своевременное выявление, ликвидация, нейтрализация или минимизация разрушительных последствий» [1, с. 226]. Процесс развития и реформирования правоохранительной системы в России неразрывно связан с осуществлением сотрудничества между ее структурными составляющими при выполнении оперативно-служебных и служебно-боевых задач. Вопросы организации взаимодействия между различными правоохранительными органами и специальными службами постоянно обсуждаются как на межведомственных совещаниях и семинарах, так и в специальной литературе. Как свидетельствует анализ их результатов, состояние взаимодействия между правоохранительными органами рассматривается преимущественно в правовом, организационном и тактическом аспектах. Эффективное взаимодействие между правоохранительными органами является насущной потребностью, а необходимость ее организации – одним из важнейших требований к деятельности руководителей этих органов на всех уровнях. Для того, чтобы успешно выполнять поставленные задачи, правоохранительным органам необходимо осуществлять совместные, заранее согласованные и скоординированные действия. Осуществляя свою деятельность в особых условиях, полиция тесно взаимодействует с подразделениями Росгвардии, органами и пограничной службой ФСБ России, частями и структурами Вооруженных сил РФ. Следует отметить, что в России за последние годы научные исследования, посвященные вопросам усовершенствования организации взаимодействия полиции с другими органами правопорядка и силовыми структурами в особых условиях являются достаточно востребованными. Это объясняется тем, что актуальность данной темы формируется и меняется буквально в режиме реального времени: какие-то ранее наработанные подходы потеряли свою актуальность, некоторые стали требовать корректировки. Совершенно новые условия и обстоятельства существенно меняют как концептуальные основы, так и практическую реализацию специальных мероприятий в особых условиях. Так, например, больших изменений в части проведения специальных операций (мероприятий) потребовало широкое использование БПЛА, средств радиоэлектронной борьбы, тепловизионного и другого современного оборудования. Поэтому целью работ указанной тематики является разработка конкретных предложений по совершенствованию регулирования взаимодействия полиции с другими правоохранительными органами и силовыми структурами в особых условиях. Под взаимодействием обычно понимается определенная система отношений между взаимозависимыми элементами, сущностью которой является обменный процесс. Организация взаимодействия, по сути, является инвариантом управления, поскольку речь идет об обеспечении согласованности определенных процессов, достижении единой направленности в деятельности элементов системы и отдельных сотрудников. «На сегодняшний день к числу первоочередных задач российского государства в новых регионах наряду с окончательным освобождением их от вооруженных формирований Украины относятся борьба с терроризмом и эстремизмом, общеуголовной преступностью» [2]. При несении службы в особых условиях существуют риски возникновения следующих чрезвычайных ситуаций социального характера: вооруженные нападения, террористические акты, угроза захвата и силового удержания важных объектов (объекты жизнеобеспечения, транспорта, энергетики, в.т.ч ядерной), покушение на жизнь государственных деятелей и известных лиц, захват заложников и др. Особого внимания требует контроль за оборотом оружия и боеприпасов, предупреждение хищения из мест их хранения, использования, переработки, а также во время транспортировки. Решение этих вопросов невозможно без эффективного взаимодействия всех силовых структур, спецслужб и воинских формирований. Требуется системная работа по получению разведывательной, контрразведывательной и иной оперативно-значимой информации для предупреждения развития нежелательных ситуаций. Такие функции, согласно рос-

сийскому законодательству, возложены на органы ФСБ, взаимодействие с которыми позволяет обеспечить безопасность собственных объектов полиции и личного состава. При проведении специальных операций по задержанию и ликвидации диверсионно-разведывательных групп, подразделений регулярной армии и иных военизированных формирований противника, которые представляют реальную угрозу в российском приграничье и новых территориях, не обойтись без помощи подразделений Вооруженных сил РФ и Росгвардии, имеющих на вооружении специальную и боевую технику, авиацию, артиллерию, арсенал беспилотных систем и др. «Практика показывает, что грамотная координация всех действий союзных сил, позволяет значительно повысить эффективность при выполнении задач в особых условиях» [3]. К факторам, которые могут затруднять взаимодействие между различными правоохранительными органами, вооруженными силами и спецслужбами относятся:

– недостаточно разработанная нормативно-правовая база, регулирующая сотрудничество органов правопорядка и силовых структур;
– отсутствие актуальных, четких и объективных критериев оценки эффективности взаимодействия;
– проблемные вопросы в определении порядка взаимоинформирования между правоохранительными органами, специальными службами и подразделениями вооруженных сил;
– влияние субъективных факторов (отношения между руководителями служб и подразделений, отношения внутри подразделений и др.).
– действия противника по дезорганизации взаимодействия союзных сил.

Таким образом, с целью совершенствования взаимодействия полиции с другими правоохранительными органами и силовыми структурами при выполнении оперативно-служебных и служебно-боевых задач в особых условиях необходимо:

– четкое определение в нормативно-правовых документах всех правоохранительных органов, подразделений, специальных служб и воинских формирований порядка организации их взаимодействия в особых условиях с учетом опыта проведения СВО и других специальных операций (мероприятий) за последние годы.
– формулировка актуальных критериев оценки эффективности совместной деятельности полиции с другими правоохранительными органами и силовыми структурами;
– совершенствование организации системы связи и обмена информацией;
– обсуждение результатов взаимодействия и выработка управленческих решений на межведомственных совещаниях;
– развитие сотрудничества представителей различных правоохранительных органов на основе стимулирования их совместной деятельности;
– формирование объективного коллективного мнения у сотрудников правоохранительных органов относительно взаимодействия с другими силовыми структурами и выработка актуальных предложений по его совершенствованию;
– уделять особое внимание при организации профессиональной подготовки, переподготовки и повышении квалификации сотрудников правоохранительных органов вопросам взаимодействия при решении служебных задач;
– разработка соответствующего нормативно-правового, научно-методического и организационного обеспечения взаимодействия правоохранительных органов и силовых структур в особых условиях.

Таким образом, организация взаимодействия полиции с другими правоохранительными органами и силовыми структурами – это комплексное динамическое явление, требующее постоянного развития и совершенствования, обобщения и использования положительных примеров, а также передового опыта с целью повышения эффективности решения задач в сфере национальной безопасности государства.

Список литературы:

[1] Тишкин Д.Н., Шувалов А.П. Актуальные проблемы совершенствования ОРД в области допуска отдельной категории граждан к сведениям, составляющим государственную тайну // В сборнике: Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор В.В. Осяк. 2019. – С. 226-231.

[2] Шувалов А. П. Актуальные вопросы изучения и противодействия преступности в приграничных и новых территориях в условиях гибридной войны стран западной коалиции против Российской Федерации / А. П. Шувалов, Н. И. Меркулова // Закон и право. – 2023. – № 7. – С. 259-262.

[3] Шувалов А. П. Актуальные вопросы тактико-специальной подготовки сотрудников полиции для несения службы в особых условиях / А. П. Шувалов, Е. М. Абросимова // Закон и право. – 2023. – № 3. – С. 253-256.

References:

[1] Tishkin D.N., Shuvalov A.P. Actual problems of improving the ORD in the field of admission of a certain category of citizens to information constituting state secrets//In the collection: Forensics: current issues of theory and practice. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Executive editor V.V. Osyak. 2019. - S. 226-231.

[2] Shuvalov A.P. Topical issues of studying and countering crime in border and new territories in the context of a hybrid war of the countries of the Western coalition against the Russian Federation/A.P. Shuvalov, N.I. Merkulova//Law and Law. – 2023. – № 7. - S. 259-262.

[3] Shuvalov A.P. Topical issues of tactical and special training of police officers for service in special conditions/A.P. Shuvalov, E.M. Abrosimova//Law and Law. – 2023. – № 3. - S. 253-256.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-355-358

АНИКИНА Дарья Игоревна,
Российский университет кооперации,
Россия, Москва,
e-mail: darianikina@bk.ru

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. *Статья посвящена анализу информационных технологий в современном обществе и их влиянию на различные сферы жизнедеятельности человека. Рассматриваются аспекты цифровых технологий в медицине, образовании, бизнесе, государственном управлении и науке. Автор подчёркивает инновационность технологий в повышении эффективности процессов, автоматизации операций и повышении качества жизни граждан. Особое внимание уделено развитию дистанционного образования, цифровым финансовым инструментам, онлайн-торговле и удаленным формам отсутствия. Вместе с тем отмечаются и негативные последствия цифровизации: зависимость от гаджетов, снижение интереса к отключению форм досуга и чтения, а также возможное увеличение ширины цвета и уровня интернет-мошенничества. В статье анализируется состояние цифровой экономики в России, приводится история ее становления и поднимается вопрос отставания от ведущих стран по направлению технологического развития.*

Ключевые слова: *цифровизация, цифровые технологии, информационные технологии, общество, влияние.*

ANIKINA Daria Igorevna,
Russian University of Cooperation,
Russia, Moscow

THE ROLE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN MODERN SOCIETY

Annotation. *The article is devoted to the analysis of information technologies in modern society and their impact on various spheres of human activity. Aspects of digital technologies in medicine, education, business, public administration and science are considered. The author emphasizes the innovativeness of technologies in increasing the efficiency of processes, automating operations and improving the quality of life of citizens. Special attention is paid to the development of distance education, digital financial instruments, online trading and remote forms of absence. At the same time, there are also negative consequences of digitalization: dependence on gadgets, a decrease in interest in disabling forms of leisure and reading, as well as a possible increase in the width of color and the level of Internet fraud. The article analyzes the state of the digital economy in Russia, provides the history of its formation and raises the issue of lagging behind the leading countries in terms of technological development.*

Key words: *digitalization, digital technologies, information technologies, society, influence.*

Введение. Современное общество сложно представить без широко развитых информационных технологий, которые нашли отражение практически в каждом аспекте жизнедеятельности человека. Благоприятное влияние информационных технологий на жизнь открыли новые возможности и перспективные направления дальнейшего развития и совершенствования их использования по всему миру.

Заслугой развития цифровых технологий является широкое распространение смартфонов, социальных сетей, интернета, виртуальных денег и многих других возможностей для человека.

Внедрение технологий происходит повсеместно и в каждую сферу жизни человека.

Сферы, находящиеся под влиянием технологий. Развитие сферы поспособствовало внедрению технологий в различные сферы общественной жизни. Представим далее основные сферы, испытывающие на себе максимальное влияние со стороны технологий.

Медицинская сфера, как и сфера здравоохранения, испытывает на себе достаточно большое влияние со стороны информационных технологий, ведь именно они предоставляют возможность врачам проводить качественные исследования и выбирать точные диагностики на практике, и, помимо этого, разработка инновационных методов лечения так же базируется на применении этих способов. Следует упомянуть важность ведения медицинского учёта с помощью использования информационных технологий, ведь их применение в этой области существенно упростило работу врачам и минимизировало бумажную волокиту.

В сфере образования информационные технологии существенно разбавляют материалы и делают информацию доступнее и интереснее.

Широкие возможности предоставили технологии с аспекта внедрения дистанционного обучения, которым пользуются многие студенты, желающие развиваться и изучать новые материалы, а также люди с ограниченными возможностями или не имеющие возможность обучения в определённом вузе очно.

Говоря о бизнес-процессах, следует отметить, что информационные системы находят широкое отражение в этой сфере, равно как и в сфере бизнеса и экономики в целом. Именно с помощью таких технологий происходит рост производительности компании, за счёт которого увеличивается общая конкурентоспособность на рынке.

Так, происходит автоматизация многих сторон производства, а том числе основных операционных и аналитических аспектов, что позволяет компании выйти на новый уровень и обеспечить себе достойное развитие.

Не осталась в стороне и область управления государственного характера, ведь именно в ней используются технологии, облегчающие базовые процессы управленческой направленности. Кроме этого, посредством систем технологий происходит обеспечение безопасности и поддержка хорошего уровня жизни граждан.

Нередко использование информационных технологий оказывает колоссальное влияние на возможности и результаты проводимых научных исследований.

Именно с помощью таких технологий происходит более быстрое проведение экспериментов сложного и трудозатратного характера, в большей степени за счёт сокращения времени на анализ полученных данных.

Исходя из изложенных аспектов можно отметить, что информационные технологии затрагивают каждую область деятельности и жизнедеятельности человека. Современный мир тяжело представить без использования технологий практически повсеместно. Именно за счёт них максимизируется уровень комфорта для общества.

Информационные технологии представляют пол собой общность методов и средств, используемых в процессе работы с информацией, на которую оказывается влияние в аспекте видоизменения с целью получения новой информации [3, 8].

Информационной общество также существенно развивается за счёт технологий, тем самым расширяются и возможности.

Можно выделить несколько благоприятных черт развития информационных технологий для общества на примерах:

– повсеместно внедряются быстрые и весьма удобные магазины в сети Интернет, что позволило существенно облегчить жизнь людям;
– успешно используются на практике различные системы оплаты и виртуальные банки, что позволяет использовать широкие возможности по денежным переводам между людьми;
– распространение удалённых профессий и мест трудоустройства, а также развитие дистанционного обучения, что позволило максимизировать трудоёмкость населения по всему миру [6].

Неблагоприятные последствия технологий. Тем не менее, несмотря на огромное количество возможностей и благоприятных тенденций в этой сфере, распространение информационных технологий несёт некоторые неблагоприятные аспекты, например:

– увеличение зависимости от гаджетов и различных информационных технологий, в следствии чего наблюдаются случаи психологических проблем у граждан, которые заменили реальный мир на виртуальный [1];
– существенно утратили привлекательность библиотеки и в целом чтение бумажных изданий, которым на смену пришли ленты в приложениях и социальных сетях и другие информационные источники;
– замещение посещения музеев и кинотеатров домашним просмотром видео в сети Интернет и многие другие аспекты [4].

Цифровые технологии в России. В России терминология «цифровая экономика» была введена в 2017 году, посредством издания Президентом указа О стратегии развития информаци-

онного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» [7]. Не смотря на столь позднее упоминание о новом понимании, в мире цифровая экономика упоминалась ещё в 1995 года Николасом Негропонте. Исследователь в своих трудах отмечал высокую значимость направления с точки зрения развития цифровых товаров и возможностей их моментального перемещения, а также низкие затраты ресурсов, отсутствие физического веса товара и многое другое.

Из такой существенной разницы во времени введения определения можно отметить существенное отставание развития технологий в России в сравнении с другими странами. В большей степени причиной является недостаточная материальная поддержка сферы цифровизации.

И всё же стремление властей к расширению сферы и внедрения цифровых технологий повсеместно весьма заметно. Основной упор развития закладывается в устранении проблемы отставания развития информационных технологий от других стран.

Основу направленности развития представляет проект национального масштаба под наименованием «Цифровая экономика РФ», введённая 24.12.2018.

На *рисунке 1* представим основные цели создания и внедрения указанной программы [5].

Рисунок 1. Основные цели создания программы «Цифровая экономика РФ»

По результатам внедрения и успешной реализации программы ожидается плотное введение цифровых технологий в сферы экономики и социальные аспекты.

Именно за счёт повсеместного внедрения технологий на мировом рынке закрепится и даже улучшиться позиция страны относительно других конкурентоспособных представителей. Помимо этого, ожидается существенное улучшение качества жизни для населения.

Перспективы. Тем не менее, весьма впечатляющие перспективы дальнейшего развития ведут неблагоприятные тенденции, такие как:

– вероятное увеличение мошенников в области сети Интернет;
– повышение уровня безработицы в связи замещения профессий;
– провоцирование установления цифрового неравенства населения;
– увеличение зависимости людей от цифровых технологий [2].

Так, вне зависимости от существенного отставания страны от других, более развитых в цифровом понимании стран, развитие в этой области и планы на ближайшее будущее свидетельствуют о хороших перспективах. В поддержку реализации основных идей направлено большое количество инвестиций, заложенных в том числе в реализацию программы «Цифровая экономика РФ». Рынок IT- технологий тоже не стоит на месте и динамично развивается.

Выводы. Именно за счёт изложенных аспектов стоит сделать выводы о благоприятных прогнозах дальнейшего развития сферы информационных и цифровых технологий для России. Ожидание выхода страны на новый уровень прогнозируется в ближайшее время, а реализуемые программы направлены на достижение этой цели.

Список литературы:

[1] Великанова Л. О., Ткаченко В. В. Информационные технологии в экономике: учебное пособие / Л. О. Великанова, В. В. Ткаченко. — Краснодар: КубГАУ, 2021. — 172 с.

[2] Воробьёв И. А., Сорокин Е. В., Ушаков М. В. Информационные технологии: учебное посо-

бие / И. А. Воробьёв, Е. В. Сорокин, М. В. Ушаков. — Тула: ТулГУ, 2020. — 218 с.

[3] Коломейченко А. С., Польшакова Н. В., Чех О. В. Информационные технологии: учебное пособие для вузов: 2-е изд., перераб. / А. С. Коломейченко, Н. В. Польшакова, О. В. Чеха. — Санкт-Петербург: Лань, 2021. — 212 с.

[4] Мичков П. А. Современные технологии обучения: учебно-методическое пособие / П. А. Мичков. — Новосибирск: НГК им. Глинки, 2023. — 26 с.

[5] Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации от 24 декабря 2018 г. № 16) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://study.garant.ru/#/document/72190282… (дата обращения 26.03.2025).

[6] Сулейманов М. Д. Цифровая экономика: учебник / М. Д. Сулейманов. — Сочи: РосНОУ, 2023. — 356 с.

[7] Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://study.garant.ru/#/document/71670570… (дата обращения 24.03.2025).

[8] IT-рынок России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:ИТ-рынок_России (дата обращения 25.03.2025).

[9] Орехов Г. С., Пученкова В. А. ИТ в современном мире: возможности, задачи, проблемы, перспективы // Современные материалы, техника и технологии : электронный журнал. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/it-v-sovremennom-mire… (дата обращения 25.10.2023)

[10] Львович В. А. Информационные технологии и перспективы их развития / В. А. Львович. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 24 (471). — С. 21–23. — URL: https://moluch.ru/archive/471/104216/ (дата обращения 12.06.2025).

[11] Павлова Д. В. Информационные технологии: глобализация, изменение моделей коммуникации и доступа к информации, влияние на образование и политику // Научные высказывания. — 2024. — № 4 (51). — С. 16–18. — URL: https://nvjournal.ru/article/Informationnye_tehnologii_globalizatsija… (дата обращения 10.06.2025).

[12] Использование и роль технологий в современном мире. Анализ применения информационных технологий в образовательном процессе / Ангелина Сиротенко. — 16 сент. 2018. — URL: https://ynpress.com/archives/56295 (дата обращения 11.06.2025).

References:

[1] Velikanova L.O., Tkachenko V.V. Information technologies in economics: a textbook/L.O. Velikanova, V.V. Tkachenko. - Krasnodar: KubSAU, 2021. - 172 s.

[2] Vorobyov I. A., Sorokin E. V., Ushakov M. V. Information technologies: textbook/I. A. Vorobyov, E. V. Sorokin, M. V. Ushakov. - Tula: TulSU, 2020. - 218 s.

[3] Kolomeichenko A.S., Polshakova N.V., Chekh O.V. Information technologies: textbook for universities: 2nd ed., Revised/A.S. Kolomeichenko, N.V. Polshakova, O.V. Chekha. - St. Petersburg: Doe, 2021. - 212 p.

[4] Michkov P. A. Modern training technologies: educational and methodological manual/P. A. Michkov. - Novosibirsk: NGK named after Glinka, 2023. - 26 s.

[5] Passport of the national program “Digital Economy of the Russian Federation” (approved by Presidium of the Council under the President of the Russian Federation dated December 24, 2018 No. 16) [Electronic resource]. - Access mode: URL: https://study.garant.ru/ #/document/72190282... (date of circulation 26.03.2025).

[6] Suleimanov M.D. Digital economy: textbook/M.D. Suleimanov. - Sochi: RosNOU, 2023. - 356 p.

[7] Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203 “On the strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017-2030” [Electronic resource]. - Access mode: URL: https://study.garant.ru/ #/document/71670570... (date of circulation 24.03.2025).

[8] Russian IT market [Electronic resource]. - Access mode: URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: IT market _ of Russia (date of access 25.03.2025).

[9] Orekhov G.S., Puchenkova V.A. IT in the modern world: opportunities, tasks, problems, prospects//Modern materials, technology and technology: electronic journal. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/it-v-sovremennom-mire… (date of application 25.10.2023)

[10] Lvovich V. A. Information technologies and prospects for their development/V. A. Lvovich. - Text: direct//Young scientist. — 2023. — № 24 (471). - S. 21-23. - URL: https://moluch.ru/archive/471/104216/ (date of contact 12.06.2025).

[11] Pavlova D.V. Information technologies: globalization, changing models of communication and access to information, impact on education and politics//Scientific statements. — 2024. — № 4 (51). - S. 16-18. — URL: https://nvjournal.ru/article/Informationnye_tehnologii_globalizatsija… (date of circulation 10.06.2025).

[12] The use and role of technology in today’s world. Analysis of the use of information technologies in the educational process/Angelina Sirotenko. - Sept. 16, 2018. - URL: https://ynpress.com/archives/56295 (date of contact 11.06.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-359-362

ГАУЖАЕВА Виктория Александровна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры информационных технологий и
специальной техники органов внутренних дел
Северо-Кавказского института повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета МВД России,
e-mail: kristyv_13@mail.ru

АНТОНОВ Ян Анатольевич,
старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Барнаульского юридического института МВД России,
e-mail: antonovyan9089@mail.ru

ПОДХОДЫ К ОФОРМЛЕНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ПСИХОФИЛИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПОЛИГРАФА

Аннотация. *В статье исследуются актуальные проблемы использования полиграфа в российском уголовном судопроизводстве в части процессуального оформления результатов психофизиологических исследований. Анализируется правовая природа результатов психофизиологических исследований с применением полиграфа, их доказательственное значение в контексте требований уголовно-процессуального законодательства, а также различные подходы науки и практики к оформлению результатов психофизиологических исследований, проводимые не в форме судебной экспертизы.*

Ключевые слова: *полиграф, психофизиологическая экспертиза, доказательства, уголовный процесс, допустимость доказательств, процессуальная регламентация, криминалистика, детекция лжи.*

GAUZHAEVA Victoria Aleksandrovna,
Candidate of Law Associate Professor,
Department of Information Technology and Specialized
Equipment of Internal Affairs Agencies, North Caucasus Institute
for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ANTONOV Yan Anatolyevich,
Senior Lecturer, Department of Tactical and Specialized Training,
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

APPROACHES TO PRESENTING THE RESULTS OF PSYCHOPHILIOLOGICAL RESEARCH USING A POLYGRAPH

Annotation. *The article examines Current issues related to the use of the polygraph in Russian criminal proceedings, particularly in regard to approaches to the procedural presentation of psychophysiological research results. This article analyzes the legal nature of the results of psychophysiological research using a polygraph, their evidentiary value in the context of criminal procedure legislation, and various scientific and practical approaches to the presentation of psychophysiological research results conducted outside the forensic examination.*

Key words: *polygraph, psychophysiological examination, evidence, criminal proceedings, admissibility of evidence, procedural regulations, forensic science, lie detection.*

Проблематика использования полиграфа в уголовном судопроизводстве на протяжении нескольких десятилетий остается в центре внимания как ученых-процессуалистов и криминалистов, так и практических работников правоохранительных органов.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что психофизиологические исследования с применением полиграфа проводятся достаточно активно, однако процессуальное оформление их результатов осуществляется различными способами. Наиболее распространенным является оформление результатов в виде заключения эксперта, справки или акта, составленного специалистом-полиграфологом по результатам так называемого «опроса с использованием полиграфа». Последние приобщаются к материалам уголовного дела в качестве иных документов на основании части второй статьи 74, статьи 84 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1]. Однако данный подход вызывает серьезные возражения с позиций теории доказательств. Иные документы как вид доказательств предполагают наличие сведений, которые были получены и зафиксированы вне рамок уголовного судопроизводства, независимо от расследования конкретного уголовного дела. Психофизиологическое исследование же специально организуется и проводится в связи с расследованием уголовного дела, что свидетельствует об искусственности его квалификации в качестве иного документа [2, с. 234-237].

Второй подход предполагает участие специалиста-полиграфолога в производстве следственных действий на основании статьи 58 УПК РФ [1]. При этом результаты применения полиграфа рассматриваются как техническое средство, содействующее собиранию доказательств. Однако и этот вариант не лишен недостатков. Согласно процессуальному статусу специалиста, он привлекается для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Психофизиологическое исследование выходит за рамки указанных функций, поскольку представляет собой самостоятельное исследование, требующее специальных познаний, применения сложных методик и формулирования выводов, что характерно для экспертной деятельности.

Третий подход, который начал получать распространение в последние годы, состоит в получении заключения специалиста на основании части третьей статьи 80 УПК РФ [1]. Данная норма предусматривает возможность получения заключения специалиста - представленного в письменном виде суждения по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами. Этот подход представляется более обоснованным с процессуальной точки зрения, поскольку заключение специалиста является самостоятельным видом доказательств. Вместе с тем институт заключения специалиста существенно отличается от института судебной экспертизы отсутствием детальной процессуальной регламентации, меньшим объемом процессуальных гарантий, что создает риски для обеспечения достоверности и объективности выводов.

Наиболее предпочтительным с позиций обеспечения процессуальных гарантий и доказательственной силы результатов представляется четвертый подход - назначение психофизиологической экспертизы на основании статей 195-207 УПК РФ [1]. Институт судебной экспертизы характеризуется развитой системой процессуальных гарантий: обязательность вынесения постановления о назначении экспертизы с указанием оснований, поставленных вопросов; ознакомление подозреваемого, обвиняемого и его защитника с постановлением и предоставление им права заявлять отводы эксперту, просить о назначении эксперта из числа указанных ими лиц, представлять дополнительные вопросы; предупреждение эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения; возможность допроса эксперта для разъяснения данного им заключения; возможность назначения дополнительной или повторной экспертизы при возникновении сомнений в обоснованности заключения или наличии противоречий в выводах эксперта [3, с. 445-467]. Все эти гарантии создают надежную процессуальную основу для получения достоверных доказательств и обеспечения прав участников процесса.

Вместе с тем, назначение психофизиологической экспертизы в отсутствие специального правового регулирования порождает ряд проблем [4, с.70-77]. Прежде всего, это касается определения компетенции эксперта и формулирования вопросов, выносимых на разрешение экспертизы. В научной литературе и экспертной практике отсутствует единство мнений относительно того, какие именно вопросы могут и должны ставиться перед экспертом-полиграфологом. Некоторые авторы полагают, что эксперт вправе давать заключение о правдивости или ложности показаний исследуемого лица [5, с. 134-145]. Представляется, что такой подход неприемлем, поскольку вторгается в исключительную компетенцию следователя и суда по оценке доказательств. Определение того, соответствуют ли действительности показания участника процесса, является задачей не эксперта, а следователя и суда, которые оценивают всю совокупность доказательств по делу. Более обоснованной является позиция, согласно которой компетенция эксперта-полиграфолога ограничи-

вается установлением наличия или отсутствия у исследуемого лица скрываемой информации по конкретным обстоятельствам расследуемого события [2, с. 241-248]. Эксперт может ответить на вопросы типа: имеются ли признаки того, что исследуемое лицо обладает информацией об обстоятельствах совершения преступления; обнаружены ли психофизиологические реакции, свидетельствующие о знании лицом определенных фактов; какова степень выраженности и устойчивости зарегистрированных реакций. Такая формулировка вопросов соответствует научным возможностям метода и не подменяет функции следователя и суда по оценке доказательств.

Обращаясь к вопросу о возможных направлениях совершенствования правового регулирования применения полиграфа в уголовном процессе, необходимо исходить из необходимости баланса двух начал: с одной стороны, обеспечения эффективности уголовного судопроизводства и создания условий для использования достижений научно-технического прогресса в борьбе с преступностью, с другой стороны, надежной защиты конституционных прав и свобод личности [6, с.140-142], прежде всего, права на неприкосновенность частной жизни, права не свидетельствовать против себя, презумпции невиновности. Представляется, что оптимальным решением было бы законодательное закрепление института психофизиологической экспертизы путем внесения соответствующих дополнений в УПК РФ и Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [7].

Во-первых, определение предмета и задач психофизиологической экспертизы, компетенции эксперта, примерного перечня вопросов, которые могут быть поставлены на разрешение эксперта. Это позволит избежать постановки перед экспертом вопросов, выходящих за пределы его компетенции, и обеспечит единообразие экспертной практики.

Во-вторых, закрепление принципа добровольности участия в психофизиологической экспертизе и процедуры получения информированного согласия исследуемого лица. Должно быть четко установлено, что психофизиологическая экспертиза проводится только с согласия лица, в отношении которого она назначена, а отказ от участия в экспертизе не может рассматриваться как обстоятельство, свидетельствующее против лица.

В-третьих, установление квалификационных требований к экспертам-полиграфологам, порядка их подготовки, аттестации и сертификации. Необходимо создание системы государственной аккредитации образовательных программ по подготовке специалистов в области психофизиологических исследований и ведение реестра сертифицированных экспертов-полиграфологов [5, с. 312-325].

В-четвертых, установление требований к методическому обеспечению психофизиологических экспертиз. Целесообразно создание при федеральном органе исполнительной власти в области юстиции экспертно-методического совета по психофизиологическим исследованиям, который осуществлял бы экспертизу и сертификацию методик проведения исследований, разработку методических рекомендаций, обобщение практики. Применение методик, не прошедших соответствующую сертификацию, должно рассматриваться как нарушение процессуального порядка получения доказательств.

В-пятых, регламентация процедуры проведения психофизиологической экспертизы, включая требования к условиям проведения исследования, обязательность применения технических средств фиксации, структуру и содержание заключения эксперта, порядок приобщения первичных материалов исследования к заключению эксперта [7].

В-шестых, установление пределов использования результатов психофизиологической экспертизы в доказывании. Представляется необходимым законодательно закрепить, что заключение эксперта-полиграфолога не может быть единственным доказательством, на котором основывается обвинительный приговор. Данные психофизиологического исследования должны оцениваться в совокупности с другими доказательствами и не имеют заранее установленной силы для суда, прокурора, следователя, дознавателя. Это требование следует из принципа свободной оценки доказательств, закрепленного в статье 17 УПК РФ [1], но его специальное упоминание применительно к психофизиологической экспертизе позволит избежать ошибок в правоприменительной практике и необоснованной переоценки значения данных полиграфа.

Результаты психофизиологических исследований могут признаваться допустимыми доказательствами при условии соблюдения общих принципов уголовного процесса и специальных требований, обусловленных спецификой метода. К таким требованиям относятся: добровольность участия исследуемого лица, получение его информированного согласия; соблюдение прав и законных интересов участников процесса; научная обоснованность применяемых методик; наличие необходимой квалификации у лица, проводящего исследование; надлежащее документирование процесса и результатов исследования. Наи-

более предпочтительной процессуальной формой применения полиграфа в доказывании является судебная экспертиза, которая обеспечивает необходимый уровень процессуальных гарантий достоверности выводов и защиты прав участников процесса.

Результаты психофизиологических исследований должны рассматриваться как вероятностная информация, подлежащая критической оценке в совокупности с другими доказательствами по делу. Заключение эксперта-полиграфолога не обладает преимуществом перед другими видами доказательств и не может служить единственным или главным доказательством виновности лица в совершении преступления. Данные полиграфа целесообразно использовать в качестве дополнительного источника информации, который в сочетании с другими доказательствами способствует установлению истины по уголовному делу.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[2] Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025. - 576 с.

[3] Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М.: Юристъ, 1997. - 464 с.

[4] Азарова Н.В., Хавыло А.В. Анализ развития и перспектив применения полиграфа в психофизиологическом обследовании // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. 2025. Т. 8. № 1 (26). С. 70-77.

[5] Холодный Ю.И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений (генезис и правовые аспекты). М.: Мир безопасности, 2000. - 160 с.

[6] Ильиных С.Л. Практика психофизиологических исследований с применением полиграфа на современном этапе развития органов внутренних дел // Правоохранительные органы: теория и практика. 2023. № 1 (44). С. 140-142.

[7] Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

[8] Гаужаева В.А. Методические основы проведения исследований на полиграфе // Теория и практика общественного развития. 2015. № 1. С. 57-60.

References:

[1] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 29.12.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

[2] Rossinskaya E.R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings: monograph - 4th ed., revised. and add. - Moscow: Norm: INFRA-M, 2025. - 576 p.

[3] Belkin R.S. Forensics course. In 3 vols. T. 2: Private forensic theories. M.: Lawyer, 1997. - 464 s.

[4] Azarova N.V., Khavylo A.V. Analysis of the development and prospects of the use of the polygraph in psychophysiological examination//Bulletin of Kaluga University. Series 1. Psychological sciences. Pedagogical sciences. 2025. VOL. 8. № 1 (26). S. 70-77.

[5] Cold Yu.I. The use of polygraph in the prevention, disclosure and investigation of crimes (genesis and legal aspects). M.: World Security, 2000. - 160 s.

[6] Ilinykh S.L. Practice of psychophysiological research using a polygraph at the current stage of development of internal affairs bodies//Law enforcement agencies: theory and practice. 2023. № 1 (44). S. 140-142.

[7] Federal Law of 31.05.2001 No. 73-FZ “On State Judicial Expert Activity in the Russian Federation” (as amended on 22.07.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 23. Art. 2291.

[8] Gauzhaeva V.A. Methodological foundations of polygraph research//Theory and practice of social development. 2015. № 1. S. 57-60.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-363-367

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ научно-
исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИНЦИПОВ СЛУЖБЫ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Целью исследования выбрана правовая характеристика принципов службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. Для ее осуществления применялись диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, с помощью которых изучались принципы службы в УИС, закрепленные в Федеральном законе 2018 г. № 197-ФЗ, ФЗ 2003 г. № 58-ФЗ, ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России, рассмотренные учеными и практическими работниками в научных и учебно-методических работах. Принципы службы в УИС закреплены и базируются на национальном законодательстве, отечественной практики организации исполнения уголовных наказаний. Они органически взаимосвязаны с постулатами, нашедшими отражение в Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. С принципами, положенными в основу государственной службы в современной России, уголовного и уголовно-исполнительного права, уголовного процесса, оперативно-розыскной деятельности, реализуемой сотрудниками УИС. Принципы службы в УИС закреплены Федеральном законе от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». К ним относятся: единоначалие и субординация; обязательный профессиональный отбор при равном доступе граждан к службе в УИС; взаимосвязь ограничений, обязанностей, запретов, ответственности на службе в УИС и социальных гарантий сотрудника; верховенство закона в деятельности сотрудника УИС; соблюдение прав и свобод сотрудника УИС; выполнение сотрудником возложенных на него обязанностей; беспартийность. Соблюдение принципов службы в УИС гарантируется их законодательным закреплением, а также контрольной деятельностью вышестоящих органов управления УИС (ФСИН России, ГУФСИН, УФСИН субъектов федерации). Надзором органов прокуратуры Российской Федерации.*

Ключевые слова: *правовая характеристика, система государственной службы, принципы службы, уголовно-исполнительная система, ведомственные правовые акты, ФСИН России, сотрудники.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

LEGAL CHARACTERISTICS OF THE PRINCIPLES OF SERVICE IN THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The purpose of the study is the legal description of the principles of service in the penal system of the Russian Federation. To implement it, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific) were used: analysis, synthesis, comparison, analogy, generalization, which were used to study the principles of service in the penal system, enshrined in Federal Law No. 197-FZ of 2018, FZ of 2003. No. 58-FZ, departmental legal acts of the Ministry*

of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, reviewed by scientists and practitioners in scientific and educational works. The principles of service in the penal correction system are fixed and are based on national legislation and domestic practice of organizing the execution of criminal penalties. They are organically interconnected with the postulates reflected in the Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020. With the principles laid down in the basis of public service in modern Russia, criminal and penal enforcement law, criminal procedure, operational investigative activities carried out by the staff of the Criminal Justice System. The principles of service in the penal correction system are fixed in Federal Law No. 197-FZ dated 07/19/2018 "On Service in the Penal Enforcement System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation "On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment." These include: unity of command and subordination; mandatory professional selection with equal access for citizens to serve in the penitentiary; the relationship between restrictions, duties, prohibitions, responsibilities in the service of the penitentiary and the employee's social guarantees; the rule of law in the activities of the penitentiary officer; respect for the rights and freedoms of the penitentiary officer; fulfillment by the employee of the duties assigned to him; non-partisanship. Compliance with the principles of service in the penitentiary system is guaranteed by their legislative consolidation, as well as by the control activities of higher management bodies of the Penitentiary System (FSIN of Russia, GUFSIN, UFSIN of the subjects of the Federation). Under the supervision of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Key words: *legal characteristics, public service system, principles of service, penal enforcement system, departmental legal acts, Federal Penitentiary Service of Russia, employees.*

Введение. Принципы, как основополагающие положения организации деятельности различных социальных систем и государственных органов, реализующих многообразные виды профессиональной деятельности, являются фундаментальными теоретическими постулатами, присущими областям юридических и общественных наук, обеспечивающими их эффективное функционирование.

Принципы службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее УИС) закреплены и базируются на национальном законодательстве, отечественной практики организации исполнения уголовных наказаний. Они органически взаимосвязаны с постулатами, нашедшими отражение в Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [1]. С принципами, положенными в основу:

- государственной службы в современной России, регулируемой Федеральным законом от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [2];
- уголовного права и уголовно-правовых отношений, реализуемых в современной уголовно-правовой политике [3];
- уголовного процесса и уголовно-процессуальных отношений, в осуществлении которых принимают участие сотрудники, состоящие на службе в УИС [4];
- профессиональной деятельности сотрудников УИС, обеспечивающих содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений [5, с. 198-204];
- уголовно-исполнительного права и уголовно-исполнительных правоотношений, реализуемых в современной уголовно-исполнительной политике, нашедших отражение в уголовно-исполнительном законе [6];
- теории оперативно-розыскной деятельности, активно применяемой сотрудниками оперативных подразделений УИС при осуществлении оперативно-розыскной политики [7].

Таким образом, принципы службы в УИС имеют свое специфическое содержание, обусловленное особенностями правового регулирования и организации профессиональной деятельности различных служб и подразделений, учреждений и органов, входящих в современную структуру УИС РФ. Оно нуждается в комплексном научном рассмотрении и анализе в рамках отдельного исследования.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовой характеристики принципов службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации применялись диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, с помощью которых изучались принципы службы в УИС, закрепленные в Федеральном законе 2018 г. № 197-ФЗ, ФЗ 2003 г. № 58-ФЗ, ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России, рассмотренные учеными и практическими работниками в научных и учебно-методических работах.

Основные результаты. Принципы службы в УИС закреплены в отдельной 4 статье Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе

в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». К ним относятся:

– единоначалие и субординация (подчиненность), предполагающие активную реализацию служебной дисциплины сотрудников УИС, безусловное подчинение законным (не противоречащих федеральному закону) требованиям вышестоящих руководителей (начальников). При этом полное выполнение функциональных обязанностей и профессиональных компетенций, закрепленных в должностных инструкциях. Таким образом, сотрудник при исполнении должностных обязанностей подчиняется только прямым руководителям (начальникам), в том числе временно. Ближайший к сотруднику прямой руководитель (начальник) является его прямым руководителем (начальником);
– обязательный профессиональный отбор при равном доступе граждан к службе в УИС и создание возможностей для продвижения по службе независимо от пола, расы, национальности, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств, не связанных с профессиональными и деловыми качествами сотрудника [8];
– взаимосвязь ограничений, обязанностей, запретов, ответственности на службе в УИС и социальных гарантий сотрудника, закрепленных в законодательных и ведомственных правовых актах [9, с. 95-98]. Являющихся предметом ведомственного контроля ФСИН России, ГУФСИН и УФСИН субъектов федерации [10];
– верховенство закона в деятельности сотрудника УИС. Данный принцип созвучен такому принципу, закрепленному в различных областях права как законность;
– соблюдение прав и свобод сотрудника УИС. При этом ограничение прав и свобод человека и гражданина в отношении сотрудника допускается федеральным законом в той мере, в какой это необходимо для выполнения задач, связанных с защитой основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, и для обеспечения безопасности государства;
– выполнение сотрудником возложенных на него обязанностей. Он не вправе отказаться исполнения своих служебных обязанностей, если они предусмотрены контрактом о службе в УИС или должностной инструкцией. Для их исполнения приняты необходимые меры безопасности [11, с. 24-25];
– беспартийности (сотруднику запрещается состоять в политических партиях, материально поддерживать, принимать участие в их деятельности. При осуществлении служебной деятельности сотрудник УИС не должен быть связан решениями политических партий, иных общественных объединений и религиозных организаций [12, с. 540-546].

Таким образом, рассмотренные принципы службы в УИС являются приоритетными, фундаментальными положениями организации их многогранной профессиональной деятельности, постулатами обеспечения прав и законных интересов граждан и сотрудников, соблюдения законности при исполнении уголовных наказаний, обеспечении безопасности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

– Всероссийской научно-практической конференции «Вклад правоохранительных органов в развитие Сибири», состоявшейся 28.09.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Особенности предупреждения коррупции как фактора обеспечения безопасности учреждений и органов УИС Сибирского федерального округа»;
– XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», состоявшейся 18-19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
– Всероссийском круглом столе «Воспитательная работа с работниками УИС», проведенном в ФКУ НИИ ФСИН России совместно с управлением кадров ФСИН России 25.10.2023. Доклад на тему: «Прокурорский надзор в системе мер обеспечения прав и социальных гарантий сотрудников УИС»;
– Межвузовской научно-практической конференции «Перспективы развития профессиональной компетенции преподавателя высшей школы», состоявшейся во Владимирском юридическом институте ФСИН России 28.11.2023. Доклад на тему: «К

вопросу развития профессиональной компетенции преподавателя при проведении практико-ориентированного обучения курсантов»;

– 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».
– Международной научно-практической конференции «История и перспективы исследований проблем работы с личным составом» (к 50-летию кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России), состоявшейся в Академии управления МВД России 29 ноября 2023. Доклад на тему «Психологическая подготовка сотрудников оперативных подразделений ФСИН России в свете реализации современной оперативно розыскной политики».
– Всероссийской межведомственной научно-практической конференции «Межведомственное сотрудничество при обеспечении национальных приоритетов противодействии коррупции», состоявшейся в университете ФСИН России 8 декабря 2023 года с докладом на тему: «Прокурорский надзор в системе мер противодействия коррупции в УИС».

Заключение. Принципы службы в УИС закреплены и базируются на национальном законодательстве, отечественной практики организации исполнения уголовных наказаний. Они органически взаимосвязаны с постулатами, нашедшими отражение в Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. С принципами, положенными в основу государственной службы в современной России, уголовного и уголовно-исполнительного права, уголовного процесса, оперативно-розыскной деятельности, реализуемой сотрудниками УИС.

\Принципы службы в УИС закреплены Федеральном законе от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». К ним относятся: единоначалие и субординация; обязательный профессиональный отбор при равном доступе граждан к службе в УИС; взаимосвязь ограничений, обязанностей, запретов, ответственности на службе в УИС и социальных гарантий сотрудника; верховенство закона в деятельности сотрудника УИС; соблюдение прав и свобод сотрудника УИС; выполнение сотрудником возложенных на него обязанностей; беспартийность.

Соблюдение принципов службы в УИС гарантируется их законодательным закреплением, а также контрольной деятельностью вышестоящих органов управления УИС (ФСИН России, ГУФСИН, УФСИН субъектов федерации). Надзором органов прокуратуры Российской Федерации.

Список литературы:

[1] «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Consultant.ru (дата обращения 27.02.2026).

[2] Федеральный закон от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Garant.ru (дата обращения 27.02.2026).

[3] Уголовное право России. Особенная часть: Учебник // Ковалев О.Г., Баев О.Я. Москва, 2007. 374 с.

[4] Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. Дашков и К. 2005. 21 с.

[5] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Принципы содержания под стражей и их влияние на обеспечение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых (сравнительно-правовой анализ) // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 198-204.

[6] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[7] Теория оперативно-розыскной деятельности / Горяинов К.К., Земскова А.В., Исиченко А.П., Климов И.А., Ковалев О.Г., Конов А.И., Нетреба В.А., Федоров А.В., Овчинский В.С., Синилов Г.К., Черников В.В. Краткий учебный курс / Сер. Краткие учебные курсы юридических наук. (2-е издание, переработанное). Москва, 2006. 385 с.

[8] Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной

системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Garant.ru (дата обращения 27.02.2026).

[9] Ковалев О.Г. Прокурорский надзор в системе мер обеспечения прав и социальных гарантий сотрудников УИС // Антропогогика. 2024. № 1 (13). С. 95-98.

[10] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

[11] Ковалев О.Г. Личная безопасность персонала учреждений уголовно-исполнительной системы и ее социально-психологическая характеристика // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 5. С. 24-25.

[12] Ковалев О.Г. К вопросу взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с традиционными для России религиозными объединениями при осуществлении духовно-нравственного воспитания работников УИС // Образование и право. 2024. № 11. С. 540-546

References:

[1] “The Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // Consultant.ru (accessed 02/27/2026).

[2] Federal Law No. 58-FZ of 05/27/2003 “On the Civil Service System of the Russian Federation” // Garant.ru (accessed 02/27/2026).

[3] Russian criminal Law. Special part: Textbook // Kovalev O.G., Baev O.Ya. Moscow, 2007. 374 p.

[4] Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article). M. Dashkov and K. 2005. 21 p.

[5] Kovalev O.G., Semenova N.V. Principles of detention and their impact on ensuring the rights and legitimate interests of suspects and accused (comparative legal analysis) // International Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 198-204.

[6] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[7] Goryainov K.K., Zemskova A.V., Isichenko A.P., Klimov I.A., Kovalev O.G., Konov A.I., Netreba V.A., Fedorov A.V., Ovchinsky V.S., Sinilov G.K., Chernikov V.V. A short training course / Ser. Short training courses in law. (2nd edition, revised). Moscow, 2006. 385 p.

[8] Federal Law No. 197-FZ of 07/19/2018 “On Service in the Penal Enforcement System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation “On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment” // Garant.ru (date of application 02/27/2026).

[9] Kovalev O.G. Prosecutor’s Office supervision in the system of measures to ensure the rights and social guarantees of UIS employees // Anthropogogika. 2024. No. 1 (13). pp. 95-98.

[10] The prosecutor’s desk book in 2 parts Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanova N.V., Booth N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical guide / Ser. 9 Professional practice, (5th ed., trans. and add.) Moscow, 2018. 481 p.

[11] Kovalev O.G. Personal safety of personnel of institutions of the penal system and its socio-psychological characteristics // Penal system: law, economics, management. 2022. No. 5. pp. 24-25.

[12] Kovalev O.G. On the issue of interaction of institutions and bodies of the penal enforcement system with traditional religious associations in Russia in the implementation of spiritual and moral education of prison staff // Education and Law. 2024. No. 11. pp. 540-546.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-368-372

АЛЕКСАНДРОВА Надежда Анатольевна,
кандидат философских наук,
Уральский государственный университет путей сообщения,
заведующий кафедрой «Управление персоналом и социология»,
доцент,
e-mail: ana1856@mail.ru

СЕННИКОВА Софья Эдуардовна,
магистрант,
Уральский государственный университет путей сообщения,
e-mail: ssennikova1714@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ КЛИМАТОМ КОЛЛЕКТИВА СТРОИТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты управления социально-психологическим климатом персонала организации. Проведено изучение статистических данных о состоянии социально-психологического климата в строительной отрасли, свидетельствующих о наличии ряда проблем. В работе проведено исследование социально-психологического климата в ООО «СП «КУБ» (г. Екатеринбург). По результатам анализа выявлены недостатки системы управления персоналом и предложен комплекс мероприятий, направленных на улучшение социально-психологического климата. Обоснована экономическая и социальная эффективность.*

Ключевые слова: *социально-психологический климат, управление персоналом, трудовой коллектив, мотивация работников, корпоративная культура, строительная отрасль, удовлетворенность трудом, текучесть кадров, организационный климат, эффективность управления.*

ALEKSANDROVA Nadezhda,
Cand. in Science (Philosophy),
Ural State University of Railway Transport,
Head of the HR Management and Sociology Department,
Associate Professor

SENNIKOVA Sofia,
master's student,
Ural State University of Railway Transport

MANAGING THE SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CLIMATE OF THE TEAM OF A CONSTRUCTION ORGANIZATION

Annotation. *The article examines the theoretical and practical aspects of managing the socio-psychological climate of an organization's personnel. Statistical data on the state of the socio-psychological climate in the construction industry were studied, indicating the presence of a number of problems. The study was conducted on the socio-psychological climate at LLC «SP «KUB» (Yekaterinburg). Based on the analysis, shortcomings in the personnel management system were identified, and a set of measures aimed at improving the socio-psychological climate was proposed. The economic and social effectiveness of these measures was substantiated*.

Key words: *socio-psychological climate, personnel management, work team, employee motivation, corporate culture, construction industry, job satisfaction, staff turnover, organizational climate, management efficiency.*

Эффективность деятельности организации во многом зависит не только от профессиональных навыков сотрудников, но и от атмосферы внутри коллектива. Социально-психологический климат влияет на мотивацию работников, их отношение к труду, уровень удовлетво-

ренности работой и способность эффективно взаимодействовать друг с другом. Актуальность темы исследования заключается в том, что формирование благоприятного социально-психологического климата является важной задачей руководителя и одним из ключевых факторов повышения эффективности организации.

Социально-психологический климат представляет собой совокупность межличностных отношений, норм, ценностей и эмоциональных настроений, формирующихся в коллективе и оказывающих влияние на деятельность сотрудников. Он отражает общий психологический настрой группы и степень удовлетворенности работников условиями труда и взаимодействием с коллегами [1]. СПК – это интегральная характеристика состояния трудового коллектива, отражающая систему отношений между сотрудниками и их эмоциональное отношение к совместной деятельности [2]. Он формируется под влиянием различных факторов, среди которых: стиль управления руководителя; уровень профессиональной и личностной совместимости сотрудников; корпоративная культура; условия труда; степень удовлетворенности работников своей деятельностью [2]. По мнению исследователей, СПК представляет собой эмоциональную окраску взаимоотношений между членами коллектива, которая возникает на основе симпатии, общих интересов и ценностей [3].

В структуре социально-психологического климата можно выделить несколько основных компонентов:

Социальный компонент характеризует систему взаимоотношений между сотрудниками и уровень сплоченности коллектива; моральный компонент отражает уровень удовлетворенности работников трудом, соблюдение норм и ценностей организации; психологический компонент связан с эмоциональным состоянием сотрудников, их настроением и взаимным доверием, корпоративной культурой [4].

Руководитель играет ключевую роль в управлении социально-психологическим климатом. Именно от его стиля управления, коммуникативных навыков и личностных качеств зависит атмосфера в коллективе [5].

Проблематика формирования и поддержания благоприятного СПК на предприятиях строительной отрасли нашла отражение в достаточно многочисленных исследованиях. Так, по результатам конъюнктурных исследований, проведённых среди более чем 6000 руководителей строительных компаний, было установлено, что проблемы внутренней организации труда и управления персоналом остаются одним из факторов, влияющих на эффективность работы отрасли. В частности, руководители отмечают недостаточный уровень мотивации сотрудников; сложность координации строительных бригад; проблемы коммуникации между подразделениями [6]. Эти факторы напрямую связаны с состоянием социально-психологического климата внутри строительных коллективов.

Авторы другого исследования утверждают, что значительная часть рабочего времени используется неэффективно: строительные рабочие фактически заняты производственной деятельностью около 55% рабочего времени; остальное время уходит на ожидание, организационные проблемы или неэффективное взаимодействие. Специалисты связывают такие показатели не только с технологическими причинами, но и с организационно-психологическими факторами, включая слабую мотивацию и неблагоприятный климат в бригадах [7].

Исследование СПК в крупной строительной компании (г. Пенза), проведенное специалистами Высшей школы экономики (ВШЭ), показало, что 40% сотрудников считают социально-психологический климат благоприятным; 60% работников отметили нестабильный или противоречивый климат в коллективе; уровень групповой сплоченности был определён как средний; деловой и творческий климат также находились на среднем уровне; около 30% сотрудников считают коммуникацию внутри коллектива неудовлетворительной и только треть работников полностью удовлетворена условиями труда и возможностями профессионального развития [8].

В межотраслевых исследованиях (опрос 500 сотрудников различных компаний) выявлена зависимость между социально-психологическим климатом и кадровыми показателями: при благоприятном климате текучесть кадров составляет примерно 12%; при неблагоприятном климате она увеличивается до 32%; 80% сотрудников, удовлетворённых атмосферой в коллективе, готовы рекомендовать компанию как работодателя [9]. Хотя эти данные относятся к разным отраслям, они применимы и к строительству, где текучесть кадров традиционно высокая.

Приведенные данные показывают, что в строительных организациях нередко наблюдается средний или нестабильный психологический климат, требующий управленческих мер.

Таким образом, анализ результатов исследований показывает несколько характерных особенностей социально-психологического климата в строительной отрасли:

1. В большинстве строительных коллективов атмосфера оценивается как удовлетворительная, но нестабильная.
2. Низкий уровень коммуникаций и сплоченности. Около трети сотрудников отмечают проблемы взаимодействия внутри команды.

3. Высокая роль управленческого фактора. Стиль руководства, организация работы и система мотивации существенно влияют на атмосферу в коллективе.
4. Связь климата с производительностью труда. Недостаточная координация и слабая мотивация приводят к снижению эффективности использования рабочего времени.

Данное исследование социально-психологического климата было проведено на одном из предприятий Екатеринбурга, которое специализируется на архитектурном и конструкторском проектировании, проектировании инженерных сетей (отопление, вентиляция, кондиционирование, водоснабжение, канализация, электроснабжение, слаботочные сети), разработке сметной документации, а также осуществляет управление проектами и авторский надзор.

Среднесписочная численность персонала в организации в 2025г. составила 1 289 сотрудников (основная часть по договору ГПХ). Коллектив организации стабилен, так как большая часть сотрудников работают в ней от 5 до 10 лет (846 человек). Но при этом выявлен высокий показатель текучести кадров – 26-27% в 2024 и 2025 годах. По нашему мнению, наряду с другими факторами повышенной текучести значительную роль играет социально-психологический климат коллектива. На данный момент работа по улучшению СПК проводится несистемно, периодически, без оценки ее эффективности.

Для анализа удовлетворенности социально-психологическим климатом нами было проведено анкетирование работников по экспресс-методике изучения социально-психологического климата в коллективе (авторы О.С. Михалюк и А.Ю. Шальто) по следующим компонентам: эмоциональный, когнитивный и поведенческий [10].

Показатели эмоционального и когнитивного компонентов находятся в диапазоне от –1 до –0,33 (-0,443 и – 0,468 соответственно). Средние оценки, попадающие в этот интервал, считаются отрицательными. Психологический климат по каждому компоненту в данном интервале признается неудовлетворительным.

Показатель поведенческого компонента находятся в диапазоне от –0,33 до +0,33 (-0,001). Средние оценки, попадающие в этот интервал, считаются противоречивыми. Психологический климат по каждому компоненту в этом интервале признается противоречивым, неопределенным и нестабильным.

Ни один из рассматриваемых показателей не попал в интервал от +0,33 до +1. Средние оценки, попадающие в этот интервал, считаются положительными. Психологический климат по каждому компоненту в этом интервале признается как благоприятный.

Ни по одному из трёх исследуемых компонентов социально-психологический климат не может быть признан как благоприятный. По результатам суммирования средних оценок по всем компонентам, следует отметить, что в целом социально-психологический климат можно считать неблагоприятным.

В результате исследования уровня удовлетворенности работников различными аспектами трудовой деятельности было выявлено, что удовлетворенность состоянием СПК достаточно низкая. И хотя на первое место среди факторов неудовлетворенности работники поставили необеспеченность необходимыми инструментами и оборудованием и недостаток финансовых средств для их приобретения; на второе – несвоевременность и качество доведения информации о результатах их работы, что не позволяет ее использовать для улучшения работы; а на третье – неудовлетворенность не только размером вознаграждения, но и системой его начисления, которая не учитывает ни качество, ни своевременность выполнения работы, в качестве негативных факторов были отмечены невнимание руководства к поддержанию благоприятного СПК.

Для снижения уровня воздействия негативных факторов на состояние СПК нами предложены следующие мероприятия.

1. Как уже отмечалось, главным фактором, ухудшающим СПК, работники назвали необеспеченность работников необходимыми инструментами и оборудованием. Этот фактор напрямую зависит от финансового состояния предприятия и лежит вне зоны контроля работников кадровой службы. Однако частично нивелировать негативное влияние ограниченности ресурсов и сформировать более устойчивое и позитивное отношение к трудовой деятельности позволят мероприятия, направленные на сохранение и поддержание здоровья работников, включая организацию спортивно-оздоровительных активностей и системы рационального питания, а также включение ключевых сотрудников в систему ДМС. Обоснование данного решения заключается в том, что улучшение физического состояния работников способствует повышению их работоспособности, снижению уровня стресса и утомляемости.
2. Вторая проблема заключается в несвоевременности и низком качестве доведения информации до сотрудников о результатах их работы, что ограничивает возможности ее использования для повышения эффективности деятельности.

Решением данной проблемы является создание условий для эффективного взаимодействия между коллективом и руководством, развитие системы внутренних коммуникаций. Инструментами такой системы, на наш взгляд, могут стать корпоративный портал, платформа обмена сообщениями, корпоративные мессенджеры. Для проектной работы вполне могут использоваться инструменты совместной работы (например, 1С), сервисы для проведения видеоконференций, и, конечно, традиционные форматы: митапы, регулярные встречи, корпоративные издания и пр. Своевременное информирование работников, вовлечение их в совместную работу, делегирование повышает прозрачность управления и способствует росту доверия к руководству, что положительно сказывается СПК, и в конечном итоге - на результативности труда.

3. Третья проблема выражается в неудовлетворенности работников системой вознаграждения, включая как ее размер заработной платы, так и принципы ее начисления, не в полной мере учитывающие качество и своевременность выполнения работы. Несовершенство и непрозрачность системы оплаты труда провоцирует напряженность и межличностные конфликты. Первоочередной задачей представляется изменение системы стимулирования труда на основе разработки четких критериев премирования (KPI). Кроме того, использование механизмов управления конфликтами (обучение персонала, развитие навыков конструктивного взаимодействия, применение медиативных практик) позволяет снизить уровень напряженности в коллективе и улучшить социально-психологический климат.

Реализация предложенных мероприятий потребует затрат в размере 1 372 169 руб., а эффект от их внедрения составит 2 572,55 тыс. руб. (эффективность 197,6%). Кроме того, в качестве социальных эффектов следует учесть следующие результаты:

- улучшение социально-психологического климата коллектива, повышение уровня удовлетворенности трудом
- поддержание гармоничных дружеских отношений между сотрудниками, усиление сплоченности коллектива для эффективного функционирования всех систем организации
- усиление слаженности работы всех подразделений организации
- установление более доверительных отношении между административным и рабочим персоналом, осознание работниками связей между целями организации и их деятельностью, согласование взаимных интересов
- функциональное разделение труда и формирование отделов с учетом темперамента и характера личности сотрудника с целью предотвращения появления конфликтных ситуаций
- повышение приверженности сотрудников организации
- снижение уровня текучести кадров, повышение уровня трудовой активности
- повышение уровня стрессоустойчивости.

Таким образом, грамотное управление социально-психологическим климатом будет способствовать повышению эффективности деятельности организации, улучшению психологического состояния сотрудников и укреплению корпоративной культуры.

Список литературы:

[1] Агарева А.М., Лисюкова Е.В. Работа менеджера по созданию благоприятного социально-психологического климата в коллективе // Экономика инфраструктурных преобразований: проблемы и перспективы развития. – 2024. – С. 204-207.

[2] Базаров Т.Ю. Психология управления персоналом : Учебник / Т. Ю. Базаров. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 386с.

[3] Вахрушева М.Ю., Тарасенко Д.С. Негативные тенденции в формировании социально-психологического климата коллектива // Труды Братского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2023. – Т. 1. – С. 78-85.

[4] Александрова Н.А., Машьянова Е.Ю. Организационная культура: поиски алгоритма управления изменениями // Дискуссия. – 2012. – № 10. – С. 70-77.

[5] Худякова О.Н., Ушакова Т.Н., Зыкова Н.В. Методы совершенствования социально-психологического климата в трудовом коллективе // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 12(173). – С. 1335-1340.

[6] Волконская А.А., Храмова А.В. Анализ социально-психологического климата в коллективе // Современные проблемы экономики и управления. – 2023. – С. 141-144.

[7] Летова С. Р. Управление социально-психологическим климатом в коллективе // Новые технологии – нефтегазовому региону. – 2024. – С. 36-38.

[8] Васюточкина Д.Д., Крупнов Ю.А. Анализ сущности социально-психологического климата в организации // Актуальные вопросы устойчивого развития государства, общества и экономики. – 2023. – С. 184-187.

[9] Краснов Я.А., Краснов А.А., Ургалкин Ю.А. Теоретические основы изучения социально-психологического климата в коллективе орга-

низации // Российская наука: актуальные исследования и разработки. – 2024. – С. 286-289.

[10] Экспресс-методика по изучению социально-психологического климата в коллективе / О.С. Михалюк, А.Ю. Шалыто. – Режим доступа: https://psytests.org/work/mishal.html (дата обращения 14.11.2025).

References:

[1] Agareva A.M., Lisiukova E.V. The Work of a Manager in Creating a Favorable Social and Psychological Climate in a Team // Economics of Infrastructure Transformations: Problems and Development Prospects. – 2024. – P. 204-207.

[2] Bazarov T.Iu. Psychology of Personal Management: Textbook / T.Iu. Bazarov. – M.: Iurait Publishing House, 2023. – 386 pages.

[3] Vakhrusheva M.Iu., Tarasenko D.S. Negative tendencies in the formation of the socio-psychological climate of the team // Proceedings of Bratsk State University. Series: Economics and Management. – 2023. – Vol. 1. – P. 78-85.

[4] Aleksandrova N.A., Mashianova E.Iu. Organizational culture: in search of an algorithm for managing change // Discussion. – 2012. – No. 10. – P. 70-77.

[5] Khudyakova O.N., Ushakova T.N., Zykova N.V. Methods of Improving the Socio-Psychological Climate in the Workforce // Economy and Entrepreneurship. – 2024. – No. 12(173). – P. 1335-1340.

[6] Volkonskaya A.A., Khramova A.V. Analysis of the Socio-Psychological Climate in the Workforce // Modern Problems of Economics and Management. – 2023. – P. 141-144.

[7] Letova S.R. Management of the Socio-Psychological Climate in the Workforce // New Technologies for the Oil and Gas Region. – 2024. – P. 36-38.

[8] Vasutochkina D.D., Krupnov Iu.A. Analysis of the essence of the socio-psychological climate in the organization // Current issues of sustainable development of the state, society and economy. - 2023. - S. 184-187.

[9] Krasnov Ia.A., Krasnov A.A., Urgalkin Iu.A. Theoretical foundations for studying the socio-psychological climate in a collective organization // Russian science: current research and development. - 2024. - S. 286-289.

[10] Express methodology for studying the socio-psychological climate in a team / O.S. Mikhaliuk, A.Iu. Shalyto. – Access mode: https://psytests.org/work/mishal.html (data accessed 11/14/2025)

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-373-377

ВАЛЕВСКАЯ Ангелина Анатольевна,
доцент, кандидат юридических наук,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
доцент кафедры гражданского права, город Саратов,
e-mail: valevskaya_27@mail.ru

ВНЕДРЕНИЕ СИСТЕМЫ КОМПЛЕКС-КОНТРОЛЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *Цель статьи заключается в проведении глубокого анализа проблем внедрения системы комплекс-контроля в организациях, выявлении ключевых барьеров и разработке практических рекомендаций по их преодолению, а также в оценке перспектив развития этого направления с учетом современных технологий. Метод исследования включает системный анализ организационных, технических, культурных и финансовых проблем на основе изучения реальных кейсов из производства, ритейла и других отраслей, обзор научной литературы и практических подходов к контроллингу, а также моделирование решений через поэтапное внедрение, интеграцию ИИ и больших данных. В результате выявлены основные проблемы, такие как сопротивление персонала, фрагментация данных и высокие затраты, предложены решения в виде пилотных модулей, «игровых» программ обучения, API-интеграций и партнерств с внешними провайдерами; рассмотрены примеры успешного применения и нововведения вроде предиктивной аналитики, блокчейна и цифровых двойников. Система комплекс-контроля эволюционирует от реактивного инструмента к проактивному партнеру менеджмента, обеспечивая устойчивость бизнеса; ключ к успеху — в комплексном подходе с фокусом на человеческий фактор и цифровизацию, что позволит организациям, особенно в российском контексте, достичь конкурентных преимуществ в условиях неопределенности.*

Ключевые слова: *комплекс-контроль, внедрение системы, проблемы управления, управленческий контроль, контроллинг, предиктивная аналитика, искусственный интеллект, большие данные, цифровая трансформация, организационные барьеры, перспективы развития.*

VALEVSKAYA Angelina Anatolyevna,
associate Professor, candidate of Legal Sciences,
Saratov State Law Academy, associate Professor
of the Department of Civil Law

IMPLEMENTATION OF THE COMPLEX CONTROL SYSTEM: PROBLEMS AND PROSPECTS

Annotation. *The purpose of the article is to conduct an in-depth analysis of the problems of implementing a complex control system in organizations, identify key barriers and develop practical recommendations for overcoming them, as well as to assess the prospects for the development of this area, taking into account modern technologies. The research method includes a systematic analysis of organizational, technical, cultural and financial problems based on the study of real-world cases from manufacturing, retail and other industries, a review of scientific literature and practical approaches to controlling, as well as modeling solutions through step-by-step implementation, integration of AI and big data. As a result, the main problems such as staff resistance, data fragmentation and high costs were identified, solutions in the form of pilot modules, "game" training programs, API integrations and partnerships with external providers were proposed.; Examples of successful applications and innovations such as predictive analytics, blockchain and digital twins are considered. The complex control system is evolving from a reactive tool to a proactive management partner, ensuring business sustainability; the key to success lies in an integrated approach with a focus on the human factor and digitalization, which will allow organizations, especially in the Russian context, to achieve competitive advantages in the face of uncertainty.*

Key words: *complex control, system implementation, management problems, managerial control, controlling, predictive analytics, artificial intelligence, big data, digital transformation, organizational barriers, development prospects.*

Развертывание системы комплексного контроля — это продуманный многозвенный стратегический этап, ориентированный на создание единой, глубоко интегрированной платформы, способной беспрерывно отслеживать, детально анализировать и оперативно реагировать на ключевые параметры деятельности компании. Такая система выходит за рамки обычного программного решения, становясь основой современного управленческого подхода, объединяющей разнообразные данные из различных направлений: от финансовой отчетности — денежные потоки, рентабельность капитала, состояние ликвидности — до операционных показателей, включая циклы производства, логистику, эффективность ценностных цепочек и управление складскими запасами. Особое значение придается человеческому капиталу — система собирает информацию о текучести кадров, уровне вовлеченности работников (через анкетирование и оценку KPI), развитии профессиональных навыков, а также прогнозирует риски эмоционального выгорания. Среди риск-факторов учитываются возможные срывы в поставках, угрозы информационной безопасности, изменения нормативной базы и внешние геополитические колебания. Архитектура всей системы основана на модульном дизайне и способности к расширению: центральный узел агрегирует входящие потоки информации со всех периферийных звеньев, формируя цельное представление об организации как о динамичной системе, в которой каждая составляющая напрямую влияет на общее состояние и поведение [1, С. 104].

Эта система выходит за пределы классического мониторинга, предоставляя не только моментальное обнаружение отклонений благодаря интерактивным дашбордам с актуальными графиками и автоматическими оповещениями при выходе показателей за установленные границы, но и передовые возможности прогнозирования рисков на основе анализа прошлых данных, текущих трендов и внешних факторов. Вообразите, как алгоритмы распознают закономерности на рынке, колебания спроса в зависимости от сезона, а также сигналы из соцсетей и СМИ, связанные с конкурентами, позволяя заранее предупреждать возможный спад продаж или рост затрат. Благодаря этому руководство может действовать заблаговременно — например, пересматривать цепочки поставок или корректировать ценовую модель, вместо того чтобы лишь реагировать после возникновения проблем. В эпоху повышенной неопределённости — будь то финансовый шок, колебания цен на сырье или стремительные технологии — способность заранее опережать изменения превращается в ключевой элемент устойчивого развития компании, превращая риски в возможности и закладывая основу для устойчивой адаптации к постоянно меняющимся условиям [2, С. 15].

Путь к эффективной работе данной системы осложняется значимыми трудностями, требующими не поверхностного, а всестороннего понимания как технических ограничений, так и управленческих преград. Технологические проблемы могут проявляться в виде несовместимости устаревших баз данных и ПО, неспособных интегрироваться с современными платформами, из-за чего формируются «острова» изоляции данных и возникают задержки при их обработке; к этому добавляются вызовы масштабируемости серверной инфраструктуры при увеличении объёмов Big Data, а также необходимость внедрения многоступенчатой защиты от киберугроз, включая обеспечение безопасности как со стороны внешних, так и внутренних угроз. Что касается организационных факторов, то здесь ситуация ещё более запутанная: сопротивление сотрудникам изменению, склонным к автономному хранению информации, когда каждый отдел защищает собственные данные; разрыв в восприятии между верхним менеджментом, рассматривающим контроль как элемент стратегического управления, и средним звеном, воспринимающим его как чрезмерную бюрократизацию и ограничение свободы действий; недостаток специалистов, умеющих анализировать информацию и переводить её в конкретные управленческие действия. К тому же финансовое напряжение усиливается — высокие первоначальные расходы на внедрение, подготовку персонала и эксплуатацию, с возвратом инвестиций, растянутым во времени, особенно при жёстком бюджете. Для преодоления всех этих вызовов требуется не просто применение передовых решений, но и зрелое управление, способное спровоцировать трансформацию, сформировав культуру, где контроль становится не средством давления, а механизмом поддержки, а все уровни компании осознавали бы свою взаимосвязь в рамках единой системы достижения результатов.

Модель управления постоянно приближается к трёхзвенной структуре из-за проблем в планировании — нехватки квалификации сотрудников и дефицита ресурсов — либо из-за слабого выполнения управленческих решений, вызванных отсутствием дисциплины и низким уровнем профессионализма персонала [3, С. 7].

Ключевой задачей управленческого контроля выступает точное установление необходимого состояния контролируемого объекта.

Между этапом обнаружения отклонений в процессе контроля и принятием управленческих решений возникает диссонанс, поскольку руководство зачастую недостаточно обеспечено

ресурсами для реализации третьего и четвёртого этапов контроля. Более того, сотрудникам контролирующих структур, обладающим полной картиной ситуации, проще разрабатывать проекты управленческих мер, направленных на ликвидацию коренных причин отклонений [4].

Одной из ключевых трудностей внедрения системы комплекс-контроля выступает сопротивление организационной культуры, где иерархическая структура интерпретирует контроль как элемент наблюдения, а не как механизм поддержки. Рабочие порой воспринимают её как вызов своей свободе действий, что провоцирует пассивное противодействие: информацию передают с задержками или в искажённом виде, руководители среднего звена уклоняются от принятия решений при обнаружении расхождений. В масштабных компаниях ситуация усугубляется разрозненностью данных — финансы хранятся в одном инструменте, операционная информация — в другом, а кадровые метрики — в третьем, что существенно усложняет их объединение. Нехватка компетентных аналитиков усиливает замедление процесса, ведь обычные бухгалтеры или аудиторы не справляются с многоуровневым анализом, требующим владения технологиями работы с большими данными и методами искусственного интеллекта. На фоне российской экономической действительности эти вызовы усиливаются: колеблемостью валютных курсов, запретами на закупку иностранного программного обеспечения, а также недостаточной степенью цифровизации в сфере МСБ, где комплекс-контроль часто воспринимается как избыточная трата средств, а не стратегическая потребность. Подробный анализ демонстрирует, что около 70% провалов связаны с игнорированием человеческого фактора — отсутствием грамотного мотивирования и подготовки сотрудников; без этого даже самое передовое программное обеспечение остаётся невостребованным. Значительные финансовые барьеры также препятствуют реализации: первоначальные расходы на лицензионное ПО, технику и услуги консультантов могут быть выше годового бюджета отдела ИТ, а срок возврата вложений растягивается на несколько лет, особенно если система не рассчитана на особенности местного законодательства, например, на нестандартные формы учётных отчётов, требуемые контролирующими органами [5].

Для успешного решения возникающих при запуске системы комплекс-контроля вызовов требуется системный и многогранный подход, основанный на всесторонней, многоступенчатой проверке всех действующих бизнес-процессов. Это включает углубленный анализ имеющихся источников информации, маршрутов передачи данных, организационной структуры компании и обнаружение участков, где контроль либо отсутствует, либо реализован неполноценно [5]. Такая диагностика выходит за рамки поверхностных проверок — она предполагает привлечение представителей различных подразделений для получения ценной обратной связи о критических проблемах: задержках в подготовке отчётов, рассогласованности метрик, наличии замаскированных угроз, а также оценки готовности информационной инфраструктуры, включая совместимость ПО и объём перерабатываемых данных. Исходя из полученных результатов формируется пошаговая стратегия внедрения по модели «по частям», предусматривающая пилотное тестирование. При этом риск ошибок снижается благодаря поэтапному расширению функционала: сначала система разворачивается в ограниченном режиме, проводятся испытания, собираются отзывы, устраняются пробелы, после чего осуществляется её дальнейшее развитие. Такой подход исключает резкие изменения во всём предприятии и создаёт достоверную базу для демонстрации пользы проекта скептикам [6].

Первым шагом на пути к реализации становится разработка пилотного модуля управления, рассчитанного на работу с одним из подразделений — скажем, финансовым отделом, где акцент делается на интеграцию базовых KPI, таких как срок возвратности дебиторской задолженности, маржа по сегментам или ликвидность текущих активов, с возможностью непрерывного мониторинга в режиме реального времени за счёт использования датчиков данных и специализированных алгоритмов аналитики. В рамках этого модуля устанавливаются простые, но эффективные решения: интерактивные дашборды с обновлением каждые миллисекунды, оповещения по электронной почте или мессенджерам при выходе за установленные границы, а также автономная генерация отчётов без ручного участия сотрудников — всё это обеспечивает быстрое выявление отклонений, например, скачка затрат или снижения денежного потока, одновременно демонстрируя руководству и командам заметную пользу: сокращение времени на анализ в десять раз, предотвращение убытков. Подобный эксперимент выступает «двигателем» трансформаций — успешный опыт одного отдела побуждает остальные структуры перейти на новую систему, вызывая цепную реакцию изменений и снижая сопротивление со стороны персонала благодаря наглядным результатам и повышенному доверию к технологиям.

Чтобы преодолеть устойчивые культурные барьеры — от страха утраты самостоятельности до восприятия контроля как формы жесткого надзора — наиболее действенными оказываются масштабные образовательные инициативы, адаптированные под интеграцию игровых меха-

низмов в ежедневную работу. Вместо формальных семинаров по эксплуатации панелей сотрудники попадают в иммерсивную среду, где оперативная сдача отчётов, высокая точность данных или инициативность в выявлении угроз оцениваются баллами через специальное приложение компании. Эти очки можно конвертировать в достойные награды — премии, дополнительные дни отдыха, фирменные сувениры или участие в групповых челленджах, превращая рутину в захватывающий игровой процесс с рейтингами, достижениями и общественным признанием. Подобный метод не только усиливает вовлечённость, но и трансформирует отношение к контролю: он перестаёт быть символом ограничений и становится средством личностного роста и коллективной победы. Участники осознают, как их действия напрямую влияют на общий результат, формируя устойчивую культуру открытости, ответственности и доверия на всех уровнях организации [7].

Объединение разрозненных данных, распределённых по «силосам» разных информационных систем, реализуется с помощью передовых технологических подходов — таких как открытые API и гибридные облачные среды, полностью совместимых с востребованными решениями ERP в России, например, 1С или отечественными аналогами. Это позволяет эффективно интегрировать информацию без полной замены устаревшего оборудования и программного обеспечения. Платформы действуют как единая экосистема, объединяющая финансовые операции, эксплуатационные журналы, показатели кадровой работы и внешние источники данных в единой аналитической среде. При этом соблюдается высокий уровень безопасности: применяется многослойное шифрование информации в движении и хранении, системы многопараметрической авторизации, управление правами доступа по принципу минимальных привилегий, а также периодические проверки на устойчивость к вторжению. Такая архитектура формирует защищённую «централизованную нервную систему», где информация свободно перемещается внутри организации, но контролируется на всех уровнях, что гарантирует защиту от утечек, внутренних угроз и киберугроз, а также соответствует нормативным стандартам Роскомнадзора и ФСТЭК [8].

Основой эффективности служит чёткое распределение обязанностей между ответственными за определённые области управления — от оперативного уровня, где супервайзеры контролируют повседневные показатели, до стратегического, где топ-менеджмент анализирует долгосрочные тенденции, с подробным разграничением ролей, закреплённым в матрицах RACI, что гарантирует отсутствие дублей, провалов в ответственности и противоречий интересов. Одновременно внедряются интуитивно понятные панели мониторинга с продвинутой визуализацией отклонений — термографические карты для обнаружения «точек перегрева», линейные графики с прогнозами, диаграммы Парето для выделения ключевых проблем и интерактивные регуляторы для моделирования сценариев «что будет, если», — всё это доступно через мобильные приложения с уведомлениями в режиме реального времени, обеспечивая быстрый отклик руководителей на критические ситуации, будь то просрочка доставки или резкий скачок затрат, всего за несколько минут, превращая систему контроля в неотъемлемую часть повседневного управленческого процесса.

При острых недостатках кадров в области аналитики данных, контроллинга или IT-специалистов с опытом работы в многомерном анализе наиболее эффективным решением становится сотрудничество со сторонними провайдерами контроллинговых услуг — например, экспертными консалтинговыми компаниями или платформами, предлагающими услуги как сервис. Они предоставляют готовые, протестированные решения, адаптированные под особенности конкретной отрасли: производства, розничной торговли или сферы услуг. Партнёры берут на себя не только внедрение и настройку программного обеспечения, включая адаптацию алгоритмов под местные условия и требования законодательства, но и снижают вероятность методологических просчетов благодаря применению проверенных подходов, богатому опыту и работе команд профессионалов, осуществляющих анализ пробелов и сопоставление с лидерскими практиками рынка. Такое аутсорсинговое решение позволяет оперативно запустить проект, избежать крупных капиталовложений на создание системы «с нуля», получить доступ к современным инструментам — например, предиктивному моделированию — без необходимости вложения средств в R&D, а также плавно перейти к самостоятельному управлению процессом по мере формирования внутренней компетенции. Это гарантирует стабильный контроль даже при высокой нагрузке или проведении масштабных изменений. Таким образом, такой подход решает проблему нехватки кадров, одновременно повышая скорость окупаемости инвестиций, превращая возможные ограничения в факторы укрепления конкурентоспособности.

Примером эффективного применения стал опыт предприятий автопромышленности, где после кризиса был реализован комплекс-контроль, соединивший отслеживание логистических цепочек с прогнозированием спроса на базе прошлых показателей и внешних параметров — таких как колебания цен на сырьё. Благодаря

этому удалось минимизировать простои на производствах благодаря автоматическим оповещениям об отклонениях в поставках и оперативному пересмотру планов, а также выявить невыгодные договоры с поставщиками, что дало существенную экономию. Во втором случае, в розничной торговле, система комплекс-контроля объединила информацию о продажах, уровнях складских остатков и поведении покупателей из CRM, что способствовало более грамотному формированию ассортимента и снижению расходов на хранение, продемонстрировав, как оперативный анализ помогает избежать накопления некондиционных товаров. Подобные случаи наглядно показывают, что ключ к успеху — не просто регистрация отклонений, а углублённое исследование их причин с применением методики корневого анализа, позволяющей исключить повторение ошибок.

Для эффективного развития направления важно тщательно учитывать этические нормы — найти равновесие между контролем и безопасностью личной информации сотрудников, чтобы не спровоцировать снижение их вовлечённости. Адаптивные автономные платформы обучения, учитывающие особенности конкретных отраслей, снижают потребность в постоянной доработке настроек. Таким образом, система контроля трансформируется из реактивной функции в стратегическую составляющую управления, способствуя не просто поддержанию стабильности, а достижению лидерства на рынке.

Список литературы:

[1] Андреева О.Н., Булатов М.Ф. Разработка научно-методического аппарата мониторинга и управления техногенными рисками на предприятиях электронной отрасли // Радиотехника. — 2018. — Т. 82, № 2. — С. 103–107.

[2] Бабушкин В.М., Шарафеев И.Ш., Трутнев В.В., Галямов Р.А., Бузов А.Л., Бузова Е.А. Интеграция программно-аппаратных комплексов планирования и мониторинга производительности в условиях развития инфокоммуникационных мультисервисных технологий промышленного предприятия // Радиотехника. — 2019. — Т. 83, № 6(7). — С. 12–17.

[3] Кашеварова Н.А., Иванов А.Е., Попов А.Р. Проблемы внедрения комплексной системы поддержки управления на предприятиях России // Динамика сложных систем XXI века – 2023. – № 2. – С. 1-10.

[4] Карминский А.М., Оленев Н.И., Примак А.Г., Фалько С.Г. Контроллинг в бизнесе. Методологические и практические основы построения контроллинга в организациях. — М.: Финансы и статистика, 2002.

[5] Дудко Д. Будущее комплексных систем безопасности // Секьютек. — 2022. — URL: https://www.secuteck.ru/articles/budushchee-kompleksnyh-sistem-bezopasnosti (дата обращения: 01.03.2026). — 8 с.

[6] Петров С.В. Некоторые подходы к организации управленческого контроля // Библиотека диссертации. — 2004. — URL: https://dis.ru/library/558/25679/ (дата обращения: 01.03.2026). — 15 с.

[7] Федоров М.П. Система внутреннего контроля в организации: основные недостатки и рекомендации по улучшению // Делопроф. — 2025. — URL: https://delprof.ru/press-center/experts-pubs/sistema-vnutrennego-kontrolya-v-organizatsii-osnovnye-nedostatki-i-rekomendatsii-po... (дата обращения: 01.03.2026). — 12 с.

[8] Кочнев А.А. Сборник статей о целевом управлении. — М., 2023.

References:

[1] Andreeva O.N., Bulatov M.F. Development of scientific and methodological apparatus for monitoring and managing technogenic risks at enterprises of the electronic industry//Radio engineering. — 2018. - T. 82, NO. 2. - S. 103-107.

[2] Babushkin V.M., Sharafeev I.Sh., Trutnev V.V., Galyamov RA, Buzov AL, Buzova E.A. Integration of software and hardware systems for planning and monitoring productivity in the context of the development of infocommunication multiservice technologies of an industrial enterprise//Radio engineering. — 2019. - T. 83, NO. 6 (7). - S. 12-17.

[3] Kashevarova N.A., Ivanov A.E., Popov A.R. Problems of introducing an integrated management support system at Russian enterprises//Dynamics of complex systems of the XXI century - 2023. – № 2. - S. 1-10.

[4] Karminsky AM, Olenev NI, Primak AG, Falco S.G. Controlling in business. Methodological and practical foundations of controlling in organizations. - M.: Finance and Statistics, 2002.

[5] Dudko D. The Future of Integrated Security Systems//Sekutek. — 2022. — URL: https://www.secuteck.ru/articles/budushchee-kompleksnyh-sistem-bezopasnosti (дата обращения: 01.03.2026). - 8 s.

[6] Petrov S.V. Some approaches to the organization of management control//Dissertation library. — 2004. - URL: https://dis.ru/library/558/25679/ (access date: 01.03.2026). - 15 s.

[7] Fedorov M.P. Internal control system in the organization: main shortcomings and recommendations for improvement//Deloprof. — 2025. — URL: https://delprof.ru/press-center/experts-pubs/sistema-vnutrennego-kontrolya-v-organizatsii-osnovnye-nedostatki-i-rekomendatsii-po... (accessed on: 01.03.2026). - 12 s.

[8] Kochnev A.A. Collection of articles on targeted management. - M., 2023.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-378-380

ХАМИТОВА Гульнара Муллануровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры медицинского права
Казанского государственного медицинского университета,
ORCID: 0000-0003-4167-2279,
e-mail: gulnarakgmu@mail.ru

РИСКИ ПРИ ОКАЗАНИИ НЕОТЛОЖНОЙ ПОМОЩИ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы правовой защиты медицинских работников при оказании выездной неотложной медицинской помощи. Анализируются положения федерального, уголовного и административного законодательства Российской Федерации, регулирующие вопросы обеспечения безопасности медицинских работников. Выявляются пробелы и недостатки действующего правового регулирования, связанные с отсутствием специальных механизмов защиты медиков в условиях выездной деятельности. Особое внимание уделяется ответственности граждан за препятствование оказанию медицинской помощи. На основе проведённого анализа предлагаются меры по совершенствованию законодательства и повышению уровня правовой защиты медицинских работников.*

Ключевые слова: *медицинские работники; выездная неотложная помощь; правовая защита; медицинское право; уголовная ответственность; безопасность медицинской деятельности.*

KHAMITOVA Gulnara Mullanurovna,
candidate of legal sciences,
associate professor of the Department of Medical Law
of the Kazan State Medical University

RISKS IN PROVIDING EMERGENCY CARE AND LEGAL PROTECTION OF MEDICAL WORKERS

Annotation. *The article examines the issues of legal protection of medical workers during the provision of emergency home medical care. The study analyzes the provisions of federal, criminal, and administrative legislation of the Russian Federation regulating the safety of medical personnel. Legal gaps related to the lack of specific protective mechanisms for medical workers in emergency home care settings are identified. Particular attention is paid to the liability of citizens for obstructing medical assistance. The article proposes measures aimed at improving legislation and enhancing the legal protection of medical workers, stract.*

Key words: *medical workers; emergency home care; legal protection; medical law; criminal liability; safety of medical activity.*

Введение

Выездная неотложная медицинская помощь является особой формой профессиональной деятельности, характеризующейся высокой степенью риска для медицинских работников. Согласно действующему законодательству Российской Федерации, медицинские работники имеют право на безопасные условия труда (статья 19 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ) и защиту чести и достоинства (статья 22). Однако данные нормы носят общий характер и не учитывают специфику работы бригад скорой помощи на дому, где отсутствует охрана, контролируемая обстановка и технические средства безопасности.

Актуальность

Необходимость изучения правовой защиты медицинских работников, оказывающих помощь на выезде, обусловлена ростом числа случаев агрессивного поведения в отношении сотрудников скорой помощи. Согласно статистическим данным Минздрава России, фиксируется увеличение числа обращений с жалобами на угрозы и препятствование работе выездных бригад.

При выездной помощи медицинские работники сталкиваются с бытовыми конфликтами, угрозами со стороны родственников или пациентов, а также с отказом предоставить доступ к больному. Такие ситуации создают прямую угрозу здоровью и жизни специалистов, а существующая правовая база, учитывающая лишь общие гарантии, не обеспечивает достаточную защиту [1].

Результаты

Согласно статье 21 Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», граждане обязаны уважать права медицинских работников и не препятствовать оказанию медицинской помощи. Статья 27 данного закона устанавливает обязанность оказания неотложной медицинской помощи, включая случаи, когда помощь предоставляется на дому. Однако нормы закона не содержат конкретных механизмов защиты медиков в условиях повышенной опасности выездной деятельности [2].

Трудовой кодекс РФ в статьях 212, 214, 219 закрепляет обязанность работодателя обеспечивать безопасные условия труда и оценивать профессиональные риски. На практике это выражается в проведении инструктажей и обучении сотрудников, но отсутствуют конкретные инструкции по защите при выездах на дом к пациенту.

Уголовное законодательство в статье 124.1 УК РФ предусматривает ответственность за препятствование оказанию медицинской помощи, однако применение норм в отношении выездных бригад ограничено и часто требует доказательства умысла. Другие статьи, такие как 116, 119, 213 УК РФ, охватывают агрессивные действия, но их применение в бытовых ситуациях часто затруднено.

Административное законодательство в статьях 6.16, 19.3 КоАП РФ) также регламентирует ответственность за неповиновение и препятствие работе, однако оно не охватывает весь спектр угроз и конфликтов, с которыми сталкиваются медики при выездной помощи.

Существующие подзаконные акты Минздрава, например, Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 20 июня 2013 г. № 121н «Об утверждении порядка оказания скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи», определяют порядок работы бригад скорой помощи, но не включают единых требований безопасности для выездных сотрудников.

Таким образом, несмотря на существование законодательной базы, действующие нормы содержат пробелы и неясности, которые снижают эффективность защиты медицинских работников на выезде. Отсутствует отдельный юридический статус для медиков, работающих на выезде, что ограничивает возможность применения уголовных и административных мер. Также нет конкретных правил, регулирующих обеспечение безопасности бригад — тревожные кнопки, связь с полицией, оценка риска выезда. Кроме того, ответственность граждан за препятствие оказанию медицинской помощи недостаточно чётко прописана, что снижает эффективность закона [3].

Выводы

Для повышения уровня защиты медицинских работников предлагается:

1. Введение отдельной статьи УК РФ, предусматривающей повышенную ответственность за угрозы и насилие в отношении медиков при выездной работе.
2. Уточнение норм Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в плане конкретизации обязанностей граждан, расширение перечня действий, считающихся препятствием, и закрепление правил безопасности для выездных бригад.
3. Корректировка статьи 124.1 УК РФ с целью чёткого определения препятствий, упрощения доказывания умысла и учёта бытовых конфликтов.
4. Создание федерального стандарта безопасности выездной помощи, включающего порядок взаимодействия с правоохранительными органами, требования к оснащению бригад, правила фиксации угроз и критерии направления бригад в потенциально опасные районы.

Заключение

Правовая защита медицинских работников на выезде требует совершенствования. Современные нормы обеспечивают лишь общие гарантии, не учитывая специфику работы на дому. Введение специальных правовых норм, усиление уголовной ответственности и разработка федерального стандарта безопасности позволят повысить защиту медиков и создать более безопасные условия оказания неотложной помощи населению.

Список литературы:

[1] Кондратьев А. А. Угроза и насилие в отношении медработников: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 112–121.

[2] Грачёв Д. В. Правовые аспекты обеспечения безопасности медицинских работников при оказании экстренной помощи на дому // Медицинское право и этика. 2022. № 4. С. 17–23.

[3] Лапина М. А. Юридическая ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи // Российская юстиция. – 2019. – № 12. – С. 41–45.

References:

[1] Kondratyev A. A. Threat and violence against medical workers: problems of legal regulation//Journal of Russian Law. 2021. № 6. S. 112-121.

[2] Grachev D.V. Legal aspects of ensuring the safety of medical workers in the provision of emergency care at home//Medical law and ethics. 2022. № 4. S. 17-23.

[3] Lapina M. A. Legal liability for obstruction of the provision of medical care//Russian justice. – 2019. – № 12. - S. 41-45.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.03.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-381-384
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
ORCID: 0000-0001-5668-615X,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В БОРЬБЕ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена выявлению новых тенденций в борьбе с киберпреступностью в Российской Федерации в последние годы. Автор сосредотачивает внимание на причинах роста преступной активности в цифровой среде, связи динамики противоправных преступных деяний с возникновением и расширением нового поля для их совершения – онлайн-пространством.*

В работе сделан важный вывод о том, что противодействие преступной активности, реализуемой по основным коммуникационным каналам – сети Интернет, социальным сетям, а также телефонной связи, требует самостоятельных мер борьбы, а также массового информирования российских граждан, внедрения антимошеннических цифровых программ.

Ключевые слова: *киберпреступность, цифровизация, цифровая среда, социальные сети, интернет, мошенничество.*

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,
senior researcher of the PKU RESEARCH INSTITUTE
of the Federal Penal Correction Service, PhD

NEW TRENDS IN THE FIGHT AGAINST CYBERCRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article identifies new trends in the fight against cybercrime in the Russian Federation in recent years. The author focuses on the causes of the growth of criminal activity in the digital environment and the connection between the dynamics of illegal crimes and the emergence and expansion of a new medium for their commission – the online space.*

The paper draws an important conclusion: countering criminal activity conducted through primary communication channels – the internet, social media, and telephone – requires independent countermeasures, as well as mass awareness raising for Russian citizens and the implementation of anti-fraud digital programs.

Key words: *cybercrime, digitalization, digital environment, social media, internet, fraud.*

В настоящее время неуклонно возрастает количество правонарушений, совершенных в цифровом пространстве, либо с использованием цифровых технологий в России и на международном поле. Ситуацию распространения киберпреступности не стоит недооценивать. Согласно открытой статистике последних лет, представленной МВД России, количество преступлений в информационном пространстве имеет стабильную тенденцию к росту[6.с. 250]. Появление нового вида преступлений - преступлений в области компьютерной информации - обусловило включение в 1996 г. в УК РФ соответствующей главы 28[7]. Отечественный законодатель принял решение включить указанную главу в УК РФ в силу того, что соответствующие посягательства, появившись и распространившись в зарубежных странах, стали совершаться и в Российской Федерации[8]. На основании данных по состоянию киберпреступностью в мире, 25-26 октября в Ханое уполномоченные представители 71 государства подписали Конвенцию ООН про-

тив киберпреступности (Конвенция). В соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации В.В.Путина от 23 октября 2025 года № 409-рп Генеральный прокурор Российской Федерации А.В.Гуцан подписал Конвенцию, а также огласил приветственное послание В.В.Путина участникам и гостям церемонии. В послании отмечено, что, несмотря на непростую международную обстановку, дипломаты и представители правоохранительных органов государств-членов ООН смогли объединить усилия, чтобы согласовать Конвенцию[5].

Проникновение достижений цифровизации в различные сферы жизни современного российского общества отнюдь не всегда играет положительную роль, но также оказывает отрицательное воздействие в силу того, что цифровая среда стала новым пространством для совершения противоправных преступных деяний. В свою очередь, непрерывное совершенствование цифровых технологий обуславливает возникновение все новых видов и форм преступлений, совершаемых в онлайн-среде. В этой связи, справедливым представляется вывод Главного информационно-аналитического центра МВД России (ГИАЦ МВД РФ), сделанный на базе анализа статистических материалов, в соответствии с которым современная реальность представляет собой настоящий скачок в области развития информационных отношений, телекоммуникационных систем, компьютерных технологий, а также социальных сетей. Он характеризуется возникновением новых средств конструирования, хранения, обработки, а также трансляции сведений в цифровом формате, расширением границ киберпространства и, наконец, тотальным охватом социума процессамикомпьютеризации [4].

Несмотря на то, что в своем выступлении от 4 марта 2026 г. Президент Российской Федерации – Владимир Владимирович Путин заявил, что количество киберпреступлений, совершенных, в том числе, против пенсионеров – в последнее время сократилось, что, в свою очередь, является результатом системных мер, реализуемых МВД России, а также иными правоохранительными органами и специальными службами, борьба с киберпреступниками, по мнению главы российского государства, требует серьезного внимания [2]. В первую очередь, это объясняется тем, что в РФ, как и в других странах мира, существуют категории граждан, в большей степени, по сравнению с иными, подверженные действиям киберпреступников. Граждане старшего возраста являются наиболее социально уязвимой группой относительно атак правонарушителей, действующих в цифровом пространстве. В первую очередь, это объясняется тем, что пенсионеры в силу возраста не обладают достаточным уровнем знаний в области современных технологий, с трудом обучаются новому, тем более – в цифровой среде. Как следствие, сложной задачей для них выступает полноценная интеграция в современную реальность, перенасыщенную технологиями, действующими на базе цифровых платформ. Кроме того, большинство лиц пенсионного возраста являются доверчивыми, в силу чего значительно чаще попадаются на уловки мошенников [3].

Последние изменения российского законодательства также отражают исследуемую проблему в обществе, необходимость усовершенствования механизмов противодействия киберпреступности[1].

Необходимо отметить, что системность действий МВД и специальных служб в борьбе с киберпреступностью проявляется, в том числе, в том, что меры борьбы против преступности имеют не только комплексный, но также адресный характер. В частности, к действиям общего характера следует отнести массовое информирование населения, а также внедрение антимошеннических сервисов, препятствующих тому, чтобы граждане российского государства страдали от действий цифровых преступников. Между тем, несмотря на широкое применение вышеперечисленных мер население продолжает попадаться на уловки мошенников. Наиболее распространенные каналы совершения преступлений в цифровом пространстве представлены на *рисунке 1.*

Таким образом, на основе рисунка 1 можно заключить, что основными каналами совершения противоправных преступных деяний в цифровой среде являются телефонная связь, пространство сети Интернет, а также социальных сетей. Иными словами, расширение каналов коммуникации в последнее десятилетие обусловило возникновение новых видов противоправных преступных деяний. В свою очередь, киберпреступники изобретают для своих жертв хитроумные ловушки, ориентируясь на наиболее часто используемые последними каналы коммуникации. Логично предположить, что граждане преклонного возраста чаще подвергаются атаке преступников через телефонные звонки, в то время как население молодого и среднего возраста может пострадать от мошеннических действий в сети Интернет, а также в социальных сетях. Однако на практике не исключено совмещение указанных каналов в совершении правонарушений в цифровой среде. В наиболее общем виде схему противодействия киберпреступности по каждому из обозначенных выше направлений можно представить в виде *рисунка 2.*

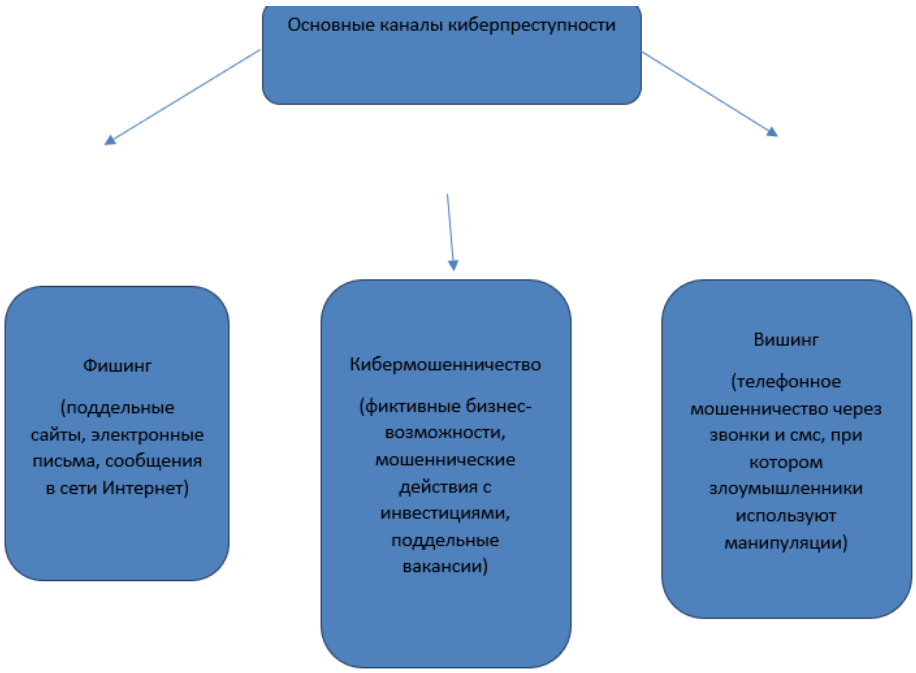

Рис.1.Основные каналы совершения преступлений в цифровом пространстве

Рис. 2. Способы противодействия отдельным видам киберпреступности

Таким образом, мы видим, что противодействие наиболее распространенным видам правонарушений, реализуемым в цифровой среде, состоит, прежде всего в защите личных данных, получение доступа к которым является главной целью киберпреступников. Это определяется тем, что информация личного характера открывает доступ к счетам, аккумулирующим денежные средства жертвы (банковской карте, банковскому счету), а также к конфиденциальным сведениям, которые могут быть использованы преступниками в целях манипуляции и шантажа.

Подводя итоги рассмотрению вопроса о новых тенденциях в борьбе с киберпреступностью в Российской Федерации следует отметить, что они определяются непрерывностью возникновения все новых угроз в цифровом пространстве, их совершенствованием преступниками. К тенденциям последних лет в борьбе с киберпреступностью, прежде всего, относится тенденция на противодействие отдельным видам правонарушений, совершаемым по определенным каналам реализации преступной активности: в сети Интернет, социальных сетях, по телефону. Эффективная борьба с киберпреступностью зависит от грамотной разработки мер, направленных на борьбу с мошенничеством в киберпространстве.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 01.04.2025 N 41-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 12.03.2026).

[2] Путин: Общее число киберпреступлений в РФ сократилось в 2025 году // RG.RU. 04.03.2026. URL: https://rg.ru/2026/03/04/putin-obshchee-chislo-kiberprestuplenij-v-rf-sokratilos-v-2025-godu.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 12.03.2026).

[3] Семеняченко А.А. Кибермошенничество и кибербезопасность: как защитить пенсионеров и уязвимые слои общества / А.А. Семеняченко, Д.А. Семеняченко, Н.Ж. Имамова // Юный ученый. 2025. № 11 (96). – С. 60-63.

[4] Состояние преступности в России за январь –декабрь 2021 года / МВД ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». – М., 66 с.

[5] Распоряжение Президента Российской Федерации В.В.Путина от 23 октября 2025 года № 409-рп.

[6] Никиташенко, В. В. Понятие и признаки киберпреступности / В. В. Никиташенко. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 14 (356). — С. 250-252. — URL: https://moluch.ru/archive/356/79639.

[7] Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (посл. ред.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.–URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: (12.03.2026).

[8] Марк Борисиков. Понятие и отличительные особенности киберпреступлений.

References:

[1] Federal Law of 01.04.2025 N 41-FZ (ed. 31.07.2025) “ On the creation of a state information system for countering offenses committed using information and communication technologies and on amending certain legislative acts of the Russian Federation “//ConsultantPlus: reference and legal system [Official website]. URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 12.03.2026).

[2] Putin: The total number of cybercrimes in the Russian Federation decreased in 2025//RG.RU. 04.03.2026. URL: https://rg.ru/2026/03/04/putin-obshchee-chislo-kiberprestuplenij-v-rf-sokratilos-v-2025-godu.html? utm _ referrer = https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (accessed on: 12.03.2026).

[3] Semenyachenko A.A. Cyber fraud and cybersecurity: how to protect pensioners and vulnerable segments of society/A.A. Semenyachenko, D.A. Semenyachenko, N.Z. Imamova//Young scientist. 2025. № 11 (96). - S. 60-63.

[4] The state of crime in Russia in January-December 2021/Ministry of Internal Affairs of the PKU “Main Information and Analytical Center.” - M., 66 p.

[5] Order of the President of the Russian Federation V.V. Putin dated October 23, 2025 No. 409-rp.

[6] Nikitashenko, V.V. The concept and signs of cybercrime/V.V. Nikitashenko. - Text: direct//Young scientist. — 2021. — № 14 (356). - S. 250-252. — URL: https://moluch.ru/archive/356/79639.

[7] Criminal Code of the Russian Federation” dated 13.06.1996 No. 63-FZ (last ed.) [Electronic resource]//ConsultantPlus.-URL: https://www.consultant.ru/ (date of contact: (12.03.2026).

[8] Mark Borisikov. The concept and distinctive features of cybercrimes.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-385-387

ДАЛЕЛОВ Мухадин Леонович,
старший преподаватель (служащий) кафедры информационных технологий и специальной техники ОВД,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ОСОБЫЙ ВИД ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЯНИЙ

Аннотация. *Современное развитие технологий ИИ открывает новые возможности для улучшения безопасности и правопорядка, одновременно возникают новые вызовы, связанные с возможностью его использования в противоправных целях во вред обществу и отдельным лицам.*

Также немаловажную роль играет развитие направления кибербезопасности, поскольку рост числа кибератак требует усиленного внимания к вопросам информационной безопасности. Разработка национальных стандартов и законов направлена на защиту критической инфраструктуры и персональных данных граждан.

Ключевые слова: *кибербезопасность, кибератака, информационная безопасность, защита инфраструктуры, персональные данных граждан.*

DALELOV Mukhadin Leonovich,
Senior Lecturer (Employee) Department of Information Technology and Specialized Equipment, Department of Internal Affairs

CRIMES COMMITTED IN THE SPHERE OF COMPUTER INFORMATION AS A SPECIAL TYPE OF UNLAWFUL ACTS

Annotation. *The modern development of AI technologies opens up new opportunities for improving security and law enforcement, while simultaneously raising new challenges related to the potential for its use for illegal purposes to the detriment of society and individuals.*

The development of cybersecurity also plays a significant role, as the growing number of cyberattacks requires increased attention to information security issues. The development of national standards and laws is aimed at protecting critical infrastructure and citizens' personal data.

Key words: *cybersecurity, cyberattack, information security, infrastructure protection, citizens' personal data.*

Активное внедрение современных ИКТ способствует ускорению темпов экономического роста, повышению уровня благосостояния граждан и укреплению позиций России на международной арене.

Между тем, любые значительные преобразования в социальной, политической, экономической сферах общественной жизни неизбежно порождают противоправные явления, злоупотребления правом, и как закономерное следствие, изменение правового поля, усиление контроля со стороны государства, и разработки новых рычагов воздействия и механизмов для пресечения незаконной деятельности, минимизации ущерба, привлечения к ответственности виновных лиц и недопущение совершения аналогичных деяний в дальнейшем.

При том, что значение информации, а соответственно и технологий её внедрения и распространения в обществе возрастает с каждым днём, тема правового регулирования данных отношений остается недостаточно изученной. Между тем, преступления в киберпространстве представляют собой качественно иной вид общественно опасных деяний, требующих специфических подходов как в области предупреждения, так и в сфере уголовно-правового воздействия [1, с.590].

Прежде всего, следует отметить специфику объекта посягательства, которым выступают информационные отношения, складывающиеся в процессе создания, обработки, накопления, хранения, поиска, распространения и использования информации. Непосредственным предметом преступного умысла в большинстве составов, по нашему мнению, будут являться оконечные устройства информатизации, компьютеры, смартфоны, сети, беспроводные соединения, серверы и прочие элементы информационной инфраструктуры [3].

Отметим, что преступления, совершаемые в сфере компьютерной информации, представляют собой особый вид противоправных деяний, направленных против информационной безопасности и конфиденциальности данных. Они получили широкое распространение благодаря развитию цифровых технологий и глобализации сети Интернет. Согласно российскому законодательству, подобные деяния регулируются главой 28 Уголовного кодекса Российской Федерации [2] (далее – УК РФ).

Субъектами преступлений в сфере компьютерной информации чаще всего выступают высококвалифицированные специалисты в области ИТ-технологий, хакеры, инсайдеры организаций, сотрудники компаний-конкурентов или злоумышленники, использующие анонимайзеры и ботнеты.

Кроме того, личность киберпреступника характеризуется сочетанием интеллектуальных качеств, как правило они обладают глубокими знаниями в области компьютерных технологий, импульсивностью, отстранённостью от жертв, а также для них зачастую характерен правовой нигилизм. Эти черты делают их крайне опасными для современного общества.

Также киберпреступники могут действовать в одиночку или в составе групп, где распределяются роли (например, «техподдержка», криптография, программирование). Важно отметить, что не существует единого, универсального портрета киберпреступника — характеристики могут существенно различаться в зависимости от конкретных обстоятельств и личности[4]. Но при этом приступной средой постоянно разрабатываются новые способы и средства противоправного воздействия, в том числе путем привлечения дополнительных лиц – посредников, таких как дропперы и скрипт-киддисы.

В качестве дропперов могут использоваться как вредоностные программы скрытого размещения другого программного обеспечения (обычно вирусов, троянов или шпионских программ) на устройстве жертвы, так и физическое лицо, которое помогает преступникам отмывать деньги или скрывать следы финансовых операций. Дроппер открывает банковские счета, регистрирует сим-карты, принимает переводы и выводит средства, действуя анонимно или подставляя чужое имя.

Несмотря на то, что скрипт-киддис вызывают интерес правоохранительных органов – сами по себе они в большинстве случаев не наносят широкого вредоносного воздействия, характеризующегося общественно опасным потенциалом, поскольку представляют собой молодых и неопытных пользователей цифровой среды, стремящихся продемонстрировать своё умение в области нарушений информационной безучастности и целостности объектов, используя готовые инструменты – эксплойты, вирусы, ботнеты и прочие автоматизированные решения[5].

Однако, они также могут быть вовлечены в широкую теневую сеть опытных хакеров, и выступать в качестве посредников.

Прежде всего, активное использование ИИ резко усиливает способности злоумышленников. Нейросети помогают создавать реалистичные фишинговые письма, вести глубокую социальную инженерию и даже осуществлять атаки через дипфейки.

Глобализация ИИ-технологий привела к снижению порога входа в киберпреступность, делая сложные атаки доступными широким слоям преступников. Складывающаяся тенденция предполагает дальнейшее углубление и модернизация атак с применением ИИ.

Преступники будут использовать ИИ для массовой генерации персонифицированных фишинговых писем, автоматического создания вредоносного ПО и ускорения атак через социальные сети и другие каналы коммуникации.

С другой стороны, субъекты совершения преступления используют всё более изощрённые техники, так, например, в последнее время хакеры участили атаки через слабые звенья в цепочках поставок и партнерской экосфере.

Таким образом, маленькие компании, подрядчики и субподрядчики, имеющие низкую степень защиты, становятся идеальной точкой входа для атак на более крупные предприятия. Экспертами отмечается высокий риск, связанный с недостаточным вниманием к защите этих звеньев.

Список литературы:

[1] Рухлова М. А. Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации // Вестник науки. 2025. №6 (87).

[2] Белевитина Ю.В. О соотношении понятий «киберпреступность» и «преступления в сфере компьютерной информации. Инновационная наука. 2023. №1-2.

[3] Афанасьева О.Р. Гончарова Н.В. Шиян В.И. Криминология: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2017. 360с.

[4] Белоус А.И., Солодуха В.А. Основы кибербезопасности. Стандарты, концепции методы и средства обеспечения. Москва: Техносфера, 2021. 482 с.

[5] Геляхова Л.А., Машекуашева М.Х. Противодействие преступности в глобальном информационном пространстве: вопросы информационной безопасности. В сборнике: Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2025. С. 67-71.

References:

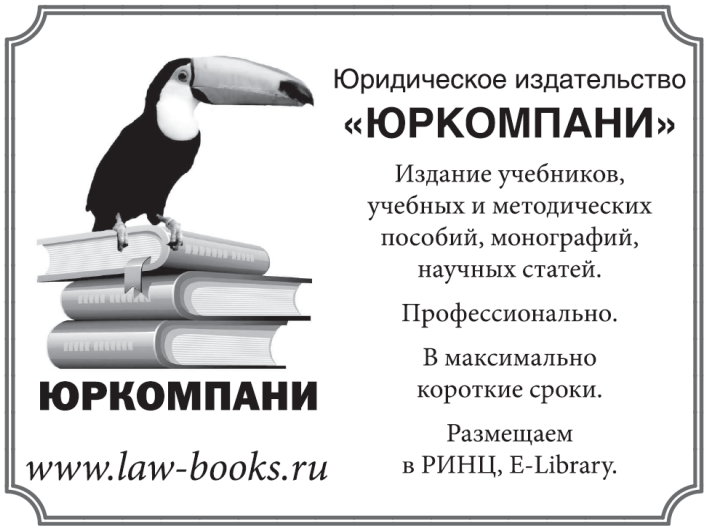
[1] Rukhlova M. A. Criminological and criminal legal measures to combat crimes in the field of computer information//Bulletin of Science. 2025. №6 (87).

[2] Yu.V. Belevitina. On the relationship between the concepts of “cybercrime” and “crimes in the field of computer information. Innovative science. 2023. №1-2.

[3] Afanasyeva O.R. Goncharova N.V. Shiyan V.I. Criminology: textbook and workshop for academic undergraduate. M.: Yuright Publishing House, 2017. 360s.

[4] Belous A.I., Solodukha V.A. Cybersecurity fundamentals. Standards, concepts, methods and means of support. Moscow: Technosphere, 2021. 482 p.

[5] Gelyakhova L.A., Mashekuasheva M.Kh. Countering crime in the global information space: information security issues. In the collection: Economic security of the individual, society, state: problems and ways of provision. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, 2025. S. 67-71.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-388-394

ГОНЫШЕВ Максим Алексеевич,
аспирант кафедры гражданского
права и процесса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»,
г. Оренбург,
e-mail: maximu13@mail.ru

ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОЗДАНИЕ, РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИПФЕЙКОВ И СИНТЕТИЧЕСКИХ ГОЛОСОВ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы правовой ответственности за создание, распространение и использование синтетических медиа – дипфейков (deepfakes) и искусственно сгенерированных (клонированных) голосов в условиях активного развития технологий искусственного интеллекта. Актуальность темы обусловлена ростом числа дипфейков в интернете и связанными с ними рисками нарушения прав граждан, дезинформации и мошенничества. Проанализировано современное состояние правового регулирования в России и за рубежом (ЕС, США, Китай), выявлены пробелы в законодательстве и правоприменении. На основе исследований ведущих ученых и зарубежного опыта предлагаются меры по совершенствованию российского законодательства, в том числе введение юридического определения дипфейка, обязанностей по маркировке синтетического контента и установление ответственности за его намеренное использование.*

Ключевые слова: *дипфейк, синтетический голос, искусственный интеллект, правовое регулирование, ответственность, дезинформация, законодательство России, зарубежный опыт.*

GONYSHEV Maxim Alekseevich,
is a postgraduate student at the Department
of Civil Law and Process, Faculty of Law,
Orenburg State University, Orenburg

LEGAL RESPONSIBILITY FOR THE CREATION, DISTRIBUTION AND USE OF DEEPFAKES AND SYNTHETIC VOICES IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Annotation. *The article examines issues of legal liability for the creation, dissemination and use of synthetic media – deepfakes and artificially generated (cloned) voices in the context of rapid development of artificial intelligence technologies. The relevance of the topic is driven by the growth of deepfakes online and the associated risks of citizens' rights violations, disinformation and fraud. The current state of legal regulation in Russia and abroad (EU, USA, China) is analyzed, gaps in legislation and law enforcement are identified. Based on leading scholars' research and foreign experience, measures are proposed to improve Russian legislation – including introducing a legal definition of deepfake, obligations to label synthetic content, and establishing liability for its malicious use.*

Key words: *deepfake, synthetic voice, artificial intelligence, legal regulation, liability, disinformation, Russian legislation, foreign experience*.

Широкое распространение технологий «глубоких фейков» (от англ. deepfake – медиаконтента, созданного нейросетями для правдоподобной имитации реальных людей) стало одним из серьёзных вызовов цифровой эпохи. Возможность достоверно подделывать облик и голос человека несёт существенные угрозы для прав личности, общественной безопасности и информационного пространства. Уже сегодня фиксируется стремительный рост числа

таких подделок: например, в 2023 году в интернете обнаружено втрое больше видеодипфейков и в восемь раз больше аудиодипфейков по сравнению с предыдущим годом[1]. Дипфейки используются злоумышленниками для клеветы, мошенничества, манипулирования общественным мнением и иных противоправных целей. Вместе с тем они находят и легитимное применение (например, в киноиндустрии для воссоздания образов актёров или в создании персональных цифровых аватаров), что серьёзно осложняет задачу правового регулирования.

Актуальность проблемы подтверждается повышенным вниманием учёных и законодателей. В зарубежной литературе указывается на «распад правды»[2] в информационной среде и появление новых угроз правам человека, порождаемых дипфейками[3]. В России также появились исследования (Н. В. Архиереев, В. В. Виноградов, Д. Ю. Трофимов и др.), посвящённые правовым аспектам технологии deepfake, однако законодательная реакция пока отстаёт от технологического прогресса. Широко дискутируется, как противодействовать злоупотреблениям дипфейком, не нарушая при этом фундаментальные права – свободу слова, неприкосновенность частной жизни, интеллектуальную собственность и т.д. Для выработки адекватного правового ответа следует сначала определить, что представляет собой эта технология и какие угрозы она несёт.

Термин «дипфейк» обозначает методику создания сфальсифицированных изображений или видео с использованием алгоритмов глубокого обучения. По сути, нейросеть, обученная на большом массиве фотографий или видеозаписей человека, способна синтезировать чрезвычайно правдоподобное изображение его лица либо имитацию речи. Обычно для генерации дипфейков применяются генеративно-состязательные нейросети (GAN), где две модели – генератор и дискриминатор тренируются в соревновании: генератор создаёт фальшивый контент, а дискриминатор пытается отличить его от подлинного. Итогом такого обучения становятся фото, видеоролики или аудиозаписи, практически неотличимые от настоящих.

Синтетический (клонированный) голос является частным случаем дипфейка, когда на основе образцов речи реального человека создаётся искусственная запись, имитирующая его голос для произнесения заданного текста. Юридически такие имитации голоса порождают те же вопросы, что и визуальные дипфейки. Как отмечает Н. В. Архиереев, с правовой точки зрения имитация голоса человека практически не отличается от имитации его внешнего облика[4]. Тем не менее, в российском законодательстве пока нет нормы, прямо регулирующей копирование голоса, и остаётся открытым вопрос, считать ли голос охраняемыми персональными данными либо нематериальным благом гражданина[4]. В отсутствие прямого регулирования несанкционированное использование чужого образа или голоса без согласия затрагивает конституционное право каждого свободно распоряжаться своей личностью и создаёт предпосылки для злоупотреблений.

Дипфейк-технологии затрагивают сразу несколько отраслей права – уголовное, гражданское, информационное, законодательство о персональных данных, избирательное и др. Соответственно, если вводить в правовое поле определение дипфейка, оно должно быть достаточно широким и технически выверенным, чтобы охватить различные формы синтезированного медиа, одновременно разграничивая правомерные случаи использования (пародии, творчество, эксперименты) и неправомерные (клевета, мошенничество и т.д.).

Риски, связанные с применением дипфейков, чрезвычайно разнообразны по природе и тяжести последствий. Прежде всего это угрозы правам и свободам личности. Правдоподобные поддельные видео- и аудиозаписи способны нанести серьёзный урон чести, достоинству и деловой репутации граждан. Например, с помощью дипфейка злоумышленники могут вложить в уста человека ложные оскорбительные либо порочащие высказывания или сгенерировать компрометирующее видео, по сути, новую форму клеветы, усиленную тем, что визуальный образ жертвы делает ложь более убедительной. Отмечены также случаи телефонного мошенничества с использованием клонированного голоса руководителя, когда у сотрудников выманивались крупные суммы денег. Кроме того, дипфейки позволяют обходить биометрическую аутентификацию, что приводит к прямому имущественному ущербу и подрывает доверие к цифровым системам безопасности.

Существенные риски связаны и с угрозами публичным интересам, зависящим от достоверности информации. Дипфейки становятся инструментом массовой дезинформации и манипуляции общественным мнением. Фальшивые заявления от лица политиков или знаменитостей способны влиять на электоральные настроения, разжигать рознь либо провоцировать панику. Эксперты предупреждают о «дивиденде лжеца»: осознание того, что любое медиа может быть сфальсифицировано, подрывает доверие общества даже к реальным новостям.

Отдельную тревогу вызывают риски киберпреступности. Злоумышленники применяют синтетический медиаконтент для новых схем мошен-

ничества и вымогательства, нарушения приватности, нелегитимного сбора данных и шантажа. Кроме того, распространение дипфейков затрудняет работу правоохранительных органов и судов, если аудио- и видеодоказательства перестают восприниматься как достоверные из-за риска их подделки. Подрыв информационной достоверности представляет опасность для национальной безопасности.

Подводя итог, дипфейки и клонированные голоса обладают двоякой природой. С одной стороны, эти технологии открывают новые полезные возможности (в медицине, образовании, творчестве и т.д.), но с другой порождают качественно новые угрозы неправомерного вмешательства в частную жизнь, распространения недостоверных сведений и совершения преступлений. Эти угрозы уже проявились на практике и будут расти по мере совершенствования технологий, что создаёт настоятельную необходимость адекватного правового ответа как со стороны национального законодательства, так и посредством международных усилий.

В российском законодательстве на сегодняшний день нет специальной нормы, напрямую предусматривающей ответственность за создание или распространение дипфейков. Тем не менее, определённые правовые положения могут применяться к отдельным аспектам использования этой техно логии – по аналогии, в рамках общих составов правонарушений.

С уголовно-правовой точки зрения, отсутствие прямой статьи о «дипфейках» в УК РФ не означает безнаказанности злоумышленников. Их действия подпадают под традиционные составы преступлений в зависимости от намерений и последствий. Например, распространение компрометирующего дипфейк-видео о человеке при умысле его опорочить квалифицируется как клевета (ст. 128.1 УК РФ), а применение дипфейка для обмана с целью хищения имущества – как мошенничество (ст. 159 УК РФ). Обман остаётся обманом независимо от способа его совершения. Многие специалисты отмечают, что нет нужды специально перечислять в законе каждый новый технический способ обмана, а уголовно-правовые нормы сформулированы достаточно широко[6]. Так, адвокат Д. И. Загайнов критически относится к идее введения отдельной уголовной статьи за дипфейки, считая существующие положения достаточными[6].

Предпринимались и попытки учесть специфику дипфейков в уголовном законе. В 2023 году в Государственную Думу был внесён законопроект, предусматривающий ответственность за распространение заведомо недостоверных видеоматериалов, созданных с помощью ИИ (т.е. дипфейков). Однако Правительство РФ не поддержало эту инициативу, указав, что сам по себе факт создания дипфейка без цели его распространения не обладает достаточной общественной опасностью[5]. В своём заключении Правительство также напомнило, что если посредством дипфейка незаконно разглашены персональные данные или частная информация о лице, уже действуют статьи УК (например, ст. 137 о нарушении неприкосновенности частной жизни) [5], а терминология проекта оказалась неясной. В итоге специальная статья принята не была.

Дискуссия, однако, продолжилась. В 2024 году появилась инициатива внести поправки в УК РФ, предлагающие учитывать использование «поддельного или искусственно созданного изображения или голоса» потерпевшего как отягчающее обстоятельство ряда преступлений[6]. Предлагалось дополнить квалифицирующие признаки в составах мошенничества, вымогательства, неправомерного доступа к компьютерной информации и др., если деяние совершено с применением дипфейка, а также уточнить ст. 128.1 УК («Клевета»), добавив указание на сфальсифицированный образ или голос потерпевшего[6]. Эта инициатива вызвала неоднозначные оценки: сторонники подчёркивали повышенную общественную опасность таких деяний, противники (включая того же Д. Загайнова) указывали, что существующих норм достаточно.

В гражданско-правовом порядке пострадавшие от дипфейка могут защищать свои права на основании норм о нематериальных благах. Российское законодательство охраняет облик (изображение) гражданина: ст. 152.1 ГК РФ запрещает использование изображения человека без его согласия (за исключением отдельных случаев, предусмотренных законом). Соответственно, лицо, чей образ (фотография, видео) сгенерирован и распространён без согласия, вправе требовать удаления такого контента и компенсации морального вреда. Уже есть прецеденты: в 2023 году российский суд впервые рассмотрел дипфейк-видео как объект смежных прав, указав, что применение технологии deepfake не лишает полученный продукт статуса аудиовизуального произведения для целей авторско-правовой охраны. Иными словами, использование нейросети не исключает охраноспособности результата.

Прямой нормы, аналогичной ст. 152.1 ГК РФ в отношении голоса, пока нет. Однако голос человека традиционно рассматривается в доктрине как часть его образа, его индивидуального облика, а значит как нематериальное благо, принадлежащее гражданину от рождения[4]. Следовательно, неправомерное создание и использование клонированного голоса без согласия можно расценивать как посягательство на нема-

териальное благо (нарушение ст. 150 ГК РФ, защищающей честь, достоинство и частную жизнь). Кроме того, элементы дипфейка могут подпадать под понятия персональных данных (если позволяют идентифицировать лицо) и биометрических персональных данных (изображение лица, голосовой слепок) в смысле закона «О персональных данных». Незаконный сбор, использование или распространение таких данных влечёт гражданско-правовую и административную ответственность (штрафы для нарушителей).

В иных сферах также отсутствуют специальные положения о дипфейках. Тем не менее, общие запреты на распространение заведомо ложной информации могут применяться. Например, закон о выборах запрещает предвыборную агитацию с использованием заведомо недостоверных сведений, а так называемый закон о «фейк-ньюс» (Федеральный закон №31-ФЗ от 18.03.2019 г.) предусматривает блокировку Роскомнадзором общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений и вводящей в заблуждение. Под это определение может подпасть и дипфейк-новость, если она угрожает общественному порядку. Однако отличить глубокую фальшивку от иных фейков порой непросто, требуется техническая экспертиза происхождения контента.

В зарубежной практике выработаны различные модели регулирования дипфейков[7]. Так, в США отсутствует единое федеральное регулирование из-за принципа свободы слова. Борьба с вредоносными дипфейками ведётся точечно на уровне штатов (приняты законы против порно-дипфейков, манипуляций на выборах и т.д.), плюс применяется широкий набор имеющихся правовых механизмов. Интернет-платформы при этом практически не несут ответственности за контент пользователей благодаря действующему иммунитету (Section 230 Закона США о приличиях)[8]. В Европейском союзе проблема решается преимущественно через призму регулирования деятельности онлайн-платформ и прозрачности ИИ. Принят закон о цифровых услугах и всеобъемлющий Акт об искусственном интеллекте, которые обязывают крупные платформы оценивать и снижать риски распространения дезинформации, а разработчиков и пользователей ИИ явно маркировать сгенерированный контент[9]. Иными словами, в ЕС введена обязательная маркировка всех AI-сгенерированных изображений, видео и аудио (за исключением случаев пародии, исследований и иных законных целей), а за нарушение этих требований грозят многомиллионные штрафы.

В Китае реализован один из самых жёстких подходов к проблеме дипфейков. С 2020 года там фактически запрещена публикация непомеченных дипфейков: уголовно наказуемо распространение в сети видео- и аудиоконтента, созданного с помощью ИИ или VR-технологий, если такой контент вводит пользователей в заблуждение относительно реальности событий. Одновременно Администрация киберпространства Китая обязала все сервисы «глубокого синтеза» снабжать сгенерированные изображения и ролики явной маркировкой, а также запретила использовать дипфейки для создания фейковых новостей. Нарушение этих правил влечёт для платформ блокировку ресурса и другие суровые санкции. Таким образом, китайский подход сочетает тотальный контроль и превентивные меры: государство требует обязательной прозрачности (маркировки) и строго наказывает за злоупотребления. Некоторые специалисты называют китайское регулирование дипфейков «самым всеобъемлющим на сегодняшний день»[10].

Несмотря на предпринимаемые шаги, существующие правовые механизмы лишь частично отвечают на новые вызовы, связанные с дипфейками. Назрела необходимость восполнить ряд пробелов и усовершенствовать законодательство. Прежде всего требуется разработать и закрепить легальное определение «дипфейка» и его разновидностей. Отсутствие чёткого терминологического аппарата приводит к разночтениям: что считать дипфейком и какие случаи подпадают под действие норм. Следует внести в законодательство (например, в закон «Об информации») определение дипфейка как созданного с использованием технологий ИИ изображения, видео или аудиозаписи, имитирующих реального человека для правдоподобной передачи контента, не соответствующего действительности. Одновременно целесообразно закрепить термин «синтетический голос», указав, что искусственно сгенерированный голос, воспроизводящий идентифицируемое лицо, признаётся элементом биометрических персональных данных. Это устранит правовой пробел и создаст базис для дальнейшего регулирования ответственности.

Не менее важно законодательно отграничить допустимое использование технологии от злоупотреблений. Сейчас нормы не делают различий между легитимным применением дипфейка (например, пародийным или исследовательским) и неправомерным (клеветническим, мошенническим и т. п.). Нельзя идти по пути тотального запрета технологии, ограничивать следует лишь негативные последствия её недобросовестного применения, не подавляя развитие самой технологии. Стоит установить принцип, согласно которому создание и использование дипфейк-технологий допускается, если при этом не нарушаются права и законные интересы других лиц и зрите-

лям очевидно искусственное происхождение контента. Напротив, умышленное немаркированное и вводящее в заблуждение использование чужого образа или голоса должно прямо признаваться противоправным. Такая норма позволила бы отделить допустимые пародии, сатиру, творческие приёмы (где публика осознаёт условность происходящего) от тайных фальсификаций реальности с преступными целями.

Ключевым профилактическим шагом является введение обязательной маркировки («лейблов») сгенерированного медиа-контента. Опыт ЕС и Китая демонстрирует, что требование чётко помечать дипфейк-материалы значительно повышает их распознаваемость и сдерживает злоупотребления. В российских реалиях необходимо законодательно обязать при публичном распространении материалов, созданных путём «глубокого синтеза», явно указывать их искусственное происхождение, будь то текстовая пометка, специальный визуальный знак или звуковое предупреждение в начале записи. Также следует возложить на крупные онлайн-платформы обязанность выявлять и помечать немаркированные дипфейки. За несоблюдение этих требований должны быть предусмотрены санкции (штрафы для юридических лиц, вплоть до ощутимого процента от оборота компании). Эта мера является одним из ключевых элементов минимизации вреда от дипфейков. Разумеется, её реализация потребует развития технологий автоматического обнаружения фейкового контента, государству следует стимулировать создание эффективных средств обнаружения, например посредством грантов и программ поддержки.

Нужно также усилить защиту прав жертв дипфейков. На данный момент потерпевшие могут предъявлять иски по общим основаниям о клевете, о защите изображения, о компенсации морального вреда, но эти средства не учитывают специфики проблемы (скорости и анонимности распространения фальшивок, глобального характера, сложностей идентификации виновных). Следует прямо закрепить право гражданина на защиту от фальсификации его образа и голоса. В ГК РФ можно указать, что распространение изображения или аудиозаписи, созданных с помощью дипфейка без согласия, приравнивается к использованию изображения или голоса без согласия. Это поможет судам правильно квалифицировать такие случаи и взыскивать компенсацию вреда. Также целесообразно ввести ускоренные судебные процедуры (обеспечительные меры) для оперативной блокировки очевидно ложных дипфейк-материалов по заявлению заинтересованного лица, не дожидаясь окончательного решения, иначе к моменту суда ущерб от вирусного фейка может стать невосполнимым. Отдельно стоит рассмотреть установление уголовной ответственности за наиболее опасные злоупотребления, например, за создание и распространение порнографических дипфейков без согласия изображённого лица (по аналогии с законодательством некоторых стран). В существующий УК РФ это могло бы быть внедрено через дополнение ст. 137 или 242 квалифицирующим признаком «совершено с использованием технологий дипфейк».

С учётом глобального характера проблемы необходимо укреплять международное сотрудничество. Следует поддерживать инициативы на площадках ООН, Совета Европы, ШОС, направленные на выработку единых принципов обращения с синтетическим контентом. На национальном уровне имеет смысл предусмотреть возможность привлечения к ответственности иностранцев, если их дипфейки нанесли ущерб правам граждан РФ или безопасности государства (в том числе заочно), хотя такая норма во многом носила бы декларативный характер, она создала бы юридическую базу для санкций против зарубежных источников деструктивных фейков.

Наконец, необходимы меры, адресованные разработчикам и платформам, распространяющим технологии дипфейк. В настоящее время «информационные посредники» почти не несут специальных обязанностей за пользовательский контент, согласно действующим нормам (например, ст. 1253.1 ГК РФ и аналогичным положениям закона об информации) они освобождаются от ответственности при условии своевременного удаления незаконной информации по заявлению. Этот иммунитет (аналог американского §230 CDA) затрудняет борьбу с дипфейками, так как платформы не мотивированы фильтровать даже явно вредоносные фальшивки. Поэтому назрела необходимость возложить на крупные онлайн-платформы прямые обязанности по противодействию «цифровым имитациям личности». Например, законом можно обязать такие платформы разработать и опубликовать политику модерации дипфейков (меры по их обнаружению, маркировке либо удалению) и установить штрафы за её неисполнение (вплоть до оборотных, по аналогии с европейской практикой)[8]. Разумеется, подобные рычаги должны применяться взвешенно, чтобы избежать цензурных злоупотреблений, например, только на основании судебного решения или заключения экспертной комиссии.

В заключение следует отметить, что дипфейки и технологии синтетического голоса являются сложными, многогранными явлениями, затрагивающее интересы личности, общества и государства. Их распространение порождает новые виды правонарушений, на которые существующие нормы реагируют не всегда эффек-

тивно. Зарубежный опыт варьируется от фрагментарных ограничений отдельных злоупотреблений (США) до платформенной ответственности и обязательной прозрачности ИИ-контента (ЕС) и тотального государственного контроля с маркировкой (Китай). Российское законодательство пока делает лишь первые шаги, применяя общие нормы (например, о клевете, защите приватности) к новым технологическим реалиям и не вводя специальных терминов или правил.

Предложенные в статье меры призваны сформировать проактивный и комплексный механизм ответственности за дипфейки, минимизировав риски и не препятствуя развитию полезных инноваций. Их реализация существенно повысила бы защищённость граждан и общества от вреда, причиняемого «глубокими фейками», при этом, не вводя неоправданных ограничений для добросовестного использования технологий ИИ. Задача законодателя найти баланс: не позволить злоумышленникам безнаказанно использовать достижения ИИ во вред людям, но и не тормозить прогресс и свободу творчества. Дипфейк-технологии уже стали постоянным явлением цифрового мира, и правовая система должна эволюционировать, чтобы отвечать на этот вызов. Внедрение предложенных шагов по совершенствованию законодательства укрепит информационную безопасность, защитит права граждан и позволит России занять достойное место среди стран, формирующих международные стандарты ответственного и этичного обращения с ИИ.

Список литературы:

[1] Газета.Ru. Эксперт рассказал россиянам о росте популярности нейросетей среди мошенников (новостная заметка). – 10.03.2024. – URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/03/10/22517065.shtml (дата обращения: 04.09.2025).

[2] Citron D.K., Chesney R. Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security // California Law Review. – 2019. – Vol. 107, No. 1753. – P. 1753–1819.

[3] Dobrobaba M.B. Deepfakes as a Threat to Human Rights // Lex Russica. – 2022. – Vol. 75, No. 11. – P. 112–119. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.112-119.

[4] Архиереев Н.В. Правовое регулирование создания и использования дипфейков // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2 (80). – С. 22–30.

[5] Лента.ру. Правительство не поддержало введение уголовной ответственности за дипфейки // Lenta.ru. – 04.06.2023. – URL: https://lenta.ru/news/2023/06/04/deepfake/ (дата обращения: 04.09.2025).

[6] Загайнов Д.И. Дипфейки: изменения в УК РФ // ЭЖ-Юрист. – 2024. – № 36 (1336). – С. 6–8.

[7] Виноградов В.В., Кузнецова Д.В. Зарубежный опыт правового регулирования технологии «дипфейк» // Правовой журнал ВШЭ. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 215–240. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.2.215.240.

[8] Quinn Emanuel. Regulating Deepfakes: New Consequences for Platforms and Producers // Artificial Intelligence Update. – July 2022. – URL: https://www.quinnemanuel.com/the-firm/news-events/regulating-deepfakes-new-consequences-for-platforms-and-producers-artificial-intelligence-update-july-2022/.

[9] Fragale M., Grilli V. Deepfake, Deep Trouble: The European AI Act and the Fight Against AI-Generated Misinformation // Columbia Journal of European Law, Preliminary Reference (online). – 11.11.2024. – URL: https://cjel.law.columbia.edu/preliminary-reference/2024/deepfake-deep-trouble-the-european-ai-act-and-the-fight-against-ai-generated-misinformation/.

[10] Zhang L. China's Deepfake Regulations: navigating a new era of content authenticity // Oxford Martin School (blog). – 15.08.2023. – URL: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/blog/chinas-deepfake-regulations/.

[11] Заключение Правительства РФ на проект фед. закона № 1172050-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ (об установлении ответственности за незаконное создание и распространение дипфейков)». – 2023.

[12] Cyberspace Administration of China (CAC). Provisions on the Administration of Deep Synthesis Internet Information Services (effective 10.01.2023). – Translation // Stanford DigiChina. – 2022.

[13] Trofimov D.Yu. Legal aspects of regulating deepfake technology in Russia // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. – 2022. – Vol. 640. – P. 281–287.

References:

[1] Gazeta.Ru. The expert told the Russians about the growing popularity of neural networks among scammers (news note). - 10.03.2024. - URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/03/10/22517065.shtml (access date: 04.09.2025).

[2] Citron D.K., Chesney R. Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security // California Law Review. – 2019. – Vol. 107, No. 1753. – P. 1753–1819.

[3] Dobrobaba M.B. Deepfakes as a Threat to Human Rights // Lex Russica. – 2022. – Vol. 75, No. 11. – P. 112–119. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.112-119.

[4] Bishop N.V. Legal regulation of the creation and use of deepfakes//Legal state: theory and practice. – 2025. – № 2 (80). - S. 22-30.

[5] Лента.ру. The government did not support the introduction of criminal liability for deepfakes// Lenta.ru. - 04.06.2023. - URL: https://lenta.ru/news/2023/06/04/deepfake/ (access date: 04.09.2025).

[6] Zagainov DI. Deepfakes: changes in the Criminal Code of the Russian Federation//EZh-Lawyer. – 2024. – № 36 (1336). - S. 6-8.

[7] Vinogradov V.V., Kuznetsova D.V. Foreign experience in the legal regulation of deepfake technology//HSE Legal Journal. – 2024. - T. 17, NO. 2. - S. 215-240. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.2.215.240.

[8] Quinn Emanuel. Regulating Deepfakes: New Consequences for Platforms and Producers // Artificial Intelligence Update. – July 2022. – URL: https://www.quinnemanuel.com/the-firm/news-events/regulating-deepfakes-new-consequences-for-platforms-and-producers-artificial-intelligence-update-july-2022/.

[9] Fragale M., Grilli V. Deepfake, Deep Trouble: The European AI Act and the Fight Against AI-Generated Misinformation // Columbia Journal of European Law, Preliminary Reference (online). – 11.11.2024. – URL: https://cjel.law.columbia.edu/preliminary-reference/2024/deepfake-deep-trouble-the-european-ai-act-and-the-fight-against-ai-generated-misinformation/.

[10] Zhang L. China's Deepfake Regulations: navigating a new era of content authenticity // Oxford Martin School (blog). – 15.08.2023. – URL: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/blog/chinas-deep-fake-regulations/.

[11] Conclusion of the Government of the Russian Federation on the fed project. Law No. 1172050-7 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation (on establishing responsibility for the illegal creation and distribution of deepfakes)." – 2023.

[12] Cyberspace Administration of China (CAC). Provisions on the Administration of Deep Synthesis Internet Information Services (effective 10.01.2023). – Translation // Stanford DigiChina. – 2022.

[13] Trofimov D.Yu. Legal aspects of regulating deepfake technology in Russia // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. – 2022. – Vol. 640. – P. 281–287.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-395-398

АНИКИНА Дарья Игоревна,
Российский университет кооперации,
Россия, Москва,
e-mail: darianikina@bk.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *Использование искусственного интеллекта в современном мире происходит повсеместно и встречается практически во всех сферах жизнедеятельности человека. За счёт него происходит огромное количество нововведений и внедрений новейших функций, существенно облегчающих жизнь и работу людей. Проведённое исследование направлено на изучение и систематизацию имеющейся информации по вопросам правового значения применения искусственного интеллекта. В рамках этого исследования были рассмотрены такие сферы регулирования, как: этическое, техническое и правовое регулирование использования искусственного интеллекта в России. По результатам проведённого исследования были сделаны выводы о важности и необходимости дальнейших разработок в области обеспечения правовой защиты использования технологий, основанных на искусственном интеллекте. Особое внимание уделяется действующим проблемам в области правового регулирования рассматриваемого аспекта. В полученных выводах проведённого исследования были сделаны заключения относительно важности, целесообразности и общей необходимости развития в исследуемой области. Кроме этого, имеющиеся риски и проблемы области, выявленные в процессе исследования, нуждаются в доработке и устранении в ближайшей перспективе. В большей степени проблемы имеют связь с правовым регулированием основных аспектов реализации искусственного интеллекта на практике, что и требует отдельной, комплексной доработки.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, правовые аспекты, нормы, регулирование, законодательство, нейросеть.*

ANIKINA Daria Igorevna,
Russian University of Cooperation,
Russia, Moscow

LEGAL ASPECTS OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. *The conducted research is aimed at studying and systematizing the available information on the legal significance of the use of artificial intelligence. Within the framework of this research, such areas of regulation as ethical, technical and legal regulation of the use of artificial intelligence in Russia were considered. Based on the results of the study, conclusions were made about the importance and necessity of further developments in the field of ensuring legal protection for the use of technologies based on artificial intelligence. Particular attention is paid to current problems in the field of legal regulation of the aspect under consideration. The findings of the study included conclusions regarding the need for further development of the artificial intelligence industry, but it was noted that today there are quite a large number of risks and problems, including those related to legal regulation of the field.*

Key words: *artificial intelligence, legal aspects, norms, regulation, legislation, neural network.*

Введение. Использование возможностей искусственного интеллекта нашло широкое отражение практически во всех сферах жизнедеятельности. С помощью автоматизированных систем решаются многочисленные задачи, в том числе связанные с обработкой огромного коли-

чества информации, её группировкой и анализом, которые вне использования новых возможностей были на практике не выполнимы для простого человека. Всё это позволило усовершенствовать и облегчить жизнь в различных сферах человеческой деятельности [10].

Цифровизация присутствует практически во всех областях человеческой жизни, вне зависимости от специфики (медицина, транспорт, экономика, образование и многие другие области). Использование различных технологий, и, как следствие, введение машинного обучения и применение искусственного интеллекта расширяется практически ежедневно, а новые технологии вводятся даже на уровне государственного решения задач.

В виду высокого развития новых технологий и их повсеместного внедрения следует изучать и исследовать влияние искусственного разума на правовые аспекты, касающиеся использования таких технологий и их управления.

Большое количество проблем этой сферы имеют связь с возникновением неоднозначности, сложности и неопределённости с точки зрения использования новых технологий.

Правовые аспекты регулирования. Для России регуляция искусственного интеллекта протекает комплексно, захватывая многие аспекты отношений в обществе, на которых непосредственное влияние оказывали именно возможности нового формата.

Следует отметить, что для России регулирование искусственного интеллекта протекает сразу с нескольких сторон, а именно:

– с аспекта регулирования нормативно-правового характера;
– нормативно-техническое регулирование;
– этическое регулирование.

Одной из первостепенных задач для дальнейшего развития страны является внедрение в максимальное количество сфер и дальнейшее развитие искусственного интеллекта, и это следует из Указа Президента 9.05.2017 года «О стратегии развития информационного общества в РФ на 2017-2030 годы» [1].

В задачах действующей национальной программы, именуемой «Цифровая экономика РФ» прописывается развитие рассматриваемой сферы, что подтверждает нацеленность на всестороннее внедрение новых технологий.

Именно в связи с этим, следует более тщательно разрабатывать нормы и основы регулирования на уровне различных отраслей.

Сегодня регулирование рассматриваемой сферы выполняется сразу в нескольких отраслевых аспектах: робототехники, введения новых технологий и соответствующих стандартов по использованию этих технологий на практике [5].

Помимо общих нормативных актов по вопросам использования возможностей нового уровня, существуют и отдельные, узконаправленные нормативные акты, направленные на регулирование только одной сферы.

Одном из таких актов можно считать Указ Президента 2019 года «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», где предусмотрено регулирование отношений области искусственного интеллекта.

Помимо этого, целью использования новых технологий может быть необходимость внедрения обработки рутинных операций посредством автоматизации [2].

Все указанные цели имеют взаимосвязь и взаимную дополняемость со стратегическими задачами дальнейшего развития страны как в долгосрочной, так и в краткосрочной перспективах [3].

Экспериментальные правовые режимы этой сферы так же активно используются, а значит, развитие возможностей интеллекта происходит постоянно. В виду внедрения специальных режимов были введены отдельные нормативные акты, к которым следует отнести:

– Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», который был введён в действие в 2020 году;
– Федеральный закон от 2021 года, под наименованием «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона», введённый в дополнение предыдущему закону.

Всего общее количество экспериментальных режимов к 2025 году достигает 180 инициатив, а их содержание касается многих областей, к примеру:

– медицины;
– использования беспилотных средств и многих других.

Отдельное внимание стоит уделить различным стандартам по этим вопросам, ведь именно она способна решить многие задачи управления, к которым относится:

– регулирование процесса интегрирования новых технологий;
– реализация получаемых продуктов, работающих на базе искусственного интеллекта;
– обеспечение высокого уровня конкурентоспособности отечественных продуктов на мировом рынке и многое другое.

Так, именно стандартизация позволяет как обеспечить эффективные основы разработки новых технологий, так и реализовать их внедрение в сферы жизнедеятельности.

Росстандартом была принята программа приоритетного направления развития и реализации искусственного интеллекта, и, как следствие, политика стандартизации так же направлена на выполнение соответствующих требований этой программы. В рамках реализации указанной программы уже нашли своё развитие более 111 стандартов, которые позволили устранить некоторых нормативные и технические проблемы в области реализации проекта развития искусственного интеллекта.

Так же следует упомянуть о специальном Техническом комитете 164, который направлен на максимизацию эффективности внедрения стандартов и разработан для области применения искусственного интеллекта. Базис комитета представлен более 120 компаниями профильного типа и некоторыми государственными органами.

В общей совокупности принятые стандарты можно ранжировать на несколько групп, к которым относятся:

– стандарты общего назначения;
– стандарты по воздушному транспорту;
– стандарты пространственного характера;
– стандарты в области машиностроения;
– стандарты сферы автомобильного транспорта и некоторые другие.

За 3 года, а именно с 2021 по 2024 года были реализованы 136 стандарта в области использования и развития искусственного интеллекта.

Помимо отечественных, Россия участвует в 27 стандартах международного класса, которые так же были реализованы в период 2021-2024 годов.

Некоторые стандарты запланированы к реализации и будут так же затрагивать исследуемую сферу в большей или меньшей степени.

Этика тоже играет существенную роль, так как современные условия необходимо обеспечить безопасность использования продуктов нового поколения. Именно этика позволяет устранить такие пагубные факторы, как:

– распространение дезинформации;
– наличие дискриминации;
– негативное влияние на демократию и многое другое.

В связи с наличием указанных последствий и был введён в действие кодекс этики, в котором так же затрагиваются вопросы по регулированию этой сферы.

На базе кодекса предусматриваются принципы и стандарты поведения для участников отношения.

Кодекс направлен на реализацию благоприятной среды дальнейшего развития технологий искусственного интеллекта по всей стране.

Предполагается, что развитие искусственного интеллекта поспособствует органичному внедрению роботизированных технических устройств и сервисов для облегчения жизни и работы гражданам. Тем не менее, наличие рисков и проблем в этой области способны стать вызовами и угрозами для человечества. В виду того, что разработчики систем, основанных на искусственном интеллекте, соблюдают действующее законодательство и стандарты в этой области, основные риски сводятся к минимуму или полностью устраняются.

Проблемы. Опуская достаточно большое количество глобальных рисков использования искусственного интеллекта можно выделить несколько проблем, связанных с регулированием на современном этапе.

Сразу следует отметить отсутствие правового понимания искусственного интеллекта, а также базового понятийного аппарата в этой области как следствие, адекватная юридическая терминология тоже отсутствует. Несмотря на то, что в научных источниках встречаются определения и общие понятия, все они не имеют единого понимания и достаточного объяснения этого правового феномена.

Другой проблемой следует считать вероятность несанкционированного доступа к личным данным с нарушением режима персональных данных, а также прав на неприкосновенность, тайну переписки и других прав.

В рамках этой же проблематики существует возможность стирания границ между генерацией нейросети и реальностью. С развитием технологий становится всё сложнее отличать дезинформацию. Это связано с возможностью искусственного интеллекта создавать практически не отличную от реальности информацию, фотографии, данные в аудио и видео форматах.

На основе этого возникает риск возникновения правонарушений и преступлений, основанных га использовании искусственного интеллекта.

К ещё одной проблеме следует отнести не достаточную подработку нормативного содержания относительно ошибок, возникающих при программировании и возможных последствиях и убытков.

Выводы. Таким образом, безусловно развитие искусственного интеллекта облегчает жизнь людям, но следует учитывать большое количество рисков и проблем в этой области, связанных с нормативным регулированием сферы.

Список литературы:

[1] Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 (ред. от 01.04.2025) «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // СПС КонсультантПлюс.

[2] Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

[3] Указ Президента РФ от 7.05.2018 г. N 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС Гарант.

[4] Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»» (утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 N 7) // СПС КонсультантПлюс

[5] Архипов В.В. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности / В.В. Архипов, В.Б. Наумов // Закон. 2017. № 5. С. 157-170.

[6] Баракина, Е.Ю. К вопросу формирования перспективной терминологии в области правового регулирования применения киберфизических систем / Е.Ю. Баракина // Российская юстиция. – 2020. – № 1. – С. 70–73.

[7] Введенская Е.В. Актуальные проблемы робоэтики // Науковедческие исследования. 2019. № 2019. С. 88-101.

[8] Карташов, В.Н. Основы этического и правового регулирования искусственного интеллекта и разумного робота / В.Н. Карташов, А.С. Климова, М.А. Глазырина // Вестник Ярославского гос. Ун-та им. П.Г. Демидова. Сер.: Гуманитарные науки. – 2019. – № 1 (47). – С. 37–41.

[9] Кирса, А. С. Влияние искусственного интеллекта на правовую деятельность человека / А. С. Кирса, О. Е. Кутепов. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 50 (340). – С. 235-238.

[10] Медведев А.И. Правовые аспекты искусственного интеллекта и смежных технологий // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Декабрь 2022. Вып. 4 (38). С. 48–63.

[11] Рожкова М.А. Интеллектуальная собственность: основные аспекты охраны и защиты: учебное пособие. – Москва : Проспект, 2015. – 248 с.

[12] Филипова, И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: Регулирование в России, иностранные исследования и практика / И.А. Филиппова // Государство и право. – 2024. – № 9. – С. 79–88.

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 (ed. 01.04.2025) " On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030 "//SPS Consultant Plus.

[2] Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 N 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation "//SPS ConsultantPlus.

[3] Decree of the President of the Russian Federation of 7.05.2018 N 204 "On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024 "//SPS Guarantor.

[4] Passport of the national project "National Program "Digital Economy of the Russian Federation"" (approved by Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, Minutes No. 7 of 04.06.2019//SPS ConsultantPlus

[5] Arkhipov V.V. On some issues of theoretical grounds for the development of legislation on robotics: aspects of will and legal personality/V.V. Arkhipov, V.B. Naumov//Law. 2017. № 5. S. 157-170.

[6] Barakina, E.Yu. On the formation of promising terminology in the field of legal regulation of the use of cyber-physical systems/E.Yu. Barakina//Russian Justice. – 2020. – № 1. - S. 70-73.

[7] Vvedenskaya E.V. Actual problems of robotics//Scientific research. 2019. № 2019. S. 88-101.

[8] Kartashov, V.N. Fundamentals of ethical and legal regulation of artificial intelligence and intelligent robot/V.N. Kartashov, A.S. Klimova, M.A. Glazyrina// Bulletin of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. Ser.: Humanities. – 2019. – № 1 (47). - S. 37-41.

[9] Kirsa, A. S. The influence of artificial intelligence on human legal activity/A. S. Kirsa, O. E. Kutepov. - Text: direct//Young scientist. – 2020. – № 50 (340). - S. 235-238.

[10] A.I. Medvedev. Legal aspects of artificial intelligence and related technologies//Journal of the Court for Intellectual Rights. December 2022. No. 4 (38). S. 48-63.

[11] Rozhkova M.A. Intellectual Property: Basic Aspects of Protection and Protection: A Study Guide. - Moscow: Prospect, 2015. - 248 s.

[12] Filipova, I.A. Legal regulation of artificial intelligence: Regulation in Russia, foreign research and practice/I.A. Filippova//State and law. – 2024. – № 9. - S. 79-88.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-399-405

ПРОНИЧЕВА Екатерина Алексеевна,
Университет «Синергия»,
Москва, Россия,
e-mail: urstcont@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОЗЛОЖЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕЙСТВИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена стремительным внедрением технологий искусственного интеллекта в различные сферы общественных отношений и отсутствием в российском законодательстве эффективного механизма распределения гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный действиями таких систем.*

Цель исследования заключается в определении круга лиц, выступающих субъектами гражданского правонарушения при использовании ИИ, выявлении пределов их ответственности и разработке предложений по совершенствованию законодательства.

Научная новизна исследования состоит в обосновании комплексного подхода к характеристике ИИ как сложного цифрового актива, объединяющего свойства программы для ЭВМ, базы данных и алгоритма, а также в разработке дифференцированной модели распределения ответственности между разработчиком, оператором и владельцем ИИ-системы.

Результатом исследования является предложение о закреплении в Гражданском кодексе РФ статьи 1064.1, устанавливающей специальные основания ответственности за вред, причиненный ИИ, а также о принятии Федерального закона «О цифровых правах», определяющего правовой статус ИИ как сложного цифрового актива.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, гражданско-правовая ответственность, автономные системы, цифровые активы, источник повышенной опасности, экспериментальные правовые режимы, возмещение вреда.*

PRONICHEVA Ekaterina A.,
Synergy University,
Moscow, Russia

THE SPECIFICS OF ESTABLISHING CIVIL LIABILITY FOR THE ACTIONS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation. *The relevance of the study is due to the rapid introduction of artificial intelligence technologies into various spheres of public relations and the absence in Russian legislation of an effective mechanism for distributing civil liability for harm caused by the actions of such systems.*

The purpose of the study is to determine the circle of persons acting as subjects of a civil offense when using AI, to identify the limits of their liability and to develop proposals for improving legislation.

The scientific novelty of the study consists in substantiating an integrated approach to characterizing AI as a complex digital asset that combines the properties of a computer program, database and algorithm, as well as in developing a differentiated model for distributing responsibility between the developer, operator and owner of the AI system.

The result of the study is a proposal to enshrine Article 1064.1 in the Civil Code of the Russian Federation, establishing special grounds for liability for harm caused by AI, as well as the adoption of the Federal Law «On Digital Rights», which defines the legal status of AI as a complex digital asset.

Key words: *artificial intelligence, civil liability, autonomous systems, digital assets, source of increased danger, experimental legal regimes, compensation for damage.*

Введение

Развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) ставит перед наукой гражданского права новые вопросы, связанные с определением круга лиц, являющихся субъектами гражданских правонарушений, которые возникают в связи с использованием технологий ИИ.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время ИИ не признается субъектом права, поскольку не обладает правоспособностью и дееспособностью. Согласно ст. 2 ГК РФ, субъектами гражданских правоотношений являются физические, юридические лица и публичные образования. Однако в случае с ИИ возникают сложности из-за его способности к самостоятельному принятию решений, что не укладывается в традиционные рамки правосубъектности, поэтому ответственность за его действия может быть возложена на его разработчиков, владельцев или пользователей.

В современных условиях цифровизации и внедрения ИИ в управленческую деятельность возникает необходимость пересмотра традиционных подходов к правосубъектности и ответственности [9, с. 120]. Как справедливо подчеркивает П.П. Сергун, ИИ может рассматриваться как «субъектно-объектное образование», что требует разработки новых правовых механизмов, включая гражданско-правовую ответственность [15, с. 140]. При этом, как верно отмечает С.С. Горохова, правовая ответственность является необходимым элементом всякого правового регулирования [5, с. 23]. Данный тезис приобретает особую значимость в контексте регламентации ИИ, где традиционные механизмы ответственности зачастую оказываются недостаточно эффективными.

Необходимость поиска новых решений подтверждается правоприменительной практикой: суды уже сталкиваются с ситуациями, когда вред причинен автономными действиями ИИ (ошибки чат-ботов, аварии беспилотных автомобилей), а классические конструкции вины или источника повышенной опасности не позволяют точно определить субъекта ответственности. Это делает тему исследования не только теоретически, но и практически значимой.

Цель исследования заключается в определении круга лиц, выступающих субъектами гражданского правонарушения, являющегося основанием гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный в результате функционирования систем ИИ; выявлении пределов гражданско-правовой ответственности, возникающей вследствие действий ИИ; разработке предложений по совершенствованию российского законодательства в данной сфере.

Методы

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов познания. В работе использован формально-юридический метод, позволивший проанализировать нормы действующего гражданского законодательства Российской Федерации, регулирующие деликтные отношения, а также выявить правовые пробелы в части установления ответственности за вред, причиненный ИИ-системами.

Применение метода сравнительного правоведения дало возможность сопоставить различные модели ответственности за действия ИИ (виновной, субсидиарной и строгой ответственности), разработанные в научной доктрине, и обосновать выбор наиболее эффективного подхода. Метод системного толкования правовых норм использован для анализа взаимосвязи положений главы 59 ГК РФ с предлагаемыми изменениями законодательства. Посредством метода анализа судебной практики исследованы конкретные случаи причинения вреда с использованием ИИ-систем (дело Air Canada о некорректном совете чат-бота, аварии с участием автомобилей Tesla, ошибки медицинских диагностических систем IBM Watson Health), что позволило выявить типичные правовые проблемы, возникающие при применении существующих оснований деликтной ответственности.

Кроме того, применен метод правового моделирования, в рамках которого разработана авторская конструкция распределения ответственности между разработчиком, оператором и владельцем ИИ-системы, а также предложена классификация ИИ-систем по степени их автономности.

Теоретическую базу исследования составили труды российских правоведов, исследующих проблемы гражданско-правовой ответственности, цифровизации и правосубъектности ИИ: Л.В. Санниковой и Ю.С. Харитоновой [14], И.М. Конобеевской [7], П.П. Сергуна [15], В.А. Лаптева [8], Л.Ю. Василевской [2], А.А. Антонова [1], С.С. Шевчука [17] и других.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования установлено, что в настоящее время ответственность за вред, причиненный в результате использования технологий ИИ, в российской гражданско-правовой системе подлежит установлению по общим основаниям деликтной ответственности, предусмотренным гл. 59 ГК РФ. Конкретные случаи подлежат квалификации по одному из специальных составов, например, по ст. 1064 ГК РФ, устанавливающей общие основания ответ-

ственности за причинение вреда, или по ст. 1079 ГК РФ, устанавливающей ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. Поскольку ИИ не признаётся самостоятельным субъектом права, бремя доказывания отсутствия вины в причинении вреда может быть возложено на владельца или оператора ИИ как на лиц, осуществляющих контроль над этим комплексом инструментов.

Однако анализ правоприменительной практики свидетельствует о недостаточности существующих оснований деликтной ответственности. В частности, в деле Air Canada (2022 г.), где пассажир приобрел билеты, полагаясь на некорректный совет чат-бота о скидке при утрате близкого родственника, суд отклонил доводы авиакомпании о том, что чат-бот не является официальным источником информации, постановив, что ИИ-чат выступает как представитель компании, и взыскал компенсацию [16]. Данный пример демонстрирует наличие проблемы разграничения ответственности за действия автономных ИИ-систем и недопустимость полного отказа компаний от ответственности за ошибки ИИ.

В Российской Федерации также зафиксированы случаи аварий с участием электромобилей, управляемых автопилотом. Например, 10 августа 2019 г. Tesla Model 3 в автономном режиме столкнулась с грузовиком, который система не распознала [12]. При этом, согласно действующему в России гражданскому законодательству, вопрос ответственности в подобных ситуациях решается в рамках классического подхода к источнику повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ). Это означает, что бремя ответственности за вред, причиненный автомобилем с автопилотом, как правило, возлагается на его владельца (эксплуатанта), а не на разработчика или владельца алгоритма ИИ. Однако существующий в гражданском праве институт ответственности за использование источника повышенной опасности не учитывает способность современного ИИ к принятию решений в непредвиденных ситуациях на основе алгоритмов, в разработку и обучение которых владелец автомобиля не вовлечен.

Схожая правовая неопределенность возникает и в сфере здравоохранения. Так, в 2021 г. в США пациент подал иск против компании IBM Watson Health из-за того, что ее система анализа онкологических данных выдала неточные рекомендации, что привело к назначению неэффективного лечения и ухудшению состояния пациента [4]. На сегодняшний день не существует четкого механизма, позволяющего установить, кто должен нести гражданско-правовую ответственность в указанных случаях: разработчик, врач, оператор или сам алгоритм. Данный пример подтверждает необходимость дифференциации ответственности в зависимости от сферы контроля над ИИ-системой.

Для успешного разграничения гражданско-правовой ответственности за деятельность ИИ с учетом современных вызовов сложившейся практики предлагаем законодательно классифицировать ИИ-системы по степени их автономности. Первая категория включает объекты интеллектуальной собственности, не способные к самостоятельному принятию решений: чат-боты, системы распознавания изображений, системы автоматизации бизнес-процессов. Они функционируют как инструменты, выполняющие задачи по заданным алгоритмам и на основе предоставленных данных. Человек контролирует их работу и несёт ответственность за их результаты.

Вторая категория — автономные системы с развитым «разумом», вызывающие повышенные риски: беспилотные автомобили, алгоритмические трейдинги, системы управления энергосетями, автономные дроны. Данные системы обладают способностью к самостоятельному обучению, адаптации, принятию решений, что требует особого подхода к определению субъекта ответственности.

Полагаем необходимым квалифицировать ИИ-системы как сложные цифровые активы, обладающие следующими ключевыми характеристиками: существование в цифровой форме, экономическая ценность, оборотоспособность, индивидуализируемость (обособляемость), экстерриториальность функционального применения [14, с. 29].

ИИ как актив защищен комплексом исключительных прав: патентами (на алгоритмы и архитектуру), авторским правом (на исходный код и обученные модели), а также режимом коммерческой тайны/ноу-хау. Модели ИИ подвержены моральному устареванию (обесцениванию) по мере появления новых данных, алгоритмов и технологий, что позволяет компаниям определять срок их полезного использования и амортизировать стоимость, применяя стандартные бухгалтерские практики учета активов.

Квалификация ИИ в качестве сложного цифрового актива, по мнению автора статьи, позволяет решить ряд ключевых задач, необходимых для выстраивания эффективного механизма ответственности.

1. Обеспечивает идентификацию объекта прав. Она превращает абстрактный алгоритм в конкретный, индивидуализированный объект гражданских прав, позволяя точно установить, какая именно версия или экземпляр ИИ-системы причинила вред.

Это становится необходимым первым шагом для определения круга лиц, несущих гражданско-правовую ответственность.

2. Позволяет зафиксировать историю владения и контроля. Статус актива даёт возможность зафиксировать последовательность перехода прав и обязанностей (право собственности, лицензионные права и т.д.) между субъектами гражданских правоотношений. Это позволяет ретроспективно восстановить жизненный цикл системы — от разработчика до конечного пользователя — и выявить всех лиц, чьи решения могли повлиять на её поведение, что обосновывает распределение бремени доказывания.
3. Определяет экономическую ценность. Денежная оценка актива служит ключевым экономическим показателем для расчёта масштаба потенциального риска, связанного с его использованием; для установления лимита страхового покрытия на случай причинения вреда; для формирования финансовых гарантий (например, резервных фондов) для компенсации возможного ущерба.
4. Требует документирования жизненного цикла. Обязательное ведение сопроводительной документации (технического паспорта, реестра изменений, логов операций) позволяет впоследствии установить, был ли вред причинён вследствие внутреннего дефекта (что указывает на ответственность разработчика) или в результате некорректной эксплуатации (что свидетельствует об ответственности оператора).
5. Открывает возможность субсидиарного применения законодательства о защите прав потребителей. Если вред причинён из-за скрытого существенного недостатка, существовавшего на момент ввода актива в оборот, к разработчику или продавцу может быть применена ответственность за поставку некачественного товара без необходимости доказывать их вину в причинении конкретного вреда.

На основе проведенного анализа предлагается дифференцированная модель распределения гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный ИИ-системами, предусматривающая:

1) ответственность разработчика ИИ за вред, возникший в результате дефектов алгоритма или конструкции ИИ;
2) ответственность оператора ИИ за вред, причиненный его ненадлежащей эксплуатацией;
3) ответственность владельца ИИ за вред, возникший в результате несанкционированного вмешательства в систему.

Для реализации данной модели автор статьи предлагает внести в Гражданский кодекс РФ статью 1064.1, устанавливающую специальные основания ответственности за вред, причиненный ИИ-системами. Кроме того, целесообразно в рамках законопроекта принятие Федерального закона «О цифровых правах», который должен закрепить статус ИИ как сложного цифрового актива, установить единые правила его оборота и предусмотреть случаи обязательного страхования ответственности в критически важных сферах его применения (медицина, транспорт, финансы).

Обсуждение

Результаты проведенного исследования согласуются с выводами, полученными в работах других авторов, исследующих проблематику гражданско-правовой ответственности за действия ИИ. В частности, позиция о необходимости пересмотра традиционных подходов к правосубъектности и ответственности [9, с. 120] находит подтверждение в выявленной в ходе настоящего исследования недостаточности существующих оснований деликтной ответственности для урегулирования отношений, связанных с использованием автономных ИИ-систем.

В научной дискуссии конкурируют три основные модели деликтной ответственности за вред, причиненный ИИ: модель виновной ответственности, модель правосубъектности ИИ (субсидиарная ответственность) и модель строгой (безвиновной) ответственности [3, с. 39].

Результаты настоящего исследования подтверждают вывод о том, что модель виновной ответственности сталкивается с практической невозможностью доказывания вины в условиях «эффекта черного ящика», присущего сложным ИИ-системам, таким как нейросети. Модель правосубъектности ИИ, по обоснованному мнению И.Н. Мосечкина, в настоящее время представляется умозрительной и труднореализуемой на практике [10, с. 468]. В этой связи третья модель, будучи модифицированной с учетом необходимости распределения ответственности между несколькими субъектами (разработчиком, оператором, владельцем), является наиболее перспективной.

Позиция В.А. Лаптева о необходимости установления очередности привлечения к ответственности за вред, причиненный ИИ [8, с. 91–92], нашла отражение в предлагаемой автором статьи конструкции ст. 1064.1 ГК РФ. В отличие от подхода, предполагающего определение очередно-

сти на судебном уровне, в настоящем исследовании автором обосновывается необходимость законодательного закрепления такой очередности, основанной на объективных критериях контроля над технологией и функциональной ответственности.

Предложение А.В. Дробышева о включении технологий ИИ в примерный перечень источников повышенной опасности, содержащийся в п. 1 ст. 1079 ГК РФ [6, с. 34], представляется логичным и целесообразным. Данное предложение позволяет распространить на отношения с участием ИИ действие презумпции виновности владельца такого источника, тем самым снимая проблему доказывания вины в ее классическом субъективном понимании.

Вместе с тем, разделяя мнение С.С. Шевчука о том, что отнесение роботов и ИИ к источнику повышенной опасности может сдерживать технический прогресс, особенно в медицине [17, с. 46], в настоящем исследовании предлагается дифференцированный подход, при котором к автономным системам с высокими рисками применяется режим источника повышенной опасности, а к ИИ-системам, не обладающим способностью к самостоятельному принятию решений, — общие основания ответственности.

Логика предлагаемых законодательных решений находит подтверждение в правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в Постановлении от 10 марта 2017 г. № 6-П [13]. Согласно данной позиции, деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих, обязывает осуществляющих ее лиц к особой осторожности и осмотрительности, что обусловливает введение правил, возлагающих на владельцев источников повышенной опасности повышенное бремя ответственности. Распространение данного подхода на отношения, связанные с разработкой и применением систем ИИ, представляется обоснованным.

Научная новизна исследования заключается в разработке комплексного подхода к характеристике ИИ как сложного цифрового актива, объединяющего свойства программы для ЭВМ, базы данных и алгоритма, а также в создании новой конструкции гражданско-правовой ответственности, предполагающей ее распределение между разработчиком, оператором и владельцем. В отличие от работ, рассматривающих ИИ исключительно как программу для ЭВМ [2, с. 9], предложенный подход учитывает специфику автономности и способности ИИ к самообучению, что позволяет более точно определить правовой режим таких систем.

Предложенная модель может быть апробирована в рамках экспериментальных правовых режимов (ЭПР), которые позволяют на ограниченной территории и в контролируемых условиях протестировать различные варианты распределения ответственности. В настоящее время ЭПР уже используются для отработки правовых механизмов в сфере беспилотного транспорта и телемедицины. Использование «регуляторных песочниц» для проверки предлагаемой дифференцированной модели ответственности позволит накопить правоприменительную практику и скорректировать законодательные решения до их повсеместного внедрения.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать, что на сегодняшний день в России еще не сформировалась единая и непротиворечивая система законодательства, регулирующего технологии ИИ, включая положения, устанавливающие гражданско-правовую ответственность за действия ИИ. На данном этапе действует подход экспериментального регулирования, который не обеспечивает единообразия практики и носит временный характер, что препятствует формированию стабильной и предсказуемой правовой среды для долгосрочных инвестиций в разработку и внедрение ИИ.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что разработка механизма распределения ответственности за действия ИИ представляет собой не узкую технико-юридическую, а насущную социально-этическую задачу, призванную обеспечить правовую гармонию между стремительным технологическим прогрессом и необходимостью защиты фундаментальных ценностей: человеческого достоинства, безопасности и справедливости [11, с. 81]. Данный подход имеет принципиальное значение, поскольку он раскрывает распределение ответственности не только с позиций компенсации вреда, но и как основополагающий инструмент обеспечения доверия, подотчетности и правовой определенности в формирующихся отношениях между человеком и автономными системами.

Ключевым шагом на пути к комплексному регулированию является законодательное закрепление правового статуса ИИ как сложного цифрового актива. Квалификация ИИ в этом качестве, обладающего свойствами виртуальности, оборотоспособности и экстерриториальности, позволит устранить правовую неопределенность в вопросах владения, использования, распоряжения, установления правового титула, оборота, наследования и обращения взыскания. Это, в свою очередь, является необходимой правовой предпосылкой для превращения ИИ из экспериментальной технологии в регулируемую и безо-

пасную цифровую среду для взаимодействия человека и результата использования информационных технологий.

Для системного решения указанных задач и закрепления данной правовой модели предлагается принятие Федерального закона «О цифровых правах», призванного интегрировать позитивный опыт экспериментальных правовых режимов, закрепить статус ИИ как сложного цифрового актива, а также ввести обязательное страхование гражданской ответственности операторов ИИ в критически важных сферах (медицина, транспорт, финансы).

Ключевым элементом предлагаемой системы является введение в ГК РФ специальной нормы — статьи 1064.1, устанавливающей дифференцированную ответственность разработчика, оператора и владельца в зависимости от критерия фактического контроля над алгоритмом. Реализация этого подхода, предварительно апробированного в рамках «регуляторных песочниц», в комплексе с обязательным страхованием ответственности для критических сфер применения, позволит гармонизировать интересы технологического развития и надежной защиты прав граждан, заложив правовые основы для развития ИИ в России.

Учитывая трансграничный характер ИИ-технологий, Российской Федерации целесообразно не только совершенствовать национальное законодательство (в частности, принятием Федерального закона «О цифровых правах» и введением ст. 1064.1 ГК РФ), но и активно участвовать в разработке международных стандартов ответственности. Это позволит избежать правовых коллизий при использовании ИИ-систем, созданных в одной юрисдикции и применяемых в другой, а также обеспечит единый уровень защиты прав субъектов гражданских правоотношений в условиях цифровой экономики.

Список литературы:

[1] Антонов А.А. Искусственный интеллект: вопросы правосубъектности // Юрист. 2023. № 9. С. 23–28.

[2] Василевская Л.Ю. Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой регламентации // Хозяйство и право. 2021. № 10 (537). С. 3–16.

[3] Васильев А.А., Шпоппер Д., Матаева М.Х. Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ // Юрислингвистика. 2018. № 7–8. С. 35–44.

[4] Врачебные ошибки искусственного интеллекта. 2019. URL: https://www.vshouz.ru/news/analitika/wcs-113/ (дата обращения: 02.03.2026).

[5] Горохова С.С. Теоретические подходы к публичной юридической ответственности в сфере использования искусственных интеллектуальных систем // Современный юрист. 2021. № 2 (35). С. 23–31.

[6] Дробышева А.В. Искусственный интеллект и гражданско-правовая ответственность // Современный юрист. 2025. № 1. С. 27–35.

[7] Конобеевская И.М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 330–334.

[8] Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.

[9] Малько А.В., Ишеков К.А., Черкасов К.В. Предвидение в науке административного права (По трудам юбиляра — учёного-административиста П.П. Сергуна) // Государство и право. 2023. № 10. С. 119–124.

[10] Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 10 (3). С. 461–476.

[11] Овчинский В.С., Ларина Е.С. Искусственный интеллект. Этика и право. М.: Книжный мир, 2020. 192 с.

[12] Первая в России авария Теслы на автопилоте произошла в Москве. 2019. URL: https://news.drom.ru/70591.html (дата обращения: 10.01.2026).

[13] По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобами граждан А.С. Аринушенко, Г.С. Бересневой и других: Постановление Конституционного Суда РФ от 10 марта 2017 г. № 6-П // СЗ РФ. 2017. № 12. Ст. 1780.

[14] Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. Москва: 4 Принт, 2020. 304 с.

[15] Сергун П.П., Бобров А.М. Субъектно-объектное образование как структурный элемент административного правоотношения // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 138–145.

[16] Скан О. Нейросети против людей. Кто является собственником цифровых произведений. 2025. URL: https://www.garant.ru/article/1799577/ (дата обращения: 17.02.2026).

[17] Шевчук С.С. Личные неимущественные права граждан в сфере медицинских услуг по гражданскому законодательству России: Автореферат диссертации доктора юридических наук. Ростов-на-Дону, 2005. 48 с.

References:

[1] Antonov A.A. Artificial intelligence: issues of legal personality//Lawyer. 2023. № 9. S. 23-28.

[2] Vasilevskaya L.Yu. Artificial intelligence: problems of civil law regulation//Economy and law. 2021. № 10 (537). S. 3-16.

[3] Vasiliev A.A., Shpopper D., Mataeva M.Kh. The term “artificial intelligence” in Russian law: doctrinal analysis//Jurislinguistics. 2018. № 7–8. S. 35-44.

[4] Medical errors of artificial intelligence. 2019. URL: https://www.vshouz.ru/news/analitika/wcs-113/ (access date: 02.03.2026).

[5] Gorokhova S.S. Theoretical approaches to public legal responsibility in the use of artificial intelligent systems//Modern lawyer. 2021. № 2 (35). S. 23-31.

[6] A.V. Drobysheva. Artificial intelligence and civil liability//Modern lawyer. 2025. № 1. S. 27-35.

[7] Konobeevskaya I.M. Digital rights as a new object of civil rights//Izvestia Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Right. 2019. VOL. 19. No. 3. S. 330-334.

[8] Laptev V.A. The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. № 2. S. 79-102.

[9] Malko A.V., Ishekov K.A., Cherkasov K.V. Foresight in the science of administrative law (According to the works of the hero of the day - administrative scientist P.P. Sergun)//State and law. 2023. № 10. S. 119-124.

[10] Mosechkin I.N. Artificial intelligence and criminal liability: problems of the formation of a new type of subject of crime//Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2019. № 10 (3). S. 461-476.

[11] Ovchinsky V.S., Larina E.S. Artificial intelligence. Ethics and law. M.: Book World, 2020. 192 p.

[12] Tesla’s first autopilot accident in Russia occurred in Moscow. 2019. URL: https://news.drom.ru/70591.html (access date: 10.01.2026).

[13] In the case of checking the constitutionality of Article 15, paragraph 1 of Article 1064, Article 1072 and paragraph 1 of Article 1079 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizens A.S. Arinushenko, G.S. Beresneva and others: Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 10, 2017 No. 6-P//NZ RF. 2017. № 12. Art. 1780.

[14] Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S. Digital assets: legal analysis: monograph. Moscow: 4 Print, 2020. 304 pp.

[15] Sergun P.P., Bobrov A.M. Subject-object education as a structural element of administrative legal relations//Perm legal almanac. 2019. № 2. S. 138-145.

[16] Scan O. Neural Networks vs. Humans. Who owns digital works. 2025. URL: https://www.garant.ru/article/1799577/ (access date: 17.02.2026).

[17] Shevchuk S.S. Personal non-property rights of citizens in the field of medical services under civil law of Russia: Abstract of the dissertation of the doctor of legal sciences. Rostov-on-Don, 2005. 48 pp.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-406-410

ТАЩИЛИН Р.И.,
судья Харцызского межрайонного суда
Донецкой Народной Республики,
аспирант ФГБОУ ВО «Донбасский Государственный
Университет Юстиции» (ДГУЮ Минюста России),
e-mail: romantasilin56@gmail.com

ЦИФРОВОЕ ВНЕДРЕНИЕ КАК ФАКТОР ЛИДЕРСТВА В РАЗВИТИИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

Аннотация. *Настоящая статья продолжает цикл исследований методологического порядка назначения наказания, выводя дискуссию на уровень международной конкуренции правовых систем. Автор анализирует глобальные тренды цифровизации судопроизводства, сопоставляет различные подходы к внедрению алгоритмических методов в правосудие (США, Китай, страны ЕС) и обосновывает тезис о том, что разработанная в предшествующих статьях модель Интегрального индекса тяжести преступления (ИТП) и цифровой ассистент судьи могут стать основой для технологического лидерства Российской Федерации. Показано, что факультативный характер процедуры, сочетание формализации с сохранением судейского усмотрения и встроенные механизмы этического контроля создают уникальный баланс, который выгодно отличает российский подход от зарубежных аналогов. Делается вывод о том, что успешное внедрение методологического порядка способно повысить инвестиционную привлекательность юрисдикции, укрепить доверие граждан к судебной власти и создать экспортный потенциал для отечественных юридических технологий.*

Ключевые слова: *цифровизация правосудия, методологический порядок, международное сравнение, конкурентное преимущество, алгоритмизация, судебные технологии, правовая система, инвестиционная привлекательность.*

TASHCHILIN Roman I.,
judge of the Khartsyzsk Interdistrict Court
of the Donetsk People's Republic, graduate student
of the Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education "Donbass State University Of Justice"
(DGU OF the Ministry of Justice of Russia)

DIGITAL IMPLEMENTATION AS A FACTOR OF LEADERSHIP IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC AUTHORITIES AND A COMPETITIVE ADVANTAGE OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM IN THE INTERNATIONAL ARENA

Annotation. *This article concludes the series of studies on the methodological order of sentencing, bringing the discussion to the level of international competition of legal systems. The author analyzes global trends in the digitalization of judicial proceedings, compares different approaches to the introduction of algorithmic methods in justice (USA, China, EU countries) and substantiates the thesis that the model of the Integral Crime Severity Index (ICSI) and the digital assistant for judges developed in previous articles can become the basis for the technological leadership of the Russian Federation. It is shown that the optional nature of the procedure, the combination of formalization with the preservation of judicial discretion and the built-in mechanisms of ethical control create a unique balance that favorably distinguishes the Russian approach from foreign counterparts. It is concluded that the successful implementation of the methodological order can increase the investment attractiveness of the jurisdiction, strengthen citizens' confidence in the judiciary and create export potential for domestic legal tech solutions.*

Key words: *digitalization of justice, methodological order, international comparison, competitive advantage, algorithmization, judicial technologies, legal system, investment attractiveness.*

Введение

Продолжая цикл исследований, посвящённых методологическому порядку назначения уголовного наказания, мы неизбежно выходим за пределы сугубо национальной правовой системы. Разработанная математическая модель, её процессуальное оформление и программная реализация в виде цифрового ассистента судьи представляют собой не просто инструмент для оптимизации работы российских судов. Это потенциальный элемент глобальной конкуренции правовых систем, фактор, способный повысить привлекательность российской юрисдикции, укрепить доверие граждан и даже создать экспортный продукт в сфере юридических технологий.

Цифровизация правосудия общемировой тренд. Однако разные страны идут к этой цели разными путями, и то, какой путь избирает государство, напрямую влияет на его международный авторитет, инвестиционный климат и качество жизни граждан. Цель настоящей статьи показать, что предложенная модель методологического порядка, будучи правильно реализованной, способна дать Российской Федерации реальное конкурентное преимущество перед другими правовыми системами, сочетая лучшие черты формализованного подхода с сохранением гуманистической сути правосудия.

1. Цифровизация правосудия как глобальный тренд: обзор основных подходов

Во всём мире судебные системы сталкиваются с вызовами, сходными с теми, которые были описаны в первой статье цикла: растущая нагрузка, необходимость ускорения процессов, требование прозрачности и предсказуемости решений. Ответом на эти вызовы становится активное внедрение информационных технологий. Однако модели этого внедрения существенно различаются.

1.1. Соединённые Штаты Америки: алгоритмы оценки рисков

В США наибольшее распространение получили алгоритмы, используемые на этапе вынесения приговора и определения меры пресечения. Наиболее известные примеры – COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions) и PSA (Public Safety Assessment). Эти системы анализируют множество факторов (возраст, криминальное прошлое, социальные связи) и выдают прогноз риска повторного преступления или неявки в суд.

Преимущества: высокая скорость обработки данных, опора на статистику. Недостатки: закрытость алгоритмов (коммерческая тайна), обвинения в расовой предвзятости, отсутствие возможности для осуждённого понять логику вынесенного решения. Кроме того, эти системы носят рекомендательный, а не строго алгоритмический характер, и судья не обязан следовать их прогнозу. Как следствие проблема «чёрного ящика» и подрыва доверия к правосудию.

1.2. Китайская Народная Республика: «умные суды» и цифровые прокуроры

Китай демонстрирует наиболее амбициозный подход к цифровизации правосудия. Внедряются системы «умных судов», включающие электронное делопроизводство, онлайн-заседания, а также алгоритмы, помогающие судьям в принятии решений. Более того, разрабатываются «цифровые прокуроры», способные самостоятельно выявлять правонарушения и даже формулировать обвинения.

Преимущества: колоссальный рост эффективности, возможность обрабатывать миллионы дел. Недостатки: чрезмерная централизация, отсутствие публичной информации о работе алгоритмов, опасность использования системы для усиления государственного контроля, а не для защиты прав граждан. Модель ориентирована на эффективность государства, а не на права личности.

1.3. Страны Европейского Союза: осторожная интеграция и защита прав человека

Европейский подход характеризуется высокой степенью осторожности. Акцент делается на электронное правосудие (e-justice) цифровизацию документооборота, дистанционное участие в процессах. Что касается алгоритмического принятия решений, здесь доминирует принцип «человек под контролем» (human in the loop). Любое использование алгоритмов должно быть прозрачным, объяснимым и не нарушать фундаментальные права, закреплённые в Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Преимущества: высокий уровень защиты прав, соответствие стандартам Совета Европы. Недостатки: относительно низкая скорость внедрения, фрагментарность решений, отсутствие единой концепции алгоритмизации судейского усмотрения.

2. Место методологического порядка в глобальном ландшафте

Разработанная в настоящем цикле статей модель занимает уникальное положение между этими тремя подходами. Она вбирает в себя сильные стороны каждого из них, избегая их недостатков.

Сравнительная таблица

Критерий	США (COMPA)	Китай	ЕС	Методологический порядок (РФ)
Прозрачность алгоритма	Низкая (коммерческая тайна)	Низкая (государственная тайна)	Высокая (требование объяснимость)	Абсолютная (формулы и шкалы утверждаются Пленумом ВС РФ, публикуются)
Роль судьи	Судья волен игнорировать	Судья следует системе	Судья принимает решение, алгоритм помогает	Судья обязан применить формулу, но вправе мотивированно отступить
Обжалование	Затруднено из-за закрытости	Практически отсутствует	Возможно, но требует экспертизы	Прозрачно, любой шаг расчёта можно проверить
Учёт уникальных обстоятельств	Не предусмотрен	Не предусмотрен	Предусмотрен, но не формализован	Заложен в праве на отступление и в модулях СООЛ
Основная цель	Прогноз риска	Эффективность государства	Защита прав	Баланс справедливости, прозрачности и эффективности

Как видно из таблицы, методологический порядок не является ни «слепым» статистическим инструментом, ни жёсткой директивной системой. Это структурированная рамка, которая:

– прозрачна – любой участник процесса может воспроизвести расчёт;
– справедлива – сохраняет право судьи на учёт уникальных обстоятельств;
– эффективна – существенно сокращает время на составление приговора;
– гуманистична – оставляет окончательное решение за человеком.

3. Цифровой ассистент судьи как фактор технологического лидерства

Описанный в статье № 7 цифровой ассистент, интегрированный гас «Правосудие», является не просто калькулятором, а полноценным инструментом, реализующим философию методологического порядка. Его ключевые особенности, создающие конкурентное преимущество:

1. Открытость кода и алгоритмов. В отличие от коммерческих продуктов в США, алгоритмы, утверждённые Пленумом ВС РФ, являются публичными. Это исключает возможность «скрытых настроек» и позволяет любому заинтересованному лицу (адвокату, эксперту, учёному) проверить корректность расчёта.

2. Интеграция с государственными базами данных. Автоматическое получение информации о судимостях, административных правонарушениях, социальном статусе из официальных источников (ФИС «Судимость», ЕАИС) минимизирует риск ошибок и злоупотреблений при вводе данных.

3. Встроенный механизм «контроля справедливости». Модуль не просто выдаёт результат, но и предоставляет судье инструменты для его верификации, а также фиксирует любое отступление от расчётного результата с обязательной мотивировкой.

4. Возможность статистического анализа и самообучения. Накопление обезличенных данных о приговорах, постановленных в методологическом порядке, позволит Верховному Суду РФ проводить их анализ и при необходимости корректировать параметры модели (весовые коэффициенты, матрицы) для более точного соответствия судейскому правосознанию и криминологической ситуации. Это создаёт механизм обратной связи, отсутствующий в большинстве зарубежных аналогов.

4. Конкурентные преимущества для российской правовой системы

Внедрение методологического порядка способно принести Российской Федерации ощутимые выгоды на международной арене.

4.1. Повышение инвестиционной привлекательности

Для иностранного инвестора одним из ключевых факторов при выборе юрисдикции является предсказуемость правовой системы, в том числе судебной. Возможность спрогнозировать

исход потенциального спора, в том числе уголовно-правового риска (например, по делам об экономических преступлениях), существенно снижает инвестиционные риски. Методологический порядок, особенно в перспективе его распространения на экономические составы, даёт именно такую предсказуемость. Инвестор будет знать, что решение суда будет основано не на субъективном усмотрении конкретного судьи, а на прозрачном, единообразном алгоритме.

4.2. Укрепление доверия граждан к судебной власти

Воспроизводимость и проверяемость расчёта мощный антикоррупционный фактор. Когда приговор можно разложить на составные части и понять, как каждый фактор повлиял на итоговый срок, исчезает почва для подозрений в предвзятости или «телефонном праве». Это повышает легитимность судебных решений в глазах общества.

4.3. Экспортный потенциал юридических технологий

Разработанное программное обеспечение («ИТП-Калькулятор») и методология его применения могут стать предметом экспорта. Страны, находящиеся в процессе модернизации своих судебных систем (государства – участники СНГ, страны Азии, Африки), могут быть заинтересованы в приобретении готовой, апробированной и эффективной системы, особенно если она будет предлагаться на выгодных условиях (как элемент государственной политики, а не коммерческий продукт). Это укрепит международное влияние России и создаст новый сегмент в сфере высоких технологий.

4.4. Формирование позитивного имиджа России как правового государства

Успешное внедрение передовых, этически выверенных технологий в правосудие это мощный информационный повод. Россия может позиционировать себя как страну, которая не просто копирует западные или восточные модели, а создаёт собственный, оригинальный и более совершенный подход к алгоритмизации правосудия, ставящий во главу угла баланс между эффективностью и правами человека.

5. Проблемы и риски: как их избежать

Любое масштабное внедрение сопряжено с рисками. Для минимизации негативных последствий необходимо:

1. Поэтапное внедрение. Начать с преступлений небольшой и средней тяжести, как и предлагалось в статье № 1.
2. Обучение судей. Необходимо провести масштабную программу повышения квалификации, чтобы судьи не просто механически использовали калькулятор, но понимали философию метода и границы своей ответственности.
3. Общественный контроль. Алгоритмы должны быть открыты для обсуждения не только профессиональным сообществом, но и широкой общественностью.
4. Независимый аудит. Периодически следует проводить независимую проверку работы системы на предмет возможных ошибок, смещений или злоупотреблений.

Заключение

Предложенный цикл статей обосновал необходимость, разработал математическую модель, предложил процессуальное оформление, институциональное закрепление и программную реализацию методологического порядка назначения наказания. Завершающая статья показывает, что этот проект выходит далеко за рамки ведомственной или даже национальной оптимизации.

В условиях глобальной цифровой трансформации Россия имеет уникальный шанс не просто догонять лидеров, а занять собственную нишу, предложив миру гуманистическую альтернативу как технократическому подходу Китая, так и закрытым коммерческим алгоритмам США. Методологический порядок, сочетающий строгость математики с гибкостью судейского усмотрения, прозрачность с эффективностью, способен стать визитной карточкой российской правовой системы XXI века, её конкурентным преимуществом и предметом законной гордости.

Внедрение этого порядка не просто шаг вперёд для отечественного правосудия, это заявка на лидерство в формировании новых стандартов справедливости в цифровую эпоху. И этот вызов, безусловно, стоит принять.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

[3] Тащилин Р.И. Методологический порядок в уголовном судопроизводстве: математическая формализация как инструмент достижения истинного и справедливого приговора // Цикл статей. – 2026. – Статья № 1.

[4] Тащилин Р.И. Декомпозиция принципа индивидуализации наказания: математическая формализация общественной опасности преступного деяния // Цикл статей. – 2026. – Статья № 2.

[5] Тащилин Р.И. Личность виновного как система взвешенных параметров: алгоритм оценки общественной опасности личности // Цикл статей. – 2026. – Статья № 3.

[6] Тащилин Р.И. Интегральный индекс тяжести преступления (ИТП): синтез опасности деяния и личности в единой метрике // Цикл статей. – 2026. – Статья № 4.

[7] Тащилин Р.И. Методологический порядок в системе уголовного судопроизводства: предложения по внесению изменений в УПК РФ и УК РФ // Цикл статей. – 2026. – Статья № 5.

[8] Тащилин Р.И. Роль высших судебных инстанций в унификации практики: проект постановления Пленума ВС РФ о методологических рекомендациях по назначению наказания // Цикл статей. – 2026. – Статья № 6.

[9] Тащилин Р.И. Цифровой ассистент судьи: алгоритмизация и программная реализация методологического расчёта (от прототипа в табличном процессоре к модулю ГАС «Правосудие») // Цикл статей. – 2026. – Статья № 7.

[10] Тащилин Р.И. Между справедливостью и алгоритмом: этические пределы математизации уголовного права и перспективы методологического подхода // Цикл статей. – 2026. – Статья № 9.

[11] COMPAS Risk & Need Assessment System // Northpointe. – URL: https://www.equivant.com/compas/ (дата обращения: 05.03.2026).

[12] China's 'smart courts' fight crime with big data // BBC News. – 2022. – URL: https://www.bbc.com/news/technology-61725361 (дата обращения: 05.03.2026).

[13] European ethical Charter on the use of artificial intelligence in judicial systems and their environment // CEPEJ. – 2018. – URL: https://www.coe.int/en/web/cepej/ethical-charter-en (дата обращения: 05.03.2026).

References:

[1] The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 01.07.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. - Art. 2954.

[2] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 01.07.2024) //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. - No. 52 (part I). - Art. 4921.

[3] Tatshilin R.I. Methodological order in criminal proceedings: mathematical formalization as a tool for achieving a true and fair sentence//Series of articles. – 2026. - Article 1.

[4] Tashilin R.I. Decomposition of the principle of individualization of punishment: mathematical formalization of the social danger of a criminal act// Series of articles. – 2026. - Article 2.

[5] Tashilin R.I. The personality of the culprit as a system of weighted parameters: an algorithm for assessing the public danger of a person//Series of articles. – 2026. - Article 3.

[6] Tashilin R.I. Integral crime severity index (ITP): a synthesis of the danger of an act and a person in a single metric//Series of articles. – 2026. - Article 4.

[7] Tatshilin R.I. Methodological procedure in the system of criminal proceedings: proposals for amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation//Series of articles. – 2026. - Article 5.

[8] Tashilin R.I. The role of higher courts in unifying practice: draft resolution of the Plenum of the RF Armed Forces on methodological recommendations for sentencing//Series of articles. – 2026. - Article 6.

[9] Tashilin R.I. Digital assistant judge: algorithmization and software implementation of methodological calculation (from a prototype in a tabular processor to the GAS module "Justice")//Series of articles. – 2026. - Article 7.

[10] Tashilin R.I. Between justice and algorithm: the ethical limits of the mathematics of criminal law and the prospects of a methodological approach// Series of articles. – 2026. - Article 9.

[11] COMPAS Risk & Need Assessment System // Northpointe. - URL: https://www.equivant.com/compas/ (access date: 05.03.2026).

[12] China's 'smart courts' fight crime with big data // BBC News. – 2022. - URL: https://www.bbc.com/news/technology-61725361 (access date: 05.03.2026).

[13] European ethical Charter on the use of artificial intelligence in judicial systems and their environment // CEPEJ. – 2018. - URL: https://www.coe.int/en/web/cepej/ethical-charter-en (access date: 05.03.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-411-414

КАШКИНА Екатерина Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
доцент кафедры уголовного права, уголовного
процесса и правоохранительной деятельности
Юридического института РУТ (МИИТ),
e-mail: 000049@bk.ru

ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ ЭМОЦИЙ П. В. СИМОНОВА

Аннотация. *В статье рассматривается точка зрения Симонова, согласно которой положительная эмоция возникнет только в том случае, если поступившая информация превысит имевшийся ранее прогноз относительно вероятности достижения цели - удовлетворения потребности*.

Ключевые слова: *теория, эмоции, личность, опыт, средства, онтогенез, высшая нервная система, психология.*

KASHKINA Ekaterina Valeryevna,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor Leading researcher of the Federal
Scientific Research Institute of the Federal
Penal Correction Service of Russia,
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure, and Law Enforcement
at the Law Institute of RUT (MIIT)

INFORMATION THEORY OF EMOTIONS P.V. SIMONOV

Annotation. *The article considers Simonov's point of view, according to which a positive emotion will arise only if the information received exceeds the previous forecast regarding the likelihood of achieving the goal of satisfying the need.*

Key words: *theory, emotions, personality, experience, means, ontogenesis, higher nervous system, psychology.*

Информационная теория эмоций П. В. Симонова. Наш подход к проблеме эмоций целиком принадлежит павловскому направлению в изучении высшей нервной (психической) деятельности мозга, пишет Симонов. Информационная теория эмоций... не является ни только «физиологической», ни только «психологической», ни тем более «кибернетической». Она неразрывно связана с павловским системным по своему характеру подходом к изучению высшей нервной (психической) деятельности. Это означает, что теория, если она верна, должна быть в равной мере продуктивна и для анализа явлений, относимых к психологии эмоций, и при изучении мозговых механизмов эмоциональных реакций человека и животных.

П.В. Симонов выделяет следующие функции эмоций. Отражательно-оценочная функция эмоций. Суммируя результаты собственных опытов и данные литературы, мы пришли в 1964 г. к выводу о том, что эмоция есть отражение мозгом человека и животных какой-либо актуальной потребности (ее качества и величины) и вероятности (возможности) ее удовлетворения, которую мозг оценивает на основе генетического и ранее приобретенного индивидуального опыта [21].

В самом общем виде правило возникновения эмоций можно представить в виде структурной формулы:

Э = f [П, (Ин-Ис), …]; где Э – эмоция, ее степень, качество и знак; П – сила и качество актуальной потребности; (Ин- Ис) – оценка вероятно-

сти (возможности) удовлетворения потребности на, основе врожденного и онтогенетического опыта; Ин – информация о средствах, прогностически необходимых для удовлетворения потребности; Ис – информация о средствах, которыми располагает субъект в данный момент [22].

Разумеется, эмоция зависит и от ряда других факторов, одни из которых нам хорошо известны, а о существовании других мы, возможно, еще и не-подозреваем. К числу известных относятся:

– индивидуальные (типологические) особенности субъекта, прежде всего, индивидуальные особенности его эмоциональности, мотивационной сферы, волевых качеств и т. п.;
– фактор времени, в зависимости от которого эмоциональная реакция приобретает характер стремительно развивающегося аффекта или настроения, сохраняющегося часами, днями и неделями;
– качественные особенности потребности. Так, эмоции, возникающие на базе социальных и духовных потребностей, принято именовать чувствами. Низкая вероятность избегания нежелательного воздействия породит у субъекта тревогу, а низкая вероятность достижения желаемой цели - фрустрацию т. д., и т. п.

Переключающая функция эмоций обнаруживается как в сфере врожденных форм поведения, так и при осуществлении условно рефлекторной деятельности, включая ее наиболее сложные проявления. Надо лишь помнить, что оценка вероятности удовлетворения потребности может происходить у человека не только на осознаваемом, но и на неосознаваемом уровне. Ярким примером неосознаваемого прогнозирования служит интуиция, где оценка приближения цели или удаления от нее первоначально реализуется в виде эмоционального «предчувствия решения», побуждающего к логическому анализу ситуации, породившей эту эмоцию.

Переключающая функция эмоций особенно ярко обнаруживается в процессе конкуренции мотивов, при выделении доминирующей потребности, которая становится вектором целенаправленного поведения.

Подкрепляющая функция эмоций. С нашей точки зрения результаты проведённых нами опытов еще раз свидетельствуют о решающей роли эмоций при выработке условных рефлексов. Страх имеет выраженную аверсивность для животного и активно минимизируется им путем реакции избегания. Раздражение пищевых и питьевых систем мозга у накормленных и не испытывающих жажды животных вызывает стереотипные акты еды и питья без вовлечения нервных механизмов эмоций, что исключает выработку условных рефлексов. Компенсаторная (замещающая) функция эмоций [23].

Будучи активным состоянием системы специализированных мозговых структур, эмоции оказывают влияние на другие церебральные системы, регулирующие поведение, процессы восприятия внешних сигналов и извлечения энграмм этих сигналов из памяти, вегетативные функции организма. Именно в последнем случае особенно наглядно обнаруживается компенсаторное значение эмоций.

В нормальной ситуации человек ориентирует свое поведение на сигналы высоко вероятных событий (т. е. на то, что в прошлом чаще встречалось). Благодаря этому его поведение в большинстве случаев бывает адекватным и ведет к достижению цели. В условиях полной определенности цель может быть достигнута и без помощи эмоций. Однако в неясных ситуациях, когда человек не располагает точными сведениями для того, чтобы организовать свое поведение по удовлетворению потребности, нужна другая тактика реагирования на сигналы. Отрицательные эмоции, как пишет Симонов, и возникают при недостатке сведений, необходимых для достижения цели, что в жизни бывает чаще всего. Например, эмоция страха и тревога развиваются при недостатке сведений, необходимых для защиты, т. е. при низкой вероятности избегания нежелательного воздействия, а фрустрация - при низкой вероятности достижения желаемой цели.

Эмоции способствуют поиску новой информации за счет повышения чувствительности анализаторов (органов чувств), а это, в свою очередь, приводит к реагированию на расширенный диапазон внешних сигналов и улучшает извлечение информации из памяти. Вследствие этого при решении задачи могут быть использованы маловероятные или случайные ассоциации, которые в спокойном состоянии не рассматривались бы. Тем самым повышаются шансы достижения цели. Хотя реагирование на расширенный круг сигналов, полезность которых еще неизвестна, избыточно и незакономерно, оно предотвращает пропуск действительно важного сигнала, игнорирование которого может стоить жизни.

С точки зрения Симонова положительная эмоция возникнет только в том случае, если поступившая информация превысит имевшийся ранее прогноз относительно вероятности достижения цели - удовлетворения потребности, т. е. когда Ис будет больше Ин.

В заключении Симонов отмечает: «Эмоции целесообразны только в ситуации информационного дефицита. После его ликвидации эмоции могут стать скорее помехой для организации действий, чем фактором, благоприятствующим их эффективности».

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Антипов А. Н., Строгович Ю. Н. О средствах исправления осужденных в современных реалиях //Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2026. № 1. С. 22-26.

[2] Вилкова А. В., Тищенко Ю. Ю. Особенности реализации дисциплинарной практики в отношении несовершеннолетних в следственных изоляторах / Международный научный вестник. 2026. № 1. С. 81-84.

[3] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Подготовка кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе/ Антропогогика. 2025. № 3(19). С. 8-16.

[4] Фадеева С. А., Вилкова А. В. Уголовно-исполнительная система и пенитенциарная пробация: профессиональная готовность // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 147-154.

[5] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Трудности подготовки научно-педагогических кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе // в сборнике: XI педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина. Сборник материалов. Пермь. 2025. С. 14-22.

[6] Мешкова Л. В., Вилкова А. В. К вопросу о развитии социальной активности будущих сотрудников ФСИН в процессе социально-психологического тренинга // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 3(25). С. 212-218.

[7] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Научно-педагогические кадры и их подготовка в адъюнктуре образовательных организаций ФСИН России // Вопросы современной науки и практики. 2025. № 2(13). С. 47-54.

[8] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Лукашенко Д. В. Программа подготовки педагогических кадров: структурно-содержательная модель обучения взрослых / Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 89-2. С. 68-71.

[9] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Теории и концепции о происхождении обучения и воспитания / Международный научный вестник.2025. № 10. С. 374-379.

[10] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. База данных тестовых заданий к курсу лекций «Воспитательная работа с осужденными для образовательных организаций ФСИН России. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2025623480. 22.08. 2025. Заявка № 2025623025 от 14.08.2025.

[11] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Коллективность и комплексность в науке / Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 325-328.

[12] Лукашенко Д. В. Содержание и структура плана внеурочной деятельности для воспитанников воспитательных колоний / А. В. Вилкова, Д. В. Лукашенко // Антропогогика. 2024. № 3(15). С.5-16.

[13] Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073. 17.08. 2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

[14] Вилкова А. В. Духовно-нравственные ценности несовершеннолетних осужденных и особенности социально-образовательной среды / А. В. Вилкова // В сборнике: педагогика и современное образование. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования. Сер. «Библиотека аспиранта» Санкт-Петербург.2022. С. 32-36.

[15] Смородинскова И. А. Основные функции деловой беседы / А. В. Вилкова, И. А. Смородинскова, В. Ю. Бунтина // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 115-122.

[16] Ковалев О. Г. Криминогенная ситуация в сфере коррупционной преступности, ее детерминанты / А. В. Вилкова, О. Г. Ковалев, А. Ю. Гапонов // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76-4. С. 34-36.

[17] Сухарева Е. В. Педагогические и оперативно-розыскные меры профилактики пенитенциарной преступности несовершеннолетних / А. В. Вилкова, Е. В. Сухарева // Вопросы педагогики. 2021. № 7. С. 47-51.

[18] Литвишков В. М. Стороны делового общения / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва. 2020. С. 131-144.

[19] Фадеева С. А. Делинкветное поведение как разновидность отклоняющегося поведения / А. В. Вилкова, С. А. Фадеева // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2019. С. 66-68.

[20] Вилкова А. В. Психолого-педагогическое изучение и социально-психологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных. Москва.2018.

[21] Симонов П. В. Эмоциональный мозг. – М.: Наука, 1981. – 215 с.

[22] Симонов П. В. Эмоциональный мозг. Физиология. Нейроанатомия. Психология эмоций. - М., 1981. - 368с.

[23] Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М, 1960, с. 340–344.

References:

[1] Vilkova A.V., Antipov A.N., Strogovich Yu.N. On the means of correcting convicts in modern realities//Penal system: law, economics, management. 2026. № 1. S. 22-26.

[2] Vilkova A. V., Tishchenko Yu. Yu. Peculiarities of the implementation of disciplinary practice against minors in pre-trial detention centers/International Scientific Bulletin. 2026. № 1. S. 81-84.

[3] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Training of the highest category in the penal system/Anthropology. 2025. № 3(19). S. 8-16.

[4] Fadeeva S. A., Vilkova A. V. Criminal executive system and penitentiary probation: professional readiness//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 147-154.

[5] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Difficulties in training scientific and pedagogical personnel of the highest category in the penal system//in the collection: XI pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S. I. Zlobin. Collection of materials. Perm. 2025. S. 14-22.

[6] Meshkova L.V., Vilkova A.V. On the development of social activity of future employees of the Federal Penitentiary Service in the process of social and psychological training//Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. № 3(25). S. 212-218.

[7] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Scientific and pedagogical personnel and their training in the adjunct of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia//Issues of modern science and practice. 2025. № 2(13). S. 47-54.

[8] Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Lukashenko D. V. Teacher training program: structural-content model of adult education/Problems of modern pedagogical education. 2025. № 89-2. S. 68-71.

[9] Vilkova A.V., Lukashenko D.V. Theories and concepts about the origin of education and upbringing/International Scientific Bulletin .2025. № 10. S. 374-379.

[10] Vilkova A. V., Polyakova Y. N. Database of test assignments for the course of lectures "Educational work with convicts for educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. Certificate of registration of the RU 2025623480 database. 22.08. 2025. Request No. 2025623025 dated 14.08.2025.

[11] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Collectivity and comprehensiveness in science/International Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 325-328.

[12] Lukashenko D.V. Content and structure of the plan of extracurricular activities for pupils of educational colonies/A.V. Vilkov, D.V. Lukashenko// Anthropology. 2024. № 3(15). S.5-16.

[13] Guzeev M.S., Kulakova S.V., Vilkova A.V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of registration of the RU 2022622073 database. 17.08. 2022. Request No. 2022621591 dated 01.07.2022.

[14] Vilkova A.V. Spiritual and moral values of juvenile convicts and features of the socio-educational environment/A.V. Vilkova//In the collection: pedagogy and modern education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Supervisors, Young Scientists Specializing in Education. Ser. "Postgraduate Library" St. Petersburg. 222. S. 32-36.

[15] Smorodinskova I. A. The main functions of a business conversation/A. V. Vilkov, I. A. Smorodinskova, V. Yu. Buntin//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. S. 115-122.

[16] Kovalev O. G. Criminogenic situation in the field of corruption crime, its determinants/A. V. Vilkova, O. G. Kovalev, A. Yu. Gaponov//Trends in the development of science and education. 2021. № 76-4. S. 34-36.

[17] Sukhareva E.V. Pedagogical and operational-search measures for the prevention of juvenile penitentiary crime/A.V. Vilkova, E.V. Sukhareva// Questions of pedagogy. 2021. № 7. S. 47-51.

[18] Litvishkov V. M. Parties to business communication/A. V. Vilkov, V. M. Litvishkov//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow. 2020. S. 131-144.

[19] Fadeeva S. A. Delinquent behavior as a type of deviant behavior/A. V. Vilkov, S. A. Fadeev//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2019. S. 66-68.

[20] A. V. Vilkova. Psycholor-pedagogical study and socio-psychological characteristics of the personality of juvenile convicts. Moskva.2018.

[21] Simonov P.V. Emotional brain. – M.: Nauka, 1981. – 215 p.

[22] Simonov P.V. Emotional brain. Physiology. Neuroanatomy. Psychology of emotion. - M., 1981. - 368s.

[23] Vygotsky L. S. Development of higher mental functions. M, 1960, p. 340 – 344.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-415-419

ПЕТУХОВА Жанна Петровна,
доцент кафедры уголовного процесса
ФГКОУ ВО ВСИ МВД России,
e-mail: petuhova.zhp@mail.ru

ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ СЛЕДСТВИЯ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РФ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В статье на основе историко-правового метода исследуется эволюция института приостановления предварительного следствия в переходный период от УПК РСФСР 1960 г. к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации 2001 г. (далее — УПК РФ). Анализируются концептуальные подходы, предлагавшиеся в ходе разработки альтернативных проектов УПК РФ (1994, 1997, 2000 гг.). Показано, как первый проект (1994 г.) предлагал радикальное сокращение оснований приостановления, второй (1997 г.) – введение предельных сроков, а третий (2000 г.) – компромиссную модель, сохранившую традиционные основания, но усилившую процессуальные гарантии. Рассматриваются научные дискуссии 1990-х годов о сущности приостановления, сроках и процессуальных гарантиях, в которых сталкивались сторонники «розыскной» концепции (настаивавшие на широких возможностях приостановления) и «гарантийной» концепции (требовавшие ограничения сроков и судебного контроля). Особое внимание уделяется трансформации понимания приостановления: от технического средства «заморозки» следствия, позволявшего бессрочно откладывать завершение расследования и зачастую нарушавшего права потерпевших, до процессуального института, обеспечивающего баланс между публичным интересом в раскрытии преступлений и правом участников на разумный срок судопроизводства. Отдельное внимание уделено эволюции оснований приостановления: от трёх оснований в УПК РСФСР 1960 г. к расширенному перечню в УПК РФ 2001 г., включающему временное тяжёлое заболевание подозреваемого (обвиняемого) и направление запроса в Конституционный Суд РФ. Рассмотрены предложения о введении предельных сроков приостановления и дискуссии о необходимости сохранения возможности розыска обвиняемого за рамками следственных действий. Автор приходит к выводу, что в ходе подготовки УПК РФ сформировалась устойчивая модель приостановления, основанная на дифференциации оснований, ограничении производства следственных действий после приостановления и усилении гарантий прав участников (обязательное уведомление, право обжалования). Предложенная в 2001 г. конструкция сохранила свою жизнеспособность и продолжает развиваться в современных условиях цифровизации уголовного судопроизводства, а также адаптироваться к изменениям социально-политической обстановки.*

Ключевые слова: *основания, сроки, институт, следователь, розыск обвиняемого, разумный срок, проекты УПК РФ.*

PETUKHOVA Zhanna Petrovna,
Associate Professor,
Department of Criminal Procedure
Federal State Educational Institution of Higher Education,
Higher School of Criminal Procedure,
Ministry of Internal Affairs of Russia

SUSPENSION OF THE INVESTIGATION DURING THE PERIOD OF PREPARATION OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. *The article uses a historical and legal method to examine the evolution of the institution of suspension of preliminary investigation during the transition period from the Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1960 to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 2001. It analyzes the conceptual approaches proposed during the development of alternative drafts of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (1994, 1997, 2000). It shows how the first draft (1994) proposed a radical reduction in the grounds for suspension, the second (1997) – the introduction of maximum time limits, and the third (2000) – a compromise model that retained traditional grounds but strengthened procedural guarantees. The article examines the academic debates of the 1990s on the nature of suspension, time limits, and procedural guarantees, which clashed between supporters of the "search" concept (insisting on broad possibilities for suspension) and the "guarantee" concept (demanding time limits and judicial review). Particular attention is given to the transformation of the understanding of suspension: from a technical means of "freezing" an investigation, which allowed for an indefinite postponement of the investigation's completion and often violated the rights of victims, to a procedural institution that ensures a balance between the public interest in solving crimes and the right of participants to a reasonable time for legal proceedings. Special attention is given to the evolution of the grounds for suspension: from three grounds in the 1960 Criminal Procedure Code of the RSFSR to an expanded list in the 2001 Criminal Procedure Code of the Russian Federation, including a temporary serious illness of the suspect (accused) and the submission of a request to the Constitutional Court of the Russian Federation. Proposals to introduce maximum suspension periods and discussions about the need to preserve the possibility of searching for the accused outside the framework of investigative actions are considered. The author concludes that during the drafting of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, a stable suspension model was formed, based on the differentiation of grounds, limitation of investigative actions after the suspension, and strengthening of guarantees of the rights of participants (mandatory notification, the right to appeal). The design proposed in 2001 has retained its viability and continues to evolve in the modern context of digitalization of criminal proceedings, as well as adapt to changes in the socio-political situation.*

Key words: *grounds, terms, institution, investigator, search for the accused, reasonable time, drafts of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.*

Введение

Актуальность обращения к истории формирования института приостановления предварительного следствия обусловлена не только научным интересом, но и практическими потребностями правоприменения. Действующий УПК РФ закрепил в главе 28 модель приостановления, которая существенно отличается от регулирования, существовавшего в УПК РСФСР 1960 г. Переходный период 1990-х — начала 2000-х годов стал временем активного переосмысления фундаментальных принципов уголовного судопроизводства, в том числе соотношения публичных и частных интересов, пределов процессуальной экономии и гарантий прав личности. Именно в эти годы разрабатывались альтернативные проекты УПК РФ, велась острая научная дискуссия о судьбе института приостановления, его основаниях, сроках и процессуальных последствиях. Изучение этого опыта позволяет глубже понять логику законодателя, выявить нереализованные альтернативы и оценить степень преемственности современного правового регулирования.

Степень научной разработки темы в историческом аспекте остается недостаточной. Большинство исследований посвящено либо комментариям действующего УПК РФ, либо анализу практики приостановления в советский период.

Цель и задачи

Целью статьи является выявление основных тенденций развития правового регулирования приостановления предварительного следствия в процессе подготовки и принятия УПК РФ. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Охарактеризовать состояние института приостановления в УПК РСФСР1960 г. и недостатки сложившейся модели.
2. Проанализировать ключевые проекты УПК РФ 1992–2001 гг. и предложенные в них концептуальные изменения, в том числе с учетом позиций В.М. Савицкого и других разработчиков.
3. Выделить основные направления научных дискуссий о сущности и пределах приостановления.
4. Оценить итоговое регулирование главы 28 УПК РФ и его отличие от предшествующего.

Методы исследования

Методологическая основа исследования включает общенаучные методы (диалектический, исторический, системный, логический) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой). Использование историко-правового метода позволило

проследить динамику изменения нормативных положений и доктринальных подходов. Сравнительно-правовой метод применен при сопоставлении различных редакций проектов УПК РФ, а также при анализе влияния зарубежных моделей (германской, французской) на разработчиков.

УПК РСФСР 1960 г. (ст. 195–199) рассматривал приостановление предварительного следствия как вынужденную меру, применяемую при наличии объективных препятствий для дальнейшего производства по делу. Основаниями являлись: 1) неустановление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого; 2) временное тяжелое психическое или иное тяжкое заболевание обвиняемого; 3) не установление местонахождения обвиняемого (обвиняемый скрылся). Особенностью советского регулирования было отсутствие каких-либо сроков приостановления — следствие могло находиться в приостановленном состоянии до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Это порождало многочисленные нарушения прав потерпевших, которые годами не могли получить доступа к правосудию. Кроме того, практика «заморозки» дел часто использовалась для сокрытия низкой раскрываемости преступлений.

В научной литературе конца 1980-х — начала 1990-х годов подвергалась критике сама идея приостановления как института, позволяющего бесконечно откладывать окончание расследования. Отмечалось, что приостановление фактически превращается в скрытую форму прекращения дела, лишенную процессуальных гарантий для участников [1; 2].

Подготовка нового УПК РФ началась в 1992 г. с создания рабочей группы при Министерстве юстиции РФ. Первый проект, опубликованный в 1994 г., предлагал кардинально сократить перечень оснований для приостановления, исключив из него п. 1 (неустановление лица). Авторы проекта исходили из того, что приостановление по данному основанию противоречит принципу неотвратимости ответственности и дестимулирует оперативно-розыскную деятельность. Вместо приостановления предлагалось передавать материалы в органы дознания для продолжения розыска без формального ведения следствия. Однако эта концепция была раскритикована практическими работниками, указавшими, что в условиях отсутствия достаточных ресурсов полный отказ от приостановления приведет к массовому нарушению сроков расследования [3; 4].

Второй проект, подготовленный в 1997 г. рабочей группой под руководством В.М. Савицкого, предложил компромиссный вариант: сохранить все три основания, но ввести предельные сроки приостановления. В частности, предлагалось, что по истечении шести месяцев приостановления по п. 1 (неустановление лица) уголовное дело должно прекращаться за истечением сроков давности, если они не были приостановлены. Этот подход вызвал дискуссию о соотношении приостановления и сроков давности. Как отмечал Л.В. Головко в своих работах по сравнительному уголовному процессу, именно в этот период отечественная доктрина обратилась к опыту западноевропейских стран, где институт приостановления либо отсутствует, либо заменяется механизмами «архивирования» дела с возможностью его возобновления [5].

Третий проект (2000 г.), который лег в основу принятого УПК РФ, окончательно закрепил четыре основания (добавив временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, а также направление судом запроса в Конституционный Суд РФ). Был введен запрет на производство следственных действий после приостановления, что подчеркнуло его временный характер [3].

В 1990-е годы развернулась острая полемика между сторонниками «розыскной» и «гарантийной» концепций приостановления. Первая настаивала на сохранении широких возможностей для приостановления в целях обеспечения полноты расследования. Вторая акцентировала необходимость ограничения приостановления во времени и усиления судебного контроля.

Указанные концепции получили развитие в трудах учёных, исследовавших основания и процедуру приостановления предварительного следствия [4; 6]. В работах И.Г. Смирновой обосновывается разграничение двух режимов: приостановление как временное прекращение процессуальных действий и как переход к оперативно-розыскной деятельности без проведения следственных действий. Данный подход позднее нашёл отражение в положениях УПК РФ [7]. Процессуальные гарантии для участников уголовного судопроизводства при приостановлении были детально проработаны Ю.В. Франциферовым, который акцентировал необходимость надлежащего уведомления и обеспечения права на судебное обжалование [8]. В свою очередь, В.Ю. Стельмах сосредоточился на дифференциации оснований приостановления и обоснованности сроков проведения розыскных мероприятий [9].

В современных исследованиях акцент смещается на адаптацию института к новым реалиям. В частности, анализируется влияние специальной военной операции на следственную практику «в условиях проведения СВО происходит переориентация следственных органов на расследование преступлений, связанных с военной сферой, что приводит к увеличению числа приостановленных дел по иным категориям ввиду объективной

нехватки кадровых и материальных ресурсов» [10]. Кроме того, судебная практика последних лет, по наблюдению автора, свидетельствует о росте активности участников процесса по обжалованию решений о приостановлении, что подтверждает реализацию гарантий, заложенных ещё в период разработки УПК РФ [10].

Принятый в 2001 г. УПК РФ (вступил в силу с 1 июля 2002 г.) закрепил в главе 28 (ст. 208–209) обновленную модель приостановления. Основные новеллы:

- расширение перечня оснований (добавлены: временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, препятствующее его участию в деле; местонахождение обвиняемого известно, но реальная возможность его участия отсутствует);
- установление запрета на производство следственных действий после приостановления (допускаются только меры по розыску и оперативно-розыскные мероприятия);
- введение правила о том, что срок приостановления не входит в общий срок предварительного расследования, но течение срока давности приостанавливается лишь при наличии обстоятельств, указанных в ст. 78 УК РФ;
- обязательность уведомления участников о приостановлении и разъяснения им права на обжалование.

Сопоставление итоговой редакции УПК РФ с ранее разрабатывавшимися проектами позволяет констатировать, что законодатель избрал путь компромисса. От идеи установления предельных сроков приостановления, активно продвигавшейся в проекте 1997 г. под руководством В.М. Савицкого, в конечном счете отказались. Вместо этого акцент был сделан на усилении процессуальных гарантий участников судопроизводства: введена обязанность уведомления заинтересованных лиц, расширены возможности судебного обжалования решений о приостановлении, а также исключена возможность производства следственных действий в приостановленном производстве, что подчеркнуло его временный характер. В последующие годы, в рамках изменений законодательства 2007, 2010, 2015 и 2020 гг., выработанная концепция оставалась стабильной, корректируясь лишь в части уточнений, направленных на совершенствование правоприменительной практики [11; 12].

Заключение

Подводя итог, следует подчеркнуть, что период разработки и принятия УПК РФ (1992–2001 гг.) стал ключевым этапом трансформации института приостановления предварительного следствия. В ходе работы над альтернативными проектами и развернувшихся научных дискуссий произошло кардинальное переосмысление сущности данного института: он перестал рассматриваться как способ формальной «консервации» расследования на неопределенный срок и приобрел качества правового механизма, призванного обеспечить разумный баланс между публичным интересом в раскрытии преступлений и правами личности на доступ к правосудию и соблюдение разумных сроков. Закрепленные в главе 28 УПК РФ новеллы — расширение перечня оснований приостановления, запрет на производство следственных действий, усиление гарантий обжалования и уведомления участников — не только отразили компромиссные решения, достигнутые в ходе законотворческого процесса, но и сохранили свою значимость для современной следственной практики. Сформировавшийся в конце XX века институт приостановления продолжает эволюционировать, демонстрируя способность адаптироваться к новым вызовам, включая цифровизацию уголовного процесса и изменение социально-политических условий [10]. Перспективными направлениями дальнейших изысканий могут стать оценка эффективности действующего регулирования в условиях цифровой трансформации правоохранительной деятельности, а также анализ развития судебной практики с учётом современных подходов к определению разумных сроков.

Список литературы:

[1] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. — М.: Наука, 1970. — 516 с.

[2] Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. — М.: Наука, 1985. — 239 с.

[3] Быков В.М. Приостановление производства по уголовному делу / В.М. Быков. — М.: Юридическая литература, 1998. — 189 с.

[4] Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / С.А. Шейфер. — Самара: Самарский университет, 2000. — 112 с.

[5] Головко Л.В. Сравнительное уголовно-процессуальное право: учебник /Л.В. Головко. — М.: Юрайт, 2020. — 512 с.

[6] Франциферов Ю.В. Институт приостановления предварительного следствия: проблемы теории и практики / Ю.В. Франциферов. — М.: Юрлитинформ, 2018. — 176 с.

[7] Смирнова И.Г. Уголовно-процессуальные гарантии прав участников при приостановлении предварительного следствия / И.Г. Смирнова. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2018. — 192 с.

[8] Стельмах В.Ю. Приостановление предварительного расследования: проблемы теории и

практики / В.Ю. Стельмах. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 168 с.

[9] Петухова Ж.П. Специальная военная операция как фактор изменения практики приостановления следствия / Ж.П. Петухова // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. — 2025. — Т. 27, № 4. — С. 161–170.

[10] Петухова Ж.П. Актуальные проблемы при принятии решений по уголовным делам после Октябрьской революции 1917 года / Ж.П. Петухова // Системно-деятельностный подход: криминалистика и правоохранительная практика : Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию доктора юридических наук, профессора Марата Константиновича Каминского, Ижевск, 22 ноября 2024 года. — Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2024. — С. 217–221.

[11] Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / В.М. Корнуков. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978. — 204 с.

[12] Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы: дис. … д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2002. – 520 с.

References:

[1] Strogovich M.S. Course of the Soviet criminal process. VOL. 2. - M.: Nauka, 1970. - 516 s.

[2] Petrukhin I.L. Individual freedom and criminal procedural coercion. - M.: Nauka, 1985. - 239 p.

[3] Bykov V.M. Suspension of criminal proceedings/V.M. Bykov. - M.: Legal literature, 1998. - 189 s.

[4] Shafer S.A. Investigative actions. Grounds, procedure and evidentiary value/S.A. Shafer. - Samara: Samara University, 2000. - 112 s.

[5] Golovko L.V. Comparative criminal procedure law: textbook/L.V. Golovko. - M.: Yurayt, 2020. - 512 s.

[6] Franziferov Yu.V. Institute for Suspension of Preliminary Investigation: Problems of Theory and Practice/Yu.V. Franziferov. - M.: Yurlitinform, 2018. - 176 s.

[7] Smirnova I.G. Criminal procedural guarantees of the rights of participants in the suspension of the preliminary investigation/I.G. Smirnova. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2018. - 192 s.

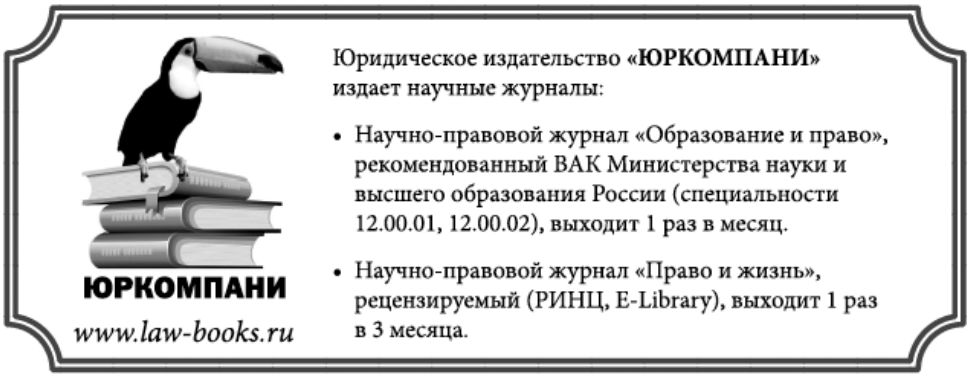
[8] Stelmakh V.Yu. Suspension of preliminary investigation: problems of theory and practice/V.Yu. Stelmakh. - M.: Yurlitinform, 2015. - 168 s.

[9] Petukhova J.P. Special military operation as a factor in changing the practice of suspending the investigation/J.P. Petukhova//Asia-Pacific region: economics, politics, law. — 2025. - T. 27, NO. 4. - S. 161-170.

[10] Petukhova Zh.P. Actual problems in making decisions in criminal cases after the October Revolution of 1917/Zh.P. Petukhova//System-activity approach: forensics and law enforcement practice: Collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 90th anniversary of the Doctor of Law, Professor Marat Konstantinovich Kaminsky, Izhevsk, November 22, 2024. - Izhevsk: Udmurt State University, 2024. - S. 217-221.

[11] Kornukov V.M. Procedural coercion measures in criminal proceedings/V.M. Kornukov. - Saratov: Sarat Publishing House. University, 1978. - 204 s.

[12] Kovtun N.N. Judicial control in criminal proceedings of Russia: concept, essence, forms: dis.... Dr. Jurid. sciences. - N. Novgorod, 2002. - 520 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-3-420-426

СОКОЛОВ Антон Николаевич,
Аспирант ОмГУ им. Ф. М. Достоевского,
e-mail: sokol_anton2001@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ, В ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. *В статье рассматривается развитие института обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном законодательстве Российской империи. Анализируется эволюция нормативного регулирования от казуистического закрепления отдельных случаев правомерного причинения вреда к формированию системного правового института. Отправной точкой исследования выступают законодательные акты эпохи Петра I — Артикул воинский 1715 г. и Морской устав 1720 г., в которых получили правовое закрепление положения о необходимой обороне («нужном оборонении»), а также были обозначены прообразы таких обстоятельств, как причинение вреда при задержании преступника, крайняя необходимость и исполнение приказа. Показано, что на данном этапе соответствующие положения носили фрагментарный характер и рассматривали причинение вреда в таких случаях преимущественно как противоправное, но ненаказуемое деяние. Дальнейшее развитие института связано со Сводом законов Российской империи 1832 г., где положения о необходимых основаниях освобождения от наказания впервые были систематизированы, а законодатель начал использовать конструкции «не вменяется в преступление» и «не вменяется в вину». Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. закрепило и развило данный подход, сформулировав перечень причин, при которых содеянное не вменяется в вину, включая случайность, принуждение, невменяемость и необходимую оборону. Особое внимание уделяется Уголовному уложению 1903 г., в котором обстоятельства, исключающие преступность деяния, были структурно выделены в самостоятельный институт и впервые разделены на две группы: исключающие виновность и устраняющие преступность деяния. Сделан вывод о том, что дореволюционное уголовное законодательство сформировало основные элементы рассматриваемого института и создало теоретико-правовую основу для его дальнейшего развития в современном уголовном праве.*

Ключевые слова: *обстоятельства, исключающие преступность деяния; необходимая оборона; крайняя необходимость; причинение вреда при задержании преступника; исполнение приказа; уголовное право Российской империи; Свод законов Российской империи 1832 г.; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.; Уголовное уложение 1903 г.*

SOKOLOV Anton Nikolaevich,
Postgraduate Student of Dostoevsky
Omsk State University

FORMATION OF THE INSTITUTION OF CIRCUMSTANCES EXCLUDING THE CRIMINALITY OF AN ACT IN THE PERIOD OF THE RUSSIAN EMPIRE

Annotation. *The article examines the development of the institution of circumstances excluding the criminality of an act in the criminal legislation of the Russian Empire. The evolution of legal regulation is analyzed from the casuistic consolidation of individual cases of lawful harm to the formation of a systematic legal institution. The starting point of the study is the legislative acts of the era of Peter I of Russia — the Military Articles of 1715 and the Naval Charter of 1720, which for the first time established legal provisions on necessary defense ("necessary defense") and also contained early prototypes of such circumstances as harm caused during the apprehension of an offender, necessity, and the execution of an order. It is shown that at this stage these norms were fragmentary in nature and the infliction of harm under such circumstances was*

primarily regarded as an unlawful but non-punishable act. Further development of the institution is associated with the Code of Laws of the Russian Empire of 1832, where the provisions on the grounds for exemption from punishment were first systematized, and the legislator began to use the legal constructions "not imputed as a crime" and "not imputed as guilt." The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 consolidated and developed this approach by establishing a list of causes under which an act is not imputed as guilt, including accident, coercion, insanity, and necessary defense. Particular attention is paid to the Criminal Code of 1903, in which circumstances excluding the criminality of an act were structurally distinguished as an independent legal institution and, for the first time, divided into two groups: those excluding guilt and those eliminating the criminality of the act itself. It is concluded that the pre-revolutionary criminal legislation formed the basic elements of this institution and created the theoretical and legal foundation for its further development in modern criminal law.

Key words: *circumstances excluding the criminality of an act; necessary defense; necessity; harm caused during the apprehension of an offender; execution of an order; criminal law of the Russian Empire; Code of Laws of the Russian Empire of 1832; Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845; Criminal Code of 1903.*

Период Российской империи занимает особое место в истории развития института обстоятельств, исключающих преступность деяния. Именно в это время происходит постепенный переход от казуистического закрепления отдельных случаев правомерного причинения вреда к формированию более системного регулирования соответствующих норм в уголовном законодательстве.

Начало данного процесса связано с реформами уголовного законодательства эпохи Петра I, в рамках которых в нормативных актах впервые получили закрепление положения, допускающие причинение вреда при защите личности и иных охраняемых законом интересов. Однако на первоначальном этапе такие нормы носили фрагментарный характер и еще не образовывали целостной системы.

В этой связи особого внимания заслуживают законодательные акты Петра I — Артикул воинский (Воинский устав) 1715 г. и Морской устав 1720 г. В них были не только развернуто регламентированы положения о необходимой обороне, но и закреплены прообразы таких обстоятельств, исключающих преступность деяния, как причинение вреда при задержании преступника, крайняя необходимость и исполнение приказа.

Необходимая оборона в законодательстве петровских времён впервые начала упоминаться как «нужное оборонение». Введение данного термина потребовало выделения специальных норм в самостоятельные главы «о смертоубийстве» как в Артикуле воинском, так и в Морском уставе. Это стало первым случаем, когда статьи о самообороне получили строго определённое место в правовом источнике. Размещение норм в данной главе объяснялось тем, что самозащита допускала убийство нападающего [6, с. 358-359]. При этом важно подчеркнуть, что необходимая оборона воспринималась как противоправное, но ненаказуемое деяние — вынужденная мера, а не правомерная защита [7, с. 60].

Положения Артикула воинского (арт. 156–157) и Морского устава 1720 г. (арт. 110) имели похожее содержание, однако различались по степени строгости и детализации. Если Артикул регулировал оборону при угрозе жизни, то Морской устав допускал её и при опасности для здоровья [4, с. 92], тем самым расширяя пределы допустимой защиты.

При этом именно Воинский устав, отличавшийся более детальной регламентацией норм, оказал наибольшее влияние на дальнейшее развитие необходимой обороны. В данном документе необходимая оборона рассматривалась исключительно с позиции самообороны — как право «обороны живота своего», то есть защиты собственной жизни (арт. 156). Однако Артикул (как и Морской устав) не содержал норм, допускавших защиту имущества обороняющегося или защиту жизни третьих лиц. Даже убийство ночного вора в Артикуле признавалось допустимым, поскольку он «не для единой кражи, но чтоб и умертвить, в дом ночью врываетца» (арт. 185).

В положениях Воинского устава уже отчётливо прослеживается принцип соразмерности защиты характеру посягательства (арт. 157): применение оружия допускалось прежде всего при вооружённом нападении, а при невооружённом — лишь в случае значительного превосходства нападавшего и возникновения «смертного страха». Аналогичный подход был закреплён и в Морском уставе, допускавшем оборону «когда крепко станет нападать и смертно бить» (арт. 110).

В Толковании арт. 157 были также сформулированы основные условия правомерности необходимой обороны: её своевременность, исключающая причинение вреда после прекращения посягательства (в частности, убийство убегающего рассматривалось как месть), отсут-

ствие провокации обороны со стороны защищающегося и наличие непосредственной опасности, выражающейся в реальной угрозе жизни или здоровью. Тем самым Воинский устав впервые в отечественном праве комплексно обозначил признаки правомерной необходимой обороны, многие из которых сохраняют значение и в современном уголовном праве.

В Артикуле воинском (арт. 24) и Морском уставе (арт. 7) устанавливался запрет на применение обороны против начальства: военнослужащий, поднявший оружие на командира, подлежал смертной казни независимо от наступивших последствий. Защита прав подчинённого допускалась лишь посредством обращения в воинский суд или к императору. Как отмечает С.В. Пархоменко, данные ограничения были обусловлены закреплением исполнения обязательного приказа как обстоятельства, исключающего преступность деяния, при котором ответственность за отданный приказ возлагалась на начальника, а подчинённый лишь обязан был его исполнить [10, с. 7].

Наряду с этим, в петровских законах получил развитие и прообраз института причинения вреда при задержании преступника. В соответствии с арт. 205 Воинского устава, в случае сопротивления осуждённого лицу, назначенному для его ареста, и невозможности задержания иными средствами причинение ему смерти не влекло наказания. Однако данное правило распространялось лишь на обычных преступников (например, воров) и не применялось к чрезвычайным преступникам — бунтовщикам и изменникам, убийством которых могло быть сокрыто участие их сообщников. Следует также отметить, что в Артикуле (арт. 206–207) и Морском уставе (арт. 140) устанавливалась обязанность задерживать преступника и пресекать его побег; лица, содействовавшие побегу либо не принявшие мер к задержанию, подлежали наказанию вместо самого преступника.

Касаясь прообраза крайней необходимости, важно подчеркнуть, что именно в Артикуле воинском и Морском уставе проявлялись черты, близкие к современному пониманию данного института [10, с. 7]. Так, Артикул воинский (арт. 154) относил к смертоубийству лишь те случаи, когда лишение жизни произошло «без нужды и без смертного страха». В арт. 180, посвящённом ответственности за уничтожение чужого имущества, содержалась оговорка: «разве по необходимой нужде востребуется и на то позволится», которая служила основанием освобождения от наказания и предполагала возмещение причинённого ущерба [2, с. 91]. Ещё более отчётливо данная идея была выражена в Толковании к арт. 195: «Наказание воровства обыкновенно умаляется или весьма оставляется, ежели кто из крайней голодной нужды (которую он доказать имеет) съестное или питейное, или иное что невеликой цены украдет». Аналогичное положение содержалось и в Толковании к арт. 131 Морского устава.

Как можно заметить, уголовное законодательство петровских времён не имело в своем содержании понятие крайней необходимости, в нём лишь акцентировалось внимание на крайности подобного состояния («крайняя голодная нужда» и др.) [2, с. 91].

Несмотря на более развитую по сравнению с предыдущими эпохами регламентацию отдельных обстоятельств, исключающих преступность деяния, законодательные акты Петра I все же не обладали необходимой строгостью и последовательностью в этом вопросе. Общие дефиниции рассматриваемых обстоятельств отсутствовали, а нормы имели преимущественно казуальный характер — они формулировались применительно к конкретным ситуациям или видам деяний [10, с. 7].

Лишь с появлением Свода законов Российской империи 1832 г. можно говорить о начале функционирования обстоятельств, исключающих преступность деяния как полноценного правового института: в законодательстве не только расширяется их количество, но и впервые появляется систематизированный перечень под единой терминологией, а отдельные нормы получают более чёткую конкретизацию.

Так, в Своде законов соответствующие положения впервые были представлены в систематизированном виде в Отделении первом «Об обстоятельствах, освобождающих от наказания» главы V «Об освобождении от наказания», включая: случайность (несчастный случай) (ст. 132); необходимую оборону (ст. 133–134); насильственное принуждение (ст. 135); безумие и сумасшествие (ст. 136–137); своевременное раскрытие соучастников в предусмотренных законом случаях (ст. 138); принятие христианской веры (ст. 139–140). Хотя формально указанные предписания относились к «освобождению от наказания», анализ их содержания демонстрирует использование различных по юридической природе конструкций.

В ряде случаев законодатель действительно исходил из модели освобождения от наказания при сохранении факта совершения преступления (например, положения о своевременном раскрытии соучастников — ст. 138; принятие христианской веры — ст. 139). В подобных ситуациях преступность деяния не ставилась под сомнение, речь шла лишь об освобождении от последствий его совершения.

Иная конструкция применялась в ст. 132, где указано, что действие, совершённое «случайно, без какого-либо умысла и намерения и даже без видимой неосторожности», «не вменяется подсудимому в преступление». Здесь законодатель не освобождал лицо от наказания за совершённое преступление, а констатировал отсутствие самого преступления вследствие исключения виновности.

Аналогичный подход был закреплён в ст. 135: деяние, совершённое по насильственному и непреодолимому принуждению, «не вменяется в вину». В ст. 136 установлено, что преступление, совершённое в состоянии безумия, также «не вменяется в вину». Во всех указанных случаях использовалась категория невменения, предполагая отсутствие одного из обязательных элементов преступления — вины.

Несмотря на размещение соответствующих положений в главе об освобождении от наказания, их содержание указывало на качественный сдвиг в правовом регулировании: законодатель оперировал категорией «не вменяется в преступление» и «не вменяется в вину», что свидетельствовало о постепенном переходе к осмыслению обстоятельств, исключающих преступность деяния, через категорию вины.

Особое значение имеет анализ норм о необходимой обороне (ст. 133–134). Свод сформулировал три обязательных критерия законности обороны (ст. 133): соразмерность, своевременность и вынужденность.

Соразмерность выражалась в требовании соответствия средств защиты характеру и интенсивности нападения: применение оружия против безоружного допускалось лишь при очевидном физическом превосходстве нападающего и наличии угрозы жизни. Своевременность предполагала отражение посягательства в момент возникновения опасности; при этом причинение смерти нападавшему, который уже прекратил нападение и пытался скрыться, рассматривалось как месть и вело к утрате права на оборону. Критерий вынужденности обязывал обороняющегося, насколько позволяет собственная безопасность, уклоняться, отступать и избегать причинения вреда.

Свод расширил сферу действия обороны (ст. 134): она допускалась не только для личной защиты, но и для защиты других лиц, включая случаи посягательства на их жизнь, здоровье или целомудрие женщин. Кроме того, оборона признавалась допустимой для охраны имущества, при условии последующего уведомления соседей и местного начальства о последствиях совершённого действия.

Указанные положения имели принципиально иной характер по сравнению с нормами об освобождении от наказания. Законодатель не просто освобождал лицо от наказания за совершённое преступление, а определял критерии правомерного поведения. Формулировка «оборона признаётся законной» указывала на допустимость причинения вреда при наличии установленных условий.

Тем самым в нормах о необходимой обороне фактически закреплялась модель правомерного причинения вреда, при которой деяние не рассматривалось как преступное при соблюдении предусмотренных законом пределов. Хотя терминологически отсутствовала прямая формула «не вменяется в преступление», сама конструкция законности обороны свидетельствует о движении к современному пониманию исключения преступности деяния.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. формально закрепило и развило конструкцию «исключения вины», намеченную в предшествующем законодательстве. Закон, как и в предшествовавшем правовом акте, оформил «обстоятельства» в виде последовательного, систематизированного перечня с детальной регламентацией каждой категории. Однако теперь данный перечень именовался «О причинах, при которых содеянное не вменяется в вину», что отражало стремление законодателя соотнести природу рассматриваемого института с понятием вины.

При этом в дореволюционной доктрине закреплялась альтернативная терминология: Л. С. Белогриц-Котляревский в своих трудах, опираясь на нормы действовавшего Уложения 1845 г., при описании «обстоятельств» использовал термин «причины, исключающие преступность деяния» [1, с. 228], тем самым приближая институт к его современному пониманию.

Перечень обстоятельств, при которых содеянное не вменялось в вину, в значительной мере воспроизводил положения Свода законов 1832 г. К ним относились (ст. 98): случайность; малолетний возраст; безумие, сумасшествие и болезни с помрачением рассудка или полной беспамятностью; случайную или вызванную обманом ошибку; непреодолимое принуждение; необходимую оборону. Указанный перечень по своему содержанию оставался неизменным как в первоначальной редакции Уложения, так и в последующих редакциях 1866 и 1885 гг.

Дальнейшие статьи Уложения (ст. 99–109) не столько вводили новые основания, сколько детализировали уже известные конструкции. Наиболее разработанной являлась регламентация невменяемости, получившая развёрнутое нормативное оформление с указанием на различные формы психического расстройства и соответствующие меры содержания.

Особое место занимала необходимая оборона, которая подробно регламентировалась ст. 107–109. В статье 107 законодатель устанавливал, что применение силы — вплоть до причинения ран, увечья или смерти — не вменялось в вину обороняющемуся, если нападение действительно создавало непосредственную опасность для его жизни, здоровья или свободы и при этом не было возможности обратиться за защитой к ближайшему начальству.

Оборона не вменялась в вину и при нападении разбойника, вора или при насильственном вторжении в жилище, а также при сопротивлении преступника задержанию, что свидетельствовало о слиянии данного обстоятельства с причинением вреда при задержании лица, совершившего преступление. Устанавливались и пределы: вред, причинённый после устранения опасности, квалифицировался как злоупотребление обороной и подлежал наказанию. Кроме того, обороняющийся был обязан немедленно уведомить соседей и начальство о случившемся.

В ст. 108 отдельно признавалась правомерность сопротивления женщины при насильственном посягательстве на её целомудрие и честь. Наконец, ст. 109 закрепляла, что оборона допускается не только для защиты себя, но и для защиты других лиц, находившихся в аналогичной ситуации.

Тем самым Уложение 1845 г. не создало принципиально новых обстоятельств, исключающих преступность деяния, а завершило процесс их систематизации и концептуального оформления через категорию исключения вины.

Добавим, что в дореволюционной уголовно-правовой доктрине указывались и иные «обстоятельства», которые не получили нормативного оформления в Уложении 1845 г. К их числу относили исполнение закона или служебной обязанности, исполнение приказа, крайнюю необходимость как самостоятельное обстоятельство, осуществление права и согласие потерпевшего [9, с. 295-306, 321-329; 8, с. 215-237; 11, 63-74].

Заключительным правовым актом данного исторического периода, представляющим интерес для настоящего исследования, является Уголовное уложение 1903 г. Несмотря на то, что Уложение так и не вступило в силу в полном объёме [3, с. 374], оно представляет собой значительный научный вклад в развитие рассматриваемого института. По мнению В.И. Михайлова, этот юридический документ, по сравнению с другими источниками российского уголовного права, действовавшими до него, отражал более высокий уровень правовой культуры и законодательной техники [5, с. 65].

Главной особенностью Уложения 1903 г. являлось то, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, были структурно выделены в отдельный институт — отделение четвёртое «Об условиях вменения и преступности деяния» главы «О преступных деяниях и наказаниях вообще».

Кроме того, в Уложении 1903 г. нормы, составляющие рассматриваемый институт, впервые были объединены в две основные категории. К первой относились обстоятельства, исключающие вменение в вину (виновность), — сюда входили невменяемость, малолетство, случай, принуждение или заблуждение (ст. 39–43). Вторая категория охватывала ситуации, устраняющие непосредственно преступность деяния, такие как исполнение закона или приказа, необходимая оборона, крайняя необходимость и использование негодного предмета (ст. 44–47).

Данное деление не является случайным, поскольку нормы первой группы начинались со слов «не вменяется в вину», тогда как статьи второй категории использовали выражение «не почитается преступным». Такое разграничение свидетельствует о качественном пересмотре законодателем юридической природы института обстоятельств, исключающих преступность деяния: если в Уложении 1845 г. все подобные основания рассматривались исключительно через призму отсутствия виновности, то Уложение 1903 г. впервые нормативно закрепило принципиальное различие между отсутствием вины субъекта и отсутствием преступности самого деяния.

Центральное место в системе по-прежнему занимала невменяемость. В ст. 39 Уложения 1903 г. закреплялось, что не вменяется в вину деяние, совершённое лицом, которое в момент его совершения не могло понимать свойства и значение совершаемого либо руководить своими поступками вследствие болезненного расстройства душевной деятельности, бессознательного состояния либо умственной отсталости, обусловленной физическими недостатками или болезнью. Новым являлось более чёткое законодательное подчёркивание двух критериев невменяемости — интеллектуального и волевого, а также детальная регламентация последствий применения этой нормы: допускалась передача лица под надзор родственников либо иных попечителей, помещение в медицинское учреждение, а при совершении особо тяжких деяний — обязательная госпитализация.

Отдельная регламентация была посвящена возрасту субъекта. В ст. 40 Уложения закреплялось правило об исключении вины за деяния малолетних, не достигших десяти лет. Вместе с тем в ст. 41 вводился более развитый институт так называемой относительной невменяемости

несовершеннолетних в возрасте от десяти до семнадцати лет: ответственность исключалась, если несовершеннолетний вследствие возрастных особенностей не мог понимать характера своих действий или руководить ими. Эта конструкция отсутствовала в Уложении 1845 г., где возрастная невменяемость сводилась лишь к малолетству.

Уложение 1903 г. дополняло указанные положения разветвлённой системой мер воспитательного воздействия: передача под надзор благонадёжных лиц, помещение в воспитательно-исправительные заведения, специальные условия содержания несовершеннолетних вплоть до достижения двадцати одного года, а также возможность направления девушек в монастыри соответствующего вероисповедания.

В ст. 42 Уложения закреплялась случайность как самостоятельное основание исключения виновности: не вменялось в вину деяние, последствия которого лицо не могло ни предвидеть, ни предотвратить.

Более дифференцированно была решена проблема ошибки. В ст. 43 Уложения 1903 г. незнание обстоятельства, обусловливающего преступность деяния либо усиливающего ответственность, исключало вменение соответствующего деяния или квалифицирующего признака. Указанные ситуации рассматривались в качестве причин невменения при условии, если они реально устраняли возможность предвидеть или предотвратить причинение вреда [5, с. 67].

Однако при неосторожных деяниях это правило не применялось, если незнание само явилось следствием виновной небрежности лица. Тем самым законодатель более чётко провёл разграничение между невиновной ошибкой и ошибкой, основанной на непростительной неосмотрительности, что представляло собой шаг вперёд по сравнению с общей формулировкой Уложения 1845 г.

Новым для российского уголовного законодательства стало включение в перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, исполнения закона и служебного приказа (ст. 44).

Причинение вреда во исполнение закона признавалось допустимым лишь при соблюдении совокупности условий: соответствующие действия должны были совершаться лицом, наделённым необходимыми полномочиями; осуществляться строго в пределах предоставленной компетенции и опираться на реальные, законные основания для их применения.

Аналогичные требования распространялись и на случаи исполнения приказа: преступность деяния исключалась лишь тогда, когда распоряжение исходило от надлежащего начальника, отдавалось в границах его властных полномочий, исполнялось с соблюдением установленной процедуры и не содержало явно преступного предписания. При этом регулирование, предусмотренное ст. 44 Уложения 1903 г., охватывало не только сферу военной службы, но и гражданские служебные отношения в целом [5, с. 67].

Необходимая оборона была закреплена в ст. 45 Уложения 1903 г. Закон значительно упростил её формулировку по сравнению с громоздкими предписаниями Уложения 1845 г. Оборона признавалась правомерной при отражении противоправного посягательства на личные или имущественные блага обороняющегося либо другого лица. Отдельно указывалось, что превышение пределов обороны вследствие чрезмерности или несвоевременности защиты наказывается лишь в случаях, прямо предусмотренных законом. Тем самым законодатель прямо закрепил саму категорию превышения и придал ей самостоятельное юридическое значение, чего в Уложении 1845 г. не было — там превышение регулировалось лишь косвенно через понятие злоупотребления обороной. Существенно расширился и объект защиты: помимо жизни и здоровья включались и имущественные интересы.

Впервые в российском уголовном праве была легально сформулирована крайняя необходимость. В соответствии со ст. 46 Уложения причинение вреда не признавалось преступным, если оно было совершено для спасения собственной жизни или жизни другого лица от опасности, возникшей вследствие угрозы, противоправного принуждения либо иных причин, при невозможности устранения такой опасности иными средствами. Аналогичная возможность допускалась и для защиты здоровья, свободы, целомудрия и иных личных или имущественных благ при условии, что причинённый вред был заведомо меньшим по сравнению с предотвращаемым. При этом законодатель сделал важную оговорку: положения о крайней необходимости не применялись, если само уклонение от опасности образовывало состав преступления.

Наконец, ст. 47 Уложения 1903 г. вводила в уголовный закон правило о так называемом мнимом объекте либо абсолютно непригодных средствах посягательства: преступным не признавалось деяние, направленное на несуществующий или заведомо непригодный предмет, если осуществление задуманного преступления было объективно невозможно.

Проведённый анализ правовых источников Российской империи позволяет прийти к выводу, что дореволюционное законодательство заложило основы моделей правового регулирования, воспринятых современным уголовным правом и доктриной.

Список литературы:

[1] Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части / Л. С. Белогриц-Котляревский. - Киев ; Санкт-Петербург ; Харьков : Южно-Русское книгоиздательство Ф. А. Иогансона, 1903. 618 с.

[2] Жигжитова Б.Б. Особенности развития института крайней необходимости в уголовном праве России // Пролог: журнал о праве. 2021. № 1. С. 88-95.

[3] Исаев М.А. История Российского государства и права: Учебник. — М.: Статут, 2012. 840 с.

[4] Кони А.Ф. О праве необходимой обороны: Рассуждение студента Анатолия Кони, напис. для получения степ. канд. по Юрид. фак. — Москва: Унив. тип. (Катков и К°), 1866. 104 с.

[5] Михайлов В.И. Институт правомерного вреда (обстоятельств, исключающих преступность деяния) в уголовном уложении 1903 г. // Журнал российского права. 2016. №5 (233). С. 65-72.

[6] Николаева Е.В. История развития института обстоятельств, исключающих преступность деяния / Е. В. Николаева. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 45 (492). — С. 358-362.

[7] Нуркаева М.К. Процесс становления и развития необходимой обороны по уголовному законодательству России // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 3 (19). С. 57-66.

[8] Очерк русского уголовного права : часть общая : преступление и преступники : наказание и наказуемые / [соч.] В. В. Есипова, экстраординарного проф. Имп. Варшавского ун-та. — Варшава : Тип. Варшавского учебного округа, 1894. — [2]. 419 с.

[9] Русское уголовное право. Часть общая : Пособие к лекциям / [Соч.] доц. С.-Петерб. ун-та и адъюнкт-проф. Воен.-юрид. акад. магистра Н.Д. Сергеевского. — Санкт-Петербург, 1887. — [4]. 434 с.

[10] Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. X. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. - М. Юрлитинформ, 2016. 512 с.

[11] Учебник русского уголовного права : Общ. часть / [Л.Е. Владимиров, проф. Имп. Харьк. ун-та]. — Харьков : изд. тип. Каплана и Бирюкова, 1889. — [2], IV, [2]. 253 с.

References:

[1] Belogrits-Kotlyarevsky L. S. Textbook of Russian Criminal Law. General and Special Parts. Kyiv; St. Petersburg; Kharkiv: South Russian Publishing House of F. A. Ioganson, 1903. 618 p.

[2] Zhigzhitova B. B. Peculiarities of the development of the institution of necessity in Russian criminal law. Prologue: Journal of Law. 2021. No. 1. pp. 88–95.

[3] Isaev M. A. History of the Russian State and Law: Textbook. Moscow: Statut, 2012. 840 p.

[4] Koni A. F. On the Right of Necessary Defense: An Essay by Student Anatoly Koni Written for Obtaining the Degree of Candidate of the Faculty of Law. Moscow: University Printing House (Katkov & Co.), 1866. 104 p.

[5] Mikhailov V. I. The institution of lawful harm (circumstances excluding the criminality of an act) in the Criminal Code of 1903. Journal of Russian Law. 2016. No. 5 (233). pp. 65–72.

[6] Nikolaeva E. V. History of the development of the institution of circumstances excluding the criminality of an act. Young Scientist. 2023. No. 45 (492). pp. 358–362.

[7] Nurkaeva M. K. The process of formation and development of necessary defense in Russian criminal legislation. Society, Law, Statehood: Retrospective and Perspective. 2024. No. 3 (19). pp. 57–66.

[8] Yesipov V. V. Essay on Russian Criminal Law: General Part — Crime and Criminals: Punishment and the Punishable. Warsaw: Printing House of the Warsaw Educational District, 1894. 419 p.

[9] Sergeevsky N. D. Russian Criminal Law. General Part: Lecture Notes. St. Petersburg, 1887. 434 p.

[10] Lopashenko N. A. (ed.). Criminal Law. General Part. Crime. Academic Course. In 10 vols. Vol. 10: Circumstances Excluding the Criminality of an Act. Moscow: Yurlitinform, 2016. 512 p.

[11] Vladimirov L. E. Textbook of Russian Criminal Law. General Part. Kharkiv: Kaplan and Biryukov Printing House, 1889. 253 p.

Для заметок

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

(№ 3 март)

2026 год

Подписано в печать 14.04.2026.
Формат 60x90/8. Печ. л. 53,5. Тираж 100 экз. Заказ № 27.

Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево Московской области, ул. Ленина, д.102.